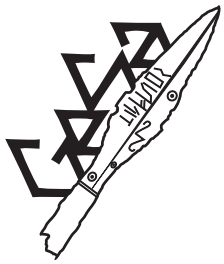

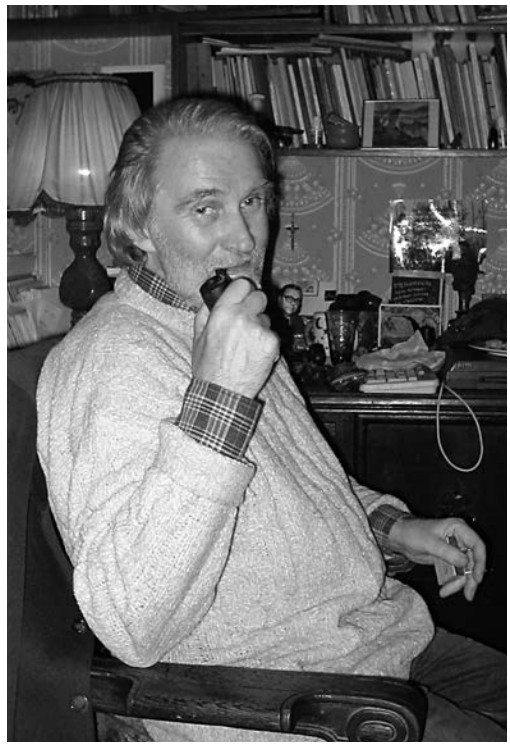
Калининградский областной историко-художественный музей

Курский государственный областной музей археологии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Посвящается памяти
Марка Борисовича Щукина
(1937—2008)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.

Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

Старшая Эдда,
Прорицание Вельвы
43—45

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Das Kaliningrader regionale istoriko-künstlerische Museum
Das Kursker staatliche regionale Museum der Archäologie

Germania — Sarmatia

II

Kaliningrad — Kursk
2010

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Калининградский областной историко-художественный музей
Курский государственный областной музей археологии

Германия — Сарматия

II

Калининград — Курск
2010

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК
ББК
Д 73

Утверждено к печати Ученым советом КОИХМ и КГОМА

Редакционный совет
Клаус Карнап-Борнхайм (Шлезвиг)
Войцех Новаковский (Варшава)
Вольдемарас Шименас (Вильнюс)
Аудронэ Блюэнэ (Клайпеда)
Мишель Казански (Париж)
Александр Симоненко (Киев)
Борис Магомедов (Киев)
Олег Шаров (Санкт-Петербург)
Ольга Щеглова (Санкт-Петербург)

Выпуск под редакцией
Ольга Щеглова, Мишель Казански, Войцех Новаковский

Рецензенты
д. и. н. Платонова Н. И., к. и. н. Никаноров В. П.

Научные редакторы
Галина Король

Редакция иноязычных текстов
Ярослав Прасолов

Составление и издание
Олег Радюш, Константин Скворцов

Верстка, оформление
Александр Крехов, Алексей Шолош, Олег Радюш

Д 73 Германия—Сарматия. Выпуск II. — Курск—Калининград: Издательство, 2010. — 350 с., илл. — 500 экз.
ISBN

В сборнике, посвященном памяти М. Б. Щукина представлены статьи по различным проблемам археологии варварского мира Европы и Рима от позднелатенского времени до начала эпохи великого переселения народов. Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам и краеведам.

УДК
ББК

© Авторы статей, 2010
© Радюш О. А., Скворцов К. Н., Крехов А. В., Шолош А. идея, составление, оформление, 2010

ISBN

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

М. Б. Щукин
Ранние вандалы
11

В. Новаковский
Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху переселения народов (на основании античных письменных источников и археологических находок)
29

Р. В. Терпиловский, Л. И. Билинская
Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме
41

С. В. Воронятов, Д. А. Мачинский
О времени, обстоятельствахи смысле появления сарматских тамг на германских копьях
53

О. В. Гопкало, В. С. Тылищак
Римские импортыиз металла на могильникеЧернелив-Русский
93

О. А. Радюш
Исследования поселения III—IV вв. н. э. у пос. им. Карла Либкнехта (Пены)
111

Ю. Ю. Башкатов
Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья
147

А. А. Васильев
Удила из княжеского погребенияу с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III—IV вв. н. э.)
173

О. В. Петраускас, Е. В. Синица
Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры
189

Г. В. Бейдин, К. В. Мызгин
Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры
211

М. В. Любичев
«Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III —начала IV в. (ступени C_{1b}—C_2)
225

Д. В. Акимов
Автохтонное население донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов
255

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К. Н. Скворцов, Т. Ибсен
Подкурганное захоронение всадника конца II в. н. э. на могильнике Березовка / Гросс Оттенхаген
267

О. А. Хомякова
Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры
289

Е. А. Калашников
Вновь выявленные погребальные памятники в Надровии и Самбии (Калининградская область)
305

Г. А. Вознесенская, М. Е. Левада
Металлографическое исследование предметов вооружения из раскопок могильника в Гаче
321

И. Р. Ахмедов
Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника на Оке
331

А. Е. Негин
Позднеримские шлемы с продольным гребнем
355

А. К. Нефёдкин
Военная организация Остроготского королевства(конец V — середина VI в.)
371

Пранас Куликаускас
В Кёнигсбергском университете (1938—40 гг.). Воспоминания
383

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Слово о Марке Щукине

Полное описание научной биографии Марка Борисовича Щукина и значения его научных работ для развития советской и современной российской археологии вряд ли может быть исчерпывающе сделано польским археологом, поэтому здесь лишь кратко охарактеризована та роль, которую его труды сыграли в польских исследованиях римского времени.

Марк Щукин участвовал в двух симпозиумах, посвященных проблемам вельбаркской культуры, состоявшихся в Польше. Это было особенно важно для общения с польскими исследователями древностей имперского периода римского времени, тем более что обе конференции не только в археологическом смысле принадлежали разным эпохам. Симпозиум, проведенный в 1979 г. в померанском Слупске, подводил итоги начатому в середине 1960-х годов продолжительному процессу выделения вельбаркской культуры как археологического единства[1]. Благодаря присутствовавшим на нем русским коллегам, прежде всего Юрию Кухаренко и Марку Щукину[2], стало возможно провести археологические наблюдения по всей полосе «готской зоны», которая появилась в раннеримское время и включала вельбаркскую культуру, масломенчскую группу, черняховскую (Сынтана де Муреш) культуру, от Балтийского моря до Черного моря и Нижнего Дуная.

Повторения этой встречи через пять лет в Люблине не произошло: коллегам из тогдашнего Советского Союза отказали в выезде в «мятежную» Польшу[3] периода «Солидарности». Только в 1987 г., уже во время горбачевской перестройки, в Люблин[4] на конференцию по вельбаркской культуре приехали многочисленные гости с востока, среди которых М. Б. Щукин — ключевая фигура[5].

В течение обоих упомянутых встреч он показывал лучшие качества ленинградского археологического сообщества, уникального явления в советской археологии того периода. «Ленинградская школа»[6], которую представляли также К. В. Каспарова с ее исследованиями зарубинецкой культуры[7] и исследователь славянского этногенеза

[1] Problemy kultury wielbarskiej / T. Malinowski (Hrsg.). Słupsk, 1981; Щукин М. Б. О симпозиуме «Проблемы вельбаркской культуры» в Слупске (Польша) // СА. 1981. № 3, с. 315—318.

[2] Szczukin M. B. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej / T. Malinowski (Hrsg.). Słupsk, 1981, s. 135–161.

[3] Zachodnia strefa osadnictwa kultury czermiachowskiej / J. Gurba (Hrsg.). Lublin, 1986.

[4] Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji) / J. Gurba, A. Kokowski (Hrsg.). Lublin, 1988–1989.

[5] Щукин М. Б. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim (materiały z konferencji) / J. Gurba, A. Kokowski (Hrsg.). Bd. II. Lublin, 1989, s. 195–215.

[6] Характерные особенности «Ленинградской археологической школы» отражены в статьях ее представителей, опубликованных в выпусках Археологического сборника Государственного Эрмитажа (АСГЭ), издания Отдела истории первобытной культуры (в настоящее время Отдел археологии Восточной Европы и Сибири), в котором долгие годы проработал М. Б. Щукин.

[7] Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. Вып. 17, с. 35—66; Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25, с. 108—117.

Д. А. Мачинский[8], отличалась замечательным знанием археологического материала и его объективным анализом с особенно внимательным отношением к хронологии[9]. Выбивающимися из общих правил были попытки объяснять археологические события исторически, что противоречило господствующему тогда в советской исторической науке и археологии «историческому материализму» с его «классовой борьбой». К самым значительным работам этого типа принадлежали статьи М. Б. Щукина, которые он публиковал в различных сборниках и журналах не только в СССР[10], но и в Польше[11].

С точки зрения польского исследователя, произведения М. Б. Щукина, посвященные раннему римскому времени, особенно важны для понимания ситуации в Среднем Поднепровье. Хронологическая и археологическая классификация древностей этого региона, в частности выделение так называемого горизонта Рахны — Почеп раннеримского времени[12] и констатация разрыва между этим «постзарубинецким» поселенческим горизонтом и более поздней киевской культурой, открыла польским археологам дорогу к поиску восточной области происхождения славянской экспансии в конце эпохи Великого переселения народов[13].

Наконец, следует упомянуть еще одну замечательную (и успешную!) книгу М. Б. Щукина «На рубеже эр» — объемное исследование об археологических и исторических событиях в Восточной Европе, изданную как на русском, так и на английском (в серии BAR) языках[14], которая уже 20 лет служит руководством в исследованиях по восточноевропейской археологии от Латена до начала римского времени.

М. Б. Щукин принадлежал к тем немногим археологам, которые умели видеть и осмыслять раннюю европейскую историю, учитывая все многообразие источников на наивысшем академическом уровне, и быть одновременно образцом научной активности и креативности — качеств, наследовать которые будет непросто для нового поколения ученых.

В. Новаковский

[8] Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 17, с. 82—100; Мачинский Д. А. Миграция славян в I тыс. н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. Москва, 1981, с. 31—52.

[9] Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20, с. 66—89.

[10] Щукин М. Б. Археологические данные о славянах II—VI вв. Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ. 1976. Вып. 17, с. 67—81; Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1, с. 70—83.

[11] Например, Shchukin M. B. The Balto-Slavic Forest Direction in the Archaeological Study of the Ethnogenesis of the Slavs // Wiadomości Archeologiczne. 1991. LI/1, s. 3—30.

[12] Щукин М. Б. Горизонт Рахны—Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986, с. 26—37.

[13] Godłowski K. Pierwotne siedziby Słowian. Wybór pism pod redakcją Michała Parczewskieg. Kraków, 2000; Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Kraków, 1988; Parczewski M. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen // Veröffentlichungen der osterreichischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte. XVII. Wien, 1993.

[14] Щукин М. Б. На рубеже эр. Санкт-Петербург, 1994; Shchukin M. B. Rom and Barbarians in Eastern and Central Europe, 1st century BC – 1st century AD. Oxford, 1989. (British Archaeological Reports — International Series 542).

Предисловие

Предлагаемый читателю сборник — второй выпуск новой научной серии под названием «Германия—Сарматия». Первая книга была издана в 2008 г. Калининградским областным историко-художественным музеем, наследником знаменитого кенигсбергского Prussia-Museum, основание которого в 1881 г. связано с именем основоположника прусской археологии Отто Тишлера. Именно в Кенигсберге-Калининграде хранились и хранятся сейчас материалы раскопок могильников Самбии и Натангии, на которых построена первая европейская схема периодизации древностей римского времени и эпохи переселения народов О. Тишлера. Эта первичная схема стала базой для основополагающих работ Г. Ю. Эггерса, К. Годловского, Я. Тейрала и У. Лунд-Хансен, создавших современную периодизацию древностей Центральной Европы и Скандинавии названных исторических эпох. Значительную роль в создании хронологии восточноевропейских древностей эпохи Латена и римского времени сыграл выдающийся российский ученый, доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института, профессор Санкт-Петербургского университета, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа Марк Борисович Щукин.

Большую часть своей научной деятельности Марк Борисович посвятил изучению сарматских и германских древностей, и идея взаимодействия Германии и Сарматии как двух крупнейших культурных миров Варварской Европы пронизывала все его работы. Именно М. Б. Щукин должен был стать ответственным редактором первого выпуска серии, но, не успев прочитать верстку, ушел от нас навсегда. Памяти великого российского ученого-археолога и посвящен второй выпуск «Германии—Сарматии». Сборник не ограничен хронологическими и территориальными рамками, как не ограничивал свои исследования и М. Б. Щукин. Его интересы простирались от берегов Ла-Манша до Великой Китайской стены, ученого волновали проблемы формирования кельтского мира, готского пути, черняховской археологической культуры и происхождения славян. Таким образом, название новой серии научного издания — «Германия—Сарматия» — отражает определенный аспект обширных интересов Марка Борисовича Щукина.

На рубеже эр европейский Барбарикум делился римлянами на два мира: «Германию» и «Сарматию». Германия ограничивалась с запада Рейном, с юга — Дунаем. Граница между Германией и Сарматией проходила по Висле. Сарматия простиралась к востоку от Германии до Нижнего Дона и областей Северного Причерноморья. Бескрайние пространства Германии и Сарматии не были заселены только германцами или сарматами, это были два обширных региона, где обитали многие племена, жившие, по мнению античных авторов, по двум различным культурным моделям и имевшие два отличных один от другого стереотипа поведения. Локализация местоположения племени либо атрибуция этнического стереотипа и определяли, по мнению античных авторов, его принадлежность к миру германцев или к миру сарматов.

Вот как описывает Корнелий Тацит в труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» населяющие Германию народы: «Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же,

как у свебов, а язык — ближе к британскому… Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеты переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (*Tac., Germ., 45, 46*). К германцам по тацитовской модели (опирающейся на строй языка, внешний вид, образ жизни, тип жилищ, характер вооружения) отнесены совершенно различные и значительно удаленные друг от друга племена: эстии, певкины и венеты. Заметим, что все они обитали отнюдь не в обозначенной Тацитом Германии, а в европейской Сарматии!

В пределах европейской Сарматии Клавдий Птолемей выделил ряд больших народностей, а именно: венетов — по всему Венедскому заливу Сарматского океана; певкинов и бастарнов — к северу от римской провинции Дакии; язигов и роксолан — по побережью Меотиды. Затем Птолемей перечислил народности по течению Вислы до южной границы страны. Тут упомянуты гитоны, финны, фругундионы, аварины и ряд других племен. Далее названы племена, занимающие территорию к юго-востоку от венедов: галинды, судины и ставаны. Между певкинами и бастарнами Птолемей помещает карпианов, между бастарнами и роксоланами — хунов. Как можно видеть, среди племен, заселявших европейскую Сарматию, есть и германцы (гитоны-готы, фругундионы-бургундионы, аварины-варины), и балты (галинды, судины, ставаны), и фракийцы (карпианы), и народы между германцами и кельтами (певкины и бастарны), и даже тюрки (хуны).

Из этих пассажей античных авторов видно, что германцы и сарматы в то время не воспринимались как этносы в современном понимании термина. Это были конгломераты различных племен, говоривших на разных языках, не осознававших себя как сарматы или германцы, но имевших достаточно близкий образ жизни, который во многом определял модель их поведения в мирной и военной жизни, их внешний вид, снаряжение и отличал по этим признакам одних от других. Германцы и сарматы включали в себя как племена, постепенно терявшие этническую идентификацию, так и обретшие в дальнейшем свою историческую прародину и вектор развития.

Остается еще много белых пятен в изучении каждого хронологического среза истории римского времени и эпохи переселения народов. Подчеркнем, что не следует воспринимать данную научную серию как сборники статей, посвященных исключительно теме контактов германцев с сарматами в понимаемом в современной литературе[1] смысле деления этих народов. Новая серия «Германия—Сарматия» преследует определенную цель — показать многообразие контактов как внутри каждого из этих культурных миров, так и между ними на широком историческом фоне взаимодействия европейского Барбарикума и Римской империи.

Идея издания настоящей серии зародилась на границе Германии и Сарматии Тацита — Птолемея, на Янтарном берегу, в городе Калининграде, в котором и сегодня ощущается его пограничное положение между Центральной Европой и Россией. До сих пор идут споры между польскими и российскими исследователями о названии археологической культуры, к которой относится большинство могильников Янтарного берега римской эпохи и переселения народов: Самбийско-Натангийская, Долькайм-Ковров или все же группа западнобалтской культуры? Были ли эстии балтами или германцами? Автохтоны они или аллохтоны? Думается, неслучайно первая книга «Германии—Сарматии» по инициативе Константина Скворцова и Олега Радюша начала собираться именно в Калининграде под эгидой Областного историко-художественного музея. Появление новой серии вызвало большой научный интерес со стороны европейских и российских ученых,

[1] См., например, сборники последнего десятилетия: Sarmaci i Germanie. Studia Sarmatica. T. I. Lublin, 2004; Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4.Jahrhundert nach Christus. Neumunster, 2003.

нашло положительный отклик[2] в ходе обсуждения отдельных статей и всего сборника на ряде международных конференций.

Через два года после выхода первого выпуска к изданию следующего подключился еще один из крупнейших профильных музеев России — Курский государственный областной музей археологии. В его экспозициях и фондах представлены значительные археологические коллекции римского времени и эпохи переселения народов, происходящие из памятников, расположенных у восточных границ европейской Сарматии. Это материалы киевской и черняховской культур, антские клады и многое другое. Стремление понять связь двух различных культурных миров I—V вв. н. э., граница между которыми была весьма зыбкой и то исчезала, то передвигалась далеко на восток (как это было, например, в период формирования черняховской культуры), издавна служило источником творческой активности целого ряда отечественных ученых. Все эти проблемы были знаковыми и для М. Б. Щукина, одного из ведущих исследователей черняховской культуры, который и сам отдал дань полевому исследованию памятников римского времени в Курской области. Таким образом, отныне и в научно-организационном смысле «Германия — Сарматия» оправдывает свое «биполярное» название.

Хочется пожелать идейным вдохновителям и ответственным редакторам серии — О. Радюшу и К. Скворцову — творческих успехов и открытий, а данному выпуску, посвященному памяти Марка Борисовича Щукина, дальнего и благополучного плавания в бескрайнем океане познания истины.

О. В. Шаров,
М. М. Казанский

[2] Исключение составляет единственное мнение (удивительно субъективное и пристрастное) одиозного автора В. И. Кулакова.

Центр междисциплинарных исследований социальных стрессов, Сан-Марино

семинар «Вандалы»

сентябрь 2002 г.

Публикуемая работа представляет собой перевод на русский язык доклада М. Б. Щукина, прочитанного в сентябре 2002 г. на международном круглом столе «Вандалы», организованном Центром междисциплинарных исследований в республике Сан-Марино. Ежегодные встречи там проводились по инициативе итальянского мецената Аугусто Аусенда. Этнолог по образованию, он старался в рамках общего круглого стола объединить доклады специалистов разных профессий: историков, лингвистов, археологов, палеоэтнологов, посвященные конкретному варварскому народу римского времени и раннего средневековья. Участники заранее обменивались текстами на английском или французском языках, в Сан-Марино происходило лишь их подробное обсуждение, публиковавшееся затем вместе с докладами. Материалы последних круглых столов, посвященных вандалам и бургундам, остались неопубликованными в связи с кончиной организатора. Перевод текста доклада М. Б. Щукина сделан с английского оригинала, посланного автором М. М. Казанскому. К сожалению, присланный экземпляр не сопровождался иллюстрациями — картами и рисунками материала пшеворских погребений Украины, которые Марк Борисович продемонстрировал в Сан-Марино. Поэтому издатели сборника сами подобрали иллюстрации, аналогичные показанным в Сан-Марино.

GERMANIA-SARMATIA II

Ранние вандалы

История ранних вандалов является довольно туманной, свидетельства древних авторов и археологии полны противоречий и неопределенностей. Плиний Старший был первым из древних авторов, который упоминал этот народ, назвав его вандилиями (*Pliny H. N. IV, 99*). Были ли они теми же самыми вандалами, упоминавшимися позднее, неясно.

Плиний был чиновником высшего ранга в римской армии. В 47 г. н. э. он служил префектом кавалерийской алы во время кампании Гнея Карбуло против германцев в низовьях Рейна, у него была возможность встретиться с германцами вне Рейна. Он служил вместе с молодым Титом Флавием, будущим императором. Плиний стал членом близкого окружения семьи Флавия, и с его приходом к власти он занимал ряд верховных административных и военных должностей: был прокуратором Нарбоннской Галлии и Испании, тогда же он стал адмиралом, префектом флота в Мезии, где находилась главная база римских военно-морских сил.

Из-за своего высокого административного и военного положения Плиний, возможно, владел некоторыми секретными данными, собранными римской разведкой. У римлян было два основных источника сведений о племенах Центральной и Северной Европы. В 5 г. н. э. римский флот оказался возле полуострова Ютландия и достиг Балтийского моря. Тогда римляне получили очень важную информацию во время специальной экспедиции, организованной императором Нероном в поисках янтаря для художественного оформления гладиаторских представлений (*Pliny H. N. XXXVII, 45*). Эта экспедиция открыла морскую дорогу к янтарным залежам Южной Прибалтики. Напомним, что древний Янтарный путь проходил по суше: из Аквилеи на Адриатическом море к берегу Балтийского моря около современного Калининграда, очень богатого янтарем, через Карнунтум на Среднем Дунае и территорию современной Польши (*Spekke, 1957*; *Wielowiejski, 1980*; *Щукин, 1998*). По мнению Е. Колендо, эта экспедиция была не столько торговой акцией, сколько дипломатическим и политическим актом (*Kolendo, 1981*).

Согласно Плинию, многочисленные племена германцев сформировали пять больших групп, можно сказать союзов: ингевоны, гермионы, истевоны, вандалы и бастарны. В качестве членов союза вандилиев он назвал племена бургундов, варинов, гариев и гутонов. Он не указывал местоположение каждой группы племен, но порядок очевиден — с запада на восток. Вандилии располагались где-то между истевонами и бастарнами.

Позднейшее местоположение более или менее ясно по информации Страбона в его «Географии» (*VII, 2, 4*; *3, 17*). Согласно ему, три племени бастарнов заняли место «в глубине континента»

GERMANIA II

Рис. 1. **Карта племен Свободной Германии по Корнелию Тациту** (по: *Тацит, 1969*)

Abb. 1. **Die Stammesgebiete der Germanen in *Germania Magna* nach Cornelius Tacitus**

между низовьями Дуная — *Istros* и Днепром — *Borisphenus* (*Shchukin, 1989, p. 74—77*; *2001*; *Щукин, 1994, с. 107—137, 152—167*). Это вопрос спорный, и я не буду углубляться в его детали.

Плиний погиб в 79 г. н. э. во время извержения Везувия, и это дает хорошую дату *ante quem* для его информации: после этого он не написал ни строчки.

Вандалы были также упомянуты Корнелием Тацитом в начале его книги «Происхождение германцев и местоположение Германии» (*Tac. Germ. 2*), хотя несколькими строками ниже, где он описал размещение различных германских народов, вандалы не были названы (*Tac. Germ. 27—46*). На их месте появился «союз» (лига) лугиев, состоящий из разных племен: гариев, гельвеконов, манимов, наганарвалов и других. Они заняли равнины к северу от горной гряды, разделяющей Свевию-Германию (*Tac. Germ. 43, 44*). Возможно, Тацит имел в виду гряду Карпатско-Татрских-Судетских гор (***рис. 1***).

Корнелий Тацит был также весьма информированным человеком. Он долгое время управлял римской провинцией Бельгика в низовьях Рейна. Его отец был близким другом Плиния. Молодой Корнелий стал членом римского Сената, он был чиновником высшего ранга в военном управлении провинции Верхняя Германия на Рейне, губернатором которой был будущий император Домициан. Тогда же, очевидно, он и начал собирать информацию о германцах и Германии. Его книга «Германия» выглядит, как сообщение сотрудника

разведывательной службы его командованию. Она была закончена в 98 г. н. э.

Согласно письменным источникам, неясно, были ли вандилии, упомянутые Плинием и Тацитом, теми же самыми племенами, которые фигурировали в более поздних источниках, как вандалы, или вандилии Плиния и лугии Тацита были одним и тем же народом под различными названиями?

Фактически самое раннее участие вандалов в исторических событиях было отмечено Иорданом (*Iord. Get. 26, 95*). Согласно ему, три корабля готов где-то покинули остров Скандза и высадились около устья Вислы, они победили местное население ульмеругиев, осевших на берегу океана — Балтийского моря, и также подвинули соседние племена вандалов: «прибавили их в список своих завоеваний» (*erumunque vicinos Vandalos iam tune sabiugantes suis aplicavere victories*) (*Iord. Get. 26*).

Считать Иордана надежным источником, конечно, нельзя, поскольку он жил на пятьсот лет позже и в своей истории опирался на готские героические песни и саги. Мы не знаем точно, происходили ли эти события в действительности. Некоторые исследователи высказывают по этому поводу сомнения (*Hachmann, 1970*). Если мы все же предполагаем, что информация Иордана отражает реальные события, то мы не знаем, когда они произошли. Некоторые известные нам данные, тем не менее, позволяют предположить дату готско-вандальского столкновения.

Иордан сообщал, что готский король Филимер, который решил переселить свой народ от берегов Балтики в землю Ойум — Скифию на Черноморском побережье, был пятым королем после Берига, предводителя готского переселения из Скандинавии (*Iord. Get. 26, 95*). Неизвестно, как долго каждый король жил и правил. Поскольку мы не имеем никаких данных, то можем лишь условно предполагать, что этот срок мог составлять около двадцати лет.

По информации Петра Патриция, готы закрепились на Черноморском побережье и в низовьях Дуная уже около 238 г. н. э. (*Pet. Patr. fr. 8*). Имеются также косвенные данные о том, что некоторые группы или отдельные представители готов находились в нижнем течении Дуная и ранее, в 170 г. н. э. Я имею в виду свидетельства «Scripta Historia Augustae» (*SHA, Max. 1, 4—6*) и Иордана (*Iord. Get. 83*) о происхождении римского императора Максимина Фракийца. Он родился приблизительно в 173 г. н. э. во фракийской деревне в нижнем течении Дуная, его отец был готом, а мать из племени алан. Итак, согласно расчетам, готы Берига встретили вандалов на Висле 100—120 годами ранее — в середине или конце I в. н. э.

Ситуация, описанная Иорданом, хорошо подтверждается археологическими данными. Налицо значительные изменения в первой половине I в. н. э. в культуре Померании. Захоронения в могильниках так называемой оксывской культуры прекратились, появились новые места погребений с каменными кругами и другими конструкциями (***рис. 2***). Обряды погребений этого типа характерны для различных частей Скандинавии. Возникли новые формы артефактов: браслеты, золотые и серебряные гроздевидные подвески и др. Вновь прибывшее население отличалось от своих оксывских предшественников и их южных соседей — носителей пшеворской культуры — тем, что не помещало оружие в могилы. Возможно, на это существовало табу. Этот новой феномен связывается с возникновением вельбаркской культуры (*Wołagiewicz, 1974*; *1981a, b*; *1986*; *Shchukin, 1989, p. 292—302*; *Щукин, 1994, с. 244—278*).

Приблизительно 100—120 лет спустя, во второй половине II — первых десятилетиях III в. н. э. вновь произошли еще некоторые изменения. Могильники вельбаркской культуры прекратили свое существование на территории Померании между Одером и Вислой, и эти земли запустели. Однако, вельбаркские памятники появились на территории Мазовии в междуречье Вислы и Западного Буга. Одновременно с этим в регионе исчезли пшеворские памятники (***рис. 3***) (*Wołagiewicz, 1981a*; *Dąbrowska, 1981*; *Щукин 1994, рис. 96, 97*).

В тот же самый период можно было отметить продвижение вельбаркского населения в юго-восточном направлении (*Szczukin, 1981*; *Wołagiewicz, 1993*; *Kokowski, 1999*; *Bierbrauer, 1994*). Серия вельбаркских памятников и элементы этой культуры были зафиксированы на территории Западной Украины — на Волыни (*Кухаренко, 1980*; *Kozak, 1992*), в бассейне Южного Буга (*Хавлюк, 1988*), Молдавии (*Рафалович, 1986*; *Шаров, 1992*;

Рис. 2. **Пшеворская культура фаз B_1/ B_2/C_1** (по: *Wandalowie…, 2004*)

Abb. 2. **Przeworsk-Kultur in der Phase B_1/B_2/C_1**

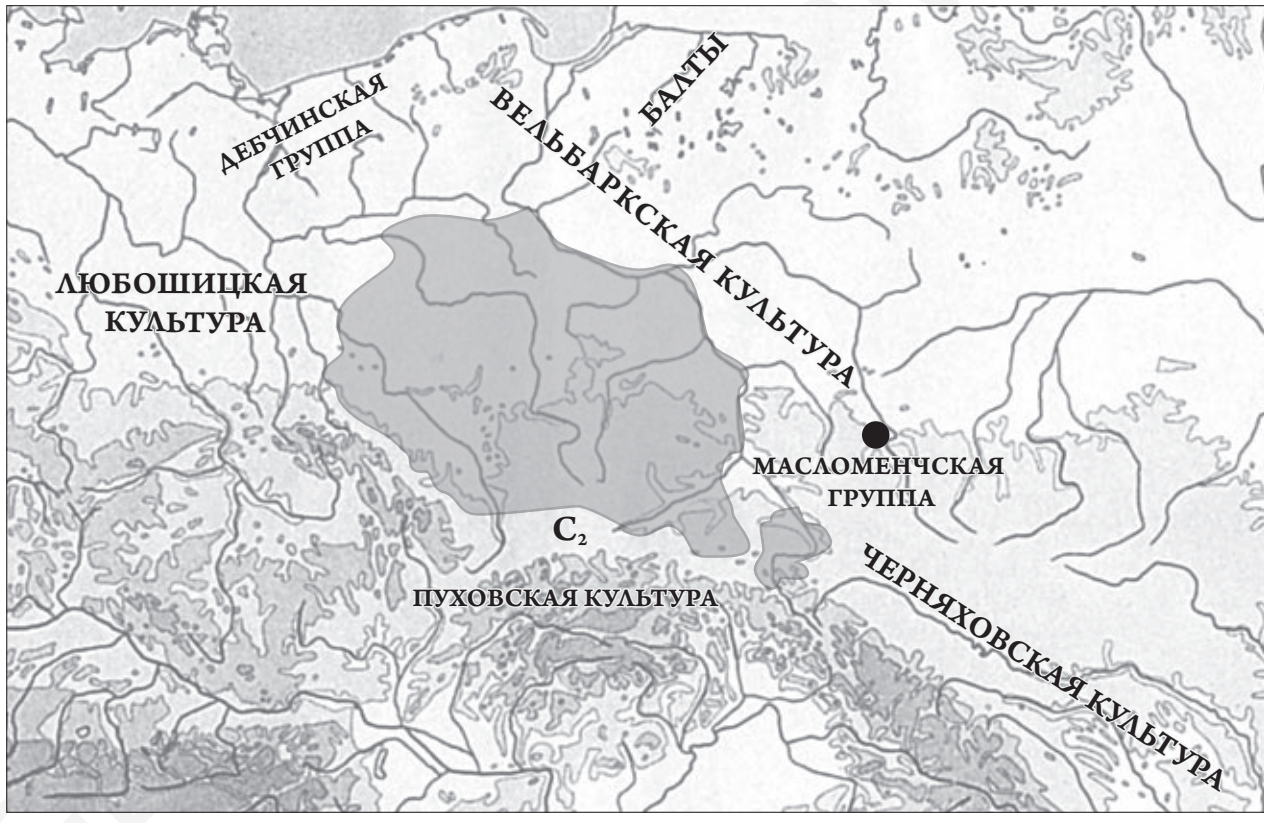

Рис. 3. **Пшеворская культура фазы C_2** (по: *Wandalowie…, 2004*)

Abb. 3. **Przeworsk-Kultur in der Phase C_2**

Кашуба и др., 2001—2002) и даже в довольно отдаленных местах, в частности, в бассейне р. Сейм, восточнее Днепра (*Кухаренко, 1970*; *Szczukin, 1981, ryc. 4*) и в Нижнем Подунавье (***рис. 4***) (*Irimia, 1983*; *Щукин, 1994*). Вероятно, эта археологическая картина отражает движения готов к Черноморскому побережью, и кажется также вероятным, что их соседями в современной Польше были вандалы Иордана, лугии Тацита и вандилии Плиния. Поскольку пшеворская культура выглядит достаточно монолитно в течение столетий, можно было предположить, что это был один и тот же народ, известный под различными названиями. Я несколько упрощаю ситуацию, в действительности процессы отношений местного населения с вновь прибывшими и их отражение в археологическом материале было намного более сложными.

Похоже, что население пшеворской культуры принимало участие в реконструированных выше событиях. Одновременно с появлением готов на территории Померании и процессом формирования вельбаркской культуры на Волынь и Верхнее Поднестровье, а также земли, которые ранее, возможно, принадлежали бастарнам, проникают пшеворские элементы, как это показано в работах ряда авторов (*Smiszko, 1932*; *Kropotkin, 1977*; *Козак, 1984*; *Kozak, 1992*). Известны поселения с пшеворской керамикой, специфическая группа погребений Гринев — Звенигород, а также небольшие могильники в бассейне Верхнего Днестра. Эти погребения характеризует сочетание пшеворских, дакийских и сарматских культурных элементов (***рис. 5***) (*Shchukin, 1989, p. 276—286*), что перекликается с описанием певкинов-бастарнов Тацита (*Tac. Germ. 46*). Возникает волынско-подольская, или зубрицкая группа поселений (*Kozak, 1992*).

Позже, во второй половине II — начале III в. н. э., когда население вельбаркской культуры начало движение в юго-восточном направлении, часть населения пшеворской культуры, видимо, также участвовала в этом процессе. В Верхнеднестровском бассейне были обнаружены отдельные кремации с такой особенностью пшеворского погребального обряда, как ритуально испорченное оружие — Добростаны, Иване Злоте и т. д. (*Smiszko, 1932*; *Козак, 1984*).

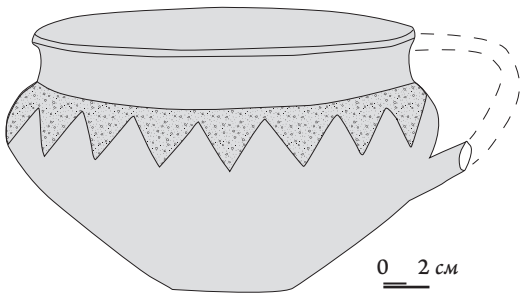

Рис. 4. **Миска из урновой кремации в Мангалии** (по: *Щукин, 1994, рис. 94: 4*)

Abb. 4. **Ein Schüssel Bestattungsurne aus Mangalia**

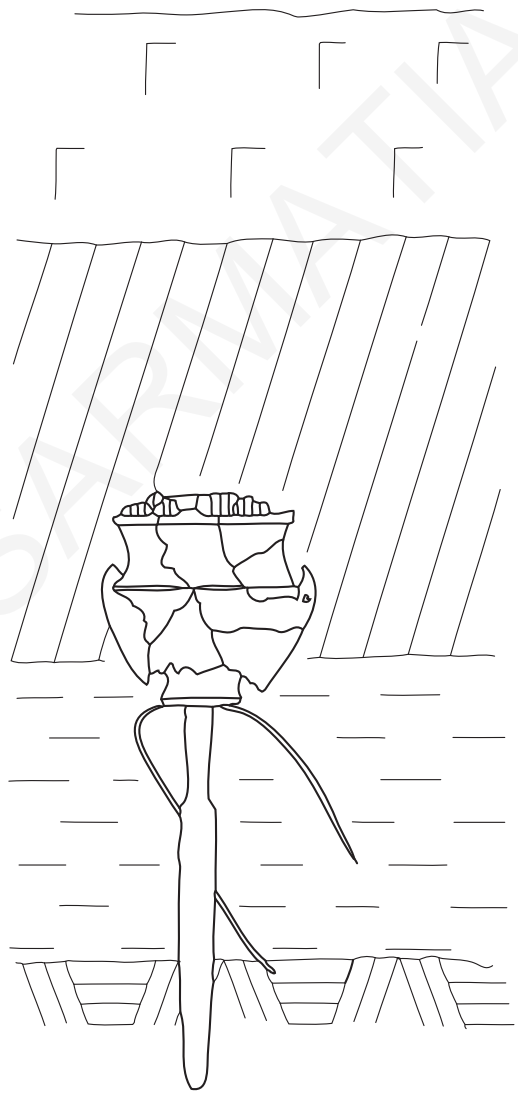

Рис. 5. **Погребение 15 (1953) из могильника Гоева гора — Звенигород** (по: *Свешников, 1957*)

Abb. 5. **Grab 15 (1953) vom Gräberfeld Goeva gora – Zvenigorod**

GERMANIA-SARMATIA II

Типичное пшеворское погребение было найдено в д. Громовка возле истока р. Южный Буг (***рис. 6***) (*Dąbrowska, Godłowski, 1970*). Некоторые пшеворские элементы отмечены и на поселениях так называемого киевского типа, или ранней киевской культуры далеко на востоке, например в Картамышево Курской обл. в верховьях р. Псел, левого притока Днепра. Е. А. Горюнов обнаружил здесь чернолощеную керамику, орнаментированную свастиками, типичную для пшеворской культуры (***см. рис. 7: 2, 4 — в статье Воронятова, Мачинского в наст. сборнике***).

В первой половине или середине III в. н. э. на территории Восточной Европы сформировалась мощная черняховская культура. Она представляла собой многокомпонентную культурную общность, включавшую как местные, так и пришлые, прежде всего вельбаркские, элементы. Для больших биритуальных могильников черняховской культуры III—IV вв. н. э. кремации с оружием в массе не характерны, но все же они присутствуют, к примеру, на могильнике Тыргшор в Румынии (*Diaconu, 1965*), Оселивка на Верхнем Днестре (*Никитина, 1988*), Будешты в Молдове (*Федоров, 1960*) или Компанийцы в Полтавской обл. Украины, в восточной части Среднего Поднепровья (*Махно, 1971*) что позволяет предполагать участие пшеворского населения в формировании нового культурного единства (***рис. 7—9***).

Если мы правы в том, что пшеворская культура I в. н. э. принадлежит вандилиям-лугиям-вандалам древних авторов, то мы могли бы сделать еще один шаг в прошлое, так как пшеворская культура сформировалась уже в конце III — начале II в. до н. э. и просуществовала без особых резких изменений в течение шести столетий до конца IV — начала V в. н. э. (***рис. 10***). Большинство пшеворских могильников Центральной Польши функционировало в этот период. Естественно мы не знаем, как это население называлось в III—I вв. до н. э., можно ли считать их вандалами или нет. Страбон и другие авторы хранят молчание.

Пшеворская и оксывская культуры, локализующиеся на территории современной Польши, — интереснейшее явление предримского и римского времени в Центральной Европе. Прежде всего поражает большое количество оружия, в том числе ритуально испорченного, в погребениях обеих культур (*PZP, 1981, pl. VIII—XII*). Ни в одной из соседних культур нет такого количества оружия: мечей, щитов, копий и прочего, а если и есть отдельные находки, то они, как правило, связаны с пшеворским или оксывским влиянием (*Hachmann, 1957*; *Martens, 1994*).

Наличие или отсутствие оружия в могилах еще не свидетельствует о характере населения — воинственном или миролюбивым, это лишь особенность погребального обряда. Однако факт присутствия большого количества оружия в составе инвентаря указывает на степень милитаризации общества. В качестве примера можно привести современный Афганистан, Чечню и так далее, где почти каждая семья, каждый мужчина имеет автомат Калашникова или еще более серьезное оружие.

Специальное исследование А. Кетлинской (*Kietlinska, 1963*) показало, что пшеворское общество было не только милитаризировано, но также имело строгую военно-социальную структуру, которую оно сохранило на протяжении всего периода своего существования со II в. до н. э. до IV в. н. э.

Ни для кого не секрет, что все культуры так называемого третьего мира (*Щукин, 1994, с. 15—26*) Северной и Восточной Европы — ясторфская на стадиях Рипдорф и Зеедорф, пшеворская и оксывская, зарубинецкая и Поянешти—Лукашевка — во II—I вв. до н. э. находились под сильным влиянием кельтской цивилизации. Вуаль кельтской латенской культуры покрывала все упомянутые сообщества.

Чрезвычайно важным представляется то, что большинство типов раннего пшеворского вооружения воспроизводит кельтские формы. Это и длинные мечи с так называемым колоколообразной гардой, широколезвийные «дамаскированные» копья, умбоны щитов, шпоры и т. д., каждый из которых имеет прототип в кельтском мире.

Кельты, как известно, проникают на территорию современной Польши в Силезию, в район современного Вроцлава в IV в. до н. э. на стадиях Bl и B2a латенской хронологии (*Shchukin, 1989, p. 41—43*). Там обнаружен ряд характерных могильников и поселений. Большинство памятников было обобщено и издано З. Возняком (Woźniak, 1970).

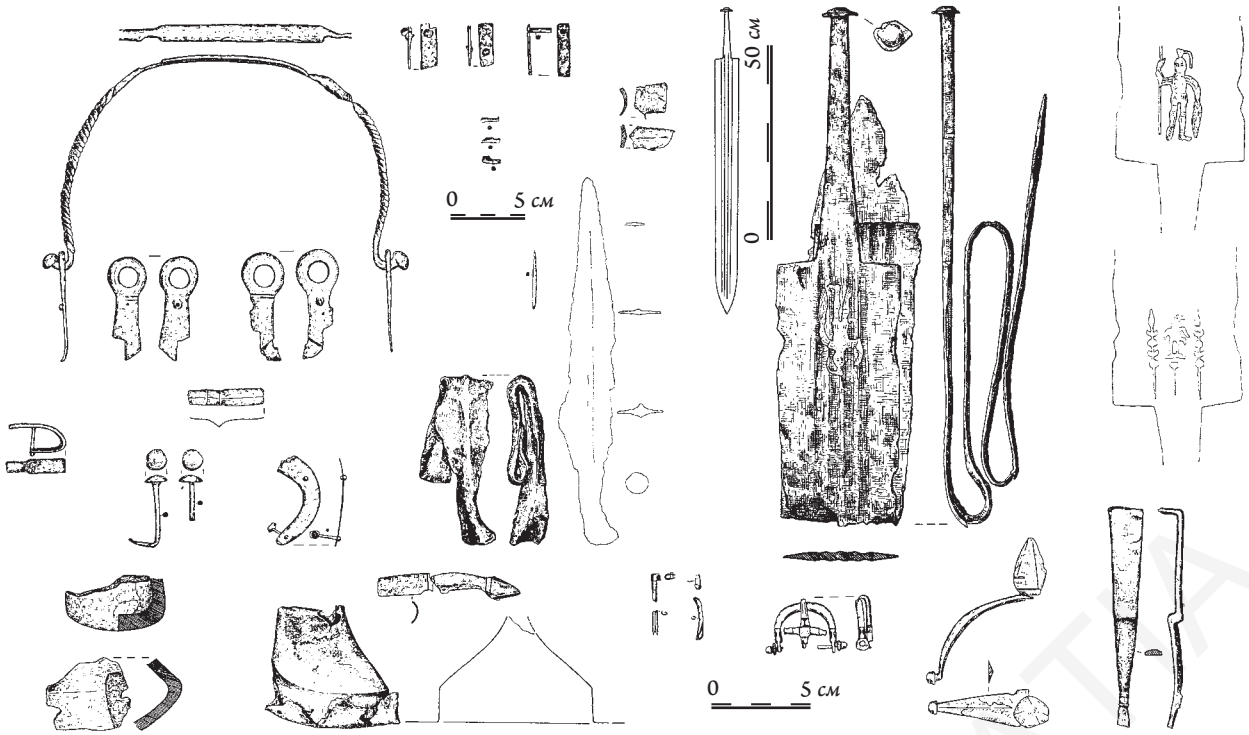

Рис. 6. **Погребение из с. Громовка** (по: *Dąbrowska, Godłowski, 1970*)

Abb. 6. **Grab vom Gromovka**

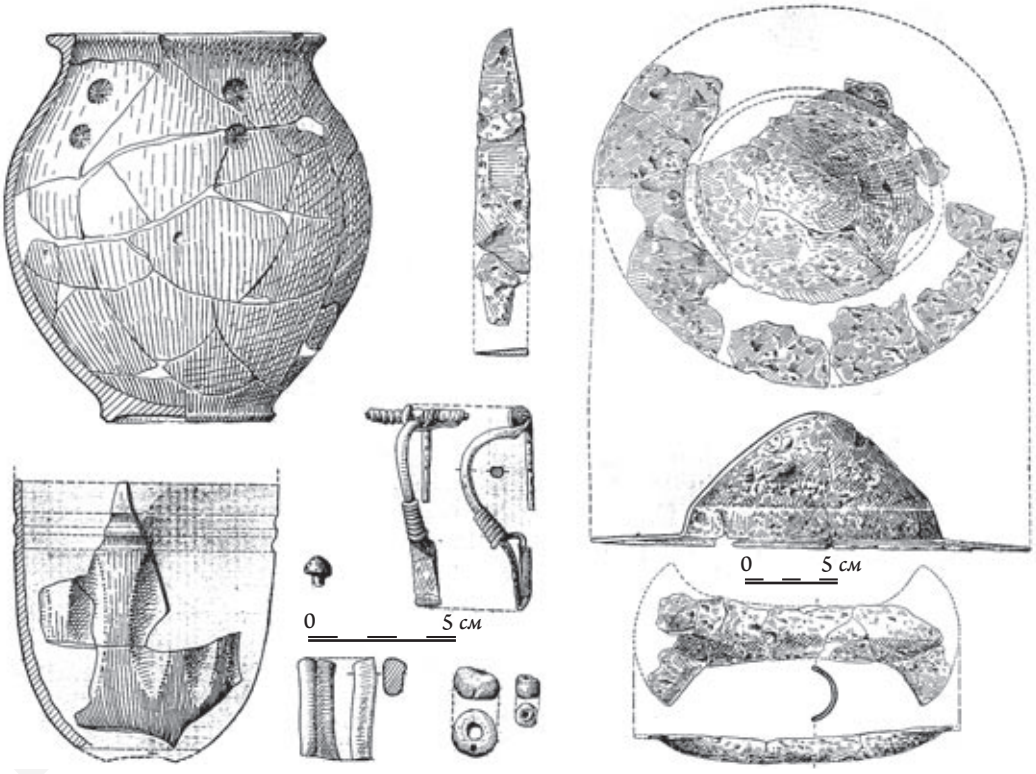

Рис. 7. **Погребение 147 из могильника Тыргшор** (по: *Diaconu, 1965*)

Abb. 7. **Grab 147 vom Gräberfeld Tyrgšor**

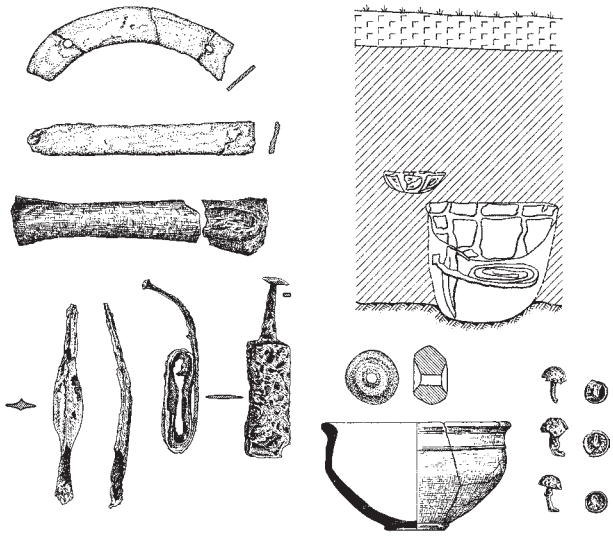

Рис. 8. **Погребение 70 из могильника Оселивка**
(по: *Никитина, 1988*)

Abb. 8. **Grab 70 vom Gräberfeld Oselivka**

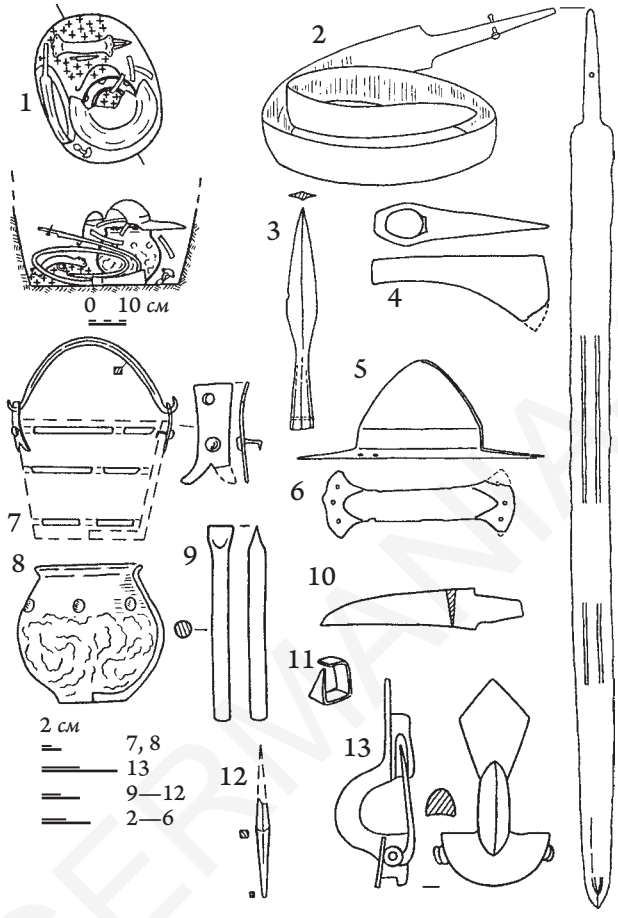

Рис. 9. **Погребение 86 из могильника Компанийцы**
(по: *Некрасова, 2006*)

Abb. 9. **Grab 86 vom Gräberfeld Kompanijcy**

Это был период «кельтской исторической экспансии», согласно Я. Филипу (*Filip, 1956*). Кельты захватили Северную Италию и начали военную деятельность в восточном направлении, ближе к Иллирии и Балканскому полуострову, где они должны были встретиться с самой могущественной державой этого периода, царством Филиппа II и Александра Македонского.

Переговоры между Александром и кельтскими послами зафиксированы в 335 г. до н. э. (*Arr. 1, 4; Strabo VII, III, 2*). Обеспечив себе тыл, уже на следующий год македонский царь начал свою Восточную кампанию. Это выглядит как соглашение о разделении мира на сферы интересов между двумя «великими державами» — кельтами и македонцами. Не исключено, что деятельность кельтов в области Карпат и в Силезии была связана с этим соглашением, однако подробности этого нам неизвестны.

Храбрость и боевые навыки кельтских воинов были хорошо известны в античном мире в этот период. Именно поэтому почти все правители эллинистического Средиземноморья использовали кельтских наемников как «лейб-гвардию» и элитные войска, своего рода «коммандос». Например, они привлекались Пирром из Эпира, фараонами Птолемеевой династии Египта и Митридатом Великим Понтийским. Возможно эти воины знали не только, как обращаться со специфическими видами оружия, но также владели некоторыми тайнами психотехник, подобных тем, которые широко использовались возникшими много позднее школами восточных единоборств (ушу, тхэквондо и т. п.).

Позже, на стадиях С1 и С2 латенской хронологии в III—II вв. до н. э. начался новый этап кельтской истории — «Среднеевропейской консолидации». Кельты были побеждены в Малой Азии в 241 г. до н. э., затем они ушли из Фракии в 213 г. до н. э., а племя бойев было изгнано от Италии в современные чешские земли в 192 г. до н. э. В результате значительная масса населения сконцентрировалась в Центральной Европе, а военное сословие потеряло свою власть в кельтском обществе. Это была своего рода «перестройка», когда торговцы и ремесленники постепенно вышли на ведущие социальные позиции.

GERMANIA BARBARA

Рис. 10. **Пшеворская культура на рубеже IV—V в. н. э.** (по: *Wandalowie…, 2004*)

Abb. 10. **Przeworsk-Kultur am Übergang vom 4. zum 5. Jh.**

Рис. 11. **Пшеворская культура в позднее предримское время фаз A_1—A_3** (по: *Wandalowie…, 2004*)

Abb. 11. **Przeworsk-Kultur in der späten vorrömischen Eisenzeit, Phasen A_1–A_3**

Однако кельты Силезии оказались изолированными от основной группы кельтских народов горами. Возможно, социальные изменения не коснулись их и они сохранили социальную структуру периода «Исторического расширения».

В начале II в. до н. э., когда начался процесс формирования новой культуры — пшеворской, исчезает и группа силезских кельтов (***рис. 11***). Вероятно, они были вовлечены в эти процессы (*Dąbrowska, 1988, s. 106—114*) бок о бок с другими силами: наследниками поморской культуры в Польше, выходцами с островов Балтийского моря и Скандинавии, носителями ясторфской культуры и губинской группы и т. д. (*Dąbrowska, 1988*; *Shchukin, 1989, p. 38—49*). Детали этих процессов были блестящие исследованы Т. Добровской (*Dąbrowska, 1988*).

Новое пшеворское сообщество унаследовало от кельтов не только формы вооружения, но и социально-военную организацию, а также особенности психологии и религию. Так, известное кельтское святилище на горе Слеза использовалось и в пшеворское время (*Woźniak, 1970, s. 65—75*). Для кельтов было традиционным помещение в могилы сломанного и погнутого оружия, и только от них носители новой культурной общности могли заимствовать этот обычай.

Нельзя забывать, что в противоположность пшеворскому населению при погребении кельты использовали главным образом ингумацию, однако, кремация им тоже была известна. Оба обряда отмечены на кельтских памятниках Силезии (*Woźniak, 1970*).

Если мы правы в нашем предположении, это могло бы объяснить ряд явлений, связанных с пшеворской культурой. Прежде всего это касается групп памятников в средней части бассейна Эльбы-Заале, в области Ветеррау на Майне, группы Крагхеде на полуострове Вендсиссель Ютландии и пр. (*Hachman, 1957*; *Godłowski, 1978*; *Peschel, 1978*; *Dąbrowska, 1988*; *Martens, 1994*).

На всех этих памятниках присутствуют некоторые пшеворско-оксывские черты: безурновые кремации, ритуально испорченное оружие и характерные типы керамической посуды. Временные рамки этого феномена довольно широки: самая ранняя — среднелатенская фибула варианта А согласно классификации Е. Костжевского из могильника Ладебург Крайс Цербст (*Grimm, 1932, s. 69 и сл.*; *Hachmann, 1957, s. 67*; *Dąbrowska, 1988, s. 161*), позднейшие — ряд фибул варианта К середины I в. до н. э. (*Dąbrowska, 1988, s. 161*; *Еременко, Щукин, 1992*).

Широкая дата материала не позволяет точно сказать, было ли это археологическое явление связано с вторжением кимвров и тевтонов, или с более поздними событиями — такими, как экспансия германских племен под руководством Ариовиста в юго-западном направлении во время Юлия Цезаря (*Еременко, Щукин, 1992*).

Между прочим, у Плутарха в пересказе Посидония есть интересное свидетельство относительно кимвров: «Никто не мог выдержать их храбрость и отваги, в поединках они действовали своими руками столь же быстро, как огонь» (*Plout. Mar. XI*). Возможно, это могло являться результатом владения определенными психотехниками.

Согласно тем же самым авторам, кимвры пришли из восточных областей, помещенных на границе Кельтикума и Скифии. Есть также ряд археологических свидетельств того, что народы пшеворской, оксывской и зарубинецкой культур могли принять участие в действиях кимвров и тевтонов (*Еременко, Щукин, 1992*).

Факт присутствия некоторых пшеворских групп в областях, находившихся в стороне от основной области, занятой культурой, может быть объяснен другой причиной. Возможно, традиции наемничества были унаследованы у кельтов периода «Исторической экспансии». Большинство упомянутых памятников, выявленных вне территории пшеворской культуры, находились в контексте местных культурных традиций. Возможно, эти могилы были погребениями пшеворских наемников или военных поселенцев, используемых местными правителями племен.

Позже формы вооружения изменились под римским влиянием (*Godłowski, 1992*), но пшеворская культура сохранила свой воинственный характер и свою военно-социальную структуру. Хотя кремации с оружием получили широкое распространение почти на всей территории европейского Барбарикума в римский период и эпоху Великого переселения народов, население пшеворской культуры едва ли потеряло

свою традиционную роль поставщика искусных воинов.

Например, пшеворские элементы можно было найти в милитаризованной звенигородской группе I в. н. э. в Верхнем Поднестровье (*Smiszko, 1932*; *Shchukin, 1989, p. 276—286*; *Kozak, 1992*). Интересно отметить, что художественное оформление ножен меча в одном из местных погребений сохранило некоторые особенности кельтского художественного стиля Гундеструп (*Kozak, 1992*).

Пшеворское население играло важную роль на протяжении Маркоманских войн 167—180 гг. (*Godłowski, 1984*). Для конца II — начала III в. н. э. известна серия единичных погребений пшеворских воинов на Украине (***рис. 12***) (*Smizsko, 1932*; *Dąbrowska, Godłowski, 1970*; *Kropotkin, 1977*; *Козак, 1984*). Пшеворские типы умбонов щитов были найдены даже в глубине восточноевропейской лесной зоны (*Kazanski, 1991, p. 19, fig. 6: 10—12*; *Спицын, 1896, рис. 5: 109, табл. 18: 16*; *Гуревич, 1962, с. 177, рис. 52: 6*).

Пшеворский ритуал порчи оружия и помещения его в кремации представлен также на могильниках IV в. в Цебельдинской долине на восточном побережье Черного моря (*Воронов, 1975, рис. 36, 37*; *Воронов, Шенкао, 1982*; *Bortoli-Kazanski, Kazanski, 1987*; *Гей, Бажан, 1997*). Очевидно, это был контингент римских вспомогательных войск, набранный из варваров, размещенный в стратегически важном пункте Кавказа.

Нужно вспомнить также такую выдающуюся фигуру эпохи Великого переселения народов, как Стилихон, варвар, который достиг максимально возможного положения в римской армии и государстве. Де-факто он являлся правителем Западной Империи в 395—408 гг. н. э. Возможно не случайно, что он был вандалом, его прямые предки были носителями пшеворской культуры. На консульском диптихе из слоновой кости в соборе Монца он был изображен с щитом, украшенным каннелированным умбоном (***рис. 13***) (*Delbrueck, 1929, p. 242—248, taf. 63*). Очень похожие по форме умбоны были найдены на поздних пшеворских памятниках: Добродзень, Ольштын, Жадовицы и Новый Двор (*Godłowski, 1970, p. 26, 110, MH IV, 14*), подобная концентрация находок на пшеворской территории также, возможно, не случайна.

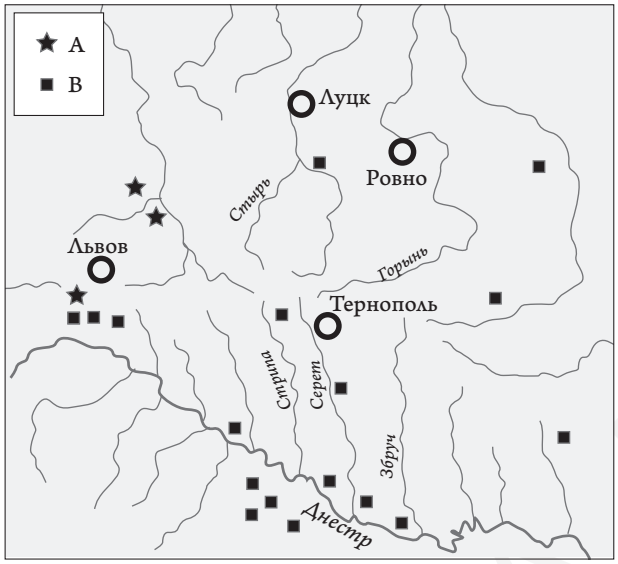

Рис. 12. **Одиночные и групповые пшеворские погребения (фазы B_2—C_2) в верховьях Днестра и Южного Буга.** A — групповые погребения, B — одиночные погребения (по: *Козак, Прищепа, 1999*)

Abb. 12. **Einzel- und mehrpersonenbestattungen der Przeworsk-Kultur (Phasen B_2–C_2) im Oberlauf vom Dnistr und Südlichen Bug:**
A – Mehrpersonenbestattungen; B – Einzelbestattungen

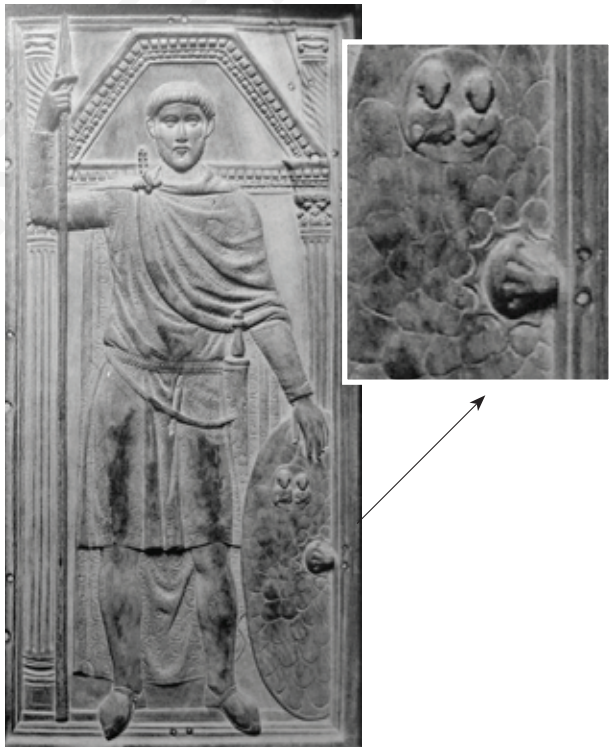

Рис. 13. **Стилихон, фрагмент диптиха** (по: *L'art byzantin, 1932*)

Abb. 13. **Stilicho, Diptychon-Fragment**

Рис. 14. **Карта распространения конических умбонов с каннелированным куполом**: 1 — Хинова; 2 — Уйхартян; 3 — Тысавалк-Кендерфолдек; 4 — Тысадоб-Сигед; 5 — Тысакарад-Инаша; 6 — Будешти; 7 — Мушов; 8 — Добродзень; 9 — Ольштын; 10 — Залиски; 11 — Крикштонис; 12 — Керчь; 13 — Красная Поляна; 14 — Цебельда (по: *Istvánovits, Kulcsár, 1992; Kokowski, 1996*)

Abb. 14. **Verbreitungskarte der konischen Schildbuckeln mit Kannelüren**: 1 – Hinova; 2 – Ujhartyan; 3 – Tiszavalk-Kenderfoldek; 4 – Tiszadob-Szeged; 5 – Tiszakarád-Inasai; 6 – Budeşti; 7 – Mušov; 8 – Dobrodzień; 9 – Olsztyn; 10 – Zaliski; 11 – Krikštonis; 12 – Kerč'; 13 – Krasnaja Poljana; 14 – Tsibilium

Похожие каннелированные, рифленые и граненые умбоны[1] известны также и в других местах (***рис. 14***): Венгрии, Литве, Крыму и в Цебельдинской долине (*Godłowski, 1970, p. 1—10*; *Bortoli-Kazanski, Kazanski, 1987, fig. 12: 11, 28*; *Istvánovits, Kulcsár, 1992*). Концентрация каннелированных умбонов в долине Верхней Тисы в Венгрии (*Istvánovits, Kulcsár, 1992*) была также, возможно, связана с активностью вандалов, носителей пшеворской культуры (*Godłowski, 1994, s. 80*). Интересно, что земли вокруг Северных Карпат были заняты вандалами-хастингами при короле Визимире в IV в. н. э. Какая то их часть, разбитая готским королем Геберихом, перешла на службу в империю и была поселена в Паннонии (*Iord. Get. 113—115*).

Мы не знаем, были ли граненые и каннелированные умбоны щитов специфической чертой вооружения воинов-вандалов, но это вовсе не исключено. Вполне возможно, что отдельные группы вандалов-федератов приняли участие в обороне восточных рубежей Римской империи, хотя в письменных источниках об этом нет никаких свидетельств.

[1] Н. Цилинг, современный специалист по деталям щитов латенского и римского периодов, классифицировал каннелированные и граненые умбоны как тип Т и отметил девять таких находок в пяти пунктах на территории Польши и Венгрии (*Zieling, 1989, S. 160—162, Taf. 19, Kat. № 996—998, 1000, 1001, 1319, 1320, 1961, 2006*). На самом деле они более многочисленны в Польше (*Godlowski, 1970, p. 26, 110, pl. IV: 14*) и в верховьях Тисы (*Istvánovits, Kulcsár, 1992*). Сюда входит и находка середины IV в. н. э. в местечке Уйхартян около Будапешта на территории Паннонии (*Bona, 1961. p. 207, fig. 1; 2: 2*). Находки в Керчи-Пантикапее на Госпитальной улице (*Засецкая, 1993, табл. 16: 42, 43*) и в Абхазии (*Воронов, Шенкао, 1982, рис. 5*) Н. Цилингом не были учтены.

Я не хотел бы чрезмерно преувеличивать влияние пшеворской культуры на военное искусство древней Европы, но думаю, что было бы ошибкой недооценить его. Никто не знает, где находится «золотая середина». Идея кельтского воинского наследия выглядит довольно привлекательной, но я понимаю, что надежно доказать это невозможно — слишком мало информации содержится в наших источниках. Таким образом это пока только гипотеза.

Литература

Воронов Ю. Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. Москва.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. Москва.

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» на территории Восточной Европы и Кавказа. Москва.

Гуревич Ф. Д., 1962. Древности Белорусского Понеманья. Москва; Ленинград.

Еременко В. Е., Щукин М. Б., 1992. Кимвры, Тевтоны, Кельто-Скифы и некоторые проблемы хронологии среднего и позднего Латена // Проблемы хронологии Латена и римского периода. Санкт-Петербург.

Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. // МАИЭТ. Вып. III.

Кашуба М. Т. Курчатов С. И., Щербакова Т. А., 2001— 2002. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Козак Д. Н., 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров`ї і Західному Побужжі. Київ.

Козак Д. Н., Прищепа Б. А., 1999. Нова пам'ятка пшеворської культури на Волині // Археологія. № 4.

Кухаренко Ю. В., 1970. Погребение у с. Пересыпки // Древние славяне и их соседи. Москва.

Кухаренко Ю. В., 1980. Могильник Брест-Тришин. Москва.

Махно Є. В., 1971. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні. Вип. 1. Київ.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Никитина Г. Ф., 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицой обл. // Могильники черняховской культуры. Москва.

Рафалович И. А., 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев.

Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.

Свешников И. К., 1957. Могильники Липицкой культуры в Львовской области (Раскопки у сс. Звенигород и Болотное) // КСИИМК Вып. 68.

Тацит Корнелий, 1969. Анналы. Малые произведения. Т. 1 // Соч. в 2-х тт. (Серия «Литературные памятники»). Ленинград.

Федоров Г. Б., 1960. Грунтовый могильник Малаешты // МИА. № 82. Москва.

Хавлюк П. И., 1988. Вельбарские памятники в бассейне Южного Буга // Kultura wielbabarska w mlodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin.

Шаров О. А., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 1998. Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. Вып. 4. Санкт-Петербург.

L'art byzantin. 1932. Paris.

Bierbrauer V., 1994. Archëologie und Geschichte der Goten vom 1. – 7. Jahrhundert // Frümittelalterische Studien. Bd. 28. Berlin; New York.

Bóna I., 1961. Üz Uihartyáni germán lovassir // Archaeologiai Értesitő. T. 88. Budapest.

Bortoli-Kazanski A., Kazanski M., 1987. Les sites archéologiques datés du IV-e au VII-e siècle au Nord et au Nord-Est de la Mer Noire: état des recherches // Collège de France centre de recherche d'histoire et civisation de Byzance. (Travaux et memoires; Vol. 10). Paris.

Dąbrowska T., 1981. Kultura przeworska a kultura wielbarska na Mazowszu i Podlasie // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Dąbrowska T., 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia – zasięg – powiązania. Warszawa.

Dąbrowska T., Godłowski K., 1970. Grob kultury przeworskiej z Hromówki na Ukraine // Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagellońskiego. Prace Archeologiczne. Z. 12. Kraków.

Delbrueck R., 1929. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte. Bd. 2. Berlin.

Diaconu Gh., 1965. Tirgsor: Necropla din secolele III–IV e. n. Bucureşti.

Filip J., 1956. Keltove ve Středni Europē. Praha.

Godłowski K., 1970. The Chronology of the late Roman and early Migration Periods in Central Europe // Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagellońskiego. Prace Archeologiczne. Z.11. Kraków.

Godłowski K., 1978. Zu Besiedlungsverändurengen in Schlesien und der Nachbarraumen während der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // Zeszyty naukowe Universiteteu Jagellónskiego. 485. Prace archeologiczne. Z. 26. Kraków.

Godłowski K., 1984. «Superiores barbari» ud die Markommanenkriege im Lichte archäologischer Quellen // Slovenska archeologia. T. XXXII-2. Bratislava.

Godłowski K., 1992. Zmiany w uzbrojeniu ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich // Arma et ollae. Lódź.

Godlowski K., 1994. Die Barbaren nördlich der Westkarpaten und das Karpatenbecken — Einwanderung, politische und militärische Kontakte // Die römische Reich und seine Nachbarn im Bereich der Karpaten. Kolloquium. Pécs 15–16. Oktober 1993. Specimina Nova, vol. XI, fasc. I. Pécs

Grimm P., 1932. Ostgermanische Siedlung und Gräberfeld bei der Wüstung Federtitz bei Ladeburg, Kr. Jerichow I. // Jahresschrift für die Vorgeschichte der sächsisch-thüringischen Länder. Bd. 20. Halle.

Hachmann R., 1957. Ostgermanische Funde der Spätlatenezeit in Mittel- und Westdeutschland // Archaeologia Geographica. Bd. 6. Hamburg.

Hachmann R., 1970. Die Goten und Skandinavien. Berlin.

Irimia M., 1983. Date noi privind necropolele din Dobrogea în a doua epocă a fierului // Pontica. 1983. Vol. XVI. Constanţa.

Istvánovits, E., Kulcsár, V. 1992. Pajzsos temetkezések a Dunától keletre esö kárpát-medencei Barbaricumban // Nyíregyházi Jósa András Múzeum Evkönyve. XXX–XXXII (1987–1989). Nyiregyhaza.

Kazanski M., 1991. Quelques objects baltes trouvés en Gaule datés entre la fin du IV-e siècle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // Archéologie Médiévale. T. XXI. Paris.

Kietlińska A., 1963. Struktura spoleczna ludności kultury przeworskiej // Materialy starozytne. T. 9. Warszawa.

Kolendo J., 1981. A la recherche de l'ambre baltique. L'expidition d'un chavalier romain sous Neron. Warszawa.

Kokowski A., 1996. W kwestii rozprzestrzeniania się umb z facetowaną pokrywą (typ Dobrodzień) // Z badań nad genezą regionalizmu kulturowego społeczeństw kujaw. Poznań; Kruszwica; Inowrocław.

Kozak D. N., 1982. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr // Germania. Bd. 60–2. Halbband.

Kropotkin V. V., 1977. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica- und Černjhov-Kultur // Symposium Ausklang der Laténe-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet. Bratislava.

Martens J., 1994. The Vandals: myths and facts about a Germanic tribe of the first half of the 1st millennium AD // Archaeological approaches to cultural identity. London; New York.

Peschel K., 1978. Anfänge germanischer Besiedlung in Mittegebirgsraum. Sueben – Hermunduren – Markomannen. Berlin.

Shchukin M. B., 1989. Rome and the barbarians in Central and Eastern Europe 1st century BC – 1st century AD. Oxford. (BAR; 542).

Shchukin M. B., 2001. Forgotten Bastarnae // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st – 5th centuries A. D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód – Nyiregyháza. Aszód; Nyiregyháza.

Śmiszko M., 1932. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodnîej. Lwiów.

Spekke A., 1957. The ancient amber routs and geographical discovery of the Eastern Baltic. Stockholm.

Szczukin M. B., 1981. Zabytki wielbarskie a kultura cherniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy, 2004. Lublin; Warszawa.

Wielowiejski J., 1980. Główny szlak burstinowy w czasach cesarstwa rzymsiego. Wrocław.

Wołągiewicz R., 1974. Zagadnienie stylu wczesnorzymskiego w kulture wielbarskiej // Studia Archeologica Pomeranica. Koszalin.

Wołągiewicz R., 1981a. Kultura Wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Wołągiewicz R., 1981b. Kultury oksywska i wielbarska // Prahistoria ziem polskich. T. V. Wrocław.

Wołągiewicz R., 1986. Die Goten im Bereich der Wielbark-Kultur // Arheologia Baltica. T. VII: «Peregrinatio Gothica». Łodź.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Baltykiem a Morzem Czarnym, Szczecin.

Woźniak Z., 1970. Osadnictwo celtycke w Polsce. Wrocław.

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Oxford. (BAR; 505).

GERMANIA-SARMATIA II

M. B. Ščukin

Die frühen Wandalen

In der vorliegenden Publikation wird die geographische Lokalisierung der Wandalen anhand der römischen Schriftquellen des 1. Jhs. n. Chr. sowie die frühen Etappen ihrer Expansion nach Süden und Süd-Osten betrachtet. Die Frühgeschichte der Wandalen ist ziemlich schlecht erforscht, die Zeugnisse antiker Autoren und archäologischer Quellen sind voller Widersprüche und Unklarheiten.

Laut den Zeugnissen römischer Autoren (Plinius der Ältere, Strabon, Tacitus) siedelten die Wandalen nördlich der Karpatengebirge, auf dem Territorium modernen Polens. Hier waren sie nach Jordan in der Mitte oder am Ende des 1. Jh. n. Chr. in eine militärische Auseinandersetzung mit den Goten verwickelt worden. Dies ist das älteste uns bekannte Ereignis aus der Geschichte der Wandalen.

Mit diesen militärischen Verwicklungen könnten auch solche archäologischen Fakten wie das Verschwinden von Oksywie-Kultur und Auftauchen der Pommeranischen Denkmäler der Odry-Wesiory Gruppe erklären werden.

In der späteren Periode sieht man in den Wandalen Träger der Przeworsk-Kultur. In der zweiten Hälfte des 2. – Anfang des 3. Jhs. haben die Träger der Przeworsk-Kultur teil an der Migration der germanischen Stämme in die süd-östlichen Richtung genommen. Die Gräberfelder der Przeworsk-Kultur tauchen auf dem Territorium von Westukraine auf. Eine Reihe von Grabkomplexen zeugt auch von dem Beitrag der Przeworsk- Elementen in das Herausbilden von Černjachov-Kultur

Die Bestattungen der Przeworsk- und Oksywie-Kultur sind durch eine große Menge beschädigter und zerbrochener Waffen charakterisiert.

Dieser Fakt weist auf einen hohen Grad der Militarisierung der Gesellschaft hin. Doch die Gesellschaft der Przeworsk-Kultur war nicht nur militarisiert sondern hatte eine strenge militär-soziale Struktur, die über die ganze Periode ihrer Existenz seit dem 2. Jh. v. Chr. bis zum 4. Jh. n. Chr. bewahrt wurde.

Die meisten Typen der Bewaffnung der frühen Przeworsk-Kultur geben keltische Formen wieder. Tapferkeit und Geschicklichkeit keltischer Krieger waren in der hellenistischen Zeit in der antiken Welt weit bekannt. Deshalb haben fast alle Herrscher der hellenistischen Mittelmeerwelt keltischer Söldner im Dienst.

Es ist durchaus möglich, dass Gruppen von Kelten, die in Schlesien am Anfang der Römischen Periode siedelten, aktiv an dem Entstehen der Przeworsk-Kultur teilgenommen haben. Die Gemeinschaft der Przeworsk-Kultur hat von ihrer keltischen Komponente nicht nur die Art der Bewaffnung, sondern auch die sozial-militärische Organisation, sowie psychologische und religiöse Ansichten geerbt.

GERMANIA SARMATIA II

Kelten pflegten die Tradition, in das Grab gebrochene und verbogene Waffen beizugeben, und nur von ihnen konnten die Träger der neuen kulturellen Gemeinschaft diesen Brauch übernehmen. Für die Anwesenheit einiger Przeworsk-Gruppen in den Gebieten, die abseits des von der Kultur eingenommenen Hauptterritoriums lagen, können mit anderen Gründen erklärt werden.

Die Traditionen der Söldnerschaft wurden möglicherweise von den Kelten der „Historischen Expansion“ – Periode übernommen. Die meisten erwähnten Denkmäler, die außerhalb des Territoriums der Przeworsk-Kultur entdeckt wurden, befanden sich im Kontext lokaler Kulturtraditionen. Möglicherweise stellen diese Bestattungen Gräber der Söldner oder militanter Söldner aus dem Milieu der Przeworsk-Kultur, die von lokalen Stammesführern bezahlt wurden.

GERMANIA-SARMATIA II

Новаковский Войцех

Варшава

Доктор исторических наук, профессор Института археологии Варшавского университета

samland@wp.pl

В. Новаковский

Проблема присутствия славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в римский период и в эпоху переселения народов (на основании античных письменных источников и археологических находок)

Предметом научных исследований центральноевропейской археологии являются «немые» источники, не заключающие в себе текстов и не называющие земель, рек, народов или же имен и фамилий[1]. Ответ на вопрос, на каком языке говорили люди, оставившие поселения или же могильники, выходит за пределы возможностей археологии. Попытку получить ответ на этот вопрос можно предпринять, сопоставляя археологические выводы с письменными источниками, которые содержат указанные данные. Таким образом, всяческие археологические интерпретации, касающиеся доисторической эпохи, ограничены временем, относительно которого имеются такие свидетельства. В случае огромных просторов Центральной Европы, в том числе бассейнов Одера и Вислы, самые ранние источники, описывающие эти земли, появляются не раньше периода римского влияния. Попытка определения этноса жителей региона и, главным образом, поиски мест расселения в тот период славян должны быть, следовательно, сопоставлением воссозданной на основании античных источников картины бассейнов Одера и Вислы с картой памятников археологии и культур периода римского влияния и Великого переселения народов.

Для археолога, который не располагает полным набором исторического инструментария, такая задача — очень рискованная операция, угрожающая множеством ошибок. Их главной причиной может стать специфика античных источников: кроме «обычных» деформаций образа варваров, являющихся результатом *interpretatio Romana*, во всех описаниях варварского мира можно ожидать искажений, исходящих из способа получения римлянами информации. Сведения о землях и племенах собирались шпионами и военной разведкой или же разного рода купцами и мелкими торговцами. Впрочем, иногда это были одни и те же люди (ср.: *Kolnik, 1978*), в большинстве своем жители слабо романизированных провинций (*Petrikovits, 1985*; ср.: *Kolnik, 1978, s. 72*; *Kunow, 1980, s. 3—18*). Значит, следует иметь в виду, что источниками информации для римских историков и географов — членов современной им интелектуальной элиты — были люди с довольно низким уровнем образования и даже со слабыми знаниями латыни и греческого языка. Следовательно, передаваемые ими сведения могли быть к тому же еще искажены «попутно».

Большое значение в процессе создания образа варварского мира могла иметь ситуация, в которой оказывались путешествующие по землям

[1] Приведенный ниже текст — видоизмененная и переведенная на русский язык версия доклада, с которым автор выступил на конференции «Актуальные проблемы изучения ранней истории славян», Минск, 29—30 сентября 2009 г.

GERMANOSARMATIA II

Barbaricum римляне. Непосредственные упоминания на эту тему отсутствуют; можно только предполагать, что статус римлян, находящихся вдали от границ империи, мог напоминать положение европейских купцов в Азии и в Африке в доколониальную эпоху. До середины XIX в. европейцы были, как правило, слабым звеном: они выступали в роли просителей, а их партнерами в переговорах были зачастую представители очень мелких политических структур (ср.: *Nowak, 1985, s. 104—112*; *Kieniewicz, 1970, s. 194—228*). Таким образом, можно предполагать, что и римляне имели дело с представителями небольших местных сообществ. Такие мелкие политические единицы в силу своего участия в торговле с *imperium Romanum* или временной значимости в текущей политике империи могли попадать под своими именами в itineraria купцов или отчеты шпионов, а оттуда, по истечении некоторого времени, в географическую литературу как «великие народы».

Несмотря на все эти оговорки, проведение упомянутого выше сравнения археологической карты с образом, созданным на основе отдельных античных источников, кажется весьма необходимой исследовательской процедурой, которая может дать ответ на вопрос о присутствии славян на землях в бассейнах рек Одера и Вислы в первой половине I тыс. н. э.

«Германия» Тацита

Среди античных источников, касающихся *Barbaricum*, особенное значение имеет «Германия» Тацита (*Tac., Germ.*), единственный античный текст, который содержит детальное этнографическое описание племен, живших вне римских границ. Германия, по мнению Тацита, была большой зоной, населенной оседлыми племенами, ведущими схожий земледельческий тип хозяйственной деятельности, а также имеющими подобную модель расселения и систему общественных отношений. Отнесение Тацитом определенных этносов к племенам Германии основывалось, следовательно, не столько на этнических критериях, сколько на этнографических. В то же время Тацит, несомненно, считал Германию краем, населенным народами, говорящими на германских языках. Исключения, как осы, котины и эстии, были римским историком подчеркнуты и определены (*Tac., Germ., 43; 45*).

Особое место в произведении Тацита занимает описание восточной части Германии — Свебии. Оно отчетливо отделено от остального текста словами *Nunc de Suebis dicendum est* (*Tac., Germ., 38*) и *Hic Suebiae finis* (*Tac., Germ., 46*). Такой прием позволяет предполагать, что эта часть произведения Тацита была основана на другом источнике, чем остальные главы. По всей вероятности, это было донесение римских дипломатических служб, составленное около середины 90-х годов I в. н. э., вероятнее всего, на основании сведений, полученных в ходе визита короля свебского племени семнонов (*Kolendo, 2007*). Согласно этому описанию, Свебия должна была охватывать прежде всего места расселения «подлинных» свебов: лангобардов, семнонов, гермундуров, а также маркоманов и квадов, размещаемых в ее южных пределах, в верховьях Эльбы и на восток от нее (*Tac., Germ., 38—42*). Два последних племени, осевшие непосредственно вблизи наддунайского лимеса, были римлянам по этой причине прекрасно известны. Это, вне всякого сомнения, позволяет размещать оба племени в Чешской котловине (маркоманы — см.: *Tejral, 2001*; *Droberjar, 2008*), а также в низовьях рек Вага и Морава (квады — см.: *Kolnik, 2003*). В обоих случаях можно указать скопления археологических памятников, которые следует отождествлять с упомянутыми племенами (***рис. 1: e***).

С римской точки зрения, «в тылу» (*retro*), т. е. севернее маркоманов и квадов, находились места расселения очередных племен, в том числе буров, язык которых должен был напоминать речь свебов (*Buri sermone cultuque Suebos referunt — Tac., Germ., 43*), а также панонских осов и котинов, говорящих на кельтском языке. Тацит в своем описании подчеркивал отличие языков обоих этих племен, которые именно по этой причине не были причислены к германцам (*Cotinos Gallica, Osos Pannonica lingua coarguit non esse Germanos — Tac., Germ., 43*). В то же время Тацит размещал котинов в горах, пересекающих всю Свебию, т. е. в Карпатах. Локализация и «кельтскость» этого племени позволяют связывать его с носителями пуховской культуры (***рис. 1: d***), «реликтом» латенской цивилизации, сохранившимся в недоступных горах по обеим сторонам Татр (*Pieta, 1982; 2003*).

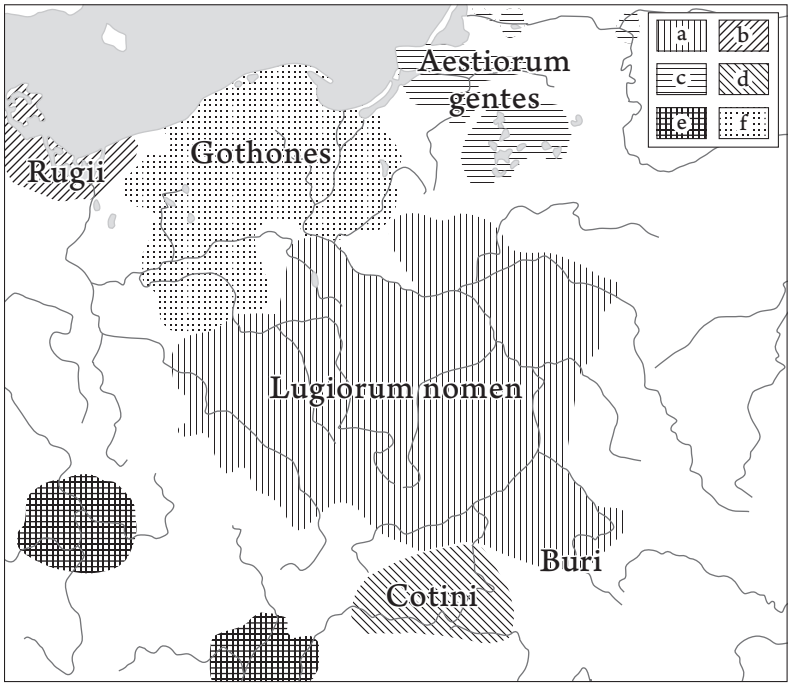

***Рис. 1.* Размещение племен Германии согласно Тациту** на фоне карты археологических культур центральноевропейского Барбарикума; a — пшеворская культура; b — густовская группа; c — западнобалтский культурный круг; d — пуховская культура; e — ареал маркоманов и квадов; f — вельбаркская культура (по: *Kokowski, 2005, map 10*, с изменениями автора)

***Abb. 1.* Die Stammesgebiete der Germanen nach Tacitus** auf der Karte der archäologischen Kulturen des mitteleuropäischen *Barbaricums*: a – Przeworsk-Kultur; b – Gustower Gruppe; c – Westbaltischer Kulturkreis; d – Puchauer Kultur; e – Stammesgebiete der Markomannen und Quaden; f – Wielbark-Kultur (nach *Kokowski, 2005, map 10*, mit den Änderungen des Autors)

За населенными котинами горами, т. е. на север от Карпат, находилась территория союза лугиев (*Lugiorum nomen*), объединяющего много племен, из которых Тацит упомянул только «самых мощных» (*valentissimas nominasse sufficiet: Harios, Helveconas, Manimos, Helisios, Nahanarvalos — Tac., Germ., 43, 10—11*). Какая-либо более точная локализация этих «самых мощных» лугийских племен не представляется возможной, однако в археологической литературе господствует согласие, что этот союз в целом следует отождествлять с носителями пшеворской культуры (***puc. 1: a***) (ср.: *Godłowski, 1985, s. 140—142*; *Kolendo, 2005*).

«За» лугиями (*Trans Lugios*), или же на север от них, простирались земли, заселенные готами (*Gothones — Tac., Germ., 44*). Приведенная локализация показывает, что речь может идти исключительно о вельбаркской культуре в низовьях Вислы, в Поморье и северной Великопольше (***puc. 1: f***) (ср.: *Wołągiewicz, 1981b*; *Kolendo, 2006, s. 21, 22*). Соседями готов, жившими уже непосредственно на берегу Океана, т. е. Балтийского моря, должны были, по мнению Тацита, быть ругии и лемовии (*protinus deinde ab Oceano Rugii et Lemovii — Tac., Germ., 44*). Относительно этих племен трудно указать какую-либо точную локализацию, можно лишь пытаться соотнести этноним «ругии» с названием балтийского острова Рюген (Rügen). Принятие такой ассоциации в свою очередь позволило бы соотнести ругиев с носителями небольшой густовской группы (***puc. 1: b***), выделенной в качестве переходной зоны между германскими древностями бассейна Эльбы и вельбаркской культурой (*Wołągiewicz, 1981a, s. 201—205*).

С большей уверенностью можно отождествлять других соседей готов. Исключительно подробно описанных Тацитом эстиев, собирателей янтаря (*Tac., Germ., 45*), именно на этом основании можно размещать в Самбии (*Nowakowski, 1996a, s. 109—116*), бывшей в эпоху римского влияния главным источником янтаря. Примененный Тацитом термин «племена эстиев» (*Aestioum gentes*) подсказывает, что это мог быть многоплеменной союз, возможно, занимающий обширную территорию целого западнобалтского круга древностей на восточном побережье Балтики (***puc. 1: c***). Обращает внимание подчеркнутый Тацитом факт, что при схожести обычаев эстии отличались от свебов языком (*Aestiorum gentes… ritus habitusque Sueborum, lingua Britannicae proprior — Tac., Germ., 45*). Это очередное подтверждение того, что остальные племена Свебии, за исключением упомянутых выше осов и котинов, были для Тацита, а вернее, для его информаторов, германцами. На основании приведенного источника германцами следует, следовательно, также считать носителей археологических

культур бассейна Одера и Вислы: пшеворской (лугии), вельбаркской (готы) и, вероятнее всего, густовской группы (ругии).

«География» Птолемея

Второй античный источник, перечисляющий многочисленные племена, жившие вне границ Римской империи, — *Γεωγραική ύφήγησις* («География») Птолемея (*Ptol., Geogr.*), основанная на датированном концом I в. ныне потерянном труде Марина Тирского (*Łowmiański, 1964, s. 37*; *Polaschek, 1965, s. 695, 696, 753—757*). Содержащиеся в произведении Птолемея сведения касаются, по сути дела, того же времени, что и «Германия» Тацита, хотя нельзя исключить более поздних добавлений и поправок (*Reichert, 2003, s. 569*). Однако описание *Barbaricum* в «Географии» подчинено совершенно иным правилам — это был обширный комментарий к атласу, и поэтому презентация отдельных племен ограничивалась только их перечислением. Картографический подход привел также к некоторым упрощениям: две большие части Европы — Великую Германию и Европейскую Сарматию — должна была делить Висла, которая текла с юга на север. Можно предполагать, что именно по этой причине русло реки было немного выпрямлено и удлинено — за верховья Вислы, по всей видимости, была принята река Сан (*Kolendo, 1999, s. 218, 219*; *2004, s. 20—22*), низовьями же, вероятнее всего, считался Вислинский залив, действительно очень напоминающий широкую реку.

Среди многочисленных этнонимов, названных Птолемеем, преобладают так называемые *άπαξ λεγόμενα*, т. е. имена, встречающиеся только в его произведении, но не упоминаемые в других источниках (*Łowmiański, 1963b, s. 37—39*; *1964, s. 42, 43*). Поэтому надежная и довольно точная локализация возможна только в случае тех племен, которые описываются и в других источниках. Самый лучший пример — *Γαλινδαι* (*Ptol., Geogr., III, 5, 9*), отождествляемые с упоминаемыми в средневековых хрониках *Galinditae* и на этом основании помещаемые в западной части Мазурского поозерья (***рис. 2: c***) (ср.: *Łowmiański, 1963b, s. 43, 44*; *Wenskus, Timpe, 1996*; *Nowakowski, 1996b*; *2003*). Следует отметить, что размещение этого племени — в сущности, архимедова «точка опоры» для всяческих попыток локализации конкретных племен в северо-западной части Европейской Сарматии.

Как и следовало ожидать, упомянутые в «Географии» Птолемея этнонимы только в виде исключения встречаются среди названий племен, описанных в «Германии» Тацита. Такое исключение — лугии (*Λουγοι*), которых Птолемей разместил в восточной части Великой Германии (*Ptol., Geogr., II, 13, 10*). У него появляются, однако, другие названия отдельных племен: *Λουγοι οί Όμανοι*, *Λουγοι Δουνοι* и *Λουγοι Βουροι*. Последние заселяли земли вблизи истоков Вислы, вероятнее всего «восточных», т. е. в действительности над рекой Сан (*Kolendo, 1999, s. 219—221*), что приблизительно соответствует размещению этого племени у Тацита. Не ясны причины, по которым Птолемей считал буров, описываемых Тацитом как отдельное племя, частью лугиев (*Λουγοι Βουροι*). По мнению Й. Колендо (*Kolendo, 1999, s. 226—228*), это могло быть результатом временного расширения лугийского союза, а перечисление иных членов лугийской федерации — эффектом выдвижения на позицию «самых мощных» других племен. Нельзя также исключать, что римляне в течение первых 15 лет II в. получили обстоятельные сведения о северных варварах во время дакийских войн Траяна и благодаря позднейшему переносу границ империи на север. С большой вероятностью можно, однако, предполагать, что *Λουγοι* Птолемея следует отождествлять в целом с носителями пшеворской культуры (***рис. 2: a***) (*Godłowski, 1985, s. 140—144*), аналогично *Lugiorum nomen* из «Германии» Тацита.

В Великой Германии, правдоподобно вблизи низовьев Одера или же в его устье, Птолемей размещал также загадочных *Ρουτίκλιοι* (*Ptol., Geogr., II, 13, 7*), название которых зачастую поправляют на *Ρουγίκλιοι* (*Kolendo, 2006, s. 28, 29*). Последнее в свою очередь дает основание для отождествления их с ругиями Тацита и в итоге — с носителями густовской группы (***рис. 2: b***). Такая интерпретация, несмотря на свою привлекательность, очень ненадежна, тем более, что где-то между нижним Одером и нижней Вислой Птолемей помещал племя *Βουργοντες* (*Ptol., Geogr., II, 13, 8*). Помимо весьма важной роли, которую бургунды сыграли в позднейшие века, все же нельзя с высокой точностью указать их местонахождение на археологической карте бассейнов Одера и Вислы конца I или начала II в.

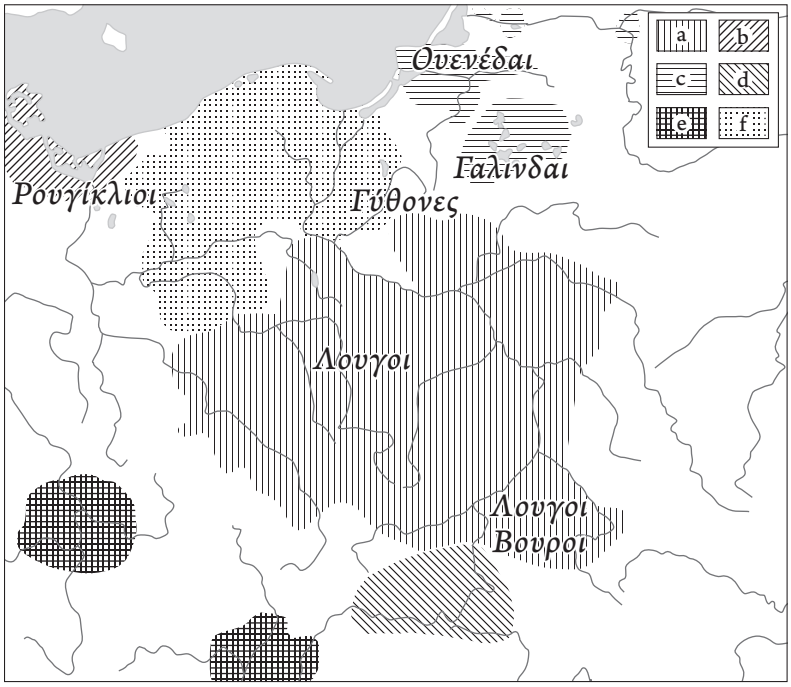

***Рис. 2.* Размещение племен Великой Германии и Европейской Сарматии согласно Птолемею** на фоне карты археологических культур центральноевропейского Барбарикума: a — пшеворская культура; b — густовская группа; c — западнобалтский культурный круг; d — пуховская культура; e — ареал маркоманов и квадов; f — вельбаркская культура (по: *Kokowski, 2005, map 10*, с изменениями автора)

***Abb. 2.* Die Stammesgebiete der Germanen auf dem Territorium der *Germania Magna* und des Europäisches Sarmatiens nach Ptolomaeus** auf der Karte der archäologischen Kulturen des mitteleuropäischen *Barbaricums*: a – Przeworsk-Kultur; b – Gustower Gruppe; c – Westbaltischer Kulturkreis; d – Puchauer Kultur; e – Stammesgebiete der Markomannen und Quaden; f – Wielbark-Kultur (nach *Kokowski, 2005, map. 10*, mit den Änderungen des Autors)

Достаточно уверенно можно локализовать *Γύθονες*, которых Птолемей причислял уже к жителям Европейской Сарматии. Идентичность этого племени с *Gothones* Тацита не подлежит сомнению, тем более, что оно помещено в низовьях Вислы, вблизи моря (*Ptol., Geogr., III, 5, 8*), на берегах которого Тацит размещал своих готов. В обоих случаях эта локализация совпадает с территорией вельбаркской культуры (***рис. 2: f***) (*Wołągiewicz, 1981b*; *Kolendo, 2006, s. 22, 23*).

Итак, несмотря на большие разницы в двух описаниях *Barbaricum*, как по Тациту, так и по Птолемею, в бассейнах Одера и Вислы можно локализовать лугийские племена, а в низовьях последней — готов.

К вопросу о присутствии славян в бассейнах Одера и Вислы

В представленных обширных описаниях *Barbaricum* не упоминаются племена, которые при сегодняшнем состоянии изучения античных письменных источников и археологических находок следовало бы считать славянами. Поскольку трудно к ним причислить несомненно германских готов, да и ругии, локализация которых в устье Одера значительно менее надежна, тоже были германцами, входящими на закате своей истории в Италии в германо-римское государство Теодориха Великого.

Лугии неоднократно упоминались и в других античных источниках: первый раз «великим племенем» назвал их Страбон, по мнению которого они вместе с другими племенами, в том числе готами, вошли на рубеже эр в состав недолговечного государства, созданного Марободом, королем маркоманов. О контактах, а вернее о войнах лугиев с маркоманами и квадами, писал также Тацит в своих *Annales*, а в конце II в. Дион Кассий описывал краткий военный союз лугиев с Римской империей. Самое позднее упоминание о лугиях называет их противниками императора Проба в 60-х годах III в. (обзор источников: *Castritius, 2001*; ср. также: *Łowmiański, 1963a, s. 194*). Все эти источники трактовали лугиев как одно из германских племен центральноевропейского *Barbaricum*, не отмечая их этнического или этнографического отличия, чего в случае славян было бы, собственно говоря, невозможно избежать.

В этой ситуации первым правдопобным упоминанием о славянах в бассейне Вислы следует считать информацию, содержащуюся в *Getica* Иордана (*Iord., Get.*), произведении, созданном в начале второй половины VI в. Описывая Европу того времени, Иордан упомянул несомненно славянское

племя склавенов (*Sclaveni*), населяющее земли, достигающие на западе верховьев Вислы (*Iord., Get., 34, 35*). Это находит полное подтверждение в распространении самых ранних археологических находок пражской культуры в Малопольше (*Parczewski, 1993, s. 88—94, ris. 26*; *2005, s. 69, 70, ris. 1*). Значит только этим временем можно датировать начало появления славян на землях в бассейне Вислы, а позже и Одера и далее на запад, до самой Эльбы, куда в свете новейших исследований, прежде всего дендрохронологии, они дошли в начале VII или даже в VIII в. (*Dulinicz, 2001, s. 206—214*; *2005*; *Brather, 2005*).

Проблема венетов/венедов

Иордан, указывая места расселения склавенов, считал их, и в то же время другое племя — антов, частью венетов (*Iord., Get., 34; 119*). Это утверждение стало основой мнения, что анты и венеты были славянами. Между тем, теория о том, что анты, ближайшие побратимы склавенов, были славянским племенем отнюдь не стопроцентная истина. Больше всего сведений об этом племени у Иордана появляется при описании победоносной войны, которую в последней четверти IV в. против антов вели остготы под предводительством короля Винитария, правяшего после самоубийства великого Германариха (*Iord., Get., 246, 247*). Эту же войну описывал также Аммиан Марцеллин, но у него противником остготов было сарматское племя аланов (*Amm., Rer., XXXI, 3, 3*). Возможно, это была ошибка Аммиана, который в своем произведении поместил также совершенно неактуальный список племен «Скифии», машинально переписанный из труда Геродота (*Amm., Rer., XXXI, 2, 13—16*). Нельзя, однако, исключать, что во времена Аммиана, т. е. почти двести лет до Иордана, анты были сарматским племенем, которое в течение следующих двух столетий подверглось славянизации. Эта гипотеза тем более вероятна, что в пеньковской археологической культуре, приписываемой как раз антам, очень часто встречаются так называемые кочевнические элементы (*Седов, 1982, с. 19—28*; *Ioniță, 2003*). Таким образом, венеды Иордана могли быть огромным конгломератом племен, необязательно в целом славянских.

Нет также оснований, чтобы, опираясь на сведениях Иордана, автоматически считать славянскими все этнонимы и топонимы с корнем *Veneth-* или *Vend-*, появляющиеся в античных источниках. Невозможно считать славянскими италийских венетов с северного побережья Адриатики (*Zając, 1991*) или же искать следы славянской экспансии в районе Боденского озера (*Bodensee*), т. е. римском *lacus Venetus*, или в *Vendsyssel* на северном мысе Ютландии.

В описанной ситуации упоминания Тацита и Птолемея о венетах/венедах трудно считать однозначным доводом присутствия славян в бассейнах Одера и Вислы. Тацит помещал своих *Venethi* на восток от Свебии, между сарматами из причерноморских степей и *Fenni*, описание которых, кажется, относится к населению лесной зоны Восточной Европы. Такое местоположение *Venethi* позволяет локализовать их в среднем Поднепровье и предпринять попытку связать их с носителями зарубинецкой культуры или чуть более позднего горизонта памятников типа Рахны — Почеп (*Щукин, 1994, с. 241—244*).

Более сложен вопрос, касающийся *Ουενέδαι* Птолемея, который, помещая это племя, как и Тацит, к востоку от своей Великой Германии, в Европейской Сарматии, локализовал его все же в совсем другом месте. Места расселения венедов должны были находится в северо-западном «углу» этого края, в районе устья Вислы (*Ptol., Geogr., III, 5, 7*). В то же время, соседями венедов, располагавшимися также в низовьях Вислы, хотя и немного южнее ее устья, были упомянутые выше *Γύθονες* (*Ptol., Geogr., III, 5, 8*), т. е. готы. Повсеместно принимаемая идентификация готов с носителями вельбарской культуры показывает, что венеды должны были бы находиться «вниз по течению Вислы» от территории этой культуры. Речь, следовательно, может идти о берегах Вислинского залива, который, по всей видимости, трактовался как продолжение этой реки. Занимаемый венедами ареал ограничивался бы дополнительно упомянутой выше территорией галиндов в западной части Мазурского поозерья. В этой ситуации венеды, названные «великим племенем», должны были бы быть «стиснутыми» на небольшой территории: на Самбийском полуострове и прилегающем к нему бассейне Преголи. Разгадкой этого противоречия было бы

принятие положения, что «великое племя венедов» — неточное общее определение тех племен за восточной границей Германии, которые не были германцами *sensu stricto*, но имели схожую модель культуры. Принимая такую интерпретацию, можно причислить к венедам как балтское население Самбии, так и размещавшихся далее к юго-востоку ставанов (*Στανανοι*), название которых Х. Ловмянски (*Łowmiański, 1963a, s. 175, 176*) предлагает поправлять на *Σουοβηνοι* и на этом основании считать славянами. Исчезнет также противоречие между локализацией *Ουενέδαι* Птолемея и *Venethi* Тацита, так как последних можно считать одной из группировок среди обширного конгломерата племен. Нашлось бы также место как для несомненно славянских склавенов Иордана, так и для, вероятно, первоначально сарматских антов.

Заключительные замечания

Представленные положения показывают, что на вопрос о присутствии славян на землях в бассейнах Одера и Вислы в период римского влияния при сегодняшнем состоянии исследований можно ответить только отрицательно. Носителей двух главных археологических культур того времени: пшеворской и вельбаркской следует отождествлять соответственно с лугиями и готами, племенами, славянское происхождение которых нет возможности доказать. В источниках, датированных первыми веками н. э., отсутствуют какие-либо упоминания о племенах, которых с полной уверенностью можно было бы считать славянами. Только во второй половине VI в. упомянуты несомненно славянские склавены, подходящие в те времена к восточной части бассейна Вислы. Это племя было частью большой группы, названной Иорданом венедами. В настоящий момент нет, однако, оснований для окончательного ответа на вопросы: были ли венеды в то время конгломератом исключительно славянских племен и когда произошла их полная славянизация.

перевод А. Юга-Шиманской

Литература

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Brathes S., 2005. Die Anfänge slawischer Besiedlung westlich von Oder und Neisse // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Castritius H., 2001. Lugier. § 2. Archäologisches // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 19. Berlin; New York.

Droberjar E., 2008. Poznámky k dějinam a archeologii Marobudovy říše // Archeologie ve středních Čechách. 12. Praha.

Dulinicz M., 2001. Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne. Warszawa.

Dulinicz M., 2005. Najstarsza faza osadnictwa słowiańskiego w północnej części Europy Środkowej // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Godłowski K., 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.

Ioniță I., 2003. Penkovka-Kultur // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 22. Berlin; New York.

Kieniewicz J., 1970. Faktoria i forteca. (Handel pieprzem na Oceanie Indyjskim a ekspansja portugalska w XVI wieku). Warszawa.

Kolendo J., 1999. Lugiowie Burowie oraz Burowie. Przyczynek do interpretacji sytuacji politycznej i kulturowej Europy barbarzyńskiej w końcu I wieku i w II wieku n.e. // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin. Warszawa.

Kolendo J., 2004. Karpaty w koncepcjach geograficznych świata starożytnego // Okres lateński i rzymski w Karpatach polskich. Krosno.

Kolendo J., 2005. Mapa etniczna środkowoeuropejskiego Barbaricum. Swebia i Lugiowie w Germanii Tacyta // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Kolendo J., 2006. Plemiona Pomorza w starożytności // Goci i ich sąsiedzi na Pomorzu. Koszalin.

Kolendo J., 2007. Polityka germańska Domicjana. Spotkanie cesarza z królem Semnonów Masyosem i wieszczką Ganną // Acta Universitatis Wratislaviensis. № 2992. (Antiquitas; XXIX). Wrocław.

Kolnik T., 1978. Q. Attilius Primus – interprex, centurio und negotiator. Eine bedeutende Grabinschrift aus dem 1. Jh. u. Z. im quadischen Limes-Vorland // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. XXX. Budapest.

Kolnik T., 2003. Quaden. § 3. Historische Angaben und archäologischer Hintergrund // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 23. Berlin; New York.

GERMANIA-SARMATIA II

Kunow J., 1980. Negotiator et vectura. Händler und Transport im freien Germanien. Marburg.

Łowmiański H., 1963a. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. I. Warszawa.

Łowmiański H., 1963b. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. II. Warszawa.

Łowmiański H., 1964. Zagadnienie słowiańskich i bałtyjskich nazw plemiennych w Sarmacji europejskiej Ptolemeusza // Acta Baltico-Slavica. I. Warszawa.

Nowak B., 1985. Organizacja i dochodowość transatlantyckich wypraw niewolniczych w XVIII wieku (na przykładzie wypraw angielskich i francuskich). Warszawa.

Nowakowski W., 1996a. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderbd.10. Marburg; Warszawa.

Nowakowski W., 1996b. Galinder. § 3. Archäologisches // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 10. Berlin; New York.

Nowakowski W., 2003. Retrospekcja w archeologii: Galindai/ Galinditae oraz Soudinoi/Sudavitae w świetle źródeł historycznych i znalezisk archeologicznych // Studia Galindzkie. I. Warszawa.

Parczewski M., 1993. Die Anfänge der frühslawischen Kultur in Polen // Veröffentlichungen der österreichischen Gesellschaft für Ur- und Frühgeschichte. XVII. Wien.

Parczewski M., 2005. Podstawy lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian // Archeologia o początkach Słowian. Kraków.

Petrikovits H. Von, 1985. Römischer Handel am Rhein und an der oberen und mittleren Donau // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. T. I. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. Dritte Folge; № 143). Göttingen.

Pieta K., 1982. Die Puchov-Kultur. Nitra.

Pieta K., 2003. Die Puchov-Kultur // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 23. Berlin; New York.

Polaschek E., 1965. Ptolemaios als Geograph // Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaften. X-suppl. Stuttgart.

Reichert H., 2003. Ptolemaeus // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 23. Berlin; New York.

Tejral J., 2001. Markomannen. § 2. Archäologisches // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 19. Berlin; New York.

Wenskus R., Timpe D., 1996. Galinder, § 2: Historisches // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 10. Berlin; New York.

Wołągiewicz R., 1981a. Grupy kulturowe na pograniczu kręgu nadłabskiego // Prahistoria Ziem Polskich. V: Późny okres lateński i okres rzymski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Wołągiewicz R., 1981b. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Zając J., 1991. Od Wenetów do Rzymian. Studium epigraficzno-antroponomastyczne (I w. pne. – I w. ne). Toruń.

Античные источники

Amm., Rer. – Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supresunt / Ed. W. Seyfarth, adiuvantibus L. Jacob-Karau et I. Ulmann. V. I-II. Lepizig, 1978.

Iord., Get. – Iordanes, Origines actibusquae Getarum / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica, Auctores Antiquissimi. T. V. P. 1. Berlin, 1882.

Ptol., Geogr. – Claudii Ptolemaei Geographiae / Td. J. Fischer // Codex Urbinas Graecus, 82. Codices Vaticanis Selecti. V. XVIII. (Bibiotheca Apostolis Vaticana). Roma, 1932.

Tac., Germ. – P. Cornelius Tacitus, Germania – Publiusz Korneliusz Tacyt, Germania / Przekład T. Płóciennik, wstęp i komentarz J. Kolendo. Poznań, 2008.

GERMANIA-SARMATIA II

W. Nowakowski

Zu dem Problem der Anwesenheit der Slawen in dem Weichsel- und Oderbecken in der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit

(im Licht der antiken Schriftquellen und archäologischen Funde)

Germania von Tacitus hat eine besondere Bedeutung unter den über das *Barbaricum* berichtenden Schriftquellen (*Tac., Germ.*). Dieses Werk stellt die einzige antike ethnographische Beschreibung der Stämme jenseits der römischen Grenzen dar. Ein großer Teil des Werkes ist der Beschreibung von *Suebia*, dem östlichen Teil von *Germania*, gewidmet. Dieses Land sollte dementsprechend von den Sueben bewohnt seien (***abb. 1***). Nördlich des Karpaten-Gebirges befand sich das Gebiet der Stämmeföderation der *Lugii* (*Lugiorum nomen*) (*Tac., Germ., 43*), die mit den Trägern der Przeworsk-Kultur gleichgesetzt werden können (*Godłowski, 1985, s. 140–142, fig. 3*; *Kolendo, 2005*).

„Hinter" den *Lugii*, d. h. weiter nördlich von denen, lag das Gebiet der Goten (*Tac., Germ., 44*); den zitierten Angaben zu der geographischen Lage entsprechend, können nur die Wielbark-Kultur im Unterweichselgebiet, in Pommern und im Norden von Großpolen in Betracht gezogen werden (*Wołągiewicz, 1981b*; *Kolendo, 2006, s. 21, 22*). Die Nachbarn der Goten sollten angeblich die *Rugii* sein – ein Stamm der bereits am Ozean (d. h. am Ostsee) siedelte (*Tac., Germ., 44*) und konnte ein Bestandteil der kleinen Gustower Gruppe sein (*Wołągiewicz, 1981a, s. 201–205*).

Die Nachbarn von Goten im Osten waren die *Aesti*, die Bernsteinsammler (*Tac., Germ., 45*). Dank dieser Information können sie als Bewohner der samländischen Halbinsel lokalisiert werden (*Nowakowski, 1996a, s. 109–116*). Trotz aller ihrer Ähnlichkeiten in Traditionen mit den Sueben haben sie sich von denen durch die Sprache unterschieden (*Tac., Germ., 45*). Das bedeutet, dass für Tacitus die anderen Völker von *Suebia* – mit der Ausnahme von *Osi* und *Cotini*, Germanen waren. Laut der *Germania* von Tacitus sollen die Träger der archäologischen Kulturen im Flussbecken der Weichsel und der Oder, nämlich die Träger der Przeworsk- (*Lugii*) und Wielbark-Kultur (Goten) und höchstwahrscheinlich auch der Gustower Gruppe (*Rugii*), für Germanen gehalten werden.

Die zweite antike Schriftquelle, in der die zahlreichen Völker jenseits der Grenzen des Römischen Reiches aufgelistet wurden, ist *Geographica* von Ptolomeaus (*Łowmiański, 1964, s. 37*; *Polaschek, 1965, s. 695, 696, 753–757*). Allerdings wird jedes Volk in dem Werk nur durch ihren Namen dargestellt (***abb. 2***). Nur sporadisch finden die Ethnonymen aus dem Geographica von Ptolomeaus ihre Äquivalenten unter den in Germania von Tacitus genannten Völkernamen. Ein solches Beispiel stellen die *Lugii* (*Lougioi*) dar, die Ptolomeaus in dem Ostteil der

GERMANIA SARMATIA II

Germania Magna angesiedelt hat (*Ptol., Geogr., II, 13, 10*). Es ist sehr wahrscheinlich, dass sie den Trägern der Przeworsk-Kultur gleichgesetzt werden können (*Godłowski, 1985, s. 140–144*).

In *Germania Magna*, wahrscheinlich in der Nähe der Unteroderströmung oder seiner Mündung, hat Ptolomeaus *Routiklioi/Rougiklioi* (*Ptol., Geogr., II, 13, 7*; cf: *Kolendo, 2006, s. 28, 29*) lokalisiert, die den *Rugii* von Tacitus und in Folge dessen der Bevölkerung der Gustower Gruppe entsprechen sollen. *Gythones* ihrerseits, welche Ptolomeaus als Bewohner des Europäischen Sarmatiens beschrieben hat (*Ptol., Geogr., III, 5, 8*), sollen den *Gothones* von Tacitus entsprechen. In beiden Fällen stimmen ihre Gebiete mit dem Territorium der Wielbark-Kultur überein (*Wołągiewicz, 1981b*; *Kolendo, 2006, s. 22, 23*). Zusammenfassend kann, trotz den bedeutenden Unterschiede zwischen diesen zwei Beschreibungen vom *Barbaricum*, die Stämmeföderation der *Lugii* im Flussbecken der Weichsel und der Oder lokalisiert werden, wobei die Goten in den Unterweichselgebiet siedeln sollten.

In keiner der oben diskutierten Beschreibungen vom *Barbaricum* findet man eine Erwähnung von Menschen, in denen die Slawen erkannt werden können. Die Goten sowie die *Rugii* waren Germanen. Die *Lugii* sind mehrere Male in den anderen antiken Quellen erwähnt worden (Referenzliste: *Castritius, 2001*; cf: *Łowmiański, 1963a, s. 194*). In allen diesen Quellen wurden *Lugii* als einer der germanischen Stämme des mitteleuropäischen *Barbaricums* beschrieben, ohne das irgendwelche ethnische oder ethnographische Unterschiede erwähnt wurden. Im Fall von Slawen wäre es wörtlich unmöglich auf solche Hinweise zu verzichten. In dieser Situation, sollen die Angaben in dem *Getica* von Jordanes als die erste zuverlässige Mitteilung über die Anwesenheit der Slawen im Flussbecken der Weichsel betrachtet werden (*Iord., Get.*). Jordanes erwähnt die slawischen Völker der Sklawenen (*Sclaveni*), deren Stammesgebiete im Westen angeblich bis zu dem Oberweichsel hinreichten (*Iord., Get., 34–35*). Diese Behauptung wird durch die Verbreitung der ältesten Funde der sogen. Prag-Kultur bestätigt (*Parczewski, 1993, s. 88–94, fig. 26*; *2005, s. 69, 70, fig. 1*).

перевод Изы Штер

GERMANIA-SARMATIA

Терпиловский Ростислав Всеволодович

Киев

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и музееведения Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

arch@univ.kiev.ua

Билинская Лариса Ивановна

Сумы

Инспектор археологического надзора Сумской области ГП НИЦ «Охранная археологическая служба Украины» ИА НАН Украины

bilinska.sumy@mail.ru

Р. В. Терпиловский, Л. И. Билинская

Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме

Памяти К. В. Каспаровой,
Е. В. Максимова и М. Б. Щукина

Погребение было случайно обнаружено в конце 2009 г. на правом берегу р. Сейм между селами Мутин и Камень Кролевецкого района Сумской обл. Украины. Предметы, входившие в инвентарь погребения, были переданы в Кролевецкий краеведческий музей. По словам нашедших погребение, все вещи были помещены в керамический сосуд, стоявший вверх устьем. Венчик его был углублен на 0,15—0,2 м от современной поверхности. Внутри горшка находилась бронзовая ситула, доверху наполненная пережженными костями и накрытая умбоном. Среди костей обнаружены небольшие вещи: парные шпоры и фибулы, нож, части пояса или портупеи и прочее. Согнутые меч и наконечник копья находились в глиняном сосуде вне ситулы (***рис. 1***; ***ил. II—III: a, b***).

В Сумском областном краеведческом музее, куда находки были переданы для фотографирования и предварительной реставрации, комплекс был исследован авторами публикации. Следует отметить, что кремация погребенного была неполной — значительная часть костей имела крупные размеры (до 10 см и более), частично сохранились позвонки, фрагменты черепа, таза и длинных костей, эпифизы. Можно предположить, что вместе с телом на погребальный костер было также положено оружие — к некоторым изделиям и деталям одежды прикипели кальцинированные кости. Возможно, относительно невысокая температура кремации обеспечила хорошую сохранность большинства вещей: железо покрылось тонким слоем окалины, защитившим изделия от коррозии. Благодаря этому в оформлении фибул, шпор, ножа, умбона заметен ряд деталей, как правило, не фиксируемых на предметах из черного металла. При этом вызывает восхищение мастерство древних кузнецов, проявившееся в высоком уровне стандартизации одинаковых деталей, качестве отделки мелких частей и кузнечной сварки.

Вместе с тем, не исключено, что после надлежащей реставрации удастся выявить новые особенности ряда изделий. Приведем первичное описание инвентаря погребения.

1. **Сосуд** керамический чернолощеный вазовидный, округлобокий с широким горлом, коротким, круто отогнутым наружу, утолщенным граненым венчиком и узким дном. Максимальное расширение корпуса приходится на верхнюю треть высоты. По плечику сосуд орнаментирован пролощенной круговой ломаной линией-«меандром», ниже которой поверхность покрыта вертикальными бороздками, нанесенными частым гребнем по лощеной поверхности. Выше «меандра» поверхность чернолощеная, как и придонная часть. На лощеных полях плечиков — пять симметрично расположенных выступов, вытянутых по вертикали. Изнутри подлощенная поверхность имеет более светлый, местами пятнистый цвет. Керамическое

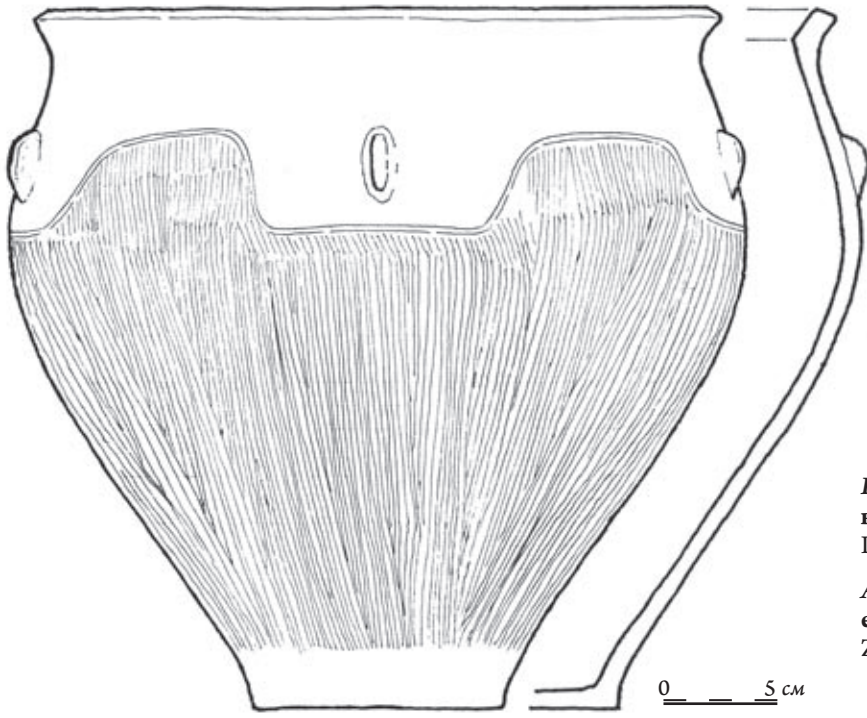

***Рис. 1.* Мутин. Чернолощеный вазообразный сосуд.**
Рисунок Р. В. Терпиловского

***Abb. 1.* Mutin. Das schwarze, eingeglättete terrineformige Behälter.**
Zeichnung von R. W. Terpilovskij

тесто содержит примесь мелкого шамота. Стенки и дно относительно тонкие (0,7—0,8 см). Высота сосуда и диаметр венчика — около 30, диаметр в месте максимального расширения — 32, диаметр дна — 10,5 см (***рис. 1***; ***ил. II: а***).

2. **Ситула** изготовлена из тонкого бронзового листа, железные ушки прикреплены под венчиком двумя заклепками каждая. Верхняя часть сосуда имеет широкую горловину, отделенную четким перегибом от почти горизонтального плечика, нижняя — усеченно-конической формы. Концы железной дужки оформлены в виде головок уток (?). Толщина стенок и дна не превышает 1,5 мм. Высота ведерка — 22,5, диаметр венчика — 19, диаметр в месте максимального расширения — 22,7, диаметр слегка выпуклого дна — 15 см. Необходимо отметить, что до использования в качестве урны ситула немало послужила — в нижней части сосуда и на перегибе ко дну заметны две заплатки из бронзовых блях фигурной формы, прикрепленные одна тремя, вторая — четырьмя заклепками (***рис. 2: 5***).

Все описанные ниже вещи изготовлены из железа или стали (***ил. II—III: b***).

3. **Меч** был согнут несколько раз. Концы клинка и рукояти обломаны. Рукоять прямоугольного сечения плавно переходит к широкому обоюдоострому лезвию. В верхней части клинка заметно выступающее ребро жесткости, в нижней сечение линзовидное. Длина сохранившейся части — 67, ширина клинка у рукояти — 5,6, ширина в месте слома — 4,6 см (***рис. 2: 3***).

4. **Фрагменты ножен**. Судя по сохранившемуся фрагменту в нижней части лезвия, меч был положен на погребальный костер в ножнах, сделанных из дерева, обтянутых снаружи тонкой железной бляхой и скрепленных поперечными железными стержнями. Аморфные куски бляхи со следами дерева найдены также в заполнении глиняного сосуда. К верхней части ножен, очевидно, крепилась фигурная скоба длиной 7,6 см для продевания ремня (***рис. 2: 3; 3: 3***).

5. **Наконечник копья** был, как и меч, несколько раз согнут, втулка слегка сплющена. Втулка относительно узкая и короткая (ее длина — 7, внешний диаметр — 2,4 см) со сквозным отверстием под штифт для фиксации наконечника в древке. Перо листовидной формы длинное и узкое, с максимальным расширением в нижней части. Вдоль лезвия заметно выступающее ребро жесткости. Общая длина наконечника — 51, максимальная ширина пера — 4 см (***рис. 2: 1***).

6. **Вток копья** имеет коническую форму с двумя сквозными отверстиями под штифт для фиксации

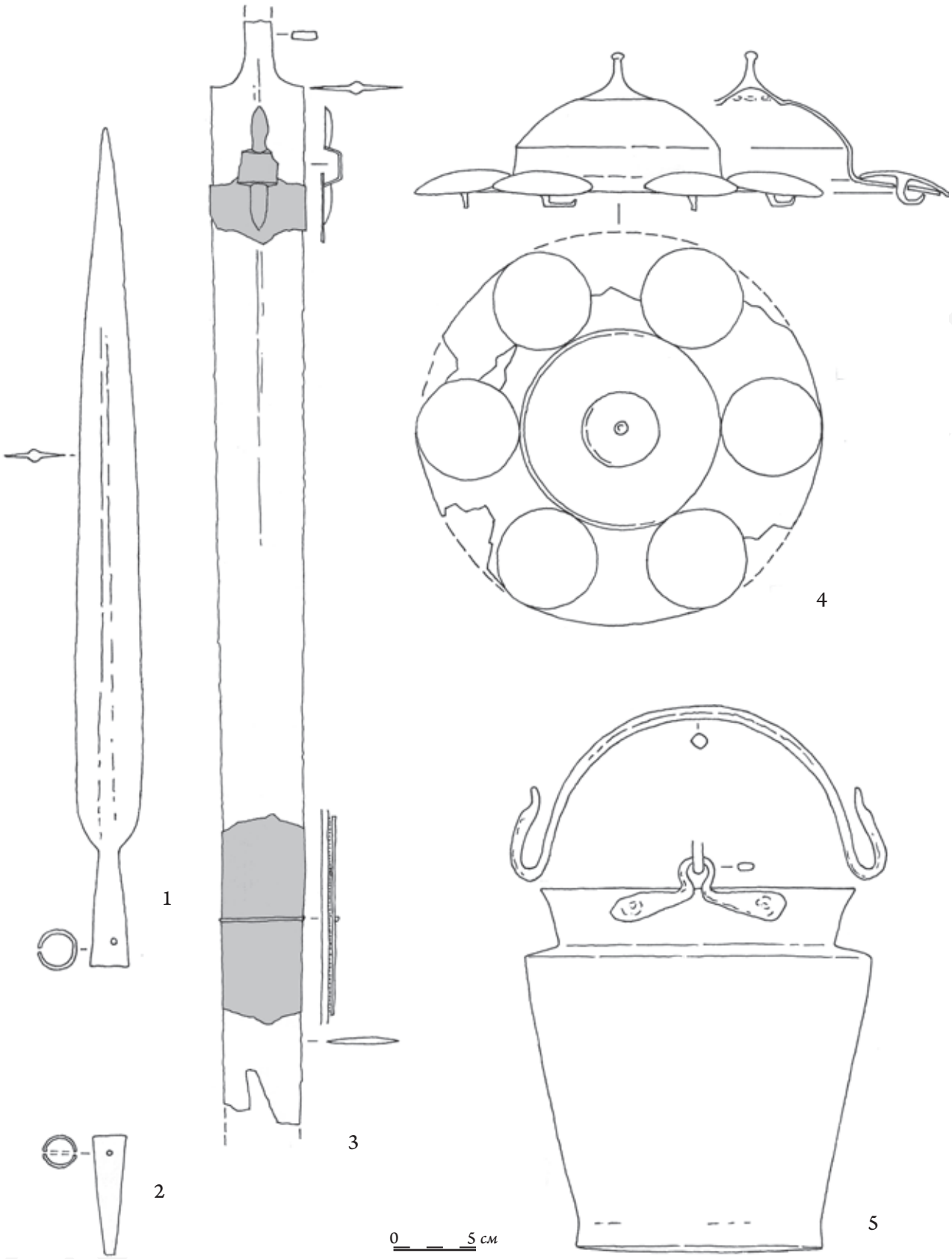

***Рис. 2*. Мутин. Металлические предметы**: 1—4 — железо, 5 — бронза и железо. Рисунок Р. В. Терпиловского

***Abb. 2.* Mutin. Die metallischen Funde:** 1–4 – Eisen, 5 – Bronze und Eisen. Zeichnung von R. W. Terpilovskij

в древке. Внешний диаметр — 2, длина — 7,4 см (***рис. 2: 2***).

7. **Умбон щита** имеет выпукло-конический купол средней высоты с цилиндрической калоттой и широкие поля. Нижняя часть отделена от верхней четким ребром. Купол заканчивается невысоким сплошным закругленным на конце шипом. Умбон крепился к щиту шестью симметрично расположенными выпуклыми бляхами с крупными шляпками диаметром 6 см. Изготовлен из железного листа толщиной 1,5—2 мм. Купол и верхняя часть с шипом несколько более массивны — 3—3,5 мм. При переходе от верхней части к шипу изнутри заметно восемь заклепок. Очевидно, сначала шип фиксировался с помощью заклепок, а уже затем окончательно крепился кузнечной сваркой. Диаметр полей — 24, диаметр купола — 12, его высота — 5,6, высота шипа около 2 см (***рис. 2: 4***).

8. **Нож** имеет слегка изогнутую спинку и черенок, отделенный четкими уступами от лезвия. Вдоль спинки с обеих сторон лезвия — узкие выемки. У основания клинка — фигурная железная муфта. Черенок, закругленный на конце, фиксировался в рукоятке заклепкой длиной 1 см. Общая длина ножа — 15,5, длина лезвия — 11,5, его максимальная ширина — 2 см, толщина спинки — до 3 мм (***рис. 3: 10***).

9. **Шпоры** парные (2 экз.). Каждая из них имеет длинный, слегка изогнутый шип ромбического сечения (5 × 7 мм) и дужку с двумя выпуклыми шляпками диаметром 2,8 см на концах. Дужки изготовлены из подграненного, на концах округлого (диаметром 5 мм), дрота. Ширина шпор — 6,8—6,9, длина шипов — 3,6—3,7 см (***рис. 3: 7, 8***).

10. **Фибулы** парные (2 экз.) одночастные позднелатенской схемы с рамчатым приемником и нижней тетивой. Игла, пружина и корпус каждой застежки изготовлены из округлого в сечении дрота диаметром 4 мм в средней части, сужающегося до 2 мм к пружине и ножке. Спинки украшены поперечными валиками: в одном случае — одинарным, в другом — фигурным тройным. Ниже валиков корпуса фибул подгранены. Приемники вверху украшены поперечными выступами, а в одном случае кроме того — мелкими насечками. Длина фибул соответственно — 7,8 и 7,9, длина приемников — 2,5 см (***рис. 3: 1, 2***).

11. **Застежка** от пояса или портупеи для подвешивания ножен меча в виде овала с двумя отростками и вертикальным выступом между ними. Массивное кольцо имеет ромбическое сечение (7 × 8 мм), высота вертикального выступа со шляпкой 1,1 см. Ширина застежки — 3,1, длина — 4,4 см (***рис. 3: 6***).

12. **Кольца** для подвешивания ножен меча (2 экз.) изготовлены из массивного прута, форма которого в сечении близка к ромбической (8,5 × 11,5 мм). Вдоль внешних граней — кольцевые бороздки. Внешний диаметр колец соответственно около 3,7 и 3,4 см (***рис. 3: 4, 5***).

13. **Предмет в виде цилиндра**, закрытого с одного торца сплошной крышкой. Сквозь нее внутрь предмета продет стержень. Открытый конец цилиндра украшен кольцевыми бороздками. Диаметр крышки — 1,9, диаметр открытого конца — 1,6, высота цилиндра — 2,45 см. Можно предположить, что предмет использовался для закрепления на конце рукояти ножа или иного инструмента (***рис. 3: 9***).

Проведем поиск аналогий для определения культурно-хронологической принадлежности данного комплекса. Погребальный обряд находит ближайшие соответствия среди таких латенизированных культур северо-западного круга, как пшеворская и оксывская. Именно для них характерны кремации, сопровождаемые ритуально погнутым или поломанным оружием. Наличие оружия в трупосожжениях в целом не типично для еще одной латенизированной культуры — ясторфской, за исключением так называемой группы Крагхеде (*Щукин, 1994, с. 104—107*).

Считается, что «убитые» предметы вооружения начинают помещать в могилы носителей указанных культур под влиянием кельтского погребального обряда. В целом как отдельные экземпляры, так и наборы разнообразного оружия отмечены примерно в двухстах пшеворских и ста оксывских погребениях предримского времени (*Łuczkiewicz, 2006*). Наиболее восточные (географически близкие к рассматриваемому комплексу) находки пшеворского типа зафиксированы в верховьях Днестра (*Smiszko, 1932*). Среди них особый интерес представляет небольшой могильник Гринев, функционировавший в период от Латена

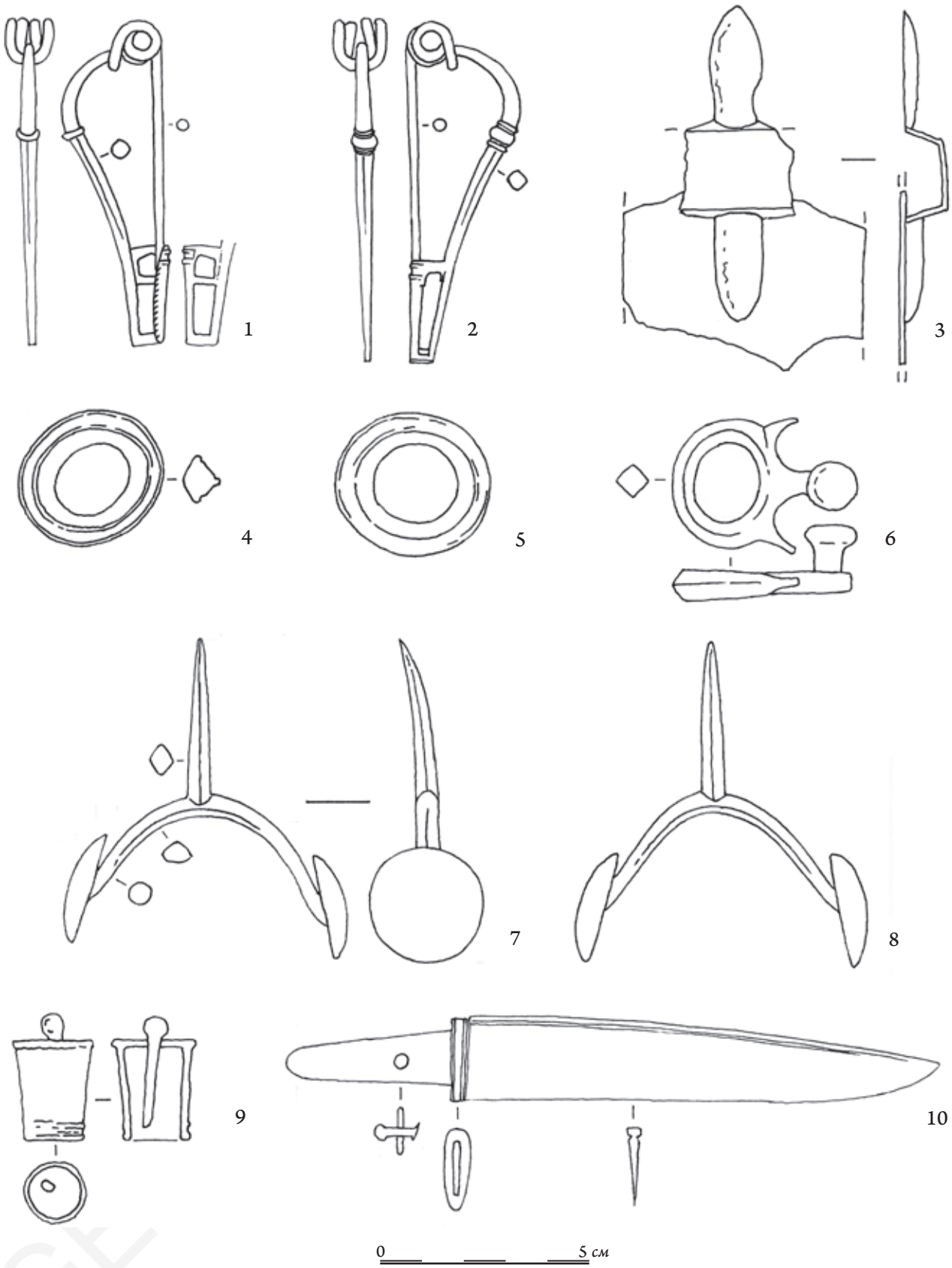

***Рис. 3*. Мутин. Железные предметы**. Рисунок Р. В. Терпиловского

***Abb. 3*. Mutin. Metallischen Funde.** Zeichnung von R. W. Terpilovskij

D_2 — D_3 до стадии B_2 раннеримского времени. Так, погребение 3 этого могильника (трупосожжение в крупном гончарном кувшине) сопровождалось в числе прочих вещей фибулой типа А67, поломанными мечом с ножнами, наконечником копья, боевыми ножами, умбоном и шпорой (*Козак, 1984, с. 86, 87, рис. 37: 4—8; 38; 43; 44: 3*). Исследователь датировал этот комплекс началом раннеримского периода — 40-ми годами (*Козак, 1984, с. 37*).

Обратим также внимание на те погребения с оружием, где в качестве урн для кальцинированных костей использовались бронзовые ведерки. На территории Польши отмечено около десяти пшеворских и оксывских погребений подобного типа[1].

Именно среди пшеворских материалов в первую очередь следует искать аналогии вещам из погребения с целью датировки. Наиболее важные из датирующих вещей — парные позднелатенские фибулы с ажурными ножками, распространенные в комплексах латенизированных культур позднего предримского периода (ясторфская, пшеворская, оксывская, зарубинецкая). Аналогичные застежки принадлежат к типу N (с нижней тетивой) по Ю. Костжевскому (*Kostrzewski, 1919*) или к группе 3 — фибулы «позднелатенской» схемы с рамчатой ножкой по классификации А. К. Амброза (*1966, с. 22, 23*). Типология Ю. Костжевского неоднократно модифицировалась. Так, С. П. Пачкова определяет данные экземпляры как тип N1б, отличительным признаком которого является проволочная слабо прогнутая спинка (*2004, с. 21—23*). Аналогичные застежки присутствуют в комплексах зарубинецкой культуры, которые датируются фазами D_2 и D_3.

По мнению Т. Домбровской, фибулы типа N типичны для пшеворской культуры второго горизонта фазы A_3, синхронной Латену D_2 и D_3, причем наиболее поздними считаются экземпляры значительных размеров и с ажурными ножками (как фибулы из Мутина). Т. Домбровска датирует второй горизонт этой фазы предпоследним десятилетием I в. до н. э. — началом второго десятилетия I в. н. э. (*Dąbrowska, 1988, s. 61, 62*).

Бронзовая ситула как по общей форме, так и по способу крепления железных ушек и дужки наиболее близка ведеркам типа Е.22, которые Г.-Ю. Эггерс относит к позднелатенскому времени (*Eggers, 1955, Taf. 4: 22*). Сосуды этого типа немногочисленны на территории европейского Барбарикума и не известны на памятниках пшеворской и оксывской культур.

Набор оружия и воинского снаряжения из трупосожжения в целом характерен для финала предримского времени. Несмотря на обломанные острие и конец рукояти меча, по таким основным характеристикам, как размеры, скошенные плечики, профиль клинка и рукояти его можно отнести к типу I/2b (*Łuczkiewicz, 2006, s. 20, 21*). Наконечник копья с очень длинным и узким пером и короткой втулкой по типологии того же автора принадлежит к типу L/2 (*Łuczkiewicz, 2006, s. 76, 77*). Впрочем, судя по многочисленным находкам, происходящим с территории Польши, мечи и копья подобных типов использовались довольно долго — на протяжении фаз A_2 и A_3. Умбон отличается рядом деталей от основных типов предримского и раннеримского времени. Более всего по основным признакам (форма купола и крупные бляхи, невысокий сплошной шип) он напоминает умбоны типа 10 (*Bochnak, 2005*).

Шпоры относятся к подгруппе А по классификации Е. Гинальского, который датируется поздним предримским временем (*Ginalski, 1991, s. 55, 56*). Аналогичные изделия происходят, в частности, из пшеворских комплексов в Гриневе и Веселках. К ним в целом близки находки из поселений зарубинецкой культуры Оболонь (Луг 4) и Монастырек. Отметим, что парные шпоры в погребениях пшеворской и оксывской культур встречаются сравнительно редко — в семи и четырех погребениях соответственно (*Łuczkiewicz, 2006, s. 90*).

Застежка «с крылышками» близка к изделиям типа К.49 (*Kostrzewski, 1919, rys. 49*). Предполагается, что такие застежки (как и массивные кольца) использовались в поясах или портупеях для подвешивания мечей на протяжении длительного периода — от рубежа фаз A_1/A_2 до конца предримского времени (*Dąbrowska, 1988, s. 30*).

Таким образом, сумма хронологических индикаторов позволяет достаточно точно датировать погребение финалом предримского времени

[1] Пользуемся случаем выразить благодарность доктору Петру Лучкевичу (Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша) за оказанную помощь и консультации.

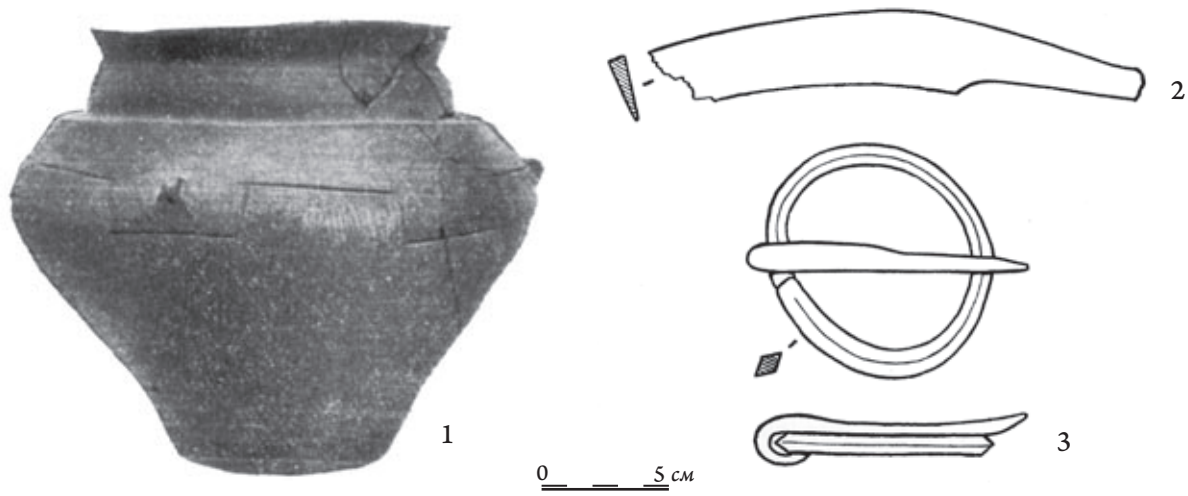

***Рис. 4*. Комплекс погребения из Пересыпок** (по: *Кухаренко, 1970*)

***Abb. 4*. Grabkomplex von Peresypki**

(концом фазы A_3) или рубежом предримского и началом раннеримского времени (A_3/B_1), другими словами, рубежом н. э.

В отличие от металлических предметов, имеющих многочисленные параллели среди древностей Центральной Европы, поиски аналогий сосуду-урне представляют наибольшие трудности. Хотя его общее сходство (как по форме, так и по орнаментальным композициям) с керамикой северо-западного круга не вызывает сомнений, близкие аналогии нам не известны. В качестве более отделенных аналогий можно указать сосуды из погребений ясторфской культуры в Майсдорфе и Цигельсдорфе (*Müller, 1985, S. 208—226, Tabl. 5: 8; 23: 10*).

В этой связи необходимо обратиться к материалам погребения у с. Пересыпки, случайно обнаруженного на правом берегу Сейма недалеко от Путивля еще в 1936 г. и опубликованного Ю. В. Кухаренко (*1970*)[2]. Комплекс включал небольшой вазообразный горшок-урну с кальцинированными костями, пряжку и нож (***рис. 4***). Исследователь в качестве аналогий урне привел ряд находок среди таких культур позднелатенского времени, как оксывская, ясторфская и пшеворская, допуская, что подобные по форме сосуды встречаются и позднее. В конечном итоге, пытаясь сузить круг поисков, Ю. В. Кухаренко определил комплекс как памятник типа Брест—Тришин и датировал концом I — II в. н. э. (*1970, с. 34*). С ним согласился М. Б. Щукин, который отнес трупосожжение из Пересыпок к вельбаркской культуре периода B_2/C_{1a} хронологии римского времени (*Szczukin, 1981, с. 136*), придерживаясь этой точки зрения и в дальнейшем (*Щукин, 1994, с. 247; 2005, с. 105, 106*). Его поддержала и К. В. Каспарова, приведя ряд аналогий форме и системе орнаментации горшка из Пересыпок, не вполне, правда, близких (*1989, с. 278—280*). Один из авторов настоящей статьи также высказался по этому поводу, сославшись на мнение Е. Окулича о том, что данный сосуд может быть близок керамике нидицкой группы пшеворской культуры (*Терпиловский, 1989, с. 232*).

Ситуация изменилась после того, как в начале 1990-х годов А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским была проведена разведка в среднем течении Сейма, выявившая ряд памятников позднелатенского времени, подобных известному с конца 1940-х годов по работам Д. Т. Березовца поселению у с. Харьевка (*Максимов, 1972, с. 54, 55*). Всего (с учетом данных предшественников) было зафиксировано 19 памятников «типа Харьевка». На поселениях Красное 4, Чаплищи 3, Пересыпки 1 и Литвиновичи 3 в 1991—1992 гг. были проведены раскопки. Очевидно, возле поселения Пересыпки 1 и было в свое время найдено погребение,

[2] Наши попытки найти вещи из погребения в Пересыпках в фондах Путивльского краеведческого музея, предпринятые в начале 1990-х годов, к сожалению, не увенчались успехом.

SERVIA ANTIQUA II

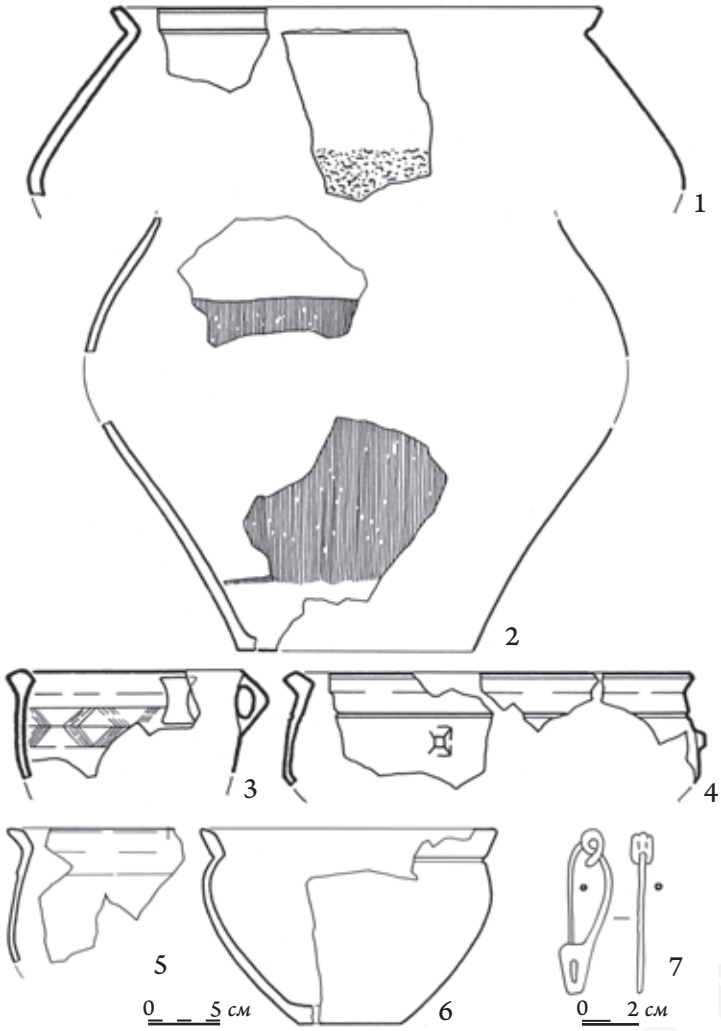

***Рис. 5*. Образцы керамики второй группы (северо-западного происхождения) из памятников типа Харьевка и железная фибула**: 1, 3—6 — Красное 4; 2, 7 — Литвиновичи 3. Рисунок А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского

***Abb. 5*. Die Keramikmuster der zweiten Gruppe (nordwestlichen Herkunft) aus den Fundorten von Charjevka-Gruppe und eiserne Fibel**: 1, 3–6 – Krasnoe-4; 2, 7 – Litvinovitschi-3. Zeichnung von A. M. Oblomskij und R. W. Terpilovskij

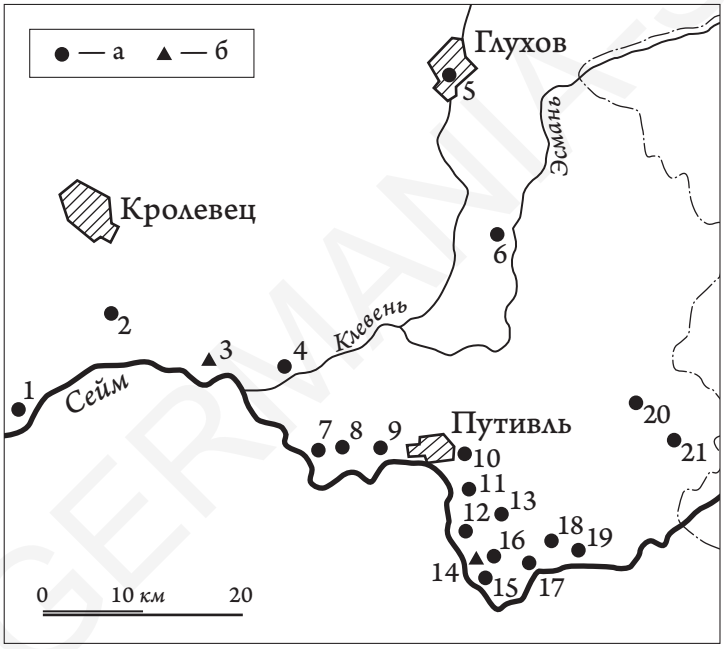

***Рис. 6*. Памятники типа Харьевка**:
1 — Любитово 2; 2 — Червоный Ранок; 3 — Мутин; 4 — Литвиновичи 3; 5 — Глухов; 6 — Баничи 3; 7 — Красное 4; 8 — Красное 2; 9 — Пруды; 10 — Путивль; 11 — Пешков; 12 — Харьевка; 13 — Калище; 14 — Пересыпки; 15 — Пересыпки 1; 16 — Пересыпки 2; 17 — Чаплищи 3; 18 — Волынцево; 19 — Ивановка 1; 20 — Новая Слобода; 21 — Марьяновка. (Условные обозначения: а — поселения, б — отдельные погребения)

***Abb. 9*. Fundorten von Charjevka-Gruppe**:
а – Siedlungen, б – Einzelfunde.
1 – Lubitovo-2; 2 – Červonyj Ranok; 3 – Mutin; 4 – Litvinovitschi-3; 5 – Gluchow; 6 – Banitschi-3; 7 – Krasnoe-4; 8 – Krasnoe-2; 9 – Prudy; 10 – Putivl; 11 – Peschkov; 12 – Charjevka; 13 – Kalische; 14 – Peresypki; 15 – Peresypki -1; 16 – Peresypki -2; 17 – Čaplischi-3; 18 – Volyntzevo; 19 – Ivanovka-1; 20 – Novaja Sloboda; 21 – Marjanovka

GERMANIA SARMATICA II

опубликованное Ю. В. Кухаренко. К сожалению, последовавший затем коллапс «бюджетной» археологии не позволил продолжить исследование этой интереснейшей культурной группы. Тем не менее, основные результаты работ в Среднем Посеймье введены в научный оборот (*Обломский, Терпиловский, 1994*; *Обломский, Терпиловський, 1994*; *Обломский, 2000*).

На фоне зарубинецкой культуры памятники типа Харьевка выглядят весьма своеобразно. Будучи самым восточным ее локальным вариантом, они вместе с тем отличаются наиболее многочисленными и выразительными западными элементами. Своеобразие памятников типа Харьевка определяется в первую очередь характером керамического комплекса, который по происхождению можно разделить на две основные группы. Часть форм кухонных и столовых сосудов характерна для зарубинецкой культуры, прежде всего для ее среднеднепровского варианта, хотя встречается и керамика, имеющая общезарубинецкое распространение. Однако в контексте данной статьи особый интерес представляет посуда второй группы, связанная по происхождению с центральноевропейским культурным кругом, прежде всего с ясторфской и пшеворской культурами. Соотношение между этими двумя группами может быть различным. В Красном 4, например, центральноевропейская керамика разнообразнее, чем в Литвиновичах 3, а зарубинецкая представлена меньшим количеством типов. Хронология памятников типа Харьевка определяется в рамках существования всей зарубинецкой культуры (от рубежа III/II вв. до н. э. до начала н. э.) по фрагментам косских, родосских и синопских амфор, а также по находке железной фибулы позднелатенской схемы с рамчатым приемником (***рис. 5***), близкой застежкам из Мутина. Наличие двух компонентов в материальной культуре памятников зарубинецкого времени Среднего Посеймья свидетельствует о сложности этнического состава населения этого региона (*Обломский, Терпиловский, 1994*; *Обломский, 2000, с. 152—154*).

В связи с работами на памятниках типа Харьевка возникло предположение о связи с ними погребения из Пересыпок. Действительно, найденная там урна по стилю своего оформления (трехчастный венчик, орнамент в виде «меандра», прямоугольные налепы-шишечки, вертикальные мелкие расчесы, нанесенные гребнем по лощеной поверхности) явно относится ко второй группе керамики Среднего Посеймья (*Обломский, Терпиловский, 1994, с. 162, рис. 6—8*). Фрагменты подобных сосудов известны, в частности, среди материалов поселения Литвиновичи 3 (*Обломский, 2000, рис. 9: 2; 10: 4*).

В свою очередь сходство сосудов из Пересыпок и Мутина не вызывает сомнений: их сближают общая форма, пропорции, граненый венчик, характер орнаментации («меандр», вертикальные расчесы, шишечки, лощеные верх и низ). Впрочем, имеются и отличия (на наш взгляд, второстепенные): урна из Пересыпок значительно меньше по размерам, в верхней части она имеет уступ, отсутствующий на сосуде из Мутина, количество шишечек разное (три на урне из Пересыпок и пять на сосуде из Мутина). В целом, вазообразные сосуды из Пересыпок и Мутина, несомненно, принадлежат одной традиции, связанной, очевидно, с памятниками типа Харьевка.

Бронзовая ситула, использованная в качестве урны, и полный комплект воинского снаряжения, включавший меч, копье, нож, щит и шпоры, найденные в рассматриваемом погребении, указывают на весьма высокий статус погребенного в социальной структуре местных племен. Очевидно, погребение этого могущественного вождя было совершено, повторимся, около рубежа н. э. Его этническая принадлежность с учетом деталей погребального обряда и характера сопровождающего инвентаря (в первую очередь оружия), скорее всего, может быть определена как германская.

Таким образом, в пограничье лесной и лесостепной зон Днепровского Левобережья в предримское время можно отметить ряд этнокультурных импульсов, связанных с западным кругом древностей. Их свидетельством являются находки коронообразных гривен в среднем течении Десны (*Schcukin et al., 1992*), один из компонентов культурной группы типа Харьевка, а также связанные с ним кремации из Пересыпок и Мутина в среднем течении Сейма (***рис. 6***). Каждое из этих явлений имеет отчетливые параллели среди памятников ясторфской и пшеворской культур.

Литература

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. — IV в. н. э.). (САИ; Вып. Д1-30). Москва.

Каспарова К. В., 1989. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin.

Козак Д. Н., 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західном Побужжі. Київ.

Кухаренко Ю. В., 1970. Погребение у с. Пересыпки // МИА. № 176. Москва.

Максимов Е. В., 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.

Обломский А. М., 2000. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи 3 в Среднем Посеймье // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. T. 1. Lublin.

Обломский А. М., Терпиловський Р. В, 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія. № 3. Київ.

Пачкова С. П., 2004. Пути формирования фибульного комплекса зарубинецкой культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ.

Терпиловский Р. В., 1989. К проблеме контактов киевской и вельбарской культур // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. Санкт-Петербург.

Bochnak T., 2005. Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrzymskim. Rzeszów.

Dąbrowska T., 1988. Wszesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia — zasieg — powiazania. Warszawa.

Eggers H.-J., 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // JRGZM. Jg. 2.

Ginalski J., 1991. Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 38. Poznań.

Kostrzewski J., 1919. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzeit // Mannus-Bibliothek. № 18—19. Leipzig; Würzburg.

Łuczkiewicz P., 2006. Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim. (Archaeologia Militaria; II). Lublin.

Müller R., 1985. Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelelbe, Veröffentl. Landesmus. Vorgesch. Halle 38. Berlin.

Szczukin M. B., 1981. Zabytky wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Schcukin M. B., Valkova T. P., Shevchenko Yu. Yu., 1992. New finds of «Kronenhalsringe» in the Chernigov region Ukraine and some problems of their interpretation // Acta Archaeologica. Vol. 63. Kobenhavn.

Smiszko M., 1932. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wscodniej. Lwów.

GERMANIA-SARMATIA II

R. W. Terpilovskij, L. I. Bilinskaja

Kriegerbrandgrab vom Jahrzehnte v. Chr. auf dem Fluss Sejm

Im Beitrag werden die Funde aus der einzigartigen Beerdigung analysiert, die in der Nähe des kleinen Ortes von Mutin (Bez. Krolevetz, Geb. Sumy) auf dem Sejm zufällig entdeckt. Zur Zeit werden die Funde im Heimatmuseum der Stadt Krolevetz bewahrt. In die keramische Urne waren die gebogenen Schwerte und die Spitze des Speers, sowie der von den kalzinierten Knochen ausgefüllte bronzene Eimer, unterbracht. Unter den Knochen befanden sich auch Fiebelpaar und Sporns, das Messer und die metallischen Teile des Degengehänges. Der situlaförmigen Eimer war dürch Schildbückels bedeckt. Waffensatz und Grabsitte, das die gebogenen Gegenstände der Ausrüstung aufnahm, finden die nahen Analogien zwischen Brandgräber solche latenisirte Kulturen des Mitteleuropas wie Przeworsk- und Oksyw-Kultur. Die spätlatezeitliche Fiebeln mit rahmenförmige Nadelhalter kann man in das Finale Latenzeit (die späte vorrömische Zeit nach der Terminologie der polnischen Archäologen), das heißt von der Grenze unserer Ära datieren.

Die Urne ist nach den Hauptmerkmalen dem Behälter aus Grab bei Peresypki (Kr. Putivl, Geb. Sumy) ähnlich. Die Herkunft und die Datierung dieses Komplexes ruft seit langem die belebten Diskussionen. Es ist, dass Brandgrab von Peresypki jetzt offenbar, wie auch Brandgrab von Mutin, sind mit der lokalen kulturellen Charjevka-Gruppe verbunden. Wie haben die Ausgrabungen von A. M. Oblomskij und R. W. Terpilovskij des Anfanges 1990 Jahre gezeigt, wird in der Fundorten von Charjevka-Gruppe die eigentümliche Kombination der Sarubinzy-Elemente und Merkmale des nordwestlichen Kreises (Jastorf- und Przeworsk-Kultur) beobachtet.

GERMANIA SARMATIA II

Воронятов Сергей Вячеславович

Младший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

oaves@hermitage.ru
s.voroniatov@gmail.com

Мачинский Дмитрий Алексеевич

Старший научный сотрудник Научно-просветительного отдела Государственного Эрмитажа

ivolgina39@mail.ru

С. В. Воронятов, Д. А. Мачинский

О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях

Читателю следует учесть и еще один момент: следуя за готами, выходцами с Севера, и германцами, мы не должны забывать, что имеем дело все-таки с людьми особого психического склада, придерживавшимися не совсем обычных норм этики и поведения, нам, да, возможно, и современникам на континенте, не всегда понятных. Читайте «Сагу о саге» М. И. Стеблин-Каменского и серию блестящих работ А. Я. Гуревича, читайте сами саги, и не только скандинавские и исландские, но и эпос англосаксонский и среднегерманский.

М. Б. Щукин «Готский путь»

Взаимодействие выделенных М. Б. Щукиным «Семи миров древней Европы» являлось предметом его методически точного и образно насыщенного исследования и воссоздания в монографиях, статьях, докладах и университетских курсах. Особое внимание Марк Борисович уделял германскому миру Восточной и Центральной Европы (прежде всего готам, создателям черняховской культуры III — начала V в., вобравшей в себя различные этнокомпоненты), а также лесному славяно-балтскому миру и миру ираноязычных кочевников степи — сарматам и аланам (*Мачинский, Воронятов, 2009, с. 184*).

Одним из археологических проявлений взаимодействия германского и иранского культурных миров являются широко известные находки германских копий с сарматскими тамгами первых веков н. э. Попытки понять механизм появления тамг у германцев занимают далеко не последнее место в работах М. Б. Щукина (*Ščukin, 1993, p. 325, fig. 3*; *Shchukin, 1994, p. 485—495*; *Щукин, 1994, с. 230, 231, рис. 78*; *2004, с. 458, 459*; *2005, с. 72, 73*). И во многом это обусловлено тем, что на некоторых копьях обнаружена тамга, принадлежащая загадочной исторической личности — сарматскому царю Фарзою, монеты которого чеканились в Ольвии в 50—60 гг. н. э. (***рис. 1***). К этому правителю и его царству у М. Б. Щукина был особый интерес. Те, кому посчастливилось общаться с Марком Борисовичем и слушать его лекции, могли обратить внимание на знаки, изображенные на его серебряном перстне и медном браслете, — это были тамги Фарзоя. Марк Борисович в разговорах признавался, что небольшая работа «Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья» (*Щукин, 1982, с. 35—38*) — одна из его любимых статей. И, как мы попытаемся показать далее, выделяемая М. Б. Щукиным логическая связка — царство Фарзоя и германские копья с его тамгой — может оказаться ключом к пониманию

GERMANIA SARMATIA II

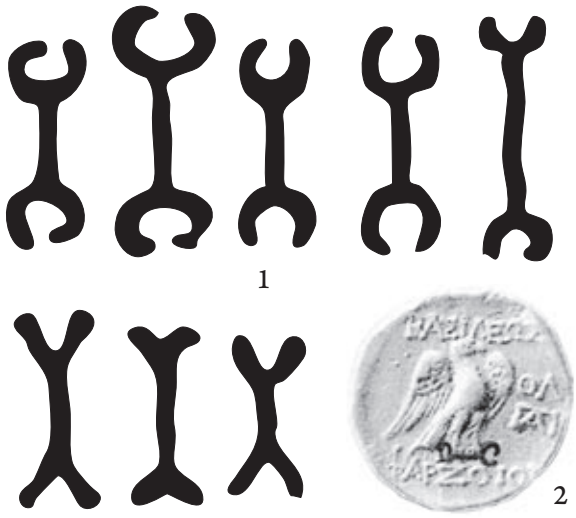

***Рис. 1*. Тамги Фарзоя на монетах**:
1 — тамги на монетах; 2 — монета Фарзоя с тамгой (по: *Раев, Симоненко, 2009, рис. 9*)

***Abb. 1*. Tamgen von Farzoios auf Münzen**.
1 – Tamgen auf Münzen; 2 – Farzoios-Münze mit Tamga

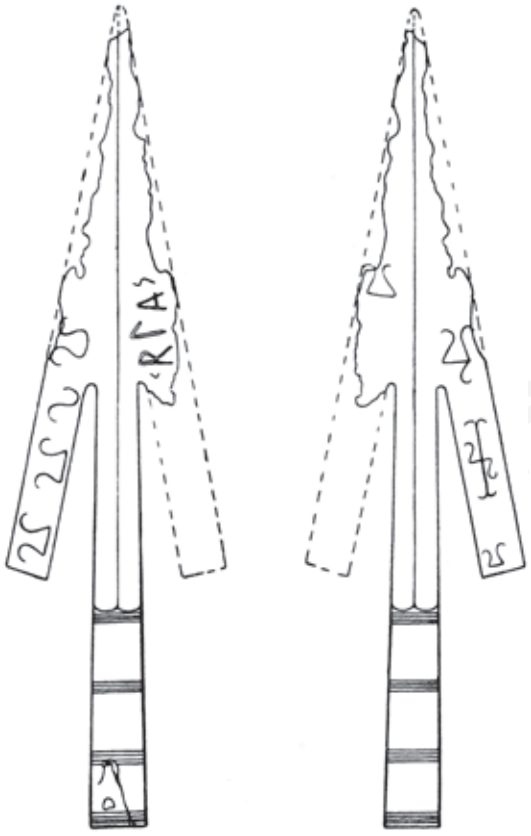

***Рис. 2*. Наконечник копья из Розвадува**
(по: *Śmiszko, 1936, tabl. XX*; без масштаба)

***Abb. 2*. Lanzenspitze aus Rozwadów**
(ohne Maßstab)

рассматриваемого явления в частности и к реконструкции сармато-германских контактов в целом.

Но прежде попытаемся коротко осветить основные существующие интерпретации изображений «сарматоидных» знаков на копьях и гипотезы обстоятельств их попадания к германцам Северной Европы. Следует, конечно, сказать, что не все исследователи разделяли мнение о том, что так называемые тамги на копьях можно называть сарматскими и выводить их происхождение из Северного Причерноморья. Так, В. С. Драчук предостерегал от подобных выводов и считал, что кроме внешнего совпадения начертаний нет ни одного подтверждения для отнесения похожих на сарматские знаков на копьях к кругу причерноморских (*Драчук, 1975, с. 93*). Еще один авторитетнейший исследователь сарматских знаков — Э. И. Соломоник, напротив, не сомневаясь в южном происхождении некоторых знаков на копьях, предполагала, что в момент продвижения сарматских племен на территорию Западной Европы произошло заимствование сарматских знаков германцами (*Соломоник, 1959, с. 43, 44*). Конкретных обстоятельств, при которых осуществлялись контакты сарматов и европейских варваров, исследовательница не рассматривала.

Упоминая существование пессимистичных воззрений относительно южного происхождения некоторых знаков на германских копьях, следует все же сказать, что ученых, считавших схожесть знаков в сарматских и германских древностях справедливой, всегда было больше. По-видимому, сам ракурс изучения явления мог возникнуть только из таких сопоставлений. Посвятивший отдельную работу копью из Розвадува (***рис. 2***) М. Ю. Смишко приводит мнения целого ряда исследователей XIX и первой половины XX в. — В. Антоневича, П. О. Бурачкова и И. И. Мещанинова, которые отмечали схожесть некоторых знаков на копьях с известными метками-тамгами в Причерноморье (*Śmiszko, 1936, s. 144*; *Тиханова, 1941, с. 275*).

У исследователей сегодня все сомнения о схожести сводятся лишь к тому, что не всем «сарматоидным» знакам на германских копьях можно найти прямые параллели в корпусе сарматских тамг. Объясняется это тем, что германцы могли позаимствовать саму идею тамги, а какие-то конкретные знаки развивались уже на севере, потеряв

первичные значение и смысл (*Мельникова, 2001, с. 94*; *Dobrzańska, 2001, p. 109*; *Щукин, 2005, с. 72, 73*). Относительно места и времени взаимодействия сарматов и германцев — носителей пшеворской археологической культуры — существует целый спектр предположений. Так, и М. Б. Щукин, и ссылающаяся на его работы Г. Добжаньская говорят о двух-четырех конкретных контактных ситуациях, в разной степени подкрепленных археологическим материалом и свидетельствами письменных источников.

Первая связана с территорией Верхнего Поднестровья и так называемой звенигородской группой памятников I в. н. э., в материалах которых наблюдается достаточно сложный процесс взаимодействия культурных элементов пшеворской, дакийской и сарматской археологических культур (*Щукин, 1994, с. 230*; *Dobrzańska, 2001, p. 102*). Данный археологический материал для рассматриваемой нами темы является не самым актуальным, что следует и из текстов указанных авторов. Г. Добжаньская ссылается на мнение А. Коковского, который называет контакты на Верхнем Днестре носящими эпизодический характер (*Kokowski, 2003, S. 40*). Но здесь важнее подчеркнуть факт отсутствия в материалах звенигородских памятников сарматских тамг, которые могли быть заимствованы носителями пшеворской культуры. К сожалению, археологический материал не может гарантировать, что обитатели Верхнего Днестра иранского происхождения не пользовались знаками-тамгами вообще — они могли быть нанесены на несохранившиеся предметы из органических материалов, но мы вынуждены исходить из имеющихся источников.

Вторая контактная ситуация произошла в 50 г. н. э. на территории современных Венгрии и Словакии (*Щукин, 1994, с. 222, 230*; *Shchukin, 1994, p. 489, 490*; *Dobrzańska, 2001, p. 102*), и наши знания о ней в первую очередь базируются на сообщении Тацита, который рассказывает о судьбе квадского царя Ванния и его царстве: «…он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавляли царь гермундуров Вибилий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон»; «…надвигалась несметная сила — лугии (отождествляемые с вандалами Плиния и с носителями пшеворской культуры — *С. В., Д. М.*) и другие народности, привлеченные слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственная, конница из сарматского племени язигов….» (*Tac. Ann. XII, 29*).

М. Б. Щукин полагает, что события 50 г. н. э. стали обстоятельствами появления тамг Фарзоя на копьях из Бодзаново (***рис. 3***)[1] в Польше и Валле в Норвегии. Марк Борисович считает, что в результате военного участия язигов в описанных Тацитом событиях происходили не только столкновения, но и дружеские контакты на уровне воинов-дружинников. Оба комплекса с копьями датируются ступенью B_2 хронологии римского времени, т. е. 70—170 гг. н. э., и М. Б. Щукин акцентирует внимание на том, что в начале этого периода Фарзой еще был жив и слухи о его громкой славе могли ходить в военно-аристократической среде (*Щукин, 1994, с. 230*). К результатам этих же контактов, возможно, также относятся находки железных умбонов в богатых сарматских курганах Садовый и Высочино на Нижнем Дону (*Щукин, 2004*; *Щукин, 2005, с. 72*).

Пересказанное предположение, по нашему мнению, опять же нуждается в привлечении информации об использовании тамг сарматами-язигами Карпатского региона. И здесь приходится констатировать откровенную скудность подобного материала[2]. Если бы не знак на золотой пластине из ограбленного погребения в Дунахарасти (*Istvánovits, Kulcsár, 2006, p. 186, áb. 1*), можно было бы сказать, что ни одного достоверного комплекса или природного объекта с сарматскими тамгами на территории Венгрии не известно. Справедливости ради следует остановиться на описании и интерпретации тамги из Дунахарасти (***рис. 4***). Э. Иштванович и В. Кульчар вполне определенно связывают эту тамгу с кланом царя Фарзоя. Полностью разделить такую трактовку сложно в силу

[1] К нашему удивлению, тамга на копье из Бодзаново в первоначальной публикации (*Zielonka, 1958. rys. 72: f*), существенно отличается от тамги на том же копье, рисунок которого воспроизводится в работах других авторов (ср.: *Ščukin, 1993, fig. 3: 25*; *Яценко и др., в печати, рис. 3: 3*). В дальнейшем предстоит выяснить, чем это обусловлено.

[2] Благодарим Валерию Кульчар за консультацию по данному вопросу.

SERVUS SARMATIA II

того, что хотя схема тамги из Дунахарасти и близка схеме тамги Фарзоя, она все же имеет серьезные отличия. Все бесспорные изображения тамги Фарзоя — это изображения на его монетах ольвийской чеканки (*Карышковский, 1982, рис. 3: 1—9*; *Раев, Симоненко, 2009, рис. 9*). М. Б. Щукин коротко и четко описывал эту схему так — «две дуги с перемычкой» (*1994, с. 230*). Экземпляр же из Дунахарасти не имеет перемычки как таковой, скорее можно говорить о двух соединенных волютах с разнонаправленными завитками. Тамги с подобными отклонениями от классической «монетной схемы» знака клана Фарзоя (***рис. 1***) исследователи определяют как принадлежащие, скорее всего, другим людям (*Раев, Симоненко, 2009, с. 77*), что, впрочем, не отменяет датировки I в. н. э. и возможного отношения к клану Фарзоя.

Описанной тамгой, как уже было указано, достоверный тамговый материал с территории Венгрии исчерпывается. В этом смысле потенциал территорий Украины, Молдавии и пограничных с ней областей Румынии оказывается более сильным, количество памятников с тамгами на них во много раз превосходит их число в Венгрии (*Соломоник, 1959*; *Драчук, 1975*; *Beldiman, 1990, a. 139—151*; *Белдиман, 1991, с. 208, 209*; *Babeş, 1999, S. 223—239*; *Яценко, 2001а*). Этот факт свидетельствует не в пользу предположения, что именно при контактах сарматов-язигов и европейских варваров произошло заимствование изображений тамг, которые в результате оказались на копьях.

Третья возможная контактная ситуация последней четверти I в. н. э. целиком построена Г. Добжаньской на предположениях с привлечением косвенно относящихся к проблеме свидетельств греческого философа Диона Хрисостома, который посетил Ольвию в 83 г. н. э. Из сообщения о том, что он застал Ольвию свободной от скифских правителей, исследовательница делает не совсем прозрачное и логичное предположение, что в последней четверти I в. н. э. происходит упадок «протогосударственной политической структуры», созданной Фарзоем и его наследниками. В результате чего сарматы, пытаясь сохранить «единство протогосударства», ищут союзников в лице носителей пшеворской культуры на территории современной Южной Польши (*Dobrzańska, 2001, p. 111*).

Данную конструкцию предположений трудно комментировать. Привлекаемые археологические материалы с территории Польши (*Dobrzańska, 2001, p. 109—111, fig. 2*; *Dobrzańska, Wielowiejski, 1997, p. 81—102*), хронологически соответствующие второй половине I в. н. э. и связываемые с северопонтийским регионом, никоим образом не свидетельствуют о контактах сарматов и германцев дипломатического уровня, да еще и с надуманной целью сохранить «единство протогосударства», выделение которого также, к слову, находится под большим вопросом.

Четвертая ситуация, при которой можно вполне обоснованно реконструировать взаимодействие сарматов и северных варваров, относится ко второй половине II в. и первым трем десятилетиям III в. н. э. — периоду, в который попадает большинство известных инкрустированных серебром копий (*Kaczanowski, 1988, s. 61—63*). Г. Добжаньская синхронизирует появление тамг на германских копьях с присутствием готов в северопонтийском регионе и считает, что перед лицом готского вторжения на сарматские территории современных Украины и Молдавии кочевники, обитавшие в бассейнах Прута и Днестра, могли объединиться с носителями пшеворской культуры Южной и Центральной Польши. Изображения тамг на копьях могли стать следствием этого союза (*Dobrzańska, 2001, p. 111, 112*). Также исследовательница допускает, что в это время небольшие группы сарматов могли жить на территории, занимаемой носителями пшеворской культуры, и подвергаться культурной ассимиляции.

Эта контактная ситуация является наиболее адекватной хронологии рассматриваемых копий с сарматскими тамгами, но многие моменты создаваемой реконструкции остаются аморфными и туманными. Неясно, где происходило воссоединение сил сарматов и германцев, как это может отражаться в археологическом материале предполагаемой территории «альянса», где конкретно в это время находились готы? Эти вопросы остаются без ответа.

Одним из главных минусов последней гипотезы можно назвать упущенное из виду свидетельство готского историка Иордана, который сообщает о взаимоотношении готов и вандалов (носителей пшеворской культуры — *С. В., Д. М.*). Он пишет:

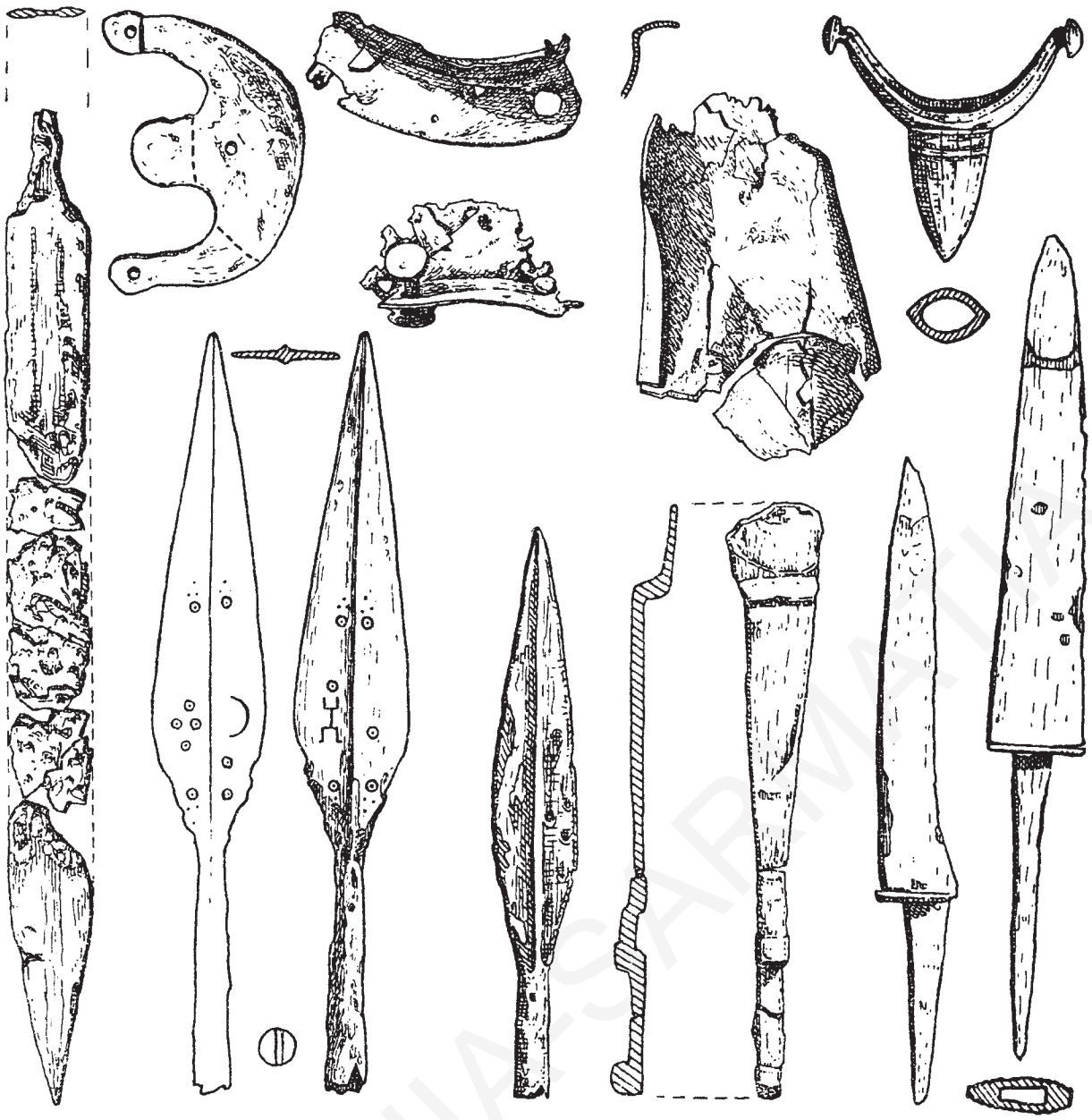

Рис. 3. **Комплекс трупосожжения 19 могильника Бодзаново** (по: *Zielonka, 1958, rys. 72*; без масштаба)

Abb. 3. **Bestattungskomplex 19 des Gräberfeldes Bodzanowo** (ohne Maßstab)

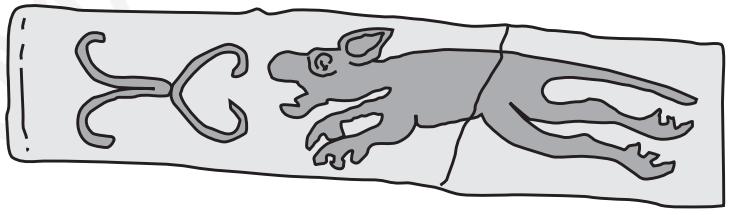

***Рис. 4*. Фрагмент золотой пластины с тамгой из ограбленного погребения в Дунахараст**и (по: *Istvánovits, Kulcsár, 2006, áb. 1*; без масштаба)

***Abb. 4*. Detail einer Goldplatte mit Tamga aus der ausgeraubten Grabstätte in Dunaharaszti** (ohne Maßstab)

GERMANIA SARMATICA II

«Вскоре они продвинулись оттуда (из Готискандзы — земли, на которую ступили готы по прибытии с острова Скандзы — *С. В., Д. М.*) на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам» (*Iord. Get. 26*). Это свидетельство не согласуется с предположением Г. Добжаньской о том, что носители пшеворской культуры могли заключить военный союз с сарматами, поскольку его хронологическая позиция находится после времени описанных готским историком событий. Более того, сообщение Иордана о подчинении вандалов находит подтверждение в материалах пшеворской и вельбаркской[3] культур Мазовии и Подляшья. Некоторые пшеворские могильники в какой-то момент (на ступени B_2/C_1) продолжают функционировать уже как вельбаркские (Неданово, Крупице, Колозоб, Скорбичи и др.), а ряд готских памятников на Волыни (Лепесовка, Любомль, Баев и др.) содержит существенные культурные компоненты пшеворской культуры (*Ziemlińska-Odojowa, 1999*; *Jaskanis, 2005*; *Белевец, 2007, с. 304, 305*; *Тиханова, 1963, с. 182*; *Козак, 1984, с. 56, 57*).

После перечисленных выше вариантов обстоятельств, при которых сарматские тамги могли попасть в число знаков, нанесенных на германские копья, хотелось бы остановиться на «последнем слове» в исследовании рассматриваемой проблемы. Речь идет о статье современного специалиста в деле изучения знаков-тамг ираноязычных народов С. А. Яценко. Работа специально посвящена германским копьям с сарматскими знаками (*Яценко и др., в печати*[4]). В 2004 г. в одной из статей М. Б. Щукин сетовал на то, что С. А. Яценко в своей монографии (*2001а*) не рассматривал специально находки из Центральной и Северной Европы, что при взгляде специалиста могло бы выявить до чрезвычайности любопытные совпадения (*Щукин, 2004, с. 458*). Теперь такая работа есть и, несомненно, представляет интерес с точки зрения методики, разработанной С. А. Яценко для изучения знаков-тамг.

Исследователь в статье о парадных германских копьях с сарматскими знаками (*Яценко и др., в печати*) использует 12 инкрустированных наконечников копий, в основном пшеворской культуры, на которых выделяет 23 типа сарматских клановых знаков (***рис. 5***). Рассмотрев изображения на каждом копье отдельно, автор, подводя итоги, делает следующие выводы: 1) несомненно, знаки на копьях являются сарматскими по происхождению; 2) хронологически, в самой Сарматии, большинство из них использовалось в предшествовавший период (с I до середины II в. н. э.); 3) они связаны прежде всего с двумя регионами — Западной Украиной и бассейном Нижнего Дона; 4) на копьях сарматские знаки оказались в результате дружественных связей германцев с аристократическими сарматскими кланами и бытовали, в том числе и после того, как последние физически исчезли в результате кочевнических войн; 5) дружественные связи могли быть закреплены клятвой дружбы или вступлением в брак представителей германской и иранской сторон.

Следует отдать должное С. А. Яценко, нашедшему для знаков на германских копьях аналогии в Сарматии и выделившему четыре группы родственных кланов сармато-аланов, наиболее тесно контактировавших с германцами. И все же с отдельными выводами позволим себе не согласиться и высказать соображения, которые могли бы их оспорить.

Прежде всего хочется коснуться выделенного количества знаков (23 типа) на копьях (***рис. 5***). Трактовка некоторых из них как однозначно сарматских представляется не совсем осторожной. Уделив большое внимание сарматским аналогиям, С. А. Яценко упускает из виду некоторое количество знаков, которые бытуют в германском мире независимо от контактов с сарматами в первых веках н. э. Проделавший когда-то колоссальную

[3] Вслед за М. Б. Щукиным мы принимаем написание «вельбаркская» вместо «вельбарская» так, как это соответствует правилам русского языка.

[4] Хотя статья опубликована под фамилиями трех исследователей — С. А. Яценко, Г. Добжаньской и А. В. Пивоварова, авторы делают примечание о том, что основные положения и выводы принадлежат С. А. Яценко и основой статьи является его одноименный доклад, зачитанный вне программы 16 октября 2002 г. на IV международной конференции «Боспорский феномен» в Санкт-Петербурге. Исходя из этого примечания в моментах, авторство которых принадлежит С. А. Яценко, полемика будет вестись именно с ним, а фамилии соавторов будут опускаться.

работу Р. Хахманн собрал и классифицировал максимальное на тот момент количество орнаментальных мотивов и знаков на германских копьях (*Hachmann, 1993, S. 327—424*). И обособленная им группа (***рис. 6***) свастических (солярных) изображений убеждает в том, что выделение С. А. Яценко типов № 18 и 20 сарматских тамг может оказаться спорным. Если не касаться глобальной темы существовавшего индоевропейского единства будущих германских и иранских народов, в мировоззренческих представлениях которого свастические изображения играли существенную роль, то можно констатировать, что в германском мире и, в частности, в пшеворской культуре, свастика была куда более распространенным изображением (***рис. 7***), чем в иранском.

Можно привести пример из 150-летней истории копья из Сушично (так называемое ковельское копье), на одной из сторон которого помимо прочих знаков изображены два свастических креста (***рис. 8***). Как справедливо предполагает П. М. Леус, во время Второй мировой войны ковельское копье, вероятно, рассматривалось руководством СС и сотрудниками отдела рунологии и изучения символов института «Ahnenerbe» как один из важных артефактов идеологии Третьего рейха (*Леус, 2008, с. 126*). В этом контексте кресты, конечно, играли роль не меньшую, чем одна из древнейших рунических надписей на другой стороне копья. Отрешившись от политизированных трактовок трагического периода мировой истории, следует признать, что германская атрибуция подобных изображений на территории Германии и Польши была и будет приоритетной. Исходя из этого отнесение подобных изображений на рассматриваемых копьях к сарматским представляется сомнительным.

К спорным знакам также следует отнести выделенные С. А. Яценко № 7, 12, 13 и 17 (***рис. 5***), каждый из которых нуждается в специальном анализе, базирующемся не только на сарматских аналогиях, но и на своде изображений на копьях Р. Хахманна (*Hachmann, 1993, Abb. 8—13*), а также других источниках подобных изображений в германском мире — например брактеатах (*Мельникова, 2001, с. 93*). Нельзя быть уверенным, что удастся твердо определить тот или иной спорный знак как принадлежащий германской или сарматской

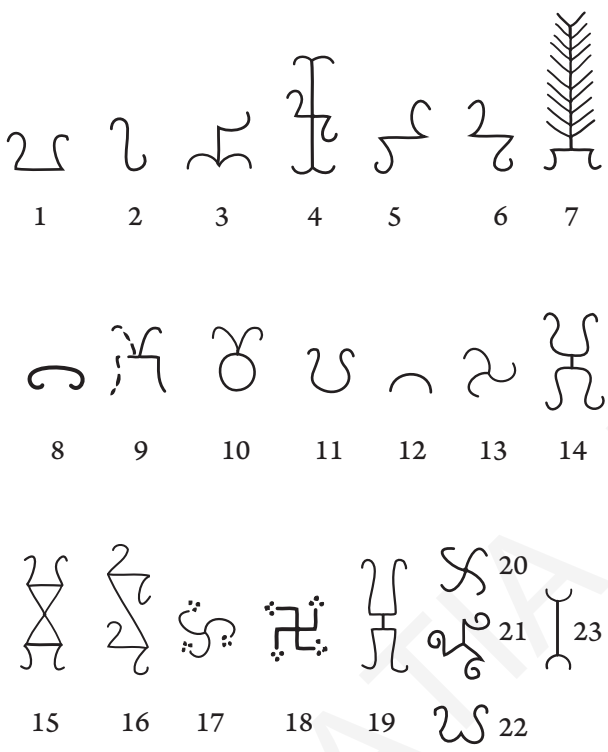

***Рис. 5*. Типы алано-сарматских тамг на германских копьях** (по: *Яценко и др., в печати*)

***Abb. 5*. Typen von alanen-sarmatischen Tamgen auf germanischen Lanzenspitzen**

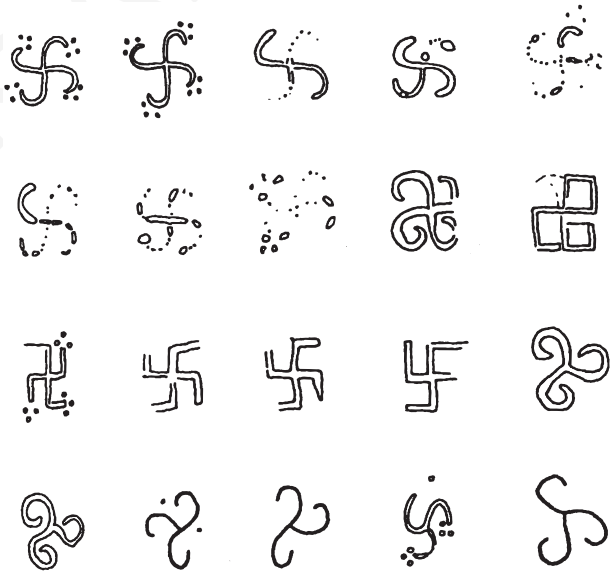

***Рис. 6*. Свастические знаки на германских копьях группы 5 орнаментированных наконечников** (по: *Hachmann, 1993, Abb. 11: 9–28*)

***Abb. 6*. Swastikazeichen auf germanischen Lanzenspitzen, 5. Gruppe verzierter Lanzenspitzen nach R. Hachmann**

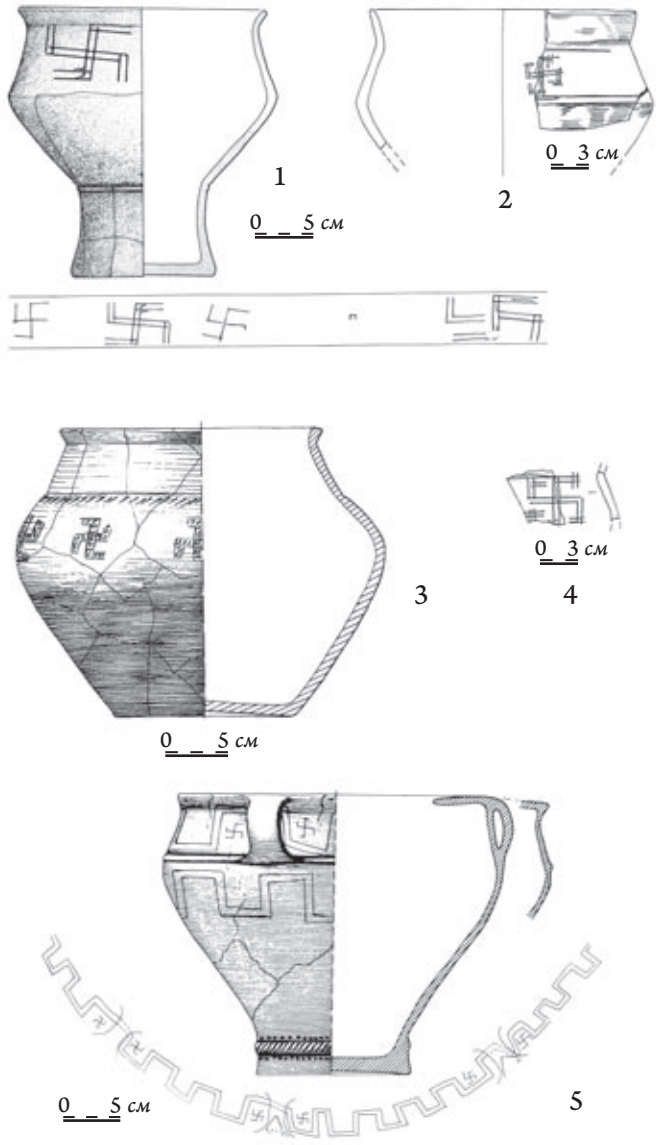

***Рис. 7*. Свастические знаки на керамике пшеворской культуры**:
1 — Ciebłowice Duże, погр. 4;
2, 4 — Картамышево II, постр. 10;
3 — Niedanowo, погр. 225; 5 — Kamieńczyk, погр. 133 (по: *Dzięgielewska, Kulczyńska, 2008, Taf. III: 5*; *Горюнова, 2004, рис. 18: 4, 5*; *Ziemlińska-Odojowa,1999, Taf. LXV: 2*; *Dąbrowska, 1997, Taf. LXXI: 7*)

***Abb. 7*. Swastikazeichen auf Tongefässen der Przeworsk-Kultur**:
1 – Ciebłowice Duże, Grab. 4;
2, 4 – Kartamyschevo II, Aufbau 10;
3 – Niedanowo, Grab. 225; 5 – Kamieńczyk, Grab. 133

***Рис. 8*. Наконечник копья из Сушично**
(по: *Леус, 2008, с. 126*; без масштаба)

***Abb. 8*. Lanzenspitze aus Suszyczno**
(ohne Maßstab)

стороне — не исключена их гибридность, но сказать, что у некоторых знаков может быть неоднозначная трактовка, будет справедливее с точки зрения методики работы с подобным материалом. Другие выводы С. А. Яценко будут рассмотрены в ходе изложения взгляда авторов настоящей статьи на проблему обстоятельств, времени и смысла появления сарматских тамг на германских копьях, к которому мы наконец-то подошли.

Смысл. Начнем с того, что попытаемся понять смысл, который вкладывался германцами в изображения, наносимые на копья. Это в данном исследовании должно послужить отправной точкой. Поскольку копья германские и их основной ареал находится на территории культур вандалов и готов, отталкиваться стоит именно от культуры германского мира. В соответствии с эпиграфом к данной статье хотелось бы привлечь к решению задачи не совсем обычный для нашей темы источник — скандинавские саги и англосаксонский эпос. Создание этих текстов и уж тем более момент их записывания хронологически достаточно сильно удалены от времени, в котором жили люди, наносившие знаки на копья в первых веках н. э. Однако это существенное препятствие не мешало историкам достаточно убедительно проводить параллели между религиозно-магическими представлениями германцев разных эпох (*Кардини, 1987, с. 78*). Воспользуемся советами и опытом М. Б. Щукина и Ф. Кардини и попытаемся найти отголоски изучаемых явлений в средневековых текстах германского мира (*Щукин, 2005, с. 85—88*; *2006, с. 178, 179*). Вспомним и мнение шведского археолога Б. Нермана, который считал возможным определять родину и время возникновения эдических песней исходя из сопоставления упомянутых в них материальных предметов с археологическими находками (*Гуревич, 1979, с. 57*). Это предложение в свое время было справедливо воспринято скептически, но здравый смысл в нем, несомненно, есть. Следует лишь вовремя остановиться и не строить иллюзий относительно какой-либо хронологии.

Итак, рассмотрим некоторые тексты (*Исландские саги, 1999*), в которых есть сведения о функции знаков на оружии. В саге о Гисли, события которой исследователи относят к 962—978 гг. н. э. (*Смирницкая, 1999, с. 811*), можно найти интересный отрывок: «Жил человек по имени Торгрим, по прозванию Нос. Он жил во дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной долины. Он был силен в ворожбе и волшбе и был колдун, каких мало. Его-то и приглашают Торгрим с Торкелем к себе, потому что у них тоже шел пир. Торгрим был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торгрим делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были нанесены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь» (*Сага о Гисли, XI*). Из этого текста следует, что знаки, нанесенные на копье, имели тайный смысл, а для изготовления самого копья был приглашен колдун. Вероятно, знаки на копьях римского времени также были мистического характера и предназначались для наделения наконечника копья магическими свойствами, помогающими хозяину в боевых схватках и поединках. Это предположение согласуется с мнением Р. Хахманна, определяющего знаки на копьях Северной Европы как «einheimische Heilszeichen — местные благопожелательные» (*Hachmann, 1993, S. 328*; *Мельникова, 2001, с. 94*). Подобную же трактовку допускает и А. Н. Кирпичников применительно к знакам[5] на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. (*1966, с. 259—261, 269, рис. 3*; *Кирпичников, Стальсберг, 1995, с. 171, 176, 177*). Упомянем другой текст, говорящий о сверхъестественных силах копья: «Это корабли двух братьев. Одного зовут Халльгрим, а другого Кольскегг. Оба лихие воины, и у них хорошее оружие. У Халльгрима есть заколдованное копье с широким наконечником, и ничем другим его не убить. Есть у этого копья еще одно свойство: перед смертельным ударом, оно издает тонкий звон» (*Сага о Ньяле, XXX*).

Обратим также внимание на то, что на некоторых копьях (Сушично, Мюнхенберг-Дамсдорф, Розвадув) кроме знаков есть еще и рунические надписи. Совстречаемость тех и других наталкивает на мысль об их едином семантическом контексте, что подтверждается прочтением старшерунических надписей. В отличие от трех копий из Вимозе и Иллерупа (Дания), на которых

[5] Следует отметить, что некоторые знаки на средневековых мечах совпадают со знаками на копьях римского времени.

начертано[6] одно и то же имя, предположительно оружейного мастера — *wagnijo* (*Stoklund, 1987, p. 283, 284*; *Мельникова, 2001, с. 93*), на других наконечниках надписи, которые интерпретируются как название копья: *tilarids* (Сушично, Волынь), варианты перевода — «идущий к цели», «[отважный] смелый ездок», «нападающий», «наезжающий» (*Тиханова, 1977, с. 138*), развернутая трактовка перевода — «ездок, наездник к некой цели или целям, каковой может быть только противник, враг» (*Мельникова, 2001, с. 91*); *ranja* (Мюнхенберг-Дамсдорф, Германия) — «отправленный в путь»; *raunijaR* (Эвре-Стабю, Норвегия) — «испытатель»; *sioag* (Мос, о. Готланд) — «лающий». И копье из Розвадува (Польша), где надпись *(k)rlus* предположительно переводится, как «я эрул», т. е. мастер рун (*Мельникова, 2001, с. 92, табл. 6*).

Надписи на копьях из Сушично, Мюнхенберг-Дамсдорф, Эвре-Стабю и Мос явно несут в себе агрессивный подтекст, и в случаях сочетания со знаками, вероятно, имели общую цель — наделить оружие соответствующими назначению качествами. Высказанное многими исследователями мнение о том, что надпись *tilarids* на ковельском копье апотропеического характера (*Тиханова, 1977, с. 138*), все же, как представляется, не в полной мере отражает смысл ее нанесения на копье. В данной ситуации его можно скорректировать известной крылатой фразой «лучшая защита — это нападение», а вернее будет отобразить строчкой из детской песни: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет» (ср.: *Мельникова, 2001, с. 91*).

Сведения о том, что в германской воинской культуре на протяжении веков существовала традиция давать копьям и мечам имена, что на оружие наносили рунические надписи и о том, что эта традиция восходила к мифологическому сознанию, можно почерпнуть как из уже привлекавшихся исландских саг, так и из саг, входящих в «Круг Земной» Снорри Стурлусона (*1995*), текстов «Младшей Эдды» (*1970*) и из произведений западноевропейского эпоса «Беовульф» и «Старшая Эдда» (*Западноевропейский эпос, 1977*). Из Младшей Эдды известно, что копье самого Одина имело имя: «Трепещет ясень Иггдрасиль, и исполнено ужаса все сущее на небесах и на земле. Асы и все эйнхерии вооружаются и выступают на поле битвы. Впереди едет Один в золотом шлеме и красивой броне и с копьем, что зовется Гунгнир» (*Младшая Эдда, Видение Гюльви*). Многие герои саг владеют оружием с именами: меч *Жернорез*, способный разрубить жернов (*Сага о Хальвдане Черном, XL*), меч *Фетбрейд* (*Сага о Хаконе Добром, XXX*), меч *Ногорез* (*Сага о Магнусе Голоногом, XXIV*), меч *Хнейтир*, принадлежавший Олаву Святому (*Сага о Хаконе Широкоплечем, XX*), меч *Бастард* (*Сага о Магнусе сыне Эрлинга, XIII*), меч *Хрунтинг*, подаренный Беовульфу (*Беовульф, 22*)[7].

В тексте Беовульфа есть отрывок, пересекающийся и с гипотезой о предположительной метке мастера оружейника на копьях из Вимозе и Иллерупа: «…/ и сияли на золоте/ руны ясные,/ возвещавшие,/ для кого и кем/ этот змееукрашеный/ меч был выкован/ в те века незапамятные/ вместе с череном,/ рукоятью витой,/…» (*Беовульф, 25*; ср.: *Кардини, 1987, с. 100*).

Таким образом, исходя из приведенных примеров и рассуждений можно предположить, что, скорее всего, функция сарматских тамг на германских копьях вторила функции германских знаков и рунических надписей — наделять оружие сверхъестественными свойствами, вкладывать сакральную силу. Это мнение может быть проверено и скорректировано только пониманием характера обстоятельств контактов германцев и сарматов, при которых произошло заимствование знаков. От того, какими были обстоятельства — мирными или враждебными, смысл сарматских знаков может существенно измениться.

Обстоятельства и время. Как уже было указано, хронологически наиболее вероятная контактная ситуация, при которой произошло заимствование германцами сарматских тамг, могла сложиться при движении готов к Причерноморью. Готы, к тому времени подчинившие и включившие в свой состав вандалов, на своем пути непременно должны были встретить кочевников сарматов (*Ščukin, 1993, p. 325*). О чем и свидетельствует Иордан в своем рассказе: «Та же часть готов, которая была при

[6] На одном из иллерупских копий руны были нанесены штемпелем и рельефно выступали. Этот факт стал одним из поводов считать надпись меткой мастера оружейника (*Stoklund, 1987, p. 284, fig. 2*).

[7] Серия имен средневековых мечей, передающих их особые качества, упоминается в работах А. Н. Кирпичникова (*1966, с. 253*) и Ф. Кардини (*1987, с. 100*).

Филимере, перейдя реку, оказалась, говорят, перемещенной в области Ойум и завладела желанной землей. Тотчас же без замедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (*Iord. Get. 28*). М. Б. Щукин пишет, что народ с именем спалеи известен у Плиния, как сарматский (*Ščukin, 1993, p. 325*). Разъясним подробнее упоминание этого этнонима древними авторами.

Как явствует из источников, появление основной массы аланов в Северном Причерноморье относится к промежутку времени между 51—65 г. н. э. (*Мачинский, 1974, с. 132, см. карты-схемы*). Плиний — один из первых авторов, который фиксирует появление аланов и связанную с этим активизацию роксоланов к северу от Нижнего Дуная не позднее 77 г. н. э. (*Plin. NH. IV, 80*). Также только Плиний сообщает о том, что Танаис протекает через земли различных, в большинстве своем ранее не известных племен, среди которых последними названы *spalaei* (*Plin. NH. VI, 22*). Поскольку этот период (50—70 гг. н. э.) связан с активным передвижением алано-сарматских племен на запад, то вероятно спалеи Плиния являлись одной из группировок алано-сарматского массива, в составе которого они продвинулись от Дона к бассейну Днепра и далее в южнобужско-днестровский регион, где и встретились с готами.

В какой именно местности на пути от Балтики к Черному морю произошло сражение готов со спалами, могут подсказать, опять же, повествование Иордана и карты вельбаркских и сарматских памятников, которые в какой-то точке могут соприкоснуться или наложиться друг на друга. Иордан сообщает, что готы подступают к племени спалов без замедления после овладения желанной землей Ойум. Плодороднейшей местностью с названием Ойум, по нашим соображениям, является территория Волыни — первая область с черноземными почвами, встреченная готами на пути от Балтики к Причерноморью[8], т. е. встреча со спалами происходила южнее Волыни. И вероятно, ненамного южнее, поскольку Иордан говорит: «Отсюда уже (от места сражения со спалами — *С. В., Д. М.*), как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, …» (*Iord. Get. 28*). Следовательно, интересующий нас контакт готов со спалами происходил не в причерноморской степи, которая, вероятно, в рассказе Иордана и была крайней частью Скифии близ Понта, а где-то в лесостепи или на северной границе степной зоны.

Исходя из «координат», которые «дает» в своем тексте Иордан, из вельбаркского ареала нас интересует зона F (***рис. 9***), выделенная Р. Волонгевичем, — зона за Западным Бугом (*Wołagiewicz, 1981*; *Щукин, 2005, с. 38, 39*). Это Западная Белоруссия, Волынь и территории вплоть до бассейна Южного Буга в его среднем течении. Вместе с вельбаркскими памятниками — Брест-Тришин, Петровичи, Лепесовка, Величковичи, Любомль, Дытыничи, Баев и др. (*Кухаренко, 1980*; *Хавлюк, 1988, с. 137—144*; *Козак, 1988 с. 117—136*; *Белевец, 2002*) — в эту зону на сегодняшний момент попадают находки трех самых юго-восточных копий с сарматскими тамгами: Сушично, Недобоевицы и одно копье из частной коллекции (*Козак, 2006, рис. 14*; *Яценко и др., в печати, рис. 3: 1, 4; 5*).

Сарматский ареал накладывается на зону F вельбаркской культуры только в бассейнах Южного Буга и Днестра. Памятников, оставленных кочевниками на этой территории в первые века н. э., известно очень мало (*Симоненко, Лобай, 1991, с. 35*). Но их характер говорит о том, что интересующие нас земли были подконтрольны достаточно мощному сарматскому объединению, которое когда-то было создано сарматским царем Фарзоем и его наследниками (*Щукин, 1982, с. 35—38*). Немногочисленную группу сарматских памятников второй половины I — начала II в. н. э. в междуречье Южного Буга и Днестра (***рис. 10***) можно определить как группу погребений сарматской знати, настолько многочисленный и яркий материал обнаружен при их исследовании. Речь идет о погребении в Гордеевке на правом берегу Южного Буга (*Berezanskaja, Kokowski, 1997/1998, s. 9—28*), погребениях в Порогах, Грушке, Писаревке, Северинovке и Мокре на левом берегу Днестра (*Симоненко, Лобай, 1991*; *Гросу, 1986*; *Загоруйко,*

[8] Гипотеза об отождествлении земли *Oium* с Волынью и о месте столкновении готов со спалами впервые была изложена в докладе М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и С. В. Воронятова «Готский путь, плодороднейшие земли Oium и поселение Лепесовка», посвященном М. А. Тихановой и прочитанном на XIV чтениях памяти Анны Мачинской, посвященных Марку Борисовичу Щукину. Старая Ладога 26—27 декабря 2009 г.

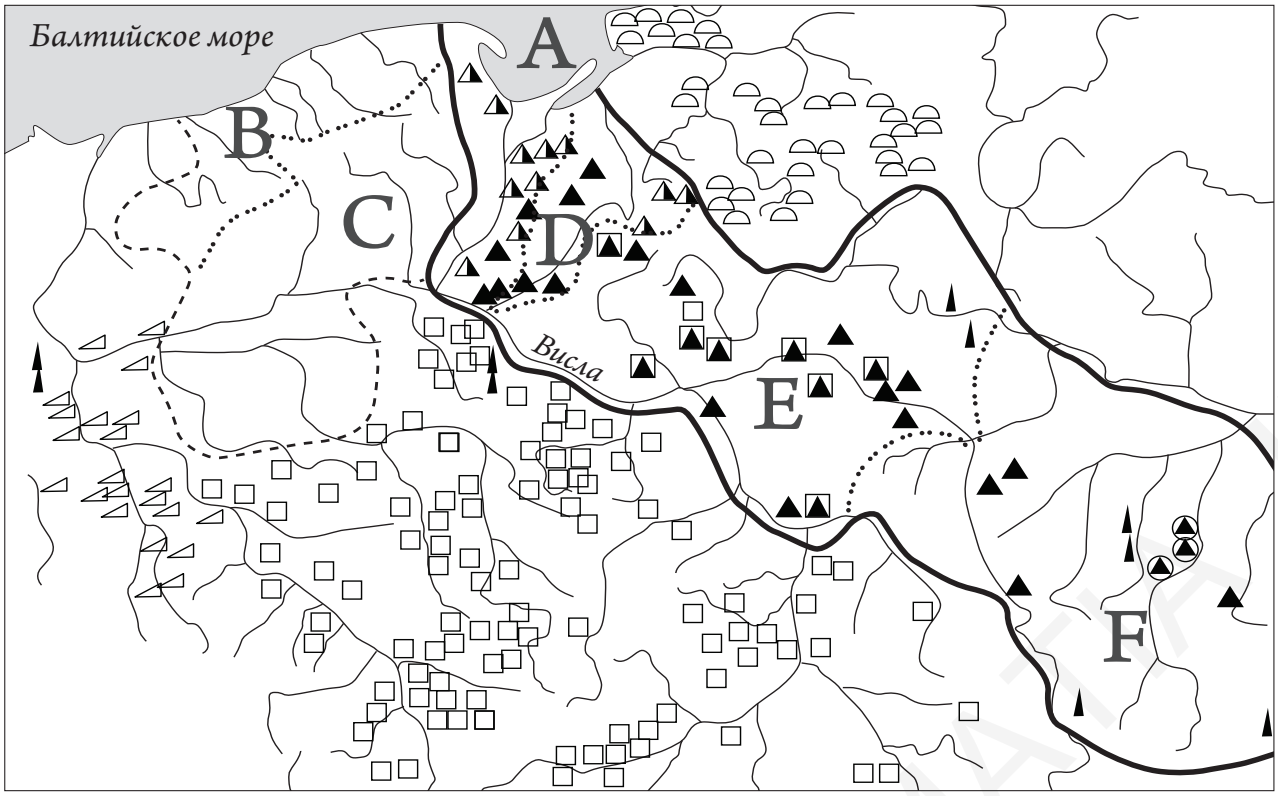

***Рис. 9*. Зоны вельбаркской культуры, выделенные Р. Волонгевичем** (по: *Щукин, 2005, рис. 6*)

***Abb. 9*. Zonen der Wielbark-Kultur, nach R. Wołągiewicz**

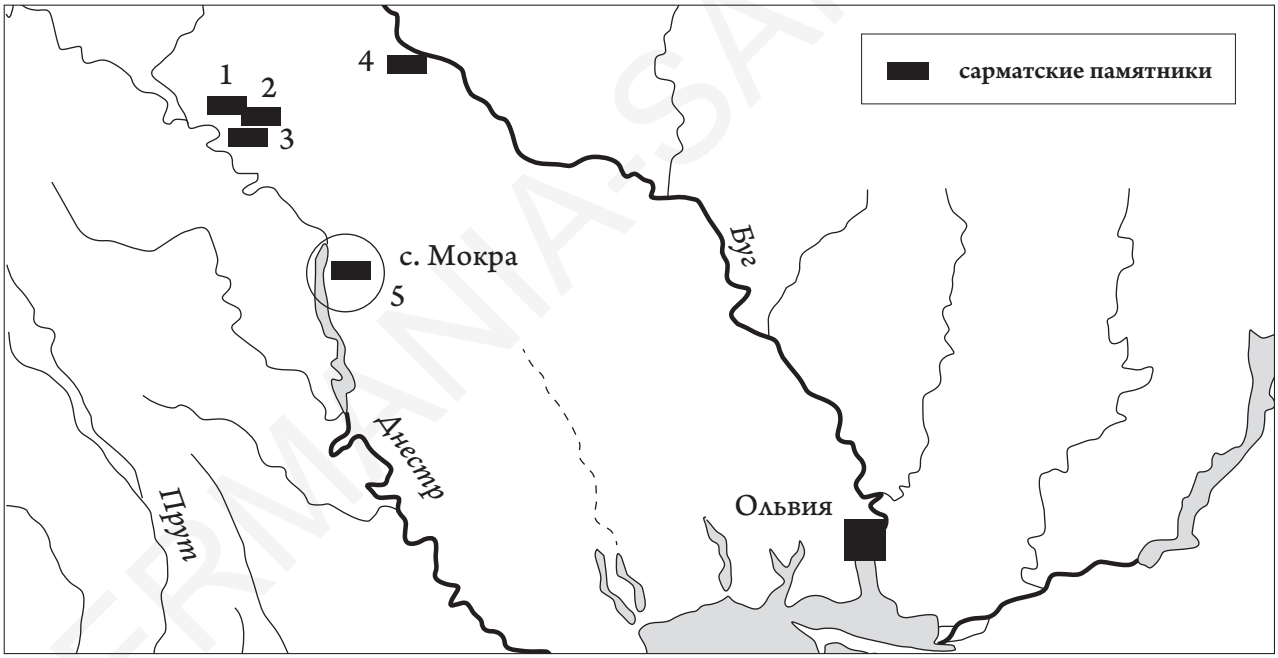

***Рис. 10*. Карта погребений сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра**:
1 — Пороги; 2 — Писаревка; 3 — Северновка; 4 — Гордеевка; 5 — Мокра (по: *Simonenko, 2008, Taf. 164, с добавлениями*)

***Abb. 10*. Karte von Grabstätten sarmatischer Elite im Dnestr-Südlicher Bug-Zwichenstromgebiet**.
1 – Porogi; 2 – Pisarevka; 3 – Severinovka; 4 – Hordeevka; 5 – Mokra

GERMANIA SARMATICA

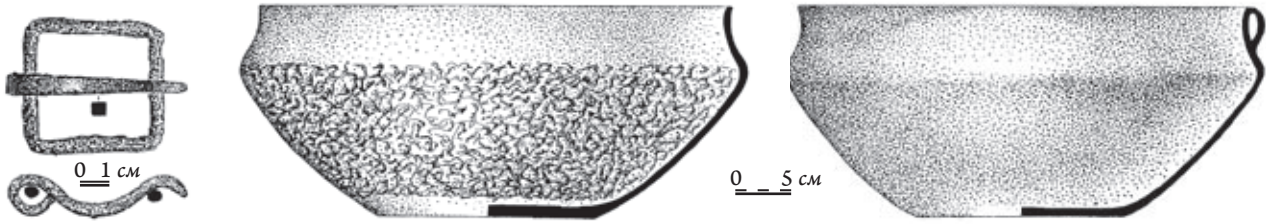

***Рис. 11*. Комплекс погребения 1 в кургане 2 у с. Мокра** (по: *Kašuba, Kurčatov, 2005, Abb. 10*)

***Abb. 11*. Gräberkomplex 1 im Kurgan 2 bei Mokra**

Прилипко, 1989, с. 17, 18; *Simonenko, 2008, S. 78, 79, Taf. 127—130*; *Щербакова, Кашуба, 1993*; *Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 160—189*).

Для нашего исследования чрезвычайный интерес представляет сарматский курган 2 у с. Мокра, поскольку он является образцом и хронологическим маркером соприкосновения германского и сармато-аланского миров, отразившегося в погребальном памятнике. В индивидуальную сарматскую насыпь было впущено вельбаркское трупосожжение (***рис. 11***), погребение 1 (*Кашуба и др., 2001—2002, с. 200, 201, рис. 10*; *Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 184, 185*). Хронологически это погребение относится М. Б. Щукиным к ступени B_2—B_2/C_1 римского времени, т. е. к интервалу от конца I до конца II в. н. э. Марк Борисович определял трупосожжение в Мокре как принадлежащее к брест-тришинской волне готского проникновения на юго-восток, оказавшееся одним из самых южных памятников этой волны (*Щукин, 2005, с. 106*).

Хотя большинство вельбаркских памятников Поднестровья и Южного Буга относится ко второй — дытыничской волне вельбаркского проникновения (*Щукин, 2005, с. 107*), более раннее погребение в Мокре является важным в плане хронологического соотношения с сарматскими памятниками этого региона. Интервал времени от совершения основного сарматского захоронения в кургане 2 у с. Мокра до помещения вельбаркского трупосожжения в северо-западную полу того же кургана — период, когда мог произойти контакт готов и сарматов. Молдавские коллеги датируют основное сарматское погребение первой четвертью II в. н. э., вельбаркский комплекс — концом II, самое позднее — началом III в. н. э. (*Кашуба и др. 2001—2002, с. 242, 243*; *Kašuba, Kurčatov, 2005, S. 185, Abb. 11*). М. Б. Щукин датировку вельбаркского трупосожжения, как уже указывалось, определял более широко — от конца I до конца II в. н. э. Исходя из хронологии обоих погребений кургана 2 у с. Мокра наиболее вероятным периодом, в котором могло произойти сражение готов Филимера с сарматским племенем спалов, следует определить время со второй четверти по конец II в. н. э.

Еще о смысле. После изложения данной гипотезы необходимо вернуться к вопросу о смысле сарматских тамг на копьях. Описанная встреча готов и иранцев спалов, по Иордану, имела сугубо враждебный характер и сарматы потерпели поражение. Это свидетельство археологически также подтверждается отсутствием на рассматриваемой территории сарматских памятников, датируемых временем после первой четверти II в. н. э. В связи с этим значение сарматских тамг, которые, вероятно, появляются на копьях после описанных событий, приобретает любопытный оттенок. Эти тамги, грубо говоря, могут быть «трофейными». Германцы — готы и вандалы, несомненно, понимали их смысл, почему и помещали их на копья рядом со своими знаками. После поражения спалов их тамги как воплощение силы и удачи должны были теперь служить победителям германцам.

Позволим себе привести объемную цитату из работы Ф. Кардини, рассматривающего особенности обряда инициации европейских варваров, выражавшегося в схватке со зверем: «“Победа” человека над зверем трансформируется в переход таинства власти, в обряд передачи мощи, в результате чего зверь уже как бы и не умирает, а «воплощается» в победоносном герое. Впрочем, обычай украшать себя бренными останками поверженного противника, *присваивать себе его геральдику*

(курсив наш — *С. В., Д. М.*), иногда даже его имя, то есть облик, обладает тем же значением» (*Кардини, 1987, с. 112*). Комментировать данную цитату излишне.

Обратимся еще раз к работе С. А. Яценко и его соавторов и укажем, по каким причинам и в каких моментах мы позволили себе не согласиться с его выводами. Автор объясняет попадание сарматских тамг к германцам с позиции законов их существования в иранской кочевой среде. Привлекая этнологию народов Северного Кавказа, исследователь высказывает мнение, что «использование чужой метки идентичности без санкции ее хозяина неизбежно приводило к серьезному конфликту» (*Яценко и др., в печати*) и поэтому условия заимствования должны были быть мирными. Мы же считаем по меньшей мере неосторожным полагать, что у германцев существовали такие же правила использования знаков, как и у иранцев. Подходить к рассматриваемой проблеме необходимо всесторонне, иначе все построение будет выглядеть однобоким и рискует оказаться ошибочным. И, как оказывается, приоритет в нашем исследовании, несомненно, за германской стороной, ведь это она перенимает сарматские знаки, и решать задачу следует с учетом менталитета именно европейских варваров, а не сарматов. Далее, после обращении к конкретной археологической ситуации, было показано, что, вероятнее всего, не использование чужой метки привело к конфликту, а наоборот — в результате конфликта германцы как победители начали использовать тамги побежденных иранцев. И последнее — предположение о возможных браках, клятвах дружбы или личной зависимости как обстоятельствах заимствования сарматских тамг германцами становится неактуальным в связи с реконструируемыми по письменным и археологическим источникам событиями II в. н. э. в междуречье Южного Буга и Днестра.

Территория, на которой могло происходить столкновение готов с сарматами, является наиболее подходящей и в плане наличия памятников с сарматскими тамгами. В одном мужском погребении кургана 1 у с. Пороги на различных предметах было обнаружено семь тамг (*Симоненко, Лобай, 1991, с. 62*). Разрушенное погребение второй половины I — начала II в. н. э. у с. Грушка на Днестре в своем инвентаре содержало серебряную бляху подперсья с тамгой схемы Фарзоя на внутренней поверхности (*Гросу, 1986, с. 260, 261*; *Раев, Симоненко, 2009, с. 73, 74*). Севернее, в с. Задрость Струговского района Тернопольской обл. в 1904 г. была найдена плита с тремя сарматскими тамгами (*Соломоник, 1959, с. 70, 71*; *Драчук, 1967, с. 243, 244*). Находка одной из самых северных монет с царской тамгой, чеканившихся в Ольвии, происходит из района г. Бердичев (*Щукин, 1982, с. 36*).

Учитывая наши знания о том, что сарматское объединение Фарзоя-Инисмея было тесно связано с Ольвией, следует сказать, что из округи этого причерноморского центра происходят очень интересные находки с большим числом сарматских тамг. По их количеству, конечно, доминируют два больших мраморных льва, найденных при раскопках одного из ольвийских курганов (*Соломоник, 1959, с. 87—97*; *Яценко, 2001, рис. 10, 11*). 36 тамг было нанесено на сосуды и арфу из парного погребения близ с. Козырка, вещи из которого в 1918 г. приобрел и описал германский археолог Т. Виганд (*Симоненко, 1999, с. 106—118*). Золотые гривна, браслет и флакон с тамгами, обнаруженные в разное время при случайных обстоятельствах (*Соломоник, 1959, с. 126, 127, 130—132*; *Трейстер, 2006, с. 249, 250*), дополняют корпус сарматских знаков ольвийского региона.

Все перечисленные вещи с тамгами, несомненно, не могли участвовать в происходившем процессе заимствования знаков германцами, но их наличие на памятниках рассматриваемого региона показательно. Можно предположить, что, скорее всего, германцы могли видеть сарматские знаки даже не на известных археологам типах вещей с тамгами, а на каких-то нарочито демонстрационных предметах — например знаменах или штандартах, наличие которых у сармато-аланов обоснованно допускается исследователями[9] (*Яценко, 2001б, с. 363—373*; *Нефёдкин, 2004, с. 137—142*). Использовали ли германцы

[9] Интересно пересечение гипотезы о трофейности сарматских тамг на германских копьях и изображении тамг на сарматских знаменах с определением понятия «трофей» в различных словарях. Например, в толковом словаре В. Даля: «Трофей (греч. τρόπαιον) — отбитое у неприятеля оружие, знамена, победная добыча, почетная добыча».

римского времени какое-то подобие знамен, нам не известно. Нельзя также исключать, что готы и вандалы могли увидеть сарматские тамги в виде татуировок на телах своих противников или в виде тавр на телах их лошадей (*Соломоник, 1957, с. 210—218*). В. С. Драчук, со ссылкой на свидетельства Плиния и Аммиана Марцелина, допускает возможность изображения тамг на теле человека для обозначения признаков социального положения (*1967, с. 244*).

В связи с вопросом о знаменах у сармато-аланов и германцев хотелось бы привести два интересных отрывка из Гренландской песни об Атли, входящей в Старшую Эдду: 1. «Дадут вам щиты,/ и пики на выбор,/ в золоте шлемы, попоны расшитые,/ множество гуннов,/ рубахи червленые,/ *стяги на копьях* (курсив здесь и далее наш — *С. В., Д. М.*),/ ретивых коней!» (Старшая Эдда, Гренландская песнь об Атли, 4); 2. «Атли владенья они увидели,/ воинов Бикки/ на стенах высоких;/ в палатах южан/ скамьи поставлены,/ на стенах тарчи,/ щиты и доспехи, *стяги на копьях*» (*Старшая Эдда, Гренландская песнь об Атли, 14*). По мнению исследователей, в этом тексте запечатлены отголоски исторических преданий о гибели в 437 г. Бургундского королевства под ударами гуннов и о смерти Аттилы (эддический Атли) в 453 г. (*Рыкова, 1977, с. 716*). Судя по сюжету, в этих текстах речь идет о стягах, принадлежащих гуннам, у которых с аланами могли быть общие традиции в использовании знамен (*Яценко, 2001б, с. 367*). В связи с нашим исследованием любопытным является то, что стяги были именно на копьях. Не исключено, что связь копья со знаменем каким-то образом была задействована и в ситуации заимствования сарматских тамг германцами. Исследователи допускают, что уже в эпоху поздней бронзы наконечники копий с ушками на втулках, принадлежавшие культурам евразийских степей, кроме исполнения своей основной функции, могли быть своеобразными штандартами. К ушкам крепились различные символические знаки в виде полос материи или кистей из конских волос. Такие копья могли служить отличительными воинскими знаками (*Бочкарев, 2004, с. 404, 405*).

В связи с приведёнными текстами и примером, нельзя исключать, что германские копья с собственными знаками и с появившимися во II в. н. э. сарматскими тамгами могли быть также своеобразными штандартами. Есть очень заманчивая аналогия — навершия знамён в виде символических наконечников копий с ажурно вписанными в них геральдическими символами из современности (звезды в СССР, герб в виде знака Рюриковичей на Украине и т. д. (ср.: *Бочкарев, 2004, с. 405*)). Однако у нас нет никаких археологических материалов, позволяющих считать данную аналогию приемлемой для реконструкции наверший германских боевых стягов или штандартов.

Вернемся к реконструкции событий II в. н. э. Одержав победу над спалами, готы и вандалы наносили их знаки на свое оружие, возможно, не только для того, чтобы они теперь служили новым хозяевам победителям, но и для демонстрации, как уже было сказано, в качестве трофеев. Можно предположить, что знаки и рунические надписи на копьях как бы рассказывали историю о том, что с помощью мощи, воплощенной в собственных знаках на копьях, воины германцы одержали верх над силой спалов, символически выраженной в их тамгах. И теперь эти знаки изображены рядом и свидетельствуют о славе германского оружия.

К гипотезе о трофейности сарматских знаков на германских копьях хотелось бы добавить несколько косвенных аналогий, которые бы лучше объясняли подобный смысл изображения тамг на германских копьях. Есть несколько примеров с различными категориями археологических находок разных культур, в которых военные победы и трофеи отображены символически.

В погребениях могильника Шичжайшань культуры диян (IV в. до н. э. — I в. н. э.), распространенной на территории южнокитайской провинции Юньнань, были найдены бронзовые наконечники копий, к лопастям которых посредством цепочек подвешены миниатюрные фигуры людей (*Степугина, 1989, с. 267*; *Бочкарёв, 2004, с. 402, 407, рис. 13: 9*). Эти люди запечатлены в «говорящих» позах — подвешенными за связанные за спиной руки, головы их опущены, тела беспомощно висят без всякой опоры для ног. Интерпретация фигурок как изображения поверженных или плененных врагов вполне вероятна. Не исключено, что в фигурках заключалась информация о победе и трофеях, добытых с помощью копья, к которому они подвешены.

Интересна интерпретация деревянных моделей человеческих голов на узде из Первого Пазырыкского кургана на Алтае. Исследователи рассматривают их как изображения иноплеменников, противников пазырыкцев, и сопоставляют с описанными в письменных источниках обычаями скифов и хуннов хранить головы (скальпы) врагов в качестве трофеев или реликвий. Использование же деревянных подвесок в украшении узды согласуется со свидетельствами того, что головы скифских врагов красовались на уздечках коней победителей (*Кляшторный, Савинов, 1998, с. 170, 171*). Любопытен тот факт, что иконографически изображения лиц на пазырыкской узде по антропологическим признакам соотносят с известными изображениями хуннов (монголоидов) (*Баркова, Гохман, 1994, с. 31, рис. 1: 1—3*), врагов пазырыкцев-юечжей (европеоидов). Вероятно, германцы также могли четко осознавать, что на их копьях изображены чужие, трофейные сарматские знаки.

Если говорить не о варварских культурах, а о цивилизациях, то можно привести классический пример Римской империи, в которой с целью прославления собственной военной политики широко использовались монеты (*Абрамзон, 1995, с. 163—199*). В разное время в честь побед римского оружия на монетах чеканились всевозможные символические изображения, которые недвусмысленно давали понять современникам, чему посвящен выпуск данных монет. «Покоренная страна изображалась чаще всего в виде женской фигуры или пленников, сидящих возле трофеев. Можно увидеть Британию, Парфию и т. д. со связанными руками, сидящую на земле, пленных даков, германцев, сарматов» (*Абрамзон, 1995, с. 172*). Приведем один выразительный сюжет: при императоре Клавдии было отчеканено несколько монет в память о его отце Нероне Друзе, завоевателе Реции и Германии. На монете изображалась триумфальная арка, венчаемая конной статуей Друза и трофеями, а также типом трофея из копий и шестиугольного германского щита (*Абрамзон, 1995, с. 180*). Вероятно, изображение щита варварского типа для римлян было весьма говорящим и так же, как сарматские тамги на копьях для германцев, рождало определенные ассоциации и воспоминания.

И еще одна аналогия из современности. Не исключено, что сарматские знаки были метками, подобно зарубкам на деревянных деталях огнестрельного оружия снайперов в войнах XX в.: они напоминали о противнике или жертве, убитых данным оружием, вели счет поверженных врагов. Ведь на некоторых копьях также изображена не одна сарматская тамга (Розвадув, Сушично, Медов, Янково, Вржесьня, Задовице, Стрыцовице). Погребенные люди, в могилах которых найдены некоторые из этих наконечников копий, могли быть при жизни прославленными воинами, убившими нескольких сарматских всадников, принадлежавших к разным кланам Европейской Сарматии и принимавших участие в сражении с готами.

В завершении коснемся одного странного обстоятельства всей истории попадания сарматских тамг к германцам — несовпадению времени активности большинства кланов сармато-аланов, которым принадлежат тамги, оказавшиеся на копьях, и времени прекращения бытования самих германских копий с сарматскими тамгами (*Яценко и др., в печати*). Как можно объяснить асинхронность этих явлений?

Во-первых, хронологическая нестыковка все же не очень большая и может покрываться жизнью двух-трех поколений, у которых сохранялась память о конкретных знаках и их владельцах. Во-вторых, вероятно, следует допускать, что тамги, использовавшиеся во второй половине I — первой половине II в. н. э. алано-сарматами, оставались реликвиями для их потомков и не исчезли после смерти конкретных представителей определенных кланов и семей. Если вещи с тамгами оказывались в могилах своих владельцев, то, к примеру, тамги, когда-то изображенные на стелах, архитектурных и природных объектах, могли быть доступны для обозрения спустя несколько десятилетий и более. И говорить, что во второй половине II — начале III в. н. э. они были совсем не активны, не совсем точно. В некотором смысле они активны и сегодня.

В рамках выдвинутой гипотезы можно предположить, что на знаменах или каких-то других символических вещах алано-сарматов были изображены тамги, ассоциировавшиеся с уже умершими, но прославленными могущественными вождями, память о которых жила и обрастала легендами.

Так, тамга царя Фарзоя спустя долгое время после его смерти могла оказаться изображенной на копье германца, похороненного в далекой Норвегии. Другие воины, участвовавшие в сражении под предводительством Филимера, также возвращались на родину, где через некоторое время умирали. С ними прекращало свою жизнь их оружие. Если оно не передавалось по наследству, то оказывалось в могиле вместе с хозяином.

Именно таким образом во второй половине II — начале III в. н. э., с всевозможными вариациями обстоятельств, на территориях современных Украины, Польши, Германии и Норвегии могли оказаться вещи, которые сегодня у археологов фигурируют как германские копья с сарматскими тамгами.

Литература

Абрамзон М. Г., 1995. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва.

Баркова Л. Л., Гохман И. И., 1994. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Санкт-Петербург.

Белдиман К., 1991. Знаки типа «тамга» доримской Дакии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Киев.

Белевец В., 2002. Даследаванні 2000 г. на грунтовым могільніку вельбаркской культуры ў Пятровічах // Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wshodniej I na Zachodniej Białorusi w latach 2000—2001. Białystok.

Белевец В. Г., 2007. К изучению памятников вельбаркской культуры в Беларуси // Nowe materyały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury. Gdańsk.

Бочкарев В. С., 2004. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт-Петербург.

Горюнова В. М., 2004. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Санкт-Петербург.

Гросу В. И., 1986. Сарматское погребение в Поднестровье // СА. № 1.

Гуревич А. Я., 1979. «Эдда» и сага. Москва.

Драчук В. С., 1967. Стела со знаками из Теребовельщины // СА. № 2.

Драчук В. С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.

Загоруйко В. Т., Прилипко В. П., 1989. Поховання знатної сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільского району // Тези доповідей сьомої Вінницькой обласної краезнавчої конференції. Вінниця.

Западноевропейский эпос, 1977. Беовульф / Перевод с древнеанглийского В. Тихомирова; Старшая Эдда / Перевод с древнеисландского А. Корсуна (редакция перевода М. Стеблин-Каменского). Ленинград.

Исландские саги / Под общей редакцией О. А. Смирницкой, 1999. Т. I, II. Санкт-Петербург.

Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. Москва.

Карышковский П. О., 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Кашуба М. Т., Курчатов С. И., Щербакова Т. А., 2001—2002. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. (Stratum plus; № 4). Кишинев.

Кирпичников А. Н., 1966. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. // Скандинавский сборник. XI. Таллин.

Кирпичников А. Н., Стальсберг А., 1995. Новые исследования мечей эпохи викингов (по материалам норвежских музеев) // Археологические вести. № 4. Санкт-Петербург.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 1998. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Санкт-Петербург.

Козак Д. Н., 1984. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбаркской культуры на Волыни и в Подолии) // КСИА. Вып. 178.

Козак Д., 1988. Вельбаркская культура на Волыни // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin.

Козак Д., 2006. Етнокультурні процеси на теренах Українського Подністров'я в першій половині I тис. н. э. // Археологічні дослідження Львивського університету. Вип. 9. Львів.

Кухаренко Ю. В., 1980. Могильник Брест-Тришин. Москва.

Леус П. М., 2008. К истории копья из Ковеля // РА. № 4.

Мачинский Д. А., 1974. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. № 16.

Мачинский Д. А., Воронятов С. В., 2009. Памяти М. Б. Щукина // СГЭ. Вып. LXVII.

Мельникова Е. А., 2001. Скандинавские рунические надписи. Москва.

Младшая Эдда / Перевод О. А. Смирницкой, редакция М. И. Стеблин-Каменского, 1970. Ленинград.

Нефёдкин А. К., 2004. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. — V в. н. э. Санкт-Петербург.

Раев Б. А., Симоненко А. В., 2009. «Фалар» из «Давыдовского клада» // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Санкт-Петербург.

Рыкова Н., 1977. Героический эпос средневековья // Западноевропейский эпос. Ленинград.

Симоненко О. В., 1999. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. № 1. Київ.

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев.

Смирницкая О. А., 1999. Комментарии // Исландские саги. Т. I. Санкт-Петербург.

Стурлусон Снорри, 1995. Круг Земной / Перевод О. А. Смирницкой, Ю. К. Кузьменко, А. Я. Гуревича и М. И. Стеблин-Каменского. Москва.

Соломоник Э. И., 1957. О таврении скота в Северном Причерноморье (по поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология древнего Крыма. Киев.

Соломоник Э. И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Степугина Т. В., 1989. Древнекитайская цивилизация // Древние цивилизации. Ancient Civilizations. Издание, посв. 80-летию академика Б. Б. Пиотровского. Москва.

Тиханова М. А., 1941. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры (к вопросу об этногенезе восточных славян) // МИА. № 6. Москва; Ленинград.

Тиханова М. А., 1963. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА. № 2.

Тиханова М. А., 1977. Старшерунические надписи // Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Москва.

Трейстер М. Ю., 2006. Ювелирная мастерская I в. н. э. в Северном Причерноморье (К находкам из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. (Труды ГИМ; Вып. 159). Москва.

Хавлюк П. И., 1988. Вельбаркские памятники на Южном Буге // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin.

Щербакова Т. А, Кашуба М. Т., 1993. Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь.

Щукин М. Б., 1982. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. Вып. XLVII.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 2004. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском // Археолог: детектив и мыслитель. The Archaeologist: Detective and Thinker. Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. Санкт- Петербург.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 2006. Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал // Liber Archaeologicae. Сб. статей, посв. 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону.

Яценко С. А., 2001а. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва.

Яценко С. А., 2001б. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I—II вв. н. э.) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг. Вып. 17. Азов.

Яценко С. А., Добжаньская Г., Пивоваров А. В., в печати. Германские парадные копья II—III вв. н. э. с сарматскими знаками // Сборник ГИМ памяти И. И. Гущиной. Москва. (http://www. formuseum.info/2009/04/26/jacenko3.html).

Babeş M., 1999. Ein Tamga-Zeichen aus der dakischen Siedlung von Ocniţa (Buridava) // Transsilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte des südöstlichen Mitteleuropa. (Studia honoraria; Bd. 7). Rahden.

Beldiman C., 1990. Semne de tip tamga din Dacia preromană // Thraco-Dacica. T. XI. № 1—2. Bucureşti.

Berezanskaja Z. S., Kokowski A., 1997/1998. Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Vol. LII/LIII. Lublin.

Dąbrowska T., 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków.

Dobrzańska H., 2001. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A. D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód – Nyiregyháza. Aszód; Nyiregyháza.

Dobrzańska H., Wielowiejski J., 1997. The Early Roman high-status elite grave in Gebułtów near Cracow // Materiały Archeologiczne. T. XXX. Kraków.

Dzięgielewska M., Kulczyńska M., 2008. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien. Warszawa.

Hachmann R., 1993. Verzierte Lanzespitzen der Jüngeren Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fuþark // Kulturen zwichen Ost und West; das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Vrühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluss auf Werden und Wandel des Kulturraum. Berlin.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2006. Szarmata nemzetségjelek a Kárpát-Medencében // Arrabona. (Múzeumi közlemények; № 44/1). Györ.

Jaskanis J., 2005. Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Ostpolen. Warszawa.

Kaczanowski P., 1988. Chronologia inkrustowanych grotów broni drzewcowej z okresu wpływów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricum // Scripta Archaoeologica. Warszawa; Kraków.

Kašuba M., Kurčatov S. 2005. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dnestr // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 80. H. 2. Berlin; New York.

Kokowski A., 2003. Goten und Sarmaten – eine Geschichte der Kontakte zwischen dem 2. und 4. Jahr. N. Chr. Vor dem Hintergrund der Masłomęcz-Gruppe // 5 Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 12–16.2.1998. Kontakt – Kooperation – Konflikt, Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jh. n. Chr. Zusammenfassungen der Vorträge. Marburg.

Ščukin M. B., 1993. A propos des cantakts militaries entre les Sarmates et les Germanins à l'époque romain d'après l'armament et spécialment les umbo de boucliers et les lances // L'armée romaine et les Barbares du III-e au VII-csiècle. Saint-Germain-en-Laye.

Shshukin M., 1994. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlicher Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin; Marburg.

Simonenko A. V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I. I. und Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. (Archäologie in Eurasien; Bd. 25). Mainz.

Śmiszko M., 1936. Grot dzirytu z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem // Wiadomości Archeologiczne. Vol. XIV. Warszawa.

Stoklund M., 1987. New Inscriptions from Illerup and Vimose // Runor och runinskrifter. Stockholm.

Wołogiewicz R., 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacii etniczney // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Zielonka B., 1958. Cmentarzysko w Bodzanowie w pow. aleksandrowskim // Przeglad Archeologiczny. T. X. Poznań; Wrocław.

Ziemlińska-Odojowa W., 1999. Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Kraków.

GERMANIA-SARMATIA II

S. W. Woronjatow, D. A. Mačinsky

Über Zeit, Umstände und Sinn des Aufkommens von sarmatischen Tamgen auf germanischen Lanzenspitzen

Der vorliegende Artikel ist einem markanen Ausdruck der Wechselwirkung zwischen germanischen und iranischen Kulturwelten in den ersten Jahrhunderten n. Chr. gewidmet, und zwar germanischen Lanzenspitzen mit sarmatischen Tamgen (***Abb. 2, 3, 8***), die meisten von denen in Materialien der Przeworsk-Kultur auf dem Territorium Polens gefunden wurden.

Die bestehenden, von M. B. Ščukin und G. Dobr-zańska aufgestellten Hypothesen, wie sarmatische Tamgen auf germanische Lanzenspitzen gelangen konnten, berücksichtigen einen wichtigen Umstand nicht, und zwar das Vorhandensein von sarmatischen Denkmälern mit Tamgen in vermutlichen Kontaktzonen zwischen Sarmaten und Germanen. So erweist sich das Karpatenbecken, wo nach Angaben von Tacitus im Jahre 50 n. Chr. Germanen und Sarmaten-Jazygen interagiert hatten, für die Rekonstruktion von Umständen der Entlehnung der sarmatischen Tamgen durch Germanen als inakzeptabel. Laut Studien von ungarischen Archäologen ist im Karpatenbecken nur ein signifikanter Gegenstand mit sarmatischer Tamga aus einer ausgeraubten Grabstätte in Dunaharaszti bekannt (***Abb. 4***).

In der Hypothese von G. Dobrzańska über eine vermutliche Vereinigung von Sarmaten und Wandalen, die seit langem und sicher mit der Przeworsk-Kultur identifiziert werden, gegen Goten sind wichtige Angaben des gotischen Geschichtsschreibers Jordanes nicht in Betracht gezogen, denen zufolge die Wandalen durch die Goten bereits kurz nach derer Landung an der baltischen Küste in Gothiscandza unterworfen wurden. Dieses Versäumnis macht die Hypothese anfechtbar.

Die von S. A. Jacenko rekonstruierten Umstände der Entlehnung von sarmatischen Tamgen durch Germanen haben auch ihre Nachteile. Der Forscher hielt es für moglich, die Regeln der Existenz der iranischern Zeichen an die germanische Welt anzuwenden, was u. E. ursprünglich fehlerhaft ist. Fraglich ist auch die Anzahl der von S. A. Jacenko aufgegliederten Typen sarmatischer Tamgen (***Abb. 5***). Laut Angaben von R. Hachmann existieren einige davon bei Germanen unabhängig von ihren Kontakten mit der Welt der Steppennomaden.

Wir vertreten die Meinung, bei der Behandlung dieses Problems sei es davon auszugehen, welchen Sinn die Germanen ihren einheimischen Heilszeichen und Runeninschriften auf den Lanzenspitzen verliehen hatten. Skandinavische Sagen und

GERMANIA-SARMATIA II

angelsächsisches Epos zeugen von einer sakralen Funktion dieser Zeichen in magisch-religiösen Vorstellungen der Germanen in verschiedenen Epochen. Unausgesprochener "agressiver" Sinn der bekannten Runeninschriften war wohl auf den Sieg der germanischen Waffen gerichtet. Sarmatische Tamgen auf germanischen Lanzenspitzen konnten auch die gleiche Vorbestimmung haben – Verleihung der Waffe einer übernatürlichen Kraft.

Sarmatische Tamgen konnten an Germanen – Wandalen und Goten – unter den vom gotischen Geschichtsschreiber Jordanes in seinem Werk "Getica" beschriebenen Umständen gelangen. Jordans berichtet, Goten hätten unter der Führung von König Filimer, nachdem sie zuerst Wandalen unterworfen und in den eigenen Bestand integriert hatten, auf dem Wege Richtung Schwarzes Meer in einer Schlacht ein Volk namens "spali" besiegt (*Iord. Get. 26–28*). Nach Angaben von Plinius dem Älteren (*Plin. NH. VI, 22*), "spalaei" seien ein im Donbecken angesiedelter Stamm (vermutlich alanen-sarmatischer Herkunft). Wie alle anderen sarmatischen Nomadenstämme dieses Kreises waren Spalaei zu dieser Zeit wahrscheinlich nach Westen gewandert, wo sie mit Goten zusammnekamen.

Offensichtlich beginnen Goten und Wandalen nach dem Sieg über Iraner ihre Tamgen neben eigenen magischen Symbolen als Zeichen des Sieges darzustellen. Dadurch brachten Germanen den Übergang des Machtsakraments und den Ritus der Übermittlung der Mächtigkeit zum Ausdruck. Indem sie heraldische Zeichen des Gegners an sich nahmen, erhielten die Germanen alle übernatürliche Kräfte ihrer Feinde. Gleichzeitig konnten sarmatische Tamgen als Beutestücke zur Schau gestelltet werden.

Sehen sarmatische Zeichen konnten die Germanen nicht auf den Archäologen bekannten Gegenständen mit Tamgen, sondern auf Vorzeige- und Symbolobjekten wie sarmatische Fahnen und Bannern. Es ist nicht auszuschliessen, dass Tamgen in Tätowierungen auf Körpern der Nomaden und in Stempelzeichen auf Körpern ihrer Pferde vorkommen konnten.

Vom Ort der Schlacht zwischen Goten und Sarmaten zeugen Areale der Überlagerung der sarmatischen Kultur und der Wielbark-Kultur, die mit Goten und Gepiden identifiziert wird. Solche Überlagerung ist im Raum des Dnestr- und des Südlicher Bug-Beckens festgestellt, wo an der Grenze der Steppen- und Waldsteppenzonen Grabstätten der sarmatischen Elite aus der 2. Hälfte des 1. Jahrhunderts – Anfang des 2. Jahrhunderts n. Chr. (Porogi, Hordeevka, Pisarevka, Gruška, Severinovka, Mokra) erforscht wurden. Im 2. Jahrhundert n. Chr. entstehen in diesem Raum die ersten Denkmäler der Wielbark-Kultur, die das frühste Eindringen der Goten nach Süden festhalten. Angesichts des Bestehens dort von Denkmälern mit sarmatischen Tamgen erscheint diese Region für die vorgenommene Rekonstruktion als besonders günstig.

Einen Muster und chronologischen Marker der Berührung germanischer und iranischer Welten stellt das Hügelgrab 2 beim Dorf Mokra am Dnestr dar (***Abb. 10***). In ein individuelles sarmatisches Hügelgrab wurde eine Wielbark-Bestattung (***Abb. 11***) eingebracht. Die Chronologie der beiden Gräberkomplexe zeugt davon, dass der Zeitunterschied zwischen der sarmatischen Bestattung und der Einbringung der Wielbark-Bestattung in den Kurgan nicht gross war. Dieser Umstand lässt vermuten, dass die Schlacht zwischen den Goten unter der Führung von König Filimer und den Sarmaten sich in der Zeitspanne zwischen dem zweiten Viertel und dem Ende des 2. Jahrhunderts n. Chr. ereignen konnte.

Die Germanen, die an der Schlacht mit Nomaden teilgenommen hatten, kehrten in ihre Heimat zurück. Dort starben sie nach einiger Zeit. Mit ihnen zusammen war auch das Leben ihrer Waffen zu Ende. Heute sind die Grabstätten dieser Germanen auf dem Territorium Polens als Gräberkomplexe mit sarmatischen Tamgen aus der zweiten Hälfte des 2. Jahrhunderts – Anfang des 3. Jahrhunderts n. Ch. bekannt.

GERMANIA II

Гопкало Оксана Викторовна

Киев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии Национальной академии наук Украины

hopkalo@gmail.com

Тылищак Владимир Семенович

Киев

Младший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии Национальной академии наук Украины

tylischak@bigmir.net

О. В. Гопкало, В. С. Тылищак

Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский

Могильник у с. Чернелив-Русский Тернопольского района Тернопольской обл. (Западная Подолия, Украина) — один из наиболее широко исследованных некрополей черняховской культуры, работы на котором производились местным археологом И. П. Геретой в 1973—2000 гг. Раскопанная площадь могильника составила 7000 м^2, открыто 310 погребений черняховской культуры[1]. Несмотря на важность памятника для изучения истории населения юга Восточной Европы позднеримского периода, его материалы до сих пор в полной мере не введены в научный оборот.

Среди них особый интерес представляют римские импорты из металла. За почти 30-летнюю историю исследования памятника здесь обнаружены следующие находки такого рода: 1) римские монеты; 2) бронзовый кувшинчик; 3) фрагменты бронзовых сосудов; 4) бронзовая цилиндрическая емкость; 5) бронзовая пряжка; 6) бронзовая поясная бляха с эмалью; 7) фрагмент бронзовой портупейной пряжки; 8) фрагменты доспехов (железных кольчуг); 9) набор бронзовых наконечников стрел; 10) бронзовый браслет с листовидными подвесками; 11) бронзовая цепь с нанизанными стеклянными бусинами; 12) обрывки бронзовых цепей с восьмерковидными звеньями; 13) фрагменты других бронзовых изделий.

Некоторые из них опубликованы автором раскопок: бронзовые кувшинчик из погребения 41 (*Гереta, 1989б, рис. 5: 41и*), пряжка из погребения 211 (*Гереta, 1995, рис.10: А*), пластинки и гвозди из погребения 130 (*Гереta, 1989а, рис. 3: 130г, д*). Отдельная публикация посвящена погребению 265 могильника с медальоном из ауреуса Отацилии Северы (244—249) и набором бронзовых наконечников стрел (*Гереta, 2004*).

Поясная бляха с эмалью впервые определена Е. Л. Гороховским при дефиниции раннего этапа черняховской культуры (*1987, с. 62*; *1988, с. 44*). Бронзовый браслет с листовидными подвесками приведен в числе других уникальных римских импортов (бронзовые кувшинчик, чернильница, эмалевая поясная бляха), обнаруженных в черняховском ареале, в качестве показателя раннего этапа черняховской культуры для определения хронологии погребений с бусами и подвесками (*Гопкало, 2008, с.106, 107*). Подготовлены к публикации находки фрагментов кольчуг (*Тиліщак, в печати*).

Однако поскольку не все из найденных на могильнике римских импортов из металла введены в научный оборот, не для всех из них определены

[1] На момент завершения работ на могильнике исследовано 288 черняховских погребений (*Гереta, 2000*). Однако поскольку в ряде случаев объектам, которые перекрывались, присваивался один и тот же номер (например, 39 и 39а, 301 и 301а), а полностью разрушенные погребения нумеровались отдельно, общее количество черняховских погребений могильника составило 310.

STRATUM PLUS II

аналогии и датировки, эти вещи безусловно заслуживают отдельной публикации.

Источники данной работы — отчеты об археологических исследованиях могильника, хранящиеся в Научном архиве Института археологии НАН Украины (*Терета, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980,1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989а, 1990, 1991, 1992, 1994, 1997, 1998а, 1999, 2000*), а также коллекция материалов памятника из Тернопольского областного краеведческого музея.

Категории находок

Монеты. На могильнике обнаружены три римские монеты[2]. Все они имеют отверстия и использовались как подвески.

Из погребения 265 происходит ауреус Марции Отацилии Северы (244—249). На аверсе (***ил. IV: а***) — портрет императрицы и надпись: «M. OTACIL.SEVERA AVG.», буквы «ТА» уничтожены пробитым над затылком императрицы отверстием подвески. На реверсе — фигура сидящей женщины в драпированной одежде с патерой в одной руке и рогом изобилия в другой. Над фигурой надпись, частично поврежденная отверстием, которая изначально читалась, вероятно, как «CONCORDIA AVGG» (*The Roman Imperial Coinage, IV—III, 1949, p. 83, pl. 7: 13*). Когда монету переделывали в подвеску, практически целиком уничтожили буквы «AV».

Пробитое над головой изображенного властителя отверстие в монете демонстрировало особое отношение ее обладателя к императорской власти и Риму. Если к тому же время превращения монеты в подвеску соответствовало времени ее чеканки, то подвеска может считаться медальоном. Медальоны же часто поступали к дружественным варварским вождям как дипломатические дары (*Bemmann, 2005, S. 30, 31*).

Среди инвентаря кремации 44 найден фрагмент бронзовой монеты-подвески. К сожалению, саму находку в фондах Тернопольского областного краеведческого музея обнаружить не удалось, а фото в отчете (*Терета, 1976, рис. 49: 2*) не позволяет точно ее определить. Установлены размеры находки: диаметр — 1,8—1,9 и диаметр отверстия — 0,25 см.

Из культурного слоя могильника (раскопки 1978 г.) происходит плакированный серебром бронзовый денарий Адриана[3] (117—133). На аверсе (***ил. IV: b***) — портрет императора с надписью из девяти букв, отчетливо читаются последние +NVS. На реверсе видны четко фигура крылатой Виктории вправо, следы пяти букв слева от фигуры и трех первых букв справа. В монете пробито отверстие диаметром 0,23 см.

Бронзовые сосуды. Бронзовый кувшин обнаружен в погребении 41 (***рис. 1: 4***; ***ил. IV: с***). Его высота 13, диаметр венчика 7, максимальный диаметр корпуса 10, дна — 6 см. Дно кувшина припаяно к корпусу. Ручка, изготовленная из бронзовой плоской в сечении пластины шириной 1 см, в нижней части фигурно расклепанной, припаяна к корпусу изделия.

Кроме кувшина в инвентарь детского погребения 41 входили: бронзовая прогнутая подвязная фибула варианта А5 по Е. Л. Гороховскому, бусы из одноцветного стекла типа XVI/2, янтарные варианта VIII/2а по О. Гопкало, а также стеклянный бисер, который не сохранился среди материалов могильника. Все это индикаторы раннего этапа черняховской культуры — «ружичанской» фазы по Е. Л. Гороховскому (*1988, с. 42*) и группы 1А по О. Гопкало (*2008, с.106, 107*).

Тождественные чернеливскому кувшину сосуды не известны. Подобный металлический сосуд, найденный в швейцарском Мартиньи (*Wible, 1983, S. 29, 30, Abb. 60*, цит. по: *Баран и др., 1990, с. 52, 76, ссылка 177*), очень сходный по силуэту корпуса и имеющий припаянное дно, отличается по размеру (его высота 20 см) и конфигурации венчика (***рис. 1: 4а***). Из-за различия размеров и пропорций не могут служить аналогией для находки из Чернелива-Русского и бронзовые кувшинчики типа Е 126 (*Eggers, 1951, Taf. 11*).

Кроме кувшина среди материалов могильника найдены фрагменты еще двух бронзовых

[2] В ранних публикациях И. П. Гереты встречается информация о находке монеты в погребении 46. Эта информация ошибочна, поскольку за монету приняли донце ведерковидной подвески. Позднее допущенная ошибка была исправлена.

[3] Определение Г. В. Бейдина. Пользуясь случаем, благодарим коллег Б. В. Магомедова и Г. В. Бейдина за помощь в определении монеты.

***Рис. 1*. Римские импорты из металла (бронзовые сосуды), могильник Чернелив-Русский (1—4), и аналогия (4а)**:
1 — цилиндрическая емкость (погр. 87); 2 — фрагмент (культ. слой, раскопки 1983 г.); 3 — фрагмент венчика (погр. 265); 4 — кувшин (погр. 41); 4а — кувшин из Мартиньи

***Abb. 1*. Römische Importe aus Metall (Bronzegefäße), Gräberfeld von Černeliv-Rus'kyj (1–4), und Analogie (4a)**:
1 – zylindrisches Gefäß (Gr. 87); 2 – Fragment (Kulturschicht, Ausgrabungen 1983), 3 – Randstücke (Gr. 265); 4 – Kanne (Gr. 41); 4a – Kanne aus Martigny

тонкостенных сосудов. В погребении 265 — небольшой фрагмент резко отогнутого венчика (***рис. 1: 3***) диаметром приблизительно 26 и толщиной 0,1 см. Погребение сопровождалось прогнутыми подвязными фибулами варианта А1 по Е. Л. Гороховскому, пряжками с рамками в форме «омеги», стеклянным стаканом и другими находками (обоснование его относительной хронологии см.: *Гопкало, 2008, с. 107*). Еще один фрагмент венчика (***рис. 1: 2***) происходит из культурного слоя могильника (раскопки 1983 г.). Толщина стенки менее 0,1, толщина венчика 0,26 см. Фрагмент мог принадлежать сосуду (кубку?), диаметр которого по венчику составлял около 7 см. К сожалению, фрагментарность обнаруженных находок не позволяет определить типы металлической посуды.

В подростковом погребении 87 обнаружена бронзовая миниатюрная емкость цилиндрической формы (***рис. 1: 1***; ***ил. V: d***) — чернильница или пиксида. Высота изделия около 5,5, диаметр корпуса у дна 6, диаметр венчика 6,7 см. Верхнюю и придонную части корпуса изделия украшают по четыре прямые линии, а слегка вогнутое дно —

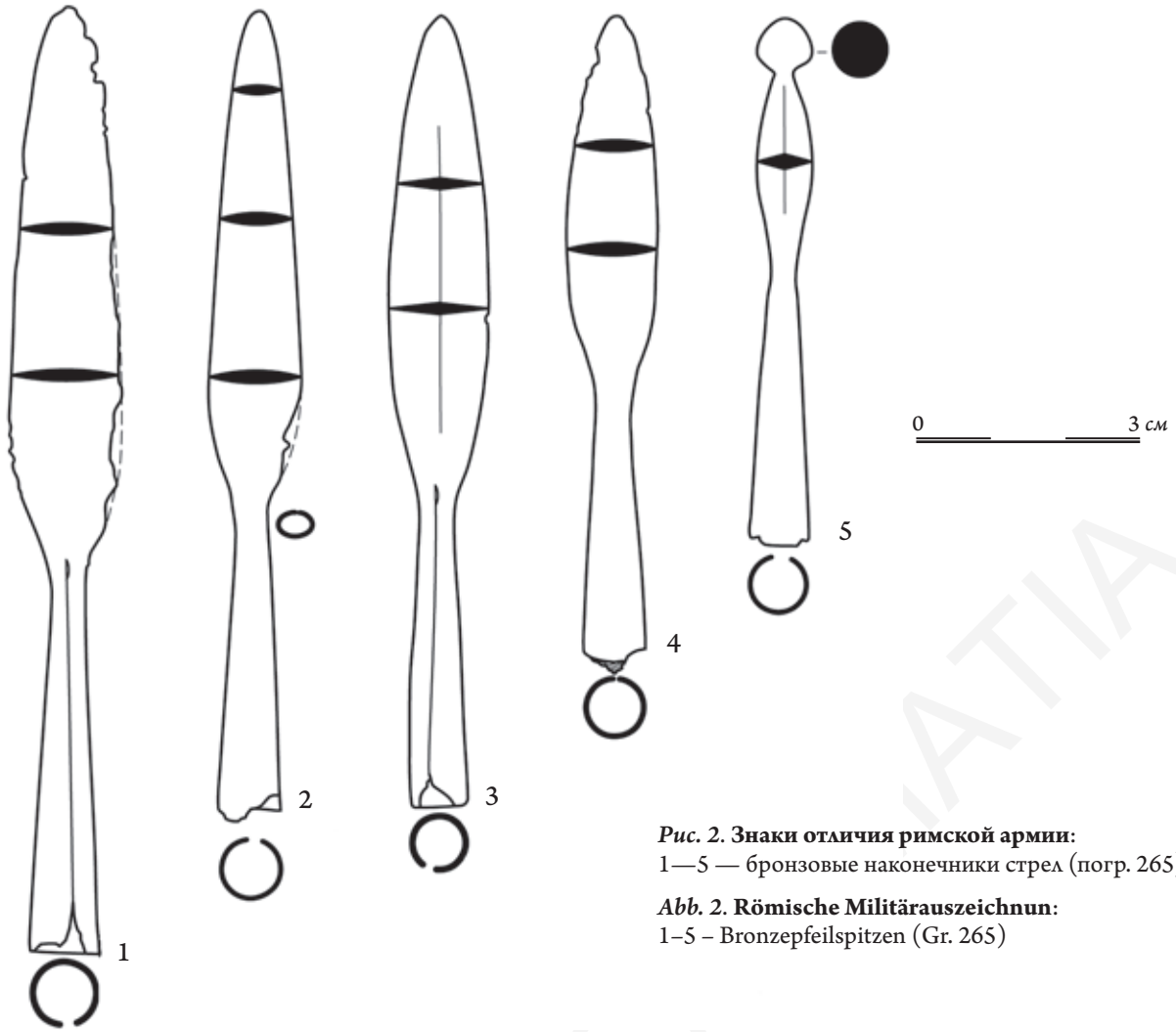

***Рис. 2.* Знаки отличия римской армии**:
1—5 — бронзовые наконечники стрел (погр. 265)

***Abb. 2.* Römische Militärauszeichnun**:
1–5 – Bronzepfeilspitzen (Gr. 265)

концентрические окружности. В центре — сквозное отверстие диаметром 0,1 см. Сохранность предмета плохая: значительно повреждена его верхняя часть, сильно отогнутый наружу венчик сохранился частично, имеются бреши и в придонной части. Дно не соединено с корпусом изделия, оно сохранилось в виде бронзовой круглой с рваными краями пластинки.

Находка похожего бронзового цилиндра с крышкой-перевертышем, диаметром корпуса 3,5 и высотой 4,5 см (в закрытом виде), происходит из погребения 25 могильника Ружичанка (*Винокур, 1979, с. 118, 120, 121, рис. 16: 5*). Заслуга определения изделия как римской чернильницы принадлежит М. Б. Щукину (*Szczukin, 1981, s. 154*), нашедшему ей соответствие среди материалов Интерцизы конца II — начала III в. (*Radnoti, 1957, S. 211, 219, 220, 591, Tabl. XLIII*).

Этой категории римских импортов специальную работу посвятил А. Коковский (*Kokowski, 2003*). Согласно предложенной автором классификации, ружичанская чернильница относится к группе III, находки которой концентрируются в Паннонии (*Kokowski, 2003, rys. 3*). Уточняется и дата ружичанской находки, которая определяется в пределах первой половины III в., или рубежа периодов C_{1b} и C_2 согласно центральноевропейской хронологической схемы. Распространение подобных предметов в Барбарикуме объясняется либо восстановлением после Маркоманнских войн «Янтарного пути», либо трофеями, полученными готами во время событий на Дунае, происходивших около 238 г. Чернильница, по мнению А. Коковского, не могла использоваться у готов по прямому назначению и, скорее всего, была положена в детскую могилу как игрушка.

Наша находка хоть и подобна ружичанской чернильнице, но отличается от нее размерами и пропорциями, а кроме того она плохой сохранности, о чем уже сказано выше, и имеет сквозное отверстие в донце, что не позволяло, по-видимому, использовать коробочку для хранения жидкости.

Знаки отличия римской армии. В погребении 265 обнаружен набор из пяти стрел, от которых сохранились бронзовые втульчатые наконечники с листовидным пером, во втулках — остатки дерева. Размеры наконечников следующие.

1. Длина изделия 12,8 см. Перо листовидное, в сечении линзовидное, длиной 7,4, шириной 1,5 см. Втулка длиной 5,4, диаметром 1 см (***рис. 2: 1***).
2. Длина изделия 11 см. Перо листовидное, в сечении линзовидное, длиной 6,9, шириной 1,3 см. Втулка длиной 4,1, диаметром 0,8 см (***рис. 2: 2***).
3. Длина изделия 10,8 см. Перо листовидное (лавровидное, наибольшее расширение приходится посередине острия), в сечении линзовидное, длиной 6,6, шириной 1,4 см. Втулка длиной 4,1, диаметром 0,75 см (***рис. 2: 3***).
4. Длина изделия 8,9 см. Перо листовидное (лавровидное, наибольшее расширение приходится посередине острия), в сечении ромбовидное, длиной 5,1, шириной 1,25 см. Втулка длиной 3,8, диаметром 0,7 см (***рис. 2: 4***).
5. Длина изделия 7,2 см. Острие листовидное (лавровидное), в сечении ромбовидное, с шаровидным навершием, длиной 3,3, шириной 0,7 см. Втулка длиной 3,9, диаметром 0,8 см. Диаметр шаровидного завершения 0,7 см (***рис. 2: 5***).

Иследователь могильника отнес их к охотничьему оружию (*Герета, 2004, с. 126*). Следует отметить, что наконечники боевого и охотничьего древкового оружия (дротиков, копий и стрел) изготовлялись из железа и стали. Изделия из цветных металлов не имели практического значения, а носили характер парадного или ритуального оружия. Миниатюрные копии боевого оружия, так называемые почетные копья (*hasta pura*), служили знаками отличия в римской армии эпохи империи. Иногда их получали и выходцы из варварской среды. Так, например, наборы серебряных наконечников стрел сопровождали богатые погребения Лейна-Хасслебен в Германии (Саксонии и Тюрингии), принадлежавшие германским воинам, произведенным во всадническое сословие. Однако кроме ритуального оружия в этих могилах найдены серебряные шпоры, а также бронзовые сосуды, серебряные и золотые (позолоченные) детали убора (Т-образные фибулы с луковичными головками, пряжки, гривны, подвески, перстни), в качестве оболов Харона в них положены ауреусы (*Шаров, 1999, с. 194*).

Кроме чернеливских находок бронзовые наконечники стрел в ареале культуры Черняхов/Сынтана де Муреш найдены на могильниках Ромашки и Хэнешть (*Магомедов, Левада, 1996, с. 308—310, рис. 7: 33—36*).

Детали римского воинского снаряжения. Из инвентаря погребения 211 происходит бронзовая пряжка (***рис. 3: 3***; ***ил. V: е***) полуовальной формы, размерами 5,9 × 4,2 см, по краям оси рамки небольшие выступы, в которые вставлялись железные заклепки, крепившие пряжку к поясу. Из куска железной проволоки сделан и язычок пряжки, который, по всей видимости, заменил первоначальный бронзовый, пришедший со временем в негодность.

Пряжка украшена врезным декором в виде полос, который расположен вдоль оси рамки между заклепками и перпендикулярно ей, обозначая место крепления язычка. Косые насечки в виде «елочки» нанесены по сегментовидному краю рамки. Главный декоративный акцент — широкая ажурная ось рамки пряжки. Возможно, она предназначалась под сложный фигурный язычок с выступами. Эстетически такое решение было выигрышным, конструктивно — неудачным, поскольку не была учтена ежедневная нагрузка на затейливый язычок, свидетельством чему являются следы ремонта и замены оригинальных деталей пряжек кусками грубой железной проволоки.

И. П. Герета идентифицировал эту находку как легионерскую пряжку (*1995, с. 155*). Подобная пряжка со следами ремонта, замены язычка на железный (***рис. 3: 3а***) найдена среди материалов культуры Милитарь-Килия (*Bichir, 1984, s. 44, pl. XLVII: 6*). Различие между находками состоит в способе крепления пряжки к поясу. У румынской находки от оси рамки отходят три узких выступа, предназначенные, по-видимому, для металлического стержня, что предполагает наличие дополнительной конструктивной детали.

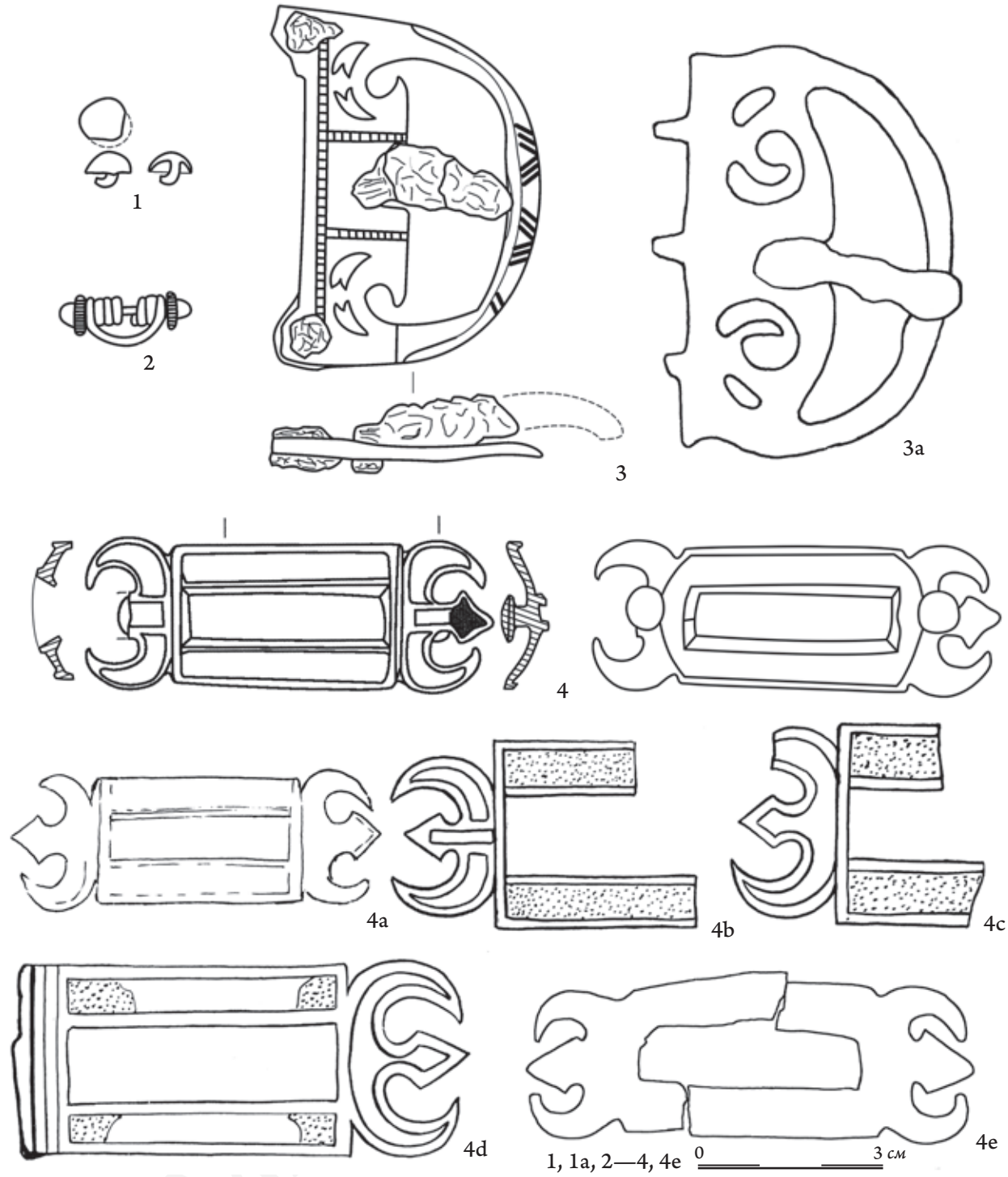

***Рис. 3*. Римские импорты из бронзы (детали воинского снаряжения), могильник Чернелив-Русский (1—4), и аналогии (3а, 4а—е)**: 1 — фрагмент заклепки с полусферической полой шляпкой (погр. 211); 2 — пружина от фибулы (погр. 211); 3 — пряжка (погр. 211); 3а — селище Килия, культура Милитарь-Килия; 4 — поясная бляха с эмалью (погр. 38); 4а — Аутрих; 4b — Цугмантель; 4c — Йорк; 4d — Корбридж (Henry, 1933, fig. 39: 1, 6—8), 4e — Бригецио (Sellye, 1939, tabl. XIV: 7). 4а—d — без масштаба

***Abb. 3*. Römische Importe aus Bronze (Einzelteile der Militärausrüstung), Gräberfeld von Černeliv-Rus'kyj (1–4), und Analogien (3a, 4a–e)**: 1 – Fragment mit halbkugeliger Hohlkappe (Gr. 211); 2 – Fibelspirale (Gr. 211); 3 – Schnalle (Gr. 211); 3a – der Siedlung Chilia der Militäri-Chilia Kultur; 4 – emallierte Gürtelschnalle (Gr. 38); 4a – Autriche, 4b – Zugmantel, 4c – York, 4d – Corbridge (Henry, 1933, fig. 39: 1, 6–8), 4e – Brigetio (Sellye, 1939, tabl. XIV: 7). 4a–d – ohne Maßstab

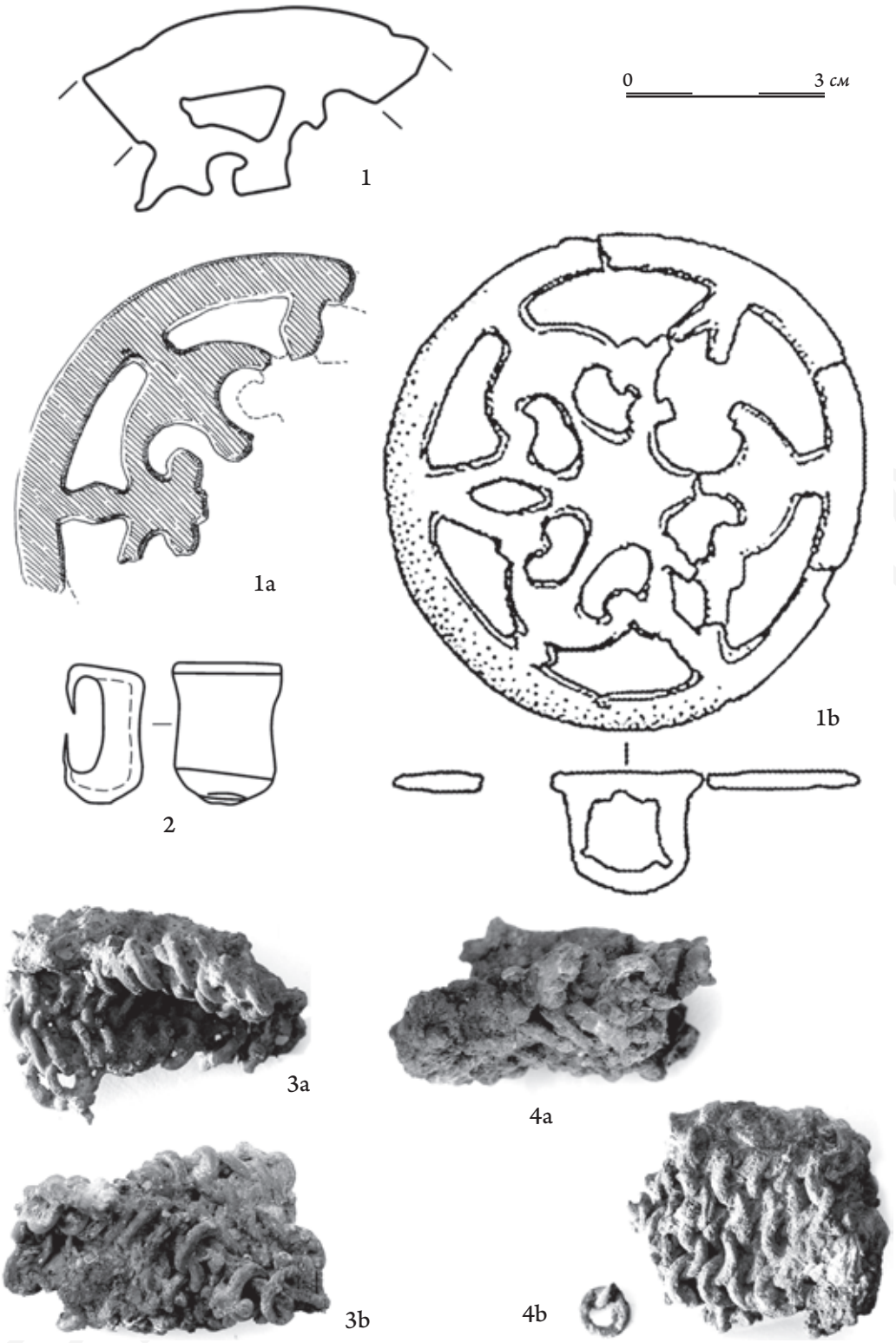

***Рис. 4*. Римские импорты из металла (детали воинского снаряжения — 1, 2; фрагменты кольчуги — 3, 4), могильник Чернелив-Русский, и аналогии (1a, b)**: 1 — фрагмент бронзовой портупейной пряжки (погр. 297); 1a — поселение Мэтэшару, культура Милитарь-Килия; 1b — Дура-Европос; 2 — бронзовая заклепка (?) (погр. 297); 3 — погр. 73; 4 — погр. 243

***Abb. 4*. Römische Importe aus Metall (Einzelteile der Militärausrüstung – 1, 2; Fragmente des Kettenpanzers – 3, 4), Gräberfeld von Černeliv-Rus'kyj, und Analogien (1a, b)**: 1 – Fragment der Koppelbronzeschnalle (Gr. 297); 1a – der Siedlung Mătăşaru der Militäri-Chilia Kultur; 1b – Dura-Europos; 2 – Bronzeschnalle (?) (Gr. 297);. 3 – Gr. 73; 4 – Gr. 243

Погребение 211 могильника Чернелив-Русский относится к группе могил с ритуальными разрушениями. Из инвентаря сохранились отдельные мелкие фрагменты бронзовых вещей, в том числе фрагмент гвоздя с полусферической полой шляпкой (***рис. 3: 1***), штифт рогового гребня, а также фрагмент фибулы — простая пружина с длинной тетивой с накладными кольцами на концах (***рис. 3: 2***). Установить точную модификацию находки не представляется возможным, но среди чернеливских застежек так оформлена пружина фибулы из погребения 231.

В инвентаре погребения 38 обнаружена бронзовая поясная бляха с эмалью (***рис. 3: 4***; ***ил. V: f***) прямоугольной формы, дополненной развернутыми наружу трехрогими лунницами. Общие размеры изделия: длина 6,6, ширина 2,4 см; размеры прямоугольной — центральной — части находки: длина 3,8 см, ширина 2,4 см, прямоугольного сквозного отверстия: длина 3,2, ширина 0,8 см. Вдоль длинных сторон рамки и на боковых деталях имеются углубления для эмали, остатки которой, темно-синего цвета, сохранились в центральном выступе одного из боковых деталей изделия. К поясу бляха крепилась двумя массивными заклепками.

Аналогии поясной бляхе из Чернелива-Русского представляют редкие, но практически идентичные находки из раскопок римских лагерей Подунавья, Порейнья и Британии (***рис. 3: 4a—e***) (*ORL, 1909, Lief. 32, S. 89, Taf. X: 48*; *Henry, 1933, s. 65—146, fasc. I: 1, 6—8*; *Oldenstein, 1976, Taf. 68, 887*), в том числе из Бригетио и Карнунтума (*Sellye, 1939, fasc. 8, pl. XIV: 7, 11*). Это может означать, что они были регламентированным элементом военной формы[4].

Погребение 38 Чернелива-Русского — один из наиболее сложных по стратиграфии объектов могильника. В заполнении погребальной ямы зафиксированы остатки трех костяков. Автор раскопок считал этот объект результатом нарушения трех отдельных, смежных или перекрывавшихся, погребений. К какому из них относилась поясная бляха, выяснить не представляется возможным.

Фрагмент бронзового литого ажурного изделия (***рис. 4: 1***) найден в заполнении погребения 297. Его размеры 5,2 × 2,8 × 0,02 см. Изначально изделие могло иметь круглую форму и ажурный декор. Вместе с ним обнаружен бронзовый массивный цилиндро-конический полый предмет с ушками-креплениями (***рис. 4: 2***), размерами 2,5 × 1,6 × 1,3 см, использовавшийся предположительно как заклепка.

Вещи подобные чернеливской находке найдены в римских лагерях Дура-Европос (***рис. 4: 1b***) (*James, 2004, fig. 36: 18*), Бучум в Дакии, а также на селище Мэтэшару культуры Милитарь-Килия (***рис. 4: 1a***) (*Bichir, 1984, s. 57, pl. LII: 6*). Это фрагменты портупейных пряжек.

Погребение 297 — ритуально разрушенная ингумация с западной ориентировкой. Обсуждаемые находки вместе с фрагментами керамики (со следами пребывания в огне) обнаружены в северо-восточном углу погребения на глубине 1,1 м. Не исключено, что они попали сюда из разрушенного погребения по обряду кремации, невыразительные следы которого зафиксированы на той же глубине (1,1 м) в соседнем (к востоку) квадрате (*Герета, 1998б, с. 7, 19, рис.1*).

Фрагменты доспехов. В заполнениях могильных ям погребений 73 и 243 обнаружены обрывки железных кольчуг (***рис. 4: 3, 4***) со следами пребывания в огне. Находка из погребения 243 представляла собой согнутый вдвое прямоугольный фрагмент кольчуги размерами 4,3 × 2,5 см (в развернутом виде приблизительно 5,5 × 4 см). Изделие изготовлено из колец диаметром 0,8—0,9 см. Между собой кольца соединены по принципу 4:1, т. е. таким образом, чтобы четыре соседних кольца соединялись одним дополнительным. В результате каждое кольцо оказывается пропущенным через четыре других. Из-за сильной корродированности находки не удается точно установить способ изготовления колец, однако по подпрямоугольному сечению можно предположить, что они изготовлены штамповкой из железного листа толщиной 0,2 см.

Фрагмент кольчуги, обнаруженый в заполнении погребения 73, — согнутый вдвое прямоугольник размерами 3,5 × 3,5 см (в развернутом виде 7,2 × 3,5 см), собранный из колец диаметром 0,8—0,9 см, подпрямоугольных в сечении, размерами 0,13 × 0,25 см.

В погребениях черняховской культуры известно всего несколько находок мелких фрагментов кольчуг. Две из них сделаны в Среднем

[4] Литература приведена по: *Баран и др., 1990, с. 52, 76, ссылка 177*; с дополнениями М. Е. Левады.

Поднепровье: погребения 12 Каневского могильника (*Петраускас, 1997, с. 192, рис.11: 11*) и 26 могильника Дедов Шпиль (*Терпиловський, Петраускас, 2005, с. 60, 61*). Еще три найдены в Румынии: погребения 426 Бырлад-Валя-Сякэ (*Palade, 2004, s. 135, 613, fig. 248*) и 65, 74 могильника Могошань (*Diaconu, 1970, p. 29, fig. 15: 12*).

Характер находок, фрагментарность и плохая сохранность не позволяют считать их остатками положенных в могилы доспехов. Скорее всего, они использовались вторично в качестве украшений или амулетов. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство черняховских погребений с кольчужками — женские или детские (Бырлад-Валя-Сякэ — 426, Канев — 12, Могошань — 65, Чернелив-Русский — 243).

В римское время среди разноэтничного населения Центральной и Восточной Европы распространилась традиция класть обрывки кольчуг в женские и детские могилы в качестве украшений — браслетов или амулетов (*Czarnecka, 1994*; *Тиліщак, в печати*). Поскольку о производстве кольчуг в варварской среде ничего не известно, очевидно, что находки в Барбарикуме — это фрагменты римских доспехов, добытые варварами как военные трофеи. Появление фрагментов кольчуг в погребальном инвентаре центральноевропейских варваров связывается преимущественно со второй половиной II — III в. Большинство находок римских кольчуг из памятников Германии относится к периоду B_2—C_1 согласно центральноевропейской хронологической схемы (*Laser, Voß, 1994, S. 54, 114*; *Voß, 1998, S. 53, 59—61, 75, 132, Taf. 51, 62*; *Erdrich, 2002, S. 109, 138, 215*; *Erdrich, Carnap-Bornheim, 2004, S. 59, 80, 95, 96, 112, 126, Taf. 34: 5; 37*; *Becker et al., 2004, S. 85, 95, 97, 242, 261, 262*; *Hirst et al., 2007, S. 83, 95*).

К этому же периоду относится и большинство пшеворских погребений Польши с небольшими фрагментами кольчуг (*Kaczanovski, 1992, s. 59*), что объясняется участием вандалов в Маркоманнских войнах (*Kontny, 2004, s. 155*). Впрочем, популярный в варварской среде обычай бытовал довольно долго. Так, П. Качановский приводит пример погребений фазы D из Словакии и Моравии, в которых встречаются небольшие фрагменты кольчуг (*Kaczanowski, 1992, s. 60*). Не ранее IV в. датируются находки из могильников культуры Черняхов/Сынтана де Муреш Дедов Шпиль и Могошань (*Терпиловський, Петраускас, 2005, с. 64*; *Diaconu, 1970, s. 7, 8*).

Но чернеливские кольчужки, по-видимому, наиболее ранние из черняховских, синхронны большинству центральноевропейских находок, что косвенно подтверждается наличием в инвентаре могилы 243 фрагментированного лепного кувшина типа IX А по Р. Волонгевичу, дата которого B_2—C_{1b} (*Wołągiewicz, 1993, s. 56*).

Украшения. В детском погребении 147 найден бронзовый браслет с листовидными подвесками (***рис. 5: 1***; ***ил. V: g***). В пластинчатой скобке, орнаментированной по краям и по середине пуансонным декором, по центру пробиты три отверстия, в которые продеты проволочные кольца с листовидными подвесками. Концы скобки скреплялись проволочкой. Приблизительный диаметр браслета 4, его максимальная ширина 0,9, диаметр колец, на которых подвешивались листовидные украшения, 1,2 см, размеры бронзовых «листочков»: 2,1 × 2,1; 3 × 2,1 и 2,4 × 1,9 см.

Точные аналогии украшению не известны. Листовидные подвески подобные чернеливским украшали так называемые якоревидные фибулы Паннонии, датировка которых не выходит за рамки первых десятилетий III в. (*Patek, 1942, tabl. IX: 7*).

Среди инвентаря погребения найдена янтарная бусина варианта IV/1а — индикатор раннего этапа черняховской культуры (*Гопкало, 2008, с. 103, рис. 3: 5*).

В инвентаре погребения 88[5] найдена металлическая цепь длиной 6 см с нанизанными стеклянными бусинами (***рис. 5: 2***). Бусы на цепи двух разновидностей: варианта I/1а (2 экз.) и типа XVII/10 (1 экз.) по О. Гопкало. Отнесение бусин, украшающих чернеливскую цепочку, к указанным типам достаточно формально, поскольку они отличаются морфологически от типичных образцов. Округлые эллипсоидные бусины — аккуратные симметричные, с ровными краями. Цвет и форма граненой бусины из-за плохой сохранности как самого изделия, так и стекла, скорее, угадываются.

[5] По остаткам посткраниального скелета установлено, что погребение принадлежит подростку или особи в возрасте *juvenis*. Пол не определяется. Информация предоставлена научным сотрудником ИА НАНУ, к. и. н. Т. А. Рудич. Благодарим коллегу за консультацию.

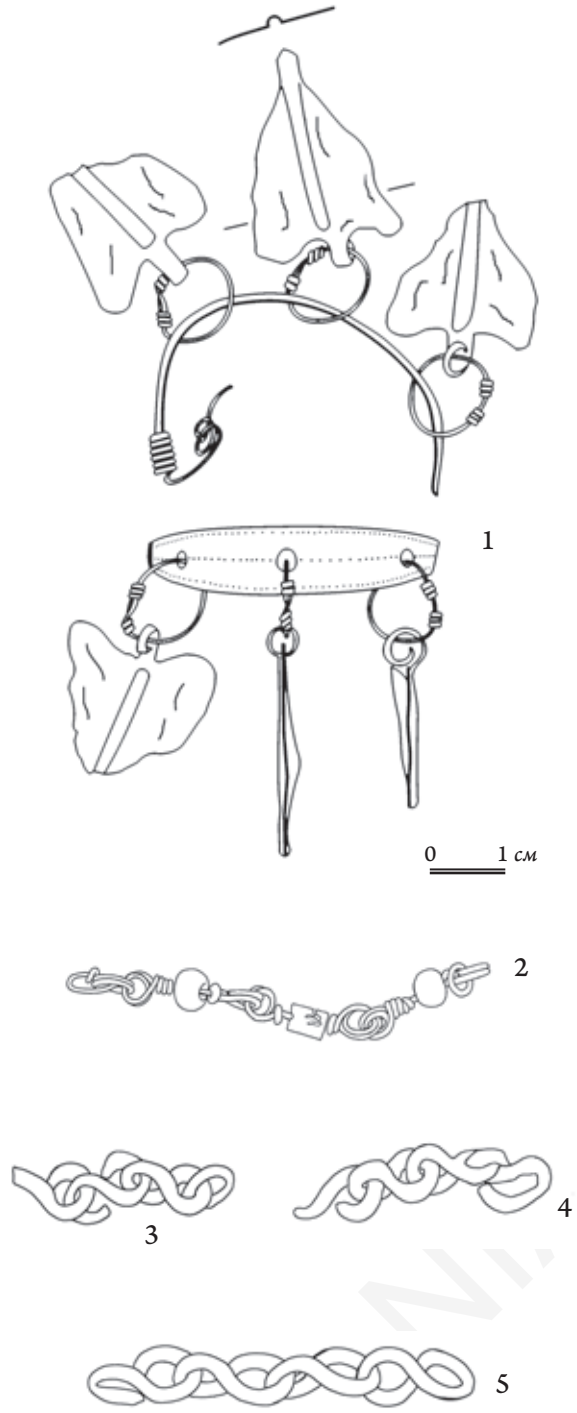

***Рис. 5*. Римские импорты из металла (бронзовые украшения), могильник Чернелив-Русский**:
1, 2 — браслет с листовидными подвесками и цепь с нанизанными стеклянными бусинами (погр. 88); 3—5 — фрагменты цепи с восьмерковидными звеньями (3, 4 — погр. 132; 5 — культ. слой)

***Abb. 5*. Römische Importe aus Metall (Bronzeschmuck), Gräberfeld von Černeliv-Rus'kyj**: 1, 2 – Armband mit blattförmigen Anhängern und Kettchen mit Glasperlen (Gr. 88); 3–5 – Kettenstückchen mit achtförmigen Gliedern (3, 4 – Gr. 132; 5 – der Kulturschicht)

Кроме металлической цепи с бусами у шейных позвонков найдены: янтарная бусина варианта IV/1а, корпус железного «ведерка» варианта II/2а, бронзовое «ведерко» с полусферическим выступом в донце типа II/4 по О. Гопкало, корпус и донце которого украшены пуансонном декором: корпус снизу и сверху, донце — в обрамлении выступа. Все эти украшения — индикаторы группы 1А погребений с бусами и подвесками (*Гопкало, 2008, с. 103*).

Среди римских украшений бронзовые цепи из восьмерковидных звеньев с нанизанными бусинами появились в подражание золотым ожерельям еще во II и существовали в III в. (*Riha, 1990, S. 76, Taf. 32: 735*). В Барбарикуме их находки достаточно редки, а чернеливское ожерелье в черняховском ареале уникально.

Редкими в черняховском ареале являются находки бронзовых цепей с восьмерковидными звеньями (***рис. 5: 3—5***). В Чернеливе-Русском их фрагменты найдены в погребениях 103, 132 и культурном слое памятника. Их длина: 2,9 и 3,5 см (погребение 132); 5,1 см (культурный слой); размер звеньев 0,75 × 0,9 при толщине проволоки 0,2 см.

Кроме Чернелива-Русского фрагменты бронзовых цепей известны среди материалов еще двух могильников Подолии — Ружичанка (*Гороховский, Гопкало, в печати*) и Петрикивцы[6]. Бронзовые цепи с восьмерковидными звеньями известны среди римских украшений II—III вв. (*Riha, 1990, S. 76, Taf. 32: 756*).

Функциональное назначение черняховских находок не обсуждалось. Возможно, так же как и у римлян, у варваров они использовались как украшения.

В Барбарикуме бронзовые цепи с восьмерковидными звеньями встречаются, например, на сарматских памятниках Венгрии, Сербии (*Parducz, 1950, tabl. CV: 10–16*; *Vaday, 2005, Taf. 30*), Румынии (*Diaconu, 1965, pl. LXXXIII: 2a*), в культуре Милитарь-Килия (*Bichir, 1984, pl. LI: 6–9*), в погребениях масломенчской группы вельбаркской культуры (*Kokowski, 1993, rys. 43: c*).

Фрагменты бронзовых изделий. В погребении 247 обнаружен фрагмент бронзового литого предмета (***рис. 6: 1***). Сохранившаяся часть состоит из четырехугольника длиной 2,3, шириной

[6] Благодарим авторов раскопок Б. В. Магомедова и М. Е. Леваду за возможность пользоваться неопубликованными материалами.

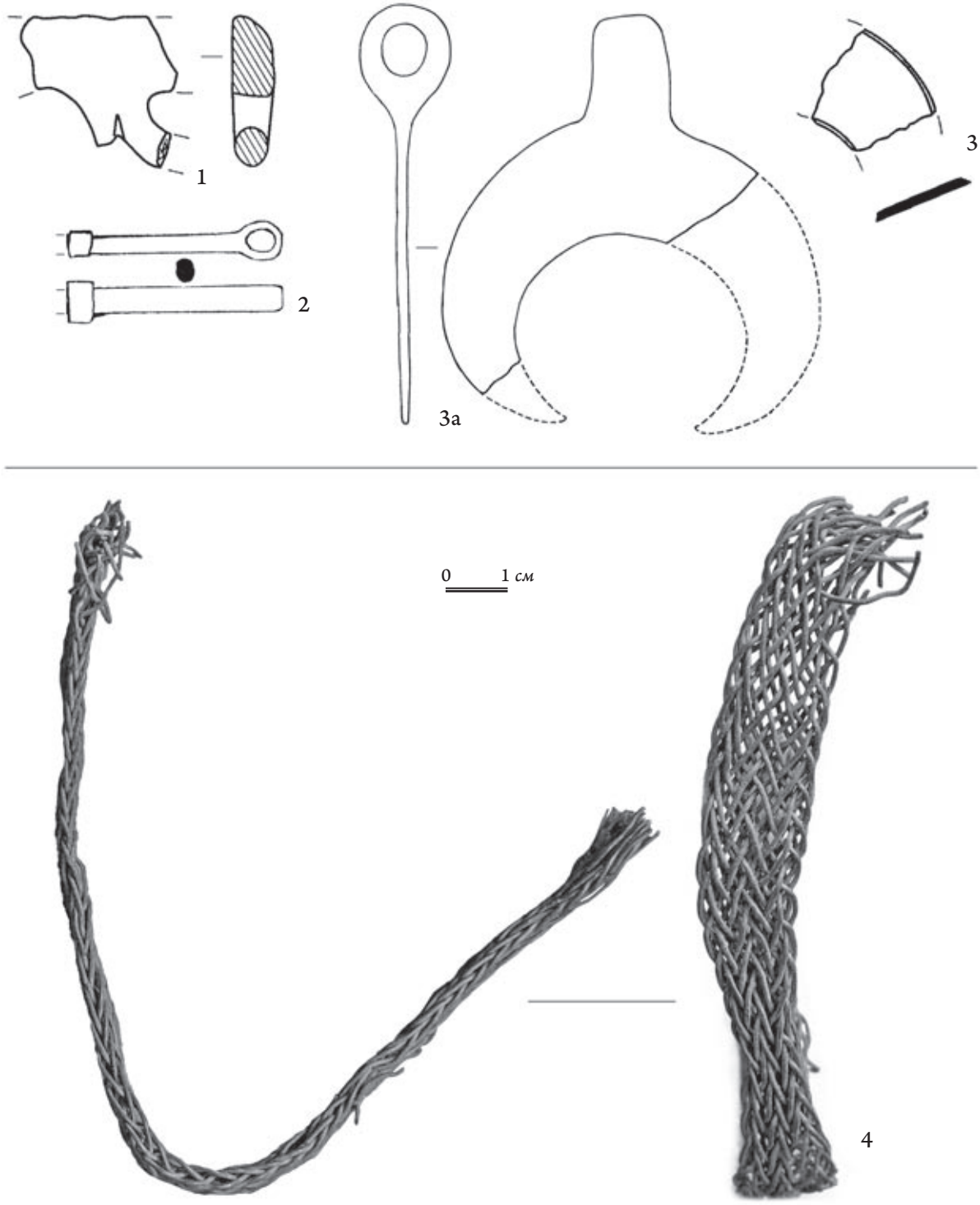

***Рис. 6*. Римские импорты из металла (фрагменты бронзовых изделий), могильник Чернелив-Русский (1—4), и аналогия (3а)**: 1 — погр. 247; 2 — погр. 26; 3 — лунница от уздечки (погр. 264); 3а — Дура-Европос (по: *James, 2004, p. 88, fig. 40: 194*); 4 — цепь (погр. 128)

***Abb. 6*. Römische Importe aus Metall (Fragmente von Erzeugnissen aus Bronze), Gräberfeld von Černeliv-Rus'kyj (1–4) und Analogie (3a)**: 1 – Gr. 247; 2 – Gr. 26, 3 – Lunulaanhängers vom Pferdegeschirr (Gr. 264); 3a – Dura-Europos (nach: *James, 2004, p. 88, fig. 40: 194*); 4 – Kette (Gr. 128)

1,1—1,3 и толщиной 0,7 см, от одной из длинных сторон которого отходят два завитка круглых в сечении, диаметром 0,6 см.

В погребении 26 найден обломок бронзового предмета (***рис. 6: 2***), основная часть которого — металлический стержень длиной 3,5 см, овальный в сечении, размерами 0,3—0,4 см, один конец которого заканчивается петлей диаметром 0,6 и овальным отверстием размерами 0,4—0,5 см, второй конец обломан, но выше места поломки на стержень надето бронзовое кольцо шириной 0,4 см. Назначение изделия не установлено. Предполагается, что это деталь какого-то устройства.

Из погребения 264 происходит фрагмент бронзовой литой сегментовидной пластинки толщиной 0,13 см (***рис. 6: 3***). Размеры сохранившейся части 1,7 × 1,7 см. Ее поверхность тщательно, до зеркального блеска отполирована. Внешний и внутренний края изделия косо срезаны. По размерам находка соответствует части бронзовой лунницы от уздечки, найденной в Дура-Европос (***рис. 6: 3а***), а также Вехтене и Бьюнингене в Северной Европе (*James, 2004, p. 88, fig. 40: 194*). Вероятно, фрагмент подобного декоративного элемента происходит из Карнунтума (*Grünewald, 1986, Taf. 12: 28*).

В погребении 257 найдена бронзовая масивная заклепка высотой 1,3 см, с полусферической полой шляпкой диаметром 1,8 см, дисковидным окончанием диаметром 0,4 см и усеченно-конической ножкой. Подобные заклепки широко применялись при изготовлении доспехов, конской упряжи как в империи (ср.: *James, 2004, fig. 42: 286, 287*), так и Барбарикуме. Так, например, богатый набор бронзовых заклепок от конской сбруи найден в погребении 79 могильника Нетте в польском Подляшье (*Bitner-Wróblewska, 2003, p. 40, fig. 7*).

Из погребения 128 происходит фрагмент цепи (***рис. 6: 4***), которую автор раскопок считал фрагментом браслета (*Герета, 1983, с. 6*). Длина сохранившейся части изделия 20, ширина 1,4, толщина 0,4 см. Цепь сплетена из 24 бронзовых проволочек круглых в сечении, диаметром 0,07-0,08 см, что делает ее достаточно прочной. Она сильно изогнута посередине. Это позволяет предположить, что она использовалась для крепления какого-то предмета. Известно, что на подобных цепях подвешивались светильники (*Riha, 1990, S. 76*). В погребении обнаружена бронзовая фибула варианта Б3 по Е. Л. Гороховскому, появление которых относится к середине IV в. (*1988, с. 44*).

Таким образом, мы рассмотрели группу находок, происходящих из объектов и культурного слоя могильника черняховской культуры Чернелив-Русский. Они объединяют монеты, бронзовую посуду (целую и фрагменты), воинские регалии, детали воинского снаряжения, конской упряжи — парадной узды, украшения, а также предметы бытового назначения античного происхождения. Многие из них сохранились фрагментарно и не могли иметь практического применения. Некоторые, судя по условиям находки, получили в варварской среде новое назначение. Вещи сравнительно хорошей сохранности попадали в могилы детей (бронзовые кувшин, браслет с листовидными подвесками), подростков или молодых людей (бронзовые цилиндрическая емкость, цепь с нанизанными стеклянными бусинами).

Дата римских импортов, поступавших к населению чернеливской общины, — II—III вв. Их находки зафиксированы, главным образом, в погребениях с архаичными типами черняховских фибул, в частности, прогнутыми подвязными вариантов А1 и А5 по Е. Л. Гороховскому (погребения 41, 103, 265), двухчастными пряжками с рамками в форме «омеги» (погребение 265), популярными украшениями — янтарными дисковидными бусами и грибовидными подвесками, железными и бронзовыми «ведерками» и пр. (погребения 41, 88, 103, 147). Единичные римские импорты из металла вместе с архаичными типами черняховских вещей образуют целостный хронологический блок[7] (ср.: *Гороховский, 1988, с. 42, 43*; *Гопкало, 2008, с. 96, 103,106, 107*).

Следует подчеркнуть, что характер находок, степень их сохранности, редкость и даже уникальность некоторых вещей, несмотря на их широкий ассортимент, не позволяют говорить о регулярных поступлениях импорта, которые предполагаются

[7] Некоторые из рассматриваемых находок попали в более поздние погребения (128, 132, 264), которые относятся к ритуально разрушенным и сложным в стратиграфическом отношении. Кроме того, не следует забывать о возможности «запаздывания» некоторых вещей, оказавшихся в погребальном инвентаре.

при отлаженных торговых отношениях. Скорее всего, речь идет о военных трофеях или результатах кратковременных контактов варваров и античного населения.

Особое значение имеет погребение 265 с монетой-медальоном и почетным наградным оружием. Могила подверглась ритуальному разрушению, однако предполагается, что инвентарь уцелел полностью. В частности, он включал в себя превращенный в подвеску ауреус Отацилии Северы (244—249), бронзовые наконечники стрел, «набор для питья»: фрагмент бронзового сосуда, части деревянной емкости (ведра?) в виде фрагментов бронзовой оковки с ручкой-кольцом, стеклянный кубок на кольцевом поддоне; три серебряные фибулы, три бронзовые пряжки, три железные ведерковидные подвески с остатками ткани и фрагменты еще одной, бронзовой, три слитка темного стеклянного шлака, роговой гребень, 65 фрагментов керамической посуды, бронзовую иглу, обломаную с двух концов, точильный брусок, четырехгранный гвоздь (*Герета, 2004*).

До сих пор интерпретация погребения в Чернеливе-Русском была дана автором раскопок И. П. Геретой. Им подчеркнут особый статус погребения, которое причислено к ряду «княжеских» (*Герета, 2004, с. 125, 126*). Этот важный вывод не вызывает сомнений. Но остается ряд нерешенных вопросов. Так, неясными, например, остаются повод и время получения римских регалий чернеливским воином.

Наиболее приемлемой нам представляется гипотеза, которая основывается на результатах исторических исследований (*Вольфрам, 2003, с. 72, 73*). Как известно из письменных источников, в римских военных операциях, датированных 238—242 гг., участвовали германские и готские народы. Вероятно, зафиксированные с 238 г. ежегодные выплаты предназначались готам именно за деятельность такого рода.

В период между 238 и 248 г. на границе с Дакией заметно активизировались карпы, но отсутствуют сообщения о готских вторжениях. И уже к 246 и 248 гг. Филиппом Арабом одержана убедительная победа над карпами. Вполне возможно, что она была достигнута в результате совместных римско-готских усилий. Устранение конкурентов совпадало с прагматичными планами готской военной элиты. Возможно, именно за заслуги в нейтрализации вчерашних союзников готский воин, ставший впоследствии чернеливским «князем», был удостоен римской награды.

Литература

Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В., 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев.

Винокур И. С., 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. Москва.

Вольфрам Х., 2003. Готы. Санкт-Петербург.

Герета И. П., 1989б. Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбарская культура // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T.2. Lublin.

Герета І. П., 1995. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем Черняхівської культури // МДАПВ. Вип. 6.

Герета І. П., 1998б. Про так звані князівські поховання // Минуле і сучасне Волині: Олександр Цинкаловський і Волинь. Матеріали IX Наукової історико-краєзнавчої міжнародної конференції. Луцьк.

Герета І., 2004. Нові відкриття у Чернелеві Руському (до питання про так звані князівські поховання) // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu (Monumenta Studia Gothica IV). Lublin.

Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Гороховский Е. Л., 1987. Ранний этап черняховской культуры (к проблеме археологической дефиниции) // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепи Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Москва.

Гороховский Е. Л., Гопкало О. В., в печати. Черняховский могильник Ружичанка. К проблеме хронологии и палеоэтнографической дифференциации раннечерняховских древностей Украины.

Магомедов Б. В., Левада М. Е., 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V.

Петраускас О. В., 1997. Могильник черняховской культуры в г. Каневе — ул. Пушкина // Studia Gothika. II. Lublin.

Терпиловський Р. В., Петраускас О. В., 2005. Черняхівські поховання могильника Дідів Шпиль на Канівщині // Археологія. № 1. Київ.

Тиліщак В. С., в печати. Знахідки кольчужного плетива на Чернелево-Руському могильнику // Матеріали Міжнародної коференції пам'яті І. Герети. Тернопіль.

Тиханова М. А., 1979. О находке римских весов на Южной Волыни // Проблемы археологии. Вып. 2. Ленинград.

Шаров О. В., 1999. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum plus. № 3. Кишинев.

Becker M., Bemmann J., Laser R. et al., 2006. Land Sachsen-Anhalt // CRFB Deutschland. Bd. 6. Bonn.

Bemmann J., 2005. Zur Münz- und Münzersatzbeigabe in Gräbern der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit des mittel- und nordeuropäischen Barbaricums // Neue Forschungsergebnisse zur nordwesteuröpäischen Frühgeschihte unter besonderer Berücksichtingung der altsächsischen Kultur im heutigen Niedersachsen. Oldenburg.

Bichir Gh., 1984. Geto-dacii din Muntenia on epoca romană. Bucureşti.

Bitner-Wróblewska A., 2003. Family groups at Netta cemetery. From studies on horizontal stratigraphy // Archaeologia Lituana. Vol. 4. Vilnius.

Czarnecka K., 1994. The re-use of Roman military equipment in barbarian context. A chain-mail souvenir? // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 5. Oxford.

Diaconu Gh., 1965. Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e.n. Bucureşti.

Diaconu G., 1970. Mogoşani. Necropola din secolul IV e. n. Tîrgovişte.

Eggers H. J., 1951. Der römische import im freien Germanien. Hamburg.

Erdrich M., 2002. Hansestadt Bremen und Bundesland Niedersachsen // CRFB Deutschland. Bd. 4. Bonn.

Erdrich M., v. Carnap-Bornheim C., 2004. Freie und Hansestadt Hamburg und Land Schleswig-Holstein // CRFB Deutschland. Bd. 5. Bonn.

Grünewald M., 1986. Keramik und Kleinfunde des Legionslagers von Carnuntum (grabungen 1976—1977) // Der römische limes in Österreich. Heft 34. Wien.

Henry F., 1933. Émailleurs d'occident // Préhistoire. T. II. Paris.

Hirst K., Lehmphul R., Kuhlmann N. et al., 2007. „Romisches" aus Mecklenburg-Vorpommern – Nachträge zur Lieferung D3 des „Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum" // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Jahrbuch 54, 2006. Schwerin.

James S., 2004. The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment. London.

Kaczanowski P., 1992. Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego Barbaricum. Kraków.

Kokowski A., 1993. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. Czesci I—III. Lublin.

Kokowski A., 2003. Antyczne atramentarium z terytorium kultury czerniachowskiej // Antyk i Barbarzyńcy. Warszawa.

Kontny B., 2004. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Lublin; Warszawa.

Laser R., Voß H.-U., 1994. Bundesländer Brandenburg und Berlin // CRFB Deutschland. Bd.1. Bonn.

Oldenstein J., 1976. Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 57. Frankfurt am Mainz.

Palade V., 2004. Aşezarea şi necropola de la Bârlad-Valea Seacă secolele III—V. Bucureşti.

Párducz M., 1950. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungars, III. (Archaeologica Hungarica). T. XXX. Budapest.

Patek E. V., 1942. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen in Pannonien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. № 19. Budapest.

Radnoti A., 1957. Gefässe, Lampen und Tintenfässer aus Bronze. Intercisa II //Archaeologia Hungarica T. XXXVI. Budapest.

Riha E., 1990. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugs. (Forschungen in Augst). Bd. 10. Augst.

The Roman Imperial Coinage, 1949. Vol. IV, pt. III. London.

Sellye I., 1939. Császárkori emailmunkák Pannoniából – Les Bronzes Émaillés de la Pannonie Romaine // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. № 8. Budapest.

Szczukin M., 1981. Zabytke wielbarske a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Vaday A., 2005. Komitat Szolnok // CRFB Ungarn. Bd. 1. Budapest.

Voß H.-U., 1998. Bundesland Mecklenburg-Vorpommern // CRFB Deutschland. Bd. 3. Bonn.

Wible F., 1983. Forum Claudii Vallensium: Das Römische Martigny // Antike Welt. № 14/2. Mainz.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej miedzy Baltykiem a Morem Czarnym. Szczecin.

Архивные материалы

Ґерета І. П., 1973. Звіт про розкопки Чернелево-Руського могильника у 1973 р. // НА ІА НАНУ. 1973/79.

Ґерета І. П., 1974. Звіт про археологічні дослідження у Чернелеві-Руському у 1974 р. // НА ІА НАНУ. № 1974/81.

Ґерета І. П., 1975. Звіт про археологічні дослідження у Чернелеві-Руському у 1975 р. // НА ІА НАНУ. № 1975/89.

Ґерета І. П., 1976. Звіт про археологічні дослідження у Чернелеві-Руському в 1976 р. // НА ІА НАНУ. № 1976/51.

Ґерета І. П., 1977. Звіт про археологічні дослідження у селі Чернелеві-Руському в 1977 р. / НА ИА НАН Украины. № 1977/38.

Ґерета І. П., 1978. Звіт про розкопки Чернелево-Руського могильника у 1978 р. // НА ІА НАНУ. № 1978/34.

Ґерета І. П., 1979. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури у с. Чернелів-Руський Тернопільської області у 1979 р. // НА ІА НАНУ. № 1979/52.

Ґерета І. П., 1980. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури у с. Чернелів-Руський Тернопільського району Тернопільської області у 1980 р. // НА ІА НАНУ. № 1980/63.

Ґерета І. П., 1981. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури в селі Чернелеві-Руському Тернопільського району Тернопільської області в 1981 р. // НА ІА НАНУ. № 1981/115.

Ґерета І. П., 1982. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури у Чернелові-Руському в 1982 р. // НА ІА НАНУ. № 1982/115.

Ґерета І. П., 1983. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури у с. Чернелеві-Руському Тернопільського району Тернопільської області у 1983 р. // НА ІА НАНУ. № 1983/108.

Ґерета І. П., 1984. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури у с. Чернелів-Руський у 1984 р. // НА ІА НАНУ. № 1984/98.

Ґерета І. П., 1985. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури в с. Чернелів-Руський у 1985 р. // НА ІА НАНУ. № 1985/79а.

Ґерета І. П., 1986. Звіт про дослідження могильника в Чернелеві-Руському Тернопільської області в 1986 р. // НА ІА НАНУ. № 1986/103.

Ґерета І. П., 1987. Звіт про дослідження черняхівського могильника у Чернелеві-Руському за 1987 р. // НА ІА НАНУ. № 1987/107.

Ґерета І. П., 1988. Звіт про археологічні дослідження у Чернелеві-Руському у 1988 р. / НА ИА НАН Украины. № 1988/124.

Ґерета І. П., 1989а. Звіт про розкопки могильників черняхівської культури та давньоруського періоду в Чернелеві-Руському на Тернопільщині у 1989 р. // НА ІА НАНУ. № 1989/79.

Ґерета І. П., 1990. Звіт про розкопки могильника черняхівської культури й давньоруського періоду в с. Чернелів-Руський Тернопільської області у 1990 р. // НА ІА НАНУ. № 1990/79.

Ґерета І. П., 1991. Звіт про розкопки у Чернелеві-Руському у 1991 р. // НА ІА НАНУ. № 1991/192.

Ґерета І. П., 1992. Звіт про дослідження черняхівського й давньоруського могильника у с. Чернелів Руський у 1992 р. // НА ІА НАНУ. № 1992/168.

Ґерета І. П., 1994. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури у с. Чернелів-Руський, що на Тернопільщині у 1994 р. // НА ІА НАНУ. № 1994/90.

Ґерета І. П., 1997. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури у с. Чернелеві-Руському в 1997 р. // НА ІА НАНУ. № 1997/111.

Ґерета І. П., 1998а. Звіт про дослідження черняхівського та древньоруського могильників у Чернелеві-Руському в 1998 р. // НА ІА НАНУ. № 1998/85.

Ґерета І. П., 1999. Звіт про дослідження могильника черняхівської культури у Чернелеві-Руському в 1999 р. // НА ІА НАНУ. № 1999/52.

Ґерета І. П., 2000. Звіт про розкопки черняхівського могильника в Чернелеві-Руському в 2000 р. // НА ІА НАНУ. № 2000/119.

GERMANIA-SARMATIA II

O. V. Gopkalo, V. S. Tyliščak

Römische Importe aus Metall vom Gräberfeld Černeliv-Rus'kyj

Der Beitrag ist den römischen Importen aus Metall gewidmet, die in den Gräbern und der Kulturschicht des Gräberfeldes bei Černeliv-Rus'kyj gefunden wurden, (Bez. Ternopil, Geb. Ternopil, Westpodolija). Sie umfassen Münzen, Bronzegefäße (Bronzekanne, Fragmente von Bronzegefäßen, zylindrisches Bronzegefäß), Auszeichnungen der römischen Armee (Bronzepfeilspitzen), Einzelteile der römischen Militärausrüstung (Bronzeschnalle, emallierte Gürtelschnalle, bronzene Schwertriemenschnalle), Fragmente der Rüstung (Kettenpanzer), Schmuck (Bronzearmband mit den blattförmigen Anhängern, Metallkettchen mit aufgereihten Glasperlen, Bronzekettenstückchen mit achtförmigen Gliedern), Bronzereste (Lunulaanhänger vom Pferdegeschirr, Nieten von Rüstung oder Pferdegeschirr, Kette zum Aufhängen von Lämpchen(?) usw.).

Viele dieser Stücke sind fragmentiert und konnten praktisch nicht eingesetzt werden. Den Fundbedingungen nach haben einige in der barbarischen Umgebung eine neue Funktion bekommen. Relativ gut erhaltene Exemplare gelangten in die Gräber von Kindern (Bronzekanne, Bronzearmband mit den blattförmigen Anhängern), Halbwüchsigen oder jungen Leuten (zylindrisches Bronzegefäß, Metallkettchen mit Glasperlen).

Die römischen Importe aus Černeliv-Rus'kyj datieren in das 2.–3. Jh. n. Chr. Diese Fundstücke sind in den Gräber hauptsächlich mit den ältesten Fibeltypen der Černjachov-Kultur verbunden, z. B. Fibeln mit umgeschlagenem Fuß der Varianten A1 und A5 nach E. L. Gorochovskij (Gr. 41, 103, 265), daneben auch mit omegaförmigen Gürtelschnallen (Gr. 265), scheibenförmigen Perlen und achtförmigen Anhängern aus Bernstein sowie Eimeranhängern aus Eisen und Bronze (Gr. 41, 88, 103, 147). Einzelne römische Importstücke aus Metall bilden mit den ältesten Fundtypen der Černjachov-Kultur ein gemeinsamen chronologischen Block.

Die Charakter der Funde, ihr Erhaltungszustand, die Seltenheit und sogar Einzigartigkeit einiger Erzeugnisse erlaubt es ungeachtet ihrer Vielfalt nicht, von regelmäßigen Erwerbungen zu sprechen, die bei reibungslosen Handelsverhältnissen zu vermuten sind. Höchstwahrscheinlich handelt es sich um Trophäen oder Ergebnisse kurzzeitiger Kontakte zwischen Barbaren und der antiken Bevölkerung.

Eine besondere Bedeutung hat Körpergrab 265 mit dem Münzmedaillon und den Waffen als Ehrenabzeichen.

GERMANIA ROMANA II

Die bisherige Interpretation von Grab 265 aus Černeliv-Rus'kyj stammt vom Ausgräber des Gräberfeldes, I. P. Gereta. Er hat den besonderen Status de Grabes betont, das zur Serie der „fürstlichen" Bestattungen gezählt wurde. Diese wichtige Schlussfolgerung unterliegt keinem Zweifel, es bleibt aber eine Reihe von Fragen. So ist nach wie vor unklar, zu welchem Anlaß und wann der Krieger aus Černeliv-Rus'kyj diese römischen Regalien erhielt.

Folgende Hypothese scheint uns am ehesten annehmbar. Wie aus den schriftlichen Quellen bekannt ist, haben an den römischen Kampfhandlungen, datierbar in die Jahre von 238–242 germanische und gotische Völker teilgenommen. Die seit dem Jahr 238 festgelegten jährlichen Zahlungen sind vermutlich den Goten für Leistungen dieser Art zugeteilt worden.

In der Periode zwischen 238 und 248 Jahren wurden die Carpen an der Grenze zu Dakien merklich aktiv, es fehlen jedoch Nachrichten über gotische Einfälle. Bereits 246 und 248 hat Philippus Arabs einen klaren Sieg über die Carpen errungen. Es ist möglich, dass dieser Sieg aufgrund der gemeinsamen römisch-gotischen Kräfte erkämpft wurde. Die Beseitigung von Konkurrenten fiel mit den pragmatischen Plänen der gotischen Militärelite zusammen. Wahrscheinlich wurde der gotische Krieger, der später „Fürst" in Černeliv geworden ist, eben für diese Leistungen bei der Befriedung der früheren Alliierten durch eine römische Auszeichnung gewürdigt.

GERMANIA-SARMATIA II

Авторы выражают искреннюю благодарность д-ру Евразийского отделения Германского Института археологии г-же ***Эрдмуте Шультце*** *за помощь в переводе резюме.*

Васильев Александр Александрович

Одесса

Кандидат исторических наук, кафедра археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

a.vasiliev@onu.edu.ua

А. А. Васильев

Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III—IV вв. н. э.)

Тема балто-черноморских археологических параллелей, стоявших за ними этнокультурных взаимодействий и исторических процессов занимает особое место в научном наследии М. Б. Щукина. С подачи Марка Борисовича изучение этого феномена вылилось в самостоятельное направление в отечественной археологии, и настоящий сборник тому подтверждение. В контексте исследований по позднеримской археологии интерес к балто-черноморским контактам был обусловлен «готской проблемой» и вопросами происхождения и атрибуции черняховской культуры. Затем древности североевропейского облика были выявлены в регионах, затронутых готскими походами: Крыму и современной Абхазии. Таким образом, оформился зримый облик «моста», по которому в ту эпоху осуществлялись связи между Балтикой и Черным морем.

В настоящей работе я постараюсь дополнить существующую картину материалами позднесарматской культуры, а также продемонстрировать, что движение по этому «мосту» было двусторонним. Для решения поставленных задач необходимо уточнить хронологические позиции рассматриваемых находок.

В 2006 г. во время участия в Крупновских чтениях по археологии Северного Кавказа, которые проходили в Нальчике, благодаря любезности местных коллег мне повезло в обществе двух известных специалистов по сарматской археологии Б. А. Раева и А. В. Симоненко познакомиться со значительной частью материалов ярчайшего позднесарматского комплекса — княжеского погребения из Кишпека (Кабардино-Балкария). Нужно сказать, что иллюстрации в публикации этого погребения (*Бетрозов, 1987*) были выполнены в высшей степени качественно и осмотр большинства находок не выявил расхождений даже в деталях. Исключение составили лишь горло светлоглиняной узкогорлой амфоры, на котором Б. А. Раев и А. В. Симоненко разглядели дипинти в виде размашисто нанесенной латинской литеры W, и удила с прямоугольными зажимами ремней повода и оголовья. Последние привлекли уже мое внимание. Оказалось, что в отличие от рисунка в публикации поверхность колец не гладкая, а сплошь покрыта сеткой ячеистых выемок. Определению положения этого артефакта в системе хронологии древностей позднеримской эпохи и посвящена данная публикация.

Удила из Кишпека в типологическом ряду уздечных гарнитур позднесарматской эпохи

По пропорциям зажимов ремней повода и оголовья и оформлению их краев сплошной фасетировкой ближайшей аналогией кишпекским удилам (***рис. 1: 1А***) являются изделия, входившие в уздеч-

GERMANIA SARMATICA II

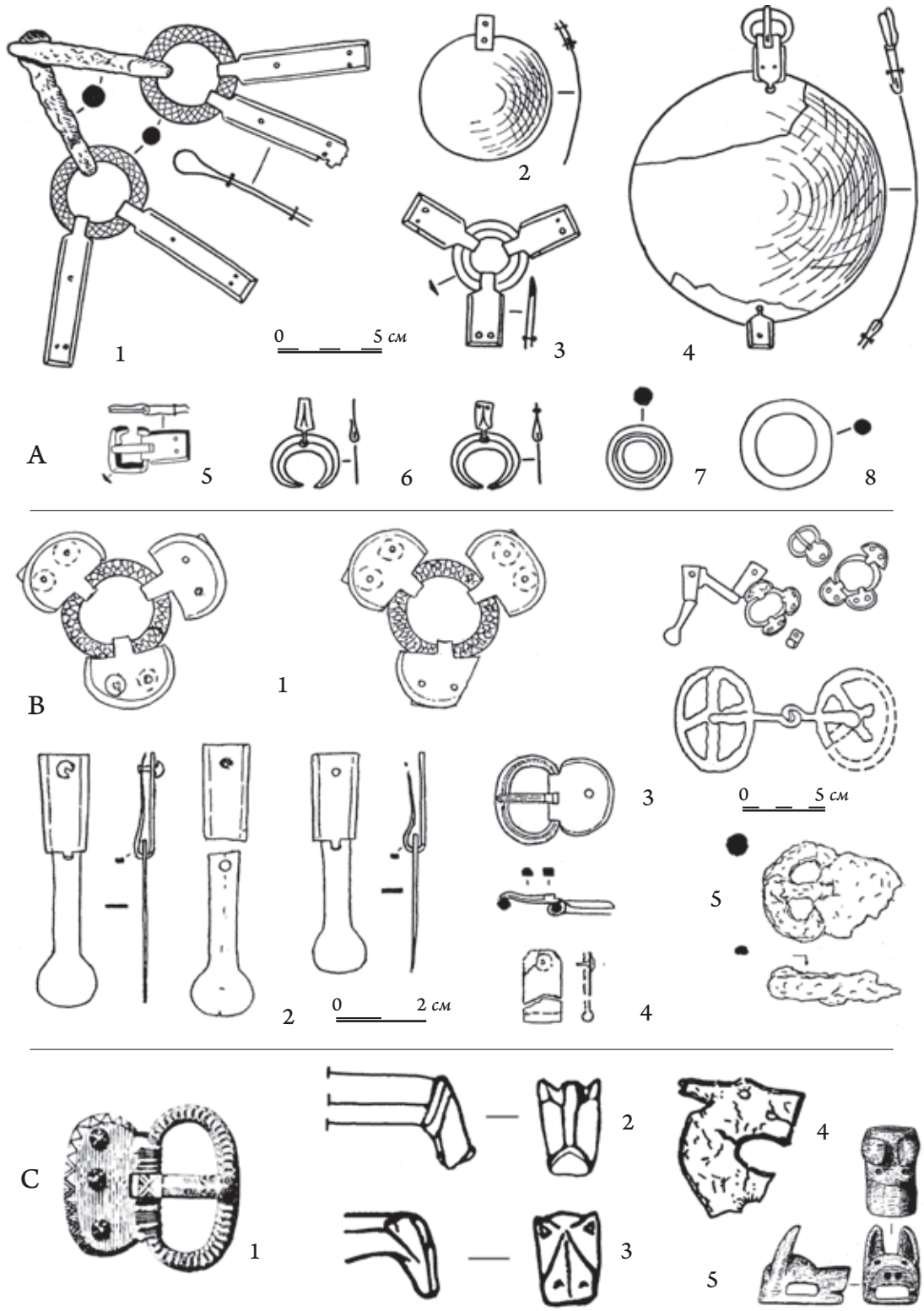

Рис. 1. A — сбруйный набор из Кишпека (по: *Бетрозов, 1987*); B — ременная гарнитура из Экажево (по: *Воронин, Малашев, 2006*); C: 1 — пряжка из Варпелева (по: *Salin, 1904*), 2 — декор язычка пряжки из Пруща-Гданьского (по: *Pietrzak, 1988*), 3 — декор язычка пряжки из Курского (по: *Труфанов, Колтухов, 2001—2002*), 4 — фрагмент золотой аппликации из Холмского (по: *Гудкова, Фокеев, 1984*), 5 — пронизь из Нейзаца (по: *Храпунов, Мульд, 2004*)

Abb. 1. A – Pferdegeschirr aus Kischpek; B – Riemengarnitur aus Ekazhewo; C: 1 – Gürtelschnalle aus Varpelev, 2 – Dekor des Schnallendorns aus Pruszcz Gdański, 3 – Dekor des Schnallendorns aus Kurskoje, 4 – Fragment der goldenen Applikation aus Cholmskoje, 5 – Silberperle aus Neusatz

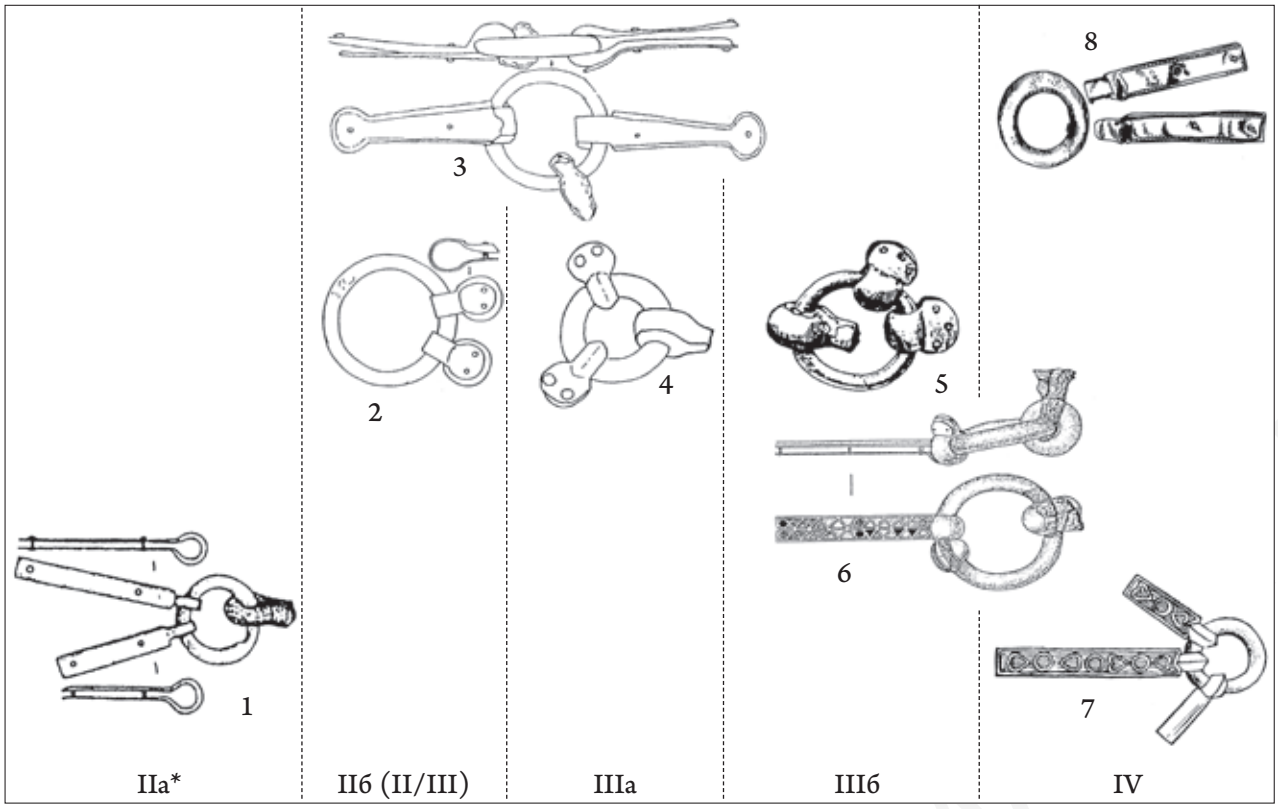

***Рис. 2*. Удила с кольчатыми псалиями в позднесарматское время**. 1 — Высочино VII к. 12 (по: *Безуглов, 1997*), 2 — Буденовская слобода (по: *Амброз, 1989*), 3 — Байрамгулово (по: *Малашев, 2000*), 4 — Керчь 1841 (по: *Малашев, 2000*), 5 — Муслюмово (по: *Засецкая, 1994*), 6 — Казаклия (по: *Agulnikov, Simonenko, 1993*), 7 — Керчь два склепа 24.06.1904 (по: *Засецкая, 1979*), 8 — Здвиженское (по: *Засецкая, 1994*).
* Периодизация позднесарматских ременных гарнитур по В. Ю. Малашеву с уточнениями автора

***Abb. 2*. Trensen aus der spätsarmatischen Zeit**. 1 – Vysochino VII H. 12, 2 – Budionovskaja Sljboda, 3 – Bairamgulovo, 4 – Kerch 1841, 5 – Muslumovo, 6 – Kazaklija, 7 – Kerch zwei Krypta 24.06.1904, 8 – Zdvijenskoe.
*Periodisierung von spätsarmatischen Riemengarnituren nach V. Yu. Malashev mit Präzisierungen des Autors

ные гарнитуры начального этапа позднесарматской культуры. Они происходят из кургана 12 могильника Высочино VII (Нижний Дон) (***рис. 2: 1***), конского погребения 1 кургана 1 Васюринской горы (Тамань), погребения в сооружении с прямоугольным валом могильника Друженский (Южное Приуралье) (*Безуглов, 1997, с. 136, 137, 139, рис. 1: 2, 3*; *Шаров, 2009б, с. 296, 308, рис. 3: 10; 9*; *Боталов, Гуцалов, 2000, с. 48, рис. 13: 19*). Все эти комплексы относятся к группе IIа по В. Ю. Малашеву, который датировал ее первой половиной III в. (*2000, с. 220, рис. 1*). Впрочем, есть у рассматриваемых удил из Кишпека и отличие от экземпляров из перечисленных комплексов: ременные зажимы на них одинаковой длины.

С середины III в. в сарматских уздечных наборах массовое распространение получают зажимы ремней повода и оголовья круглой, овальной, сегментовидной и асимметрично-овальной («почковидной») форм (***рис. 2: 3—5***). Форма этих зажимов повторяет форму щитков пряжек типов П2, П9 и П10 по В. Ю. Малашеву (см.: *Васильев, 2006, с. 232, 234, рис. 1: 12, 19—21*; *Малашев, 2000, рис. 12Б: 11; 13 Г*). Причем это относится не только к зажимам на кольчатых, но и на колесовидных псалиях (*Ахмедов, 2005, с. 242, рис. 1: 3, 4, 7*).

Параллельно с округлыми продолжают использоваться и зажимы вытянутых пропорций, но встречаются они значительно реже. В сбруйном наборе из Байрамгулово (Приуралье) зажимы ремней повода одинаковой длины, но отличаются от кишпекских более сложной формой (***рис. 2: 2***). По мнению В. Ю. Малашева, материалы этого погребения сочетают в себе индикаторы

выделенных им групп IIб и IIIа, что позволяет датировать его рубежом III—IV вв. (*2000, с. 207*). Равновеликие четырехугольные зажимы вытянутых пропорций на кольчатых псалиях найдены и в кургане 16 Буджакского могильника Керчи. Отличие этих зажимов от кишпекских — трапециевидная форма и ряд заклепок по всей длине, которыми зажим крепился к ремню. Погребение датируется началом IV в. (*Васильев, Дзиговский, 2001—2002, с. 325, 326*).

В гуннское время вновь возвращается мода на узкие прямоугольные зажимы вытянутых пропорций, переход к которой маркирует узда из Казаклии (***рис. 2: 6***), оформленная в стиле клуазоне. В ее состав входят удила с почковидным и прямоугольным зажимами (*Agulnikov, Simonenko, 1993, p. 93, fig. 2*). Можно также отметить, что если в боспорских склепах встречаются экземпляры с разновеликими зажимами, то в собственно гуннских погребениях присутствуют и экземпляры с зажимами (***рис. 2: 7, 8***) вытянутых пропорций одинаковой длины (*Засецкая, 1979, с. 10, рис. 5: 5, 16, 17*; *1994, табл. 1: 11; 11: 10*).

В итоге с удилами начального этапа позднесарматской культуры (***рис. 2: 1***) кишпекскую находку сближают прямоугольная форма зажимов и оформление их краев сплошными «длинными» фасетками. При переходе от начального к финальному этапу культуры синхронно с появлением округлых зажимов (***рис. 2: 2***) меняется и стиль фасетирования — появляются так называемые короткие фасетки, разделенные гладкими участками, оформленными, как правило, декоративными шляпками штифтов и насечками или пропилами на внешних гранях (*Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 361, 363, 365*). В то же время равновеликие зажимы вытянутых пропорций иногда встречаются в погребениях конца III — начала IV в. (***рис. 2: 3***). Таким образом, по морфологическим и стилистическим признакам рассматриваемые удила из Кишпека, на мой взгляд, датируются второй половиной III в.

Описанные удила входили в состав сбруйного набора, который «оставался в тени» найденной в Кишпеке полихромной сбруи в сердоликовом стиле. В его состав следует включить распределители на три ремня с прямоугольными зажимами со сплошной фасетировкой по периметру и уплощенными кольцами с двускатной внешней поверхностью (4 экз.), подвески-лунницы, оформленные аналогично кольцам-распределителям (8 экз.), круглые бляхи (фалары) с прямоугольными обоймами и пряжками (10 экз.) и кольца без обойм (***рис. 1А***).

Возможно к этой же группе предметов относится и пряжка с квадратной уплощенной рамой треугольного сечения, с прямоугольным щитком и прогнутым язычком без фасеток и уступа у основания (***рис. 1А: 5***). Двускатное оформление лицевых поверхностей колец, лунниц и рамки пряжки вызывает ассоциации с двускатными наконечниками ремней типа Малашев С4 (*Малашев, 2000, с. 197, 198, 225, рис. 6В: 7*).

Три округлые бляхи (***рис. 1А: 2***), найденные рядом с удилами вместе с восемью деревянными пронизями, обтянутыми электровой фольгой (*Бетрозов, 1987, с. 14*), вероятно, украшали ремни оголовья. Морфологически эти изделия близки бляхам-подвескам типа Малашев С1—2, особенно двучленным экземплярам: Котлубань, курган 2, Мичуринское (*Малашев, 2000, с. 197, 223, рис. 4А: 5*; *Мульд, 2001, рис. 3: 7, 9*). Такие бляхи наряду с наконечниками ремней составляли основу фасетированных комплектов сбруйных украшений начального этапа позднесарматской культуры. В отличие от экземпляров из Кишпека они были плоскими и в комплектах всегда представлены парным числом экземпляров (по два или четыре), и, вероятнее всего, украшали не ремни оголовья, а круп или грудь лошади.

Обращает на себя внимание присутствие в уздечном наборе подвесок в виде двурогих лунниц (***рис. 1А: 6***), нехарактерных для сарматов, но типичных для римских наборов украшений узды (*James, 2004, p. 88, 89, fig. 141: 192—198*; в контексте данного исследования отмечу находку из Прикубанья: *Трейстер, 2000, с. 157, рис. 1: 2*). Кольца с обоймами под три или четыре ремня типа Малашев С6 (***рис. 1А: 3***) не были известны в сбруйных комплектах начального этапа позднесарматской культуры. Они, вероятно, восходят к аналогичным распределителям ремней, характерным для римской сбруи III в. (*James, 2004, p. 68, 69, fig. 33, 34*). В кавказско-понтийском регионе они появляются в комплексах группы IIIа по В. Ю. Малашеву, причем представлены как в фасетированных комплектах (Кишпек; Экажево, курган 3; Керчь 1841 по В. Шкорпилу) так и в наборах, оформленных в сердоликовом

стиле (Керчь 1841 по А. Ашику, Керчь 1891, Комаров) (*Малашев, 2000, с. 226, 228—231, рис. 7В: 6, 7; 9В: 23; 10Г: 4; 11: 1—4; 12Б: 3*).

Что касается округлых фаларов с парными обоймами либо пряжками, один из которых отличатся бóльшими размерами (***рис. 1А: 4***), то они крепились не в качестве подвесок перпендикулярно ремню, а размещались продольно. Такое расположение блях разного диаметра, которые украшали ремни на крупе и груди коня, мы видим на рельефе Шапура I из Бишапура (*James, 2004, p. 63, fig. 32: D*). Горизонтальное расположение круглых фаларов на нагрудном ремне отмечено на блюде со сценой охоты Шапура II из собрания Эрмитажа, которое датируется 310—320 гг. Впрочем, на других сасанидских изображениях того же времени зафиксировано и горизонтальное подвешивание круглых блях на ремнях на груди и крупе коня. Сасанидские параллели комплекту из Кишпека уже были отмечены И. Р. Ахмедовым (*2001, с. 250—252, рис. 9: 1, 4, 5*).

Фалары, лунницы и кольца-распределители были найдены рядом с остатками седла (*Бетрозов, 1987, с. 15*), как и пара граненых колец (***рис. 1А: 7***), которые, возможно, размещались на крепивших седло подпружных ремнях. Такую конструкцию подпружного ремня можно видеть на упомянутом сасанидском рельефе (*James, 2004, p. 63, fig. 32: D, E*). Пара аналогичных граненых колец входила в сбруйный набор из склепа 17 могильника Нейзац в Крыму (*Храпунов, Мульд, 2004, с. 321, рис. 5: 7, 8*), комплекса середины — третьей четверти III в. (*Васильев, Савельев, 2008, с. 32, 42, рис.1*).

Одиночное гладкое кольцо из Кишпека (***рис 1А: 8***) аналогично изделиям из комплексов того же переходного от начального к финальному этапа позднесарматской культуры горизонта: кургана 9 могильника Нагорное (Буджак), конского погребения 140 могильника Клин-Яр (Кисловодская котловина), погребения у с. Мичуринское (Крым) (*Васильев, Савельев, 2008, с. 42, рис. 1*). Есть они и в более ранних «всаднических» погребениях на Дону (*Мульд, 2001, с. 61, таблица: 18*).

Точные аналогии описанному комплекту мне не известны. Как представляется, его состав отражает влияние римских и сасанидских прототипов и по морфологическим и стилистическим особенностям его можно датировать второй половиной III в. н. э.

Декор из ячеистых фасеток на элементах ременных гарнитур позднеримского времени

Что касается специфического декора из ячеистых фасеток, который покрывает поверхность бронзовых кольчатых псалиев от рассматриваемых удил, то на сегодня мне известно всего несколько предметов, в оформлении которых использован такой декор. Это парные кольца-распределители сбруйных ремней из позднесарматского погребения в кургане 3 могильника Экажево (Ингушетия) (***рис. 1В: 1***), большая пряжка из мужского погребения могильника Варпелев (о. Зееланд, Дания) (***рис. 1С: 1***) и пряжка, случайно найденная в ареале черняховской культуры у с. Матвеевка (Чигиринский район Черкасской обл., Среднее Поднепровье, Украина) (*Воронин, Малашев, 2006, с. 20, 70, рис. 9: 1, 2*; *Salin, 1904, s. 117, fig. 309*; *Бажан, 2010, № 159*).

Кольца-распределители из Экажево крепились к ремням сегментовидными зажимами. Вместе с ними в погребении были найдены (***рис. 1В***) удила с колесовидными псалиями типа Ахмедов 2, пряжка П9 и три наконечника ремней Н5 (*Малашев, 2000, с. 226, рис. 7В*). Погребение из Экажево, как и комплекс из Кишпека, относится к группе IIIа по В. Ю. Малашеву (*2000, с. 220, рис. 1*). Автор датировал этот этап приблизительно 290/300—320/330 гг. При определении нижней границы фазы В. Ю. Малашев ориентировался на мнение М. М. Казанского о провинциально-римском происхождении пряжек с почковидным щитком (тип Малашев П9) и их датировке не ранее начала IV в. (*Казанский, 1994, с. 240, 241*), при этом все же допуская возможность перемещения этого рубежа в самый конец III в.: судя по итоговой хронологической таблице — не позднее 290 г. (*Малашев, 2000, с. 206, 207, 220, рис. 1*).

Пряжка из Варпелева относится к упомянутому типу пряжек с овальным («почковидным» по терминологии, предложенной М. М. Казанским) щитком. Помимо декора рамки следует также отметить зигзагообразный орнамент на отогнутом внешнем крае щитка. Прямой аналогией этой орнаментальной детали является декор щитка пряжки из сборов с черняховских памятников у с. Августиновка

(Надпорожье, Украина) (*Петраускас, 2009, с. 210, рис. 6: 12*). Погребение из Варпелева, датируется в рамках этапа C_2 (250/260—320/330 гг.) хронологии римского времени (*Eggers, 1955, Abb. 6, S. 222, 228*; *Lund Hansen 1987, S. 102*). Абсолютную дату комплекса уточняет найденная в нем монета Проба (276—282 гг.).

Хронология пряжек с овальным и почковидным щитком (типы Келлер А, Варпелев по О. В. Шарову, Малашев П9)

Е. Келлер в работе, посвященной некрополям южной Баварии позднеримского времени, классифицируя погребальный инвентарь, разделил пряжки с овальными щитками на три варианта: А — пряжки, длина которых превышает ширину, В — пряжки тех же пропорций с рамкой, оформленной обращенными друг к другу звериными головами, и С — пряжки с рамками вытянутых пропорций, у которых высота равняется или превышает длину пряжки, часто с прогибом переднего края рамки, придающим ей В-образную форму (*Keller, 1971, S. 45, 46, Abb. 18: 1—3*). Пряжки с овальным щитком варианта А чаще всего сочетаются с *Zwiebelknopffibeln* типа 3 (*Keller, 1971, S. 57, Abb. 19–21*). Однако М. М. Казанский, ссылаясь на М. Зоммера, указывает на находки пряжек интересующего нас типа с фибулами типов 1 и 2 (*1994, с. 241*). При этом, если П. Преттель лишь незначительно удревнил нижнюю дату появления фибул типа 1 по сравнению с датой Е. Келлера (*Pröttel, 1988, S. 352*), то О. В. Шаров убедительно показал, что наиболее ранние варианты этого типа существовали еще до крушения лимеса, а наиболее поздние изготавливались в 273/276—305/306 гг. Параллельно с ними примерно с 293 г. существуют уже фибулы типа 2 (*Шаров, 1999, с. 196, рис. 7*).

В этом контексте особенно интересны два позднеантичных погребения с территории современной Болгарии. В захоронении в «Белой могиле» у селения Река Девня недалеко от Варны были найдены золотые пряжка интересующего нас типа, наконечник ремня, украшенный филигранным узором в виде вопросительных знаков, *Zwiebelknopffibel* типа 1, орнаментированная в технике *niello*, и перстень с геммой (*Димитров, 1960, с. 97, 98, обр. 3—6*). Ближайшую аналогию многим находкам из этого погребения дает инвентарь могилы из Дуросторума, Силистра (*Гетов, 1985*). Фибула, найденная здесь, практически идентична экземпляру из Девни — она изготовлена из золота, по всей длине спинки и ножки идет черненый орнамент, боковые кнопки сферические, а центральная заостренная («шлемовидная»), перекладина с кнопками шестигранного сечения, ее края при переходе к кнопкам и переход от ножки к корпусу оформлены накладными кольцами из рубчатой проволоки, аналогично оформлены и фасетированые ножки двух фибул. Застежку из рассматриваемого комплекса наряду с аналогичными экземплярами из Лейны и Херсонеса О. В. Шаров отнес к варианту 3 типа 1 и датировал между 273/276 и 293 гг. (*1999, с. 196, рис. 7: 13—15*). Очень близки перстни из обоих болгарских погребений. Завитки в виде знака вопроса, украшающие наконечник ремня в погребении из Река Девня, присутствуют в оформлении навершия меча из Дуросторума (*Dumanov, 2005, p. 316, tab. 1*). Таким образом, оба погребения, несомненно, синхронны. Ориентир для абсолютной датировки дает находка монеты Проба (276—282 гг.) в комплексе из Силистры.

Находки пряжек с овальными щитками и морфологически близких им экземпляров без щитка в черняховской культуре недавно были рассмотрены в работе О. В. Петраускаса. Автор продемонстрировал, что пряжки близкие варианту Келлер А составляют один горизонт находок с кубками Е 211—213, 205 и аналогичными им стеклянными сосудами декорированными накладными нитями и/или вертикальными ребрами, к. п. на кольцевом поддоне, гребнями с трапециевидной спинкой и подвязными фибулами Б1 по Е. Л. Гороховскому. (*Петраускас 2009, 191—195, 294, таб. 1, 209—211, рис. 5—7*). По мнению О. В. Петраускаса этот горизонт соответствует фазе C_3 (*Петраускас 2009, с. 195*).

Не вдаваясь в подробный разбор датировки фибул и гребней, хотелось бы отметить, что набор стеклянных сосудов, приведенный автором, соответствует выделенному П. Рау горизонту тонкостенных чаш с прошлифованными фасетками, чаш на поддоне и чаш с ребрами, которые часто встречаются в комплексах с ведрами типа Хеммор. Этот горизонт хронологически предшествует

горизонту кубков с прошлифованными фасетками Сакрау II—Ганцков—Ковалк (*Rau, 1972, S. 160, 164*). Для черняховской культуры классический комплекс этого горизонта — погребение в Рудке, кубок из которого О.В. Петраускас также включил в набор индикаторов выделенного им горизонта находок (*2009, с. 209, рис. 5: 7*). Вместе с тем, если Г. Рау констатировал, что кубки с прошлифованными фасетками никогда не встречаются в одних комплексах с ведрами Хеммор (*Rau, 1972, S. 161*), то на сегодня подобное сочетание известно в таких погребениях княжеского горизонта, как Гоммерн и Нойдорф-Борнштайн, погребение 4 (*Becker, 2009, S. 371; Abegg-Wigg, 2008*). Стоит также отметить, что в погребении из Кишпека был найден бронзовый котелок, близкий типу Е 56, относящийся к тому же кругу изделий.

Если взглянуть на пряжки из ареала черняховской культуры, отнесенные О.В. Петраускасом к типу Келлер А, то обращает на себя внимание их неоднородность — застежки отчетливо распадаются на два варианта. У большинства из них задний край щитка ровный или изогнутый незначительно, а сами щитки сравнительно узкие (что по формальному критерию сближает их с вариантом Келлер С). При этом практически каждый экземпляр отличают индивидуальные особенности, такие как одночастная конструкция (рамка отлита вместе со щитком), зооморфный декор рамки, чеканка на рамке или щитке, зооморфный язычок, гофрированные захваты щитка. У пряжек из Раковца (погребение 14), Крачкивки, и, вероятно, второй пряжки из Августиновки задний контур щитка в виде плавной дуги, индивидуальные особенности, перечисленные выше, отсутствуют, и сами эти застежки по морфологическим признакам могут быть отнесены к типу Малашев П9.

Таким образом, на черняховском материале отчетливо видно существование двух линий развития пряжек с почковидным щитком — провинциальноримской и причерноморской. По мнению М.М. Казанского, восточноевропейские находки вторичны по отношению к провинциальноримским прототипам, которые «вошли в моду на всей территории империи почти одновременно на протяжении первых двух десятилетий IV в.» (*1994, с. 241*). Вопрос происхождения пряжек с овальным щитком М.М. Казанский не рассматривал.

Стоит отметить, что в III в., до реформ Диоклетиана, в римском военном костюме существовало большое разнообразие форм ременных застежек, ни одна из которых не является исходной для пряжек типа Келлер А. В этот период широко распространены различные застежки без язычка, пряжки-сюльгамы, а также традиционные для легионерских поясов фигурные пряжки (*James, 2004, p. 61, fig. 31*; *Костромичев, 2006, с. 54—57*). Переход римской воинской моды к пряжкам с подвижным язычком и одночастной рамкой связывают с возрастающей варваризацией римской армии.

Я полностью согласен с мнением О.В. Шарова, который предположил, что экземпляр из Варпелева мог послужить прототипом для массовых римских пряжек типа Келлер А (*1992, с. 179*). Помимо хронологической позиции комплекса в пользу этого мнения говорят и типологические наблюдения — экземпляр из Варпелева характеризует большая натуралистичность и детализация изображения звериной головы на язычке, что, несомненно, отличает его от провинциальноримских язычков, зооморфность которых условно передана симметрично расположенными точками-«глазами» и поперечными врезными линиями.

Происхождение пряжек с зооморфными язычками

Наряду с погребением из Варпелева мне известно еще два комплекса с подобными пряжками, язычки которых также оформлены относительно реалистичным изображением звериной головы: погребение 250А вельбаркского могильника Прущ Гданьский, Польша (*Pietrzak, 1988, s. 62, 63, rys. 13*), погребение 10 могильника Курское в Крыму, Украина (*Труфанов, Колтухов, 2001—2002, с. 286, 289, рис. 12*).

На мой взгляд, иконографические особенности изображения звериных головок на язычках пряжек из этих погребений (***рис. 1С: 2, 3***) могут указывать на их происхождение. В обоих случаях морда зверя тупая, с острыми треугольными ушами. У экземпляра из Курского обозначены ноздри. Аналогичные изображения голов хищника (***рис. 1С: 4, 5***) фиксируются на нескольких изделиях из позднесарматских погребений. Это аппликация из золотой фольги из кургана 1 могильника

Холмское (Буджак) (*Гудкова, Фокеев, 1984, с. 41, 43, рис. 13: 3*) и пронизи от уздечного убора из склепа 17 могильника Нейзац (*Храпунов, Мульд, 2004, рис. 6: 9—15*). В Холмском погребение не содержало выразительного в хронологическом отношении инвентаря, а комплекс из Нейзаца датируется серединой — третьей четвертью III в. (*Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 361, 362*; *Васильев, Савельев, 2008, с. 32*). На язычке пряжки из Варпелева изображение звериной головы детализировано, например обозначены глаза, более выражены ноздри, но общие признаки — треугольные уши и притупленная морда — присутствуют и здесь.

Однозначно определить, что же послужило прототипом для декора язычков рассматриваемых пряжек, на мой взгляд, пока затруднительно. В коллекции Бертье-Делагарда присутствует пряжка, найденная в Ольвии, с зооморфным декором язычка (*The Berthier-Delagarde Collection… , 2008, p. 119, cat. 12, pl. 55*). Одна звериная голова размещается в основании язычка (волк?), из ее раскрытой пасти выходит стержень, оканчивающийся еще одним зооморфным изображением (птица?). В издании каталога пряжка определена как «сарматская». Застежка принадлежит к типу A23 по Мадыда-Легутко, который датируется этапом B_1 хронологии римского времени. В каталоге он представлен всего двумя экземплярами из юго-восточной Словакии (*Madyda-Legutko, 1986, S. 9, 10, 212*). Еще одна пряжка этого типа была найдена в Керчи (*Труфанов, 2004 с. 167, рис. 5: 1*). У этих экземпляров интересующий нас декор отсутствует. Голова животного в основании язычка ольвийской пряжки напоминает детали оформления пряжки из Помпей (*Allison, 2006, cat. 775, pl. 57: 2*), у которой реалистично выполненные звериные головы размещались в основании язычка и D-образной рамки.

Также можно отметить парфянские зооморфные пряжки, изображения животных на рамках и язычках которых выполнены очень реалистично (*James, 2004, fig. 141: D, E*). Еще одно направление поиска прототипов дает язычок от пряжки в виде дельфина с площадкой-выступом у основания, украшенной косым крестом, из Дура-Европос (*James, 2004, fig. 37: 54*). Напомню, что это укрепление на Ефрате было разрушено в 256 г.

Помимо особенностей оформления язычка на происхождение пряжек с овальным щитком указывают и особенности их морфологии. Эти ременные застежки можно рассматривать как вариант причерноморского типа Малашев П9, который занимает промежуточное положение между типами П2 и П10 в непрерывном типологическом ряду развития причерноморских пряжек с середины II по начало V в. н. э. (*Малашев, 2000, с. 221, рис. 2*).

Выше уже было сказано о том, что рассматриваемые пряжки не имеют исходных форм среди разнообразных поясных застежек, использовавшихся в римской армии в III в. То же самое можно сказать и о пряжках центральноевропейского Барбарикума. Пряжки с одночастной рамкой овальной формы и округлого сечения, с язычком, один из концов которого загнут в петлю для крепления к рамке, относятся к группе H по Р. Мадыда-Легутко. Пряжки такой конструкции самого простого варианта 1 спорадически встречаются во всех культурах Барбарикума на протяжении практически всего римского времени. Но массово ременные застежки подобного типа, снабженные щитками различной формы, появляются только со ступени C_2 хронологии римского времени, а наибольшее распространение получают на этапах C_3 и D. При этом типы этапа C_2 (H 3—8), как правило, представлены одним или несколькими экземплярами из погребений княжеского горизонта (*Madyda-Legutko, 1986, S. 72, 227, Taf. 18*).

На причерноморское происхождение пряжки из Варпелева указывает и наконечник ремня из сложенной вдвое пластины с валиком в месте перегиба, оформленный, как и рамка пряжки и составляющий с ней единый комплект (*Straume, 1987, Taf. 106: 9b*). Такие изделия (тип Малашев H10) появляются в позднесарматской культуре в середине III в. и доживают до ее финала.

Хронология пряжек с зооморфными язычками

Инвентарь погребений в Прущ Гданьском и Курском заслуживают того, чтобы подробнее остановиться на их датировке. Для этого решающее значение имеют материалы из могилы 139 некрополя Нейзац в Крыму (*Храпунов, 2004*). Помимо пряжек рассматриваемого типа эти комплексы дают нам выразительный набор стеклянной посуды. В Прущ Гданьском найден кубок типа E 223,

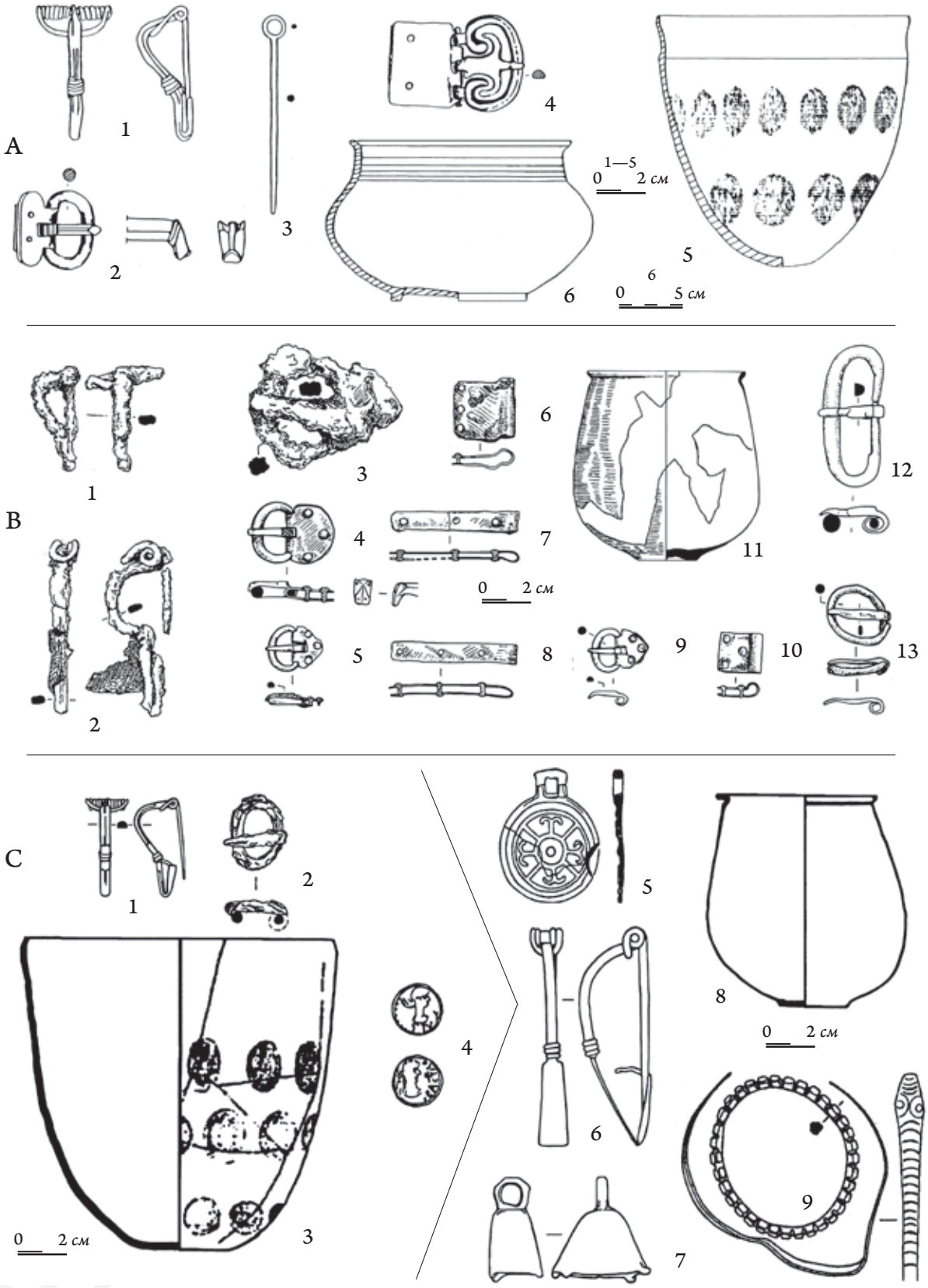

Рис. 3. А — Прущ Гданський, погр. 250А (по: *Pietrzak, 1988*), В — Курское, погр. 10 (по: *Труфанов, Колтухов, 2001—2002*), С — Нейзац, погр. 139 (по: *Храпунов, 2004*)

Abb. 3. A – Pruszcz Gdański, Gr. 250A, B – Kurskoje, Gr. 10, C – Neizac, Gr. 139

в Курском — тонкостенный стеклянный стакан на массивном поддоне, а в Нейзаце — сосуды обоих вариантов. В последнем случае стакан сопровождал более ранее погребение, а кубок со шлифованными овалами — перекрывающее его более позднее (*Храпунов, 2004, с. 300, 303*).

В погребении из Прущ Гданьского помимо пряжки с зооморфным язычком были найдены еще одна пряжка типа В9 по Р. Мадыда-Легутко, фибула с корпусом из гладкого стержня Гороховский А, стеклянный кубок Е 223 и гончарная миска (***рис. 3А***).

Тип В9 в своде Р. Мадыда-Легутко представлен единственным экземпляром из погребения 79 пшеворского могильника Михалково (*Madyda-Legutko, 1986, S. 213*), которое относится к группе погребений этапа C_1. Еще одна такая же пряжка найдена в Херсонесе, и, по мнению Д. А. Костромичева, входит в круг находок, связанных с присутствием в городе римского гарнизона (*2006, с. 51, 52, 94, рис. 3: 5*). Поскольку контекст находки отсутствует, то определяющее значение для ее датировки имеет дата вывода из города римских войск. По мнению В. М. Зубаря, это произошло не позднее третьей четверти III в. (*2001—2002, с. 134*).

Р. Мадыда-Легутко указывает на то, что тип В9 синхронен более распространенному типу В7, от которого отличается только формой язычка. Типы В7—9 датируются ранним этапом позднеримского времени (*Madyda-Legutko, 1986, S. 13, 14*). Пряжка типа В7 была найдена в погребении Лундтайген, которое относится к *By-gruppe* скандинавских погребений с оружием по Я. Бемману и Г. Ханэ. Эта группа в свою очередь соответствует группам 7 и 8 по Й. Илькеру. Группа 7 охватывает самый конец ступени C_{1b} и начало C_2, а группа 8 — следующий отрезок этапа C_2, без его финала. В статье 1994 г., где была представлена обновленная под влиянием работ Й. Илькера хронология пшеворских погребений с оружием, К. Годловский соотнес группу 7 с периодом C_{1b}/C_2, а группу 8 — с фазой C_2 в узком смысле, т. е. исключая начало IV в., которое приходится уже на этап C_2/C_3, хотя и обозначил относительность хронологических рубежей между перечисленными этапами (*Bemmann, Hahne, 1994, S. 483, Abb. 96: 3, 307, 484*; *Ilkjær, 1990, S. 322, Abb. 201*; *Godłowski, 1994, S. 176, Abb. 5*).

По мнению О. В. Шарова, прогнутые подвязные фибулы серии А по Е. Л. Гороховскому в черняховской культуре встречаются в комплексах 1 и 2-го этапов, 220/223—310/320 гг. (*1992, ХИ 47*).

Наиболее надежную основу для датировки кубков типа Е 223 дает опубликованная недавно могила 139 некрополя Нейзац (Крым), в которой (***рис. 3С: 1—4***) сосуд этого типа был найден с боспорской монетой, отчеканенной в 316 г., и фибулой Гороховский Б2б (*Храпунов, 2004, с. 303, рис. 5: 1*). Фибулы этого варианта наряду с застежками Б1 О. В. Шаров включил в тип 2 (ХИ 29), который выступает индикатором горизонтов 2 и 3 черняховской культуры, 280/290—350/360 гг. (*1992, с. 183, 186, табл. VIII*). При этом анализ распределения комплексов с фибулами типа 2 по фазам могильников показал, что экземпляры варианта Б2 тяготеют к горизонту 3. По мнению О. В. Гопкало, фибулы Б2 появляются в рамках группы 3 (приблизительно первая треть IV в.), наибольшее распространение получают уже в комплексах следующей хронологической группы (группа 4 — приблизительно вторая четверть IV в.) и эпизодически встречаются вплоть до финала черняховской культуры (*Гопкало, 2008, с. 97, табл. 3: 1, ХИ 52*).

Возвращаясь к хронологии кубков типа Е 223, стоит отметить находку такого сосуда вместе с трапециевидным костяным гребнем с прогнутыми боковыми сторонами спинки в погребении 100 черняховского могильника Бугаевка (*Петраускас, Пастернак, 2003, с. 68*).

Гончарная керамика в вельбаркской культуре появляется не ранее этапа C_2 (Шаров, Бажан, 1999, с. 29). В черняховской культуре сосуды с выделенным горлом (так называемые трехчастные) являются индикаторами 1-го периода (230/240—270/280) по О. А. Гей и И. А. Бажану (ХИ 4) (*1997, с. 42*) и 1 и 2-го горизонтов (220/230—310/320 гг.) по О. В. Шарову (ХИ 40) (*1992, с. 187*). Округлобокие закрытые миски с выделенным горлом известны в погребениях могильников Лейна и Хаслебен (*Schulz, 1953, Abb. 33, 34, 71*). Комплекс из Прущ Гданського автор публикации датировал этапом C_2 (*Pietrzak, 1988, s. 62, 63*).

В погребении из Курского помимо пряжки с зооморфным язычком в хронологическом отношении наиболее выразительны тонкостенный стеклянный стакан на массивном кольцевом под-

доне, железная одночленная фибула A VI и железная арбалетная фибула той же группы (***рис. 3В***).

Подобные стаканы в могильнике Совхоз 10 (Крым) найдены в погребениях 20 и 47 с монетами Гордиана III (238—244 гг.) и 145 с монетой Траяна Деция (249—251 гг.) (*Стржелецкий и др., 2001—2002, с. 121, 122*). Верхнюю дату маркирует находка из склепа 9 могильника Дружное (Крым), в котором стакан интересующего нас типа наряду с двучленной лучковой фибулой и пластинчатыми наконечниками ремней относится к наиболее ранним находкам, датирующимся не позднее начала IV в. К более поздним находкам, датирующимся не ранее начала IV в., относится серия пряжек с массивными гладкими рамками и язычками с уступом, концы которых охватывают рамку. Следует также упомянуть находку в этом склепе железной арбалетной фибулы, аналогичной застежке из Курского (*Храпунов, 2002, с. 179—181, рис. 79: 12; 80: 13, 15; 81: 12*, ср. датировку комплекса: *с. 67*).

Что касается атрибуции железной одночленной фибулы из Курского, то ближайшие аналогии (материал, морфология, конструкция) происходят из погребений 174 и 117 могильника Очков (Словакия), которые датируются этапом C_1 (*Godłowski, 1992, S. 38, Abb. 13: 2, 5*). При этом дату погребения 117 могильника Очков можно сузить, поскольку этот комплекс синхронизируется с группой 6 погребений с оружием пшеворской культуры, которая датируется этапом C_{1a}/C_{1b} и большей частью этапа C_{1b} (*Godłowski, 1992, S. 37; 1994, Abb. 1, 2*).

Погребение 10 могильника Курское относится к фазе II (260/270—310/320 гг.) относительной хронологии позднеримских могильников Центрального и Юго-Западного Крыма по В. Ю. Юрочкину и А. А. Труфанову (*2007, рис. 2*).

Проблема датировки древностей рубежа III—IV вв.

Авторы системы хронологии крымских некрополей отметили «несколько противоречивую ситуацию», при которой пряжки, близкие типу Малашев П9, в Крыму датируются более ранним временем, чем аналогичные им пряжки Келлер А в римских провинциях. Не рассматривая этого противоречия подробно, они сослались на мнение О. В. Шарова и присоединившегося к нему В. Ю. Малашева о датировке таких пряжек начиная с рубежа III—IV вв. (*Юрочкин, Труфанов, 2007 с. 364*). Хотелось бы отметить, что согласно Юрочкину и А. А. Труфанову, интересующие нас пряжки появляются в последней трети III в., а это все же более широкий диапазон, чем «рубеж III—IV вв.». Таким образом, отмеченное хронологическое противоречие не столько смягчается, сколько, напротив, становится еще более рельефным.

В контексте нашего исследования также важно выделение В. Ю. Юрочкиным и А. А. Труфановым фазы IIIa, которая охватывает начальный этапа фазы III (310/320—370/380 гг.) и включает в себя комплексы, содержащие наряду с индикаторами данной фазы также и вещи, характерные еще для этапа II (*2007, с. 365*). В фазу IIIa вошло и погребение 43 Инкерманского могильника, сочетание в котором подвязной фибулы Гороховский A со стеклянным стаканом Айсингс 104b делает его одним из опорных комплексов этапа C_2/C_3 по Я. Тейралу (*Tejral, 1986, S. 191*).

О. В. Шаров предложил в рамках ступени C_2 различать три хронологические группы типов вещей. Здесь я позволю себе обширную цитату, поскольку она полностью раскрывает смысл проведенных выше хронологических наблюдений.

«**Первая группа** — это типы вещей, которые еще имеют связи с более ранним временем, с периодом C_{1b} (220—260), но существуют и в «классическом» периоде C_2 (250/260—310/320) (например, ведра типа Хеммор. — *А. В.*).

Вторая группа — это типы вещей, существующие, часто единично, только в горизонте C2a (260—290) и не дающие развития в последующее время (например, сосуды E 215, 217. — *А. В.*).

Третья группа — типы вещей, которые начали функционировать только с фазы C_{2b} (280/290—320/330) и существуют в более позднее время, в отдельных случаях дают дальнейшее типологическое развитие. Это Zwiebelknopffibel из погр. 2/1917 и 5/1926 мог. Лейна, стеклянные сосуды типа Эггерс-222, фибулы типа Альмгрен-184, фибулы 164, 166, 189, 215, 242 групп по М. Шульце, фрагменты стеклянных кубков из погр. 1/1916 мог. Лейна со шлифованными овалами (близкие по типу кубкам Эггерс-223—230), бронзовая подпрямоугольная пряжка со стилизованными

звериными головками на концах дужек из погр. 1834 г. того же могильника». Фаза C_{2b} по О. В. Шарову соответствует фазе C_2/C_3 по Я. Тейралу (*Шаров, 2009а, с. 12, 13*; см. также: *Шаров 1992, с. 190, 191*).

Если применить этот подход к внутреннему членению этапа C_2 к материалам, рассмотренным мною в контексте с кишпекской находкой, то получается следующая картина.

Морфологию и стиль оформления зажимов кишпекских удил, как вероятно и весь сбруйный комплект, в который они входили, можно отнести к 1-й группе типов (или признаков) по О. В. Шарову. К этой же группе относятся пряжки В7, 9 по Р. Мадыда-Легутко, тонкостенные стеклянные стаканы из Крыма, бронзовое ведерко из Кишпека, фибулы типа Гороховский А, одночленная фибула из Курского.

Специфический декор кольчатых кишпекских псалиев — яркий пример типов декора 2-й группы. Подобное оформление рамки пряжки из Варпелева позволяет отнести к этой же группе пряжки с овальными щитками с реалистичными зооморфными изображениями на окончаниях язычков. Через германцев причерноморская конструкция пряжек с одночастной овальной рамкой, округлым щитком и подвижным язычком попадает в римские провинции, где и получает массовое распространение уже в период C_3.

И, наконец, кубки с прошлифованными овалами Е 223 и черняховские фибулы Гороховский Б2 соответствуют приведенным выше характеристикам типов находок группы 3 по О. В. Шарову.

Идентичность декора на пряжке из Варпелева и удилах из Кишпека являются еще одним свидетельством прямых контактов между Скандинавией и Причерноморско-Кавказским регионом. Судя по датировке этих комплексов, эти контакты имели место уже после окончания «скифских войн» и их характер остается для нас во многом неясным.

Литература

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V—VII вв. Москва.

Ахмедов И. Р., 2001. Коллекция предметов конского убора из Керчи // Поздние скифы Крыма. Москва.

Ахмедов И. Р., 2005. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийской узды» в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. (Труды ГИМ; Вып. 145). Москва.

Бажан И. А., 2010. Корпус случайных археологических находок. Вып. 1. Москва.

Безуглов С. И., 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. XIV. Азов.

Бетрозов Р. Ж., 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Васильев А. А., 2006. К вопросу о переходе от начального к финальному этапу позднесарматской культуры на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар.

Васильев А. А., Дзиговский А. Н., 2001—2002. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // Stratum плюс. № 4. Кишинев.

Васильев А. А., Савельев О. К., 2008. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная (хронологический аспект) // Germania—Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград.

Воронин К. В., Малашев В. Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Москва.

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов». На территории Восточной Европы и Кавказа. Москва.

Гетов Л., 1985. Антична гробна находка от Дуросторум. София.

Гопкало О. В. 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I—IV вв. н. э. Киев.

Димитров Д. И., 1960. Раннохристианска гробница от с. Река Девня // Известия на варненско археологическо дружество. Кн. XI. София.

Засецкая И. П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. Вып. 158.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. Санкт-Петербург.

Зубарь В. М., 2001—2002. Римское военное присутствие в Таврике // Stratum plus. № 4. Кишинев.

GERMANIA-SARMATIA II

Казанский М. М., 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV.

Кастромичев Д. А., 2006. Римское военное снаряжение из Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XII.1.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // МИАД. Вып. I: Сарматы и их соседи на Дону.

Мульд С. А., 2001. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII.

Петраускас О. В., 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі (за даними могильників України) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Харьков.

Петраускас О. В., Пастернак В. В., 2003. Скляні посудини могильника черняхівської культури Велика Бугаївка у Середньому Подніпров'ї // Археологія. № 4. Київ.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2001—2002. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Трейстер М. Ю., 2000. К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в Северном Причерноморье // РА. № 2.

Труфанов А. А., 2004. Пряжки ранних провинциальноримских форм в Северном Причерноморье // РА. № 3.

Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2001—2002. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (II—IV вв. н. э.) // Monumenta Studia Gothica. T. II. Lublin.

Храпунов И. Н., 2004. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь.

Храпунов И. Н., Мульд С. А., 2004. Склепы первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь.

Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // ПАВ. Вып. 1.

Шаров О. В., 1999. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum plus. № 3. Кишинев.

Шаров О. В., 2009а. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н. э.): Автореф. дис… д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.

Шаров О. В., 2009б. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // Боспорские исследования. Т. XXII. Симферополь; Керчь.

Шаров О. В. Бажан И. А. 1999. Черняховские этюды // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2007. Хронология могильников Центрального Юго-Западного Крыма 3—4 вв. н. э. // Древняя Таврика. Симферополь.

Abegg-Wigg A., 2008. Glas der Fursten. Zu den reichen Grabern von Neudorf-Bornstein aus der Romischen Kaiserzeit // Archaologische Nachrichten. Neumunster.

Agulnikov S. M., Simonenko A. V., 1993. A late sarmatian bridle set from Moldova // Communications archæologicæ Hungariæ. Budapest.

Allison M., 2006. The Insula of the Menander in Pompeii. Vol III: The Finds, a Contextual Study. Oxford.

Becker M., 2009. Das germanische Furstengrab von Gommern // 2000 Jahre Varuschlacht. Konflikt. Stuttgart.

Bemmann J., Hahne G., 1994. Waffenführende Grabinvetare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit in Skandinavien. Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Bd. 75. Mainz am Rhein.

Dumanov B., 2005. The encrusted spatha from Durostorum // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. IV: Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov. Sofia.

Eggers H. J. 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien // JRGZM. Jg. 2.

Godłowski K., 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakov.

Godłowski K., 1994. Die Chronologie der germanishen Waffengreber in der jungeren und späten Kaiserzeit // Beitrage zu romischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg.

Ilkjær J., 1990. Illerup Ådal. Bd. 1—2: Die Lanzen und Speere. (Jutland Archeological Society Publications; XXV: 1—2). Højbjerg.

James S., 2004. The excavations at Dura-Europos conducted by the Yale University and French Academy of Inscriptions and Letters 1928—1937. Final report VII: The Arms and Armor and other Military Equipment. London.

Keller E., 1971. Die Spatromischen Grabfunde in Südbayern // Munchener Beitrage zur Vor- und Fruhgeschichte. Bd. 14. Munchen.

Lund Hansen U. 1987. Römischer Import im Norden // Nordiske Fortidsminder. Serie B. Bd. 10. København.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford. (BAR; 360).

Pietrzak M., 1988. Cmentarzyska z Pruszcza Gdańskiego w młodszym okresie rzymskim // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.

Pröttel P. M., 1988. Zur Cronologie der Zweibelknopffibeln // JRGZM. Bd. 35. Mainz.

Rau G., 1972. Korpergraber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // APA. Bd. 3.

Salin B., 1904. Altgermanische Tierornamentik. Stockholm.

Schulz W., 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Dt. Akad. Wiss., Schr. Sektion Vor- u. Frühgesch. 1. Berlin.

Straume E., 1987. Glässer mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jarhunderts n. Chr. (Universitetsforlaget. Serie B. Skrifter LXXIII). Oslo.

Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltika. T. VII: Peregnatio Gothica. Lodz.

The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material, 2008. London.

A. A. Vasilyew

Die Trense aus dem Fürstengrab beim Dorf Kischpek, Kabardino-Balkarien

(ostsee-schwarzmeerische Kontakte und manche Fragen der Datierung europäischer Antiquitäten der Wende der III–IV Jh. u. Z.)

Im Beitrag wird eine Trense aus einem spätsarmatischen Fürstengrab behandelt, die unweit vom Dorf Kischpek in Kabardino-Balkarien entdeckt wurde. Nach der Form von Plattenklammern, die den Zaum an den Trensenringen befestigten, ähnelt dieses Exemplar den Trensen aus den Bestattungen der Anfangsetappe der spätsarmatischen Kultur (Mitte des II. – Mitte des III. Jh. u. Z.). Bei den Trensen aus Kischpek sind die Klammern aber gleich lang, während bei den früheren Exemplaren eine Klammer kürzer als andere ist. Die Trensen mit den gestreckten Klammern gleicher Länge sind aus den Bestattungen bekannt, die zeitgleich mit der Bestattung bei Kischpek sind, sie unterscheiden sich jedoch etwas nach ihrer Form.

Bei der Veröffentlichung dieses Fundes wurde eine so wichtige Einzelheit wie ein auf der Oberfläche von Trensenringen aufgebrachter Dekor in Form von wabenartigen Facetten außer acht gelassen. Es gibt sehr wenige Analogien zu solchem Dekor, deren geographische Streuung ist jedoch sehr groß. Relativ nicht weit vom Kischpek, in Ekazhewo in Inguschetien, wurden auch die in ähnlicher Weise geschmückten Ringe aus der Zaumengarnitur gefunden. Zwei andere Funde sind Gürtelschnallen, eine von denen in der Ukraine zufällig entdeckt wurde, und andere aus einer prunkvollen Bestattung bei Varpelev in Dänemark stammt. Der Varpelever Komplex gehört zur Stufe C_2, und darin wurde auch eine Münze des Kaisers Probus (276–282) gefunden. Die uns interessierende Gürtelschnalle gehört zum Gürtelschnallentyp mit nierenförmigem oder ovalem Riemenkappe, dessen Datierung einer Präzisierung bedarf.

In römischen Provinzen kommen solche Gürtelschnallen massenhaft in Bestattungen des IV. Jahrhunderts mit den Münzen des Kaisers Constantinus und seiner Erben sowie mit den Zwiebelknopffibeln des Typs 3 vor. Es sind auch die Funde mit den Sachen einer früheren Zeit bekannt, insbesondere mit den Zwiebelknopffibeln Typs 1, die auf die Mitte bis die zweite Hälfte des III. Jahrhunderts datiert werden.

Die Gürtelschnallen mit ovalen Riemenkappen haben keine Prototype sowohl in römischen Provinzen als auch bei Barbaren Zentral- und Nordeuropas. Zugleich sind alle Besonderheiten deren Morphologie vollkommen typisch für die Gürtelschnallen aus dem nordischen Schwarzmeerküstenlands. Vermutlich durch die Germanen erhalten die Konstruktion und die Form von Gürtelschnallen mit ovalen

GERMANOSARMATIA II

Riemenkappen eine massenhafte Verbreitung in der römischen Armee des IV. Jahrhunderts.

Die Unterscheidungsbesonderheit der Gürtelschnalle aus Varpelev, die zu den Prototypen der massenhaften römischen Gürtelschnallen des IV. Jahrhunderts gehören konnte, ist eine ziemlich realistische Tierkopfdarstellung am Dornenende. Mir sind noch zwei Gürtelschnallen mit ovalen Riemenkappen und realistischen Tierkopfdarstellungen bekannt. Das sind Exemplare aus dem Grab Nr. 250A des Gräberfelds der Wielbark-Kultur Pruszcz Gdański und aus dem Grab Nr. 10 des Gräberfelds Kurskoje in Krim. Die Analyse der Chronologie dieser Komplexe hat die Verbindung darin der noch für die Stufe C_1 charakteristischen Sachen mit den für spätere Zeiten typischen Funden gezeigt.

O. V. Sharov hat vorgeschlagen, im Rahmen der Stufe C_2 die mit der vorhergehenden Stufe C_{1b} verbundenen Fundtypen, die in der Regel vereinzelten, einzigartigen Typen, die nur für die Stufe C_2 charakteristisch sind, und die Typen zu unterscheiden, die im späten Teil der Stufe C_2 erscheinen und weitere Entwicklung und Verbreitung in der Stufe C_3 bekommen.

Die Form der Trense aus Kischpek und der ganze Satz der begleitenden Pferdegeschirrteile weisen einen deutlichen Zusammenhang mit den früheren Prototypen der ersten Hälfte bis Mitte des III. Jahrhunderts, der Dekor auf den Trensenringen und der zoomorphe Dorn gehören wahrscheinlich zu den Besonderheiten, die nur für die Sachen der Stufe C_2 charakteristisch sind, und endlich gehört die Gürtelschnalle aus Varpelev zu den Prototypen von Erzeugnissen der nächsten chronologischen Etappe, der Stufe C_3.

Die Verbreitung von Sachen mit dem Facettendekor und der Gürtelschnallen mit realistischer Tierkopfdarstellung am Schnallendorn vom Kaukasus bis zum Baltikum zeugen von den Beziehungen der Bevölkerungen dieser Regionen, die schon nach dem Ende der „gotischen Kriege“ existierten.

GERMANIA-SARMATICA II

Петраускас Олег Валдасович

Киев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ранних славян Института археологии НАН Украины

petrauskas2@yandex.ru

Синица Евгений Валентинович

Киев

Кандидат исторических наук, ассистент кафедры археологии и музееведения Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

sin@univ.kiev.ua

О. В. Петраускас, Е. В. Синица

Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры

Речь идет о фибулах, которые имеют массивную дуговидную спинку, сплошной приемник и два щитка, расположенных на ножке и головке фибулы. Фибула такой формы представлена в каталоге Оскара Альмгрена, где она помещена в группе VI и обозначена под № 188 (*Almgren, 1923, Taf. VIII*). Комментируя фибулы этой группы (в частности № 188, 189), исследователь рассматривал их как подражания провинциально-римским фибулам. В целом же фибулы № 187—191, по его мнению, как и многие фибулы со сплошным приемником, имеют германское происхождение и «возможно возникли у южнорусских германцев» (*Almgren, 1923, S. 89, 129*).

Среди фибул черняховской культуры такие изделия как отдельная группа или тип фибул не рассматривались. Обычно они включаются в обширную группу двупластинчатых фибул либо рассматриваются как особые формы «Т-образных» «кнопочных» или воинских фибул.

Так, А. К. Амброз для фибул 20-й группы, так называемых Т-образных с расширенной ножкой, выделил разновидности со щитком на головке, с кнопкой или без нее. По мнению автора, они связаны с черняховской культурой, изготовлялись местными мастерами по западным образцам и датируются IV, может быть, началом V в. Эти фибулы, по мнению исследователя, могли стать прототипами для так называемых крестообразных фибул памятников V—VI вв. бассейна Оки (*Амброз, 1966, с. 75, 76*).

Е. Л. Гороховский для воинских фибул указал также на группу застежек с головными пластинками или кнопками. На основании погребения 9 (21-1961) из Косановского могильника с кубком типа «Ганцков» и пряжкой, фибулы такой формы были датированы им IV в. (*Гороховский, 1988*).

Более детально специфику фибулы из Косаново, ее генезис и датировку рассмотрел О. В. Шаров. При анализе комплекса погребения 9 (21-1961) он отнес эту фибулу к 4-му варианту VI группы кнопочных фибул по классификации Э. Мейер (*Шаров, 1992, с. 185*). Однако О. В. Шаров датировал этот экземпляр первой половиной IV в. по аналогии с воинскими фибулами из работы М. Шульце, в частности фибулы из Хьядструпа. Автор также считал, что косановская фибула является скандинавской по происхождению и занимает промежуточное звено между застежками, выполненными в закшувском стиле, и маленькими двупластинчатыми фибулами с ромбической ножкой.

К похожим выводам о дате комплекса пришел и один из авторов этой статьи, характеризуя фибулу из этого погребения при анализе материалов могильника Косаново. Однако связывать эту фибулу со скандинавскими образцами, на наш взгляд, не следует (*Petrauskas, 2003, S. 316 и сл.*).

Наиболее обстоятельно с привлечением максимально доступного числа находок фибулы этого

SERVANDA SERVATIA II

типа проанализированы в статье И. О. Гавритухина, который рассматривал их в качестве возможных прототипов двупластинчатых фибул. К таким он относит ряд пружинных Т-образных фибул (*Bügelknopfibel*), имеющих ромбическую или близкую к ней форму ножки и щиток у пружины. Эти фибулы выделены автором в круг фибул «Косаново», серии Гэлэнешть (*Gavritukhin, 2002, pav. 1.15, 18—22, 24—25, 27—28* — круг «Косаново», *pav. 1.27, 29* — серия «Гэлэнешть», список 1). Характеризуя фибулы этого типа, автор отметил, что они довольно разнообразны в деталях и не образуют устойчивых серий. Некоторые из них лишь в отдельных нюансах отличатся от двупластинчатых. Анализируя предметы из того же погребения 9 (21-1961) в Косаново, И. О. Гавритухин датировал горизонт Косаново—Ганцков (и нужно понимать фибулы этого круга) первой половиной IV в. Отметим, что круг этих фибул в указанной работе ограничен формами, которые имеют сегментовидные щитки на головках. В работе не рассматривались фибулы с другими формами щитка, что вполне объяснимо задачами исследования (*Gavritukhin, 2002, s. 113—184*).

Памятники черняховской культуры дают серию фибул, обладающих рядом общих признаков, из которых основным является наличие щитков на ножке и возле пружины. Однако, как видно из обзора литературы, их относят к различным группам фибул: Т-образным кнопочным, воинским, двупластинчатым и пр. В значительной степени это объясняется отсутствием специального исследования по данной форме фибул, а также ограниченным числом находок таких изделий. Мы считаем возможным выделить их в особую группу фибул черняховской культуры. Для того чтобы в дальнейшем отличать подобные застежки от наиболее близких к ним пластинчатых фибул, предлагаем в дальнейшем условно определять их как «щитковые фибулы».

В настоящее время для территории Украины и Молдовы нам удалось составить каталог из 32 экземпляров таких фибул (см. ***приложение***). В большинстве случаев это случайные находки[1]. В документированных комплексах большинство фибул щиткового типа найдены на могильниках (14 экз.), меньше их известно в поселенческих материалах (Рипнев, Неслухов, Боромля, Лозовая). В двух случаях фибулы найдены в трупоположениях с северной ориентировкой — Косаново, Черкассы-Центр. В остальных случаях их находили в трупосожжениях — Великая Бугаевка, Остривец, Малаешты, Данчены. В общем спектре фибул отдельных могильников формы застежек со щитками, также как и Т-образные, составляют незначительный процент — Косаново (3%), Великая Бугаевка (8%). Таким образом, можно отметить, что это хоть и небольшая, но достаточно компактная группа застежек в черняховской культуре.

Наиболее «размыта» граница между фибулами этой группы и двупластинчатыми застежками, хотя относится это только к варианту щитковых фибул с сегментовидным щитком. В связи с этим в данной работе мы специально обращаем внимание на те признаки, которые, возможно, помогут в дальнейшем более отчетливо разделять эти группы между собой. В целом же проблема выделения фибул переходных разновидностей к пластинчатым представляется важной не только с точки зрения определение дат этих застежек, но и с точки зрения содержания этого феномена в материальной символике этнокультурных и социальных групп варварских народов Европы.

Ниже рассмотрим некоторые особенности формы и конструкции фибул этого типа (***табл. 1***). Прежде всего можно отметить, что все подобные фибулы, на наш взгляд, выполнены в технике литья. Косвенно на это указывает сложность (декоративность) форм этих фибул, которые трудно достичь только ковкой заготовки, хотя утверждать однозначно возможно будет после специальных исследований. В подавляющем большинстве щитковые фибулы (нижний и верхний щитки, дужка) орнаментированы насечками, прямыми и ломаными линиями, циркульными фигурами, фасетками и пр. В качестве декоративного элемента многие из них имеют

[1] Число находок фибул щиткового типа заметно возросло особенно в последнее десятилетие. В значительной мере это связано как с возобновлением раскопок черняховских могильников в середине 90-х годов прошлого века (Бугаевка, Черкассы, Войтенки), так и сильной активизацией грабительских сборов. В этом отношении показательны сайты, где вывешены фотографии таких коллекций: *http://forum.violity.kiev.ua/*; *http://www.antika-best.com* и др.

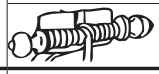
Пружинный аппарат	простой	с накладными пластинами	с двойной стойкой				
							
Форма корпуса	фас		анфас				
	симметричная	асимметричная	ровная	расширенная (фигурная)			
							
Форма щитка	угловатая			округлая			особые формы
	прямоугольная	трапециевидная	ромбическая	круглая	секторная	поукруглая	
							
Сечение дужки	треугольное	прямоугольное	трапециевидное	многогранное			
							
Форма ножки	ромбическая	прямоугольная	трапециевидная				
							
Конструкция приемника	пластинчатая	оттянутая от середины	колбовидная				
							
Форма кнопки	конусовидная	грибовидная	дисковидная				
							

Таблица 1. **Схема основных признаков фибул щиткового типа**

Tabelle 1. **Das Schema der Hauptmerkmale der „Schildfibeln“**

кнопки грибовидной или конусовидной формы на верхнем щитке либо же на концах пружин. Отметим, что почти все экземпляры щитковых фибул имеют съемные/раздельные кнопки, что отличает их от большинства Т-образных фибул с кнопками, у которых кнопки и корпуса цельнолитые.

Пружинный аппарат фибул этого типа у известных нам экземпляров построен на использовании только одной пружины. Некоторым исключением являются фибулы из Луцка[2] и Оселивки, которые на стойке имеют по два отверстия (***рис. 1: 14; 2: 10***). В первом случае, где полностью сохранился пружинный аппарат, второе отверстие сделано для фиксации тетивы. Для второй фибулы возможна аналогичная конструкция, хотя не исключен и принцип двойной пружины. Для фиксации пружины также могли использовать пропил на стойке — Неслухов (***рис. 1:13***). В большинстве случаев пружина, которая зажимала иглу за счет тетивы, обычно упиралась в корпус фибулы с внутренней его стороны. Почти у всех экземпляров с сохранившейся пружиной на концах оси имеются декоративные кнопки или кольца. В отдельных случаях пружина также накрывалась декоративными надставками — Бугаевка, Кринички, Привольное (***рис. 1: 6, 7; 2: 1***).

Спинки фибул в большинстве случаев симметрично изогнуты. Значительно реже дужка изогнута асимметрично (Косаново, Августиновка, Бугаевка/погр. 126, Войтенки и др.). Сечение дужки фибул со щитком не бывает пластинчатым или пустотелым, кроме этого некоторые экземпляры на дужках в местах соединения со щитками имеют площадки (Косаново, Орловец, Крачкивка), что не известно для классических образцов пластинчатых фибул. Возможны следующие формы сечения спинки: треугольное, прямоугольное, трапециевидное и многогранное. Фронтальная форма

[2] Здесь и далее все основные данные по фибулам этого типа представлены в Каталоге (см. ***приложение***).

BIBLIOTHECA SARMATIA II

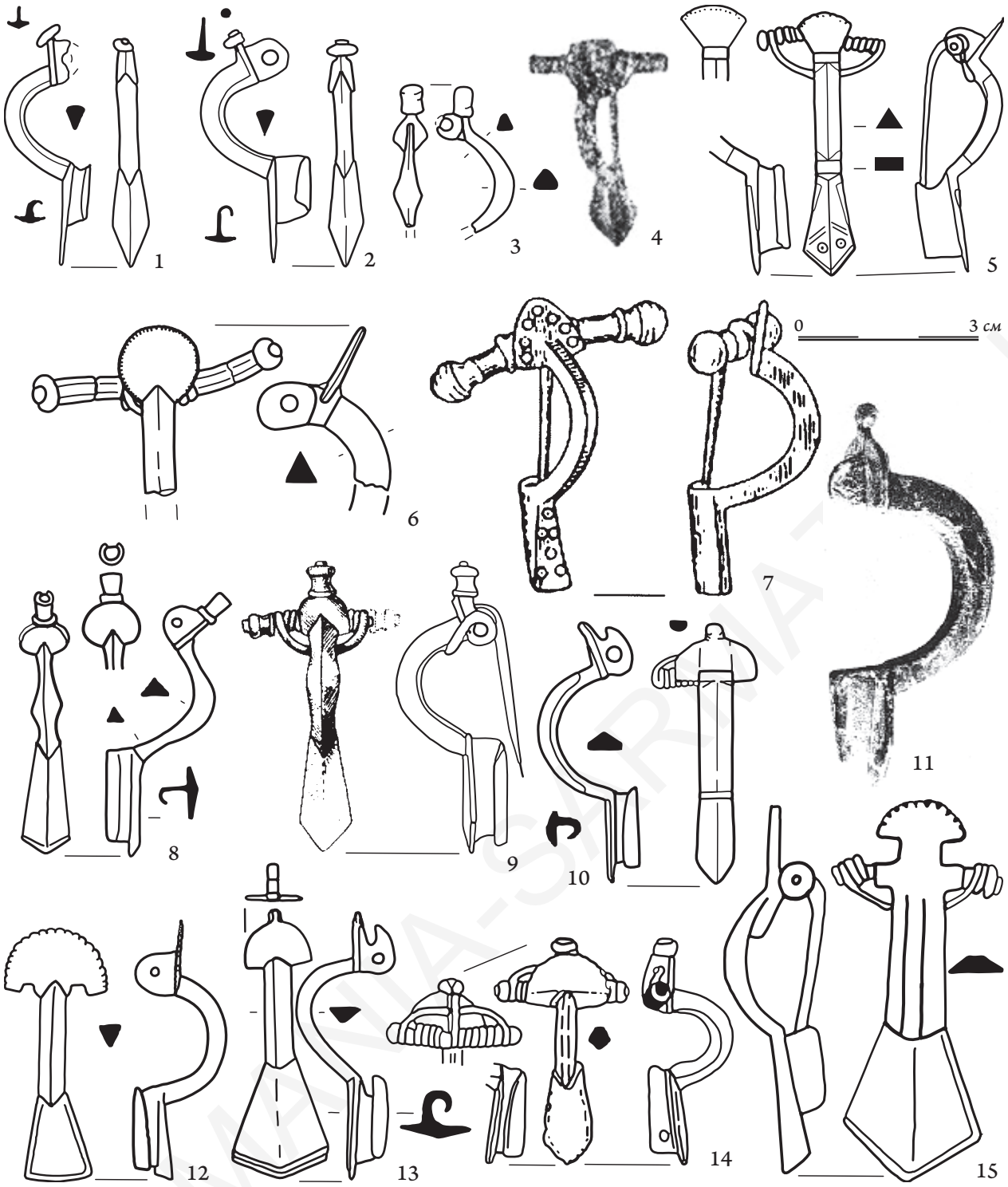

Рис. 1. **Фибулы с верхним щитком округлых и фигурных форм:**
1, 2 — Войтенки, п. м.; 3, 8 — Великая Бугаевка, п. м.; 4 — Августиновка, п. м.; 5 — Косаново, погр. 21-1963; 6 — Великая Бугаевка, погр. 126; 7 — Кринички, погр. 1; 9, 11 — Киевская губ., п. м.; 10 — Огульцы, п. м.; 12 — Боромля, п. м.; 13 — Неслухов, жил. 2; 14 — Луцк, п. м.; 15 — Нагорное, погр. 34

Abb. 1. **Fibeln mit dem oberen Schild der rundlichen und künstlichen Formen:**
1, 2 – Voytenki, Einzelfunde; 3, 8 – Velikaja Bugajewka, Einzelfunde; 4 – Avgustinovka, Einzelfunde; 5 – Kosanovo, Grab 21-1963; 6 – Velikaja Bugajewka, Grab 126; 7 – Krinički, Grab 1; 9, 11 – Kiewer Gebit, Einzelfunde; 10 – Ogul'cy, Einzelfunde; 12 – Boromlya, Einzelfunde; 13 – Nesluchov, Baukonstruktion 2; 14 – Luck, Einzelfunde; 15 – Nagornoe, Grab 34

GERMANIA-SARMATIA

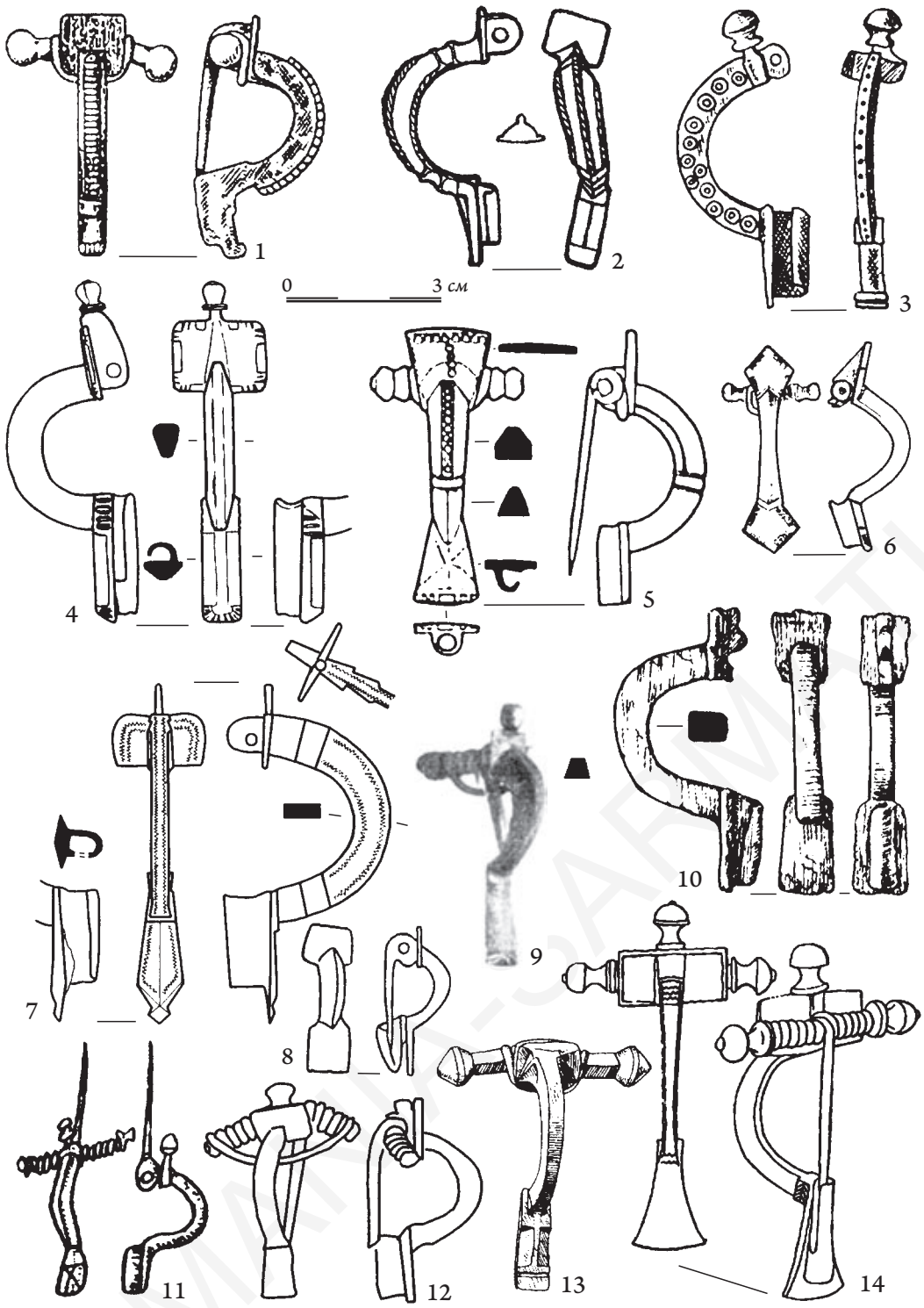

***Рис. 2.* Фибулы с верхним щитком прямоугольных форм**:
1 — Привольное, погр. 20; 2 — Лозовая, яма 4; 3 — Рипнев 2, жил. 2; 4 — Романовка, п. м.; 5 — Черкассы-Центр, погр. 60; 6 — Черепашенцы, п. м.; 7 — Крачкивка, п. м.; 8 — Компанийцы, п. м.; 9 — Малаешты, погр. 15; 10 — Оселивка, п. м.; 11 — Данчены, погр. 49; 12 — Оствивец, погр. 10; 13 — Чигиринский уезд; 14 — Орловец, п. м.

***Abb. 2.* Fibeln mit dem oberen Schild der rechteckigen Formen**:
1 – Privol'noe, Grab 20; 2 – Losovaja, Grube 4; 3 – Ripnev-2, Baukonstruktion 2; 4 – Romanovka, Einzelfunde; 5 – Čerkassy-Zentren, Grab 60; 6 – Čerepaschincy, Einzelfunde; 7 – Kračkivka, Einzelfunde; 8 – Kompanijcy, Einzelfunde; 9 – Malaešti, Grab 15; 10 – Oselivka, Einzelfunde; 11 – Dančeny, Grab 49; 12 – Ostrivec, Grab 10; 13 – Čigirin-Kreis, Einzelfunde; 14 – Orlovec, Einzelfunde

GERMANIA-SARMATIA II

спинки в большинстве случаев прямоугольной формы. Многие фибулы имеют сложный профиль спинки в виде «вздутия» в средней части (Бугаевка); «ступеньки» в основании (Крачкивка); рифленый гребешок (Привольное); «косички» на ребрах спинки (Лозовая) (***рис. 1: 3, 8; 2:1, 2, 7***). Наличие выступающих гребней на спинке характерно для центральноевропейских фибул — Герлсхайм и др. (*Meyer, 1960, S. 274—277, 283, 287*).

Верхний щиток может иметь несколько разновидностей, которые возможно разделить на три большие группы. Первая группа с «угловатой» формой щитка — прямоугольной, ромбической или в виде перевернутой трапеции; вторая группа в виде различных размеров сегментов — круглый, полукруглый, секторный. Третью группу могут составить фибулы с «несформированными» или «фигурными» формами щитков, т. е. их размеры и формы настолько малы, что не позволяют уверенно относить к какой-либо из названных выше групп (Бугаевка, Войтенки, ***рис. 1: 1—3***). Однако в любом случае, щиток на этих фибулах обозначен в виде площадок, которые выступают за пределы спинки по ширине.

Нижний щиток или ножка. Известны три модификации: ромбическая, прямоугольная и трапециевидная. В качестве дополнительных вариаций возможно указать на «кнопку», которой заканчивается щиток фибулы из Крачкивки (***рис. 2: 7***); наличие выступающей «пятки» на ножке фибулы из Привольного (***рис. 2: 1***) и ножку с перехватом для экземпляра из Рипнева 2 (***рис. 2: 3***). Две последние фибулы по этим признакам близки центральноевропейским и балтийским образцам фибул. Формы верхнего и нижнего щитков, как правило, разные. Очень редко щитки головки и ножки одинаковой или почти одинаковой (симметричной) формы — Черкассы, Черепашенцы (***рис. 2: 5, 6***).

Приемники у всех фибул щиткового типа так называемой сплошной конструкции. Можно различать три разновидности конструкции: приемник является простым продолжением изгиба боковой стороны ножки; приемник оттянут от середины внутренней стороны ножки и приемник в нижней части составляет единое целое с ножкой. Еще один существенный признак фибул этого типа — длина приемника составляет не менее половины длины ножки, а чаще всего почти равна его длине (***рис. 1; 2***). У пластинчатых фибул, особенно развитых форм, она, как правило, меньше половины длины ножки, а чаще всего — гораздо короче.

Анализ морфологических признаков щитковых фибул, несмотря на их ограниченное число и индивидуальность форм, позволяет предложить предварительную типологию фибул этой группы. Предлагается различать типы и вариации по формам верхнего щитка (***табл. 2***).

Тип 1. Составляют фибулы с округлыми формами верхнего щитка. Возможно выделить несколько вариаций: щиток в виде диска (Бугаевка), сектора (Косаново) или же в виде полукруга (Кринички—Неслухов—Боромля) (***рис. 1***). Фибулы первых двух вариаций образуют обособленные морфологические группы, и принадлежность их щитковым фибулам не вызывает сомнений. Для фибул третьего варианта существует проблема вычленения их из группы двупластинчатых фибул.

Вариант 1. Две фибулы с дисковидным щитком на территории черняховской культуры происходят из могильника Великая Бугаевка (***рис. 1: 6, 8***). К этому варианту можно отнести и случайную находку с территории Среднего Поднепровья (***рис. 1: 9***)[3] и возможно фибулу из могильника Войтенки 2. Похожий экземпляр найден в погребении 342 румынского могильника Бырлад (*Palade, 2004, fig. 139: 3*). Датировать фибулы возможно по комплексу погребения 126 из Великой Бугаевки концом фазы C_2 и более вероятно — фазой C_3 (*Петраускас А. В., Петраускас О. В., 2008, с. 53—97; Петраускас, 2009, с. 186—215*).

Вариант 2. Фибулы со щитком в виде сектора круга. Известная фибула из погребения 21-1961 могильника Косаново[4]. Фибула со щитком похожей формы происходит также из могильника Богданешть (*Diaconu, 1973, fig. 15: 4*). Дата фибул определяется комплексом из Косаново, который большинство исследователей относит к фазе C_3 (*Tejral, 1986, S. 175—238; Gavritukhin, 2002, s. 113—184; Petrauskas, 2003, S. 225—351*).

[3] Подробная информация о фибулах, которые использованы в настоящей статье, дана в ***приложении***.

[4] Возможно, похожий щиток имеет фибула из Августиновки. Фотография и описание фибулы, к сожалению, не очень четкие.

Таблица 2. **Типология фибул со щитками**

Tabelle 2. **Die Typologie der „Schildfibeln“**

Тип 1 (щиток округлой формы)			**Тип 2** (щиток угловатой формы)			**Тип не определен**
Вариант 1 диск	*Вариант 2* сектор	*Вариант 3* полукруг	*Вариант 1* прямоугольник	*Вариант 2* трапеция	*Вариант 3* ромб	
						
Бугаевка\п.126	Косаново\п.21-61	Боромля	Крачкивка	Августиновка	Черепашенцы	Бугаевка\к-с
Бугаевка\к-с		Луцк	Компанийцы			Войтенки
Киевская губ.		Кринички\п.1	Лозова	Черкассы/п. 60		Войтенки
Войтенки 2		Каневский у. Киевской губ.	Орловец			
		Нагорное 2	Оселивка			
		Неслухов	Островец			
		Огульцы	Привольное			
			Романовка			
			Рипнев 2			
			Чигиринский уезд			
			Данчены			
			Малаешты			

Вариант 3. Фибулы с полукруглым щитком. По этому и ряду других признаков такие застежки формально близки пластинчатым фибулам. Лишь некоторые экземпляры совершенно очевидно отличны от пластинчатых — Кринички, Боромля, Неслухов, Луцк (***рис. 1: 7, 12—14***). Целый ряд фибул, на наш взгляд, обладает признаками, которые характерны как для пластинчатых, так и для щитковых форм. Возможность эволюции пластинчатых фибул из этой группы щитковых фибул, серия Косаново, более подробно рассмотрел И. О. Гавритухин. Проблемным, на наш взгляд, остается вопрос о критериях разделения этих фибул, которые в работе московского коллеги освещены лишь отчасти. Как нам кажется, к признакам, которые позволят отделять пластинчатые фибулы от щитковых с полукруглым щитком, предварительно возможно отнести следующие. Приемники двупластинчатых фибул не могут быть колбовидной или пластинчатой конструкции, длина их приемника не превышает половины длины ножки. Щиток у пружины пластинчатых фибул всегда шире нижнего щитка. Спинка всегда симметричной формы и, как правило, пластинчатая. В связи с этим для черняховской культуры выделяется серия фибул, которая обладает признаками как пластинчатых, так и щитковых форм. К таким можно отнести застежки из Компанийцев, Думанова, Черняхова, Пастырского, Родного Края и др. (*Gavritukhin, 2002, s. 113—184.*)

Тип 2. Фибулы, у которых верхний щиток имеет различные «угловатые» формы. Возможно выделить вариации с прямоугольным щитком (Привольное, Крачкивка, Орловец, Малаешты); трапециевидным (Черкассы, Августиновка) и ромбическим (Черепашенцы) (***рис. 2***). Помимо формы щитка в качестве одного из общих признаков фибул этого типа можно назвать симметричность изгиба спинки.

Вариант 1. Фибулы с прямоугольным щитком. Наиболее многочисленны среди щитковых фибул, распространены в лесостепной части черняховской культуры в основном к западу от Днепра. На левом берегу известно пока два экземпляра — Лозовая и Компанийцы. Дата фибул хорошо определяется несколькими закрытыми комплексами из Островца, Привольного, Рипнева, Данчен и Малаешт.

SERVUS-SARMATIA II

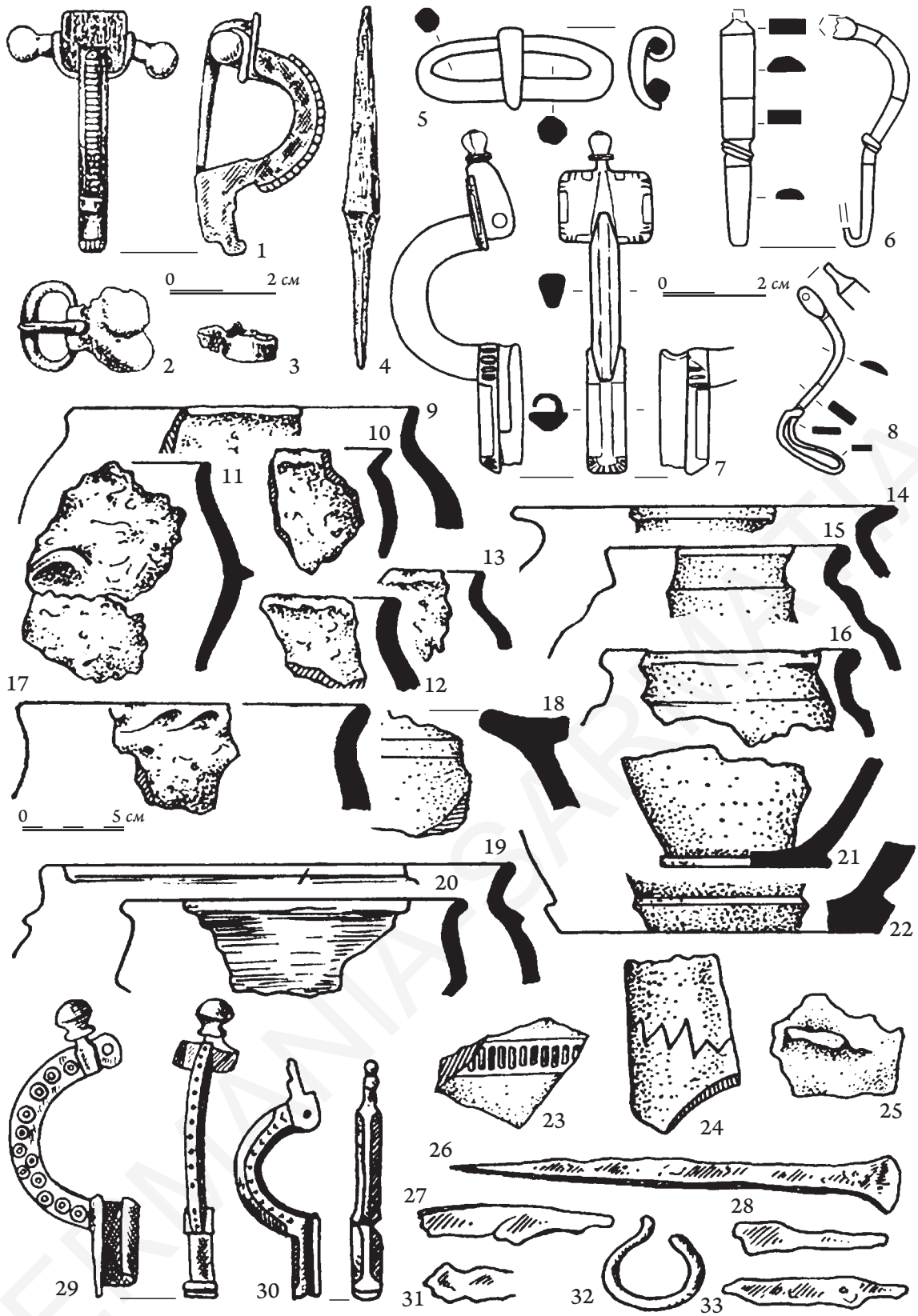

Рис. 3. **Комплексы находок с фибулами щиткового типа с памятников черняховской культуры**:
1—4 — Привольное, погр. 20; 5—8 — Романовка, п. м.; 9—33 — Рипнев 2, жил. 2

Abb. 3 **Die Fundkomplexe der Černjachov-Kultur mit „Schildfibeln“**:
1–4 – Privolʻnoe, Grab 20; 5–8 – Romanovka, Einzelfunde; 9–33 – Ripnev-2, Baukonstruktion 2

GERMANIA SARMATICA II

С фазой C_3 возможно связывать фибулы из Привольного, погр. 20 и Рипнева 2, жилище 2 (***рис. 3: 1—4, 9—33***). В Привольном пряжка с овальной рамкой и заметным утолщением передней части, коротким и очевидно прямым язычком указывает на это время. К сожалению, обойма сохранилась неполностью. Форма рамки, язычок, а также обойма характерны для пряжек так называемого типа Келлер А (*Петраускас, 2009, с. 192—193, рис. 6*). Сама фибула имеет черты, близкие фибулам Центральной Европы — зубчатый гребешок на спинке и «пяточку» на конце ножки. В частности кнопочные фибулы 1-го варианта 5 серии по Е. Мейер — Герласхайм, Гросс Брютц, Кельн, Лассан и др. (*Meyer, 1960, Abb. 23, 24, 32, 40, 58, 67, 104*; «гребешки» здесь как сплошные, так и расчлененные/рифленые). Наиболее близкими по форме и хорошо датированными являются фибулы из парного погребения Герлсхайма, которые возможно датировать временем около 300 г. и позднее (*Meyer, 1960, S. 237*).

С фазой D_1 хорошо коррелируются предметы из Остривца, погр. 10, Малаешт, погр. 15, и Данчен, погр. 49. Здесь фибулы с прямоугольными щитками найдены вместе с пряжками с сильно утолщенной передней частью, одна из них с обоймой в виде трилистника. Формы пряжек, миниатюрные ножнички и др. свидетельствуют о позднем отрезке этой фазы. С этим же временем хорошо согласуется коллекция предметов из сборов на поверхности в Крачкивке и Романовке (***рис. 2: 7; 3: 5—8***).

Вариант 2. Фибулы с трапециевидным верхним щитком представлены двумя экземплярами. Одна фибула происходит из погребения 60 в Черкассах, вторая найдена в Надпорожье у с. Августиновка (***рис. 1: 4; 2: 5***). Датировать этот вариант щитковых фибул возможно лишь приблизительно в пределах фаз C_3 и D_1. На это указывают особенности гончарных керамических сосудов из погребения в Черкассах — наличие гончарных горшков, формы мисок и вазы. Форма горшка, пропорции мисок и трехручной вазы более характерны для фазы C_3.

Вариант 3 представлен единственной фибулой из могильника в Черепашенцах, у которой верхний щиток оформлен в виде ромба (***рис. 2: 6***). Датировать фибулу возможно по общей дате могильника в пределах фаз C_2— D_1.

Таким образом, анализ фибул щиткового типа позволяет сделать следующие наблюдения и выводы. В черняховской культуре следует выделять особую группу фибул. Они имеют массивную дуговидную спинку, сплошной приемник и два щитка, которые расположены на ножке и головке фибулы. **Территория их распространения** в черняховской культуре ограничена зоной лесостепи. За исключением очень специфической фибулы из Нагорного 2 они не характерны для степных памятников. Фибулы типа 1 с округлым щитком (сегменты, круги) занимают северные районы черняховской культуры: Неслухов, Косаново, Бугаевка, Войтенки, Боромля (***рис. 4***). Фибулы типа 2 с «угловатыми» формами щитка (прямоугольным / ромбическим / трапециевидным) сосредоточены южнее. Следует отметить зону лесостепи между Днепром и Днестром, где концентрируются массивные, богато орнаментированные фибулы с прямоугольным щитком — Привольное, Крачкивка, Романовка, Черкассы, «Среднее Поднепровье», Оселивка, Остривец и др.

Датировка щитковых фибул возможна по закрытым комплексам. Их появление в черняховской культуре связано с концом фазы C_2 — началом C_3 (Бугаевка, погр. 126). Совершенно очевидно их существование в фазе C_3 (Косаново, погр. 21-1961). О том, что фибулы щиткового типа существуют до финала культуры, свидетельствуют комплексы погребений в Остривце, Малаештах и Данченах (***рис. 5***). Очевидно также, что фибулы с округлым верхним щитком более ранние и не исключено, что их дальнейшее развитие связано с двупластинчатыми фибулами. Фибулы с прямоугольными щитками существуют до конца культуры параллельно с другими формами — двупластинчатые, поздние варианты подвязных и воинских.

Генезис и развитие (***рис. 6***). По мнению упомянутых в обзоре литературы исследователей, «щитковые» фибулы — это переходная упрощенная форма между ажурными фибулами «закшувского» стиля и двупластинчатыми (Амброз—Шаров). Вместе с тем, обращают на себя внимание фибулы седьмой группы Альмгрена («уникальная» серия по Гороховскому—Гопкало), которые также имеют двухщитковую конструкцию и могли быть образцами для подражания. Такие формы известны не только за пределами черняховской

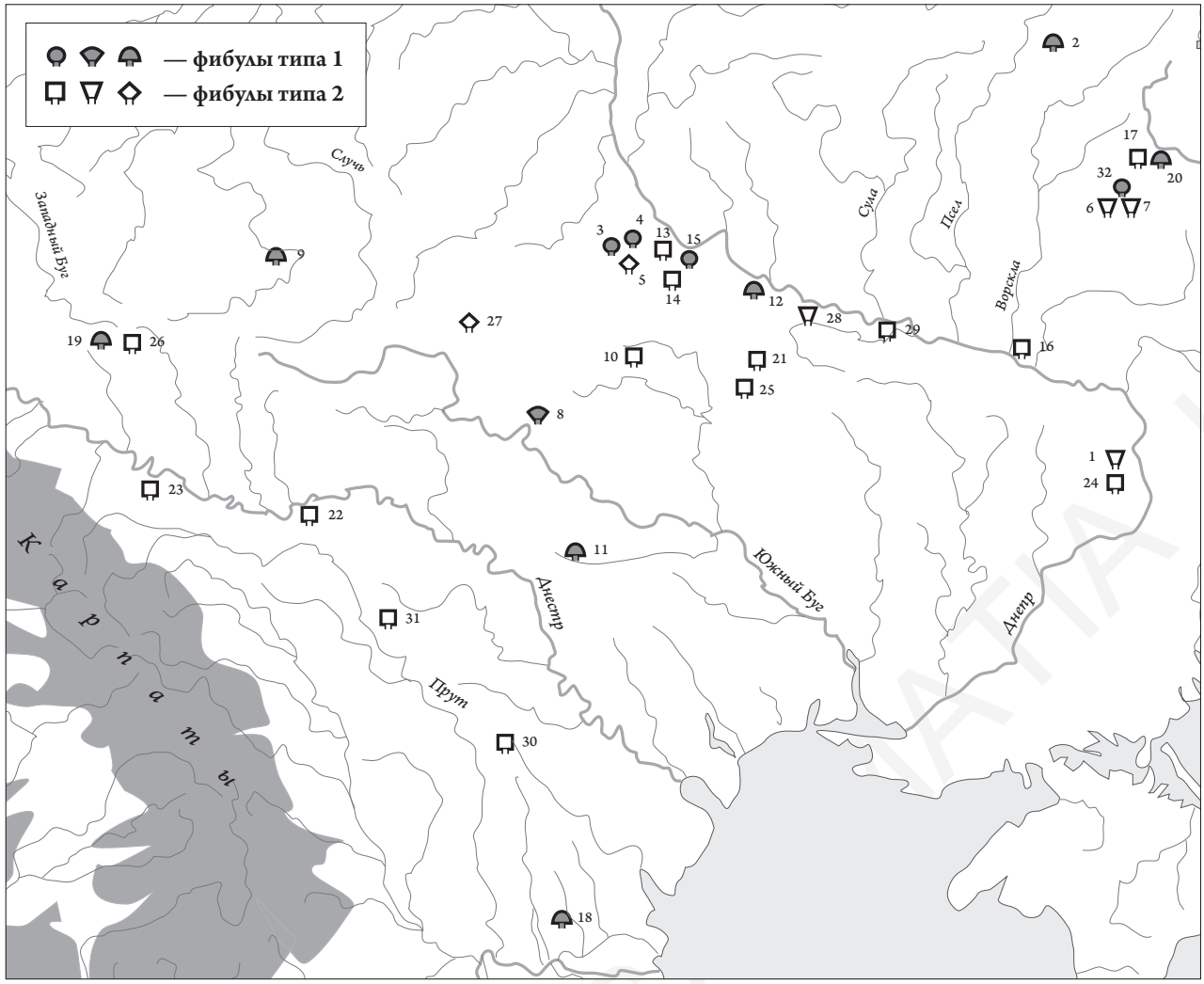

Рис. 4. **Карта распространения фибул со щитками на головке в черняховской культуре (территория Украины и Молдовы)** (номер на карте соответствует номеру в приложении):
1 — Августиновка; 2 — Боромля; 3—5 — Великая Бугаевка; 6, 7, 32 — Войтенки; 8 — Косаново; 9 — Луцк; 10 — Крачкивка; 11 — Криничики; 12—15 — Киевщина, Киевская губ.; 16 — Компанийцы; 17 — Лозовая; 18 — Нагорное 2; 19 — Неслухов; 20 — Огульцы; 21 — Орловец; 22 — Оселивка; 23 — Островец; 24 — Привольное; 25 — Романовка; 26 — Рипнев 2; 27 — Черепашенцы; 28 — Черкассы; 29 — Чигиринский уезд; 30 — Данчены; 31 — Малаешты

Abb. 4. **Verbreitungsgebit der „Schildfibeln" in der Černjachov-Kultur (Ukraine und Moldova)**: 1 – Avgustinovka; 2 – Boromlya; 3–5 – Velikaja Bugajewka; 6, 7, 32 – Voytenki; 8 – Kosanovo; 9 – Luck; 10 – Kračkivka; 11 – Krinichki; 12–15 – Kiewer Gebit; 16 – Kompanijcy; 17 – Losovaja; 18 – Nagornoe 2; 19 – Nesluchov; 20 – Ogul'cy; 21 – Orlovec; 22 – Oselivka; 23 – Ostrivec; 24 – Priwolnoje; 25 – Romanovka; 26 – Ripniv; 27 – Čerepaschincy; 28 – Čerkassy; 29 – Čigirinski-Kreis; 30 – Dančeny; 31 – Malaješti

культуры (Герласхайм и др.), но и с ее территории — Тыргшор, Лепесовка, Боромля, Войтенки (*Gavritukhin, 2002, fig. 1; Гороховский, Гопкало, 2004, с. 103—130*). Также обратим внимание и на другие возможные прототипы застежек двущитковой конструкции. Например, так называемые солдатские фибулы II—III вв. рейнско-дунайских провинций и прилегающих к ним регионов (*Böhme-Schönberger, 1989, Abb. 113: 1—3, 12*); фибула из княжеского погребения фазы B_2 в Любишове на Поморье (*Schuster, 2006, s. 165 и сл., rys. 2, 4*) и др. Тем не менее, вопрос о происхождении этих фибул в черняховской культуре требует отдельного исследования.

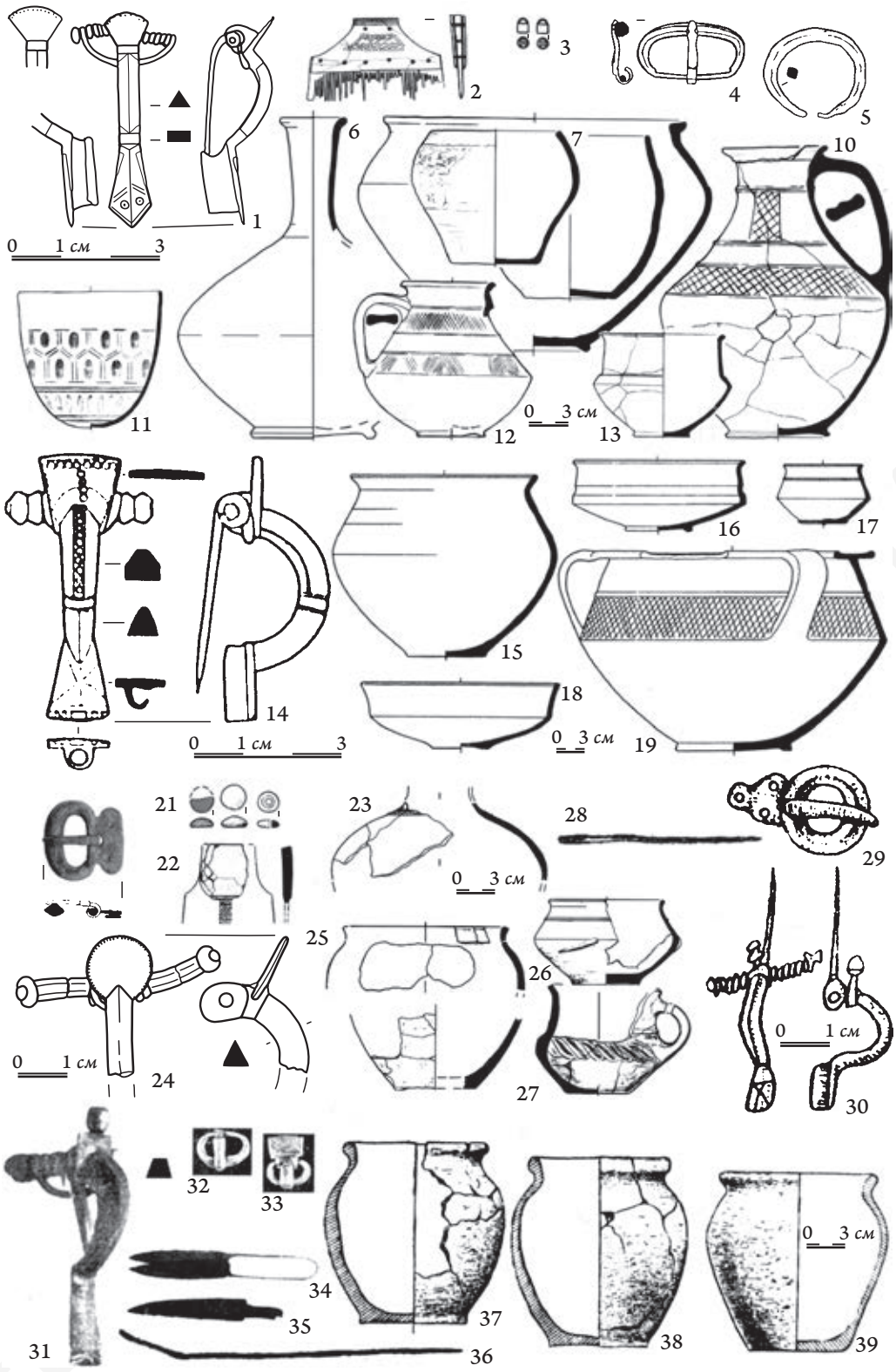

Рис. 5. **Комплексы находок с фибулами щиткового типа с памятников черняховской культуры:**
1—13 — Косаново, погр. 21-1961; 14—19 — Черкассы, погр. 60; 20—27 — Великая Бугаевка, погр. 126;
28—30 — Данчены, погр. 49; 31—39 — Малаешты, погр. 15

Abb. 5 **Fundkomplexe der Černjachov-Kultur mit „Schildfibeln“:**
1–13 – Kosanovo, Grab 21-1963; 14–19 – Čerkassy-Zentren, Grab 60; 20–27 – Velikaja Bugajewka, Grab 126;
28–30 – Dančeny, Grab 49; 31–39 – Malaešti, Grab 15

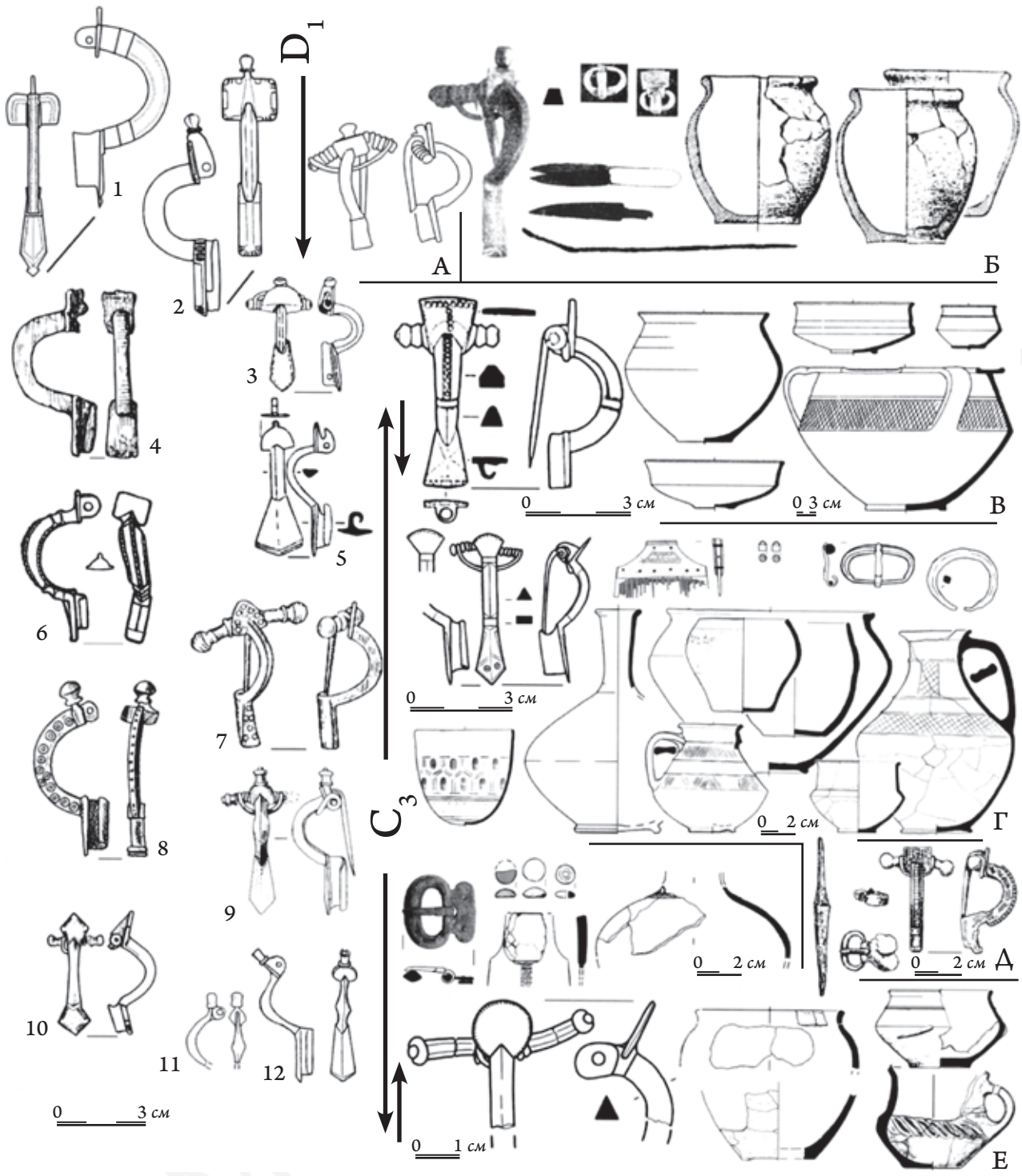

Рис. 6. **Схема развития морфологии и относительной хронологии щитковых фибул по материалам черняховской культуры (территория Украины и Молдовы).**
1 — Крачкивка; 2 — Романовка; 3 — Луцк; 4 — Оселивка; 5 — Неслухов; 6 — Лозовая; 7 — Кринички; 8 — Рипнев; 9 — Среднее Поднепровье; 10 — Черепашенцы; 11—12 — Великая Бугаевка.
А — Остривец; Б — Малаешты; В — Черкассы; Г — Косаново; Д — Привольное; Е — Великая Бугаевка

Abb. 6. **Schema der morphologische Entwicklung und der relativen Chronologie der „Schildfibeln" in der Černjachov-Kultur (Ukraine und Moldova).**
1 – Kračkivka; 2 – Romanovka; 3 – Luck; 4 – Oselivka; 5 – Nesluchov; 6 – Losovaja; 7 – Krinichki; 8 – Ripnev-2; 9 – Mittlerer Dnepr; 10 – Čerepaschincy; 11–12 – Velikaja Bugajewka.
A – Ostrivec; Б – Malaešti; B – Čerkassy; Г – Kosanovo; Д – Priwolnoje; E – Velikaja Bugajewka

Форма фибулы с двумя щитками для позднеримского времени не уникальна (***рис. 7***). Такие застежки известны в культуре карпатских курганов (*Смішко, 1960, табл. XII: 2*); Германии (фибулы типа Пойкендорф, рассматриваются как протомеровингские фибулы, датируются первой третью IV в., *Bemmann, 2008, S. 25, 26, Abb. 3*); Прибалтике (*Meyer, 1960, S. 278, 323*); Польше (типа Скоробичи—Супрасль—Прущ с площадкой на спинке, *Andrzejowski et al., 2008, fig. 3; 5: a, b и сл.*); Беларуси (*Белявец, 2008, рис. 3: 2*); Крыму (*Айбабин, 1999, табл. XX: 7*) и др. Некоторые регионы демонстрируют свои специфические группы фибул этой конструкции, которые получают дальнейшее развитие: крестообразные фибулы рязано-окских могильников (*Ахмедов, 2008, с. 7—26*), «gleicharmige Fibeln» Скандинавии (*Jorgensen, 1989, S. 528, Abb. 122*) и Италии (*Åberg, 1923, S. 70—73*) и др.

Еще раз подчеркнем, что специальное изучение щитковых фибул находится пока в начальной стадии. Ввиду сказанного любые выводы относительно возможных этнокультурных и социальных интерпретаций этих изделий носят сугубо предварительный гипотетический характер. Однако некоторые наблюдения представляются нам небезынтересными.

Прежде всего обратим внимание на то, что щитковые фибулы конструктивно и технологически намного сложнее, чем застежки массовых серий, распространенные не только в черняховском ареале, но и в европейском Барбарикуме в целом. Это позволяет ставить вопрос о том, что щитковые фибулы выполняли роль рангового маркера, подчеркивали определенный (судя по всему, достаточно высокий) статус своих владельцев. Вполне возможно, что с этим связана, в частности, относительная немногочисленность таких находок.

С еще большей осторожностью следует подходить к вопросу о возможном этнокультурном содержании щитковых фибул. Отметим, что комплексы (памятники), где найдены такие фибулы, представляют в основном германскую этнокультурную традицию в черняховской культуре (Косаново, Привольное, Оселивка, Данчены, Черкассы) или же это памятники со смешанной традицией (Компанийцы, Великая Бугаевка, Боромля, Войтенки), и реже они встречаются с материалами восточноевропейского типа (Рипнев 2). Места находок подобных фибул вне черняховского ареала либо прочно ассоциируются с территорией проживания германских племен (Скандинавия, Германия, Польша), либо не исключают возможности пребывания там германцев (Беларусь, ареал культуры карпатских курганов, Крым, Италия)[5]. Несколько «выпадает» из этого ряда ареал рязано-окских могильников. Однако выше отмечалась специфичность застежек из этого ареала, а также своеобразие линии их дальнейшего развития. Это позволяет предполагать как опосредованность заимствования изначальной формы, так и оригинальность ее трактовки местными мастерами.

Наконец, еще раз подчеркнем, что типологическая связь между щитковими и двухпластинчатыми фибулами является несомненной. Последние же достаточно твердо связывают прежде всего с восточногерманскими племенами, в среде которых этот элемент костюма сохранялся даже после многочисленных переселений в Центральной и Западной Европе. Таким образом, имеющиеся на данный момент наблюдения позволяют достаточно уверенно предполагать, что щитковые фибулы можно рассматривать как один из маркеров германцев в среде носителей черняховской культуры.

[5] Мы целиком осознаем определенную декларативность этого наблюдения, однако детальная его аргументация потребовала бы исследования, значительно превышающего по объему данную статью.

GERMANIA BARBARICUM II

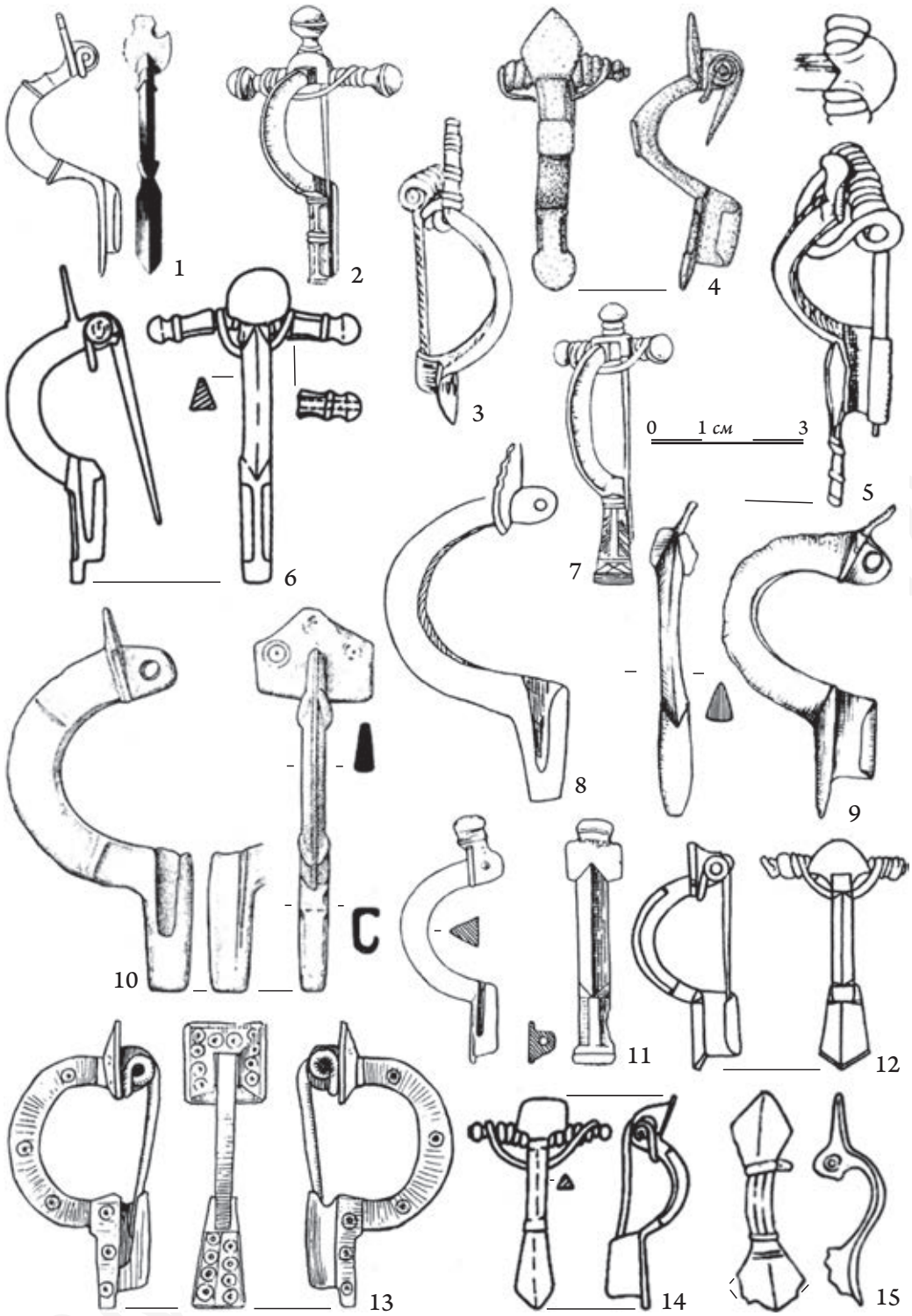

***Рис. 7.* Некоторые экземпляры фибул со щитками на головке в западных регионах черняховской культуры и за ее пределами**:
1 — Альмгрен, группа VI, № 188; 2 — Гребау; 3 — Норуп; 4 — фибулы со щитком варианта Скоробичи; 5 — Борнхолм; 6, 14 — Бырлад; 7 — Сераппен; 8 — Висбаден; 9 — Загородье; 10 — фибулы со щитком типа Пойкендорф, Мюнхен; 11 — Мотринхород; 12, 13 — Богданешть; 15 — Мишин

***Abb. 7.* Einige Exemplare der „Schildfibeln" von den westlichen Regionen der Černjachov-Kultur und ausserhalb ihren Grenzen**: 1 – Almgren, Gruppe VI, №188; 2 – Greibau; 3 – Nyrup; 4 – Fibeln vom Variant Skorobitschi; 5 – Borholm; 6, 14 – Byrlad; 7 – Serappen; 8 – Wiesbaden; 9 – Sagorodje; 10 – Fibeln vom Typ Peukendorf, München; 11 – Motrynhorod; 12, 13 – Bogdăneşti; 15 – Mischin

Приложение. **Каталог фибул щиткового типа черняховской культуры (Украина и Молдова)**

1.[6] **Августиновка** (Україна, с. Августинівка Запорізького (на момент исследований — Верхньохортицького) р-ну Запорізької обл.), случайная находка. Бронза. Верхний щиток трапециевидный, нижний — ромбический. Высота 3,6 см (***рис. 1: 4***).
Лит.: *Брайчевская, 1960, с. 180, табл. V: 2.*

2. **Боромля** (Україна, с. Боромля Тростянецького р-ну Сумської обл.), поселение, подъемный материал. Бронза, покрыта белым металлом, литая. Верхний щиток полукруглый, нижний — трапециевидный. Дужка симметричная, в сечении прямоугольная. Высота 4,3 см (***рис. 1: 12***).
Лит.: *Некрасова, 2006, с. 94, рис. 19: 1.*

3. **Великая Бугаевка** (Україна, с. Велика Бугаївка Васильківського р-ну Київської обл.), могильник, трупосожжение № 126. Бронза. Спинка, очевидно, была асимметричной, сечение спинки треугольное. Верхний щиток круглой формы. По краю щитка нанесены мелкие насечки. На железную ось пружины с двух концов надеты трубочки-накладки из тонкого бронзового листа. На концах оси накладки зажаты кольцами-фиксаторами. Пружина накручена поверх накладок в два витка с каждой стороны (***рис. 1: 6***). Прочий инвентарь: пряжка бронзовая; фрагмент стенки стеклянного сосуда; два игральных жетона; бусина из стекла; роговой гребень; оплавленная бусина; бусина из сердолика; гончарные кувшин и горшок; лепные кружка и миска; мелкие фрагменты гончарной и лепной керамики.
Лит.: *Петраускас и др., 2003, с. 221—224, рис. 2: 1.*

4. **Великая Бугаевка** (Україна, с. Велика Бугаївка Васильківського р-ну Київської обл.), могильник, культурный слой. Бронза. Верхний щиток круглый, над ним прикреплена кнопка. Кнопка с выступающим внизу ободком надета на стержень, который отлит вместе корпусом фибулы. Нижний щиток ромбовидный. Спинка треугольная в сечении, на середине длины имеет утолщение. Высота фибулы 4,7 см (***рис. 1: 8***).
Лит.: *Петраускас, Отчет за 1996 г., рис. 22: 11.*

5. **Великая Бугаевка** (Україна, с. Велика Бугаївка Васильківського р-ну Київської обл.), могильник, культурный слой. Бронза. Спинка треугольная в сечении, на середине длины расширенная. Место между головкой и спинкой разделяет пластинчатое расширение небольших размеров — щиток. Из этого места отходит штырь, на который надета бронзовая кнопка. Длина фрагмента 2,5 см (***рис. 1: 3***).
Лит.: *Петраускас и др., Отчет за 1998 г., рис. 32: 2.*

6. **Войтенки** (Україна, с. Войтенки, Валківського р-ну Харьківської обл.), поселение, случайная находка. Бронза. Литая. Верхний щиток треугольный (высокая трапеция), завершается штырем и кнопкой. Щиток ножки ромбический. Сечение спинки треугольное. Высота 4 см (***рис. 1: 1***).
Лит.: *Бакуменко и др., 2006, с. 63, рис. V: 17.*

7. **Войтенки** (Україна, с. Войтенки, Валківського р-ну Харьківської обл.), поселение, случайная находка. Бронза. Литая. Сечение спинки треугольное. Верхний щиток треугольный (высокая трапеция), завершается штырем и кнопкой. Щиток ножки ромбический. Высота 3,9 см (***рис. 1: 2***).
Лит.: *Бакуменко и др., 2006, с. 63, рис. V: 16.*

8. **Косаново** (Україна, с. Косанове Гайсинського р-ну Вінницької обл.), могильник, трупоположение № 21-1961. Бронза. Верхний щиток в виде сектора, нижний — ромбовидный. Оба щитка орнаментированы линиями и окружностями. Высота 4,5 см (***рис. 1: 5; 5: 1—13***). Прочий инвентарь: пряжки бронзовая и железная; стеклянный кубок; гребень; ведерковидные подвески; посуда гончарная: ваза, три кувшина, кубок; посуда лепная: два горшка.
Лит.: *Petrauskas, 2003, S. 316, Abb. 43b: 1.*

[6] Здесь и далее номера соответствуют номерам на карте (***рис. 4***).

GERMANIA-SARMATIA II

9. Луцк (Україна, Волинської обл.), случайная находка. Бронза. Верхний щиток полукруглый с кнопкой, нижний ромбический. Сечение спинки пятигранное. Пружина закрепляется в двух отверстиях стойки. Высота около 4 см (***рис. 1: 14***).
Лит.: *Левада, 2007, с. 239—258.*

10. Крачкивка (Україна, с. Крачківка Маньківського р-ну Черкаської обл.), поселение, случайная находка. Бронза. Корпус деформирован, нет иглы, пружины и кнопки. Сечение спинки прямоугольное. Ближе к щиткам на спинке сделано по два уступа. Нижний щиток ромбовидной формы, а верхний — прямоугольной. На пересечении щитка и спинки отлит стержень для кнопки. Сплошной приемник обломан, возможно, имел колбовидную форму. Оба щитка и спинка покрыты зигзаговидными линиями. Высота фибулы 6,7 см (***рис. 2: 7***).
Лит.: *Петраускас и др., 2009, с. 25—28.*

11. Кринички (Україна, с. Кринички Балтського р-ну Одеської обл.), могильник (?), трупосожжение (?) № 1. Бронза. Верхний щиток сегментовидной формы, нижний — трапециевидной. Сечение дужки, вероятно, прямоугольное или трапециевидное. Судя по рисунку, пружину закрывают декоративные накладки и на ее концы одеты фиксаторы грибовидной формы. На щитках нанесены кружки. Высота фибулы 5 см (***рис. 1: 7***). В состав инвентаря «погребения» входили также топорик, гончарные миски, кувшин, амфоры.
Лит.: *Сымонович, 1960, рис. 3: 3.*

12. Киевщина, Киевская губ. (Україна, бывший Каневский уезд), случайная находка, Бронза. Высота фибулы 7,2 см (***рис. 1: 11***).
Лит.: *Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н., 1901, с. 19, табл. IV: 138.*

13. Киевская губ. Случайная находка.
Лит.: *Бобринский, 1901, рис. 16; Амброз, 1966, с. 76.*

14. Киевская губ. Случайная находка.
Лит.: *Амброз, 1966, с. 76.*

15. Киевская губ. Случайная находка. Бронза. Верхний щиток круглый, над ним прикреплена кнопка грибовидной формы. Щиток нижний ромбовидный. Спинка треугольная в сечении, на середине длины имеет утолщение. Высота фибулы 4 см (***рис. 1: 9***).
Лит.: *Гороховский, 1988, табл. 23, 184; Gavritukhin, 2002, s. 136, fig. 1: 20.*

16. Компанийцы (Україна, хут. Компанійці Кобеляцького р-ну Полтавської обл.), могильник, культурный слой. Бронза. Верхний щиток трапециевидной формы, нижний — прямоугольной. Сечение дужки, очевидно, треугольное. Высота 3 см (***рис. 2: 8***).
Лит.: *Некрасова, 2006, с. 173, рис. 56: 8.*[7]

17. Лозовая (Україна, с. Лозова Богодухівського р-ну Харківської обл.), поселение, яма 4. Бронза. Верхний щиток квадратной формы, ножка прямоугольной формы. Сечение спинки — треугольной формы. На гранях спинки сделана «косичка». Высота фибулы 5 см (***рис. 2: 2***). В яме также найдены гончарная и лепная посуда черняховской культуры.
Лит.: *Скирда, 2001, с. 148.*

18. Нагорное 2 (Україна, с. Нагорне Ренійського р-ну Одеської обл.), могильник, трупоположение № 34. Бронза. Верхний щиток полукруглый, нижний — ромбический. Высота около 6,5 см (***рис. 1: 15***).
Лит.: *Гудкова и др., 1997, с. 42, 43.*

19. Неслухов (Україна, с. Неслухів Кам'янко-Бузького р-ну Львівської обл.), поселение, жилище 2. Бронза. Верхний щиток полукруглый с кнопкой, нижний — ромбический. Сечение спинки треугольное. Высота около 4 см (***рис. 1: 13***).
Лит.: *Gavritukhin, 2002, fig. 1: 25.*

20. Огульцы (Україна, с. Огульці Валківського р-ну Харківської обл.), поселение, подъемный материал. Бронза. Форма щитка по рисунку и описанию не совсем ясна — полукруглая или с обрезанными краями. На вершине щитка отлита либо имитация кнопки, либо выступ для ее крепления. Нижний щиток ромбический. Сечение спинки многогранное, подтреугольное. Высота 4,4 см (***рис. 1: 10***).
Лит.: *Бакуменко и др., 2006, с. 63, рис. V: 19.*

21. Орловец (Україна, с. Орловець Городищенського р-ну Черкаської обл.), случайная находка. Бронза. Верхний щиток прямоугольной формы заканчивается кнопкой, нижний щиток трапециевидной формы. Спинка симметричная,

[7] Рисунок фибулы помещен в публикации А. Н. Некрасовой без указания подробностей. Обнаружить фибулу в фондах не удалось.

ее сечение прямоугольной формы. Приемник колбовидной формы. Высота 6 см (***рис. 2: 14***).
Лит.: *Бобринский, 1901, с. 150, табл. 1: 10; Амброз, 1966, с. 76.*

22. Оселивка (Україна, с. Оселівка, Кельменецького р-ну Черновицької обл.), могильник, культурный слой. Бронза. Верхний щиток поврежден, очевидно, прямоугольной формы, нижний щиток имеет трапециевидную форму. Сечение спинки прямоугольное. Отсутствуют пружина и часть верхнего щитка. Возможно также, что пружина была двойной, т. к. в стойке видны остатки двух отверстий. Высота 5,6 см (***рис. 2: 10***).
Лит.: *Никитина, 1988, с. 91, табл. 51: 2.*

23. Остривец (Україна, с. Острівець Городенківського р-ну Івано-Франковської обл.), могильник, трупосожжение № 10. Бронза. Верхний щиток прямоугольной формы заканчивается кнопкой, нижний щиток — трапециевидный. Спинка симметричная, сечение ее, вероятнее всего, прямоугольной формы. Высота 4 см (***рис. 2: 12***). Вместе с фибулой в погребении найдены: гончарная посуда, полуовальная пряжка с утолщенной передней частью.
Лит.: *Івановський, Цигилик, 1995, рис. 4: 10.*

24. Привольное (Україна, с. Привольне Запорізького (на момент исследований — Верхньохортицького) р-ну Запорізької обл.), могильник, трупосожжение № 20. Бронза. Верхний и нижний щитки прямоугольной формы. Спинка симметричная, на внешней стороне сделан рифленый «гребешок». Сечение спинки прямоугольное. Высота 4,6 см (***рис. 2: 1***). В погребении также найдены пряжка и шило.
Лит.: *Кухаренко, 1955, с. 141, табл. IV: 2.*

25. Романовка[8] (Україна, с. Романівка Тальнівського р-ну Черкаської обл.), поселение, подъемный материал. Бронза. Отсутствуют игла, пружина и кнопка. Верхний щиток прямоугольной формы, нижний щиток вытянутой прямоугольной формы. Спинка симметрично выгнута и в сечении трапециевидная. Приемник колбовидной формы. Оба щитка украшены выборками, фасетками и врезными линиями. Высота 6 см. На поверхности поселения также собраны многочисленные обломки гончарной черняховской керамики, пряслица, две подвязные фасетированные фибулы, железная пряжка овальной формы с прогибом передней части, а также орудия труда из железа (***рис. 2: 4; 3: 5—8***).

26. Рипнев 2 (Україна, с. Ріпнів Буського р-ну Львівської обл.), поселение, жилище 2. Бронза. Верхний щиток прямоугольной формы заканчивается кнопкой, нижний щиток вытянутой прямоугольной формы. Спинка симметрично изогнута, украшена концентрическими кружками, сечение ее, вероятнее всего, прямоугольной формы. Высота 5 см. В жилище также найдена гончарная и лепная посуда черняховской культуры, фибула кнопочного типа, железный инструментарий (***рис. 2: 3; 3: 9—33***).
Лит.: *Баран, 1981, табл. XXXV: 18.*

27. Черепашенцы (Україна, с. Черепашинці Калинівського р-ну Вінницької обл.), могильник, культурный слой. Бронза. Литая. Верхний и нижний щиток ромбической формы. Дужка симметричная. Профиль сечения, вероятнее всего, — треугольной формы. По краям щитков сделаны декоративные выборки. Высота 4,2 см (***рис. 2: 6***).
Лит.: *Левада, 2003, рис. 1: 6.*

28. Черкассы (Україна, м. Черкаси), могильник, трупоположение № 60. Бронза. Верхний и нижний щитки трапециевидные. Дужка симметричная, на середине длины разделена углубленным ободком. Профиль сечения дужки в верхней части трапециевидный, в нижней — треугольный. Верхний щиток и передняя фаска дужки украшены кружками. На нижнем щитке сделаны декоративные выборки. Высота 5,5 см. В погребении также найдены нож, шило (?), гончарные сосуды: ваза, кубок, две миски, горшок (?) (***рис. 2: 5; 5: 14—19***).
Лит.: *Куштан, 2002, рис. 2: 4.*

29. Чигиринский уезд (Україна, Черкаська обл.), случайная находка. Бронза. Верхний щиток прямоугольной формы, нижний — трапециевидный, украшен фасетками. Спинка, очевидно, симметричная. Высота 5,5 см (***рис. 2: 13***).
Лит.: *Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н., 1901, с. 19, табл. IV: 136.*

[8] Коллекция находок с поселения была собрана местными жителями и передана на хранение в фонды учебного музея кафедры археологии и музееведения Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

30. Данчены (Moldova, c. Dănceni raionul Ialoveni (на момент исследований — Кутузовский)), могильник, трупосожжение № 49. Бронза. Т-образная, с пластинчатым приемником. Спинка массивная, в сечении прямоугольная (0,3 × 0,6 см). Щиток прямоугольный над пружиной и кнопкой на головке. Надставленные концы короткой пружины крепят профилированные кнопки. Ось железная. Тетива нижняя. Ножка короткая, расширенная книзу, украшена орнаментом из прочерченных линий. Высота фибулы 5,5 см. В погребении также найдены: пряжка калачевидной формы с обоймой в виде трилистника и бронзовая игла (***рис. 2: 11; 4: 28—30***).
Лит.: *Рафалович, 1986, с. 36, 37, табл. XXI: 9.*

31. Малаешты (Moldova, c. Mălăieşti raionul Rîşcani), могильник, трупосожжение № 15. Бронза. Верхний щиток прямоугольной формы, нижний — трапециевидный. На концах оси бронзовые шарики. Спинка, очевидно, симметрично изогнута, ее ширина 0,8 см. Высота 5 см. В погребении также найдены: две пряжки, игла, ножницы, нож, три гончарных горшка и миска, амфора (***рис. 2: 9; 5: 31—39***).
Лит.: *Федоров, 1960, с. 268, 269, рис. 19: 6.*

32. Войтенки (Україна, с. Войтенки, Валківського р-ну Харьківської обл.), могильник. Бронза. Верхний щиток округлый, нижний ромбический. Ось закрыта декоративными надставками. Спинка и оба щитка декорированы мелкими углублениями.
Лит.: *Сообщение М. В. Любичева.*

Литература

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. (САИ; Вып. Д1-30). Москва.

Ахмедов И. Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и Лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В., 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Баран В. Д., 1981. Черняхівська культура: За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Белявец В. Г., 2008. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиции восточноевропейской лесной зоны Белоруссии: постановка проблем // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Бобринский А. А., 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы // ИАК, Т. III. Санкт-Петербург.

Брайчевская А. Т., 1960. Черняховские памятники Надпорожья (По материалам раскопок и разведок И. М. Фещенко, А. В. Бодянского и автора) // МИА. № 82. Москва.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дис... канд. ист. наук. Киев.

Гороховский Е. Л., Гопкало (Бобровская) О. В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ.

Гудкова А. В., Росохацкий А. А., Фокеев М. М., 1997. Работы на могильнике черняховской культуры Нагорное II в 1993 г. // АДУ 1993 р. Київ.

Івановськiй В. І., Цигилик В. М., 1995. Черняхівський могильник поблизу с. Острівець на Івано-Франківщині // МДАПВ. Вип. 6. Львів.

Кухаренко Ю. В., 1955. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольном // СА. Т. XXII.

Куштан Д. П. , 2002. Розкопки могильника черняхівської культури Черкаси-Центр // АВУ 2000—2001 рр. Київ.

Левада М., 2003. Могильник Черепашинці: спроба архівної реконструкції досліджень археологічної пам`ятки // Пам`ятки України: історія та культура. Ч. 4. Київ.

Левада М. Е., 2007. Об особенностях пружинного аппарата некоторых типов фибул // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь; Керчь.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Бібліотека Vita Antiqua (Готы и Рим). Киев.

Никитина Г. Ф., 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. // Могильник черняховской культуры. Москва.

Петраускас О. В., 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі (за даними могильників України) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов. Харьков.

Петраускас А. В., Петраускас О. В., 2008. Про деякі особливості технології та хронології гончарних горщиків

черняхівських пам'яток Постугняння. // Археологічні студії. Вип. 3. Київ; Чернівці.

Петраускас О. В., Шишкін Р. Г., Бабенко Р. В., 2009. Розкопки могильника черняхівської культури Червоне-2 на Київщині у 2006 р. // АДУ 2006—2007 рр. Київ.

Петраускас О. В., Шишкін Р. Г., Пастернак В. В., 2003. Археологічні дослідження могильника та поселення черняхівської культури біля с. Велика Бугаївка на Київщині у 2002 р. // АВУ 2001—2002 рр. Київ.

Рафалович И. А., 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н. э. Кишинев.

Скирда В. В., 2001. Дослідження нового селища черняхівської культури поблизу м. Богодухова // АВУ в 1999—2000 рр. Київ.

Смішко М. Ю., 1960. Карпатські кургани першої половини 1 тисячьоліття н. е. Київ.

Сымонович Э. А., 1960. Памятники черняховской культуры в с. Кринички (по материалам С. С. Гамченко и раскопкам 1957—1958 гг. // МИА. № 82. Москва.

Федоров Г. Б., 1960. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. № 89. Москва.

Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н., 1901. Древности Среднего Поднепровья. Вып. IV. Киев.

Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург.

Åberg N., 1923. Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala.

Almgren O., 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berüksichtigung der provinzialromischen und südrussischen Formen. (Mannus-Bibliothek. Hg. Prf. Dr. Gustaf Kossinna. № 32). Leipzig.

Andrzejowski J., Prochowicz R., Rakowski T., 2008. Brooches Type Grodek 47 and their dating // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. T. 1. Lublin.

Bemmann J., 2008. Anmerkungen zu einigen Klinfunden der jüngeren Römischen Keiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Mitteldeutschland // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period (Edit.: B. Niezabitkowska, M. Juscinski, P. Luczkiewicz, S. Sadowski). T. 2. Lublin.

Böhme-Schönberger A., 1989. Römische Keiserzeit im Provinzialrömischen Gebiet und Beziehungen zur Germania magna // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lf. 5/6. Berlin; New-York.

Diaconu Gh., 1973. Über die Fibel mit halbkreisförmiger Kopfplatte und rautenförmigen Fuss aus Dazien // Dacia. 17. Bucureşti.

Gavritukhin I., 2002. On the study of double plate fibulas of the first subgroup // A nyíregyházi Jósa András múseum evkoenyve. Ev. XLIV. Nyíregyháza.

Jorgensen L., 1989. Fiebeltypen in Skandinavien // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lf. 5/6. Berlin; New-York.

Meyer E., 1960. Die Bügelknopffibeln // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd. 8. Dresden.

Palade V., 2004. Asezarea si nekropola de la Barlad-Valea Seaca (sfaesitul sec. al III-Lea — a dua jumatate a sec. V-Lea). Bucureşti.

Petrauskas O. V., 2003. Die Gräberfelder der Cernjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // Berichte der Römische-Germanischen Kommission. Bd. 84. Mainz am Rhein.

Schuster J., 2006. Lubieszewo (Lübschow) — prawie 100 lat po odkryciu pierwszego grobu ksiazecego na Pomorzu Zachodnim // Goci I ich sasiedzi na Pomorzu. Koszalin.

Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. Bd. 7. Vilnius.

Архивные материалы

Петраускас О. В. Отчет о раскопках могильника черняховской культуры у с. Великая Бугаевка Васильковского р-на Киевской обл. в 1996 г. // НА ИА НАНУ. № 1996/84.

Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Бабенко Р. В. Отчет о раскопках могильника черняховской культуры у с. Великая Бугаевка Васильковского р-на Киевской обл. в 1998 г. // НА ИА НАНУ. № 1998/71.

GERMANIA-SARMATIA II

O. W. Petrauskas, E. W. Sinica

Die s. g. Schildfibeln in der Černjachov-Kultur

Es handelt sich um Fibeln mit massivem gegösenen Bügel, mit festen Nadelhaltern und zwei Platten=Schilden, die sich auf dem Fuss und dem Kopf der Fibeln befinden (Gruppe VI, № 188 nach *Almgren, 1923, Taf. VIII*). Die Fundorte der Černjachov-Kultur weisen eine Serie solchartiger Fibeln auf. Jedoch, wie es aus der Übersicht der Literatur sichtbar ist, werden sie verschiedenen Fibelgruppen zugewiesen: T-foermige, mit festen Nadelhaltern, Blechfibeln u.a. Zu einem gewissen Grad laesst sich dies durch die Abwesenheit spezieller Forschung ueber die vorliegende Fibelnform erklaeren, sowie durch die begrenzten Zahl der Funde. Wir halten es fuer moeglich, sie in die besondere Fibelngruppe der Černjachov-Kultur einzuteilen. Um die ähnlichen Verschlüsse den nahen Blechfibeln zu unterscheiden, bieten wir an, sie als „Schildfibeln" zu bezeichnen. Zur Zeit gelang es uns, für das Territorium der Ukraine und Moldovas, einen Katalog aus 32 Exemplaren solcher Fibeln zu bilden (***Beilage 1***).

Im Beitrag sind die Besonderheiten der Form und der Konstruktion dieser Fibeln betrachtet (***Tabelle 1***) und ihre Typologie angeboten. Es wird vorgeschlagen, die Typen und die Variationen nach den Formen des oberen Schildes zu unterscheiden (***Tabelle 2***). Für jeden der Typen und der Varianten sind das Territorium der Verbreitung und die Datierung betrachtet.

Insgesamt sind „Schildfibeln" in der Černjachov-Kultur in der Waldsteppezone verbreitet. Fibeln von Typ 1 mit dem rundlichen Schild (Segmente, Disken) nehmen die noerdlichen Teile der Černjachov-Kultur ein (***Abb. 4***). Fibeln von Typ 2 mit „den eckigen" Formen des Schildes (rechteckig / romb / trapetien) sind südlicher konzentriert (***Abb. 4***). Das Erscheinen der Schildfibeln in der Černjachov-Kultur ist mit dem Ende der Phase C_2 – den Anfang C_3 verbunden (Velikaja Bugajewka, Grab 126). Ihre Existenz in der Phase C_3 ist vollkommen offensichtlich (Kosanovo, Grab 21-1961). Die Schildfibeln existieren bis zum Ende der Kultur (Phase D_1), davon zeugen die Komplexe bei Ostriwez, Malajeschti und Dantscheni. Es ist auch offensichtlich, dass die Fibeln mit dem rundlichen oberen Schild früher waren und ist es nicht ausgeschlossen, dass ihre weitere Entwicklung mit Blechfibeln verbunden ist. Fibeln mit den rechteckigen Schilden existieren bis zum Ende der Kultur parallel mit anderen Fibelnformen – Blechfibeln, die späten Varianten von Fibeln mit umgeschlagenem Fuss und mit festem Nadelhalter.

GERMANIA SARMATIA II

Бейдин Георгий Владимирович

Харьков

Нумизмат, краевед, начальник сектора НПО «Хартрон»

lisyonok@mail.ru

Мызгин Кирилл Валерьевич

Харьков

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

myzgin@mail.ru

Г. В. Бейдин, К. В. Мызгин

Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры

Среди нумизматических находок, происходящих из ареала черняховской культуры, особой группой выделяются находки монет Боспорского царства. История их изучения незначительна. Первым наличие боспорских монет в ареале черняховских древностей отметил В. В. Кропоткин, указавший на их небольшое количество (*1951, с. 246*). М. Ю. Брайчевский также опубликовал в своем каталоге несколько находок боспорских монет, однако исследователь затруднялся что-либо говорить об их природе и хронологии (*Брайчевський, 1959, с. 39*). Фактическое начало изучению боспорских монет в контексте черняховских древностей было положено Г. В. Бейдиным и М. Н. Григорьянцем, впервые опубликовавшим находки боспорских монет, сделанные на поверхности черняховских памятников Днепровского Левобережья (*Бейдин, Григорьянц, 2002—2003*). Фиксация в последнее время новых находок боспорских монет в ареале черняховской культуры приводит к необходимости дальнейшего всестороннего исследования причин и хронологии их поступлений на эту территорию.

Основная масса известных к настоящему времени боспорских монет в ареале черняховской культуры была зафиксирована не так давно, в конце 1980 — начале 2000-х годов. На сегодняшний день мы располагаем информацией о 22 подобных находках (см. ***Каталог***) (***рис. 1; 2***). Тем не менее, условия обнаружения далеко не всех этих монет вызывают доверие. Так, боспорские монеты из Верхнего Бишкина (№ 16 в ***Каталоге***), Знаменки (№ 18), Пищальников (№ 20) и Томашовки (№ 22) происходят из дореволюционных сборов и в их описаниях отсутствует какая-либо информация об археологическом контексте находок. Монета Митридата III, обнаруженная возле с. Градижск (№ 17), происходит с поверхности многослойного памятника, и ее сложно отнести к какому-то конкретному археологическому периоду. А условия находки монеты возле с. Костешть (№ 19) вообще кажутся нам сомнительными. Все это позволило отнести упомянутые монеты к малодостоверным находкам. Таким образом, к достоверным находкам боспорских монет, обнаруженным на территории черняховской культуры, относится 15 экз. (68%), № 1—15, к малодостоверным — 7 (32%), № 16—22. Основу дальнейшего анализа составляют находки боспорских монет, имеющие достоверную природу.

Зона распространения находок боспорских монет довольно компактна — практически все они концентрируются в лесостепной части днепро-донецкого междуречья (***рис. 1***). Две малодостоверные находки происходят из Среднего Поднепровья (№ 20, 22), одна — из лесной зоны Днепровского Левобережья (№ 21) и еще одна — с территории Днестро-Прутского междуречья

GERMANIA SLAVICA II

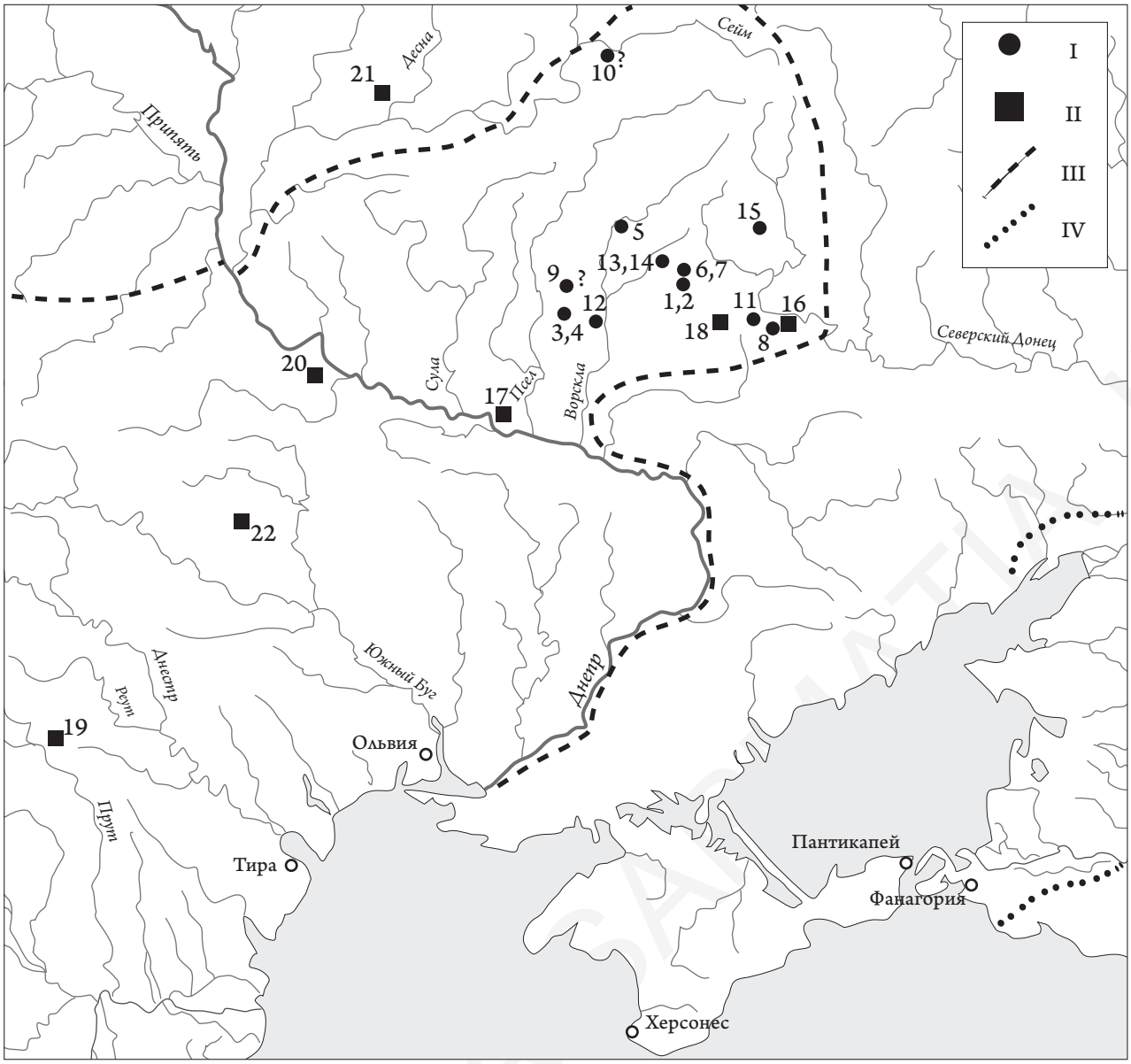

***Рис. 1*. Карта находок боспорских монет в ареале черняховской культуры**
(номер на карте соответствует номеру в ***Каталоге***): I — достоверные находки; II — малодостоверные находки; III — ареал черняховской культуры ко второй половине IV в.; IV — границы Боспорского царства

***Abb. 1*. Karte der Funden der bosporianischen Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur**
(Nummer an der Karte bedeutet die Nummer in dem ***Katalog***): I – richtige Funden; II – unrichtige Funden; III – Territorium der Černjachov-Kultur; IV – Grenze des Bosporus-Reichs

(№ 19). Ближайшая зона распространения находок боспорских монет находится в Северном Причерноморье (*Брайчевський, 1959, с. 154, 155, 184*), что вполне объясняется близостью этого региона к Боспорскому царству. Известны находки боспорских монет и в других частях Барбарикума. Две малодостоверные боспорские монеты происходят с территории Беларуси (*Рябцевич, 1977, с. 50*). Биллонный статер Рискупорида V был обнаружен в слое раннесредневекового селища Сиделькино II, расположенного в Челно-Вершинском районе Самарской обл. (№ 23).

Проникновение боспорских монет на территорию черняховской культуры традиционно связывается с участием варваров в Готских войнах 30—70-х годов III в., а именно — разгромом гер-

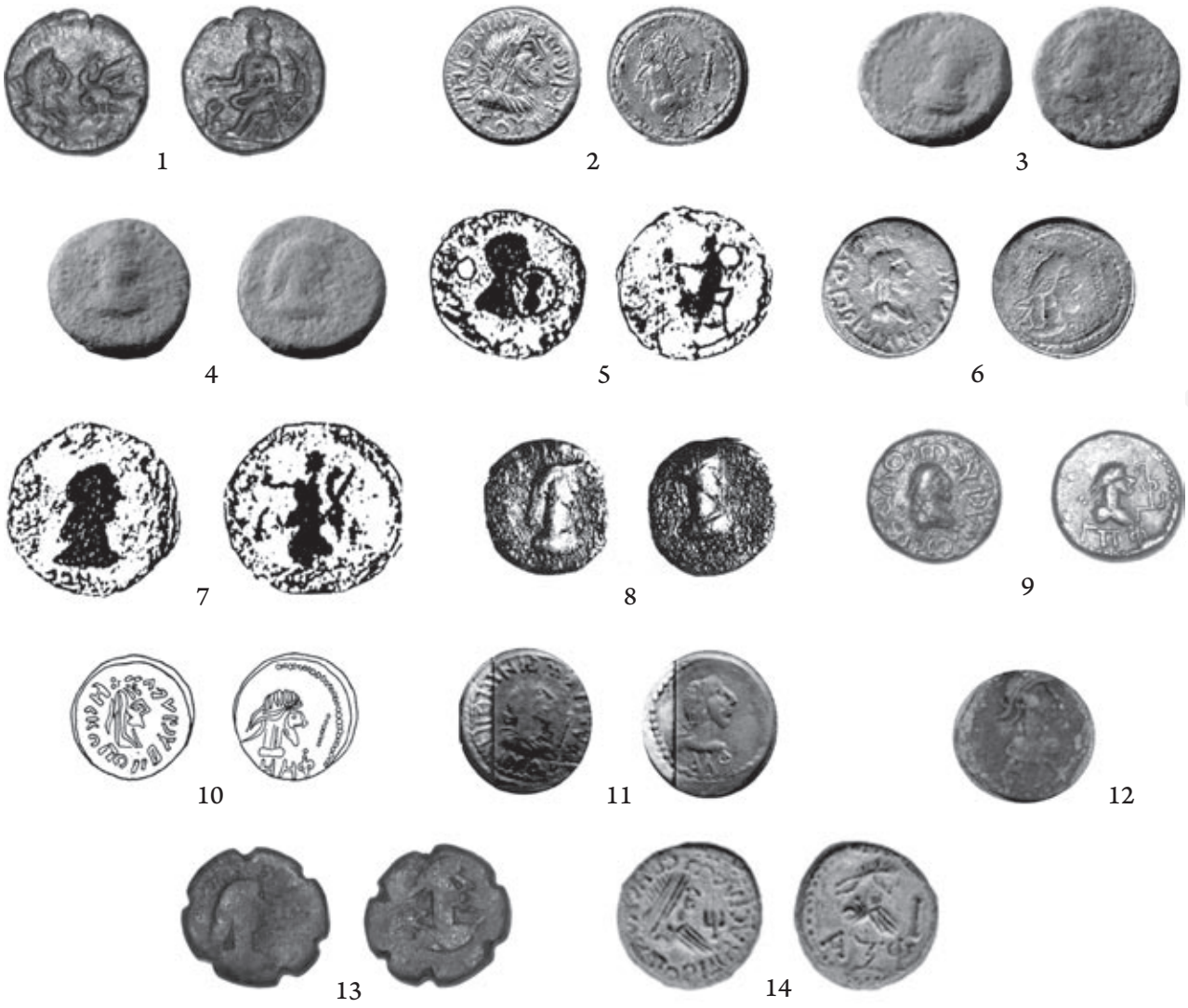

Рис. 2. **Некоторые боспорские монеты из ареала черняховской культуры и соседних территорий восточноевропейского Барбарикума**: 1 — Бараново (№ 2 в ***Каталоге***); 2 — Бараново (№ 1); 3 — Кирово (№ 4); 4 — Кирово (№ 3); 5 — Огульцы (№ 7); 6 — Огульцы (№ 6); 7 — Пасеки (№ 8); 8 — Полтавская обл. (№ 9); 9 — Рябухино (№ 11); 10 — Сердюки (№ 12); 11 — Хрущовая Никитовка (№ 13); 12 — Хрущовая Никитовка (№ 14); 13 — Костешть (№ 19); 14 — Сиделькино (№ 23)

Abb. 2. **Einige bosporianische Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur und auf benachbartem Territorium osteuropäischen Barbaricum**: 1 – Baranowo (Nr 2 im ***Katalog***); 2 – Baranowo (Nr 1); 3 – Kirowo (Nr 4); 4 – Kirowo (Nr 3); 5 – Ogylzy (Nr 7); 6 – Ogylzy (Nr 6); 7 – Paseki (Nr 8); 8 – Poltawa-Gebiet (Nr 9); 9 – Rjabuchino (Nr 11); 10 – Serdjuki (Nr 12); 11 – Chruschowaja Nikitowka (Nr 13); 12 – Chruschowaja Nikitowka (Nr 14); 13 – Kostescht (Nr 19); 14 – Sidelkino (Nr 23)

манскими племенами в 60-х годах Боспора (***рис. 3***) (*Бейдин и др., 2006, с. 120—127*; *Магомедов, 2006, с. 47—49*, и др.). Тем не менее, анализ датировок монет показывает, что непосредственно на период грабительских походов середины III в. приходится только небольшая их часть. Особенно ярко это иллюстрирует хронологическое распределение находок относительно Готских войн (***табл. 1***).

1-я группа: монеты периода до Готских войн. Включает в себя три достоверные находки: монеты Савромата I (93—123 гг.), № 8; Котиса III (227—233 гг.) или Савромата III (229—231 гг.), № 7; Рискупорида III (233—234 гг.), № 5. К малодостоверным находкам относятся также три монеты: Митридата III (39/40—45/56 гг.), № 17, 18 и Реметалка (131/132—153/154 гг.), № 16.

***Рис. 3*. Карта находок боспорских монет в ареале черняховской культуры**: I — находки монет 1-й группы (до Готских войн); II — находки монет 2-й группы (периода Готских войн); III — находки монет 3-й группы (после Готских войн); IV — границы черняховской культуры ко второй половине IV в.; V — границы Боспорского царства

***Abb. 3*. Karte der Funden der bosporianischen Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur**: I – die Münze 1. Gruppe (bis zu den „gotischen Kriegen"); II – die Münze 2. Gruppe (während diese Kriege); III – die Münze 3. Gruppe (nach den „gotischen Kriegen"); IV – Territorium der Černjachov-Kultur um Mitte des 4. Jhs. n. Chr; V – Grenze des Bosporus-Reichs

Савромат I (93—123 гг.)	1
Котис III (227—233 гг.) или Савромат III (229—231 гг.)	1
Рискупорид III (233—234 гг.)	1
Ининфимей (234—238 гг.)	3
Рискупорид V (240—267 гг.)	3
Фофорс (278—309 гг.)	2
Фофорс (278—309 гг.) или Рискупорид VI (318—322 гг.)	1
Рискупорид VI (318—322 гг.)	3

***Таблица 1*. Количественное соотношение достоверных находок боспорских монет**

***Taf. 1*. Quantitative Korrelation der glaubwürdigen Funden der bosporianischen Münzen**

2-я группа: монеты периода Готских войн. Это шесть достоверных находок: монеты Ининфимея (234—238 гг.), № 1, 2, 13 и Рискупорида V (240—267 гг.), № 6, 12, 15.

3-я группа: монеты периода после Готских войн. Включает в себя шесть достоверных находок: монеты Фофорса (278—309 гг.), № 4, 11; Рискупорида VI (318—332 гг.), № 9, 10, 13; Фофорса или Рискупорида VI, № 3. К малодостоверным находкам относятся четыре монеты: Тейрана (275—278 гг.), № 22 и Рискупорида VI, № 19—21[1].

Если связывать появление боспорских монет исключительно с Готскими войнами, то не совсем ясны причины попадания монет, отчеканенных уже после их окончания. Кроме того, вполне логично было бы ожидать массовые находки боспорских монет III в. в остальных частях ареала черняховской культуры: Поднестровье, Побужье, Северном Причерноморье, Молдове. Но если на их территории довольно широко известны находки монет как первого, сухопутного, периода Готских войн (238—254 гг.), так и второго, морского (256—275 гг.) (*Магомедов, 2006, с. 47*), то находки боспорских монет, за исключением одной малодостоверной монеты (№ 19), отсутствуют (***рис. 3; 4***).

На наш взгляд, существовало два основных источника поступлений боспорских монет. Первый из них мог быть связан с торговлей местного варварского населения с Боспором. Район Днепровского Левобережья, где сосредоточены находки боспорских монет, территориально наиболее близко расположен именно к боспорским рынкам торговли, чем к причерноморским или дунайским. Возможно, этот путь поступлений отражают монеты 3-й группы, отчеканенные в период после окончания Готских войн. Конечно, дополнительным доказательством этому могли бы послужить находки других импортных вещей с Боспора того времени, но как таковой боспорский импорт III в.

[1] Примечательно, что наилучшую сохранность имеют монеты периода Готских войн, тогда как монеты, отчеканенные до или после этих событий, имеют преимущественно плохое состояние (***табл. 2***) Возможно, это связано с металлом монет: практически все монеты 2-й группы отчеканены из биллона, в то время как металлом монет 1 и 3-й групп является медь (***табл. 3***).

GERMANIA-SARMATIA II

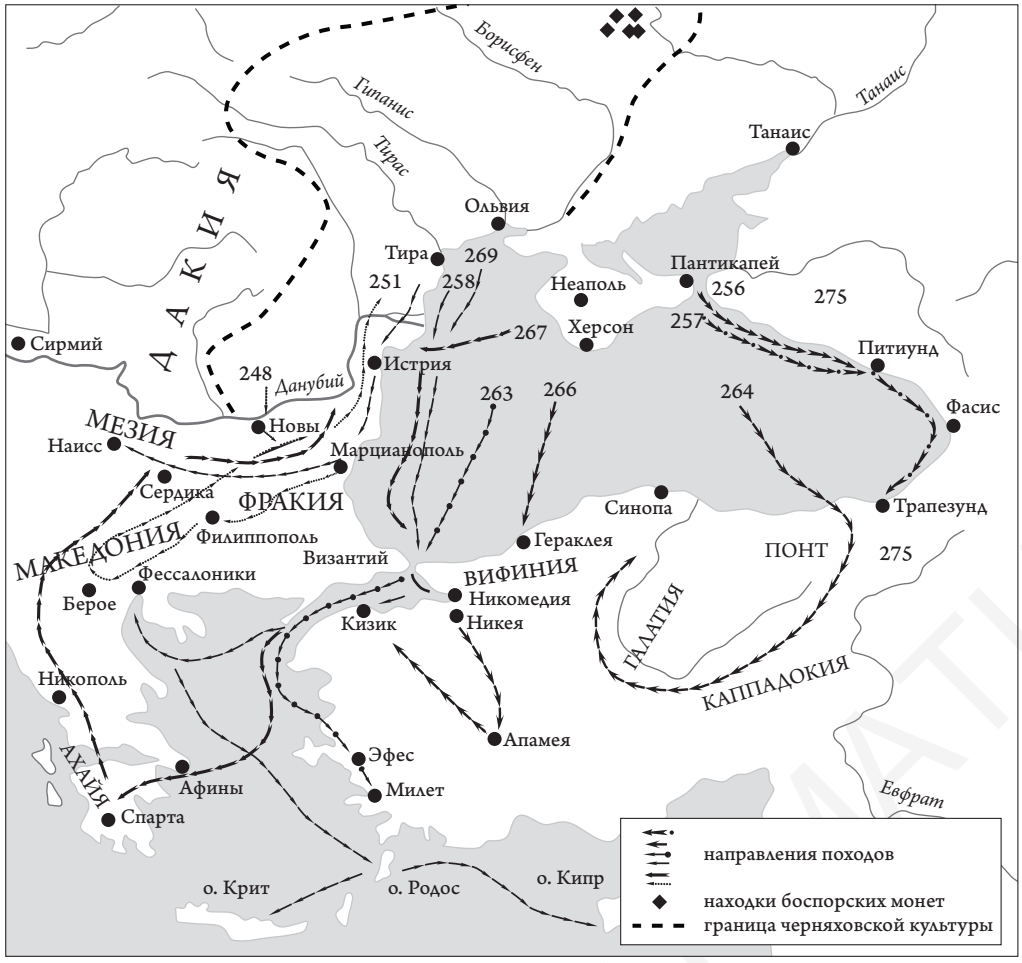

***Рис. 4*. Маршруты походов варварских отрядов в ходе Готских войн и находки в черняховском ареале боспорских монет этого периода** (по А. М. Ременникову, с дополнениями авторов статьи)

***Abb. 4*. Die Richtungen der barbarischen Feldzügen während der „gotischen Kriege" und die Funde der bosporianischen Münzen dieses Zeitabschnitts auf dem Territorium der Černjachov-Kultur** (nach A. M. Remennikow mit den Ergänzungen der Autoren diesen Artikel)

Группа	Сохранность					
	Отличная	Хорошая	Удовлетворительная	Плохая	Очень плохая	Неизвестно
1	-	-	-	3	-	-
2	1	3	1	-	1	-
3	-	2	-	3	-	1
Итого	**1**	**5**	**1**	**6**	**1**	**1**

***Таблица 2*. Распределение достоверных находок боспорских монет различных хронологических групп по сохранности**

***Taf. 2*. Verteilung der glaubwürdigen Funden der bosporianischen Münzen der verschiedenen chronologischen Gruppen nach die Unversehrtheit**

Группа	Материал	
	Медь	Биллон
1	3	-
2	1	5
3	6	-
Итого	**10**	**5**

***Таблица 3*. Распределение достоверных находок боспорских монет различных хронологических групп по металлу**

***Taf. 3*. Verteilung der glaubwürdigen Funden der bosporianischen Münzen der verschiedenen chronologischen Gruppen nach den Metall**

выделить невозможно. Амфорный и керамический материалы не дают такой возможности, и боспорские монеты, по-видимому, являются пока единственным импортом второй половины III в., происходящим из Боспора.

Второй источник поступлений, по всей видимости, связан с военной деятельностью варваров, а именно — разграблением в середине III в. Боспора. Возможно, эти события отражают находки монет 2-й группы, отчеканенные непосредственно в период Готских войн. Возможно, косвенно это подтверждает их металлический состав: за исключением одного экземпляра, все монеты этой группы отчеканены из биллона[2]. Источники поступлений монет 1-й группы нам остаются еще не до конца ясны[3].

Гораздо более неоднозначно выглядит ситуация с четкой культурной атрибуцией боспорских монет. С одной стороны, на связь боспорских монет с черняховской культурой указывает факт неоднократного их обнаружения на территории черняховских поселений. Таких монет известно десять: по две с поселений Бараново (№ 1, 2), Хрущовая Никитовка (№ 13, 14), Огульцы (№ 6, 7) и по одной с поселений Сердюки 1 (№ 12), Пасеки (№ 8), Циркуны (№ 15) и Рябухино (№ 11). К сожалению, практически все монеты происходят из подъемного материала. Исключение составил статер Рискупорида V, обнаруженный в культурном слое поселения черняховской культуры Сердюки 1 (*Гейко, Ткаченко, 2006*). С другой стороны, сомнения в принадлежности этих монет непосредственно черняховскому населению вызывают датирующие материалы с поселений, на территории которых были обнаружены боспорские монеты. Дело в том, что практически все они имеют как ранние материалы середины — конца III в.: фибулы группы Альмгрен VII, фрагменты амфор типа D (C_{1b}/C_2 — периоды хронологии римского времени), так и более поздние, второй четверти IV — начала V в. (C_3, D_1) (*Бакуменко и др., 2006, с. 75, 96, 97*; *Бейдин и др., 2006, с. 115*; *Мызгин, 2008б, с. 295, 296*).

В последнее время именно ранние материалы с черняховских поселений легли в основу дискуссии о времени возникновения этой культуры на Левобережье Днепра. По мнению А. М. Обломского, появление носителей черняховской культуры восточнее Днепра произошло довольно рано, около середины — второй половины III в., т. е. на начальной фазе существования культуры, когда они достигли Северского Донца и освоили здесь так называемые опорные участки (*Обломский, 2002*; *2009*). Сторонник поздней даты появления черняховской культуры в регионе М. В. Любичев, позицию которого мы поддерживаем (*Мызгин, 2008а, б*), относит материалы днепро-донецкой лесостепи середины — конца III в. к мигрантам из области Верхнего Днестра, оставившим на Левобережье памятники так называемого горизонта Боромля. Второй же четвертью IV — началом V в., по его мнению, датируются непосредственно памятники «классической» черняховской культуры (*Любичев, 2003*; *2005*).

Подавляющее большинство боспорских монет синхронно именно предчерняховскому горизонту ступеней C_{1b}, C_2: это монеты Ининфимея, Рискупорида V, Рискупорида VI, Фофорса (всего 12 экз.). Однако синхронность монет материалам совсем не означает, что носители этих памятников могли использовать монеты. Применение денег, пусть даже и во внешней торговле, определяется необходимостью в их использовании. Другими

[2] Необходимо отметить, что металлический состав находок боспорских монет различных хронологических периодов в ареале черняховской культуры полностью соответствует изменениям в монетной системе Боспора. В период чеканки монет 1-й группы (до первой трети III в.) основу боспорской монетной системы составляли золотые статеры: при Рискупориде III 20—50% золота, 30—50% серебра, до 30% меди; при Котисе III 90% серебра, 3—5% золота, 5—7% меди (*Фролова, 1973, с. 37*). Находки этого периода на территории черняховской культуры представлены исключительно медными разменными монетами. В правление Ининфимея и Рискупорида V боспорский статер превращается в биллонную монету (50% серебра и 50% меди), хотя и чеканится двойной денарий (*Фролова, 1974, с. 551*), что также отражается на находках в черняховском ареале — монетах 2-й группы. Наконец, монеты 3-й группы представлены единственным чеканенным (начиная с правления Тейрана) видом денег на Боспоре — медными статерами (*Фролова, 1980, с. 75*).

[3] Возможно, какая-то часть из них также связана с Готскими войнами. Например, монета Котиса III (или Савромата III), которая к началу войн вполне могла принимать участие в обращении на территории Боспорского царства, имеет отверстие и могла использоваться варваром как памятная медаль.

словами, получение варварами денег взамен на товары предполагает дальнейшее использование этих денег во внутренней экономической жизни. Утверждать, что в среде носителей «горизонта Боромля» во второй половине III в. возникли предпосылки для возникновения товарно-денежных отношений у нас нет оснований. Не в пользу этого свидетельствует и относительно небольшое количество находок боспорских монет (количество римских монет, которые черняховское население использовало во внутренней экономической жизни, в десятки раз больше). Если даже раннеславянское население и использовало как-то боспорские монеты, то, возможно, в качестве сырья. Но это может подтвердить или опровергнуть только сравнительный металлографический анализ боспорских монет и металлических вещей, относящихся к «горизонту Боромля».

Таким образом, находки боспорских монет в черняховском ареале пока нельзя с полной уверенностью связать ни с одной конкретной культурной группой позднеримского времени на территории Днепровского Левобережья. Но в то же время их связь с древностями ступеней C_{1b}, C_2 и начала C_3 хронологии римского времени на этой территории несомненна. На сегодняшний день боспорские монеты определяют лишь какие-то импульсы боспорского импорта на территорию лесостепного Днепровского Левобережья в этот хронологический период, связать которые с конкретным населением — дело будущего. Частично этот вопрос могут разрешить находки боспорских монет в составе комплексов.

Каталог находок боспорских монет на территории черняховской культуры[4]

А) Достоверные находки

1. **Барановo** (Валковский р-н, Харьковская обл., Украина). Биллонный статер Ининфимея (234/235—238/239 гг. н. э.), отличной сохранности (***рис. 2: 2***). Л. с.: ΒΑCΙΛΕѠC ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ, бюст царя вправо. О. с.: Голова императора вправо, справа палица, внизу обозначение года ЕЛФ. Дата чеканки: 535 г. босп. э., 238/239 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 677*). Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция. Лит.: *Бейдин и др., 2006, с. 124*.
2. **Барановo** (Валковский р-н, Харьковская обл., Украина). Медный двойной денарий Ининфимея (234/235—238/239 гг. н. э.), хорошей сохранности (***рис. 2: 1***). Л. с.: ΒΑCΙ [ΛΕѠC ΙΝΙΝΘΙΜ] ΗΥΟΥ, бюст царя вправо, перед ним орел с венком в клюве. О. с.: Богиня на кресле влево, в правой вытянутой руке — чаша, слева — В, справа — ✳. Дата чеканки: 235/236 гг. н. э. (*Фролова, 1974, с. 50, тип I; Анохин, 1986, № 678*). Вес 10,44 г. Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция. Лит.: *Бейдин и др., 2006, с. 123, 124*.
3. **Кирово**[5] (Полтавский р-н, Полтавская обл., Украина). Медный статер Фофорса (285/286—309/310 гг. н. э.) (?) или Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.) (?), плохой сохранности, монета неочищена (***рис. 2: 4***). Л. с.: Надпись не читается, бюст царя вправо. О. с.: Бюст императора вправо, внизу обозначение года не читается. Дата чеканки: 309/310—336/337 гг. н. э. Определяется по иконографическим данным. Обнаружена в 2009 г. на поверхности поселения

[4] Определения монет № 1—4, 5—8, 11—15, 17, 19 и 23 сделаны Г. В. Бейдиным.

[5] По словам находчиков, монеты № 3 и 4 были обнаружены возле с. Кирово Решетиловского р-на Полтавской обл. Однако на карте населенных пунктов Полтавщины такое село нами не обнаружено. В Полтавской обл. существует два села с названием «Кирово»: в Кобелякском и Полтавском р-нах. С. Кирово Полтавского р-на находится на границе с Решетиловским. По всей видимости, именно возле него и были обнаружены монеты.

BARBARICUM-SARMATIA II

черняховской культуры[6]. Хр.: неизвестно.
Лит.: *forum.violity.kiev.ua/viewtopic.php? t=54338*.

4. **Кирово** (Полтавский р-н, Полтавская обл., Украина). Медный статер Фофорса (285/286—309/310 гг. н. э.), плохой сохранности, монета неочищена (рис. 2: 3). Л. с.: Надпись не читается, бюст царя вправо. О. с.: Бюст императора вправо, справа тамга, внизу обозначение года читается частисно… П [Ф]. Дата чеканки: 294/295—302/303 гг. н. э. Определяется по иконографическим данным. Обнаружена в 2009 г. на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: неизвестно.
Лит.: *forum.violity.kiev.ua/viewtopic.php? t=54338*.
5. **Котельва** (Котелевский р-н, Полтавская обл., Украина). Медный денарий Рискупорида III (211/212—228/229 гг. н. э.), плохой сохранности, с отверстием. Л. с.: ВАСІΛ [ΕΩС] РНСК [ОУПОР]ІΔОС, бюст царя вправо. О. с.: Скачущий всадник с копьем вправо, внизу ✳ (*Анохин, 1986, № 646*). Вес 8,5 г. Обнаружена в 1998 г. Хр.: монета утеряна.
Лит.: *Максименко, Супруненко, 1999, с. 24*.
6. **Огульцы** (Валковский р-н, Харьковская обл., Украина). Биллонный статер Рискупорида V (242/243—276/277 гг.), хорошей сохранности (***рис. 2: 6***). Л. с.: ВАСІΛЕ [ѠС РН] СКОУПОРІ [ΔОС], бюст царя вправо. О. с.: Бюст императора вправо, справа палица, внизу обозначение года ВМФ. Дата чеканки: 542 г. босп. э., 245/246 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 692*). Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: *Бейдин, Григорьянц, 2007, с. 34*.
7. **Огульцы** (Валковский р-н, Харьковская обл., Украина). Медный денарий Котиса III (227/228—233/234 гг. н. э.) или Савромата III (229/230—231/232 гг. н. э.), плохой сохранности (монета потерта), с отверстием (***рис. 2: 5***). Л. с.: Надпись не сохранилась. Перед лицом — надчеканка: бюст царя. О. с.: Богиня в башенном венце на голове, восседающая на троне влево, в правой вытянутой руке — яблоко или чаша (*Фролова, 1973, С. 36*). Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: *Бейдин, Григорьянц, 2002—2003, с. 191*.
8. **Пасеки** (Змиевский р-н, Харьковская обл., Украина). Медный сестерций Савромата I (93/94—123/124 гг. н. э.), плохой сохранности (монета потерта) (***рис. 2: 7***). Л. с.: Надпись не сохранилась. Бюст царя с длинными волосами вправо. О. с.: Ника влево, в левой руке пальмовая ветвь, в правой вытянутой — лавровый венок, по сторона МН. Точно определить тип монеты невозможно. Данный тип монет чеканили Савромат I (93/94—123/124 гг. н. э.), Котис II (123/124—13/1332 гг. н. э.), Реметалк (131/132—153/154 гг. н. э.). Наиболее обильная чеканка сестерциев данного типа была при Савромате I — 11 серий, и только на монетах этого царя надпись легенды заходит за обрез бюста. Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: *Бейдин, Григорьянц, 2002—2003, с. 191*.
9. **Полтавская обл.** (без точного места, Украина). Медный статер Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.), плохой сохранности (***рис. 2: 8***). Л. с. [ВАСΛЕѠС РІ]СКОУ [П] О [РІС], бюст царя вправо. О. с.: Бюст императора вправо. Год под бюстом не сохранился. Хр.: Краеведческий музей, г. Полтава, инв. № 30741.
Лит.: *ПАЗ, 1993, с. 99*.
10. **Рыльский р-н** (без точного места, Курская обл., Россия). Медный статер Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: *Радюш, 2008*.
11. **Рябухино**[7] (Нововодолажский р-н, Харьковская обл., Украина). Медный статер Фофорса

[6] Из описания условий обнаружения монет следует, что они найдены совместно с римскими денариями, фрагментами гончарной керамики серого и черного цветов и бронзовыми подвязными фибулами на распаханном поле, расположенном на склоне оврага, по дну которого протекает ручей. Монеты залегали на глубине 10—15 см на расстоянии 2 м друг от друга.

[7] Монета обнаружена между с. Рябухино Нововодолажского р-на и с. Тарановка (станция Шурино) Змиевского р-на Харьковской обл. В инвентарной книге Змиевского краеведческого музея, где хранится монета, местом находки называется станция Шурино. Однако в первой публикации монеты местом находки значится с. Рябухино (*Бейдин и др., 2006, с. 121*).

(285/286—309/310 гг. н. э.), хорошей сохранности (***рис. 2: 9***). Л. с.: ΒΑCΙΛΕ**ω**C ΘΟΘ**ω**PCOY, бюст царя вправо, слева в поле — точка. О. с.: Бюст императора вправо, справа тамга, внизу обозначение года ГПФ. Дата чеканки: 583 г. босп. э., 286/287 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 731*). Обнаружена в 1981 г. на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: Краеведческий музей, г. Змиев, инв. № Осн. 912 «А».
Лит.: *Бейдин и др., 2006, с. 121.*

12. Сердюки (Полтавский р-н, Полтавская обл., Украина). Биллонный статер Рискупорида V (242/243—276/277 гг. н. э.), удовлетворительной сохранности (монета потерта) (***рис. 2: 10***). Л. с.: ΒΑCΙΛΕ**ω**C PHCKOYΠOPI [ΔOC], бюст царя вправо. О. с.: Бюст императора вправо, справа палица, внизу обозначение года НМФ. Дата чеканки: 548 г. босп. э., 251/252 гг. н. э. (*Каришковський, 1959, табл. XXX: 6*). Вес 7,22 г. Обнаружена во время археологических раскопок в культурном слое черняховского поселения Сердюки 1 в заплыве ямы № 18, относящейся к эпохе бронзы. Хр.: Национальный музей-заповедник украинского гончарства, г. Опошня.
Лит.: *Гейко, Ткаченко, 2006, с. 100, 101.*

13. Хрущовая Никитовка (Богодуховский р-н, Харьковская обл., Украина). Биллонный статер Ининфимея (234/235—238/239 гг. н. э.), хорошей сохранности (***рис. 2: 11***). Л. с.: ΒΑCΙΛΕ**ω**C ININΘIMHYOY, бюст царя вправо. О. с.: Голова императора вправо, справа палица, внизу обозначение года АЛФ. Дата чеканки: 531 г. босп. э., 234/235 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 674*). Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: информация В. Бокова (Харьков), публикуется впервые.

14. Хрущовая Никитовка (Богодуховский р-н, Харьковская обл., Украина). Медный статер Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.), хорошей сохранности (***рис. 2: 12***). Л. с.: ΒΑCΙΛΕ**ω**C PHCKOYΠOPIC, бюст царя вправо, справа в поле трезубец. О. с.: Бюст императора вправо, справа в поле двузубец, внизу обозначение года НІХ. Дата чеканки: 618 г. босп. э., 321/322 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 767а*). Обнаружена на поверхности поселения черняховской культуры. Хр.: частная коллекция.
Лит.: информация В. Бокова (Харьков), публикуется впервые.

15. Циркуны (Харьковский р-н, Харьковская обл., Украина). Биллонный статер Рискупорида V (242/243—276/277 гг. н. э.), очень плохой сохранности (монета затерта и оплавлена). Л. с.: Надпись не сохранилась. Бюст царя вправо. О. с.: Изображение не сохранилось. Чеканка монеты отнесена ко времени правления Рискупорида V на основании состава металла. Монеты до 233 гг. н. э. содержат до 75—90% серебра, а в 277 г. при Тейране монеты чеканены практически из меди с малым количеством серебра. Обнаружена на поверхности многослойного поселения, имеющего в том числе материалы черняховской культуры. Вес 6,22 г. Хр.: частная коллекция.
Лит.: *Бейдин, Григорьянц, 2002—2003, с. 191, 192.*

Б) Малодостоверные находки

16. Верхний Бишкин (Первомайский р-н, Харьковская обл., Украина). Сестерций Реметалка (131/132—153/154 гг.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Хр.: краеведческий музей средней школы, с. Верхний Бишкин.
Лит.: *Шрамко и др., 1977, с. 119.*

17. Градижск (Глобинский р-н, Полтавская обл., Украина). Медный ассарий Митридата III (39/40—45/46 гг. н. э.), хорошей сохранности. Л. с.: ΒΑCΙΛ**Є**ΩC MIΘPAΔATOY, голова Митридата вправо; О. с.: Палица и шкура льва, слева лук и колчан, справа трезубец, внизу ІВ (*Анохин, 1986, № 330*). Обнаружена в 1970 г. Хр.: монета утеряна.
Лит.: *Бейдин, Григорьянц, 2002—2003, с. 192.*

18. Знаменка (Нововодолажский р-н, Харьковская обл., Украина). Монета Митридата III (39/40—45/46 гг. н. э.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Обнаружена в 1887 г. Хр.: монета утеряна.
Лит: *Данилевич, 1905, с. 391, 392: 44.*

19. Костешть (Республика Молдова). Медный статер Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.), плохой сохранности, по периметру гурта сделано шесть запилов (***рис. 2: 13***). Л. с.: [ΒΑCΙΛΕ**ω**]C [PHC]KOY [ΠOPIC], бюст царя

вправо. О. с.: Бюст императора вправо, по бокам обозначение года [В]КХ. Дата чеканки: 622 г. босп. э., 325/326 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 771*). Хр.: частная коллекция.
Лит.: информация А. Кривенко (Тирасполь), публикуется впервые.

20. Пищальники (Каневский р-н, Черкасская обл., Украина). Монета Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Хр.: неизвестно.
Лит.: *Брайчевський, 1959, с. 193, № 936.*

21. Сосница (Сосницкий р-н, Черниговская обл., Украина). Медная монета Рискупорида VI (318/319—336/337 гг. н. э.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Обнаружена в 1915 г. на окраине Сосницы, над болотом Поповка. Хр.: неизвестно.
Лит.: *Брайчевський, 1959, с. 202, № 1057.*

22. Томашовка (Ладыженский р-н, Черкасская обл., Украина). Медная монета Тейрана (275/276—278/279 гг. н. э.). Тип монеты и сохранность неизвестны. Дата чеканки: 279 г. н. э. Обнаружена в 1951 г. Хр.: неизвестно.
Лит.: *Брайчевський, 1959, с. 195, № 965.*

В) Находки боспорских монет за пределами черняховской культуры

23. Сиделькино (Челно-Вершинский р-н, Самарская обл., Россия). Биллонный статер Рискупорида V (242/243—276/277 гг. н. э.), хорошей сохранности (***рис. 2: 14***). Л. с.: ВАСІΛЕѠС РНСКОУПОРІДО, бюст царя вправо, справа в поле трезубец. О. с.: Бюст императора вправо, справа в поле I, внизу обозначение года А Ф. Дата чеканки: 561 г. босп. э., 264/265 гг. н. э. (*Анохин, 1986, № 712а*). Обнаружена (2005 г.) в раскопе на памятнике, датируемом второй половиной III—IV в. н. э. Хр.: вероятно, Краеведческий музей, г. Самара.
Лит.: *Сташенков, 2007, с. 394, 395, рис. 43.*

Литература

Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Бакуменко К. И., Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Дидык В. В., 2006. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., 2002—2003. Находки боспорских монет на памятниках черняховской культуры Харьковской области // АЛЛУ. № 1—2.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В., 2006. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., 2007. Клады и монеты Харьковщины. История в памятниках нумизматики. Харьков.

Брайчевський М. Ю., 1959. Римська монета та території України. Київ.

Гейко А. В., Ткаченко О. М., 2006. Знахідка боспорського статера на селищі Сердюки-1 у Поворсклі // АЛЛУ. № 2.

Данилевич В. Е., 1905. Карта монетных кладов и находки единичных монет в Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. Т. I. Москва.

Каришковський П. Й., 1959. З історії монетної справи на Боспорі у III ст. н. е. // МАСП. Вып. 2.

Кропоткин В. В., 1951. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4.

Любичев М. В., 2003. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе // РА. № 3.

Любичев М. В., 2005. Появление черняховской культуры восточнее Днепра в связи с событиями на Дунае 20 — 30-х гг. IV в.: к постановке проблемы // АЛЛУ. № 1—2.

Магомедов Б. В., 2006. Монети як джерело до історії племен черняхівської культури // Археологія. № 4. Київ.

Максименко Г. М., Супруненко О. Б., 1999. Боспорська монета із Західного укріплення Більського городища // АЛЛУ. № 2.

Мызгин К. В., 2008а. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тысячелетия н. э. по нумизматическим данным // Germania — Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград.

Мызгин К. В., 2008б. Римские монеты на черняховских памятниках междуречья Днепра и Северского Донца (к вопросу о времени появления черняховской культуры в регионе) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. Москва.

Обломский А. М., 2009. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории

GERMANIA-SARMATIA II

Днепровского Левобережья (наши разногласия) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов. Харьков.

Радюш О. А., 2008. Находки римских монет с территории Курской области // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск.

Рябцевич В. Н., 1977. О чем рассказывают монеты. Минск.

Сташенков Д. А., 2007. Охранно-спасательные исследования комплекса памятников у с. Сиделькино и грунтового могильника у с. Кузькино в Самарской области // АО 2005 г.

Фролова Н. А., 1973. Монетное дело Савромата III (229—231 гг. н. э.) // КСИИМК. Вып. 133.

Фролова Н. А., 1974. Монетное дело Боспора при Рискупориде IV (233—234 гг. н. э.) и Ининфимее (234—238 гг. н. э.) // СА. № 1.

Фролова Н. А., 1980. История правления Рискупорида V (242—276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. № 3.

Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П., 1977. Справочник по археологии Украины: Харьковская область. Киев.

Интернет-ресурс:
http://forum.violity.kiev.ua/viewtopic.php? t=54338.

GERMANIA-SARMATIA II

G. W. Bejdin, K. W. Myzgin

Die Funde der bosporianischen Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur

In diesem Artikel handelt es sich um die Funde der bosporianischen Münzen auf dem Territorium der Černjachov-Kultur. M. Grigorjanz und G. Bejdin begannen die Untersuchung dieser Münzen als der Bestandteil der Černjachov-Altertümer. Heute haben wir die Nachrichten über ca 22 Funden der bosporianischen Münzen: 15 (68%) – richtige Funden, 7 (32%) – unrichtige Funden. Dnepr-Donetz Waldsteppe gehört zu der Zone der Konzentration dieser Münzen, aber die Funde der bosporianischen Münzen gibt es auch in anderen Teilen des Territoriums der Černjachov-Kultur.

Traditionell verbinden hier die Fachleute des Erscheinen dieser Münzen mit der Teilnahme der Barbaren an den „gotischen Kriegen" 30.–70. Jahre des 3. Jhs. nach Chr. Es gibt 3 chronologische Gruppe dieser Münzen: 1) bis „gotischen Kriegen"; 2) während dieser Kriege; 3) nach den „gotischen Kriegen". Wir kennen nicht die Ursachen der Bewegung dieser Münzen in dieser Region nach der Beendigung dieser Kriege. Vielleicht gab es zwei Quellen des Erscheinens dieser Münzen bei der barbarischen Bevölkerung: militärische Tätigkeit der Barbaren (2. Gruppe) und der Handel mit dem Bosporus-Reich (3. Gruppe).

Heute haben wir keinen Grund für die unbedingte Beziehung dieser Münzen mit einzelner bestimmter Kultur-Gruppe in der Dnepr-Donez Waldsteppe. Die Siedlungen mit den bosporianischen Münzen haben nicht nur die Funde der typischen Černjachov-Kultur, sondern auch die Materielle der Stufen C_{1b}, C_2 (sogennannte „Horizont Boromlja"). Grösster Teil (12) dieser Münzen ist gleichzeitig nämlich zu diese Materiellen. In der Zukunft werden die Funde dieser Münzen in den geschlossenen Komplexen grosse Rolle spielen.

GERMANIA SARMATIA II

Любичев Михаил Васильевич

Харьков

кандидат исторических наук, доцент, заведующий Научно-исследовательской археологической экспедицией Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

gsae@mail.ru

М. В. Любичев

«Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III—начала IV в. (ступени C_{1b}—C_2)

Проблема сущности и временных рамок археологического явления, именуемого как «появление черняховской культуры на территории восточнее Днепра», стала дискуссионной. В работах А. М. Обломского (*1991*; *1997*; *1999*; *2002*; *2009б*; *Кропоткін, Обломський, 1991*), с одной стороны, и В. М. Горюновой, Г. А. Романовой, О. А. Щегловой (*Горюнова и др., 1991*), М. В. Любичева (*2003а, б*; *2005*; *2008б, в*), с другой стороны, нашли отражение противоположные точки зрения на: 1) сущность памятников ступеней C_{1b}—C_2 хронологии римского времени в днепро-донецкой лесостепи до появления «классической» черняховской культуры ступени C_3; 2) время появления черняховской культуры в регионе и суть этого явления; 3) критерии выделения первых черняховских памятников (прежде всего — поселение Головино 1). Эти дискутируемые положения не являются ни в коей мере локальными, касающимися лишь территории восточнее Днепра, ибо речь идет о генезисе черняховской культуры вообще, критериях ее выделения и модели с определенным набором признаков, о формах ее взаимодействия с соседними культурными образованиями.

Исследование сущности памятников середины III — начала IV в. (ступени C_{1b}—C_2) в днепро-донецкой лесостепи накануне появления «классической» черняховской культуры ступеней C_3, C_3/D_1, их отношения к киевской культуре, с одной стороны, и к черняховской, с другой стороны, вызывает, по нашему мнению, необходимость применения такого понятия, как «культурная провинция с областями» для анализа данной конкретной археологической ситуации.

Ранее мы уже выдвинули тезис о том, что «горизонт Боромля» представляет собой ни что иное, как одну из областей «праславянской» культурной провинции позднеримского времени наряду с другими областями: киевской культурой Среднего Поднепровья и Подесенья, памятниками типа Седелки — Каширка (*Любичев, 2008б, с. 51*).

Г. Коссинна, который ввел понятие «культурная провинция», считал ее конкретным географическим пространством, существовавшим в определенное время с определенными формами материальной культуры, погребальной обрядности и поселенческой культуры (*Eggers, 2006, S. 213*; *Jahn, 1953, S. 9*). Но исследователь рассматривал такие провинции как отражение исключительно этнических, а не исторических реалий: «Scharf umgrenzte archäologische Kulturprovinzen decken sich zu allen Zeiten mit ganz bestimmten Völkern oder Völkerstämmen» (*Kossinna, 1911, S. 3*), «Streng umrissene, scharf sich heraushebende, geschlossene archäologische Kulturprovinzen fallen unbedingt mit bestimten Völker- und Stammesgebieten zusammen» (*Kossinna, 1926, S. 21*).

GERMANIA BARBARICA II

В этих определениях четкость границ провинции является ее важнейшим признаком. Однако М. Ян заметил, что особые характерные формы для одной культурной провинции проникают в другую провинцию и, наоборот, возникают пограничные, а также смешанные зоны между ними (*Jahn, 1953, S. 16, 17*). Последний тезис является хорошим инструментом, в частности, для изучения взаимодействия черняховской культуры и соседних культурных групп.

Археологические провинции эквивалентны археологическим культурам или могут включать в себя несколько культур (областей, групп), в которых материальная культура отличается в деталях. В плане использования понятия «культурная провинция» в современной археологии показательно выделение М. Б. Щукиным «миров» при исторической реконструкции ситуации рубежа эр на основе литературных и археологических источников (*1994, с. 15—26*). Но исследователь порой использует для сравнения культурные провинции с совершенно различными типами памятников, например: «латенизированные культуры» характеризуются почти исключительно по некрополям, а «культуры лесной полосы» — лишь по материалам поселений (*Künnemamm, 1998, S. 496*).

Среди исследователей уже утвердилось мнение о существовании «культурной провинции с областями» (правда, без применения этого термина) в лесостепи и южной части лесной зоны Восточной Европы в раннеримское время. Распад зарубинецкой культуры в середине — третьей четверти I в. привел к образованию отдельных групп памятников второй половины I — конца II в. на огромной территории от Верхнего Поднестровья до Подесенья и верхних течений Псла, Северского Донца. Они характеризуются родственными чертами в домостроительстве, керамике, но в то же время и определенной разницей в наборе элементов материальной культуры. Эти группы памятников — «горизонт Рахны—Почеп» (*Щукин, 1994, с. 236*) или «позднезарубинецкие памятники» (*Обломский, 1993, с. 40—52*) — отображают группы населения в процессе расселения, ставшие на путь интеграции. Этнокультурные процессы в раннеримское время в области Верхнего Поднестровья и Волыни проходили в том же направлении, что и в Среднем Поднепровье. Вследствие этого началось формирование единой культурной области («культурной провинции». — *М. Л.*) на позднезарубинецко-пшеворской основе в лесостепи и на юге лесной зоны единой культурной области от Сана на западе до Оскола на востоке, от Орели на юге до Судости на севере (*Козак, Терпиловський, 1986*; *Терпиловский, 2004б, с. 92*). Следовательно, на этой территории в раннеримское время (на ступени B_2) уже существует археологическая культурная провинция. В качестве ее областей выступают с запада на восток: зубрицкая группа, группы позднезарубинецких памятников типа Рахны, Лютеж, Почеп, Картамышево 2 — Терновка 2. К ним стоит отнести (ступени B_2/C_1) позднезарубинецкие памятники типа Грини, не имевшие компактного ареала (*Обломский, 2002, с. 15*), а также раннекиевские памятники Среднего Поднепровья, Подесенья (*Терпиловский, 2004б, с. 40, 42, 43*) и днепро-донецкого водораздела типа Шишино 5 — Шмырево (*Обломский, 1991, с. 47—82*) (***рис. 1***).

Эту культурную провинцию для выделения ее своеобразия вполне можно именовать «праславянской», ибо миграции позднезарубинецкого населения территориально, хронологически и по сути описанных событий соответствуют сообщению Тацита о венетах (*Обломский, Терпиловский, 1991, с. 104—108*; *Терпиловский, 2004б, с. 92*). С венетами соотносится и зубрицкая группа (*Козак, 1992, с. 137—140*). В свою очередь носители киевской культуры вполне могут соответствовать славянам-венетам, поскольку являются прямыми потомками «позднезарубинецких» венетов Тацита и предшественниками славянских группировок VI в. Иордана и Прокопия (*Терпиловский, 2004б, с. 92, 94*).

Области «праславянской» культурной провинции позднеримского времени (***рис. 2***) сходны по типу памятников с предшествующим раннеримским временем: они характеризуются почти исключительно по материалам поселений. Малое количество погребений (в основном это ямные кремации) на немногочисленных могильниках Среднего Поднепровья, Подесенья (*Максимов, Орлов, 1974*; *Терпиловский, Абашина, 1992, с. 108, 109*) и области днепро-донецкого водораздела (*Обломский, 1991 с. 59—62*; *2007а*) не предоставляют ни серий разнотипных сосудов, ни закрытых

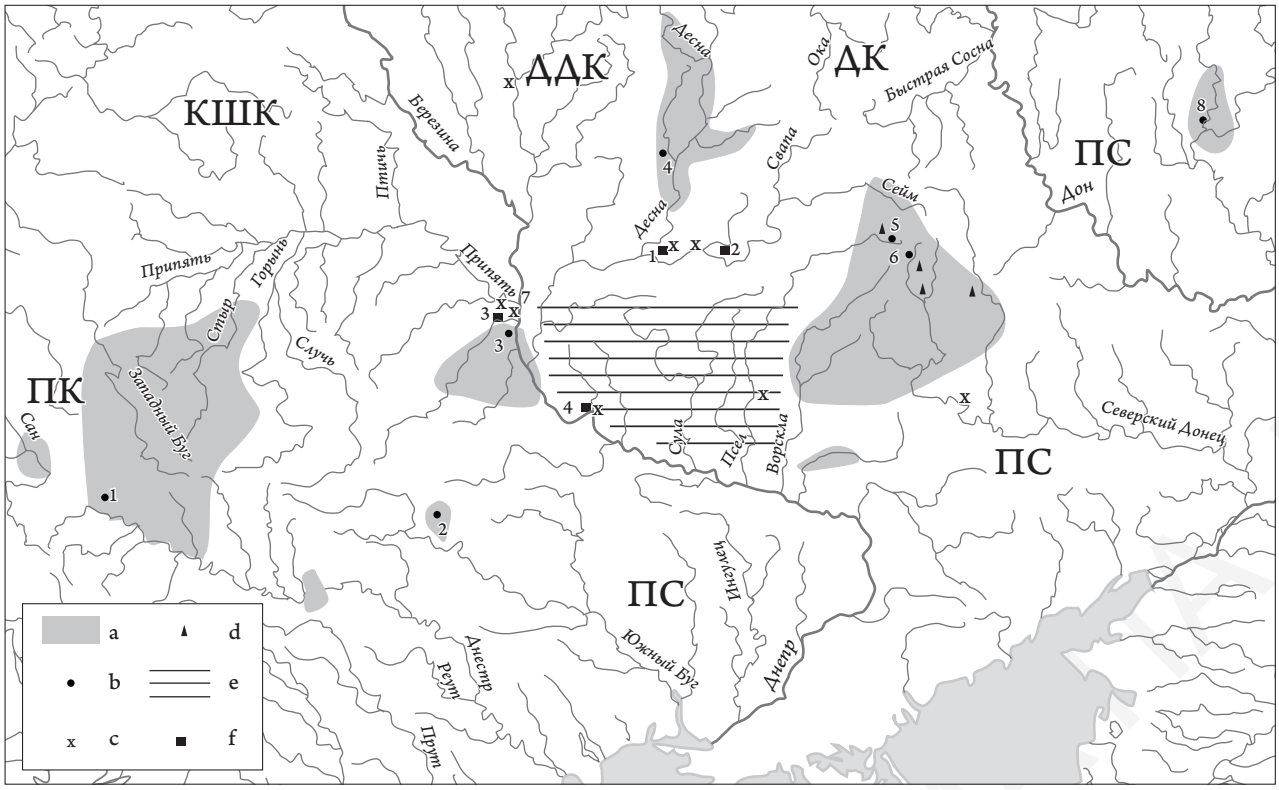

Рис. 1. **«Праславянская» культурная провинция на ступенях B_1—C_{1a}**: a – ареалы зубрицкой и позднезарубинецких групп; b — эпонимные памятники: 1 — Зубра; 2 — Рахны; 3 — Лютеж; 4 — Почеп; 5 — Картамышево 2; 6 — Терновка 2; 7 — Грини; 8 — Шапкино 1, 2; c — памятники типа Грини; d — памятники типа Шишино 5 — Шмырево; e — зона обнаружения новых позднезарубинецких памятников и их предполагаемый ареал; f — памятники в Подесенье и Среднем Поднепровье: 1 — Гребля, 2 — Попово-Лежачи, 3 — Казаровичи, 4 — Сушки 2.
ПК — пшеворская культура, **ЛК** — липецкая культура, **КШК** — культура шнуровой керамики, **ДДК** — днепро-двинская культура, **ДК** — дьяковская культура, **ПС** — памятники сарматов

Abb.1. **„Urslawische“ Kulturprovinz an den Stufen B_1–C_{1a}**: a – Territorium der Zubriza- und Spätzarubinezgruppen; b – eponymen Denkmäler: 1 – Zubra; 2 – Rachny; 3 – Ljutež; 4 – Počep; 5 – Kartamyschewo 2; 6 – Ternowka 2; 7 – Griny; 8 – Schapkino 1, 2; c – Denkmäler des Typs Griny; d – Denkmäler des Typs von Schischino 5 – Schmirewo; e – Zone der heutigen Entdeckung der neuen Spätzarubinetz-Denkmäler und vermutliches Territotium dieser Denkmäler in der Zukunft; f – Denkmäler der Kiew-Kultur dieser Zeit in dem Desna-Gebiet und Mitteldnepr-Gebiet: 1 – Greblja; 2 – Popowo-Ležachi; 3 – Kazarowichi; 4 – Suschki 2.
ПК – Przeworsk-Kultur, **ЛК** – Lipiza-Kultur, **КШК** – Kultur der Schnur-Keramik, **ДДК** – Dnepr-Düna-Kultur, **ДК** – Djakow-Kultur, **ПС** – Denkmäler der Sarmaten

комплексов с датирующими вещами, дающих возможность «привязаться» к ступеням относительной и абсолютной европейской хронологии римского времени. Более того, в отдельных случаях даже выражается сомнение в наличии сожженных человеческих костей и эти «погребения» считаются либо скоплением пережженных костей животных, либо «поминальниками» (*Щукин, 1990*).

Представленные таблицы датировок памятников провинции по ее областям: Верхнему Поднестровью (***табл. 1***), Среднему Поднепровью (***табл. 2***), Подесенью (***табл. 3***), днепро-донецкой лесостепи — Днепровскому Левобережью (***табл. 4***), Подонью (***табл. 5***) свидетельствуют, что исследователи определяют их приблизительные абсолютные даты по немногочисленным находкам в условно-закрытых комплексах (жилищах, хозяйственных сооружениях) и культурном слое. Выделение хронологических срезов памятников из различных областей провинции требует их соотнесения со ступенями относительной хронологии (***табл. 6***). В этом случае мы получаем возможность сделать необходимый нам хронологический срез по всем областям провинции для

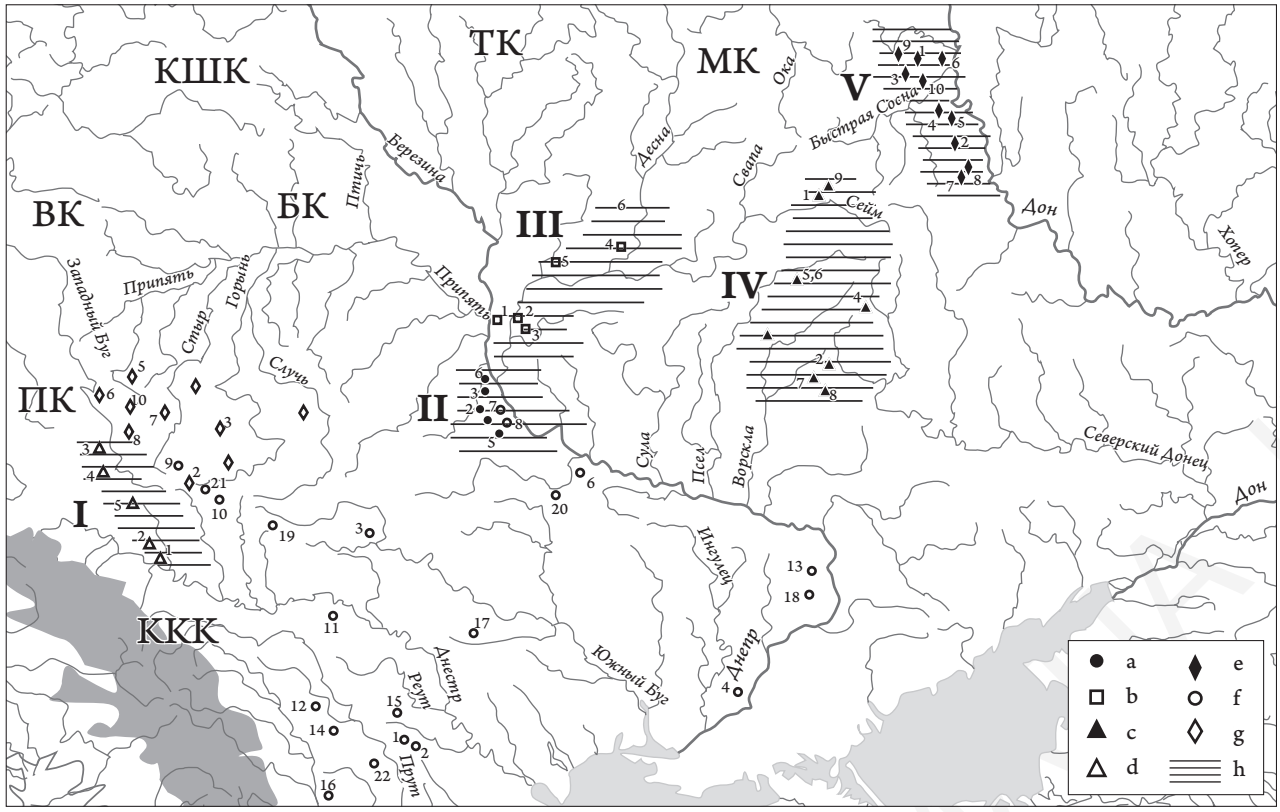

Рис. 2. **«Праславянская» культурная провинция на ступенях $C_{1в}$—C_2**: a — памятники киевской культуры Среднего Поднепровья: 1 — Новые Безрадичи; 2 — Хлепча; 3 — Глеваха; 4 — Бортничи; 5 — Обухов 3; 6 — Белгородка; b — памятники киевской культуры Подесенья: 1 — Деснянка; 2 — Мена; 3 — Киреевка 2; 4 — Лавриков Лес; 5 — Верхнестриженское; 6 — Форостовичи; c — памятники горизонта Боромля: 1 — Букреевка 2; 2 — Родной Край 3; 3 — Боромля 2 (нижний горизонт); 4 — Головино 1 (нижний горизонт позднеримского времени); 5 — Гочево 3; 6 — Гочево 4; 7 — Войтенки 1 (нижний горизонт участка А); 8 — Огульцы (нижний горизонт); 9 — Тазово; d — памятники типа Демьянов–Черепин: 1 — Куропатники; 2 — Бовшев 2; 3 — Рипнив 2; 4 — Черепин; 5 — Демьянов 2; e — памятники типа Седелки–Каширка: 1 — Каширки 2; 2 — Седелки; 3 — Писарево; 4 — Мухино 2; 5 — Ксизово 17; 6 — Яблоново 1; 7 — Верхнее Турово; 8 — Малая Трещевка 1, 2; 9 — Кытино 3; 10 — Лощина 1; f — черняховские погребения ступеней C_{1b}–C_2: 1 — Данчены; 2 — Ханска-Лутэрия; 3 — Коса ново; 4 — Гаврилова; 5 — Оселивка; 6 — Завадова; 7 — Черняхов; 8 — Ромашки; 9 — Раковец; 10 — Токи; 11 — Романковцы; 12 — Тодирень; 13 — Ново-Александровка; 14 — Козья-Яссы; 15 — Будешты; 16 — Тыргшор; 17 — Кринички; 18 — Привольное; 19 — Лужичанка; 20 — Журовка-Ольшанская; 21 — Чернелив-Русский; 22 — Бырладь-Валя-Сяке; g — памятники вельбаркской культуры: 1 — Деревянное; 2 — Викнины Великие; 3 — Дитиничи; 4 — Лепесовка; 5 — Баев 1; 6 — Ромош; 7 — Боратин; 8 — Загаи 2; 9 — Могиляны-Хмельник; 10 — Горка-Полонка 1; h — области «праславянской» культурной провинции: **I** — памятники типа Демьянов—Черепин; **II** — киевские памятники Среднего Поднепровья; **III** — киевские памятники Подесенья; **IV** — горизонт Боромля; **V** — памятники типа Седелки—Каширка. **ККК** — культура карпатских курганов, **ПК** — пшеворская культура, **ВК** — вельбаркская культура, **КШК** — культура шнуровой керамики, **БК** — банцеровская культура, **ТК** — тушемлинская культура, **МК** — мощинская культура

Abb. 2. **„Urslawische“ Kulturprovinz an den Stufen $C_{1в}$–C_2**: a – Denkmäler der Kiew-Kultur in dem Mitteldnepr-Gebiet: 1 – Nowye Bezradiči; 2 – Chlepcha; 3 – Glewacha; 4 – Bortnichi; 5 – Obuchow 3; 6 – Belgorodka; b – Denkmäler der Kiew-Kultur in dem Desna-Gebiet: 1 – Desnanka; 2 – Mena; 3 – Kireewka 2; 4 – Lawrikow Les; 5 – Werchnesriženskoje; 6 – Forostowiči; c – Denkmäler des „Horizont Boromlja“: 1 – Bukreewka 2; 2 – Rodnoj Kraj 3; 3 – Boromlja 2 (unter Horizont); 4 – Golowino 1 (unter Horizont der Jüngen Römischen Kaiserzeit); 5 – Gočewo 3; 6 – Gočewo 4; 7 – Vojtenki 1 (unter Horizont des Bereich „A“); 8 – Ogulzy (unter Horizont); 9 – Tazowo; d – Denkmäler von Typ Demjanow–Čerepin: 1 – Kuropatniki; 2 – Bowschev 2; 3 – Ripnew 2; 4 – Čerepin; 5 – Demjanow 2; e – Denkmäler des Typs Sedelky–Kaschirka: 1 – Kaschirka 2; 2 – Sedelky; 3 – Pisarewo; 4 – Muchino 2; 5 – Ksizowo 17; 6 – Jablonowo; 7 – Werchnee Turowo; 8 – Malaja Treschewka 1, 2; 9 – Kytino 3; 10 – Loschina; f – Gräber der Černjachow-Kultur der Stufen C_{1b}–C_2: 1 – Dancheny; 2 – Chanska-Luteria; 3 – Kosanowo; 4 – Gawrilowka; 5 – Oseliwka; 6 – Zawadovka; 7 – Černjachow; 8 – Romaschki; 9 – Rakowez; 10 – Toki; 11 – Romankowzy; 12 – Todiren; 13 – Nowo-Aleksandrowka; 14 – Kozja-Jassy; 15 – Budeschty; 16 – Tyrgschor; 17 – Krinichki; 18 – Priwolnoje; 19 – Ružichanka; 20 – Žurowka-Olschanskaja; 21 – Černeliw-Russkij; 22 – Byrlad-Walja-Sjake; g – Denkmäler der Wielbark-Kultur: 1 – Derewjanoe; 2 – Wikniny Welikie;

середины III — начала IV в., или ступеней C_{1b}, C_2 хронологии римского времени. В него попадает ряд комплексов на поселениях Бовшев 2, Демьянов 2, Куропатники, Черепин, Рипнив 2, поселения киевской культуры Глеваха (нижний горизонт), Новые Безрадичи, Обухов 3 (некоторые комплексы), Бортничи в Среднем Поднепровье, поселения киевской культуры Верхнестриженское 3, Деснянка, Мена, Лавриков Лес, Форостовичи в Подесенье, поселения Беседовка (?), Гочево 3 и 4, Тазово, Букреевка 2, Колосовка, Родной Край 3, Боромля 2 (нижний горизонт), Войтенки 1 (участок А, нижний горизонт), Песчаное (нижний горизонт), Головино 1 (ранний горизонт позднеримского времени) на Днепровском Левобережье, поселения Ксизово 17 и Седелки в Подонье (***табл. 6***). Мизерное количество датирующих вещей либо вообще их отсутствие допускает существование некоторых памятников в Подесенье на протяжении нескольких ступеней (***табл. 3, 6***).

Для выделения общего и особенного областей данной археологической провинции подвергнуты сравнению топография поселений, домостроительство, керамический комплекс. Селища группы Демьянов — Черепин размещались на возвышенном участке в пойме реки или на краю мысовидного останца над поймой (Бовшев 2, Куропатники), на склоне балки над луговой долиной (Демьянов 2) (*Баран, 1981, с. 19*; *Баран, Гопкало, 2006, с. 5*). Хронологически и генетически предшествующие им поселения зубрицкой группы в большинстве своем занимают высокий берег (мыс) реки, а некоторые из них размещались на склоне над луговой долиной (*Козак, 1992, с. 33*). Здесь наблюдается преемственность в топографии поселений, учитывая рельеф области Верхнего Поднестровья.

Памятники киевской культуры ступеней C_{1b}—C_2 в Среднем Поднепровье размещались на краю надпойменной террасы (Хлепча, Новые Безрадичи) и на склоне мокрой балки (Белогородка, Глеваха, Обухов 3), возвышении в пойме (Бортничи) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 102, 103, 108, 109, 122*). Предшествовавшие им киевские памятники находились на краю надпойменной террассы (Казаровичи) или на возвышении в пойме (Сушки 2) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99, 119*).

Памятники киевской культуры Подесенья ступеней C_{1b}—C_2 располагались на пологом склоне (Верхнестриженское 3) или обрывистом мысу (Форостовичи) правого берега реки, на краю первой надпойменной террасы (Мена, Лавриков Лес) или на сниженном берегу ручья (Деснянка) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 125, 132, 140, 144, 146*). Предшествующие по времени киевские памятники ступеней B_2/C_1, C_1 в Подесенье располагались на краю первой надпойменной террасы (Гребля), на возвышении в пойме (Попово-Лежачи) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99, 140*; *Обломский, Терпиловский, 1998а, s. 53*).

Поселения горизонта Боромля располагались в различных топографических условиях: селища Боромля 2 и Войтенки 1 занимали участки на склоне мокрой балки (*Обломский, 2002, с. 114*; *Любичев, 2006, с. 79*), поселения Букреевка 2, Гочево 3, 4 охватывали участки первой надпойменной террасы (*Сымонович, 1990, с. 78*; *Обломский, 2002, с. 114*), а селище Родной Край 3 размещалось на возвышенности в пойме (*Башкатов и др., 1997, с. 111*). Поселения предшествующего времени в области днепро-донецкого водораздела занимали возвышение в пойме (Гочево 1, 2, Шишино 5, Рябовка 1), край или мыс надпойменной террассы (Приоскольское 2, Шмырево, Шоссейное) (*Обломский, 1991, с. 152, 208, 242*; *Обломский и др., 1987, с. 174*; *Терпиловский, 2004б, прилож. 3, с. 105*).

Поселения группы Седелки—Каширка располагались на останце в пойме (2%), склоне первой надпойменной террасы реки (46%), на черноземном склоне балки, в том числе и мокрой (6%), или на краю коренного берега (Каширка 1, Седелки). Они тяготеют к малым рекам и занимают

←

3 – Ditinichy; 4 – Lepesowka; 5 – Baew 1; 6 – Romosch; 7 – Boratin; 8 – Zagai 2; 9 – Mogiljany-Chmelnik; 10 – Gorka-Polonka 1; h – Gebiete der „urslawische“ Kulturprowinze: **I** – Denkmäler des Typ Demjanow–Čerepin; **II** – Denkmäler der Kiew-Kultur in dem Mitteldnepr-Gebiet; **III** – Denkmäler der Kiew-Kultur in dem Desna-Gebiet; **IV** – Denkmäler des „Horizont Boromlja“; **V** – Denkmäler des Typ Sedelky–Kaschirka.
ККК – Kultur der Karpaten-Hügelgräber, **ПК** – Przeworsk-Kultur, **ВК** – Wielbark-Kultur, **КШК** – Kultur der Schnur-Keramik, **БК** – Banzerow-Kultur, **ТК** – Tuschemlja-Kultur, **МК** – Moschčin-Kultur

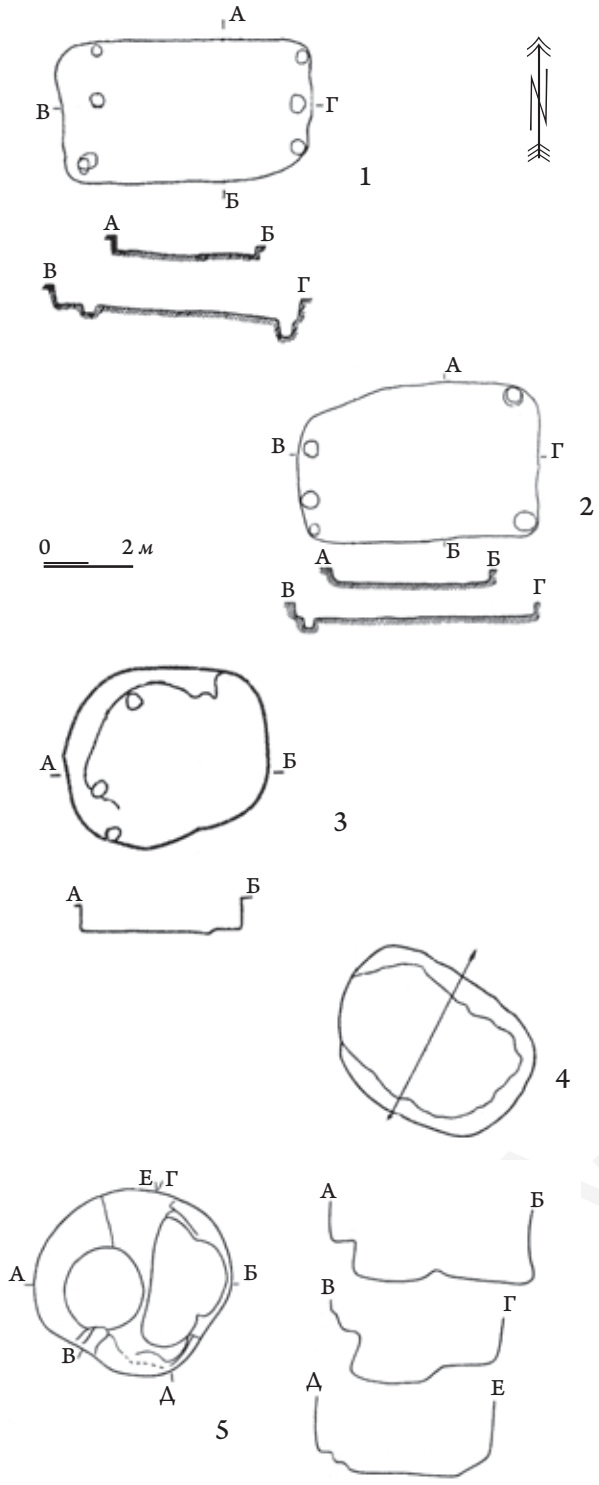

***Рис. 3*. Жилища памятников типа Демьянов—Черепин**: 1 — Демьянов 2, жил. 2; 2 — Демьянов 2, жил. 4; 3 — Демьянов 2, жил. 5; 4 — Бовшев 2, жил. 10; 5 — Куропатники, жил. 3 (по: *Баран, Гопкало, 2006, табл. 15, 17, 20: 2, 33*)

***Abb. 3*. Häuser an den Denkmäler von Demjanow–Čerepin**: 1 – Demjanow 2, Haus 2; 2 – Demjanow 2, Haus 4; 3 – Demjanow 2, Haus 5; 4 – Bowschew 3, Haus 10; 5 – Kuropatniki, Haus 3

разные участки берега с относительно крутыми склонами (*Акимов, 2001, с. 10*; *Медведев, Акимов, 2001, с. 145—158*; *Обломский, 2001, с. 123*; *Обломский, 1998, с. 110*; *Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 124—156*; *Обломский, 2009а, с. 188*).

Спектр топографии поселений горизонта Боромля отличается от предшествующих позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 —Терновка 2 и связанных с ними памятников типа Шишино 5—Шмырево присутствием в нем помимо поселений в поймах и на надпойменных террасах еще и селищ на склонах мокрых балок. Подобный спектр характерен для памятников типа Демьянов—Черепин и Седелки—Каширка. Среди киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья встречаются также отдельные поселения на склонах балок.

На памятниках типа Демьянов—Черепин выделено три основных типа жилищ (или домостроительные традиции): 1) прямоугольной формы со столбовыми ямками в углах (вдоль стен), очагами (печами-«каминами») (***рис. 3: 1, 2***); 2) подобные им, но подквадратные без столбовых ям (со столбовыми ямами) с очагами; 3) округлые, в том числе с уступами-лежанками (***рис. 3: 3—5***) (*Баран, Гопкало, 2006, с. 8—10, рис. 5*). Жилища первой традиции имеют прототипы на пшеворских поселениях Верхнего Поднестровья (жилище 2 поселения Пасеки-Зубрецкие) (*Козак, 1992, рис. 5: 13*), в зубрицкой группе (жилище 3 поселения Загаи 2) (*Козак, 1992, рис. 20: 1*). Вторая традиция имеет аналоги в зубрицкой группе (жилище 7 поселения Загаи 2) (*Козак, 1992, рис. 18: 1*). Жилища третьей традиции имеют прототипы и аналоги на хронологически предшествующих и синхронных памятниках Верхнего Поднестровья—Волыни: жилище 6 селища Горка Полонка, жилище 5 поселения Горка Полонка 2, жилища 13, 21, 22 поселения Боратин (*Козак, 1992, рис. 4; 42: 1; 46: 1; 16: 12; 40: 1; 44: 1*).

Жилые сооружения киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья на ступенях C_{1b}—C_2 являются довольно типовыми. Это полуземлянки с котлованом прямоугольной (квадратной) формы, центральной столбовой ямкой, столбовыми ямками вдоль противоположных стен, открытым очагом (*Терпиловский, 2004б, с. 36*; *Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99, 100, 109—111, 114—118,*

119, 122, 125, 133, 140, 142, 144, 145; *Терпиловський, 1999, рис. 3, 4*; *Земцов, 2007, с. 16*) (***рис. 4***).

На поселениях горизонта Боромля по форме котлована и деталям интерьера сооружений нами выделены три домостроительные традиции: 1) округло-овальные в плане полуземлянки с уступом-лежанкой (или без нее), со столбовыми ямками, открытым очагом или печью-«камином» (***рис. 5: 1, 3***); 2) прямоугольные и подквадратные в плане полуземлянки с очагами (в том числе и с двумя), печью-«камином», столбовыми ямками по периметру стен и в центре пола, приступками возле стен (***рис. 5: 2, 4***); 3) сооружения неправильной формы, многочастные сооружения, которые объединяют первые две традиции (*Любичев, 2008а, с. 40, 41*).

Жилища хронологически предшествующих на этой территории памятников типа Шишино 5 — Шмырево в свою очередь являются очень близкими к конструкциям позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 — Терновка 2 (*Обломский, 1991, с. 41, 42, 51*). Сравнение построек этих культурных групп приводит к выделению тенденции распространения построек неправильных, подпрямоугольных в плане форм, наличия отопительных сооружений в виде прокала пола, ямы от центрального столба, срубной и каркасной конструкции стен. В это время как в Подесенье, так и в сейминско-донецком регионе имелись постройки с центральным столбом и очагом рядом с ним (*Земцов, 2007, с. 19*).

Исследователи отмечают определенную близость построек раннекиевских поселений и селищ типа Букреевки 2 — Тазово, но в то же время и серьезные различия: присутствие на последних большого количества каркасно-столбовых сооружений, значительное использование очагов в ямах и печей-«каминов», появление в постройках полок-лежанок, что свидетельствует о «существенном инородном влиянии на киевские племена групп населения черняховской культуры… пшеворской традиции в черняховской культуре» (*Земцов, 2007, с. 21*).

Добавим, что на памятниках типа Шишино 5 — Шмырево (*Памятники киевской культуры…, 2007, рис. 12, 13, 30*) фактически отдаленную подоснову имеет лишь вторая домостроительная традиция горизонта Боромля (***рис. 5: 2, 4***) в виде

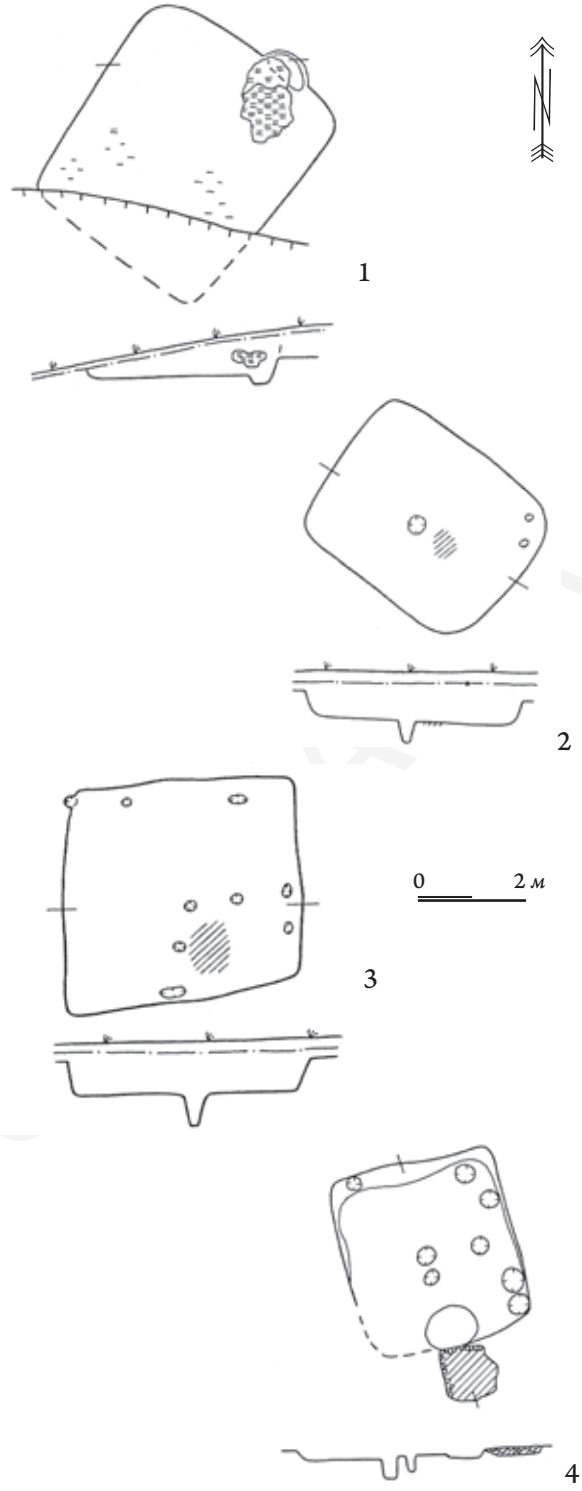

***Рис. 4*. Жилища киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья**: 1 — Глеваха, постр. 1; 2 — Глеваха, постр. 3; 3 — Лавриков Лес, постр. 1; 4 — Верхнестриженское 3, постр. 1 (по: *Терпиловский, 2004б, рис. 45, 46, 48, 52*)

***Abb. 4*. Häuser an den Denkmäler der Kiew-Kultur in dem Mitteldnepr- und Desnagebiet**: 1 – Glewacha, Bau 1; 2 – Glewacha, Bau 3; 3 – Lawrikow Les, Bau 1; 4 – Werchnesriženskoje 3, Bau 1

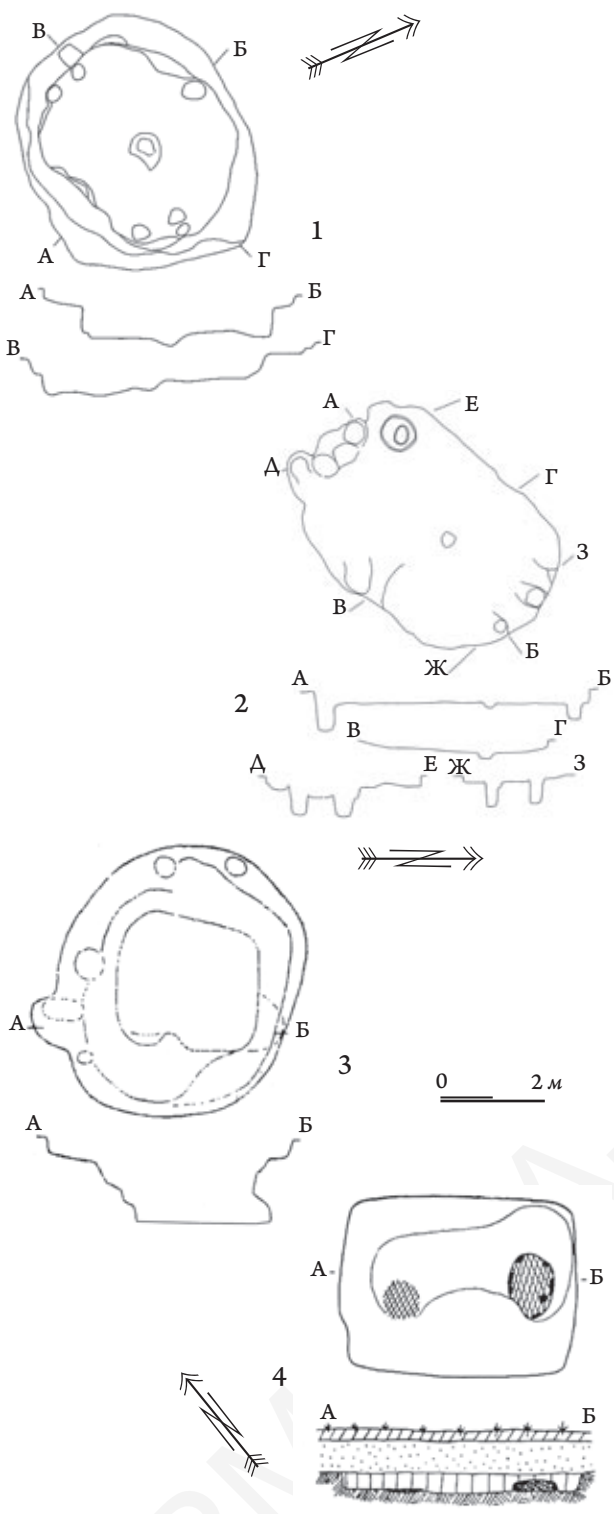

***Рис. 5*. Жилища горизонта Боромля**: 1 — Войтенки 1, уч. А, соор. 2/2; 2 — Войтенки 1, уч. А, соор. 4; 3 — Букреевка 2, соор. 4 (по: *Сымонович, 1990, рис. 4: 17*); 4 — Родной Край 3, соор. 1 (по: *Башкатов и др., 1997, рис. 1*)*

***Abb. 5*. Häuser des Horizont Boromlja**: 1 – Vojtenki 1, Bereich „A", Bau 2/2; 2 – Vojtenki 1, Bereich „A", Bau 4; 3 – Bukreewka 2, Bau 4; 4 – Rodnoj Kraj 3, Konstruktion 1

близости прямоугольных или квадратных в плане конструкций: например жилище 3 Боромли 2 (*Некрасова, 2006, рис. 24: 1*).

Следовательно, первая и третья домостроительные традиции на поселениях горизонта Боромля не имеют подоснов на хронологически предшествующих позднезарубинецких-раннекиевских памятниках в днепро-донецкой лесостепи, но находят параллели на памятниках типа Демьянов—Черепин (***рис. 3: 3—5***) и Седелки—Каширка (***рис. 6: 1—3***). Третья традиция присутствует в Верхнем Поднестровье, например, сооружение 22 селища Рипнив 2 являлось двухкамерной полуземлянкой (*Баран, 1964, с. 234*). Там двухчастные жилища известны и на предшествующих памятниках, например жилище 11 поселения Загаи (*Козак, 1992, рис. 49: 1*).

В свою очередь жилища второй домостроительной традиции горизонта Боромля несут в себе черты значительного усложнения конструкции сооружений позднезарубинецких и раннекиевских в виде наличия: а) двух очагов; б) печей-«каминов»; в) симметрично расположенных столбиков вдоль стен; г) трех столбов по длинной оси жилища; д) центрального столба совместно со столбами по периметру; е) приступков или уступов-лежанок вдоль стен, о чем упомянуто выше. Печи-«камины» распространены в различных областях «праславянской» культурной провинции: Поднестровье — Пасеки-Зубрецкие (*Башкатов, 1997*), Демьянов 2 (*Баран, Гопкало, 2006, с. 9, рис. 5*), Среднем Поднепровье — Белгородка, Мотовиловская Слободка 4, Игнатовка (*Обломский, 2002, рис. 66*), Подесенье — Александровка, Верхнестриженское 3, Роище (*Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 6, 10, 23*; *Терпиловский, 2004б, рис. 29: 2—5*), на Днепровском Левобережье — Гочево 2 (*Обломский, 2002 рис. 66*; *Терпиловский, 2004б, рис. 29: 6*), сооружение 2 Цепляево 2 (*Обломский, 1991, с. 221, рис. 66*), Подонье — Хлевное, Чертовицкое Третье (*Обломский, 2002, рис. 66*). Два очага имело жилище 14 поселения Бовшев 2 (*Баран, 1981, с. 29*).

Приведенная информация не дает основания согласиться с утверждением о том, что «жилища памятников типа Букреевка—Тазово (в нашей терминологии «горизонта Боромля») продолжают традиции конструкции интерьера жилищ

предшествующих памятников типа Шишино 5—Шмырево» (*Обломский, 1991, с. 100, 101*).

Среди полуземляночных сооружений на памятниках типа Седелки—Каширка имеются конструкции округлых в плане форм с уступами, столбовыми ямами (***рис. 6: 1—3***) или сооружения, близкие в плане к неправильному прямоугольнику со столбовыми ямками по центру и вдоль стен (***рис. 6: 4***). Исследователи отметили, что истоки домостроительной традиции на памятниках типа Седелки—Каширка находятся среди памятников «сейминско-донецкого варианта киевской культуры и контактной киево-черняховской зоны востока Днепровского Левобережья» (*Акимов, 2001, с. 12*).

Сравнение лепного керамического комплекса областей провинции возможно проводить по типологии А. М. Обломского—Р. В. Терпиловского для лепной керамики римского времени Среднего Поднепровья — Днепровского Левобережья (*Обломский, 2002, рис. 2*; *Терпиловский, 2004б, рис. 1*).

На памятниках Верхнего Поднестровья типа Демьянов—Черепин в комплексе лепной керамики представлены округлобокие горшки различного профиля (I 1а, I 1б, I 1в, I 3а, I 4а) (***рис. 7: I: 1—4***), конические миски на высокой ножке с кольцевым поддоном (***рис. 7: I: 5***) или с широким плоским дном (***рис. 7: I: 6***) (*Баран, Гопкало, 2006, табл. 2: 8, 11; 5:1, 7; 15; 20: II: 1—6; 21: 2—5; 22: IV: 14—18; 24: II: 1—3; 30: II: 1, 2; 31: II: 1—14; 32: 1—11; 33: II: 2—14*; *Баран, 1981, табл. 38: 1—3; 39: 5—8; 40: 1—3; 62: 1*). На поселениях Бовшев 2, Демьянов 2, Куропатники, Черепин, Рипнив 2 фактически отсутствуют лепные ребристые горшки (*Баран, Гопкало, 2006, табл. 2—12; 14—17, 20—25; 30—33*; *Баран, 1981, табл. 38—47, 62—70*).

Для наиболее ранних киевских памятников Среднего Поднепровья и памятников типа Шишино 5—Шмырево характерно преобладание горшков и корчаг раскрытого профиля (I 3б) (***рис. 8: I: 12, 13; II: 3, 13; 9: I: 8—10***) и ребристых горшков с прямым или слегка отогнутым венчиком (II 1) (***рис. 8: I: 3***). За ними следуют округлобокие горшки с расширением корпуса на середине высоты (I 1а, I 1б) (***рис. 8: I: 1 5, 10; II: 5; 9: I: 7; II: 5, 8***) или удлиненные биконические горшки (II 2а), имеются биконические горшки с выпуклой нижней частью (II 2б) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 48,*

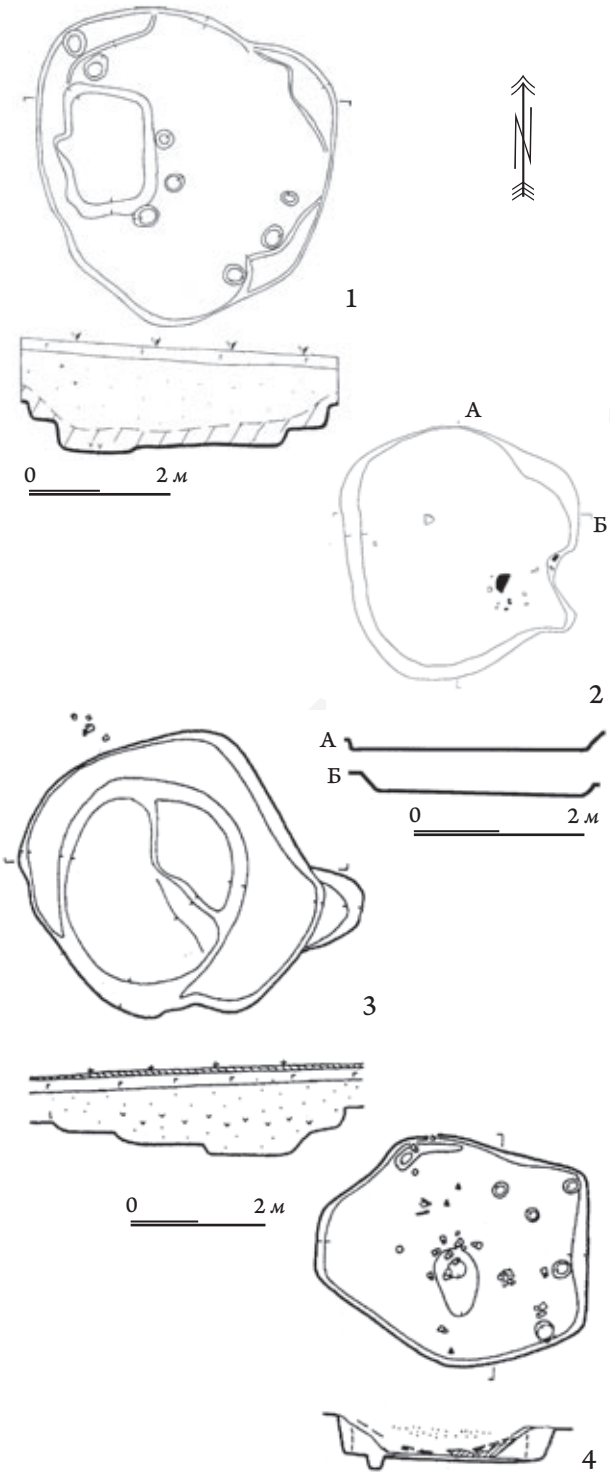

Рис. 6. **Жилища памятников типа Седелки—Каширка**: 1 — Ксизово 17А, раскоп 2, постр. 1; 2 — Ксизово 17А, раскоп 3, постр. 1; 3 — Седелки, раскоп 2, постр. 3; 4 — Седелки, раскоп 2, постр. 5 (по: *Обломский, 2009а, рис. 3, 6*; *Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 5, 15*)

Abb. 6. **Häuser an den Denkmäler des Typ Sedelky–Kaschirka**: 1 – Ksizowo 17A, Grube 2, Bau 1; 2 – Ksizowo 17A, Grube 3, Bau 1; 3 – Sedelky, Grube 2, Bau 3; 4 – Sedelky, Grube, Bau 5

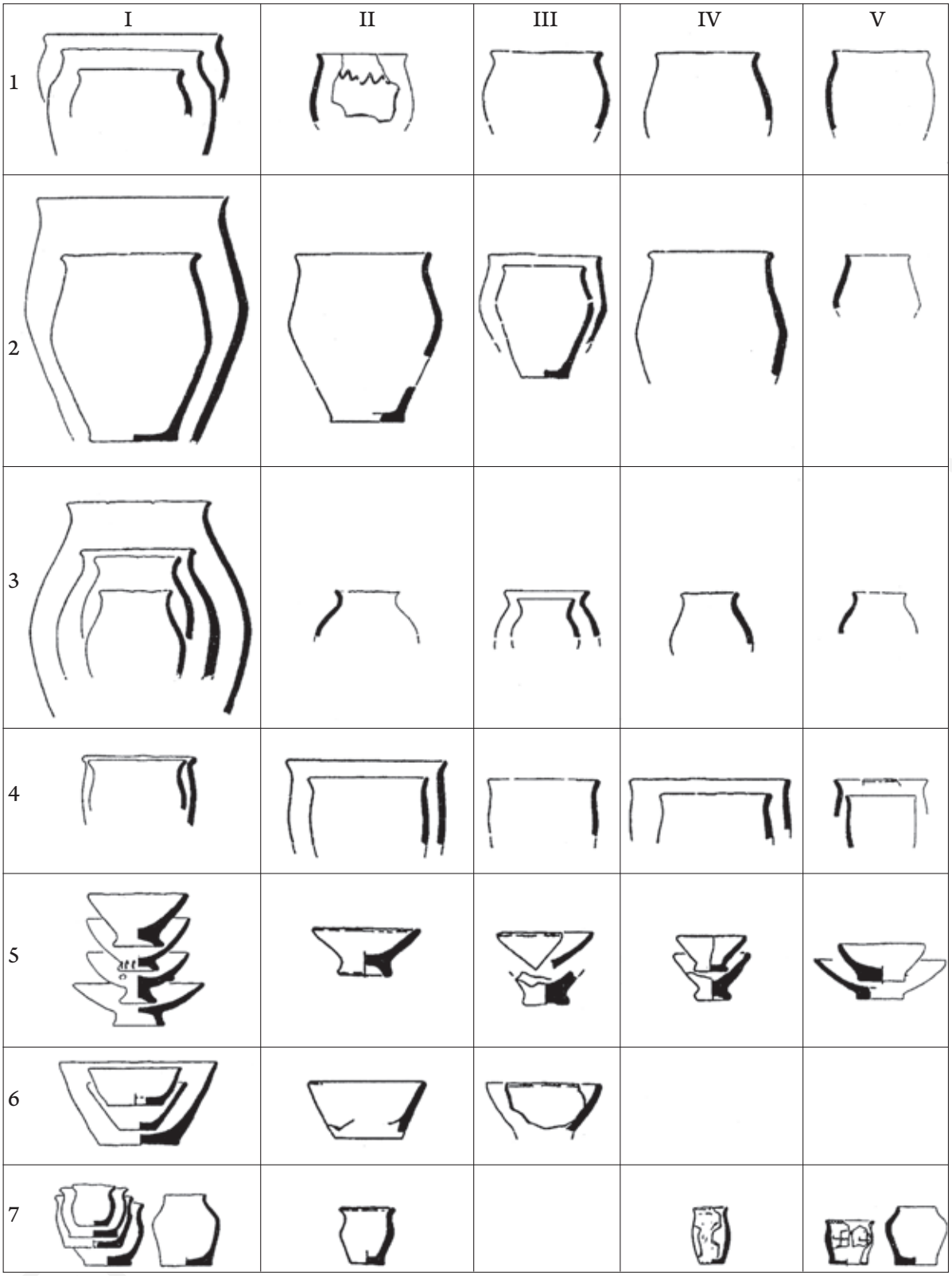

***Рис. 7*. Керамический комплекс памятников типа Демьянов—Черепин (I) и горизонта Боромля (II—V)**:
II — Букреевка 2; III — Гочево 3, 4; IV — Боромля 2; V — Родной Край 3 (по: *Баран, Гопкало, 2006, рис. 8*).
1—4 — лепные горшки; 5 — вазы; 6 — конические миски; 7 — миниатюрные горшки

***Abb. 7*. Keramik der Denkmäler des Typs Demjanow–Čerepin (I) und Horizont Boromlja (II–V)**:
II – Bukreewka 2; III – Gočewo 3, 4; IV – Boromlja 2; V – Rodnoj Kraj 3

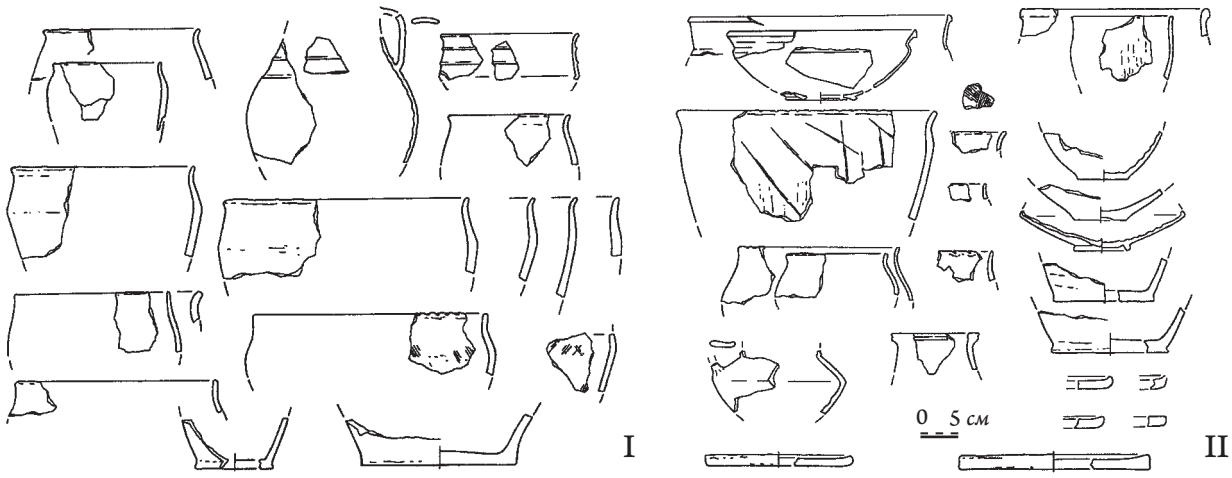

***Рис. 8*. Керамический комплекс памятников киевской культуры Среднего Поднепровья ступеней C_1, C_2:**
I — Глеваха, постр. 3; II — Глеваха, постр. 1 (по: *Терпиловский, 2004а, рис. 45, 46*)

***Abb. 8*. Keramik der Denkmäler der Kiew-Kultur im Mitteldnjepr-Gebiet an den Stufen C_1, C_2:**
I – Glewacha, Bau 3; II – Glewacha, Bau 1

рис. 8). В рассматриваемый нами период, на ступенях C_{1b}, C_2, известны те же формы горшков, за исключением цилиндро-конических с изогнутой верхней частью и слегка отогнутым венчиком (*Терпиловский, Абашина, рис. 8, класс II, тип 1, в*). Для Среднего Поднепровья отмечено большое количество широкогорлых корчаг и горшков с узкой горловиной, высоким крутым плечом (I 1б) (***рис. 8: I: 5, 6; II: 4***), для Подесенья — тюльпановидных горшков (I 3б) (***рис. 9: II: 8, 9, 13***). В обеих областях часто встречаются разнообразные ребристые и биконические формы (II 1, II 2), различные варианты округлобоких, тюльпановидных, баночных сосудов (*Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 48*) (***рис. 8, 9***).

В керамическом комплексе памятников горизонта Боромля господствуют округлобокие горшки различных вариантов (I1, I2) (***рис. 10: 17—19, 21; 11: 1, 2, 7, 8, 14***), далее следуют горшки раскрытого профиля (I 3б) (***рис. 10: 13, 14, 16***) и баночные (3а) (***рис. 10: 12; 11: 3, 4***), ребристые и биконические горшки (***рис. 10: 22, 28; 11: 6, 13***). О таком соотношении форм свидетельствует учет керамики по комплексам поселений Боромля 2 (нижний горизонт), Гочево 3, 4, Родной Край 3, Букреевка 2, Войтенки 1 (*Любичев, 2007, с. 288, табл. 2*). Составной частью данного керамического комплекса являются конические миски с выделенной ножкой (***рис. 10: 8—10; 11: 9, 10***). Определенное своеобразие ему придают и отдельные округлобокие горшки с загнутым внутрь краем (I 4а) (*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 48*), а также горшки со специально ошершавленной внешней поверхностью в области тулова (*Памятники киевской культуры…, 2007, рис. 87: 18*). Диски-сковородки здесь встречены редко, например в постройке 1 эпонимного памятника (*Некрасова, 2006, рис. 21: 14*) (***рис. 10: 11***). Сравнительная таблица (***рис. 7***) свидетельствует о близости керамических комплексов памятников типа Демьянов — Черепин и горизонта Боромля.

В отличие от набора керамики предшествующих на этой территории памятников типа Шишино 5 — Шмырево, для керамического комплекса горизонта Боромля не присущи горшки максимально раскрытого профиля с широко отогнутым венчиком (*Обломский, 2002, рис. 17: 10, 11*), почти конические в профиле сосуды без изгиба тулова (*Обломский, 1991, рис. 57: 1; 58: 1*) и баночные горшки с едва выделенным венчиком (*Обломский, 2002, рис. 17: 22, 23*), реберчатые горшки с изогнутой и «раскрытой» верхней частью (*Обломский, 2002, рис. 17: 14*); достаточно редкие формы — округлобокие приземистые горшки (*Обломский, 2002, рис. 17: 4, 5, 9, 13*). Диски-сковороды — характерная составная часть керамики этих памятников, а сосуды со специально ошершавленной поверхностью, напротив, в них отсутствуют.

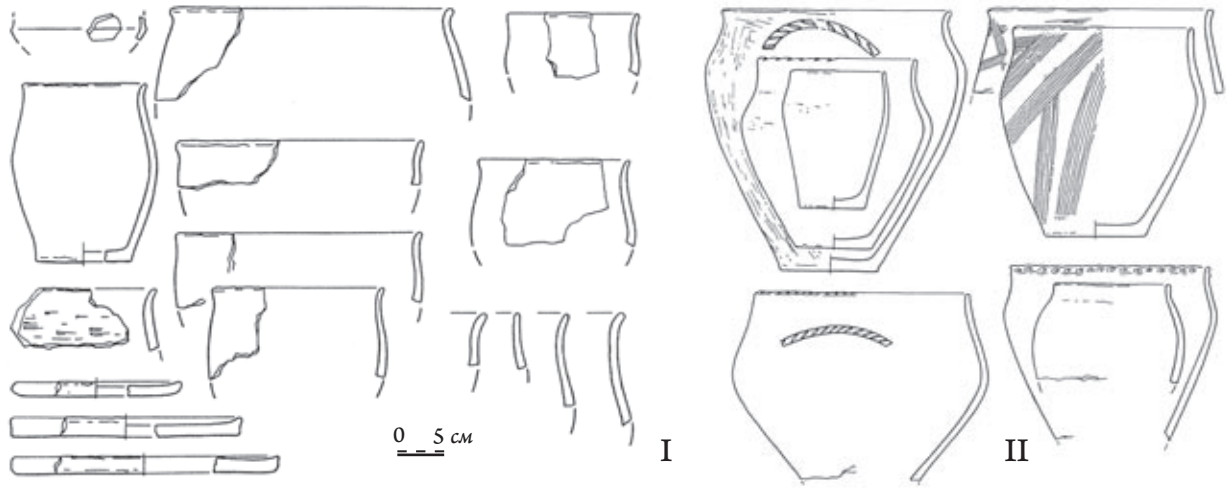

***Рис. 9*. Керамический комплекс памятников киевской культуры Подесенья ступеней C_1, C_2:**
I — Лавриков Лес, постр. 1; II — Верхнестриженское 3, постр. 1 (по: *Терпиловский, 2004а, рис. 48, 52*)

***Abb. 9*. Keramik der Denkmäler der Kiew-Kultur im Desna-Gebiet an den Stufen C_1, C_2:**
I – Lawrikow Les, Bau 1; II – Werchnesriženskoje 3, Bau 1

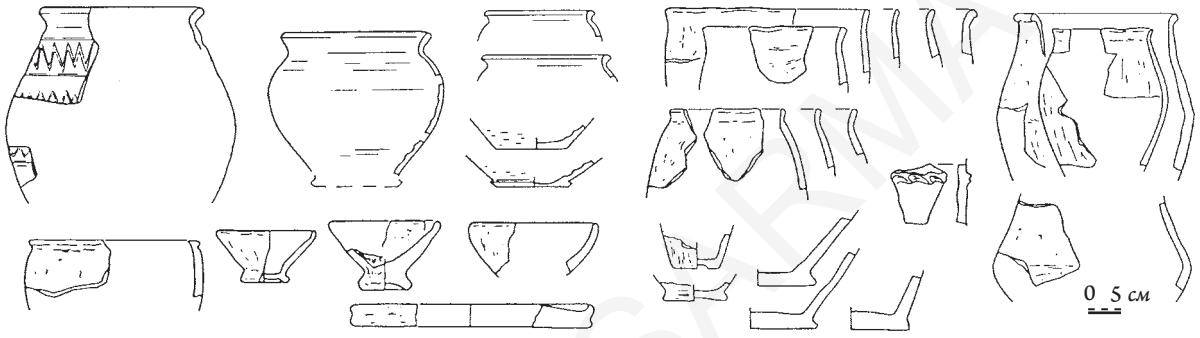

***Рис. 10*. Керамический комплекс горизонта Боромля**: Боромля 2, жил. 1 (по: *Некрасова, 2006, рис. 21*)

***Abb. 10*. Keramik des Horizont Boromlja**: Boromlja 2, Haus 1

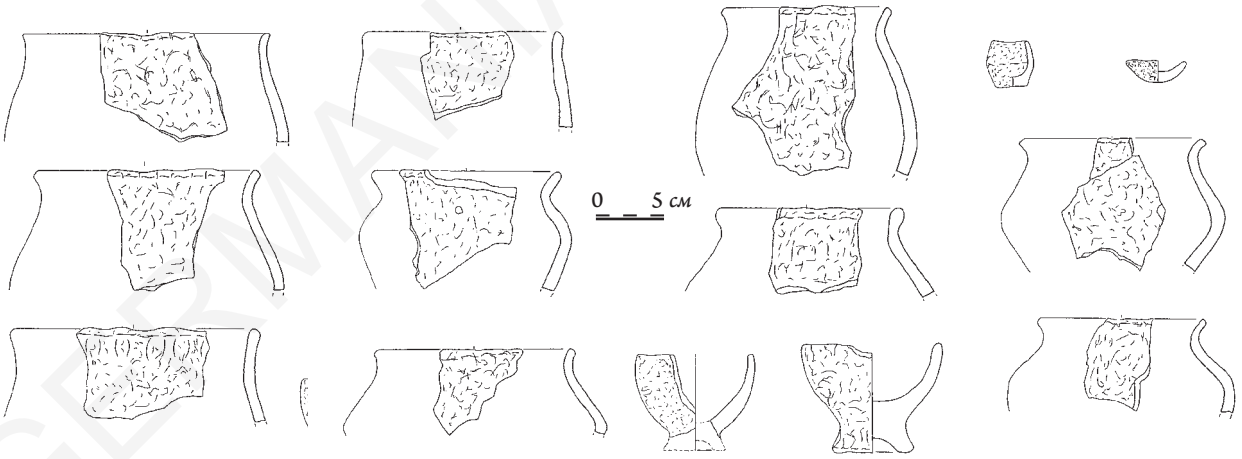

***Рис. 11*. Керамический комплекс горизонта Боромля**: Войтенки 1, уч. А, соор. 4 — лепная керамика

***Abb. 11*. Keramik des Horizont Boromlja**: Vojtenki 1, Bereich „A", Bau 4 – freihandgemachte Keramik

GERMANIA-SARMATIA II

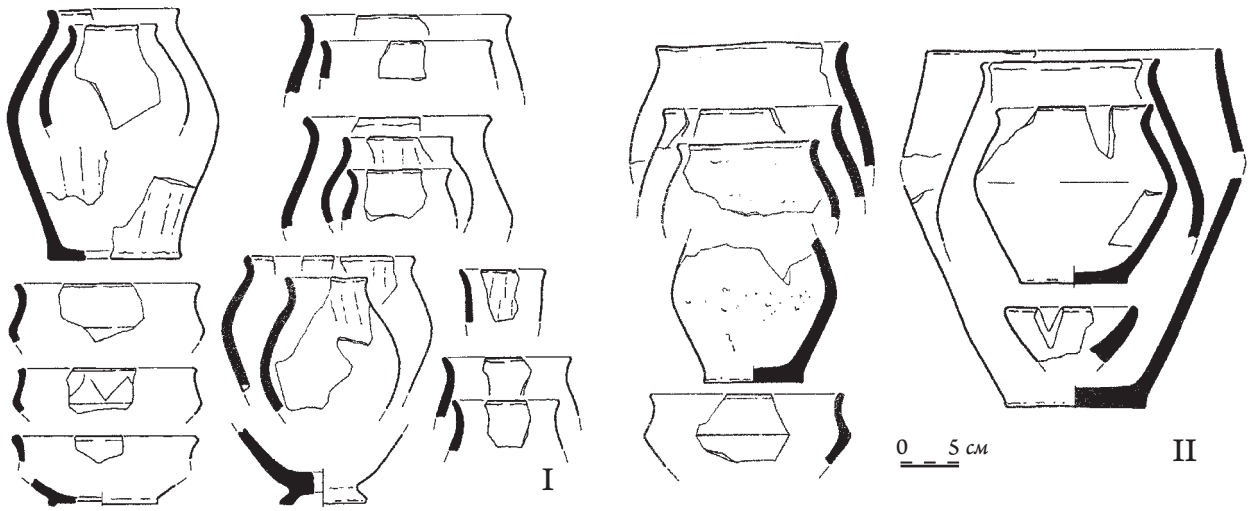

Рис. 12. **Керамический комплекс памятников типа Седелки—Каширка:**
I — Седелки, раскоп 3, постр. 4; II — Седелки, раскоп 2, постр. 1 (по: *Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 14: 4*)

Abb. 12. **Keramik der Denkmäler des Typs Sedelky–Kaschirka:**
I – Sedelky, Grube 3, Bau 4; II – Sedelky, Grube 2, Bau 1

В лепном керамическом комплексе памятников типа Седелки—Каширка первое место занимают округлобокие горшки (I 1в, I 2) (***рис. 12: I: 1, 2***), присутствуют баночные (3а) (***рис. 12: I: 7***), им значительно уступают по количеству ребристые формы горшков II 1 (***рис. 12: II: 6***), II 2 (***рис. 12: I: 8***), имеются тюльпановидные формы горшков I 3б (*рис. 12: I: 14*) и конические миски (***рис. 12: I: 13; II: 9***). На этих памятниках также присутствует посуда, связанная по происхождению с позднескифскими поселениями Нижнего Поднепровья, отдельные формы лощенной посуды (*Обломский, 2008, с. 144, 145, рис. 2: 1, 7, 10—13*). О соотношении форм красноречиво свидетельствует статистика по комплексам поселений Седелки (***табл. 7***) и Ксизово 17 (***табл. 8***): на первом месте стоят округлобокие горшки, на втором — конические миски («миски-плошки») и уже затем — ребристые горшки. В Седелках преобладают округлобокие горшки, затем идут сосуды раскрытого профиля и, наконец, ребристые горшки (*Любичев, 2007, табл. 4*). В яме 4 раскопа 3 Ксизово 17 обнаружен и фрагмент диска-сковороды (*Обломский, 2009а, рис. 9*) (***табл. 8***). Керамические комплексы горизонта Боромля и памятников типа Седелки—Каширка являются близкими по набору форм и их соотношению. Комплекс лепной керамики памятников типа Седелки—Каширка (***рис. 12***) стоит гораздо ближе к керамическим комплексам горизонта Боромля (***рис. 10, 11***) и памятников типа Демьянов — Черепин (***рис. 7***), чем к керамике киевской культуры Среднего Поднепровья (***рис. 8***) и Подесенья (***рис. 9***).

Близость керамических комплексов памятников типа Демьянов—Черепин, Седелки—Каширка и горизонта Боромля находит параллели в традициях домостроительства, о чем сказано выше. В этой связи на поселении Седелки обращает на себя внимание факт присутствия помимо описанных выше полуземляночных также и остатков наземных глинобитных сооружений (*Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 3, 11, 13*). Последние традиционно относятся уже не к «классической» черняховской культуре ступени C_3, а к середине III — началу IV в., т. е. к ступеням C_{1b}, C_2 (*Обломский, 2008, с. 147; 2009а, с. 194*), и служат основанием для обозначения селища как «гибридного памятника с сочетанием киевских и черняховских элементов» (*Обломский, Терпиловский, 1998, с. 133, 134*). Учитывая наличие на памятниках типа Седелки—Каширка остатков наземных жилищ, но при небольшом количестве гончарной посуды (0,6—14%) (*Обломский, 2009б, с. 265*), делается вывод, что они являются производными от черняховской культуры, «ее дочерним образованием» (*Обломский, 2009б, с. 195*).

По немногочисленным датирующим предметам памятники типа Седелки—Каширка отнесены ко второй трети III («от возникновения черняховской культуры») — началу IV в. Высказано мнение, что на сегодняшний день пока нет вещей, которые могут быть диагностами стадии C_3 (*Обломский, 2008, с. 147*). С этим утверждением нельзя согласиться, учитывая наличие на поселении Седелки днища амфоры с рифлеными стенками и сосковидным выступом (*Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 17: 9*), вероятнее всего, относящейся к варианту 1 типа Е с ножкой в виде выступа-кнопки (*Сазанов, 1993*), который датируется концом IV — началом V в. (*Магомедов, 2001, с. 63*), а также части фасетированной спинки подвязной фибулы из поселения Писарево, относящейся к серии Б2 классификации Е. Л. Гороховского (*Обломский, 1998, с. 115, рис. 3: 5*).

Картографирование находок неслуховской, днепровской серий фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена (*Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 11*; *Баран, Гопкало, 2006, рис. 13*; *Любичев, 2008б, рис. 1, 2*) (***рис. 13***) также подтверждает происхождение горизонта Боромля в результате миграции групп родственного населения из Верхнего Поднестровья. Подобные фибулы «появились» и на памятниках группы Седелки—Каширка, в частности фибула днепровской серии на селище Мухино 2 (*Обломский, 2008, рис. 3: 3*). Фибулы этих серий близки между собой, иногда на памятниках горизонта Боромля они обнаружены совместно (Войтенки 1, Огульцы). Близки по типологическим признакам к этим сериям и фибулы лепесовской серии, места находок которых также расположены цепочкой с запада на восток (Яструбичи, Лепесовка, Гаевое, Халимоновка) (*Любичев, 2008б, рис. 2*). За последнее время новые экземпляры фибул днепровской серии обнаружены на Сейме (Пены, Рязаново), но их культурная подоснова до раскопок памятников остается неясной (*Радюш, 2008, рис. 3: 1, 6*).

К 2006 г. в днепро-донецкой лесостепи было известно более 40 учтенных находок фибул неслуховской, днепровской, лепесовской серий (*Любичев, 2008г, с. 36*). Сейчас это количество с каждым годом возрастает большей частью за счет подъемного материала и меньшей — за счет находок в слое и комплексах памятников. В постройках селища горизонта Боромля эти фибулы известны на эпонимном памятнике, в Букреевке 2, Гочево 3, Родном Крае 3, Войтенках 1. В Новоселовке, Огульцах, Войтенках 1, Головино 1 они происходят из культурного слоя памятников (*Любичев, 2008г, с. 41*). Применительно к находкам данных фибул на поверхности ряда памятников днепро-донецкой лесостепи с неопределенным или не совсем четко определенным культурным контекстом (Войтенки 1, Старые Валки, Огульцы, Рябухино, Новоселовка, Большая Даниловка, Шевченки 5) (*Любичев, 2008г, с. 43*) прослежена следующая закономерность. Вместе с фибулами указанных серий находят характерную лепную керамику, фрагменты светлоглиняных амфор типа D, но иногда и вещи, характерные для 3—5 фаз развития черняховской культуры по Е. Л. Гороховскому. В этом случае поселения горизонта Боромля находились там, где позднее возникли селища «классической» черняховской культуры.

Несомненную ценность для дальнейшего исследования представляют наблюдения на археологическом комплексе Войтенки 1, который, по предварительным итогам раскопок 2004—2009 гг., явно претендует на роль «хронологической шкалы» позднеримского времени области днепро-донецкого водораздела ступеней C_2—D_1. На трех участках поселения (А, Б, В; раскопки: А, В; сбор подъемного материала: Б) фибулы группа Альмгрен VII найдены на поверхности только участка А, и лишь там обнаружена наряду с гончарной лепная керамика. При раскопках только на участке А поселения были обнаружены сооружения горизонта Боромля с характерной лепной керамикой и фибулами Альмгрен VII вблизи, которые были перекрыты сооружениями «классической» черняховской культуры.

В областях провинции лепные конические миски присутствуют лишь в Верхнем Поднестровье, днепро-донецкой лесостепи и на Дону; их нет на киевских памятниках Подесенья и Среднего Поднепровья. Этот факт помимо родственных черт в домостроительстве и керамическом комплексе, а также ареала некоторых серий фибул с высоким приемником еще раз подчеркивает родство этих областей провинции. Археологический материал обращает нас к мысли М. Б. Щукина о том, «…что движение вельбаркцев дитиничской

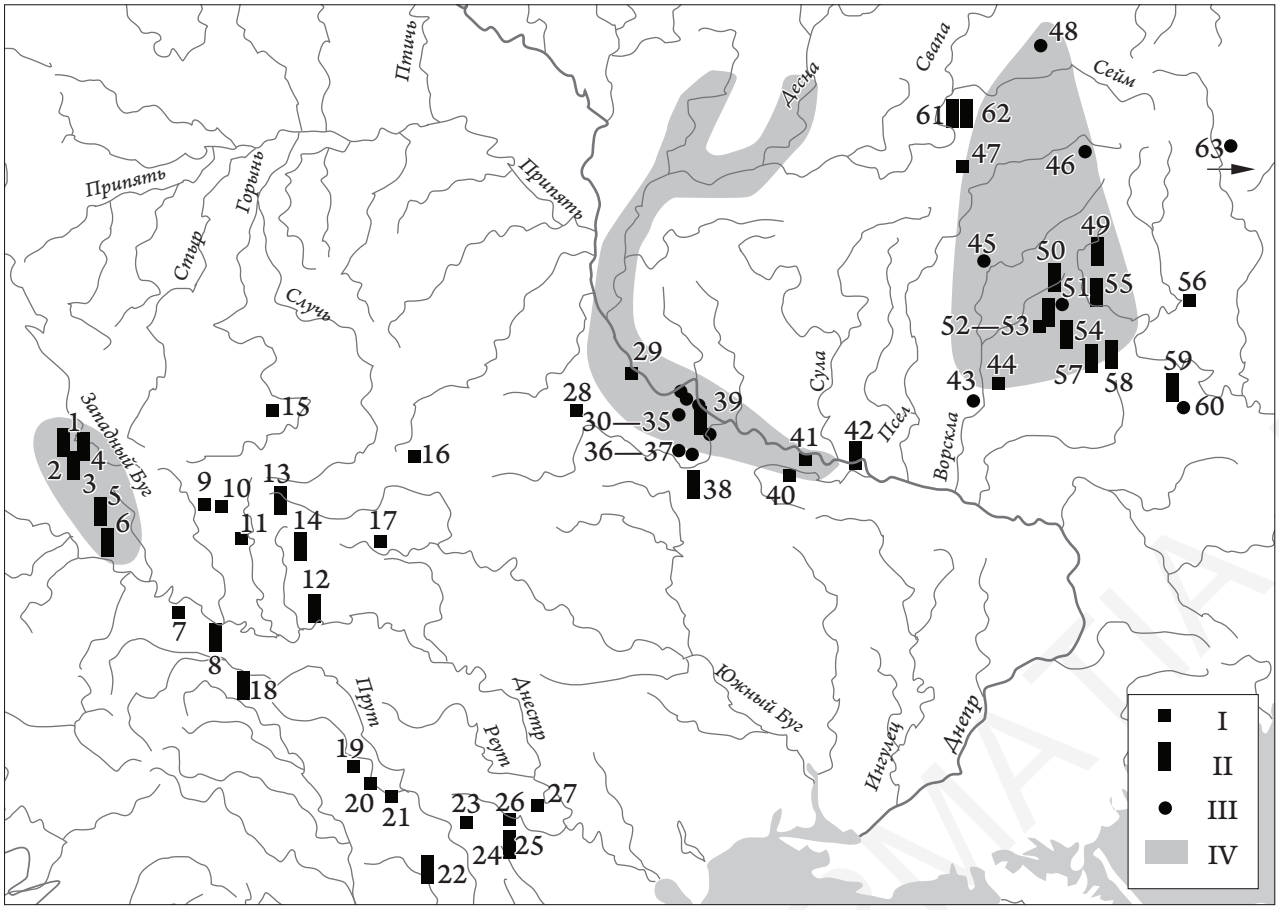

***Рис. 13*. Распространение фибул VII группы О. Альмгрена:** 1 — Неслухов; 2 — Сокольники; 3 — Черепин; 4 — Рипнив; 5 — Псары; 6 — Демьянов; 7 — Незвиско; 8 — Городница; 9 — Чернелив-Русский; 10 — Токи; 11 — Жабинцы; 12 — Лука-Врублевецкая; 13 — Ружичанка; 14 — Вербичка; 15 — Лепесовка; 16 — Петрикивцы; 17 — Гаевое; 18 — Рогизна; 19 — Ионешень; 20 — Тодирень; 21 — Лецкань; 22 — Бирлад-Вале-Сяке; 23 — Василика; 24 — Ханска; 25 — Хуча; 26 — Данчены; 27 — Будешты; 28 — Малополовецкое; 29 — Триполье; 30 — Букрин; 31 — Григоровка; 32 — Тростянец; 33 — Пекари; 34 — Михайловка; 35 — Хрещатик; 36 — Семигоры; 37 — Селище; 38 — Журовка-Ольшанская; 39 — Лепляво; 40 — Медведовка; 41 — Коврай; 42 — Градижск; 43 — Шевченки; 44 — Василевка; 45 — Боромля 2; 46 — Гочево 3; 47 — Новоселовка; 48 — Букреевка 2; 49 — Головино 1; 50 — Родной Край 3; 51 — Войтенки 1; 52 — Старый Мерчик; 53 — Старые Валки; 54 — Огульцы; 55 — Большая Даниловка; 56 — Мартовая; 57 — Рябухино; 58 — Пасеки; 59 — Завгороднее; 60 — Петровское (по: *Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 11*; *Баран, Гопкало, 2006, рис. 13*). Дополнения: 61 — Пены; 62 — Рязаново (по: *Радюш, 2008, рис. 3:1, 6*); 63 — Мухино 2 (по: *Обломский, 2008, рис. 3: 3*).

Условные обозначения: **I** — находки фибул; **II** — неслуховская серия; **III** — днепровская серия**; IV** — ареалы памятников типа Демьянов–Черепин, киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья, горизонта Боромля

***Abb. 13*. Verbreitung der Fibeln der Gruppe VII O. Almgren:** 1 – Nesluchow; 2 – Sokolniki; 3 – Čerepin; 4 – Ripnew; 5 – Psary; 6 – Demjanow; 7 – Nezwisko; 8 – Gorodniza; 9 – Černeliw- Russkij; 10 – Toky; 11 – Žabinzy; 12 – Luka-Wrublewezkaja; 13 – Ružichanka; 14 – Werbichka; 15 – Lepesowka; 16 – Petrikiwzy; 17 – Gaewoje; 18 – Rogizna; 19 – Ioneschen; 20 – Todiren; 21 – Lezkan; 22 – Byrlad-Walja-Sjake; 23 – Wasilika; 24 – Chanska; 25 – Chuča; 26 – Dancheny; 27 – Budeschty; 28 – Malopolowezkoje; 29 – Tripolje; 30 – Bukrin; 31 – Grigorowka; 32 – Trostjanez; 33 – Pekari; 34 – Michajlowka; 35 – Chrestchatik; 36 – Semigory; 37 – Selišče; 38 – Žurowka-Olschanskaja; 39 – Lepljawo; 40 – Medwedowka; 41 – Kowraj; 42 – Gradižsk; 43 – Schewchenki; 44 – Wasilewka; 45 – Boromlja 2; 46 – Gochewo 3; 47 – Nowoselowka; 48 – Bukreewka 2; 49 – Golowino 1; 50 – Rodnoj Kraj 3; 51 – Vojtenki 1; 52 – Starij Merchik; 53 – Starye Walki; 54 – Ogulzy; 55 – Bolschaja Danilowka; 56 – Martowaja; 57 – Rjabuchino; 58 – Paseki; 59 – Zawgorodnee; 60 – Petrowskoje. Ergänzungen: 61 – Peny; 62 – Rjazanowo; 63 – Muchino 2.

I – Funde der Fibeln; **II** – Nesluchow-Serie; **III** – Dneprow-Serie **IV** – Territorium der Denkmäler Typ Demjanow–Čerepin, Kiew-Kultur in dem Mitteldnepr- und Desna-Gebiet und „Horizont Boromlja“

волны и проникновение вооруженных отрядов пшеворцев в Верхнее и Среднее Поднестровье заставило часть населения этого региона тоже двинуться на восток, причем в некоторых случаях достаточно далеко. Они достигают даже верховьев Дона, где обнаружены памятники типа Седелки…» (*Щукин, 2005, с. 133*).

В этом случае вполне справедливым выглядит вопрос о правомерности отнесения памятников ступеней C_{1b}, C_2 днепро-донецкой лесостепи, имеющих так много родственных черт с памятниками группы Демьянов — Черепин и Седелки — Каширка, к «сейминско-донецкому варианту киевской культуры» (*Обломский, 2007б, с. 10*). В основе положения о принадлежности их к киевской культуре лежит признание генетической связи с раннекиевскими памятниками типа Шишино 5—Шмырево (*Обломский, 1991, с. 113*; *1999, с. 26*; *2002, с. 56, 57*). Последние, по сходству с керамикой киевских памятников Подесенья в общем наборе форм и с киевскими памятниками Среднего Поднепровья частично, в структуре керамического комплекса были включены в киевскую культуру на правах локального варианта (*Обломский, 1991, с. 68*). Выше говорилось о близости памятников типа Шишино 5—Шмырево к позднезарубинецким типа Картамышево 2—Терновки 2 в области домостроительства и керамики. Но следующие в хронологическом отношении памятники горизонта Боромля несут в себе целый комплекс инноваций, имеющий аналоги в Верхнем Поднестровье и Подонье. В этом случае выделение «праславянской» культурной провинции позднеримского времени с входящими в нее родственными по характеристике, но порой достаточно существенно отличающимися в элементах материальной культуры областями, на наш взгляд, позволяет более гибко рассмотреть культурные процессы в лесостепи и южной части лесной зоны от Западного Буга/Днестра до Дона в этот период, в том числе на ступенях C_{1b}, C_2, и не сводить все их многообразие к расширению ареала киевской культуры и выделению «киевской этнокультурной традиции в черняховской культуре».

Сейчас очень четко видна тенденция расширения ареала киевской культуры, который уже охватил, по заключению отдельных специалистов, бóльшую часть территории современной Белоруссии, все Верхнее Поднепровье, Подесенье, верхние течения Даугавы, Великой, Мсты, «анклавы» культуры появились на Хопре и Волге (*Памятники киевской культуры…, 2007, карта на обороте обложки*). Но при использовании для анализа конкретной археологической ситуации понятия «культурная провинция с родственными областями» в этом огромном ареале явно «проступят» похожие и отличные по отношению к собственно киевской культуре Среднего Поднепровья и Подесенья области.

В ряде работ А. М. Обломского в «черняховской археологической общности» выделена «киевская традиция» как одна из составляющих черняховской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (*Обломский, Терпиловский, 1998а, с. 134*). К данной традиции отнесены памятники с преобладанием сероглиняной гончарной керамики, но с лепной посудой, аналогичной киевской (*Обломский, 2009б, с. 265*). В свете сказанного появление памятников типа Седелки—Каширка на Дону трактуется как следствие прихода группы населения, связанной с киевской культурой лесостепного Поднепровья, испытавшей сильное воздействие «черняховской традиции» (*Обломский, 2009а, с. 194*). Малое число гончарной посуды на этих памятниках и отсутствие здесь биритуальных могильников дает основание называть эти памятники не черняховской культурой с провинциально-римским налетом, а «провинциально-черняховскими» (*Обломский, 2008, с. 147*).

Понятие «горизонт Боромля» введено М. Б. Щукиным для памятников Днепровского Левобережья, содержащих керамику вельбаркского/пшеворского облика и типа Демьянов—Черепин (*2005, с. 51*). Нами горизонт Боромля определяется как группа поселений (ступени C_{1b}, C_2) в днепро-донецкой лесостепи, появившихся вследствие миграции носителей памятников типа Демьянов—Черепин, включающих в себя некоторые черняховские элементы и являющихся частью «праславянской» культурной провинции. Наше определение несет в себе совершенно иное понимание культурных процессов, чем термины «сейминско-донецкий вариант киевской культуры» и «киевская этнокультурная традиция в черняховской культуре». В этом плане и появление памятников типа Седелки—Каширка на Дону

понимается нами как результат движения на восток носителей культурных традиций двух родственных областей «праславянской» культурной провинции: памятников типа Демьянов—Черепин и горизонта Боромля. По мере поступления новых датирующих материалов очень важным моментом в исследованиях должно стать уточнение датировок памятников этих областей.

Такие области провинции, как памятники типов Демьянов—Черепин и горизонт Боромля сближает между собой и присутствие черняховского импорта, особенно гончарной керамики. Для первой области в этот период характерен высокий процент гончарной керамики (*Баран, 1981, с. 137—139, 141*). На днепро-донецком водоразделе в середине III — начале IV в. он колеблется следующим образом: Букреевка 2: 3—42%, Тазово: 20%, Родной Край 3: в среднем, 11%, Боромля 2: 14,5—28%. Особняком стоит поселение Головино 1, материалы которого вызвали дискуссию (*Обломский, 2001—2002; 2009б*; *Любичев, 2008б, в*): 45—83% (*Любичев, 2003а, с. 73*). Наличие лишь единичных черняховских вещей и незначительного количества гончарной керамики на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья позволило прийти к выводу об отсутствии преемственности между киевским и черняховским этапами заселения этого региона (*Терпиловский, 2004а, с. 471*). В Подесенье для рассматриваемого периода отмечается незначительное количество черняховского импорта (*Терпиловский, 1984а, с. 83*).

Другое дело в днепро-донецкой лесостепи, где присутствие относительно высокого процента гончарной керамики, а также инноваций фибул с высоким приемником группы Альмгрен VII, светлоглиняных амфор типа D, глиняных грузил ткацких станков, определенных типов глиняных пряслиц породило тезис о раннем проникновении черняховской культуры в среду сейминско-донецкого варианта киевской культуры, основании здесь черняховских «баз колонизации» и киево-черняховской «чересполосице» (*Обломский, 1991, с. 90—114*; *1997, с. 88*) и, наконец, о «киевской этнокультурной традиции в черняховской культуре» (*Обломский, 2002, с. 49*).

Мы уже писали о том, что появление черняховской культуры в зоне днепро-донецкой лесостепи следует связывать лишь с наличием памятников типа Косанов (*Магомедов, 2001, с. 116*) или как синонима — памятников типа Снагость 2—Хохлово (*Кропоткін, Обломський, 1991, с. 78—88*) с биритуальными могильниками, сочетанием наземных и полуземляночных жилищ, элементами вельбаркской культуры (*Любичев, 2005*; *2008в, с. 268*). По сути дела, Б. В. Магомедов, формулируя признаки типа Косанов в черняховской культуре, говорит о наличии культурной провинции, явно отличающейся по своим характеристикам от «праславянской» культурной провинции позднеримского времени.

Следует заметить, что в период существования областей «праславянской» культурной провинции на ступени C_{1b} погребения черняховской культуры, сохранившие во многом вельбаркские черты, известны в Западной Подолии, Южной Волыни, Поднестровье, Южном Побужье, Молдове, северо-восточной Румынии, Поросье, на правом берегу Днепра в его нижнем течении (*Магомедов, 2001, рис. 88*) (***рис. 2***). На ступени C_2 таковые отмечены на могильниках Переяслав-Хмельницкий, Соснова, Компанийцы в прибрежной части на левом берегу Днепра (*Магомедов, 2001, рис. 89*). В самых близких родственных областях провинции — в ареале памятников типов Демьянов—Черепин, Седелки—Каширка, горизонт Боромля черняховские погребения этого периода отсутствуют. В то же время, для черняховской культуры ступеней C_{1b}, C_2 фактически не известен и не изучен такой важный «фильтр» критики археологических источников, по терминологии Г. Ю. Эггерса (*Eggers, 2006, S. 267*), как поселения, а области «праславянской» провинции характеризуются сугубо по одному «фильтру» — материалам поселений.

Изучение контактов черняховской культуры в рассмотренном нами ракурсе культурной провинции и областей «праславянской» культурной провинции видится перспективным и требует в дальнейшем специального исследования.

Таблица 1. **Хронология памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов Верхнего Поднестровья (тип Демьянов—Черепин)**

Tafel 1. **Chronologie der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit im Hoch-Dnestrgebiet (Typ Demjanov–Čerepin)**

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Ступень хронологии	Публикация	Примечание
1	Бовшев 2	Поселение	Жил. 9	Шпора Лейна F, гребень Томас I	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 2: 5—7*	
			Жил. 14	Фибула «воинского» типа	C_3	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 3: II*	
			Жил. 18	Фибула «воинского» типа	C_3	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 4: 1*	
			Соор. 3	Гребень Томас I, бусины типа 74, 34б	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 5: 6*	
			Соор. 17	Гребень Томас I, бусины типа 74, 34б	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 5: IV*	
			Яма 49	Шпора	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 10: 9, 10*	
			Жил. 10		C_2 (?)	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 2: IV*	Конические миски
			Жил. 13		C_3 (?)	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 3: 4, 5*	Горшки с развитым венчиком
			Соор. 11		C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 5: III*	Конические миски
			Яма 3		?	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 6: IV, 4*	Коническая миска
2	Демьянов 2	Поселение	Жил. 1	Bügelknopffibel, серебр. лунница	C_3	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 14; Баран, 1981, табл. 49: 12, 13*	Печь-«камин», гончарные горшки
			Жил. 2		C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 15: 16*	Исключительно лепная керамика, конич. миски
			Жил. 3	Фибула, бронз. кольцо	C_3	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 16; Баран, 1981, табл. 51: 11, 12*	Гончарные горшки с хорошо развитым венчиками
			Жил. 4	Две фибулы Альмгрен VII	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 17*	
			Соор. 4	Над ним фр-т фибулы Альмгрен VII	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 22: 13*	
			Жил. 1 (1987 г.)	Возле жил. фибула Альмгрен VII	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 21*	
			Яма 7	Фр-т стекл. кубка Эггерс 189	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 24: I, II*	
3	Куропатники	Поселение	Жил. 1	Гребень Томас I	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 30*	
			Жил. 2		C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 31, 32*	Жилище округлой формы с уступом, конические миски
			Жил. 3	Гребень Томас I	C_2	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 33, 34*	Жилище округлой формы с уступом, конические миски, гончарная керамика
			Жил. 4		?	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 35, 36*	Керамический кубок Faltenbecher, конические миски, лепная и гонч. кер.
			Яма 83	Подвязная фибула Гороховский Б3	C_3	*Баран, Гопкало, 2006, табл. 48: I, II*	

GERMANIA SARMATIA II

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Ступень хронологии	Публикация	Примечание
4	Черепин	Поселение	Жил. 4	Фибула Альмгрен VII	C_2	*Баран, 1981, табл. 38*	Фр-ты амфор
			Жил. 5	Две жел. шпоры, жел. ключ, *terra sigillata*	C_2	*Баран, 1981, табл. 39*	Гончарные горшки
			Жил. 6	Шпора, *terra sigillata*	C_2	*Баран, 1981, табл. 40*	Фр-ты амфор, часть кост. гребня
			Яма 2	Шпора			Ручка амфоры
			Жил. 7	«Воинская» фибула IV в.	C_3	*Баран, 1981, табл. 41*	Фр-т ошершавл. лепн. горшка
			Жил. 9	Подвязная фибула	C_3		Ручка амфоры, гончарные горшки
			Соор. Б	Фибула с ромбовидной ножкой	C_3	*Баран, 1981, табл. 43*	Гончарные горшки
			Жил. 11	Гребень Томас I, *terra sigillata*	C_2/C_3	*Баран, 1981, табл. 44*	Горло амфоры типа F, конич. миски
			Жил. 12		D_1	*Баран, 1981, табл. 45*	Гончарные горшки, печь-каменка
			Жил. 8		D_1	*Баран, 1981, табл. 46*	Печь-каменка, гонч. горшки, пифос
			Соор. А		?	*Баран, 1981, табл. 47*	Ст. гончар. посуда, коническая миска
5	Рипнев 2	Поселение	Жил. 7	Две жел. подвязн. фибулы, гребень Томас I	C_3	*Баран, 1981, табл. 63: 1—18*	Гончарные горшки
			Жил. 22	Фибула Альмгрен VII	C_2	*Баран, 1981, табл. 65: 29*	
			Жил. 8	Железный ключ	C_3	*Баран, 1981, табл. 64: 1—11*	Перекрывает жилище 7, гончарные горшки
			Жил. 3	Гребень Томас I	C_2, C_3	*Баран, 1981, табл. 62: 1—4*	Гончарные горшки
			Соор. 1	Спинка бронзовой подвязной фибулы	C_3	*Баран, 1981, табл. 66: 10, 11*	
			Жил. 13	Железная пряжка, ключ	?	*Баран, 1981, табл. 65: 14*	Тесло
			Жил. 4	Две подвязн. фибулы, гребень Томас I	C_3	*Баран, 1981, табл. 62: 5—23*	Два сосуда типа «кумпф», гончарные горшки
			Жил. 24	Две железные подвязные фибулы	C_3/D_1	*Баран, 1981, табл. 67: 1—6*	
			Жил. 11	Амфора типа «Делакеу»	C_3, D_1	*Баран, 1981, табл. 62: 12-18*	Сосуд типа «кумпф»
			Жил. 2	Две бронзовые *Bügelknopffibel*	C_3	*Баран, 1981, табл. 61*	Гончарные горшки
			Жил. 34	Костяной гребень	?	*Баран, 1981, с. 145*	
			Жил. 25		?	*Баран, 1981, табл. 67: 8, 10*	Гончарные кубки
			Жил. 28	Фибула с плоским приемником	C_3	*Баран, 1981, табл. 66: 5—9*	
			Жил. 37	Железная фибула, бронзовая подвеска	C_3 (?)	*Баран, 1981, с. 145*	
			Жил. 26		?	*Баран, 1981, табл. 43: 19—21*	Сосуд типа «кумпф»
			Жил. 12		?	*Баран, 1981, табл. 62: 19—23*	Горшок-ваза
			Жил. 18		?	*Баран, 1981, табл. 65: 15—17*	Лепная керамика
			Жил. 19		?	*Баран, 1981, табл. 65: 18*	Гончарный горшок
			Соор. 1	Подвязная фибула	C_2/C_3	*Баран, 1981, табл. 66:10, 11*	

GERMANIA SARMATICA II

Таблица 2. **Хронология памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов Среднего Поднепровья (киевская культура)**

Tafel 2. **Chronologie der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit im Mittel-Dneprgebiet (Kiewer Kultur)**

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Дата	Публикация	Ступень хронологии
1	Казаровичи	Поселение	6 жил. (п/з)	Слой: 2 бр. луницы выемч. эмали, бр. пряжка, 2 стекл. бусин.	К. II—III в.; III в.	*Максимов, Орлов, 1974, с. 11—21; Терпиловский, 2004 б, с. 43*	C_{1a}—C_{1b}
2	Казаровичи	Могильник	15 ТС	П. 14: жел. подв. фиб.	К. II—III в.	*Максимов,Орлов, 1974, с. 11—21*	C_{1a}—C_{1b}
3	Белогородка	Поселение	1 п/з		III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 102*	C_1—C_2
4	Глеваха	Поселение	4 постр., 45 ям, очаг	Жил: 3 — бр. лунница, стекл. бусина; жил. 9 — жел. подв. фиб.	Вт. п. III—нач. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 104—106; Терпиловський, 1999; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_2
5	Ходосовка	Поселение	3 жил., 6 ям	Жил. 4: жел. подв. фиб., бр. подвеска	IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 107, 108; Даниленко, 1976, с. 67—69, рис. 3: 3, 16*	C_3
6	Новые Безрадичи	Поселение	5 жил., яма	Жил. 5: жел. гребень, булавка	III—нач. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 108, 109; Терпиловский, 2004б, с. 42*	C_2
7	Новые Безрадичи	Могильник	14 ТС		III—нач. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 108, 109; Терпиловский, 2004б, с. 42*	C_2
8	Мотовиловская Слободка	Поселение	1 п/з		Поздний период киевской культуры	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 110*	C_3, D_1
9	Обухов 2	Поселение	3 жил., яма, 3 очага		IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 110, 111*	C_3
10	Обухов 3	Поселение	2 очага, ямы		Вт. п. III—сер. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 110, 111*	C_2, C_3
11	Обухов 7	Поселение	1 жил., 2 хоз. постр., 4 пода очагов, 6 ям		IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 114—118*	C_3
12	Сушки 2	Поселение	8 п/з, 179 ям, 1 очаг		Пер. п. III в.; к. II—III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 118, 119; Приходнюк, Вакуленко, 1987; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_1
13	Вишенки	Поселение	2 жил., 18 ям		IV в.	*Пачкова, Терпиловський, 1988*	C_3
14	Бортничи	Поселение	2 жил., 18 ям	Жил. 2: стекл. бусина	Вт. п. III—п. п. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 122; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_2, C_3
15	Погребы	Поселение	1 жил., ямы		IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 122, 123*	C_3
16	Хлепча	Поселение			III—нач. IV в.	*Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_{1b}—C_2
17	Обухов 3 (раскопки 2007—2008)	Поселение		Наконечник ремня, острореберн. лощ. миски	Пер. п.—сер. III в.	*Абашина, Петраускас, Петраускас, 2009, с. 171*	C_{1a}

GERMANIA-SARMATIA II

Таблица 3. **Хронология памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов Подесенья (киевская культура)**

Tafel 3. **Chronologie der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit im Desnagebiet (Kiewer Kultur)**

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Дата	Публикация	Ступень хронологии
1	Малый Листвен	Поселение	2 постр.		IV в. (?)	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 124*	C_3
2	Верхне-стриженское 3	Поселение	1 постр., 15 ям		III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 125*	C_1, C_2
3	Верхне-стриженское 2	Поселение	4 постр., ямы	Серебр. лунница, 3 стекл. Бусины	Вт. п. IV—нач. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 127; Терпиловский, 2004, с. 43*	C_3, D_1
4	Роище	Поселение	5 жил., 6 постр., 230 ям	Яма у постр. 14 — кост. гр. Т3	Вт. п. IV—п. п. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 128—132*	C_3, D_1
5	Деснянка (Титова Речка)	Поселение	6 постр., 50 ям	П. 6: жел. подв. фибула	Вт. п. (посл. треть) III—п. п. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 132, 133; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_2, C_3
6	Ульяновка	Поселение	3 жил., 2 постр., 5 ям	Жил. 1: бр. браслет, обломок зеркала; постр. 3 — стекл. бусина, фр. бр. браслета; постр. 5 — жел. и бр. пряжки, 2 стекл. бусины	Вт. п. IV—п. п. V в.	*Терпиловский,Абашина, 1992, с. 135—136*	C_3, D_1
7	Киселевка 2	Поселение	2 жил., 12 ям	Жил. 1: стекл. бусина, бр. пронизь; жил. 3 — 3 стекл. бусинв	Вт. п. IV—нач. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 138, 139; Терпиловский, 2004, с. 43.*	C_3, D_1
8	Мена	Поселение	11 ям, 1 жил.	Паст. бусина	Вт. п. III—п. п. IV в.	*Кухарська, Обломський, 1988; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 140*	C_2, C_3
9	Киреевка 2	Поселение	1 жил., ямы	Жел. пряжка, фибула воинск. типа	Посл. треть III—п. п. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 142; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_2, C_3
10	Киреевка 1	Поселение	10 ям, 1 п/з	Две булавки, фр. бр. браслета	IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 142*	C_3
11	Лавриков Лес	Поселение	5 постр., 24 ямы	Жил. 2: жел. подв. фибула	Вт. п. (посл. треть)III—п. п IV в.	*Третьяков, 1974, с. 102—110; Терпиловский, 1984, с. 91: Терпиловский, Абашина, 1992, с. 144, 145; Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_2, C_3
12	Форостовичи	Поселение	3 п/з, ямы		III—IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 146—148*	C_2, C_3
13	Выбли 2	Поселение	1 постр., ямы		Вт. п. IV—нач. V в.	*Терпиловский, 2004б, с. 44*	C_3, D_1
14	Попово-Лежачи 4	Поселение			II/III—нач. III в.	*Терпиловский, 2004, с. 43*	B/C, C_{1a}
15	Гребля	Поселение	2 полуземл.		II/III—нач. III в.	*Терпиловский, 2004, с. 43*	B/C, C_{1a}
16	Салтыкова Девица	Поселение		Три стекл. бусины, бронз. пряжка	IV в.	*Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_3
17	Куриловка	Поселение		Фр-т бронз. подвяз. фибулы	IV в.	*Терпиловский, 2004б, с. 43*	C_3
18	Александровка 1	Поселение	28 соор: 12 полуземл., 6 очагов, ок. 600 ям)	Бронз. и желез. «воинск.» фиб., кост. греб. Томас II, стекл. бусы, шпора, кресало	Вт. п. IV—нач. V в.	*Терпиловский, Шекун, 1996, с. 29, 30*	C_3, D_1

GERMANIA-SARMATIA II

Таблица 4. **Хронология памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов Днепровского Левобережья**

Tafel 4. **Chronologie der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit im Dnepr-Donjetz Waldsteppe**

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Дата	Публикация	Ступень хронологии
1	Гочево 1	Поселение	4 полуземл., 3 очага, 3 «горна», 29 ям, 1 погребение	Стекл. янтарн. бусины, бронз. подвеска, 3 подвески-лунницы выемч. эмали	П. п.— сер. III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 162—163; Терпиловский, 2004, с. 44*	C_{1a}
2	Гочево 2	Поселение	2 постр., яма		П. п.— сер. III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 163—166*	C_1
3	Гочево 3	Поселение	1 постройка, 10 ям	Фибула Альмгрен VII, чернях. кер., амфоры	Кон. III — нач. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 166—168*	C_2
4	Гочево 4	Поселение	1 полуземл., ямы		Кон. III — нач. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 168*	C_2
5	Шишино 5	Поселение	Раскоп 1: 9постр., 11 ям, 2 очага, 5 развалов, 1 клад; Раскоп 2: 7 постр., 2 очага, 1 яма; Раскоп 3: 3 ямы	Клад вещей выемч. эмалей (2 фибулы, 2 браслета)	П. п. III в.	*Обломский, 1991, с. 152—198*	C_1
6	Шишино 5	Могильник	6 погр: (5 ТС, 1 ТП), 3 ямы		П. п. III в.	*Обломский, 1991, с. 199—203*	C_1
7	Рябовка 1	Поселение/ могильник	Скопл. шлаков, кострища, 8 ям, кальц. кости в ямке	Подв.-лунница, подковообр. фибула	П. п. III в.	*Терпиловский, 2004, с. 44; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 172*	C_1
8	Приоскольское 2	Могильник	9 ямных ТС, 1 ТП, 5 ям	Бр. булавка, бр. подвеска выемч. эмали, жел. пряжка	П. п. III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 168—169; Терпиловский, 2004б, с. 44*	C_1
9	Тазово	Поселение	5 построек, 2 очага, ямы	Кост. гребень, колокольчик-ботало	П. п.— сер. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 153; Сымонович, 1986; Терпиловский, 2004б, с. 44*	C_2
10	Каменево 2	Поселение	7 построек, 70 ям, очаг	Жел. након. стрел, 2 жел. фибулы балтийского типа, жел. пряжка, бронз. пряжка, часть стекл. бутыли	К. IV— п. п. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 157—160; Сымонович, 2001—2002*	C_3, D_1
11	Букреевка 2	Поселение	9 углубл. постр., 1 наземная, 50 ям	Фибула Альмгрен VII, фр-т стекл. кубка, подвязн. фибула, сердолик. 14-гран. бусина	К. III— п. п. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 153—157; Сымонович , 1990*	C_2

GERMANIA-SARMATIA II

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Дата	Публикация	Ступень хронологии
12	Колосовка	Поселение	2 углубл., 1 наземн. постройка, ямы, очаги	Жел. пряжка	К. III—п. п. IV в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 160, 161;*	C_2
13	Шмырево	Поселение	2 полуземл., 10 ям в т. ч. погребальных		К. II—III в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 161*	C_1
14	Песчаное (Кулига)	Могильник	6 погребений	Стекл. бусина	Нач. фаза киевск. культ.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 161, 162*	C_1
15	Шмарное	Поселение	1 полуземл., очаг, яма		Поздн. этап киевск. культ.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 169.*	C_3, D_1
16	Родной Край 3	Поселение	2 полуземл., яма	Фибула Альмгрен VII, амф. типа D, F, ключ, бусина	Сер./кон. III—п. п. IV в.	*Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 171, 172*	C_2
17	Беседовка	Поселение	Следы 4 наземн. постр. (?)	Амфора типа D	П. п. III в.	*Махно, 1955; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 172, 173*	
18	Курган-Азак	Поселение	3 очага, углубл. соор.	Подвязн. фибула	Вт. п. IV—п. п. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 173*	C_3, D_1
19	Сенча	Поселение			Вт. п. IV—п.п. V в.	*Терпиловский, Абашина, 1992, с. 173*	C_3, D_1
20	Войтенки	Поселение, нижний слой участка А	3 полуземл., ямы	Фибулы Альмгрен VII и Альмгрен 157	К. III—нач. IV в.	*Любичев, 2006, 2008а*	C_2
21	Боромля 2	Поселение, нижний горизонт	Жил. 3, полуземл. 1, 6, 10	Фибулы Альмгрен VII, «мотыльковая» фиб., амф. типа D	Вт. п. III в.	*Некрасова, 2006, с. 94—98*	C_{1b}, C_2
22	Авдеево	Поселение	Яма раск. Г, печи 1, 2 раск. IX		Позд. этап киевск. культ.	*Обломский, 2002, с. 35*	C_3, D_1
23	Богородичное, ранний горизонт	Поселение	Жил. 4	Фиб. Гороховский Б2 в слое, свелогл. амф.		*Обломский, 2002, с. 36, 37*	C_3
24	10-й Октябрь	Поселение	4 постр., 5 ям	Амф. типа D, F; фиб. Б2 — слой	Поздн. этап киевск. культ.	*Обломский, 2002, с. 37, 38*	$+C_3$
25	Головино 1	Поселение (ранний слой позднеримского горизонта)		Монета Тиры 238—253; фибула Альмгрен VII	К. III—IV в.	*Обломский, 2001—2002*	$+C_2$
26	Песчаное	Поселение (ранний слой позднеримского горизонта)	Полуземл.	Амф. типа D		*Журко, 1994, с. 215—217; Обломский, 2002, с. 41, 42*	$+C_2$

GERMANIA SARMATIA II

Таблица 5. **Хронология памятников позднеримского времени Подонья (тип Седелки—Каширка)**

Tafel 5. **Chronologie der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit im Dongebiet (Typ Sedelky–Kaširka)**

№ п/п	Памятник	Тип	Комплексы	Датирующие вещи	Дата	Публикация	Ступень хронологии	Примечание
1	Ксизово 17	Поселение	Постр. 1, раск. 2	Гребень Никитина I/1а; 3 прясла, 2 жел. ножа, серебр. височн. кольцо, рамка пряжки, «визиготская подвеска», жел. нак. копья, фр. бр. серьги	1—2 фазы ЧК — гребень; вт. п. III — тр. четв. IV в. пряжка Гороховский А или Малашев П9	*Обломский, 2009а, рис. 3—5*	C_2, нач. C_3 (?)	
			Постр. 1, раск. 3	Бусина Алексеева 75: I—III вв., 2 прясла		*Обломский, 2009а, рис. 6, 7*	C_2, C_3 (?)	
2	Писарево	Поселение	Постр. 1, раск. 2	Бронз. игла, заготовка фибулы Б2		*Обломский, 1998б, с. 115*	C_3	
3	Седелки	Поселение	Постр. 5, раск. 2	Жел. пряжка, черняховская столовая керамика	Середина III— нач. IV в. ?	*Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 133, рис. 2: 3, 5; 8: 4; 17: 9, 10*	C_2, C_3	В слое: фр-т ручки амф. типа D, днище амф. типа E, бусина типа 150 (А), в комплексах чернях. гонч. столовая посуда

Таблица 6. **Хронологические срезы памятников позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов «праславянской» культурной провинции**

Tafel 6. **Chronologische Horizonte der Denkmäler der Jüngere Römischer Kaiserzeit und Anfang der Völkerwanderungszeit der „urslawische“ Kulturprovinze**

Верхнее Поднестровье	Среднее Поднепровье	Подесенье	Днепровское Левобережье	Подонье	Ступень хронологии
	Казаровичи, Сушки 2, Обухов 3	Верхнестриженское 3, Попово-Лежачи 4, Гребля	Гочево 1, Гочево 2, Шишино 5, Рябовка 1, Приоскольское 2, Шмырево, Песчаное (Кулига)		B_2/C_1, C_{1a}
	Белогородка, Хлепча	Верхнестриженское 3	Беседовка (?)		C_{1b}/C_2
Бовшев 2: жил. 9, 10, соор. 3, 17, яма 49; Демьянов 2: жил. 2, 4, соор. 4, жил. 1 (1987 г.), яма 7; Куропатники: жил. 1, 2, 3; Черепин: жил. 4, 5, 6; Рипнев 2: жил. 22	Глеваха (нижний горизонт), Новые Безрадичи, Обухов 3, Бортничи	Верхнестриженское3, Деснянка, Мена, Лавриков Лес, Форостовичи	Гочево 3, Гочево 4, Тазово, Букреевка-2, Колосовка, Родной Край 3, Боромля 2 (нижний горизонт), Войтенки 1 (нижний горизонт участка «А»), Песчаное (ранний гориз.), Головино 1 (ранний горизонт позднеримского времени)	Ксизово 17, Седелки	C_2

GERMANIA-SARMATIA II

Верхнее Поднестровье	Среднее Поднепровье	Подесенье	Днепровское Левобережье	Подонье	Ступень хронологии
Черепин: жил. 11; Рипнев 2: жил. 4, 7, соор. 1	Обухов 3	Киреевка			C_2/C_3
Бовшев 2: жил. 13, 14, 18; Демьянов 2: жил. 1, 3; Куропатники: яма 83; Черепин: жил. 7, 9, соор. 5; Рипнев 2: жил. 8, 28, 37, соор. 1	Ходосовка, Обухов 2, Обухов 7, Вишенки, Бортничи, Погребы	Форостовичи, Малый Листвен, Деснянка, Киревка 1, Киревка 2, Салтыкова Девица, Куриловка	Богородичное (ранний гор.), 10-й Октябрь	Писарево, Седелки	C_3
Рипнев 2: жил. 11, 24; Черепин: жил. 8, 12	Мотовиловская Слободка	Верхнестриженское 2, Роище, Ульяновка, Киселевка 2, Выбли 2, Александровка 1	Каменево 2, Шмарное, Курган-Азак, Сенча, Авдеево	Седелки	C_3/D_1, D_1

Таблица 7. **Комплексы поселения Седелки (тип конструкции, керамика, индивидуальные находки)**

Tafel 7. **Komplexe der Siedlung Sedelky (Typ der Konstruktion, Keramik, besondere Funde)**

№ п/п	Комплексы	Тип конструкции	Керамика					Вещи	Примечание: *Обломский, Терпиловский, 1998б*
			Лепная			Гончарная			
			округл. горшки	ребр. горшки	миски-плошки	столовая	кухон.		
1	Постр. 1 раск. 2	Наземн. глинобитн.	5	5	1	1		Пирамид. грузило, жернов, фр. ножа	*Рис. 3*
2	Постр. 2 раск. 2	Полуземл. перекрытая постр. 1							*С. 125, рис. 2: 2*
3	Постр. 3 раск. 2	Полуземл., имеющая аналогии в Войтенках и Букреевке, см. аналогии в Поднестровье	3			1			*Рис. 5*
4	Постр. 4 раск. 2	Полуземл. неправ. формы	6 + сосуд с налепами в виде месяца			1 (горшок-ваза)		Жернов, грузила	*Рис. 6, 7*
5	Постр. 5 раск. 2	Наземн. глинобитн.						Жел. пряжка	*Рис. 2: 3, 5*
6	Постр. 1 раск. 3	Наземн.	9	5	1	2			*Рис. 10*
7	Постр. 2 раск. 3	Наземн.	6	4	1	3			*Рис. 11, 12*
8	Постр. 3 раск. 3	Полуземл. прямоуг.	4			1			*Рис. 9*
9	Постр. 1 раск. 4	Полуземл.	1						*Рис. 18: 1*
10	Яма 1 раск. 4		3		1	1			*Рис. 18: 2—6*
11	Постр. 4 раск. 3	Наземн.	11	1	9	2		Глин. грузило	*Рис. 13, 14*
12	Постр. 5 раск. 3	Полуземл. непр. формы	14	1	3	2		2 пряслица, жернов, жел. нож, глин. грузила	*Рис. 15, 16*

SERVIANA-SARMATIA II

Таблица 8. **Комплексы поселения Ксизово 17 (тип конструкции, керамика, индивидуальные находки)**

Tafel 8. **Komplexe der Siedlung Ksizovo 17 (Typ der Konstruktion, Keramik, besondere Funde)**

№ п/п	Наименование	Тип конструкции	Керамика						Вещи	Датировка	Примечание: *Обломский, 2009а*
			Лепная				Гончарная				
			округл. горшки	ребр. горшки	миски-плошки	диски	столовая	кухон.			
1	Постр. 1 раск. 2	Полуземл. овальн. материковые полки, углубл. в полу; аналогии: Букреевка, Войтенки, Поднестровье	2		1		2		Гребень Никитина I/1а; 3 прясла, 2 жел. ножа, серебр. височн. кольцо, рамка пряжки, «визиготская подвеска», жел. нак. копья, фр. бр. серьги	1—2 фазы ЧК — гребень; вт. п. III—тр. четв. IV вв. — пряжка Гороховский А или Малашев П9	*Рис. 3—5*
2	Постр. 1, раск. 3	Полуземл. округл. формы	3		2		2		Бусина Алексеева 75: I—III вв., 2 прясла		*Рис. 6, 7*
3	Яма 4 раск. 3		3	2	1	1	1				*Рис. 9*
4	Яма 9 раск. 2		2		1			1 (?)			*Рис. 10*
5	Локальные скопл. в культ. слое		1	2							*Рис. 11*
6	Материалы культ. слоя СВ участка		5		2						*Рис. 12*
7	Материалы культ. слоя СВ участка		2		3		3				*Рис. 13*
8	Материалы культ. слоя СВ участка		3		4						*Рис. 14*
9	Материалы культ. слоя СВ участка						13				*Рис. 15*
10	Материалы культ. слоя Ю участка		5		1		x				*Рис. 16*
11	Обьект 4, раск. 1		1				2				*Рис. 18*
12	Скопл. 10, раск. 1		X		1						*Рис. 20*
13	Скопл. 8, раск. 1		5					1			*Рис. 21*
14	Раскоп 1		1	3							*Рис. 22*, наличие фрагмента амфоры
15	Яма 3, раск. 1,						1				*Рис. 23*
16	Культ. слой		7	1							*Рис. 24*

GERMANIA-SARMATIA II

Литература

Абашина Н. С., Петраускас О. В., Петраускас А. В., 2009. Дослідження пам'ятки пізньоримського часу Обухів 3 у 2007—2008 рр. // Vita Antiqua. № 7—8. Київ.

Акимов Д. В., 2001. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III—V вв. н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж.

Баран В. Д., 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957—1960 гг.) // МИА. № 116. Москва.

Баран В. Д., 1981. Черняхівська культура. Київ.

Баран В. Д., Гопкало О. В., 2006. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи. Київ.

Башкатов Ю. Ю., 1997. Об одном типе построек киевской культуры // Древности. Харьков.

Башкатов Ю. Ю., Дегтярь А. К., Любичев М. В., 1997. Селище позднеримского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца // Древности. Харьков.

Гороховский Е. Л., Гопкало О. В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры // Археологія давніх слов'ян. Київ.

Горюнова В. М., Романова Г. А., Щеглова О. А., 1991. К проблеме соотношения киевской и черняховской культур на территории Днепровского Левобережья // Древние культуры и археологические изыскания. Санкт-Петербург.

Даниленко В. М., 1976. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. № 19. Київ.

Журко А. И., 1994. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье // РА. № 4.

Земцов Г. Л., 2007. Жилые и хозяйственные сооружения // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в.). (Раннеславянский мир; Вып. 10). Москва.

Козак Д. Н., 1992. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е.— I ст. н. е.). Київ.

Козак Д. Н., Терпиловський Р. В., 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н. е. // Археологія. № 56. Київ.

Кропоткін А. В., Обломський А. М., 1991. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III—V ст. н. е. // Археологія. № 1. Київ.

Кухарська О. М., Обломський А. М., 1988. Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена 5 у середньому Понесенні // Археологія. № 62. Київ.

Любичев М. В., 2003а. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе // РА. № 3.

Любичев М. В., 2003б. «Скифские войны» III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра // ВХНУ. № 594. Історія: Вип. 35.

Любичев М. В., 2005. Появление черняховской культуры к востоку от Днепра в связи с событиями на Дунае в 20—30-х гг. IV в.: к постановке проблемы // АЛЛУ. № 1—2.

Любичев М. В., 2006. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004—2005 гг.) // АЛЛУ. № 2.

Любичев М. В., 2007. Керамический комплекс горизонта Боромля // ВХНУ. № 762. Історія: Вип. 39.

Любичев М. В., 2008а. Домостроительство на памятниках горизонта Боромля // ВХНУ. № 816. Історія: Вип. 40.

Любичев М. В., 2008б. Киево-черняховские контакты ступеней $C1_b$—C_2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» // Germania—Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград.

Любичев М. В., 2008в. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Любичев М. В., 2008г. Этнокультурный подтекст распространения фибул группы Альмгрен VII восточнее Днепра // Древности. Харьков.

Магомедов Б., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Максимов Е. В., Орлов Р. С., 1974. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н. э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые славянские древности. Ленинград.

Махно Є. В., 1955. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. в верхній течії Сули // АП УРСР. Т. 5. Київ.

Медведев А. П., Акимов Д. В., 2001. Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья // Исторические записки. Вып. 7. Воронеж.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Обломский А. М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. Москва; Сумы.

Обломский А. М., 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Москва.

Обломский А. М., 1997. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів.

Обломский А. М., 1998. Находки позднеримского времени на поселении Писарево // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.

Обломский А. М., 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А. М., 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Обломский А. М., 2001—2002. Новый черняховский памятник на территории России // Stratum plus. № 5. Кишинев.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. Москва.

Обломский А. М., 2007а. Могильники и погребальный обряд // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в.). (Раннеславянский мир; Вып. 10). Москва.

Обломский А. М., 2007б. Территория, общие сведения о поселениях // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в.). (Раннеславянский мир; Вып. 10). Москва.

Обломский А. М., 2008. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Обломский А. М., 2009а. Материалы позднеримского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. // Vita Antiqua. № 7—8. Київ.

Обломский А. М., 2009б. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья (наши разногласия) // Ostrogothica. Харьков.

Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. Н., 1987. Материалы I тыс. н. э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. № 4.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. Москва.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1998а. Поселение Попово-Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica. 32. Lodz.

Обломский Р. В., Терпиловский Р. В., 1998б. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в.), 2007. (Раннеславянский мир; Вып. 10). Москва.

Пачкова С. П., Терпиловський Р. В., 1988. Поселення київської культури поблизу с. Вишеньки біля Києва // Археологія. № 62. Київ.

Приходнюк О. М., Вакуленко Л. В., 1987. Раскопки поселения Толока // АО 1985 г.

Радюш О. А., 2008. Новые памятники III—V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Сазанов А. В., 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Вып.3.

Сымонович Э. А., 1986. Раннесредневековое поселение Тазово по Курском // СА. № 4.

Сымонович Э. А., 1990. Букреевка 2 — селище второй четверти I тыс. н. э. возле Курска // МИАДЛ. Курск.

Сымонович Э. А., 2001—2002. Поселение Каменево 2 под Курском // Stratum plus. № 4. Кишинев.

Терпиловский Р. В., 1984а. О характере контактов киевской и черняховской культур // КСИА. Вып. 178.

Терпиловский Р. В., 1984б. Ранние славяне Подесенья. Киев.

Терпиловский Р. В., 2004а. Глеваха и Боромля (к вопросу о характере контактов между киевской и черняховской культурами на раннем этапе) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. Lublin.

Терпиловский Р. В., 2004б. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin.

Терпиловский Р. В., Шекун О. В., 1996. Олександрівка 1 — багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Терпиловский Р. В., Абашина Н. С., 1992. Памятники киевской культуры. Киев.

Терпиловський Р. В., 1999. Київський горизонт поселення Глеваха // Археологія. № 4. Київ.

Третьяков П. Н., 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград.

Щукин М. Б., 1990. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // МИАДЛ. Курск.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Санкт-Петербург.

Eggers H. J., 2006. Einführung in die Vorgeschichte. Berlin.

Jahn M., 1953. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte. Berlin.

Kossinna G., 1911. Die Herkunft der Germanen // Mannus-Bibliothek. 6.

Kossinna G., 1926. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Berlin.

Küppetamm W., 1998. Rezension: Марк Б. Щукин. На рубеже эр. Санкт-Петербург, 1994 // Eurasia Antiqua. Bd. 4. Berlin.

GERMANIA-SARMATIA II

M. W. Ljubičev

Horizont Boromlja als Gebiet der „urslawische“ Kulturprovinz Mitte 3.–Anf. 4 Jhr. (Stufen C_{1b}, C_2)

Grosse Rolle in der Entscheidung der Frage über die Zeit und Wesen des Erscheinens der Černjachov-Kultur in der Dnepr-Donez Waldsteppe spielt die Bestimmung des Wesens und die Position der Denkmäler der Stufen C_{1b}, C_2 in diesem Gebiet in der verwandten Gruppen zwischen Hochdnestr-Gebiet und Don-Gebiet. Wir glauben, dass der Begriff „archäologische Kulturprovinz mit den einzelnen verwandten Gebieten“ ein wichtiger Instrument für die Erforschung dieser archäologischen Situation ist. In diesem Artikel handelt es sich um vergleichbare Charakteristik dieser Gebiete als Bestandteilen der „urslawischen“ archäologischen Kulturprovinz der Jüngeren Römischen Kaiserzeit an den Stufen C_1, C_2: die Denkmäler des Typ Demjanow-Čerepin, die Denkmäler der Kiew-Kultur in den Mitteldnepr- und Desna-Gebieten diese Zeitabschnitt, Horizont Boromlja, die Denkmäler von Typ Sedelki–Kaschirka.

Die vergleichbare Charakteristik verläuft in den folgenden Richtungen: Bauwesen, Keramik und einzelne Elemente der materiellen Kultur (z. B. Fibeln der Gruppe VII von O. Almgren). Die Merkmäle der Verwandschaft sehen wir in diesen Elementen zwischen Denkmäler von Typ Demjanow-Čerepin, Sedelki-Kaschirka und Horizont Boromlja. Horizont Boromlja als Ergebniss der Bewegung der Elementen aus dem Hochdnestr-Gebiet hat sehr kleine Zahl der ähnlichen Merkmälen mit den Denkmälern des Typs von Schischino 5-Schmirewo an diesem Territorium in der vergangenen Zeit (Stufen B_2, B_2/C_1, C_{1a}). Diese Denkmäler hatten eine sehr grosse Verwandschaft mit den Denkmälern der Kiew-Kultur in den Mitteldnepr- und Desna-Gebieten.

Es gibt keine Gründen glauben, daß der Horizont Boromlja frühe Černjachov-Kultur in der Dnepr-Donez Waldsteppe ist. Diese Kultur hatte andere morphologische Charakteristik und gehörte zu einer anderen Kulturprovinz. Diese Frage wird in der Zukunft unbedingt erforscht.

Unsere Beobachtungen an der verwandten und besonderen Merkmale dieser Gebiete unterstütz der Gedanke von Mark Sčukin, daß die Bewegung der Wielbark- Kultur der Ditiniči-Welle und Przeworsk-Kultur nach Dnestr-Gebiet eine Ursache der Bewegung der Bevölkerung dieser Region nach Osten ist. In einzelnen Fällen sind diese Gruppe sehr weit nach Osten, bis dem Don-Gebiet (Denkmäler von Typ von Sedelki–Kaschirka) gegangen.

Радюш
Олег Александрович

Москва

Сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН

radegost@rambler.ru

О. А. Радюш

Исследования поселения III—IV вв. н. э. у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) в Курском Посемье

Исследования памятников позднеримского времени (конец II — рубеж IV—V вв. н. э.) в Курском Посемье продолжаются уже более 50 лет. Под Посеймьем следует понимать традиционно объединяемые географически и исторически бассейны верхнего течения р. Сейм и р. Псёл (*Енуков, 2005, с. 24—27*). Фактически большинство известных памятников данного периода находится в междуречье Сейма и Псла. За это время были открыты более 150 поселений в основном на самих Сейме и Псле и их крупных притоках рр. Тускарь, Рать, Реут, Суджа. Систематические раскопки велись на ряде памятников начиная с 1960-х годов. Первый этап работ (конец 1940-х — вторая половина 1970-х годов) был связан с именами первооткрывателей курских «раннеславянских» древностей А. Е. Алиховой, Ю. А. Липкинга и Э. А. Сымоновича и др. Именно в это время были получены материалы с поселений (Авдеево, Воробьевка 2, Букреевка 2, Колосовка, Комаровка-2, Снагость, Тазово), ставших основой для формирование представлений о заселении региона в III в. н. э. — нач. V в. н. э. (*Сымонович, 1964, 1974, 1990*; *Симонович, 1983*). Наиболее интенсивные работы проводились на втором этапе, с конца 1970-х и до начала 1990-х годов. В Посеймье работали экспедиции Е. А. Горюнова, А. М. Обломского, Н. А. Тихомирова, О. А. Щегловой и др. Исследователей (*Кашкин, 2001, с. 184—188*). Полевые исследования поселений позднеримского времени велись на Сейме (Гапоново, 10-й Октябрь, Лебяжье, Попово-Лежачи-4) и на Псле (Гочево 1—4, Шмырево 1). Площади всех раскопок на первом и втором этапах обычно не превышали 300—500 м^2, и только в отдельных случаях исследовались от 1000 до 4000 м^2 (*Обломский, 2002, табл. 2*; *Памятники киевской культуры… , 2007, прил. 1*).

Итоги послевоенных исследований были подведены в нескольких обобщающих статьях и монографиях (*Обломский, 2002, 2004*; *Терпиловский, 2004*; *Памятники киевской культуры… , 2007*). Устоявшейся в настоящее время в науке концепцией стало отнесение большинства местных древностей к сейминско-донецкому, а в ряде отдельных случаев к деснинскому вариантам киевской культуры (*Арион и др., 2010, с. 105, 106*); отнесение памятников датируемых концом III—IV вв. к «позднему этапу киевской культуры» (*Обломский, 1991, с. 231—243*); большинством современных исследователей традиционно признавалась «чересполосица» киевских и черняховских памятников на Левобережье Днепра, в том числе и в Посемье (*Щукин, 2005, с. 133*; *Памятники киевской культуры… , 2007, с. 49*). Ряд вопросов, в основном связанных с хронологией и этнокультурными интерпретациями памятников левобережья остаются спорными (*Обломский, 2009, с. 264*; *статья М. В. Любичева в наст. сборнике*). По А. М. Обломскому появление

черняховских памятников в регионе фиксируется уже на самых ранних этапах — фазе C_2 позднеримского времени (*Обломский, 1999, с. 26—29*). М. В. Любичев считает, что памятники черняховского «косановского» типа появляются на левобережье только во второй четверти IV в. н. э., а существовавшие до этого древности относит к предчерняховскому «горизонту Боромля» (*Любичев, 2008б, с. 51—52*).

После некоторого перерыва, вызванного прекращением широкомасштабных полевых исследований в связи с событиями смутного времени 1990-х, работы возобновились в 2002 г. Микрорегион, в котором начались разведки, до этого времени был практически не обследован в отношении памятников позднеримского времени. В 2002 г. Р. С. Веретюшкин обследовал три поселения на р. Прутище и в устье Реута с круговой керамикой черняховского типа (*Веретюшкин, 2003*). Разведками А. М. Обломского на Сейме в районе Рыльска и в нижнем и среднем течении р. Свапа были открыты многочисленные памятники с лепной керамической традицией — киевского, колочинского и волынцевского типов (*Обломский и др., 2003*). В октябре 2003 г. во время разведок в Рыльском районе Курской обл., участие в которых принимал и автор статьи, нам удалось ознакомиться с рядом находок начала V в. н. э. из Курчатовского района, переданных в Институт археологии Юго-восточной Руси при Курском государственном университете краеведом из г. Курчатов А. А. Катуниным. В 2004 г. А. М. Обломский, В. В. Приймак и Р. С. Веретюшкин обследовали места обнаружения находок вещей на севере района, где были зафиксированы три новых поселения с лепной и круговой гончарной посудой черняховского типа с датирующими находками фазы D_2 хронологии римского времени (*Веретюшкин и др., 2005*). Очевидной стала необходимость начать планомерное обследование данного микрорегиона. Для этого в 2004 г. был создан отряд Раннеславянской археологической экспедиции ИА РАН (рук. А. М. Обломский, а с 2006 г. отдельная Средне-Сейминская экспедиция ИА РАН под руководством автора статьи. Экспедиция начала проводить систематическое обследование Среднего Посеймья, в первую очередь микрорегиона нижнего течения р. Реут, а также территории Льговско-Фатежской возвышенности. На первом этапе фиксировались многочисленные памятники, известные по информации краеведов и местных жителей, что оказалось весьма эффективно — так например, большинство памятников в Курчатовском районе были найдены А. А. Катуниным в 1990 — начале 2000-х годов. В ходе разведок был обнаружен и зафиксирован ряд крупных по размерам поселений черняховского периода в нижнем течении р. Реут и на ближайших к нему притоках Сейма, как на левом, так и на правом его берегах (*Радюш, 2008б*). В дальнейшем были отработаны маршруты по рр. Прутище, Реут, Рогозна, Большая Курица, Тускарь, Апока, Бык, в устье р. Суджа, по водоразделу Сейма и Псла, а также обследованы места находок Старо-Суджанских и Обоянского кладов. К настоящему моменту экспедицией открыто более 40 новых поселений с материалами позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов[1].

Одно из крупнейших в Посеймье селищ выявлено на обоих берегах небольшого ручья Пенка, впадающего в Сейм с юга[2]. Согласно административно-территориальному делению, оно находится точно на границе Льговского и Курчатовского районов. По своему расположению памятник оказался единственным из группы синхронных ему поселений, на котором можно было вести полноценные площадные раскопки и геофизические исследования.

В 2004—2005 гг. на поверхности был собран подъемный материал, включающий более 500 фрагментов круговой и груболепной посуды, пряслица, грузила, ножи, кресало, бронзовая фибула с высоким приемником, римский денарий Луция Вера. Материалы с обеих берегов поселения указывали на синхронность существования правобережного и левобережного участков, а следовательно и принадлежность их к одному поселению. Соотношение круговой и лепной керамики позднеримского времени в подъемном материале — 55 и 45%. Гончарная круговая посуда представлена типичными для черняховской культуры

[1] Коллекции, получение в ходе разведок (2005—2009 гг.) хранятся в Институте археологии Юго-восточной Руси при Курском государственном университете, находки из раскопок поселения Пены 2007—2009 гг. — в Курчатовском городском краеведческом музее.

[2] Памятник открыт А. А. Катуниным в 2002 г.

формами. Лепная посуда на памятнике также характерна для подобных памятников и представлена обломками толстостенных груболепных горшков, тонкостенных мисок, с примесями шамота в тесте. Керамика эпохи бронзы отмечена только по правому берегу ручья к северу от дороги на огородах в пойме Сейма, а единичные фрагменты — к югу от дороги. Условно правобережная часть поселения получила наименование Пены 1, левобережная — Пены 2; выявленный впоследствии на левом берегу могильник (***ил. VI: b, c***) — Пены 3 (*Радюш, 2008б*).

Топография памятника уточнялась в 2007—2008 гг. Как удалось выяснить, правый берег ручья (Пены-1) начал глубоко распахиваться лишь в начале 2000-х годов, до этого он частично использовался под огороды, а часть берега занимал фруктовый сад, вырубленный в 1960—1970-е годы. Селище занимает часть высокой поймы и склон первой надпойменной террасы ручья Пенка и частично в своей северной части заходит в долину р. Сейм (***ил. VI: b***). По сообщениям местных жителей, до 1980-х годов в периоды больших половодий вода заливала всю высокую пойму ручья и фактически на поверхности оставались «острова», идущие прерывистой грядой вдоль правого берега ручья. Южная его часть по правому берегу доходит до высоковольтной ЛЭП расположенной на значительном возвышении по сравнению с основной территорией поселения, северная оконечность по правому берегу — до огородов западной окраины пос. им. Карла Либкнехта, выходящих в долину Сейма. Автомобильная и железнодорожная насыпи, построенные в 1950—1960-е годы, разрушили значительную часть памятника, кроме того благодаря дамбе ручей запружен и затоплена нижняя часть поймы. Высота над уровнем ручья от 2—6 до 10—12 м в южной части. Протяженность распространения культурных остатков на поселении Пены 1 достигает 1800 м. Мощность слоя по результатам шурфовки в центральной части памятника достигала 1,6 м, он насыщен обломками лепной и гончарной посуды, обожженной обмазки и костями. Почва — пойменные и типичные черноземы. Условно территория селища разделена на три больших участка — северный, расположенный за железной дорогой на огородах в пойме Сейма; центральный к югу от автомобильной дороги до излучины берега; и южный от излучины до линии электропередач на возвышенности (***ил. VI: b***).

Левобережный участок (Пены 2) занимает часть высокой поймы и первую террасу , напротив восточного от автодороги до балки Лисий Яр. Высота над уровнем ручья — 2—8 м. Распространение культурных остатков отмечено на протяжении 1000 м, в разных местах эта полоса колебалась от 50—100 в северной части и центре, до 20—40 м в южной. Подъемный материал в целом соответствует восточному участку селища, здесь также представлены фрагменты черняховской лепной и гончарной посуды в соотношении 43 и 57%. Мощность слоя по результатам шурфовки в центральной части памятника достигала 1,5 м, он насыщен обломками лепной и гончарной посуды, обожженной обмазки и костями. Следует отметить также многочисленные шлаки от гончарного и железоделательного производств, найденные в средней части памятника.

Во время обследования после глубокой вспашки в 2004—2005 гг. на обеих частях памятника четко фиксировались полосы и пятна обмазки на месте распаханных глинобитных построек, в том числе четко выраженные на поверхности в виде подпрямоугольных пятен с крупными кусками обмазки с отпечатками каркасно-плетневых конструкций, расстояние между такими пятнами вдоль берега от 70 до 100 м.

Геофизические и геодезические работы. В 2007—2009 гг.[3] Д. В. Маликов с помощью тахеометра провел топографическую съемку центрального участка селища (***ил. VI: c***). Основным репером для привязки раскопа и участков магнитометрической съемки служил угловой столб линии электропередач, находящийся к югу от автомобильной дороги на берегу ручья возле въезда на разрушенную дамбу.

Перед началом раскопок в 2007 г. В. Г. Бездудный (ООО «Донское археологическое общество», г. Ростов-на-Дону) провел первое геомагнитное и георадарное обследование памятника на участке 1 (***рис. 1***). В дальнейшем были исследованы таким же образом еще четыре участка поселения и один на могильнике, общей площадью

[3] Полевые работы в 2007 г. велись по гранту РГНФ № 07-01-18089е, в 2008 г. — по гранту РГНФ № 08-01-18055е.

Рис. 1. **Поселение Пены. Участок геофизического исследования № 1** (съемка В. Г. Бездудного 2007 г.). Расположение раскопов

Abb. 1. **Die Siedlung Peny. Geomagnetikfläche № 1** (der Autor W. G. Besdudnij, 2007). Lage der Grabungsflächen

свыше 35 тыс. м^2 (***ил. VI: с***). Все участки ориентировались по сторонам света. Для магнитометрического исследования применялся датчик POS-2 градиентометрической модификации (*Бездудный, 2008*). Результат представлен в виде распределения градиента магнитного поля на участках исследования в плане.

На участке 1 (50 × 50 м) работы проводились с частотой прохода 0,5 м, что позволило получить достаточно точную картину (***рис. 1***). Наибольший интерес представляла аномалия магнитного поля, имеющая подквадратную форму, размерами примерно 7 × 6 м. Наличие в пахотном слое большого количества обмазки позволило интерпретировать

данную аномалию как остатки жилища. В 4—6 м к ЮЮВ от этой аномалии выявлена еще одна аномалия, примерно таких же размеров, но выраженная слабее, однако очевидно, что это были также остатки сооружения. Для проверки полученных данных на отдельных профилях произведена георадарная съемка. Применялся георадар с антеннами 200 МГц. Было сделано девять проходов радара, по три на каждом профиле. Выявленная глубина залегания аномалий от 0,2 до 0,6—0,8 м от современной поверхности. Для подтверждения результатов геофизических исследований и их интерпретации сделано два контрольных бурения (бур с диаметром колонки 0,05 м). Бурение в точке № 1 не смогло уточнить и помочь в интерпретации аномалии, керн показал наличие пахотного слоя и нетронутого слоя под ним. Бурение в точке № 2, которая была выбрана на углу предполагаемого жилища, показало наличие пахотного слоя, насыщенного обмазкой. Под ним бур стал касаться остатков стен жилища, бурение было остановлено, чтобы не нарушать целостность археологического объекта. Следы от еще шести наземных построек были выявлены с помощью описанной выше методики в ходе исследований на участках 2, 3, 4, 6 (***ил. VI: с***).

Шурфы. Для контроля результатов магнитометрической съемки на участке 1, где фиксировались сильнейшие магнитные аномалии, были заложены два шурфа (1 и 2) размерами 2 × 2 м (***рис. 1***). Шурф 1 был расположен на склоне крайней южной оконечности участка. После вскрытия дерна выяснилась причина аномалии — в землю был вертикально вбит обрезок стальной трубы. В слоях шурфа встречены многочисленные фрагменты обожженной обмазки от наземных построек, мелкие фрагменты лепных и круговых сосудов. Единственная индивидуальная находка — обломок ведерковидной подвески из железа (***ил. VIII: 18***) — найдена почти на границе слоя чернозема и бурой предматериковой супеси. В шурфе 2 также выявлен металлический объект — расплющенное ведро, под которым тем не менее на магнитосъемке были видны контуры заглубленной в материк ямы. Слой в шурфе и заполнение ямы насыщены материалом, в яме преобладали фрагменты груболепной посуды. Среди индивидуальных находок — костяная проколка.

Раскопы 1 и 2. В 2007 и 2008 гг. были заложены раскопы 1 (154 м^2) и 2 (170 м^2) над двумя вышеописанными аномалиями в центральной и северо-восточной частях участка 1. Площадка имела небольшой уклон к югу, перепад высот 48—58 см. Фактически раскопы находились на вершине узкой возвышенности, тянущейся вдоль берега ручья. С северной стороны от них начинается понижение в сторону небольшой заболоченной низменности, с южной — понижение в сторону поймы реки.

Стратиграфия раскопов 1 и 2. Дерновой слой имел толщину 0,1—0,2 м. Под ним располагался слой темно-серой гумусированной супеси мощностью 0,1—0,2 м, местами до 0,4, относящийся к пахотному слою. Основной культурный слой в виде темно-бурой гумусированной супеси имел толщину 0,4—0,6 м. Именно в нем располагались основные объекты постройки 1. Остатки стен в виде скоплений плотно спрессованных фрагментов обожженной обмазки выявлены на глубине 0,2—0,4 м от современной дневной поверхности. Пол постройки 1 в виде утрамбованной прослойки плотного темно-серого суглинка выявлен на глубине около 0,6 м от современной дневной поверхности, мощность прослойки достигала 0,1—0,2 м. На этом же уровне фиксировался четкий контур основания стен и остатки очага 1. Нижний уровень фундамента стен был выявлен на глубине 0,4 м, пол постройки был ниже этого на 0,3—0,35 м. Ниже уровня пола в южной части постройки находки керамики не отмечены. Пол постройки 2 стратиграфически выделялся слабо (***ил. VII***). Наибольшее количество находок на раскопах относилось к первому, второму и в меньшей степени третьему пластам. В четвертом встречались единичные находки, в пятый, относящийся уже к предматерику, фрагменты, судя по всему, были принесены грызунами. Предматериковый слой — желтая слабогумусированная супесь. Нижние пласты — 0,2—0,5 м от материковой поверхности — в значительной степени перемешаны деятельностью землероев.

Постройка 1 каркасно-столбовой конструкции со стенами обмазанными глиной, имела несколько большие размеры, чем предполагалось на основании данных магнитосъемки — 6 × 10 м. Очевидно, что в северной части, где вероятно стены

были менее основательными, она была практически разрушена при глубокой распашке верхушки гряды, полностью сохранилась только южная часть постройки. Обрушение стен происходило в западную сторону. Судя по длине полностью сохранившихся участков, они были высотой около 1,7—1,8 м, что позволяет предположить общую их высоту внутри постройки не менее 2—2,1 м. Завал обмазки от стен был неоднороден и представлял собой несколько контуров, имевших в своем заполнении обмазку разного размера. Наружный, самый широкий из них, образован плотными скоплениями фрагментов мелкодисперсной консистенции (0,5—2 см), местами выделялись ареалы мелкофрагментированной обмазки (3—5 см). Достаточно четко фиксировались плотные скопления крупной обмазки (свыше 5 см) в юго-восточном и юго-западном углах, которые были вытянуты прямыми полосами в первом случае, образуя почти прямой угол. Очевидно это остатки основания стен. Между центральной и южной «комнатами» выявлены остатки перегородки.

Очаг располагался в центральной части постройки ближе к восточной стене. Верхний его уровень фиксировался по скоплению сильно обожженной печины серого цвета и углей, которые были смешаны с обломками рухнувшей стены, очевидно, почти полностью разрушившей отопительное сооружение. Под этим скоплением выявлено основание самого очага, который, скорее всего, был наземной конструкции, диаметром свыше 50 см, в виде толстостенной линзы из глины. От отопительного сооружения сохранилась только центральная его часть, состоящая из фрагментов глиняных стенок. Возможно, второй наземный очаг располагался рядом с ямой 1 — при разборе завала стены среди фрагментов обмазки было отмечено пятно пепла и куски печины.

На территории раскопа 2007 г. рядом с постройкой 1 выявлены 13 ям, три из них хозяйственные, остальные столбовые (***ил. VII***). При разборе слоя ниже уровня пола визуально фиксировались и вертикальные столбики (диаметром 5—10 см), которые, вполне вероятно, могли быть остатками опор для лавок, столов или другой мебели. Все ямы были выявлены после зачистки материка, верхние контуры столбовых ям фиксировались с большим трудом в связи с тем, что они практически не выделялись на фоне сильно изрытого грызунами материка. Заполнение их остается смешанным и отделяется от материка только небольшим отличием в плотности грунта.

Три ямы крупных размеров были расположены в южной части постройки.

Яма 1. Максимальная глубина ямы составляла 0,78 м. В заполнении — многочисленные угли и пережженная печина. Стратификация ямы выражена незначительно, верхний слой — темно-серый гумусированный суглинок, заполняющий ее до углубления, которое в свою очередь заполнено темно-бурым гумусированным суглинком с меньшей насыщенностью углями и фрагментами обмазки. В верхней части ямы прослежена крупная линза угля, следы которого отмечены практически во всем заполнении. В верхней части найдены 20 фрагментов груболепной посуды. В средней части обнаружены массивное пряслице (***ил. X: 15***), обломки грузила и разбитого каменного жернова. Все керамика и индивидуальные находки носят следы вторичного обжига. На дне имеется углубление — 0,3 м.

Яма 2. Общая глубина ямы достигала 0,46 м. Заполнение имело слабо выраженную стратификацию, в верхней части — бурая гумусированная супесь, сильно изрытая землероями, ниже которой была заметна прослойка светло-желтой гумусированной супеси толщиной до 0,2 м. В заполнении найден один фрагмент лепной стенки сосуда серо-бежевого цвета из рыхлого теста с примесями шамота. В западной части ямы практически на дне обнаружены фрагменты подпрямоугольной бронзовой пластины (***ил. VIII: 19***), изготовленной из тонкого листа.

Яма 3. Общая глубина ямы достигала 0,78 м. Заполнение на всю глубину было однородным — серо-бурая гумусированная супесь, сильно изрытая землероями. Углубление на дне образовывало небольшую ступеньку высотой около 0,2 м. В заполнении найдена одна стенка сероглиняного кругового сосуда с лощеной поверхностью.

Постройка 2. Магнитометрическая съемка точно показала крупное скопление обмазки размерами 4×5 м, которые были близки к реальной площади постройки. После зачистки первого пласта на поверхности отчетливо прослеживались завалы глинобитных стен, имевших толщину до

10—15 см. Контуры были ориентированы по линии СЗ—ЮВ, достаточно четко прослеживалась северная, западная и южная границы, восточная граница более расплывчатая. В отличие от постройки 1 слой завала был значительно менее мощным, обмазка в основном средней (3—5 см) и мелкой фракции (0,5—2 см), крупные куски отсутствовали. По всей вероятности вторая постройка была менее основательная, возможно это был навес закрытый стенами только с нескольких сторон. Очевидно хозяйственное предназначение строения.

Пол постройки наиболее четко проявился после итоговой зачистки уровня основания третьего пласта. Контур определялся визуально в виде контрастного пятна подпрямоугольной формы, ориентированного по линии СЗ—ЮВ, оно было практически стерильно и не содержало следов гумуса. Ниже уровня пола внутри постройки находки не отмечены. К югу от постройки зафиксирован протяженный останец стены (до 1 длиной и 0,5 м в поперечнике), состоявший из плотной обмазки, включавшей обломки крупных кусков стены. Следы еще одной конструкции с обмазкой отмечены к северу от постройки, они состояли из двух небольших остатков стены длиной около 0,6 и шириной до 0,3 м.

На площади раскопа 2008 г. вокруг постройки 2 выявлены 25 ям, пять из них очевидно хозяйственные, остальные столбовые. Все ямы, кроме ямы 10, были выявлены после зачистки материка.

Яма 1. Максимальная глубина ямы составляла 0,46 м. Прослежена полочка высотой 0,2 м в южной части дна ямы. Стратификация ямы выражена незначительно, верхний слой — темно-серый гумусированный суглинок, заполняющий ее до углубления, которое в свою очередь заполнено темно-бурым гумусированным суглинком. В верхней части заполнения были найдены шесть фрагментов стенок и один венчик от чернолощеной миски с выделенным карнизом, орнаментированным косыми каннелюрами по корпусу.

Яма 2. Наибольшая глубина — 0,43 м. Дно ровное округлой формы. Заполнение — темно-бурая гумусированная супесь. Над ямой найден обломок глиняного грузила, а в верхней части заполнения — еще два (***ил. X: 9***). Обнаружены девять фрагментов стенок от груболепных толстостенных сосудов, венчик, два донца и три стенки от кругового серолощеного сосуда, три стенки от круговых сосудов «кухонного» типа — с шероховатой поверхностью. Также найдены фрагмент черепа мелкого рогатого скота, фрагмент трубчатой кости.

Яма 3. Общая глубина ямы достигала 0,6 м. Заполнение на всей глубине ямы было однородным — серо-бурая гумусированная супесь, сильно изрытая землероями. Найдены пять стенок груболепных толстостенных горшков, четыре стенки сероглиняного сосуда, изготовленного на гончарном круге, с лощеной внешней поверхностью и одна стенка от «кухонного» сероглиняного горшка.

Яма 10. Общая глубина ямы достигала 0,73 м. Контур ямы выделился на уровне 0,4 м от дневной поверхности в виде контрастного пятна желто-коричневого цвета. Заполнение не стратифицированное в виде пестрой желто-коричневой слабо гумусированной супеси, сильно изрытой землероями. Найдены венчик толстостенного лепного сосуда с примесью шамота в тесте, два донца и четыре стенки от таких же горшков, три стенки от круговых чернолощеных сосудов и одна стенка от «кухонного» кругового горшка, венчик от сероглиняного кругового горшка. В верхней части заполнения ямы обнаружена миниатюрная бронзовая прогнутая подвязная фибула (***ил. IX: 2***). Среди находок также кости крупного и мелкого рогатого скота.

Яма 17. Общая глубина ямы 0,27 м. В заполнении найдены два фрагмента венчика и четыре стенки от груболепных горшков серо-бежевого цвета, тесто рыхлое с примесями шамота; три фрагмента от стенок круговых серолощеных сосудов.

Пятна столбовых ям на обоих раскопах были выявлены только на уровне окончательной зачистки материка. Заполнение во всех случаях однородное в виде пестрой серо-бурой гумусированной супеси, отличающееся от материка только плотностью. По размерам такие ямы можно разделить на широкие (70—80 × 90—100 см) и узкие (30—40 × 50—60 см) (***ил. VII***). Глубины — от 11—12 до 30—33 см. Формы ям округлые и подовальные, но из-за деятельности грызунов восстановить первоначальные формы сложно, вероятнее всего, они были округлые. В яме 18 (2008 г.) найден

фрагмент донца от груболепного горшка, в яме 12 (2007 г.) — фрагмент стенки темно-серо-коричневого цвета от «кухонного» кругового сосуда.

Массовый материал. Керамический комплекс, полученный в результате раскопок усадьбы 1, включает в себя 2603 фрагмента. В целом, при подсчете несколько преобладают остатки лепных горшков — их 54% (1419); гончарной посуды 44% (1162), из них 16% (428) черно- и серолощеные, 28% (734) с шероховатой поверхностью; 1% (23) — керамика нового и новейшего времени, кроме того найдены три фрагмента стенок от амфор. В то же время статистика массового материала может не совсем точно отражать соотношение лепной и круговой посуды. Учет только остатков целых форм (донца и венчики, при условии что фрагменты, происходящие от одного сосуда, считаются за одно целое) показывает несколько иное соотношение групп: 58% круговой и 42% лепной соответственно. При таком подсчете заметно, что среди круговой посуды преобладают так называемые кухонные разновидности, т. е. в основном горшки с шероховатой поверхностью (59%), тогда как лощеной круговой посуды значительно меньше (41%), при этом соотношение черно- и серолощеной посуды между собой приблизительно 40 и 60%.

Лепная посуда, найденная на памятнике, в основном соответствует типам известным по левобережным памятникам типа Букреевка—Тазово—Боромля и в значительной степени сходна с поднестровскими памятниками (*Баран, Гопкало, 2005, рис. 8*). Лепная посуда представлена в подавляющем большинстве своем груболепными горшками, с заглаженной или грубо обработанной поверхностью. Прослеживаются следы заглаживания пальцами рук, оставившие вертикальные или горизонтальные борозды. Цвет черепков от светло-желто-коричневого до темно-серо-коричневого, на некоторых сохранились следы нагара. Целые формы по материалам раскопок 2007—2008 гг. практически не реконструируются, за исключением одной. Лепные горшки представлены несколькими формами.

1-я — с коротким вертикальным или слабо отогнутым венчиком с плавно расширенным в центральной части туловом (***рис. 2: 2, 7, 16, 17, 26***). Все горшки изготовлены из теста с включениями шамота мелкой, средней и иногда крупной фракций. Поверхность грубо заглажена, иногда со следами нагара. Разновидности этих форм имеют расширенное или сильно расширенное «бочкообразное» тулово (***рис. 2: 23, 24, 26***). В большинстве случаев сохранившиеся венчики не позволяют точно установить форму сосуда. Диаметры венчиков — от 10 до 17 см.

2-я — горшки с коротким сильно отогнутым венчиком и плавно расширяющимся к середине туловом (***рис. 3: 2, 3, 29***). Найдены три подобных определяемых в верхней части сосуда формы. Тесто с примесями шамота, обжиг неравномерный, поверхность грубо заглаженная, шероховатая. Диаметр венчиков — 12—16 см.

3-я — небольшие по размерам горшки с вытянутым и отогнутым наружу венчиком с воротообразным сужением под ним (***рис. 2: 28, 36—38, 40***). Форма сосудов не устанавливается. Все венчики изготовлены из хорошо подготовленного теста, обжиг равномерный, цвет светло-коричневый и оранжево-коричневый, поверхность достаточно хорошо заглажена. Диаметры венчиков — 8—11 см.

4-я — горшки с отогнутым наружу венчиком и S-видным профилем, плавным расширением тулова в верхней трети сосуда. Один из сосудов представлен почти целой формой и был найден стоящим кверху донной частью (***рис. 3: 1***). Изготовлен из хорошо выделанного теста с примесями мелкого песка, тонкостенный, наружная поверхность тщательно заглажена. Диаметр венчика — 20 см.

5-я — горшки с коротким отогнутым наружу венчиком и S-видным профилем, расширением тулова в верхней трети сосуда с заглаженным ребром (***рис. 3: 4, 5, 13***). Тесто с примесями шамота мелкой и средней фракций, поверхность грубо заглаженная, шероховатая, обжиг неравномерный. Диаметр венчика — 13—17 см.

В скоплении 4 возле постройки 2 в раскопе 2008 г. реконструированы формы четырех толстостенных лепных горшков. Один из них представляет собой высокий горшок со сглаженным ребром и наибольшим расширением в средней части тулова, коротким массивным, слабо отогнутым венчиком (***рис. 4: 1***); тесто рыхлое, поверхность плохо заглажена. Диаметр по верхнему срезу венчика — до 25 см. Второй горшок — с плавным бочкообразным расширением тулова и коротким

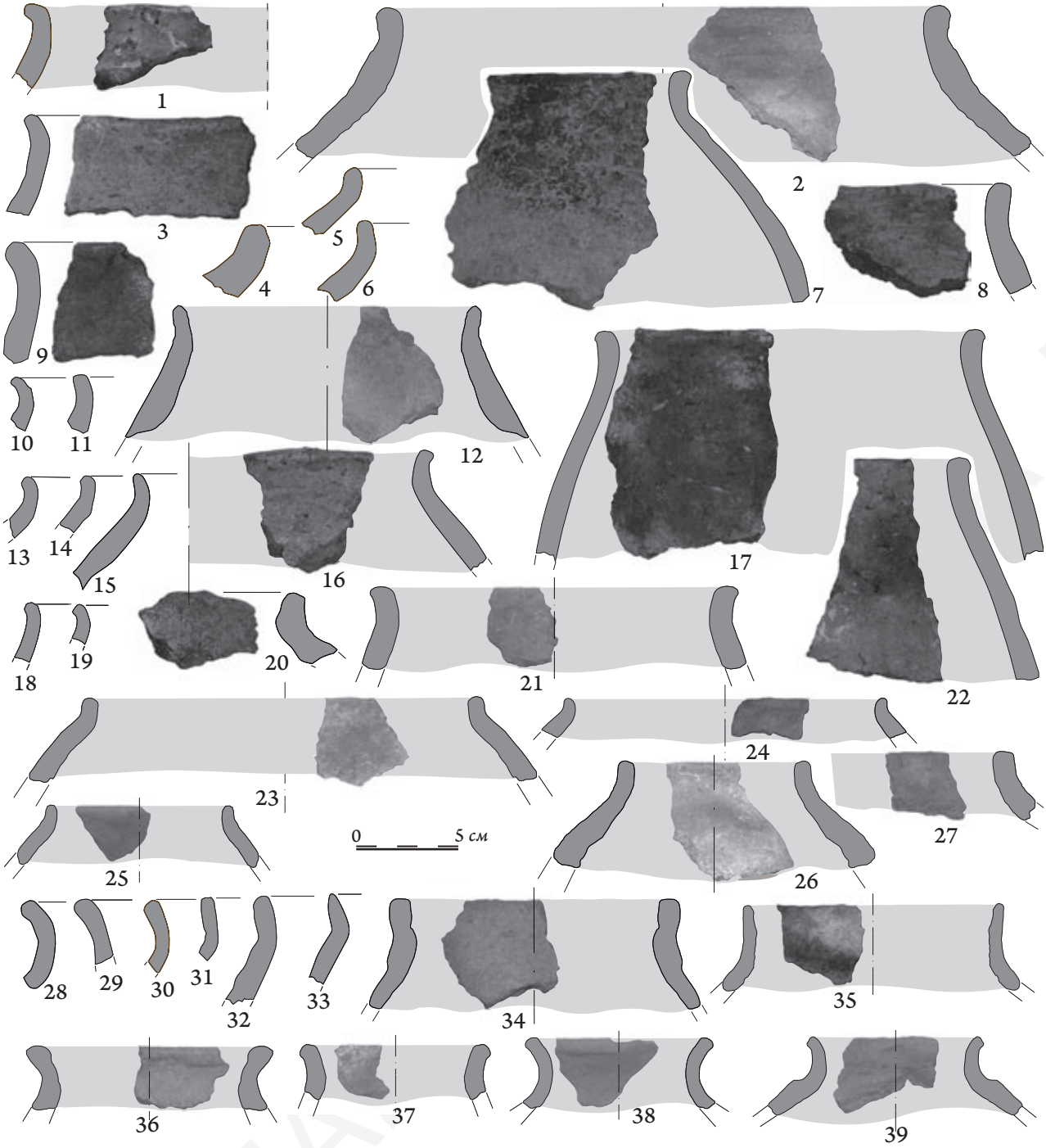

***Рис. 2.* Пены 1. Груболепные горшки** из раскопок 2007—2008 гг.

***Abb. 2.* Peny 1. Grobe handgemachte Töpfe**, Grabungssaison 2007–2008

вертикальным, несколько отогнутым наружу венчиком (***рис. 4: 5***); тесто плотное с примесями шамота, наружная поверхность грубая шероховатая. Кроме того реконструируются две верхние части от горшков с наибольшим расширением в верхней части, тулово практически прямое вертикальное, с небольшим отклонением внутрь, венчик массивный короткий, отогнутый наружу (***рис. 4: 2, 8***). Тесто плотное с примесями шамота, наружная поверхность грубая шероховатая. Донца из развала массивные толстостенные, плоские (***рис. 4: 3, 4, 6***) и с выделенным наружу основанием (***рис. 4:*** 7).

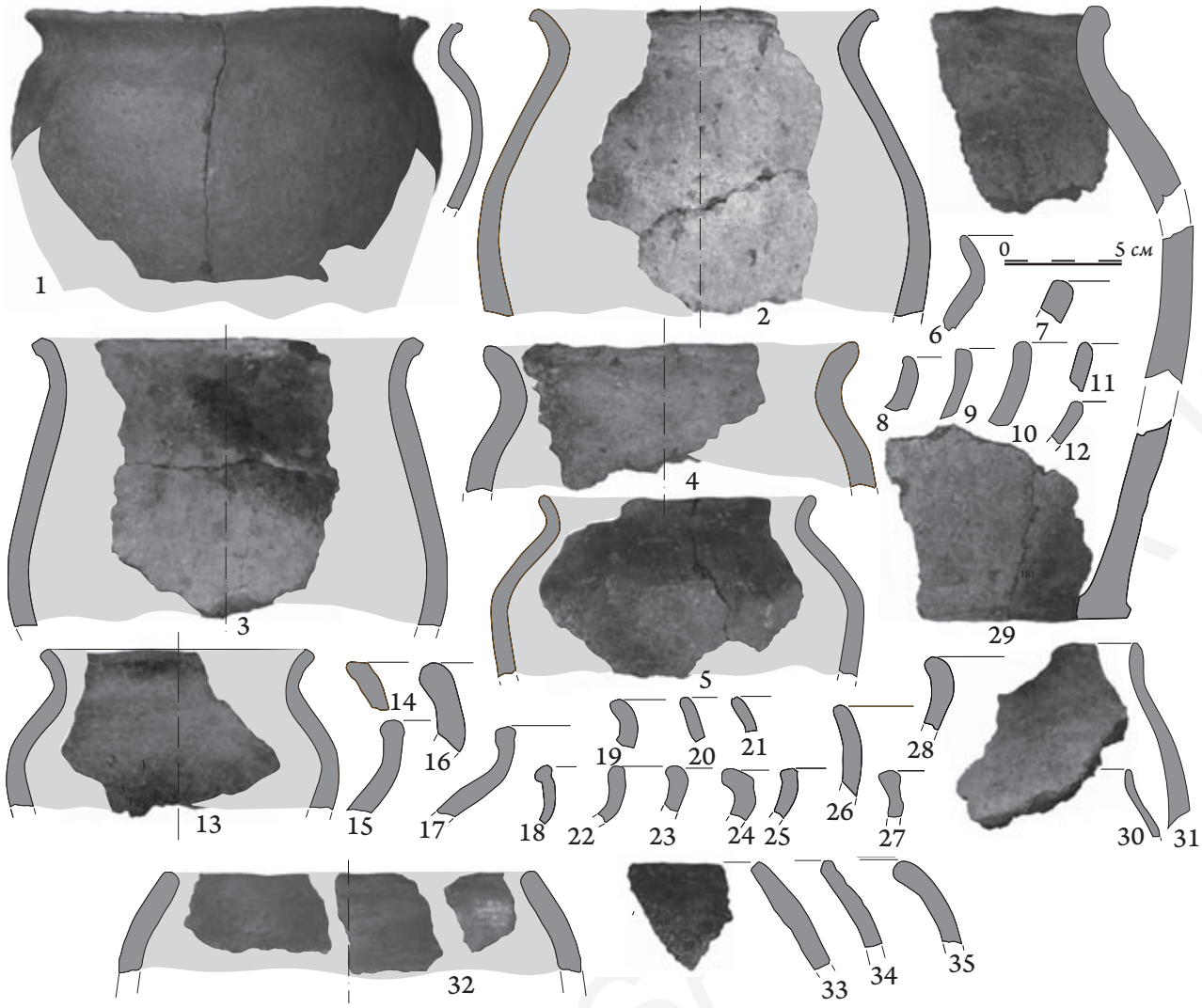

***Рис. 3.* Пены 1. Груболепные горшки** из раскопок 2007—2008 гг.

***Abb. 3.* Peny 1. Grobe handgemachte Töpfe**, Grabungssaison 2007–2008

Донца горшков толстостенные массивные, большей частью на плоском поддоне со стенками, расходящимися под углом около 45° (***рис. 5***). Несколько экземпляров имели поддон с выделенным дном (***рис. 5: 34—36***). В единственном экземпляре найдена стенка массивного толстостенного, очевидно, тарного сосуда толщиной до 2 см. Тесто плотное, тщательно подготовленное, наружная поверхность хорошо заглажена (***рис. 5: 5***).

Кроме горшков в керамический комплекс усадьбы 1 входили также груболепные миски-вазы (***рис. 6***), в том числе и на ножках (***рис. 6: 1, 4, 5***). Найдены 2 фрагмента мисок с вертикальным высоким, слегка вогнутым внутрь венчиком и выраженным ребром, проходящим в верхней части (***рис. 6: 7, 8***). Тесто с примесями шамота средних и крупных фракций, поверхность в одном случае заглажена, во втором грубая шероховатая. Обжиг неравномерный, в одном случае сосуд был сильно пережжен. Диаметр мисок — 17—20 см. Уникальной находкой стала трехногая (судя по реконструкции) миска, изготовленная из плотного теста с примесями измельченного шамота. Емкость имеет открытую широкую форму, венчик короткий, отогнутый почти под 90°. Диаметр — около 22 см. В нижней части располагались (три?) короткие высотой около 3 см ножки. Точных аналогий такой миске найти не удалось, однако миски на ножках хорошо известны в европейских древностях начиная с неолита. Единичные лепные

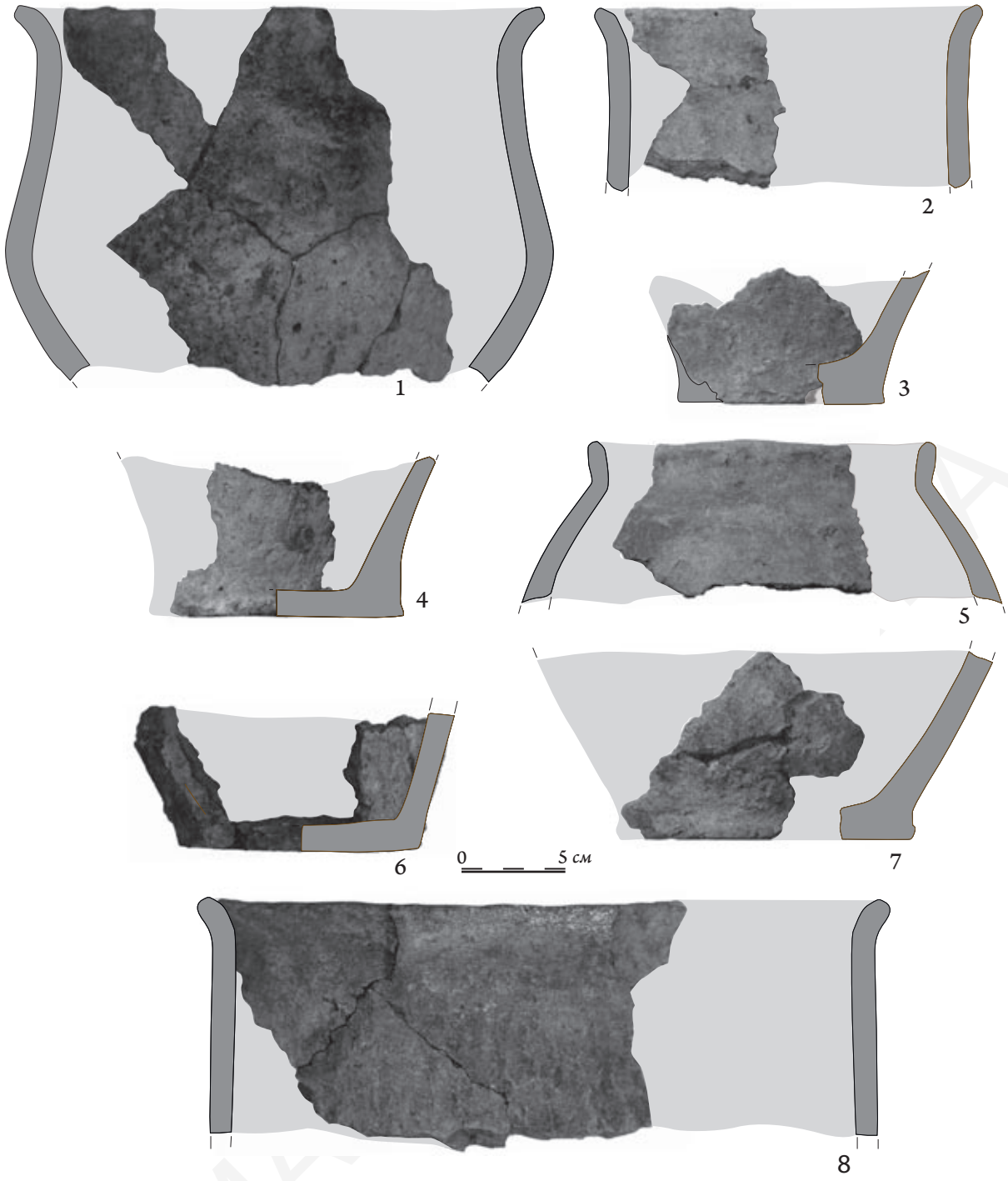

Рис. 4. **Пены 1. Груболепные горшки из развала 4** (2008 г.)

Abb. 4. **Peny 1. Grobe handgemachte Töpfe, Gefäßsturz 4**, Grabungssaison 2008

варианты в германском ареале известны в позднелатенское и раннеримское время (*Dąbrowska, 2008, ryc. 23: 1–4*; *Abramek, Makiewicz, 2004, tab. 1, ryc. 4*), и встречаются вплоть до эпохи переселения народов в Словакии (*Kolník et al., 2007, tab. XXXVI: 6*). В черняховской и вельбаркской культурах подобные находки известны, но они также единичны: Букреевка 2, Барбара 1, Косаново, Слобода Носковецкая[4] и др. (*Обломский, 2002, рис. 44: 19, 20*; *Башкатов, 2008, рис. 7; Кравченко,*

[4] Житомирская обл., раскопки М. Е. Левады 2000 г. (информация любезно предоставлена автором раскопок).

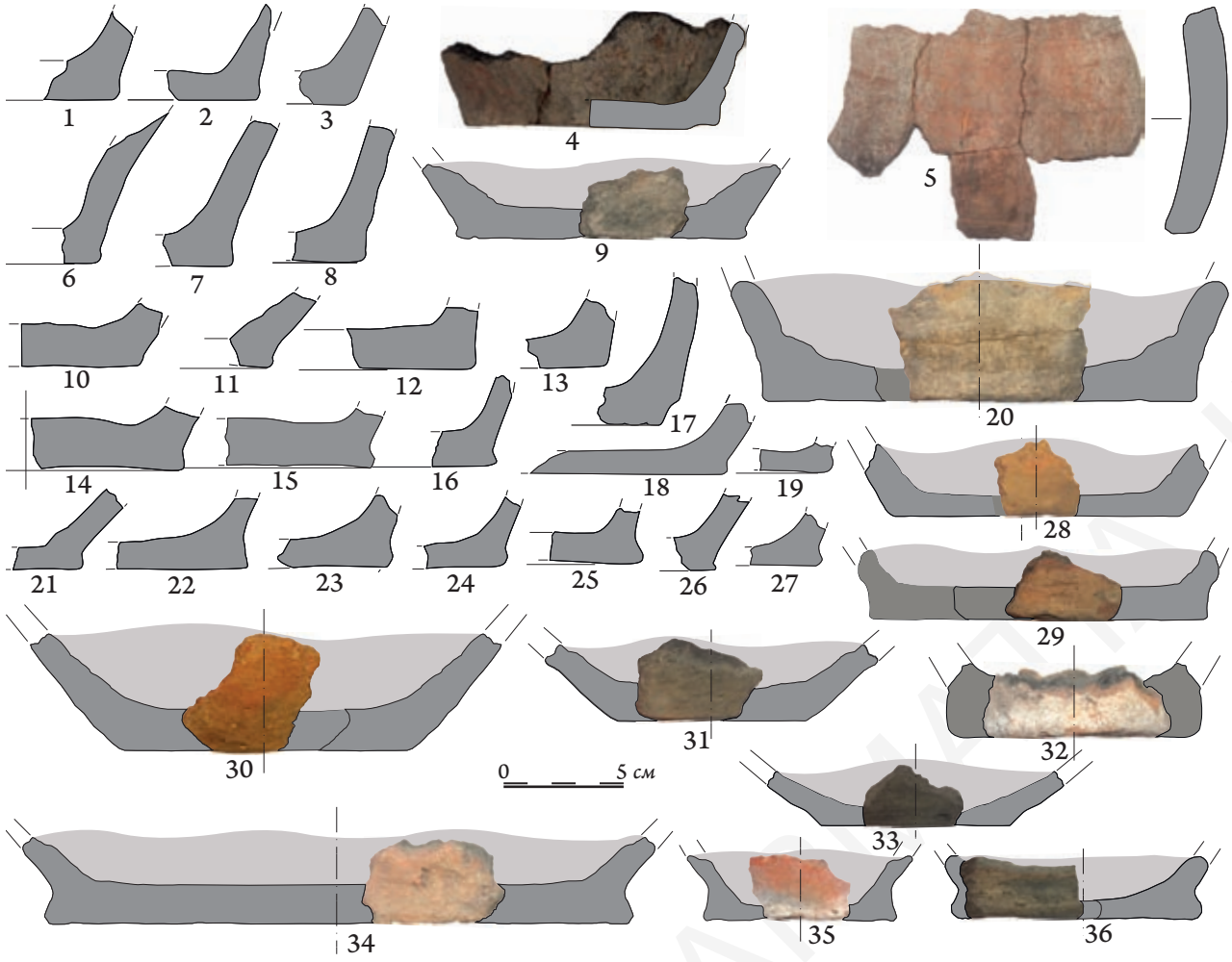

***Рис. 5.* Пены 1. Донца и стенка от груболепных сосудов** из раскопок 2007—2008 гг.

***Abb. 5.* Peny 1. Böden und Wandung der groben handgemachten Gefäße**, Grabungssaison 2007–2008

1967, табл. 2: 2; *Wołągiewicz, 1993, s. 17, tab. 27*). Гончарные круговые миски и горшки на ножках хорошо известны в римском мире от Англии до Дунайских провинций (*Dąbrowska, 2008, ryc. 23: 5, 6*; *Blaszkiewicz, 1992, fig. 15; 16: 12, 14, 16*; *Hölder, 1897, Taf. 19: 16; XXII: 15, 16, 17*; *Jilek, 1994, Abb. 7: 16*; *Swan, 1988, fig. III: 122*; *The Archaeology of Roman Pannonia, 1980, fig. 64: 27; 65: 11*). Чрезвычайно широкое распространение этот тип посуды, который в первую очередь использовался для подогрева пищи, получил в позднем средневековье в Европе (*Gaimster, 2006*).

Горшки «эльбского» типа, или «кумпфы», обнаружены лишь в виде отдельных фрагментов в количестве восьми штук. Три из них принадлежали одному сосуду. Этот горшок с загнутым внутрь венчиком изготовлен из хорошо подготовленного теста, наружная поверхность чернолощеная (***рис. 3: 32***). Три фрагмента — от груболепных венчиков с загибом внутрь (***рис. 3: 33—35***). На двух фрагментах стенок прослежена храповатая поверхность, характерная для вельбаркской гончарной традиции, в одном из этих случаев отмечен переход от храповатого участка тулова к подлощенному. Керамика «вельбаркско-пшеворского» типа, несмотря на относительную малочисленность, представлена практически на всей территории распространения черняховских древностей на левобережье Днепра, от Букреевки и Тазово на севере, до Компанийцев на юге (*Дидык, 2005, рис.1*; *Обломский, 2002, табл. 18, рис. 60*).

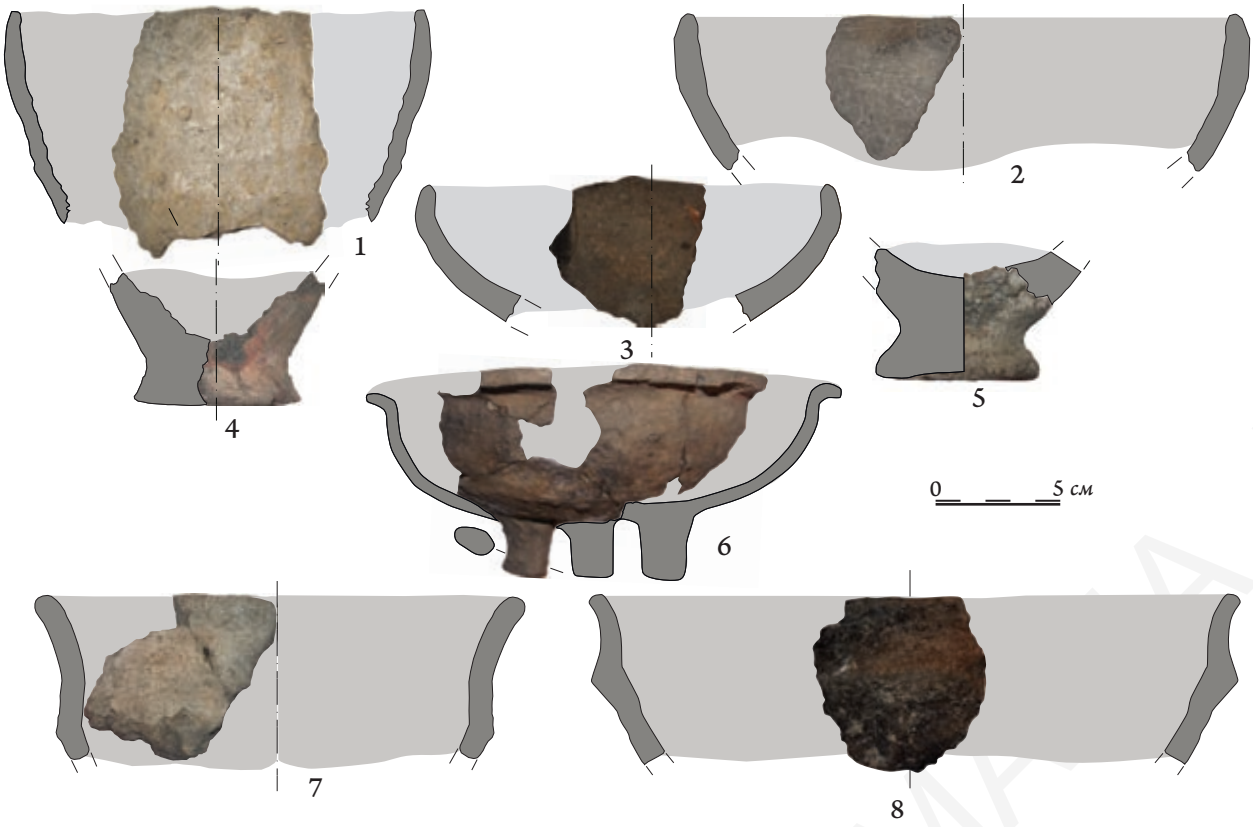

***Рис. 6.* Пены 1. Лепные миски** из раскопов 2007—2008 гг.

***Abb. 6.* Peny 1. Handgemachte Schüsseln**, Grabungssaison 2007–2008

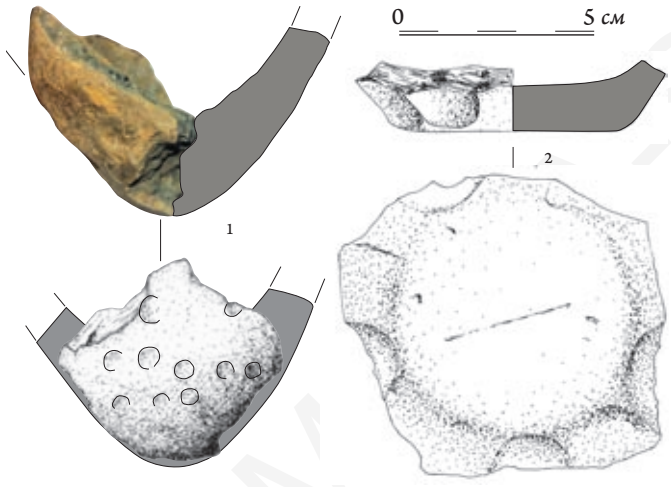

***Рис. 7.* Пены 1. Обломки лепных кубков**:
1 — раскоп 2008 г.; 2 — подъемный материал

***Abb. 7.* Peny 1. Fragmente handgemachter Becher**:
1 – Grabungsfläche des Saisons 2008; 2 – Streufunde

В 1 экз. найден фрагмент донца лепного кубка, очевидно выполненного в подражание толстостенному стеклянному сосуду с орнаментом в виде рядов неглубоких овалов (***рис. 7: 1***). Толщина его в нижней части достигает 2,6 см, стенки в месте слома — до 1,2 см. Подражания дорогостоящим стеклянным кубкам были широко распространены на территории черняховской культуры (*Магомедов, 2001, с. 54*). Из подъемного материала на поселении Пены 1 происходит донце лепного кубка с широкими каннелюрами (***рис. 7: 2***) (*Радюш, 2008б, рис. 2: 27*).

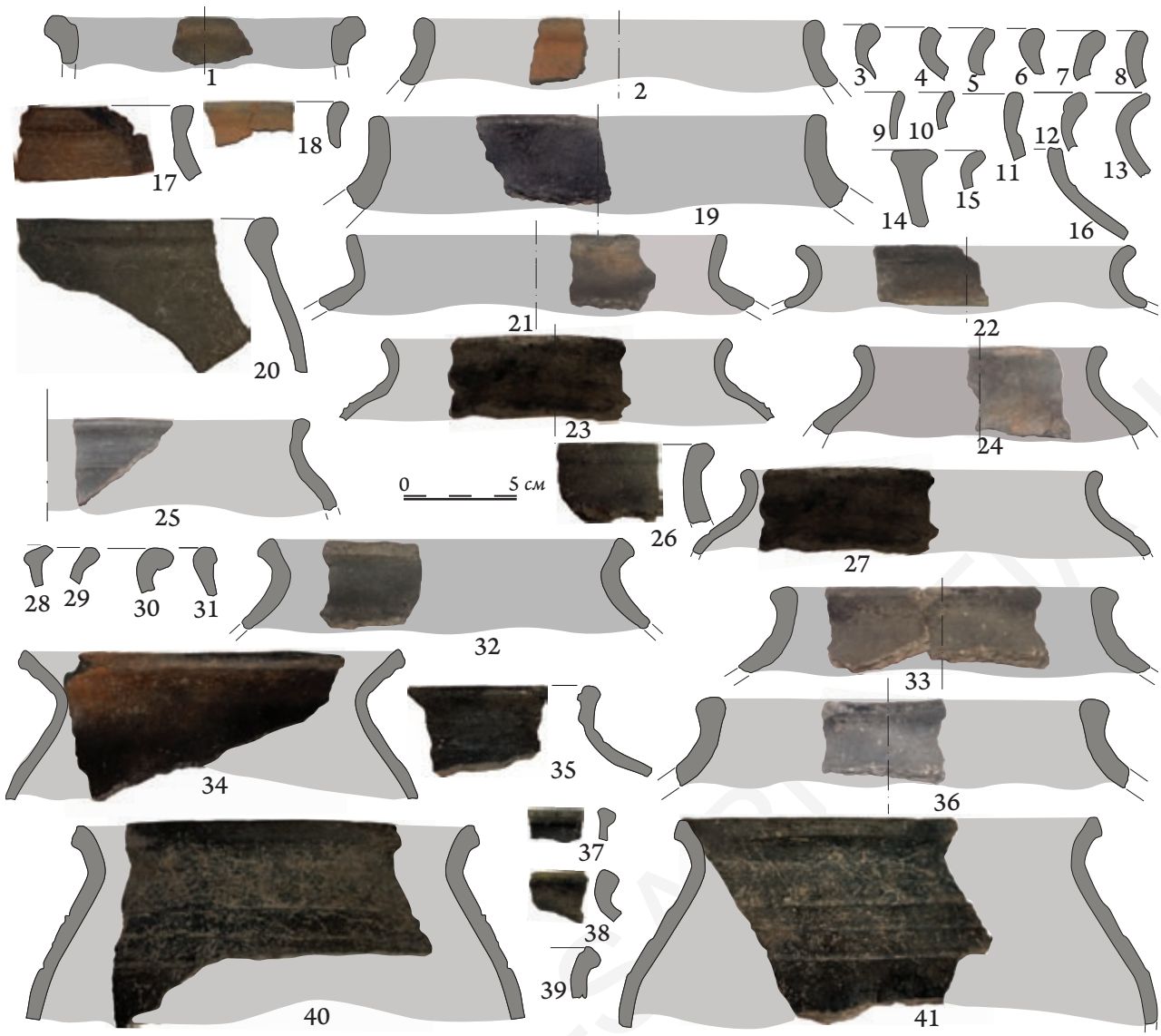

Рис. 8. **Пены 1. Круговые горшки** из раскопок 2007—2008 гг.

Abb. 8. **Peny 1. Drehscheibentöpfe**, Grabungssaison 2007–2008

Круговая посуда представлена кубком, мисками, горшками, тарными сосудами. Традиционно принято деление на «кухонную» посуду изготовленную из глины с большим количеством отощителей, поверхность обычно шероховатая, и «столовую» изготовлявшуюся из тщательно отмученного теста с примесями мелкого или просеяного песка, наружная поверхность обычно тщательно залощена (*Магомедов, 2001, с. 45*).

Горшки, относящиеся к «кухонной» посуде, в большинстве своем имеют шероховатую наружную поверхность. Наиболее крупные фрагменты позволяют реконструировать несколько типов сосудов.

Тип 1. Толстостенный горшок с вертикальным коротким венчиком с небольшим утолщением края, плавным расширением тулова (***рис. 8: 19***). Тесто плотное с обильными примесями мелкой дресвы и песка.

Тип 2. Тонкостенные горшки с плавно отогнутым наружу венчиком S-видного профиля. Тулово сильно расширенное (***рис. 8: 13, 22—24, 36***). Тесто плотное с примесями мелкого песка.

Тип 3. Горшок с прямым вертикальным слабо отогнутым наружу венчиком, тулово сильно расширенное (***рис. 8: 23***). В тесте незначительные примеси мелкого песка, поверхность заглажена.

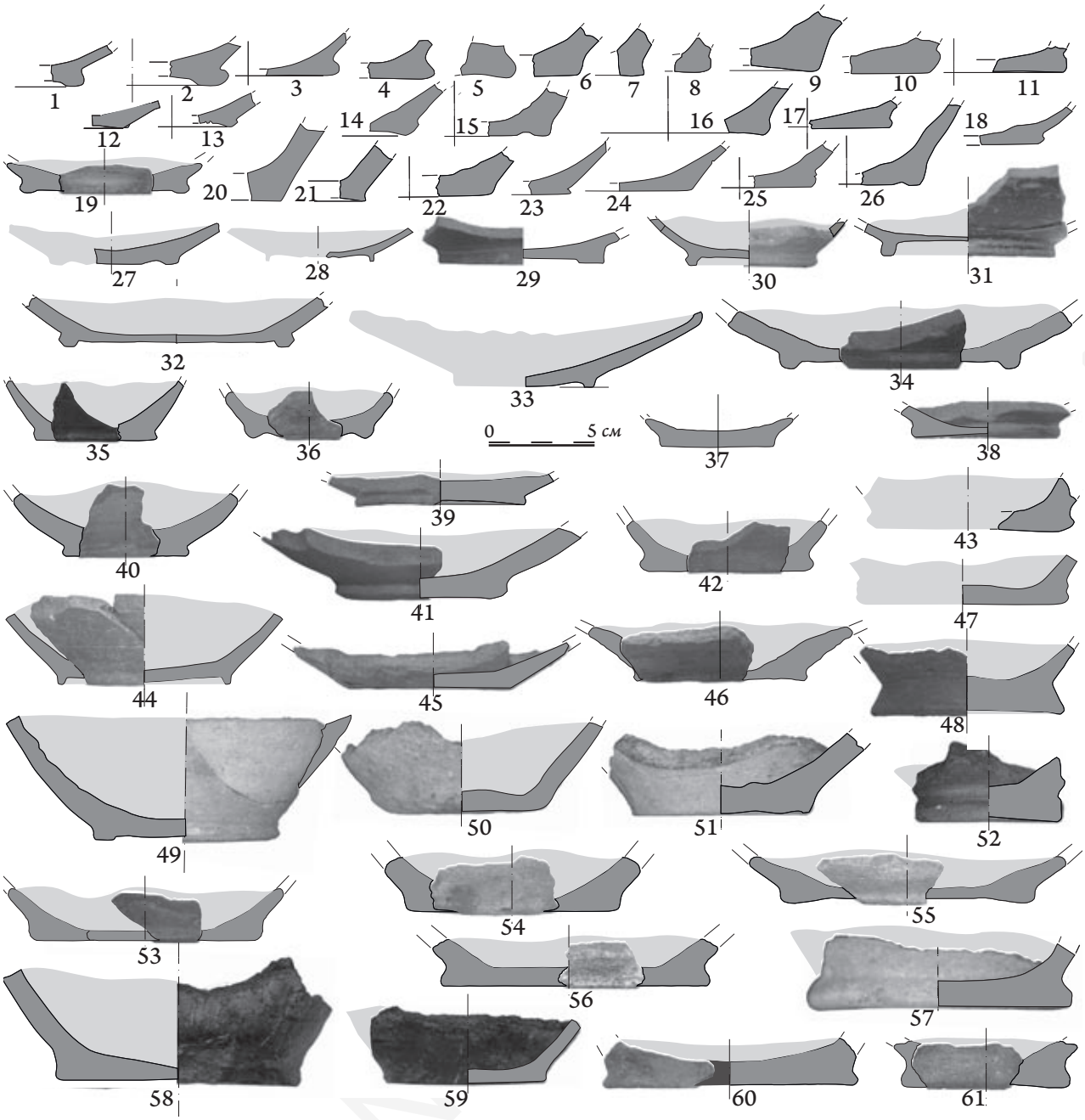

***Рис. 9.* Пены 1. Донца круговых сосудов** из раскопок 2007—2008 гг.

***Abb. 9.* Peny 1. Böden der Drehscheibengefäße**, Grabungssaison 2007–2008

Тип 4. Тонкостенные, тщательно сформованные горшки с вертикальными венчиками, отогнутыми и сильно отогнутыми под углом до 45°, с закругленным и косо срезанным верхом. Тулово плавно расширяется к средней части сосуда. В тесте данной группы — значительные примеси мелкой дресвы. Диаметры горловин колеблются в пределах 14—19 см (***рис. 8: 2, 27, 32—34, 40, 41***), с диаметром по венчику около 18,5 см. Тулово одного из горшков покрыто горизонтальными желобками шириной до 2 мм. Один из горшков данного типа был очевидно слеплен из теста, характерного для гончарной «шероховатой» посуды, и подправлен на круге (***рис. 8: 34***).

К «кухонным» сосудам можно также отнести небольшой фрагмент с Т-образным венчиком

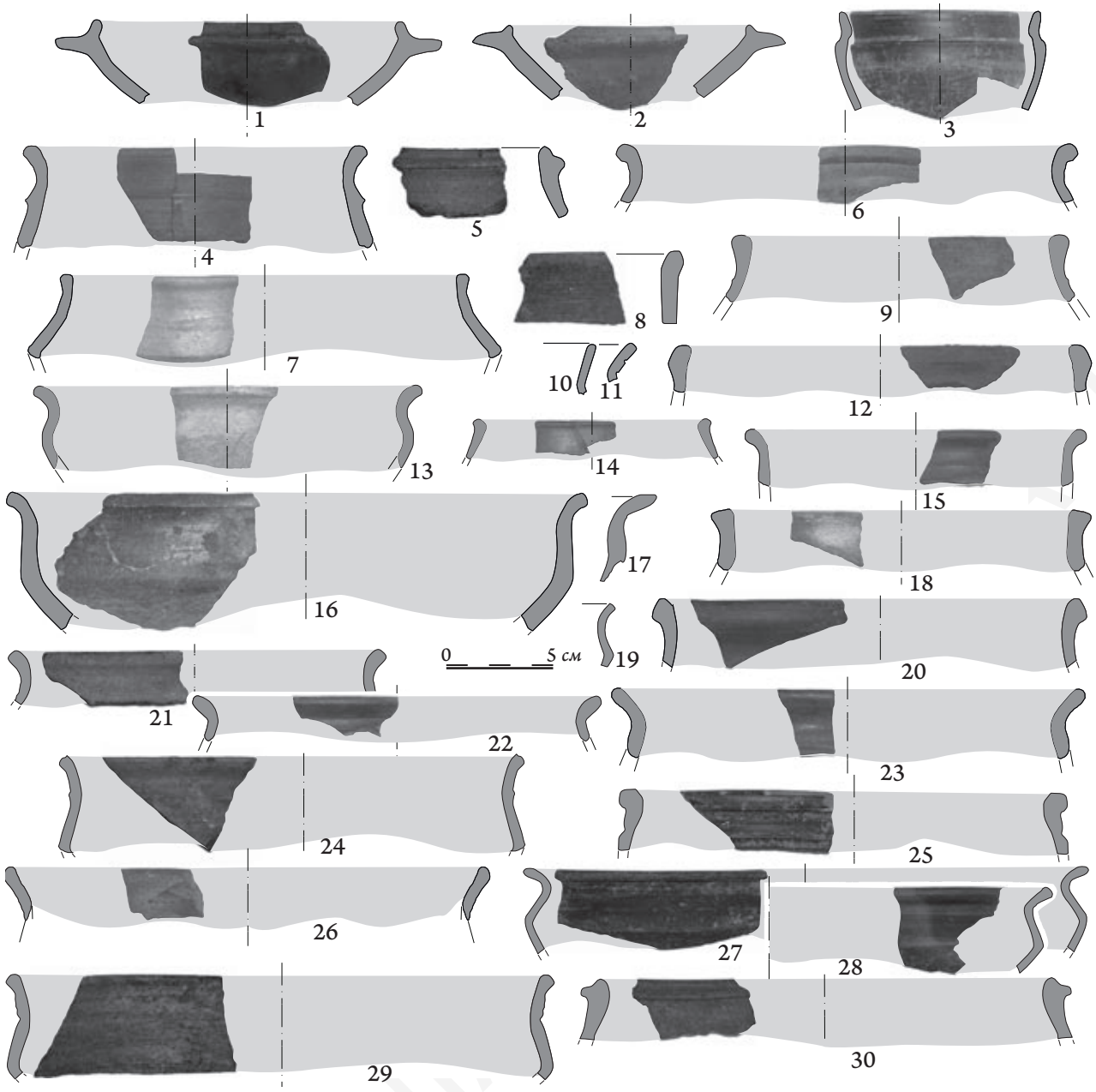

Рис. 10. **Пены 1. Круговые миски** из раскопов 2007—2008 гг.

Abb. 10. **Peny 1. Drehscheibenschüsseln**, Grabungssaison 2007–2008

темно-серого лощения (***рис. 8: 14***) и фрагмент венчика сосуда с вертикальной слабо загнутой внутрь стенкой и утолщенным выделенным краем (***рис. 8: 20***). Вероятно, они относятся к гончарным вазам черняховского типа.

«Кухонные» горшки имели плоский поддон (***рис. 9: 45, 50***), низкий плитчатый (***рис. 9: 53, 54, 58, 59***), высокий плитчатый (***рис. 9: 47, 48, 52***), высокий плитчатый с выделенным закругленным ребром по его краю (***рис. 9: 42, 43, 46, 56, 57, 60, 61***).

«Столовая» керамика, произведенная на гончарном круге, в основном представлена фрагментами стенок различного оттенка серого и черного лощения, в ряде случаев черепки имели бурый или бежевый цвет. Толщина в большинстве случаев не более 0,3—0,4 см, исключение представляет два фрагмента стенок от массивного горшка или

корчаги, которые достигали 1—1,2 см. Лощение поверхности имело разную степень тщательности, встречались плохо и частично пролощенные участки, но в большинстве своем качество обработки достаточно высокое. Среди элементов декора «столовой» посуды следует отметить желобки, фасетки, сформованные на тулове валики, каннелюры косые и горизонтальные, двойной ряд валиков с нанесенными на них тычковым штампом косыми линиями, прочерчивание косых пересекающих линий по лощению, образующих узор в виде сетки. Орнаментированных фрагментов около 3% от общего числа. Тесто данной категории керамики — тщательно отмученное, с незначительными примесями мелкой дресвы, песка, обычно в незначительном количестве.

Среди профильных частей лощеной посуды преобладают фрагменты мисок. Большинство из них серолощеные (***рис. 10: 4—21***), но встречались и фрагменты тонкостенных чернолощеных (***рис. 10: 22—30***), при этом следует отметить стратиграфическую привязанность большинства последних к нижним пластам. Формы в основном закрытые. Венчики вертикальные с закругленным верхом, слегка отогнутые наружу, встречаются экземпляры отогнутые наружу с вогнутой внутрь верхней частью, а также венчики с горизонтальным валиком, проходящим практически под краем (***рис. 10: 5, 6***). В случаях, когда возможна реконструкция профиля, — ребро обычно выражено (***рис. 10: 7, 19, 24, 27—29***). К мискам открытой формы можно отнести один экземпляр массивной посуды с темно-серым лощением, диаметром по венчику около 30 см (***рис. 10: 16***), меньшие по размерам светло-серые миски с заглаженным ребром (***рис. 10: 13, 17***). Диаметры серолощеных мисок — от 12 до 20—25, в одном случае около 30; чернолощеных — от 17 до 28 см. Два экземпляра представляют собой венчики купольной формы с лощеной поверхностью, с выделенным, отогнутым почти под прямым углом, и значительно оттянутым бортиком и высоким, несколько загнутым внутрь краем (***рис. 10: 1, 2***). Подобного рода профилировка встречается на позднеантичной посуде в городах Причерноморья и на черняховских поселениях (*Алексеева, 1997, табл. 236: 13*; *Некрасова, 2006, рис. 25: 29*; *Шультце и др., 2009, рис. 16: 2*). Учитывая значительную толщину и небольшие размеры, не исключено, что указанные фрагменты могли относиться к крышкам каких-то сосудов, отсутствие донной части не позволяет более точно интерпретировать находки.

Также был найден фрагмент тонкостенного чернолощеного неорнаментированного кубка, с коротким вертикальным, слабо отогнутым венчиком и выделенным ребром под ним; корпус, очевидно, округлый (***рис. 10: 3***).

Донца «столовой» керамики представлены обломками на плоском поддоне (***рис. 9: 12, 20—24***), кольцевом невыделенном (***рис. 9, 38, 39***), кольцевом низком выделенном (***рис. 9: 1, 2, 14, 15, 19, 26, 27—36***), плоском низком плитчатом (***рис. 9: 10, 11, 16—18, 37, 38***). Имеются и чернолощеные донца на кольцевом поддоне (***рис. 9: 29, 31, 32, 34***).

Обломки черно- и серолощеных кувшинов встречались в подъемном материале (*Радюш, 2008б, рис. 2: 18*), однако в раскопах они не обнаружены.

Амфоры представлены двумя небольшими фрагментами стенок и одним крупным обломком. Тесто небольших фрагментов плотное, тщательно отмученное, практически без примесей, цвет фрагментов светло-коричневый. В одном случае внутренняя поверхность выщерблена, точную толщину установить не удалось. Одна из находок — крупный фрагмент стенки верхней части тулова, переходящего в горловину. Тесто плотное, тщательно отмученное, с примесями, цвет фрагмента светло-коричневый (***рис. 11***). Толщина стенки — 0,8—1 см. По определению С. В. Диденко[5], представленные на фрагменте особенности перехода от плеч к горлу позволяют отнести его к варианту 2 типа Шелов F по классификации В. В. Кропотова (*1998*). Это амфоры с биконическим корпусом объемом от 2,5 до 4 л. Место производства — город Гераклея на южном побережье Черного моря. В. В. Кропотов датировал их серединой — третьей четвертью IV в. н. э.

Во время разбора внутреннего заполнения постройки 1, находящегося под завалами стен, были найдены в основном фрагменты груболепных сосудов, большая часть которых находилась под южной стеной. Реконструируются верхние части горшков с толстыми стенками, вертикальным

[5] Выражаю благодарность С. В. Диденко за консультации.

Рис. 11. **Пены 1. Фрагмент горловины амфоры** из раскопа 2008 г.

Abb. 11. **Peny 1. Halsfragment einer Amphora**, Grabungssaison 2008

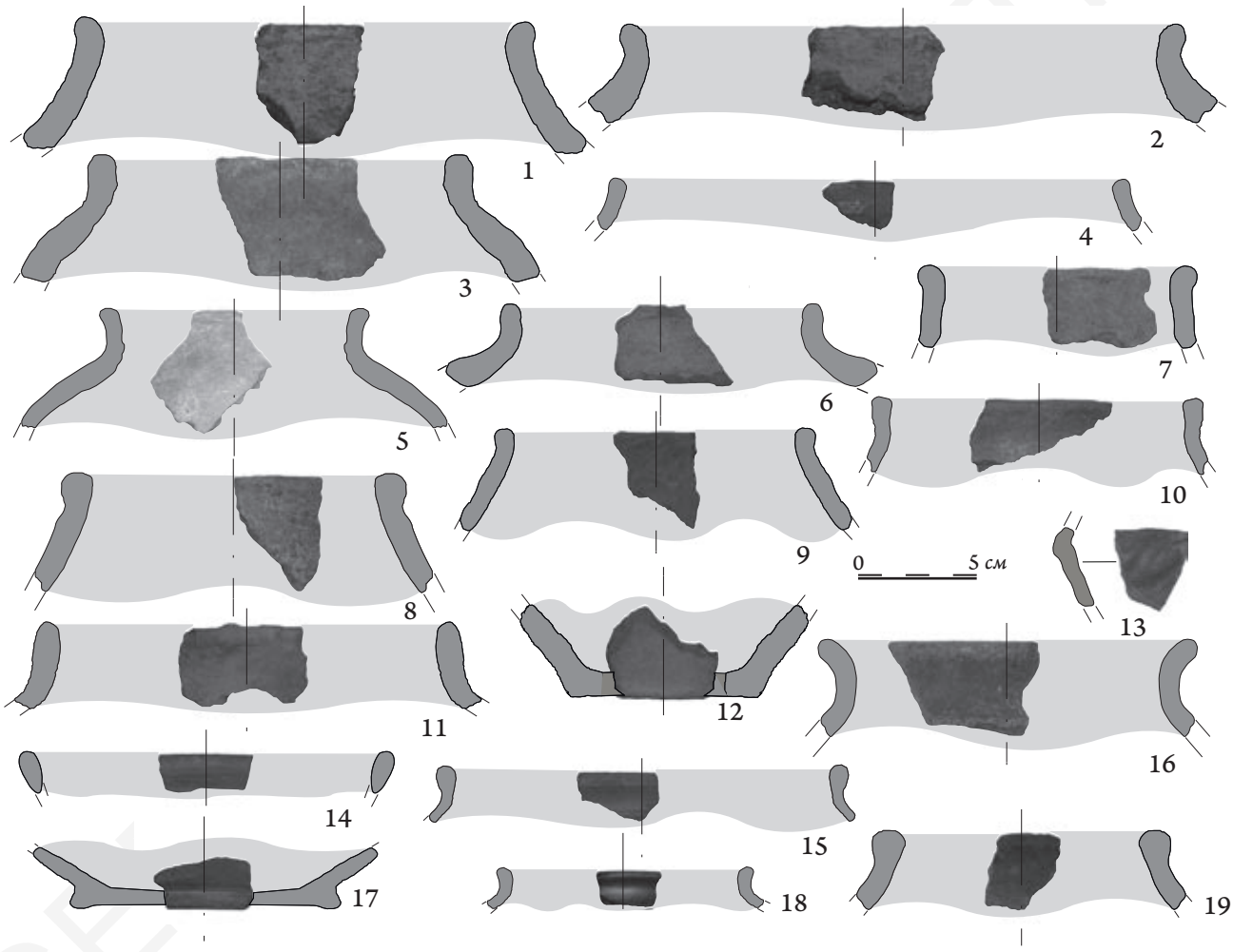

Рис. 12. **Пены 1. Керамика из под завала стен постройки 1** (2007 г.): 1—12 — лепная; 13—19 — круговая

Abb. 12. **Peny 1. Unter den abgestürzten Mauern des Gebäudes 1 gefundene Keramik**, Grabungssaison 2007: 1–12 handgemachte Keramik; 13–18 – Drehscheibenkeramik

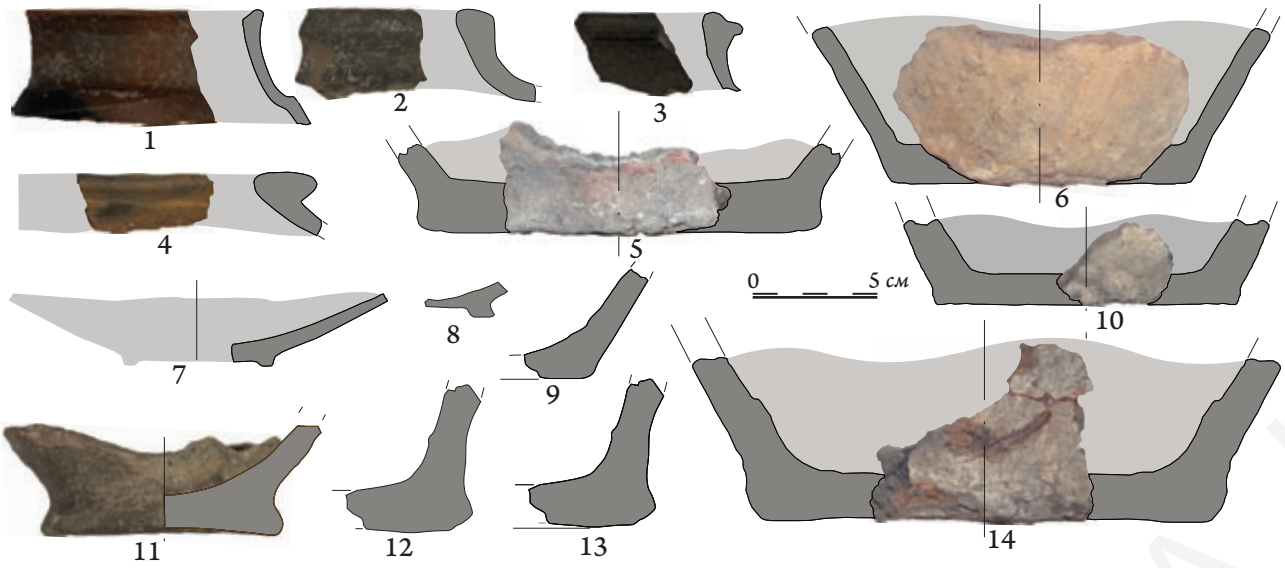

***Рис. 13.* Пены 1. Керамика из ям**: 1—4, 7, 8, 11 — круговая; 5, 6, 9, 10, 12, 13 — лепная. 1 — яма 1 (2008 г.); 2, 3, 7, 8 — яма 10 (2008 г.); 4 — яма 2 (2008 г.); 9 — яма 18 (2008 г.); 5, 6, 10, 13 — яма 1 (2007 г.)

***Abb. 13.* Peny 1. Keramik aus den Gruben**: 1–4, 7, 8, 11 – Drehscheibenkeramik; 5, 6, 9, 10, 12, 13 – handgemachte Keramik. 1 – Grube 1 (Grabungssaison 2008); 2, 3, 7, 8 – Grube 10 (Grabungssaison 2008); 4 – Grube 2 (Grabungssaison 2008); 9 – Grube 18 (Grabungssaison 2008); 5, 6, 10, 13 – Grube 1 (Grabungssaison 2007)

или несколько загнутым внутрь коротким венчиком, имеющим небольшое утолщение по верхнему краю (***рис. 12: 1—4***), все они с грубо заглаженной поверхностью. Также найдены фрагменты груболепных сосудов с короткими вертикальными или слабо отогнутыми наружу венчиками и значительным расширением верхней части тулова (***рис. 12: 6, 7***). Тонкостенные сосуды представлены похожими формами, но они имеют лощеную поверхность (***рис. 12: 5***). Круговой посуды было значительно меньше, реконструируются верхние части от пяти сосудов: два венчика от шероховатых «кухонных» горшков (***рис.12: 16, 19***); два венчика от сероглиняных лощеных мисок (***рис.12: 14, 15***) и один от небольшой высококачественной чернолощеной миски (***рис. 12: 18***). Также при разборе постройки был найден фрагмент серолощеного дна на низком кольцевом поддоне (***рис. 12: 17***).

Фрагменты керамики были обнаружены в некоторых ямах. В яме 1 (2007 г.) найдены 33 фрагмента: от лепных (29 экз.) и круговых сосудов (4 экз.). Все обломки круговых сосудов представлены стенками темно-серого цвета: по два от «кухонной» и «столовой» посуды. Среди лепных фрагментов — пять обломков от донцев толстостенных горшков с массивными днищами с плавным переходом к тулову (***рис. 13: 5, 6, 10, 13***), тесто рыхлое, с примесями шамота и неравномерным обжигом, за одним исключением (***рис. 13: 6***), где тесто более качественное и обработка наружной поверхности лучше. Из пяти фрагментов лепных венчиков только три поддаются реконструкции: два низких вертикальных с уплощенной верхней частью, очевидно округлобоких, с четким переходом к тулову; один массивный низкий, вертикальный, с уплощенной верхней частью и небольшим выступом наружу, переход к тулову ровный. По качеству изготовления отличаются два первых экземпляра: тесто тщательно отмученное, с небольшим количеством примесей (мелкий шамот), второй венчик изготовлен из теста с примесями крупного шамота, обжиг неравномерный. В яме 2 (2007 г.) обнаружен фрагмент стенки толстостенного лепного сосуда, цвет обжига светло-бежевый, в тесте примеси крупного шамота. Поверхность обработана грубо, торчат куски шамота. В яме 3 (2007 г.) найден фрагмент стенки гончарного кругового сосуда темно-серого цвета, с тщательно залощенной поверхностью. В заполнении ямы 12 (2007 г.) находился фрагмент стенки лепного сосуда: тесто хорошо отмученное, с включениями небольшого количества мелкой дресвы и шамота,

обжиг неравномерный слоистый, поверхность неровная со следами разглаживания травой.

В яме 1 (2008 г.) найден фрагмент венчика от круговой серолощеной миски с каннелюрами по тулову и плавно загнуто-отогнутым венчиком с расширением в верхней части (***рис. 13: 1***). Кроме того там же найдены шесть фрагментов стенок от груболепных горшков и три кости животных. В яме 2 (2008 г.) найдены девять фрагментов стенок от груболепных горшков, два фрагмента донцев от серолощеных мисок на кольцевом поддоне (***рис. 13: 7, 8***), фрагмент венчика серолощеного сосуда со сложнопрофилированным венчиком (***рис. 13: 3***), по три фрагмента стенок от серолощеных сосудов и от «кухонных» черняховских горшков. Среди находок — фрагмент черепа мелкого рогатого скота и фрагмент трубчатой кости. В заполнении ямы 3 (2008 г.) обнаружены обломки стенок лепных толстостенных сосудов (5 экз.): четыре от серолощеных и один от чернолощеного сосудов. В заполнении ямы 10 найдены два фрагмента донцев от толстостенных груболепных горшков (***рис. 13: 8, 11***); фрагмент венчика с массивным коротким, отогнутым, сильно утолщенным краем (***рис. 13: 2***); четыре фрагмента стенок от лепных горшков, три — от чернолощеных круговых сосудов, один — от «кухонного» гончарного сосуда. Из ямы 17 (2008 г.) происходят небольшой венчик от лепного горшка, массивный венчик от сероглиняного гончарного горшка, четыре фрагмента стенок от лепных горшков и три — от серолощеной посуды. В яме 18 (2008 г.) найден один фрагмент донца от толстостенного груболепного горшка (***рис. 13: 12***).

Индивидуальные находки на раскопах 1 и 2 многочисленны и насчитывают 49 экз. (2007 г.) и 103 экз. (2008 г.). В это число входят украшения, детали одежды, орудия труда, монеты, отходы производства (фрагменты шлаков, оплавков, выплесков, обрезки и заготовки от косторезного производства).

Детали одежды и украшения. В северной части постройки 1 на уровне разрушенного пола найдена целая бронзовая прогнутая подвязная фибула. Ее длина — 64 мм, железная пружина короткая, с нижней тетивой, игла в сечении округлая, спинка в сечении трапециевидная (***ил. IX: 1***). Качество изготовления и обработки высокое. В верхней части заполнения ямы 10 найдена аналогичная по форме целая бронзовая прогнутая подвязная фибула длиной 42 мм, пружина короткая, с нижней тетивой, игла в сечении округлая (***ил. IX: 2***), спинка в сечении трапециевидная. Качество изготовления и обработки высокое. Подобные фибулы относятся к варианту Б3 по Е. Л. Гороховскому, который датируется второй третью IV — первой половиной V в. н. э. (*1988, с. 51*). Фибулы подобного варианта происходят из среднего горизонта поселения Боромля 2, слоя поселений Мамрои 2 и Хлопков 1 (*Обломский, 2002, с. 59, рис. 34: 13; 59: 5*).

Рядом с постройкой 2 найдена бронзовая фибула «воинского» типа с массивной дуговидной спинкой с сечением в виде ромба, в передней части — кнопка ромбическая в сечении (***ил. IX: 3***), площадка на ножке ромбическая, пружина короткая, бронзовая игла круглая в сечении. О. В. Петраускас датирует подобный тип фибул в черняховской культуре фазой C_3 (*2010, рис. 8*). Недалеко от постройки найдены также: фрагмент корпуса железной фибулы с широкой спинкой (9 мм), плоской в сечении (***ил. IX: 5***); рамка от пряжки подовальная, в сечении уплощенно-округлая (***ил. IX: 17***). Последнее изделие можно отнести к «сосновецкой» серии пряжек позднеримского времени по Е. Л. Гороховскому, датированной второй третью IV — началом V в. н. э. Из-за отсутствия язычка более точная датировка затруднительна. Можно предположить только, что она не относится к самым поздним вещам ввиду неразвитости передней дужки, толщина которой обычно служит индикатором раннегуннского времени. Небольшая конусообразная трубка из тонкого бронзового листа. Поверхность ее орнаментирована поперечными продавленными линиями, сужающаяся часть — диагональными (***ил. VIII: 16***). Вероятнее всего, этот предмет — наконечник ремня или шнурка на одежде. Среди находок — небольшие пластины из бронзового листа (***ил. VIII: 17, 19***), которые, вероятнее всего относились к заготовкам ремесленного производства. В шурфе 1 найдена железная ведерковидная подвеска цилиндрической формы, (***ил. VIII: 18***), — типичное украшение для черняховской культуры. Верхняя дужка, судя по остаткам крепления, была пластинчатой. По О. Гопкало, подобный тип подвесок II/2б датируется достаточно широко в пределах позднеримского времени III—IV вв. н. э. (*2008,*

с. 63, 64). Ближайшая к Пенам находка такой подвески известна на могильнике Успенка (погр. 1654), где датируется фазой D_1 (*Некрасова, 2006, рис. 53: 6*). Похожая подвеска была найдена в яме 37 поселения Каменево 2 датированного также раннегуннским временем (*Памятники киевской культуры…, 2007, рис. 96: 3*).

Бусы. Найдены три бусины и одна бисерина. Бусина круглая шаровидная бирюзового цвета глухого стекла (***ил. VIII: 14***) обнаружена в завале обмазки постройки 1. Диаметр бусины — 22, диаметр сквозного отверстия — 7—8 мм. Точных аналогов в работах Р. Темпельман-Мочинской и Е. М. Алексеевой нет. Схожие бусины известны в погр. 31 и 37 Селикса-Трофимовского могильника на Оке (раскопки М. Р. Полесских 1950—1960-х годов), где они датируются не позже рубежа IV—V вв.[6] Обломок кольцевидной бусины темно-бирюзового цвета из стекла (***ил. VIII: 13***), диаметр — 10, сквозного отверстия — 5 мм. Согласно исследованиям О. В. Гопкало, бусы типа VI/3 появляются в первой половине IV в. н. э. (*Гопкало, 2008, с. 23*), и в Восточной Европе датируются в пределах IV н. э. Обломок ребристой бусины прозрачного стекла с желтовато-зеленым отливом (***ил. VIII: 11***). Диаметр бусины — 16, отверстия — 4 мм. Датировка — не ранее последней трети III в. н. э. в Восточной Европе распространены до начала V века (*Гопкало, 2008, с. 35*). Бисерина темно-синего цвета из стекла (***ил. VIII:12***). Диаметр бисерины — 5, отверстия — 1,5 мм. Ближайшие аналогии — тип I/3 по О. В. Гопкало — датируются не ранее второй трети IV в. н. э. (*Гопкало, 2008, с. 16*).

Орудия труда, инструменты и пр. железные изделия. Ножи. В этой категории следует отметить находку целого железного ножа (***рис. 14:*** 7). Сечение клинка трапециевидное. Уступ при переходе рукояти в лезвие прямой, четко выделенный. Форма лезвия подтреугольная Рукоять ножа покрыта красной патиной, свидетельствующей о пребывании орудия в сильном огне, на лезвии с обеих сторон заметны окислы, содержащие фрагменты органики (возможно, это следы от ножен). На поселениях позднеримского времени находки целых форм ножей довольно редки. Наиболее близок по форме нож из погр. 169 могильника Компанийцы (*Некрасова, 2006, рис. 82: 4*), другая близкая по форме находка происходит из раскопок селища в Попово-Лежачах, относящегося к рубежу ранне- и позднеримского времени (II — первая половина III в. н. э.) (*Обломский, Терпиловский, 1998*). В целом аналогичные ножи достаточно распространены и позднеримское время, в том числе в черняховской культуре (*Магомедов, 2001, с. 83*; *Обломский, 2010, рис. 73*). Кроме того были найдены три обломка лезвия меньших по размеру ножей (***рис.14: 8—10***).

Топоры. Найдены обломки трех лезвий от топоров, в двух случаях они небольшого размера (***рис. 14: 12, 13***) и форма их не может быть прослежена. Один обломок крупный, относящийся к проушному узколезвийному топору, типичному для черняховских древностей. Лезвие — скошенное книзу (***рис. 14: 11***).

Прочие железные находки — два шила с подквадратным сечением (***рис. 14: 17***); обломок лезвия серпа (***рис. 14: 14***); гвозди и их обломки (***рис. 14: 5, 6***); кольцо несомкнутое, изготовленное из пластины (***рис. 14: 15***); обломок согнутой полосы длиной 32 мм.

Кроме железных находок отметим оплавок свинца размерами 30 × 15 × 11 мм.

Монеты. Серебряный римский денарий найден в верхнем пласте раскопа 2008 г. над постройкой 2 (***ил. VIII: 2***). Сохранность хорошая, поверхность носит следы пребывания в огне. По определению к. и. н. К. В. Мызгина, монета отчеканена в правление императора Коммода (см. ***приложение***).

Изделия и заготовки из кости. В шурфе 2 найдена целая костяная проколка (***рис. 15: 19***), типичная для черняховских и киевских древностей (*Терпиловский, 1984, табл. 19: 4*; *Памятники киевской культуры…, 2007, рис. 84: 10*; *Обломский, 2010, рис. 75: 1, 2*). Среди находок 2007 г. — половина бочонковидной костяной рукояти для ножа или шила (***рис. 15: 18***). На «входе» в постройку 2 найдены фрагменты костяного наборного гребня с высокой спинкой (***рис. 15: 20***). Он собран на заклепках из пластинок с зубцами шириной 12—21 мм, имеющих от пяти до восьми зубцов, соединенных пластинками с двух сторон. От него сохранилось около 50% длины — 60 мм. Толщина — 8, высота — 43 мм. Следы перехода к высокой спинке слабо, но все же прослеживаются. Заклепки

[6] Благодарю за консультацию к.и.н. О. С. Румянцеву.

***Рис. 14.* Индивидуальные находки**: 1, 3—6, 8—15 — слой (раскопы 2007—2008 гг.); 2, 21 — подъемный материал Пены 2; ; 7 — постройка 1 (2007 г.); 16—20 — подъемный материал Пены 1. 1—4 — камень; 5—21 — железо

***Abb.14.* Kleinfunde**: 1, 3–6, 8–15 – Kulturschicht (Grabungssaison 2007–2008); 2, 21 – Streufunde aus Peny 2; 7 – Gebäude 1 (Grabungssaison 2007); 16–20 – Streufunde aus Peny 1. 1–4 – Stein; 5–21 – Eisen

бронзовые — 4 экз. диаметром 1 мм. Большая часть гребня найдена чуть выше, а отдельная пластина ниже на 45 см. Ввиду сохранности лишь части изделия сложно узко датировать эту находку. Гребни с высокой спинкой в черняховской культуре (тип III по Томас-Никитиной) появляются в IV и существуют до начала V в. н. э. (*Магомедов, 2001, с. 84*). По Е. Л. Гороховскому они появляются на 4-й «Масловской» фазе развития черняховской культуры (вторая половина IV в. — поздний отрезок C_3 — начало этапа D по Я. Тейралу) и существуют до ее финала (*Гороховский, 1988, с. 44—45*).

Вокруг постройки 1 и в ее пределах найдены 13 фрагментов костей, носящих следы ремесленной обработки. Три заготовки со следами сколов, одна из которых, возможно, предназначалась для изготовления проколки (***рис. 15: 6, 11***). На двух заготовках хорошо видны следы обстругивания, они имеют подпрямоугольную форму (***рис. 15: 2***). Часть заготовки со сколом (***рис. 15: 9***). Две трубчатые кости носят следы шлифовки поверхностей: крупная (***рис. 15: 16***) с полностью зашлифованными двумя сторонами, и небольшой фрагмент с отшлифованной стороной (***рис. 15: 10***). Сохранился один обрезок треугольной пластины, тщательно отшлифованной с одной стороны и ровно отпиленной по диагонали (***рис. 15: 15***). Одна половинка трубчатой кости, неровно обрезанная с двух сторон, находилась в огне, поверхность ее серо-пепельного цвета (***рис. 15: 10***). Обломок трубчатой кости был просверлен или пропилен в центре, отверстие округлой формы (***рис. 15: 12***). Два фрагмента от трубчатых костей из ямы 7 также носят следы обработки — срезы и опилы, обструганные участки (***рис. 15: 1, 8***).

В пределах раскопа 2008 г. также обнаружены несколько обрезков и заготовок от косторезного производства. На трех фрагментах костей хорошо видны следы обстругивания и опиливания, они имеют подпрямоугольную форму (***рис. 15: 4, 5, 14***). Одна заготовка в виде подпрямоугольного в сечении бруска (***рис. 15: 13***). Часть кости с выпиленной подпрямоугольной площадкой (***рис. 15: 3***), несущая следы пребывания в сильном огне. К востоку от постройки 2 найдена спиленная часть рога с частично расколотой стороной (***рис. 15: 17***). Небольшой фрагмент опиленного с двух сторон рога — заготовки подпрямоугольной формы (***рис. 15: 14***). Среди находок также — костяная игла длиной 47, толщиной 3—4 мм.

Предметы, связанные с ткацким производством. На площади раскопа найдены восемь пряслиц (пять целых форм и три фрагмента). Все они, за исключением одного, — биконической формы, отличия заключаются в пропорциях и тщательности обработки. Наиболее крупное по размерам пряслице найдено в заполнении ямы 1 (2007 г.), оно носит следы пребывания в огне, явно обожжено и имеет серо-бежевый цвет. Тесто рыхлое зернистое. Размеры — 50 × 20, диаметр отверстия — 10 мм, верхняя и нижняя площадки практически ровные горизонтальные. Форма отчетливо биконическая с выделенным ребром по центру (***ил. X: 15***). Такое же по форме пряслице, но меньшее по размерам, найдено к югу от постройки 1. Размеры — 40 × 20, диаметр отверстия — 7—8 мм. Верхняя и нижняя площадки ровные горизонтальные. Тесто плотное, с примесями мелкого песка. Цвет бежево-серый, обжиг неравномерный. Одно из пряслиц чернолощеное, форма биконическая, но ребро менее выражено, чем у предыдущих находок. Размеры — 34 × 17, диаметр отверстия — 7 мм. Верхняя и нижние площадки ровные горизонтальные. Тесто плотное, поверхность темно-серого цвета тщательно залощена (***ил. X: 17***). Четвертое пряслице аналогичное по форме описанным выше — ребро высокое, но нечеткое, заглаженное; размеры — 35 × 20, диаметр отверстия — 8 мм; верхняя и нижняя площадки воронковидные, на 2—3 мм углублены к центру изделия. Тесто плотное, хорошего качества, наружная поверхность светло-желтого цвета тщательно залощена. Обломок миниатюрного пряслица биконической формы с низким заглаженным ребром, размеры — 26 × 24 (реконструкция), диаметр отверстия — 6 мм. Тесто плотное хорошего качества, обжиг неравномерный. Наружная поверхность — лощеная, серо-коричневого цвета (***ил. X: 16***). Оба пряслица, найденные рядом с постройкой 2, биконической формы с заглаженным ребром, отличия заключаются в размерах и пропорциях. Наиболее крупное по размерам пряслице — тесто рыхлое с включениями мелкого шамота, поверхность заглажена. Цвет бежево-серый. Размеры — 44 × 23, диаметр отверстия — 9 мм, верхняя и нижняя площадки практически

Рис. 15. **Пены 1. Индивидуальные находки**: 1—17 — отходы косторезного производства; 18—20 — изделия из кости. 1—18, 20 — слой (раскопы 2007—2008 гг.); 19 — шурф 2. 1—16, 18, 19 — кость; 17 — рог; 20 — рог, кость, бронза

Abb.15. **Peny 1. Kleinfunde**: 1–17 – Abfälle der Knochenschnitzerei; 18–20 – Knochenfunde. 1–18, 20 – Kulturschicht (Grabungssaison 2007–2008); 19 –Schnitt 2. 1–16, 18, 19 – Knochen; 17 – Horn; 20 – Horn, Knochen, Bronze

ровные горизонтальные (***ил. X: 19***). Половинка орнаментированного пряслица размерами 38 × 24, диаметр отверстия — 7—8 мм. Верхняя и нижняя площадки ровные горизонтальные. Тесто плотное с примесями мелкого песка, поверхность заглажена, цвет бежево-серый, обжиг равномерный. Снаружи поверхность пряслица покрыта насечками, образующим орнамент (***ил. X: 14***). Аналогии подобному изделию известны на ряде памятников черняховской культуры (*Магомедов, 2001, рис. 84: 5, 16*; *Кравченко и др., 2007, рис. 19: 2*; *Обломский, 2010, рис. 72: 12*). Все типы представленных пряслиц характерны для позднеримского времени и известны как на поселениях в бассейне Среднего и Верхнего Сейма, так и на черняховских памятниках в Среднем Поднепровье, Поднестровье и в Румынии (*Магомедов, 2001, с. 104*).

Помимо пряслиц найдено большое количество (27 ед.) обломков грузил от ткацкого станка (***ил. X: 1—10***). На основании формы изделий можно выделить три типа. Пирамидальные — 4 экз., два из них сохранились полностью (***ил. X: 1—4***). Оба целых экземпляра найдены в 2008 г. Тесто у них плотное, обжиг неравномерный, поверхность заглажена в одном случае и шероховатая во втором (***ил. X: 1, 2***). Два других пирамидальных грузила сохранились фрагментарно (***ил. X: 3, 4***). Кольцевидные грузила представлены 6 экз., из которых 2 целых. Одно из целых имеет диаметр около 74 мм, тесто плотное, поверхность заглажена (***ил. X: 7***). Второе, диаметром 100 мм, изготовлено из плотного теста с примесями, обжиг неравномерный, поверхность шероховатая (***ил. X: 6***). Остальные экземпляры имели диаметр 80—90 мм, форма — уплощенное кольцо либо лепешковидная (***ил. X: 5, 8—10***). Третий тип грузил — изготовленые в виде прямоугольных блоков — 4 экз. Все они сохранились только фрагментарно и полностью их форму и размеры установить не удалось. Остальные фрагменты грузил представлены мелкими обломками, не позволяющими определить их принадлежность к какому-либо из перечисленных выше типов.

Единственными находками под завалом обмазки на месте постройки 2 были два массивных блока с отверстиями по центру, изготовленные из глины с большим количеством шамота — обжиг неравномерный (***ил. X: 11, 12***). Размеры первого — 195 × 125 × 70, второго — 180 × 125 × 115 мм. Диаметр отверстий — 18—20 мм. Аналогии блокам на памятниках позднеримского времени не найдены. Предположительно это могли быть опоры для ткацкого станка.

Изделия из камня. В яме 1 (2007 г.) найден крупный обломок жернова изготовленный из камня, верхняя поверхность неровная. Размеры — 125 × 60 × 70 мм. Заметны следы длительного пребывания в огне. Возле постройки 1 найдены небольшие фрагменты жернова. Под основанием фундамента этой постройки находился крупный по размерам камень, по форме напоминающий человеческую стопу (***рис. 14: 1***). Фактура шершавая, цвет серый, местами светло-бежевый. Одна из сторон имеет выровненную поверхность, и на ней заметны следы срабатывания, образуемые при шлифовании. Возможно, этот камень использовался для обработки мягких материалов: кости или керамики. У постройки 2 обнаружен обломок мелкозернистого точильного камня темно-серого цвета с отверстием для подвешивания (***рис. 14: 3***). Он обработан и имеет форму, в сохранившейся части похожую на усеченную пирамиду. Второй, более крупный по размерам брусок, также мелкозернистый, без отверстия (***рис. 14: 4***).

Расположение находок. Рассеянное скопление фрагментов лепных и круговых сосудов располагалось рядом с восточной (напротив очага 1, за стеной) и северной стенами постройки 1, в центральной ее части найдены обработанный, под проколку обрезок кости (***ил. X: 6***) и железный гвоздь. Над очагом 1 среди фрагментов обмазки обнаружен обломок крупной бусины (***ил. VIII: 14***). Под северной стеной найдены кованый гвоздь, три пряслица. В южной части постройки — лощеное биконическое пряслице (***ил. X: 18***), в северной обломок лезвия топора (***рис. 14: 12***), обрезок бронзовой пластины с вырезами (***ил. VIII: 17***). В юго-восточной части постройки найдены обломок каменного жернова, крупный фрагмент лезвия проушного топора (***рис. 14: 11***), пряслице. У восточной стены обнаружен фрагмент лезвия топора, над юго-восточным углом постройки — железная подовальная рамка от пряжки (***ил. IX: 17***), над западным завалом стены — обломок глиняного грузила, к юго-востоку от угла постройки — бронзовая трубка, возможно, наконечник пояса (***ил. VIII: 16***).

За контуром юго-восточного угла постройки найдены железные шилья (***рис. 14: 16, 17***), обломок костяной рукоятки (***ил. X: 18***). Под основанием стены в юго-восточном углу был вмурован большой шлифовальный камень (***рис. 14: 1***). В нижних слоях раскопа 2007 г. найдены: в северной части постройки на уровне ее пола — бронзовая фибула (***ил. IX: 1***); под скоплением обмазки от стены в западной части найден обломок ножа; вблизи от очага 1 — целый нож (***рис. 14: 7***), под южной стеной — фрагмент глиняного грузила.

На раскопе 2008 года основная часть индивидуальных находок обнаружена в восточной части в пределах контура постройки 2 и к востоку от него. Над контуром обмазки обнаружены: кованый гвоздь, фрагмент обработанной кости, серебряный денарий Коммода (***ил. VIII: 2***). Под слоем обмазки обнаружены только два массивных лепных кирпича с отверстиями посередине (***ил. X: 11, 12***), ниже внутри постройки найдены костяная игла, два фрагмента от грузил. Вероятный вход в постройку находился в восточной ее части, его может маркировать серия находок: обломки костяного гребня (***рис. 15: 20***), четыре глиняные грузила, керамическое пряслице, орнаментированное насечками (***ил. X: 14***), обломок донца от керамического лепного кубка (***рис. 7: 1***), в этом же месте на уровне 3-го пласта найдены фрагменты глиняных кольцевидных и пирамидальных грузил (***ил. X: 1—3, 7, 10***), заготовка изделия из рога (***рис.15: 17***), фрагмент пластины от костяного гребня (***рис. 15: 20***), фрагмент крицы. Скопление находок отмечено также к востоку-северо-востоку от постройки: обломок кованого гвоздя, грузило, обработанная кость, небольшой фрагмент стенки тонкостенного стеклянного сосуда, бусина стеклянная реберчатая (***ил. VIII: 11***), фрагменты шлаков и выплесков металла. К западу от постройки найдены: два точильных камня (***рис. 14: 3, 4***). Ряд вещей отмечен южнее постройки 2: керамическое пряслице (***ил. X: 19***), лепной лощеный горшок (развал 3), стоящий дном кверху, очевидно, во время распашки дно было срезано (***рис. 3: 1***), недалеко от этого сосуда найдена сильно коррозированная спинка железной фибулы (***ил. IX: 5***), два кованых железных гвоздя, глиняное грузило. К юго-западу от постройки 2 найдены: бронзовая фибула (***ил. IX: 3***), железное кольцо (***рис. 14: 15***), фрагмент горловой части античной амфоры (***рис. 11***), обломок железного гвоздя, железный стержень, бусина стеклянная (***ил. VIII: 13***). На уровне пласта 3 к юго-востоку от постройки 2 выявлен развал № 4 на участке размерами 70 × 80 см, состоящий из крупных фрагментов нескольких груболепных сосудов (***рис. 4***).

Подъемный материал. Во время разведок и раскопок на памятнике постоянно велся сбор подъемного материала. Все находки, обнаруженные на поверхности поля, получили точную привязку к местности (приемник GPS Garmin 60CSx).

Серебряный денарий Луция Вера (***ил. VIII: 1***) был найден на поверхности поселения в разведке 2005 г. (определение см. в ***приложении***). Серебряное кольцо-распределитель с двумя серебряными узкими прямоугольными обоймицами найдено в южной части поселения Пены 1 (***ил. VIII: 10***). Детали снаряжения подобного типа неизвестны до сих пор в черняховских древностях, но присутствуют на памятниках позднеримского времени в Северной Европе — Иллеруп, Торсберг, Нидам (*Raddatz, 1987, Taf. 47: 7–12*; *Bemmann G., Bemmann J., 1998, Taf. 8*; *Ilkjær, 1993, Bd. 4, Taf. 116, 117*). В Скандинавии находки подобной ременной гарнитуры отнесены к группе 8 по Й. Илькьеру (*Ilkjær, 1993, Bd. 3, S. 363*) и датируются фазой C_1. Вполне вероятно, что в наших условиях находка относится к наиболее раннему этапу заселения территории. В центральной части поселения на правом берегу ручья Пенка, к югу от раскопов 2007—2008 гг. обнаружена серебряная ведерковидная подвеска (***ил. VIII: 9***). Она имеет цилиндрическую форму и массивный ободок в нижней части, верх выделен более тонким отогнутым бортиком, на дне изделия сохранились следы зерни. Согласно исследованиям И. А. Бажана и О. В. Бобровской, серебряные подвески не являются распространенным типом украшений для черняховской культуры (*Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 166—169*; *Бобровська, 1997, с. 99*). По типологии И. Белке-Фогт, разработанной в основном на германских материалах Западной и Центральной Европы, подобные находки относятся к варианту 4 типу H «реберчатый». Датировка, предложенная немецкой исследовательницей для подобных украшений, — фаза C_2 позднеримского времени (*Beilke-Voigt, 1998, S. 55, 63–72*).

В центральной части поселения Пены 2 в 2005 г. найден корпус бронзовой фибулы с высоким иглоприемником. Спинка дуговидная, сечение спинки многогранное, ножка иглоприемника короткая прямая, на корпусе три кольцевых украшения. На головке фибулы небольшой прямоугольный выступ, на конце ножки небольшая полусферическая шишечка (***ил. IX: 10***). Позже три бронзовые застежки подобного типа были найдены к югу от раскопов на правом берегу ручья на территории соседней усадьбы. Одна из них — с полукруглой спинкой трапециевидного сечения и вееровидным выступом на головке (***ил. IX: 9***), вторая — коленчатая с подовальным сечением (***ил. IX: 8***), третья — с короткой изогнутой дужкой и круглым сечением спинки (***ил. IX: 11***). Данная деталь одежды относится к группе VII по О. Альмгрену — фибулы с высоким приемником и кольцевой гарнитурой. Находки фибул подобного типа хорошо известны на памятниках черняховской культуры днепровского левобережья и на многих соседних территориях до Среднего Подонья включительно. Ближайшие к Пенам — Гочево 3 на Псле, Букреевка 2 на Тускаре, Новоселовка на Судже (*Гороховский, Гопкало, 2004, с. 122, рис. 11*; *Любичев, 2008а*; *Обломский, в печати, рис. 5*). Аналогичные находки стали известны в последнее время с Посеймских селищ: Рязаново (*Радюш, 2008б, рис. 3: 6*), а также Свобода, Ворожба, Сугрово. В настоящее время очевидно, что наряду с некоторыми типами прогнутых подвязных и воинских фибул они являются наиболее характерными находками на всех крупных селищах. Восточноевропейская серия датируется ранним этапом черняховской культуры: второй половиной III — рубежом III—IV вв. (*Гороховский, Гопкало, 2004, с. 110*). Кроме этого были найдены и фибулы другого типа — бронзовые двучленные прогнутые подвязные, с трапециевидным сечением спинки (***ил. IX: 12, 14***). На юге поселения Пены 1 возле основания коренного берега найдена спинка бронзовой прогнутой подвязной фибулы с подпрямоугольным несколько выгнутым сечением и крупной пятигранной головкой, характерной для застежек финальных этапов черняховских древностей (***ил. IX: 7***). Найдено также кресало железное вытянутой трапециевидной формы с крючком для крепления к подвеске (***рис. 14: 21***). Рамка от пряжки бронзовая калачевидная обнаружена на левом берегу ручья в южной части памятника (***ил. IX: 16***). Она может датироваться поздним этапом C_3 — началом D_1 по Я. Тейралу (*Гороховский, 1988, с. 44*).

Все биконические пряслица, выявленные на поверхности памятника на обоих берегах ручья, относятся к тем же типам, что и находки из раскопов 2007—2008 гг. К наиболее ранним, вероятно, следует отнести высокое биконическое (***ил. X: 30***), аналогии которому известны на поселении Комаровка 2, отнесенному к раннему этапу деснинского варианта киевской культуры (*Памятники киевской культуры…, 2007, с. 234, рис. 82: 1, 3, 7*). Остальные пряслица — с ровными горизонтальными площадками с воронковидными углублениями, неглубоко опущенными к центру. Размеры — 35—40 × 17—20, диаметр отверстия — 6—7 мм. Тесто плотное, с примесями мелкой дресвы, поверхность подлощенная серо-бежевого цвета (***ил. X: 24—29***). Наиболее крупное из найденных пряслиц имеет размеры 38 × 29 и диаметр отверстия 4 мм. Пропорции его отличаются от остальных, оно более вытянутое, площадки имеют небольшие воронковидные углубления. Тесто плотное, с примесями мелкого шамота, поверхность неровная заглаженная серо-коричневого цвета (***ил. X: 28***). Одно из биконических пряслиц несимметричное: одна из половинок имеет вдвое меньшую высоту, площадки с обеих сторон, сильно углубленные к центру. Тесто плотное, с примесями мелкого шамота, поверхность залощенная светло-коричневого цвета (***ил. X: 27***). Шайбовидное пряслице представлено одним фрагментом. Площадки с обеих сторон ровные горизонтальные, края закруглены. Тесто плотное, с примесями мелкого шамота, поверхность неровная заглаженная, со следами лощения, серо-бежевого цвета (***ил. X: 21***). Груболепное пряслице с выпуклыми площадками найдено в центральной части поселения Пены 2 (***ил. X: 22***). В южной части поселения Пены 1 найдено пряслице, изготовленное из обточенной стенки вторично обожженного кругового сосуда (***ил. X: 23***). Аналогичные артефакты известны из раскопок поселения Журавка Ольшанская (*Обломский, 2010, рис. 71: 3, 12, 14; 72: 21; 75: 12*). Среди находок — также типичные для памятников этого времени обломки глиняных грузил и точильный камень призматической формы (***рис. 14: 2***).

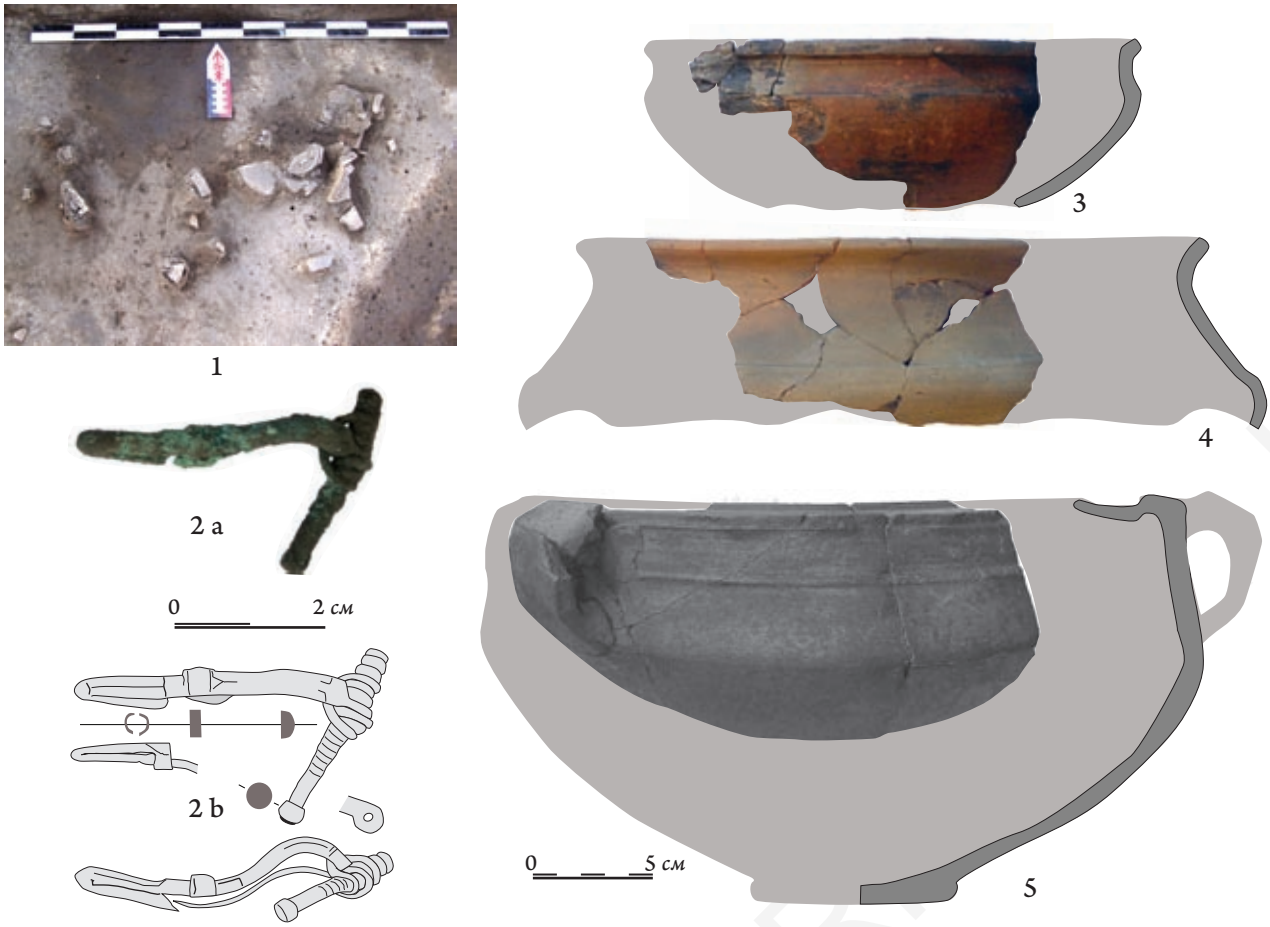

Рис. 16. **Пены 3. Разрушенное погребение**: 1 — фото общего вида; 2 — бронзовая фибула; 3—5 — круговые сосуды (3, 4 — миски; 5 — трехручная ваза)

Abb. 16. **Peny 3. Zerstörtes Grab**: 1 – Foto des Befundes; 2 –Bronzefibel; 3–5 – Drehscheibengefäße (3, 4 – Schüsseln; 5 – Schüssel mit drei Henkeln)

«Случайные находки». В музее г. Курчатов в 2007—2008 гг. нами были осмотрены и зафиксированы некоторые вещи, которые, как выяснилось, были собраны с поверхности памятника «копателями», но впоследствии в подавляющем большинстве были сданы в музей. С территории селища Пены 2 происходят четыре корпуса от бронзовых прогнутых подвязных фибул (***ил. IX: 4, 6, 13, 15***); полигранная бусина синего цвета, вырезанная из камня (?) твердой породы, диаметром 12 мм (***ил. VIII: 15***); железная ромбическая черешковая стрела с уплощенно-ромбическим сечением, размерами 75×13×2 мм (***рис. 15: 20***); ромбическая черешковая стрела плоская в сечении, размерами 30×10×1 мм (***рис. 15: 18***); серебряный перстень с волютообразным орнаментом на щитке, диаметром 20 мм (***ил. VIII: 7***); наконечник пояса серебряный в геральдическом стиле, с прорезью в виде замочной скважины (***ил. VIII: 8***); два денария (***ил. VIII: 4, 6***). Все перечисленные вещи были, судя по сообщению находчиков, найдены на левом берегу ручья, в центральной части поселения. Две монеты (***ил. VIII: 3, 5***) были выкопаны грабителями уже после окончания наших раскопок в 2007 г. на территории селища Пены 1, ближе к южной его оконечности. К сожалению, судьба всех четырех монет в настоящее время неизвестна, в музей (по состоянию на осень 2010 г.) их не передавали.

Могильник. В 2008 г. во время наблюдения за полем после распашки были обнаружены несколько фрагментов костей из кремации и обломки вторично обожженной керамики. Заложенный на этом месте раскоп выявил остатки распаханной кремации, в состав которой входили трех-

ручная ваза, две круговые, вторично обожженные миски закрытой формы. В слое присутствовали обожжённые камни и около 100 мелких фрагментов от вторично обожженных круговых сосудов. Трехручная ваза (***рис. 16: 3***) относится к «левобережному» типу по Б. В. Магомедову, который он датирует начиная от середины IV в. до финала черняховской культуры (*Магомедов, 1999, с. 43*). Миски, подобные найденным в погребении (***рис. 16: 4, 5***), встречаются на могильниках днепровского левобережья, в захоронениях из Боромли и Успенки с ними находились хроноиндикаторы фазы D_1 (*Некрасова, 2006, рис. 5: 19; 7: 4, 10; 9: 17, 19; 16: 4; 46: 11; 48: 8; 52: 11; 53: 16*). Близкая по форме миска находилась в погр. 3 небольшого могильника на Замощанской дюне под Суджей (*Липкинг, 1979, рис. 8*). К погребению относилась и бронзовая фибула прогнутой подвязной конструкции, также имевшая следы пребывания в огне. Сечение спинки полукруглое, с прямоугольными площадками, приемник крепился пластиной к основанию. Пружинный аппарат сохранился почти полностью, навивка тонкая плотная, сужающаяся к концам, на концах имеются небольшие цилиндры (***рис. 16: 2***). Аналогии широко распространены на всем днепровском левобережье и в Среднем Поднепровье: поселение Журавка, могильники Боромля, Успенка и Компанийцы (*Некрасова, 2006, рис. 12: 26; 52: 6; 56: 1—3, 5, 6; 70: 11*; *Обломский, 2010, рис. 65: 10*). В 2009 г. во время геофизических исследований удалось выявить еще одну верховую урновую кремацию, расположенную в 20 м от первой. Кроме того на поверхности были собраны нож, бронзовая фибула (типа *Bugelfibel*), оплавленные стеклянные бусины, обломки вторично обоженных круговых сосудов, мелкие кости из кремаций (*Радюш, в печати*). Таким образом, могильник локализуется над левобережным участком поселения в 100 м от его границы.

Предварительные итоги. Раскопы и результаты магнитометрических исследований участка 1 на памятнике, данные предшествующих разведок показали, что усадьбы поселения расположены по верху гряды надпойменной террасы, занимая небольшие всхолмления в микрорельефе. При этом расстояние между усадьбами составляло порядка 70—100 м. В состав каждого хозяйства входило несколько построек. Раскопками изучены две постройки одной из усадеб в центральной части поселения на правом берегу ручья. Судя по распространению подъемного материала, к западу и югу от раскопанных объектов могли быть расположены другие наземные строения похожей конструкции. Таким образом, дома в усадебном комплексе были выстроены в линию, ориентированную с северо-запада на юго-восток. В древности на обеих берегах ручья таким образом могли существовать до 25 усадеб.

Датировка поселения и усадьбы 1. Датирующие находки указывают на продолжительное существование поселка на обеих сторонах балки Пенка. Наиболее ранними хронологическими индикаторами служат фибулы с высоким иглоприемником, найденные на обоих берегах, железное кресало, серебряные кольцо с обоймицами и ведерковидная подвеска с зернью. Ранний период существования поселения на основании этих материалов можно отнести ко второй половине III — рубежу III—IV вв. Это подтверждают и раскопки синхронных поселений в Курском Посемье. Постройки 1 и 2 датируются, судя по находкам фибул, обломку трехслойного костяного гребня с высокой спинкой, бусам — фазой C_3 — C_3/D_1 римского времени. Прекращение функционирования этих построек следует отнести к фазе D_1 по Я. Тейралу или к «Масловской» фазе по Е. Л. Гороховскому. В этой связи следует отметить и то, что наиболее поздние из известных в настоящее время монетных находок на поселениях в Посемье относятся к чеканке императора Валента (364—378 гг.) (*Радюш, 2008а, с. 143*).

Памятники, близкие по размеру, ландшафту, набору находок, выявлены также к западу и востоку от Пен — на рр. Апока, Дичня, Ворожба, Бык, Реут (***ил. VI: 1***). Такие же поселения зафиксированы далее на восток на левых притоках р. Сейм и на севере на р. Тускарь. Все они характеризуются большими размерами (протяженность от 0,5 до 1 км и более). В ряде случаев селища занимают оба противоположных склона балок и ручьев. Подъемный материал включает круговую гончарную и груболепную керамику, обломки амфор, римские монеты, на поверхности встречаются фрагменты глиняной обмазки, шлаки от металлургического производства. Основные наиболее часто встречающиеся хроноиндикаторы — фибулы с

высоким приемником типа AVII, калачевидные пряжки, прогнутые подвязные фибулы, воинские фибулы. Датируются эти поселения также периодом C_2 — D_1.

О памятниках второй половины III—IV вв. в Посеймье. Характер керамического набора и типы лепной посуды селища и могильника Пены, индивидуальные находки, тип домостроительства указывают на значительное сходство материальной культуры данного комплекса с синхронными поселениями в Посемье, а также памятниками позднеримского времени на левобережье Днепра. Как и на большинстве известных поселенияй в Посемье, на Пенах присутствует набор хроноиндикаторов от фазы C_2 до фазы D_1.

Результаты работ 2005—2009 годов на Пенах вновь демонстрируют дискуссионность проблемы переходов между стадиями заселения, от более раннего горизонта типа Букреевка 2—Боромля к позднему, но в то же время сам факт преемственности таких поселений очевиден. Найденный на левом берегу Пенки рядом с поселением могильник, связан с черняховским погребальным обрядом, его исследование только начато, но оба выявленные погребения имеют аналогии в деталях, инвентаре и обряде на известных черняховских могильниках левобережья Днепра (*Радюш, в печати*). Лепная керамика демонстрирует как наличие «местных» традиций связанных с киевским культурным кругом, так и присутствие населения пришедшего из германского ареала. Значительное количество круговой посуды на поселениях и повсеместное её распространение не позволяет считать ее импортной, а скорее указывает на существование местного гончарного производства. Наблюдения за соотношениями круговой и лепной посуды для периода C_3—D_1 вполне могут характеризовать уровень экономической развитости конкретного поселка и вовлеченности его населения в торговые отношения, близость или удаленность от центров гончарного производства (которые, несомненно, следует искать в регионе). В то же время, наблюдаемые отличия в процентах круговой и лепной посуды вряд ли могут служить достаточно убедительным критерием при отнесении поселения к киевскому или черняховскому типу исключительно на основании материалов разведок (к примеру, на ряде обследованных начиная с 2005 года поселений количество круговой керамики достигало 80—90%) Анализ материала с применением детализированной статистики круговой и лепной керамики, наблюдения за составом комплекса гончарной круговой посуды и его распространением на памятниках демонстрируют, что эти различия могут быть связаны не столько с этническими, сколько с хозяйственными особенностями. Амфорные фрагменты известные на многих поселениях (Пены, Гупово, Рязаново, Свобода, Букреевка, Тазово, Люшинка и др.), целая форма найденная в реке (Гусиновка), большое количество римских монет, находимых практически на каждом обследованном памятнике, — все это лишь дополняет общую картину.

Наличие множества вышеуказанных фактов позволяют относить Пены и схожие с ним по типу памятники Посемья к черняховскому кругу древностей, который характеризуется именно как полиэтничное образование, связанное развитыми торговыми отношениями, источниками импортов, использованием римских монет, широким применением гончарного круга, домостроительством, ремесленным производством, близостью элементов костюма, особым погребальным обрядом. И в значительной степени регионы культуры, имея различную этническую основу, объединяются именно торговлей и развитым ремеслом (*Магомедов, 2001, с. 89*).

Представляется, что и в конце III — первой половине V в. н. э. Сейминско-Псльинское междуречье (Посемье) так же, как и позже в эпоху раннего средневековья, играло важную роль в восточноевропейских коммуникациях. Присутствие носителей черняховской культуры в этом регионе позволяло контролировать стратегически важную территорию, на которой сходятся бассейны крупнейших рек Восточной Европы — Дона, Волги и Днепра. В пользу этой связующей культурные миры пограничной роли могут свидетельствовать наши наблюдения за находками позднеримского времени на территории некоторых городищ Посемья — Люшинское, Ратское и Кудеярова гора. Здесь обнаружены римские монеты, гончарная керамика черняховского типа, фрагменты позднеантичных амфор (*Радюш, 2008а*). Указанные укрепления занимали господствующие высоты на правом высоком берегу Сейма и, вполне вероятно,

позволяли контролировать путь по реке на значительных его участках. Возможно, дальнейшие обследования этих и других городищ и новые находки позволят уточнить и надежнее подтвердить эту версию событий. Во всяком случае, на всей территории черняховской культуры известны всего три укрепления и все они расположены в низовьях Днепра и Южного Буга (*Магомедов, 2001, с. 20*)[7].

Итак, по результатам полевых исследований 2005—2009 гг. на поселении Пены и в Посемье складывается впечатление, что памятники второй половины III—конца IV в. в регионе, могли представлять комплекс разноплановых поселений (от крупных — постоянных, базовых, до небольших — сезонных), которые занимали различные ландшафтные позиции (от высокой поймы до склонов высоких террас и балок), и в первую очередь, различались по степени и уровню хозяйственного развития и активности, положению относительно основных коммуникативных трасс, нежели в этническом плане. В составе их материальной культуры могли присутствовать различные черты, но преобладающей традицией в целом была черняховская, близкая большинству известных памятников на левобережье Днепра, что находит подтверждение в археологическом материале. Иными словами, памятники Посемья (в широком его смысле) горизонта C_3—D_1 являют собой пограничье черняховской культуры со своими периферийными особенностями, материалы последних раскопок подтверждают условность их однозначной этнокультурной интерпретации.

[7] Связь этих городищ с черняховским периодом в последнее время поставлена под сомнение (*Левада, 2006, с. 66*).

Приложение. **Определения римских монет**[8]

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 1***). Av.: Бюст императора в венке, вправо; IMP L VERVS AVG. Rv.: Провиденция стоит влево, в правой руке держит глобус, в левой — рог изобилия; PROV DEOR TR P III COS II. Дата чеканки: 161—169 гг.
Лит.: *RSC 156a*; *RIC 491*.

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 2***). Av.: Голова императора в венке, вправо; M COMM ANT P FEL AVG BRIT P P. Rv.: Рома сидит на щите влево, в правой руке держит Викторию, в левой — копье; ROM FEL P M TR P XVI COS VI. Дата чеканки: 190—191 гг.
Лит.: *RSC 655*; *RIC 224*.

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 3***). Av.: Голова императора в венке, вправо; IMP CAESAR TRAIAN HAD [RIANVS AVG]. Rv.: Фелицитас стоит влево, в правой руке держит кадуцей, в левой — рог изобилия; PM TR P [COS III]; сквозь фигуру FEL — AVG. Дата чеканки: 117—138 гг.
Лит.: *RIC 40*.

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 4***). Av.: Голова императора без венка, вправо; DIVVS ANTONINVS. Rv.: Квадратный алтарь с двойными дверями; DIVO PIO. Дата чеканки: 162 г. (посмертный выпуск при Марке Аврелии).
Лит.: *RSC 357*; *RIC 441 [aurelius]*.

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 5***). Av.: Бюст императрицы, вправо, волосы перевиты лентами и уложены на затылке; DIVA AVG FAVSTINA. Rv.: Этернитас или Церера стоит, в правой руке держит факел, в левой — скипетр; AETERNITAS. Дата чеканки: 138—141 гг.
Лит.: *RIC 346b.1*.

Денарий. Серебро (***ил. VIII: 6***). Av.: Голова императора в венке, вправо; ANTONINVS AVG PIVS PP TR P COS III. Rv.: Модиус с маком и четырьмя колосками; ANNONA AVG. Дата чеканки: 138—161 гг.
Лит.: *RSC 33*; *RIC 62c*.

[8] Благодарю к. и. н. К. В. Мызгина за консультации и определения монет.

GERMANIA-SARMATIA II

Литература

Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгиппия. Москва.

Арион О. В., Башкатов Ю. В., Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2010. У истоков славянства (вместо заключения) //Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I—II в. н. э.). (Раннеславянский мир; Вып. 12). Москва.

Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю., 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе //РА. № 3.

Баран В. Д., Гопкало О. В., 2005. Черняхівські поселення бассейну Гнилої Липи. Київ.

Башкатов Ю. Ю., 2008. Поселение позднеримского времени Барабара-1 на юге Среднего Поднепровья //The Turbulent epoch. New material from the Late Roman period and the migration Period. (Monumenta Studia Gothica; T. V). Lublin.

Бездудный В. Г., 2008. Геофизические исследования (магнитометрия, георадар) археологических памятников: поселений Пены-1, Журавка, Почтовый-1 //Археология и геоинформатика. Вып. 5. [Электронный ресурс; CD-ROM]. Москва.

Бобровська О. В., 1997. До питання про черняхівські «відерцеподібні» прикраси //Проблеми похождення та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів.

Веретюшкин Р. С., Обломский А. М., Радюш О. А., 2005. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья //Ю. А. Липкинг и археология Курского края. Курск.

Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины //Труды V Международного конгресса археологов славистов. Т. 4. Киев.

Гороховский Е. Л., Гопкало О. В., 2004. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры //Археологія давніх слов'ян. Київ.

Дидык В. В., 2005. Лепная керамика вельбарско-пшеворского типа в черняховских древностях Днепро-Донецкой Лесостепи //Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2005. Харьков.

Енуков В. В., 2005. Славяне до рюриковичей //Курский край. Т. III. Курск.

Кравченко Н. М., 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В. П. Петрова и Н. М. Кравченко в 1961—1964 гг.) //МИА. № 139. Москва.

Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В., 2007. Памятники археологии позднеримского времени правобережной киевщины. Киев.

Кропотов В. В., 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу //Археологія. № 4. Київ.

Левада М. Е., 2006. Миф о черняховских городищах //Готы и Рим. Киев.

Липкинг Ю. А., 1979. Замощанская дюна под Суджей //Могильники черняховской культуры. Москва.

Любичев М. В., 2008а. Этнокультурный подтекст распространения фибул группы Альмгрен VII восточнее Днепра //Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 2006—2008. Харьков.

Любичев М. В., 2008б. Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b}—C_2 на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» //Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград.

Магомедов Б. В., 1999. К истории финального этапа черняховской культуры //Сто лет черняховской культуре. Киев.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура: проблема этноса //Monumenta studia Gothica. T. 1. Lublin.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья //Готы и Рим. Киев.

Обломский А. М., 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э. Москва.

Обломский А. М., 1999. О времени появления Черняховского населения на территории днепровского левобережья //Сто лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время. (Раннеславянский мир; Вып. 5). Москва.

Обломский А. М., 2004. О территориальных границах двух групп памятников киевской культуры в среднем и Верхнем Посеймье //Восточная Европа в средневековье. Москва.

Обломский А. М., 2009. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья (наши разногласия) //Ostrogothica. Харьков.

Обломский А. М., 2010. Материалы поселения Журавка Ольшанская //Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы. (Раннеславянский мир; Вып. 13). Москва.

Обломский А. М., в печати. Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья //Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк.

Обломский А. М., Радюш О. А., Веретюшкин Р. С., Приймак В. В., 2003. Новые волынцевские памятники Курского Посемья //Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. Суми.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1998. Поселение Попово-Лежачи и его место среди памятников киевской культуры //Acta universitatis Lodziensis. (Folia archaeologica; T. 22). Lodz.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.), 2007. (Раннеславянский мир; вып. 10). Москва.

Петраускас О. В., 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) //Археологія і давня історії України. Вип. 2. Київ.

Радюш О. А., 2008а. Находки римских монет с территории Курской области //Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск.

Радюш О. А., 2008б. Новые памятники III—V вв. н. э. в Курском Посемье //Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Радюш. О. А., в печати. Две кремации с могильника у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) //Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (До 40-річчя археологічної експедиції НПУ им. М. А. Драгоманова). Київ.

Симонович Е. О., 1983. Північно-східне пограниччя пам`яток черняхівської культури //Археологія. Вып. 44. Київ.

Сымонович Э. А., 1964. Северная граница памятников Черняховской культуры //Древности эпохи сложения восточного славянства. (МИА; № 116). Москва.

Сымонович Э. А., 1974. Поселение Воробьевка-2 в Курской области //КСИА. Вып. 140.

Сымонович Э. А., 1990. Букреевка-2 — селище второй четверти I тыс. н. э. //Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Курск.

Терпиловский Р. В., 1984. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. //Monumenta Studia Gothica. III. Lublin.

Шультце Е., Магомедов Б. В., Буйських С. Б., 2009. Сіроглиняний посуд римського часу з поселень Ольвійської хори //Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Харьков.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Санкт-Петербург.

Abramek B., Makiewicz T., 2004. Unikatowe naczynie ceramiczne z osady w Walkowie-Kurnicy, pow. Wieluń ikwestia chronologii schyłku kultury przeworskiej //Kultura przeworska. Odkrycia-interpretacje-hipotezy. T. 1. Łodź.

The Archaeology of Roman Pannonia, 1980. Budapest.

Beilke-Voigt I., 1998. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. Bonn.

Bemmann G., Bemmann J., 1998. Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus den älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II. Bd. 2: Katalog und Tafeln. Neumünster.

Blaszkiewicz P., 1992. La Place de la Normandie dans l`Empire Romain de la fin de l`independence jusqu`au Vème siècle de notre ère //Current Reasearch on the Romanization of the Western Provinces. (BAR; 575). Oxford.

Dąbrowska T., 2008. Młodszy okres przedrzymski na Mazowszu i zachodnim Podlasiu //Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. VII. Warszawa.

Gaimster D. R. M., 2006. The historical Archaeology of pottery supply and Demand in the Lower Rhineland, 1400–1800. An archaeological study of ceramic production distribution and use in the city of Duisburg and its hinterland //Studies in Contemporary and Historical Archaeology. 1. (BAR; 1518). Oxford.

Hölder O., 1897. Die formen der römischen Thongefässe diesseits und jenseits der Alpen. Stutgart.

Ilkær J., 1993. Illerup Ådal 3. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. (Jutland Archaeological Societe Publications; XXV:3). Aarhus.

Jilek S., 1994. Ein Zerstörungshorizont aus der 2. Hälfte des 2. Jhs. N. Ch. Im Auxiliarkastell von Carnuntum //Markomannenkriege. Ursachen und wirkungen. Brno.

Kolník T., Varsik V., Vladár J., 2007. Branč. Germánska osada z 2. Až 4. Storočia //Archaeologica slovaca monographiae catalogi. T. X. Nitra.

Raddatz K., 1987. Der Thorsberger Moorfund Katalog. Teile von Waffen und Pferdegeschirr sonstige Fundstücke aus Metall und Glas, Ton- und Holzgefäße, Steingeräte // Offa. Bd. 65. Neumünster.

Swan V. G., 1988. Pottery in Roman Britain. Aylesbury.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin.

Архивные материалы

Веретюшкин Р. С., 2003. Отчет о работе Курчатовского отряда Посемьской археологической экспедиции Курского государственного университета в 2002 г. Архив ИА РАН.

GERMANIA-CARPATICA II

O. A. Radjusch

Untersuchungen der Siedlung des 3.–4. Jhs. bei der Karl-Liebknecht-Siedlung (Peny) auf dem Kursker Sejm Gebiet

Der vorliegende Beitrag befasst sich mit den Ergebnissen der archäologischen Untersuchungen der Siedlung Peny, die sich am linken Zufluss des Flusses Sejm (am Rande der Karl-Liebknecht-Siedlung, Kursk Gebiet, Russland) und gleichzeitig in dem nordöstlichen Peripheriegebiet der Černjachov-Kultur befindet. Das Denkmal wurde von der Mittelsejmer Expedition IA RAN entdeckt und im Laufe den letzten 6 Jahren untersucht. Die Siedlung gehört einer Gruppen der Denkmälern der spätrömischen Zeit an, die in den letzten Jahren im Mittelsejmgebiet entdeckt wurden. Die Gesamtfläche des Denkmals, das sich beiderseits des kleinen Flusses Penka am Ort seiner Einmündung in den Fluss Sejm befindet, beträgt ca. 25–30 ha. Während der Ausgrabungen wurden ca. 350 m^2 geöffnet wobei auch zahlreicher und vielfältiger Fundmaterial zusammengetragen wurde (***Il. VI–VIII***).

In den Jahren 2007–2009 wurden mit Hilfe geophysikalischer Methoden auf der Siedlung fünf Flächen mit der Gesamtgröße von 2,5 ha untersucht. Dabei wurden vier Hofkomplexe freigelegt, deren Gebäude in Reihen entlang der Achse NW–SO orientiert wurden.

Aufgrund der Ergebnisse wurden 2007–2008 auch weitere Flächen auf dem Hof 1 im Zentrum der sich am rechten Ufer befindenden Siedlung angelegt.

Die Gesamtgröße der 2007–2008 geöffneten Grabungsflächen betrug 310 m^2. Untersucht wurde ein 60 m^2 grosses, dreiräumiges, überirdisches Wohngebäude mit zwei Feuerstellen und ein Gebäude leichter Bauweise– beide mit Pfostenkonstruktion. Das Keramikmaterial wurde vor allem durch die Fragmente der gedrehten graufarbigen Gefäße der in der Černjachov-Kultur gängigen Typen (Schallen, Töpfe, Becher, Krüge), der handgemachten Keramik unterschiedlicher Qualität und Typen sowie durch die Fragmente der rotfarbigen Amphoren dargestellt. Die Analogien der handgemachten Keramik sind in dem archäologischen Material der am linken Dneprufer liegenden Denkmäler der spätrömischen Zeit sowie der mitteleuropäischen germanischen Kulturen bekannt. Im Gebäude 1 wurden Fragmente des Gefäßes vom Typ „Kumpf“ und einer dreibeinigen grob handgemachten Schüssel gefunden. Das Verhältnis von gedrehten zu handgemachten Gefäßen von der Grabungsfläche beträgt dementsprechend 45% zu 55%. Außerdem wurde im Gebäude 1 eine bronzene zweigliedrige profilierte Fibel mit umgeschlagenem

GERMANIA SARMATIA II

Fuß gefunden, drei weitere Fibeln wurden in der Kulturschicht entdeckt. Allem Anschein nach waren die Bewohner des Hofes in die handwerklichen Produktion eingewickelt: es wurden Funde von zahlreichen Schlacken und Buntmetallschmelze, Feilspäne aus Horn und Knochen, Fragment eines dreilagigen Knochenkamms mit einem hohen profilierten Rücken sowie Wetzsteine getätigt. Sieben Spinnwirtel, eine davon mit Ornament aus runenartigen Einschnitten verzirt und über 30 pyramidenförmigen, kugelförmigen, scheibenförmigen, würfelförmigen vollständig erhaltenen und fragmentierten Webgewichte wurden in der Kulturschicht neben dem Gebäude entdeckt. Zu den weiteren Funden gehören Fragmente von Äxten mit schmalen Klingen, Messer und Glassperlen. In der Schicht neben dem Wirtschaftsgebäude wurde ein römischer Denarius vom Imperators Commodus entdeckt.

Während der Suche nach dem Gräberfeld in den Jahren 2005–2008 wurden am linken Ufer des Flüsschens, am Hang ca. 50–100 Meter oberhalb der Siedlung, zwei Brandgräber entdeckt, die dem Fundmaterial vom Hof am rechten Ufer des Flusschens zeitgleich sind. Höchstwahrscheinlich gehören die untersuchten Bestattungen zu der peripherischen Zone des Gräberfeldes.

Dank der regelmässig durchgeführten Prospektionen konnten die Grenzen des Siedlungsareals der Černjachov-Kultur im Mittel- und Obersejmgebiet genauer bestimmt werden. Dem Fundmaterial nach zu urteilen, erfolgte die Besiedlung dieses Regions über die Wasserscheiden sowohl grossen als auch kleinen Zuflüssen von Sejm und Psël. Die der Siedlung Peny ähnliche Denkmäler konzentrieren sich um die Mündung des Reuts – des größten linken Zuflüsses von Sejm in seiner mittleren Strömung. Diese Siedlungen verteilen sich über das ganze Territorium der Mikroregion entlang fast allen Flüssen und Flüsschen und sind sowohl im Oberlauf, Mittellauf als auch in der Mündung bekannt. Der Typ der Besiedlung ist dem der Černjachov-Kultur in dem Mitteldneprgebiet ähnlich.

Das Fundmaterial aus den dem Peny ähnlichen Großsiedlungen in dem Sejmgebiet belegt das Bestehen der Siedlungen in der spätrömischen Zeit seit der Phase C_2, der Zeit der Existenz der Fibeln der Gruppe VII, bis in Phase D_1 hinein. Die in die Phase D_2 datierten Funde aus dem Obersejm- und Psëlgebiet sind bisher sehr unzahlreich, die Hauptkonzentration der kurz bestandenen Siedlungen dieser Phase wurde nördlich von Sejm im Oberlauf seiner rechten Zuflüssen festgestellt. In dieser Periode, als viele Siedlungen von der Bevölkerung verlassen wurden, deuten die Streufunde auf die Anwesenheit irgendwelcher Bevölkerungsgruppen auf dem Territorium unmittelbar zwischen Sejm und Psël.

Das Territorium des heutigen Kursk Gebiets bildete in der historischen Perspektive ein Grenzgebiet zwischen den Wald- und Waldsteppekulturen. Entlang des Flusses Sejm und seines rechten Zuflusses Tuskar' verlief die Grenze der Schwarzerdeboden, die wie es schon längst bemerkt wurde, auch die nördliche Grenze des Siedlungsareals der Stämme der Černjachov-Kultur sowie die Grenze einer Massenverbreitung von Amphoren und römischen Münzen darstellte. Die Anwesenheit der Bevölkerung der Černjachov-Kultur in dem Zwischenstromland von Sejm und Psël gewehtre offensichtlich Kontrolle über das strategisch wichtige Territorium, auf dem die Stromgebiete der größten Flüssen Europas – Don, Wolga und Dnepr zusammentreffen („Hauptzwischenströmland der Osteuropäischen Ebene").

Grundsätzlich konnten durch die neue Phase der archäologischen Erforschungen in dem Sejmgebiet anhand der zahlreichen typologisch empfindlichen Beigaben deutlich genauere Angaben über die Besiedlungsphasen der Region in der spätrömischen Zeit und am Anfang der Völkerwanderungszeit im 3. – 4. Jh. n. Chr. gewonnen werden. Es wurden die Grenzen der Frühphase (C_1–C_2), der frühen Phase der Černjachov-Kultur (C_2 bzw. C_2/C_3), der entwickelten Phase der Černjachov-Kultur (C_3–D_1) und deren Finalphase (D_2) bestimmt.

Solche großen Siedlungen wie Peny funktionierten in der Zeitperiode C_2–D_1. Die meisten Großsiedlungen wurden im letzten Viertel des 4. Jh. verlassen, jedenfalls konnte bisher die dem Material der Siedlungen von L'govsko-Fatežskaja Gruppe ähnliche Funde südlich von Sejm nur in Einzelfällen getätigt werden. Fragen, die die chronologischen Etappen der Siedlungsentwicklung betreffen werden im Rahmen zukünftiger Feldforschungen geklärt.

Башкатов
Юрий Юрьевич

Киев

Младший научный
сотрудник отдела
археологии ранних славян
Института археологии
Национальной академии
наук Украины

j_bashkatov@i.ua

Ю. Ю. Башкатов

Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья[1]

При изучении любой археологической культуры одним из наиболее интересных и в то же время проблемных аспектов является изучение ее контактов и взаимодействий с соседями. Для полиэтничной черняховской культуры это особенно актуально. Вхождение одних групп населения в ее состав и контакты с остальными остается одним из главных вопросов. Наиболее интересны для исследований так называемые контактные зоны, в большинстве своем связанные либо с границами археологической культуры, либо со сменой географического районирования в ее пределах. В данной работе привлечены памятники, связанные со вторым вариантом. Географически юг Среднего Поднепровья совпадает с границей между лесостепью и степью. В основном речь пойдет о памятниках, связанных с бассейнами Днепра и Псла и расположенных на территории и в окрестностях городов Кременчуг и Комсомольск (***рис. 1***).

Одиночные находки керамики черняховской культуры и римских монет известны в районе Кременчуга достаточно давно (*Супруненко и др., 2004а*). Среди древностей III—IV вв. н. э., найденных близ Комсомольска, наиболее известен обнаруженный в 1960 г. А. В. Бодянским могильник Компанийцы (с. Григоро-Бригадировка), который раскапывала Е. В. Махно в 1960—1965 гг. (*1967*; *1971*). Местными краеведами были разведаны и описаны группа поселений около с. Дмитровка и поселения Барбара I и II на территории города (*Шилов и др., 1993, с. 29, 30*).

Систематические раскопки и разведывательные работы в этом регионе были начаты А. Б. Супруненко летом 2002 г. В отличие от предыдущих лет сейчас территории исследуются сплошными массивами. За эти годы были обследованы уже известные памятники (проверено их состояние и уточнены данные), а также открыт ряд новых (*Супруненко и др., 2004а*; *2004b, с. 14—16, 21—25*; *Супруненко, Шерстюк, 2006, с. 18—32, 37—40, 43—45*; *2007, с. 17—19, 21, 22, 24—29*).

В 2003 г. Комсомольским краеведческим музеем и Институтом археологии НАН Украины была создана Комсомольская раннеславянская археологическая экспедиция под руководством автора. Стационарные работы проведены на трех поселениях: Дмитровка III (2003, 2004, 2007—2009 гг.), Барбара I (2005—2006 гг.) и Василенки IV (2007 г.).

Поселение Барбара I открыто в середине 80-х годов XX в. на территории Комсомольска местными краеведами С. Еремеевым и Н. Стахивым во время крупных строительных и гидротехнических работ. Изначально поселение располагалось между руслом Днепра и пойменным оз. Барбара, ближе к озеру (***рис. 2***). Оно протянулось вдоль южного берега озера на площади около 2 га.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта НАНУ-РГНФ № 08-01-91102а/U.

GERMANO-SARMATIA II

Рис. 1. **Месторасположение памятников**: 1 — поселение Барбара I; 2 — поселение Дмитровка III; 3 — могильник Компанийцы

Abb. 1. **Lage der Fundorten**: 1 – Siedlung Barbara I; 2 – Siedlung Dmitrowka III; 3 – Gräberfeld Kompanijtzy

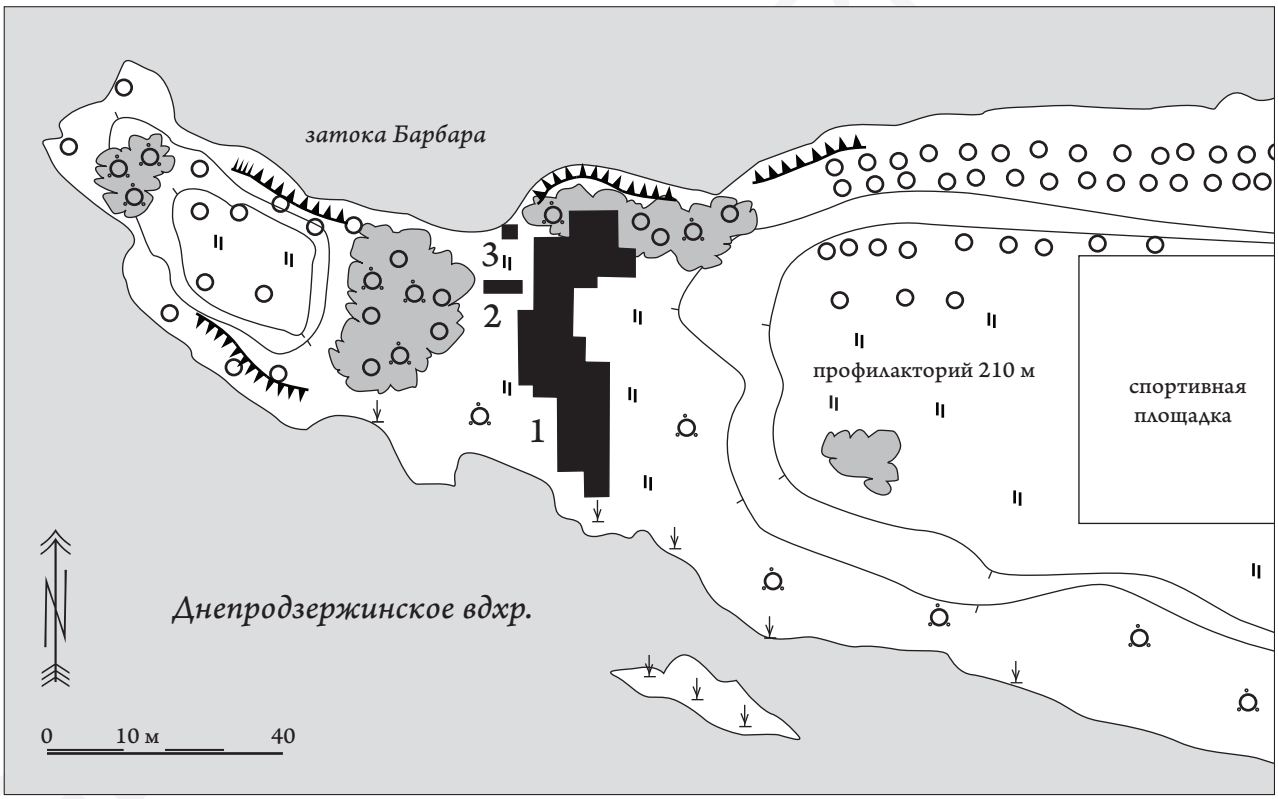

Рис. 2. **Схема поселения Барбара I и расположения раскопов:** 1 — раскоп 2005—2006 гг.; 2 — траншея; 3 — шурф № 2

Abb. 2. **Das Schema der Siedlung Barbara I und die Grubeanordnungen**

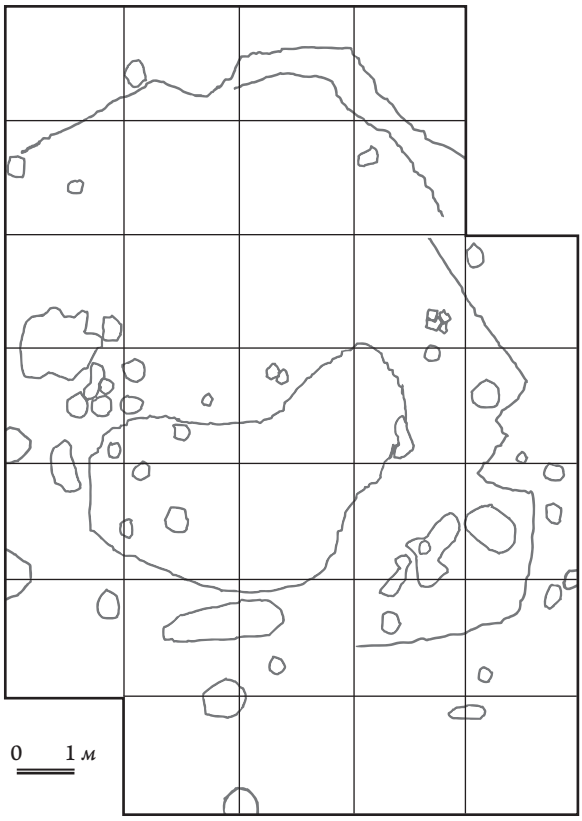

Рис. 3. **План постройки 1, поселение Барбара I**

Abb. 3. **Plan des Baus №1 von Barbara I**

В 1964 г., при заполнении котлована Днепродзержинского водохранилища, территория поселения была частично подтоплена. В период с 1986 по 1990 г. в результате гидронамыва контур поселения был размыт. Таким образом, на момент разведок 2002—2004 гг. от поселения Барбара I осталось около 70% площади.

Предварительные археологические разведки памятника были проведены в 2002—2003 гг. археологами Центра охраны и исследования памятников археологии Полтавской обл. под руководством А. Б. Супруненко и в 2004 г. археологами Института археологии НАН Украины под руководством автора (*Супруненко и др., 2004b*).

В 2005—2006 гг. проведены раскопки поселения Барбара I под руководством автора (*Башкатов, Стахів, 2006*). На протяжении двух сезонов в пределах открытого участка полуострова было вскрыто 440 м^2: исследована большая часть свободной от растительности территории. Глубина залегания культурного слоя — до 1,6 м. Предварительная шурфовка восточной части участка показала, что культурный слой здесь полностью уничтожен. Но дальнейшие раскопки позволили зафиксировать периферию поселения и расположение одной из усадеб.

Основная постройка 1 была наземной, размерами около 10×7 м и ориентирована по линии С—Ю (***рис. 3***). Ее контуры выявлены по столбовым ямкам диаметром 35—55 и глубиной 20—50 см, причем максимальную глубину и размеры имели угловые ямки. Кроме того, была учтена концентрация находок, а также степень увлажнения и высыхания грунта в пределах постройки и за ее контуром. В центральной части постройки была исследована линза светлого аллювиального песка. Установлено, что песок заполнил сначала проседание, которое образовалось после гибели постройки, и постепенно — значительную часть ее площади. Таким образом, речь идет о закрытом комплексе. Вход в постройку, вероятнее всего, находился в южной стене. Косвенно об этом может свидетельствовать находка под завалом стены фрагмента римского замка (***рис 8В: 4***).

Следы пожара в пределах постройки не выявлены. Найдены преимущественно небольшие фрагменты глиняной обмазки со следами древесины. Вероятно глина попала в культурный слой

необожженной и из-за большой влажности почвы практически растворилась в ней. Зафиксировать следы обмазки в большинстве случаев удавалось только по изменениям цвета слоя и наличию характерных для местной глины включений.

Глубина заполнения постройки составляла до 20 см — от уровня выявления столбовых ямок до уровня выявления завалов обмазки, развалов керамики в северной части постройки и уровня кострища. Стационарные отопительные сооружения не обнаружены. Лишь в южной части (ближе к середине постройки) зафиксированы следы открытого кострища в виде пятен обожженного песка с включениями мелких углей. Возле юго-западного угла постройки выявлено скопление обожженных камней. Четкой конструкции они не составляли, и никаких следов огня возле скопления не было, но полностью исключить, что это остатки каменного очага, нельзя. Пол постройки был практически ровным с небольшим (до 5 см) уклоном к северу. Это легко объяснить природным падением рельефа.

Таким образом, по совокупности признаков установлено, что постройка имела каркасно-плетневую или каркасно-столбовую конструкцию с закладом деревом, обмазанную глиной. Возможно, конструкция была комбинированной. Об этом можно судить по большому количеству столбовых ямок под восточной стеной постройки, где они расположены в два ряда практически параллельно.

Интерес представляет скопление ямок на границе кв. 8—9 по линии Б. Вероятно постройка была разделена на две приблизительно равные части — северную и южную — внутренней перегородкой, от которой и остался ряд столбовых ямок меньшего диаметра (15—20 см) и глубины (10—20 см). Судя по концентрации находок и местоположению кострища, северная часть постройки была хозяйственной, а южная жилой.

За пределами постройки на расстоянии 70 см от северной стены было найдено значительное скопление керамики черняховской и вельбаркской культур. Оно имело длину 1,5 м, ширину и глубину 30 см. Вероятнее всего это был небольшой ров, заполненный битой посудой, который, к сожалению, полностью зафиксировать не удалось. Кроме того, рядом с постройкой зафиксировано несколько небольших ям с незначительным количеством материала.

Севернее постройки обнаружены две группы ям: на границе горизонтов 1 и 2 и на границе горизонтов 2 и 3. Диаметр и глубина соответствуют столбовым ямам. Учитывая уровни их выявления, линейное расположение и параллельную ориентацию данных линий по отношению одна к другой и постройке 1, можно предположить, что это были остатки ограды, которая перестраивалась.

На северо-восток от постройки 1 найдена постройка 2. Над ней наблюдалось мощное проседание песка до 50—60 см. Уровень выявления — около 1 м от современной поверхности. Постройка имела подквадратную форму размерами 2,2 × 2,15 м, глубиной по линии С—Ю 20, В—З 10—20 см. Земляные стены очень пологие. В заполнении найдено небольшое количество лепной и гончарной керамики черняховской культуры и много пережженных камней.

В результате работ за два сезона получены ценные данные по стратиграфии поселения. Так, стало понятным, что на поселении существовали три стратиграфических горизонта. Образование первого связано с периодическими наводнениями и местной растительностью. Он отделялся от горизонта 2 стерильной прослойкой желтовато-белого аллювиального песка. С горизонтом 2 связана основная масса черняховских материалов. Третий, отделявшийся по цвету, был уровнем дневной поверхности для черняховского памятника и, возможно, культурным слоем для материалов эпох энеолита — бронзы.

Керамический комплекс, как уже отмечалось выше, практически весь принадлежит к черняховской культуре. Общее процентное соотношение гончарной и лепной посуды — приблизительно 55 : 45 по раскопам и 53 : 47 в пределах постройки.

Гончарная керамика — наиболее многочисленная категория находок. Традиционно самую большую ее часть составляет кухонная керамика — около 70, столовая посуда — немного больше 25 и импорт — около 4,5%. Кухонная керамика представлена как сосудами для приготовления, так и тарной посудой.

Кухонная посуда — с примесями дресвы, песка и иногда остатков выгоревшей органики, преимущественно серого цвета, с шершавой поверхностью. Обжиг равномерный, качественный. Большинство образцов представлено горшка-

ми, в отдельных случаях украшенными углубленным орнаментом. К сожалению, почти все они во фрагментах. Судя по всему, они были в основном средних размеров с высокими плечиками. Донышки сосудов — преимущественно плоские (***рис. 4: 1—30***).

Также в керамическом комплексе представлено небольшое количество фрагментов пифосоподобных сосудов. Они были сделаны из более грубого теста с примесями крупного песка и дресвы, имели качественный обжиг, расцветку разных оттенков серого. Подобная керамика широко известна на черняховских памятниках (*Гей, Сымонович, 1993, табл. LIV, LVI*; *Магомедов, 2001, рис. 24*).

Миски — как лощеные (большинство), так и без лощения, так называемых закрытых форм или близких к ним (***рис. 5: 14—22***). Миска открытой формы — одна. Аналогичные миски описаны Б. В. Магомедовым (*2001, с. 47, рис. 28, 29*). Тесто лощеных сосудов хорошо отмучено, без особенных примесей, доминирующая расцветка — черная, разные оттенки серого, реже — коричневая.

Вторая значительная категория столовой посуды — вазы. Все они представлены достаточно большими формами. Реконструированные сосуды относятся к круглобоким формам типа I, вариант 2а (*Магомедов, 2001, с. 49, рис. 32: 1—3, 5—8*). Почти все они орнаментированы гладкими валиками. Тесто качественно отмучено, без примесей. Цвет — темно-серый и черный (***рис. 5: 1—10***).

Кувшины представлены, к сожалению, по большей части мелкими фрагментами. Большинство из них принадлежит, скорее всего, к типу I (*Магомедов, 2001, с. 51, рис. 41*).

Немногочисленную группу столовой посуды составляют лощеные горшки. Они изготовлены из качественного керамического теста без примесей. Цвет имеют темно-серый. Профили установить трудно, но, скорее всего, они имели круглобокие формы (***рис. 5: 12, 13***).

Особенное внимание привлекает немногочисленная группа гончарной посуды коричневого цвета, которая выделяется очень плохим качеством. Глина плохо отмучена, в большом количестве содержатся примеси дресвы. Данные образцы, на первый взгляд, вообще мало отличаются от лепной посуды. Подобная керамика известна в этом регионе из раскопок поселения Дмитровка III и разведок около с. Григоро-Бригадировка. Можно допустить наличие местного гончарного центра.

Лепная керамика сразу может быть разделена на две основные группы: более многочисленная связана с северо-западной германской традицией, другая — с южной позднескифо-сарматской. Подсчитать точный процент каждой из них, к сожалению, практически невозможно, поскольку количество форм, которые можно четко определить, недостаточно.

Значительная часть сосудов, которые связываются с германской традицией, — так называемые кумпфы типа Ia (*Wołągiewicz, 1993, табл. I*). Часть из них имеет храповатую поверхность в средней части и лощеную — около венчика. Отсутствие полных профилей усложняет их типологическое определение. Но, учитывая большие диаметры венчиков большинства из них, можно допустить, что они относятся к типу IA (*Wołągiewicz 1993, с. 54, 55*), хотя исключить наличие более миниатюрных сосудов нельзя (***рис. 6: 1—7, 9, 10***).

Также к кумпфам, скорее всего, относятся фрагменты стенок с «ногтевым» орнаментом. В целом, подобным образом орнаментированная керамика (***рис. 6: 11—14***) считается характерной для восточных германцев и распространена как на памятниках пшеворской (*Гей, Сымонович, 1993, табл. XX: 5*), вельбаркской культур (*Козак, 1992, рис. 49: 11*), так и на черняховских памятниках (*Обломский, 2002, рис. 52: 1*; *Некрасова, 2006, рис. 79: 14*).

Горшки (***рис. 7***), которые можно связать с позднескифо-сарматской традицией, известны как на памятниках черняховской культуры — тип II и IV (*Магомедов, 1991, рис.13, 14*; *2001, рис. 26*), так и на аутентичных памятниках. Они представлены среди материалов позднескифских городищ Нижнего Поднепровья и могильников Крыма (*Гаврилюк, Крапивина, 1999*; *Власов, 1999*). Подобные формы посуды известны даже в Верхнем Подонье. Часть горшков имеет аналогии среди материалов «сарматской фазы» городища Чертовицкое III, которая относится к первым векам н. э. (*Медведев, 1998, рис. 4*). Подобная керамика известна из Перехвальского городища III в. н. э. — финала сарматского времени на Подонье (*Бирюков, 1998, рис. 5*). Отметим венчики с острым перегибом

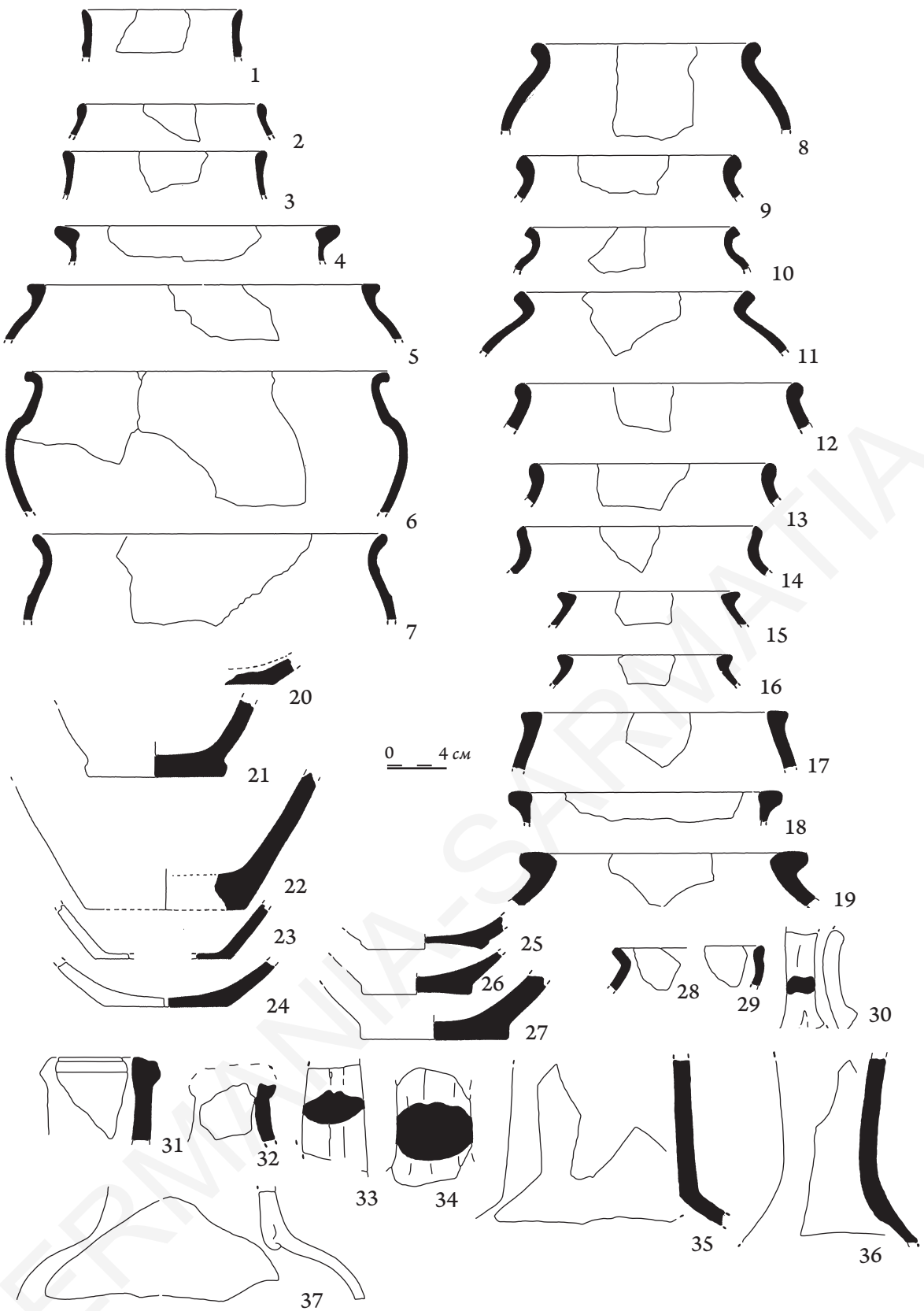

Рис. 4. **Поселение Барбара I**: 1—30 — кухонная гончарная посуда; 31—37 — гончарные импорты. Рисунки О. В. Гопкало

Abb. 4. **Barbara I**: 1–30 – das grobgemachte Töpfergeschirr; 31–37 – Töpferimport. Zeichnungen von O. W. Gopkalo

GERMANIA-SARMATIA II

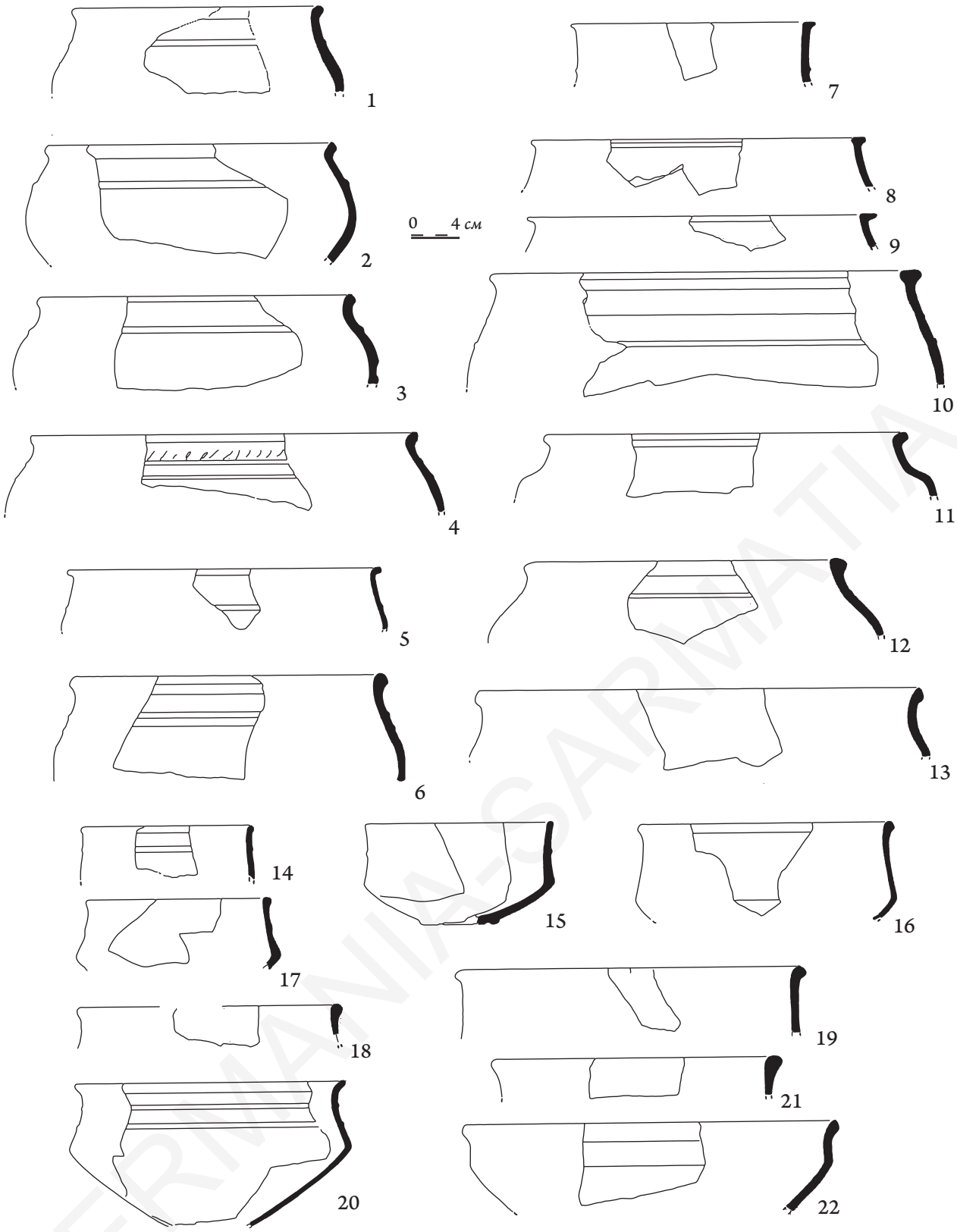

Рис. 5. **Столовая посуда, поселение Барбара I**: 1—4, 6—10 — вазы; 5, 14—22 — миски; 11—13 — горшки. Рисунки О. В. Гопкало

Abb. 5. **Das Tischgeschirr von Barbara I**: 1–4, 6–10 – Terrinen; 5, 14–22 – Schalen; 11–13 – Töpfe. Zeichnungen von O. W. Gopkalo

GERMANIA SARMATICA II

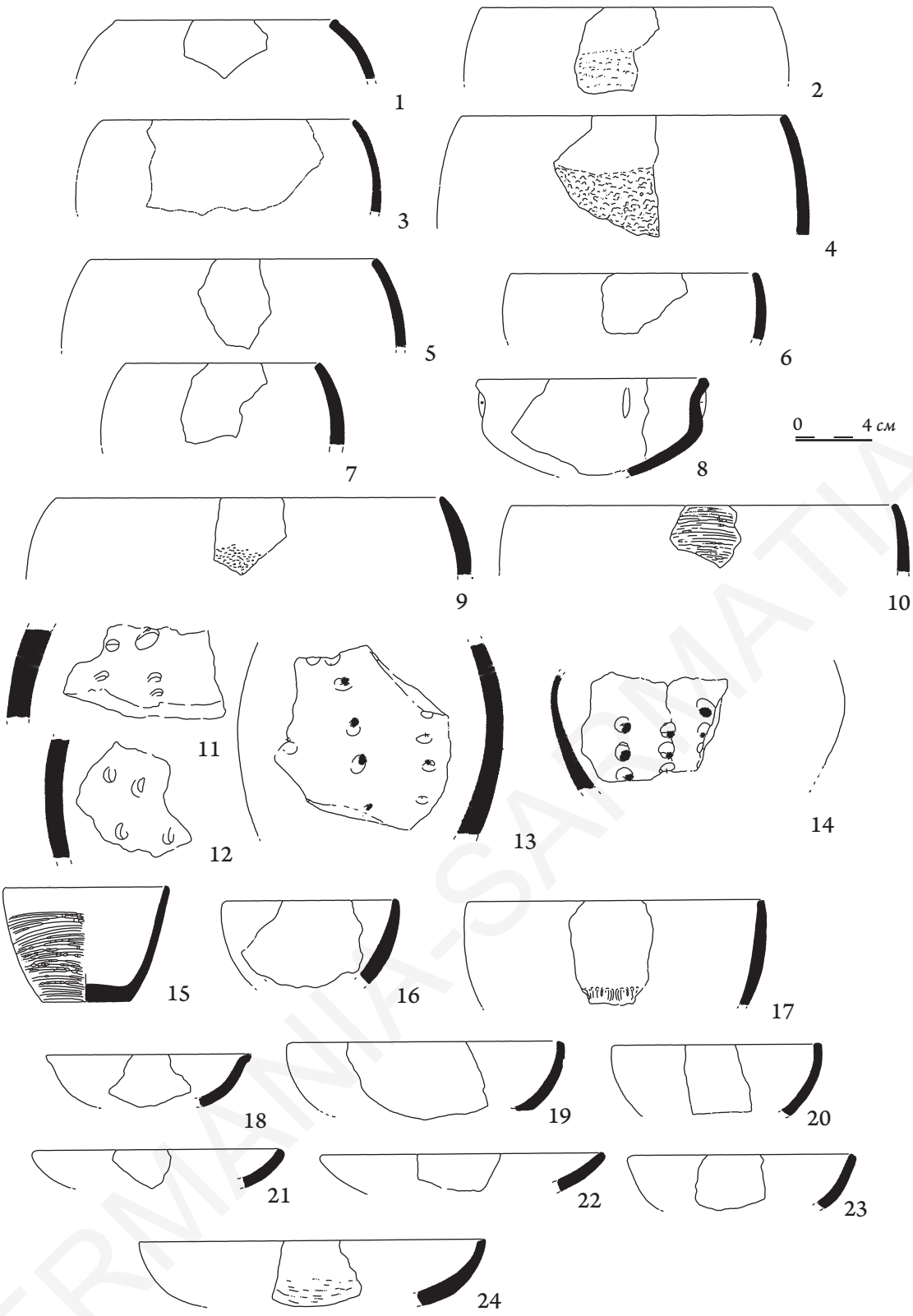

Рис. 6. **Лепная керамика, поселение Барбара I**: 1—7, 9—14 — кумпфы (11—14 — фрагменты с «ногтевым» орнаментом); 8, 18—23 — миски с северо-западной германской традицией; 15—17, 19—22, 24 — миски с южной позднескифо-сарматской традицией. Рисунки О. В. Гопкало

Abb. 6. **Die handgemachte Keramik von Barbara I**: 1–7, 9–14 – Kumpfen; 8, 18–23 – die in germanisch Tradition hergestellte Schalen; 15–17, 19–22, 24 – die in spätskythisch-sarmatische Tradition hergestellte Schalen. Zeichnungen von O. W. Gopkalo

GERMANIA-SARMATIA II

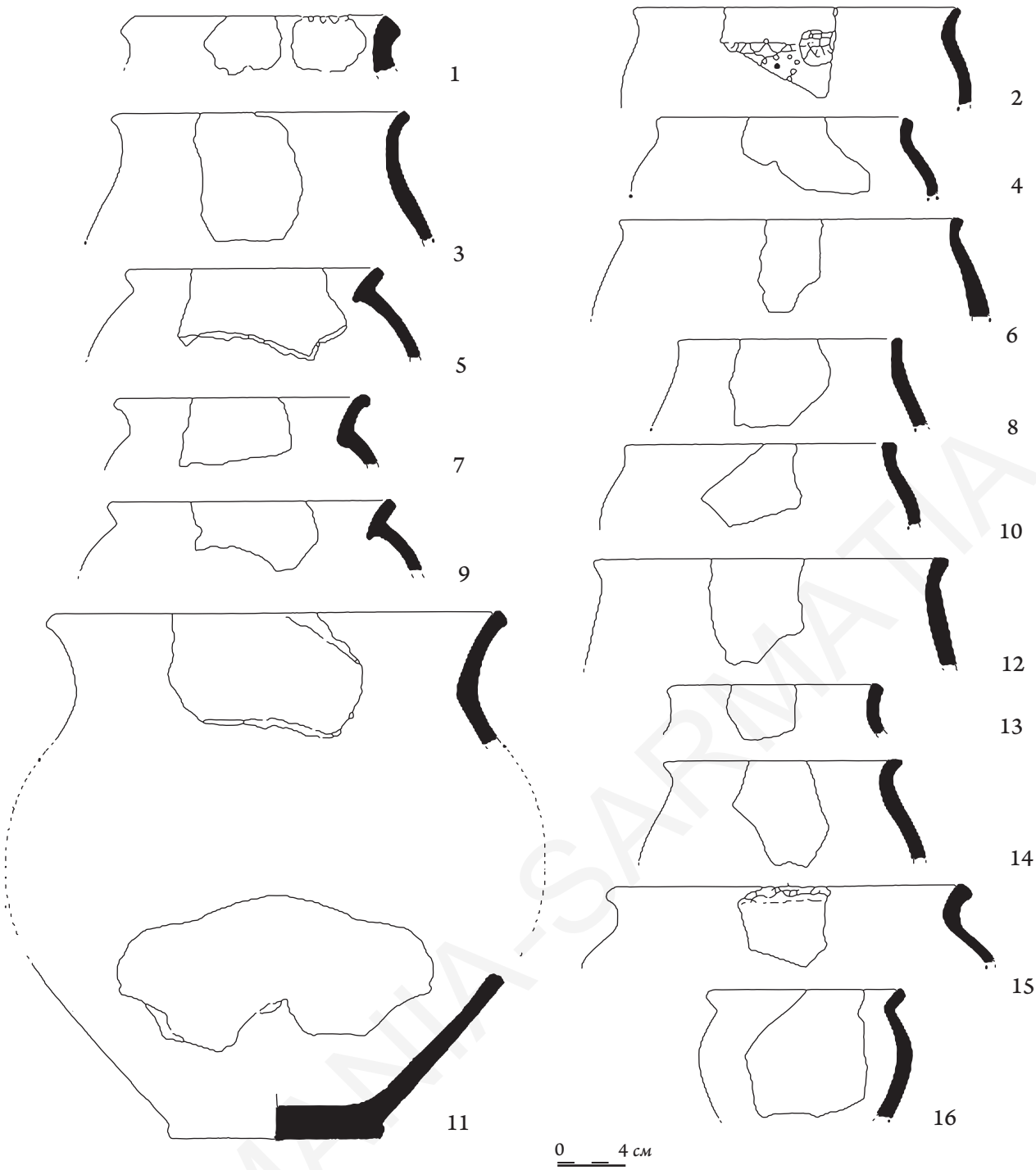

***Рис. 7*. Лепная керамика с южной позднескифо-сарматской традицией, поселение Барбара I.**
Рисунки О. В. Гопкало

***Abb. 7*. Die handgemachte Keramik von Barbara I, die in spätskythisch-sarmatische Tradition hergestellt.**
Zeichnungen von O. W. Gopkalo

GERMANIA-SARMATIA II

по внутренней стороне (***рис. 7: 5, 7, 9, 11***), которые Б.В. Магомедов считает характерными для поздних скифов (*2001, с. 46*).

Значительную категорию материала составляют лепные миски. К вельбаркской культуре можно отнести лепную чернолощеную миску с налепами (***рис. 6: 8***) типа VI (*Wołągiewicz, 1993, табл. 19*). Подобные миски известны на поселении Боратин (*Козак, 1992, рис. 53: 6*), могильнике Компанийцы (*Некрасова, 2006, рис. 76: 17*). Также к германским можно, с некоторыми предостережениями, отнести еще некоторые миски (***рис. 6: 8, 23***). Другие могут быть связаны с позднескифо-сарматской традицией (***рис. 6: 15—17, 19—22, 24***). Последние очень напоминают лепные копии с позднеримских мисок, подобные были найдены в Усть-Альминском позднескифском могильнике (*Высотская, 1994, табл. 37: 23*).

Выделяется лощеная миска на трех ножках (***рис. 8А: 1; ил. 1а: 6***). На данный момент фрагменты, из которых она была склеена, имеют два цвета — светло-коричневый и черный. Скорее всего в оригинале она была светло-коричневой. Миски на ножках для этого периода редки. Одна из известных — типа XA (*Wołągiewicz, 1993, табл. 27*) — относится к вельбаркской культуре. Несколько подобных мисок происходят из пшеворских памятников Польши, другие — из памятников Паннонии позднеримского времени (*The archaeology…, 1980, pl. 65: 11*). Прямых аналогий рассматриваемой миске нет, однако учитывая то, что близкие аналогии связаны с территорией Польши, подобные формы можно отнести к так называемому западному импульсу на черняховских памятниках.

Индивидуальные находки представлены изделиями из железа и других металлов, а также стекла, кости, глины, камня.

Изделия из железа — два ножа и фрагменты еще нескольких, три фрагмента шильев или булавок (?), фрагмент замка и обломок орудия труда (***рис. 8В: 1, 4—6, 12, 13***). Оба ножа имеют горбатую спинку и прямоугольный в сечении черенок, длина одного — 11, второго — 16,5 см. Подобные ножи известны на многих памятниках черняховской культуры (*Некрасова, 2006, рис. 20: 8; 43: 20*). От замка остался барабан, с одной стороны закрытый пластиной с прорезью (***рис. 8В: 4***). Аналогии ему есть на могильниках Гавриловка, Каборга, Будешты (*Гей, Сымонович, 1993, табл. LXX: 33, 37*; *Магомедов, 2001, рис. 80: 4*).

Интересна находка орудия труда (раскоп IV). После реставрации с внутренней стороны были обнаружены обломанные «уши», скорее всего, сохранилась лишь их нижняя часть (***рис. 8А: 5***). Размеры фрагмента: высота — 7,5 см, ширина 5 — в верхней широкой части и 4 — в узкой, толщина в верхней части — 0,7—0,8, в центре нижней части — 1 см. Эта часть изделия постепенно истончается к краям под достаточно тупым углом. С внешней стороны в узкой части изделия пробито отверстие. Анализируя внешний вид фрагмента, можно сделать вывод о том, что это орудие с помощью железных «ушей» крепилось к деревянной основе, которая фиксировалась в своей нижней части гвоздем или чем-то подобным. Исходя из толщины не исключено, что это обломок наральника, хотя утверждать это трудно, так как фрагмент не очень большой. Также это может быть обломок мотыги или тесла.

Изделия из других металлов — бронзовый пинцет и свинцовая отливка, возможно, заполнение литника литейной формы (***рис. 8В: 2, 3***). Косметические пинцеты из бронзы, а иногда из серебра хорошо известны на территории черняховской культуры (*Магомедов, 2001, с. 83*).

Изделия из стекла — один целый и фрагмент игрального жетона (***рис. 8В: 7, 8***). Оба белого цвета из непрозрачного стекла. Подобные жетоны известны на территории черняховской культуры, в частности из могильника Компанийцы (*Некрасова, 2006, рис. 61: 23*). Изделия из кости — три «стилоса». Они известны с эпохи бронзы и широко распространены по всей территории черняховской культуры.

Изделия из глины представлены фрагментами лепных кубков (***рис. 8А: 6—8***), аналогичных находкам из могильника Компанийцы (*Некрасова, 2006, рис. 63: 19*). Интересен фрагмента венчика лепного лощеного горшка темно-коричневого цвета (***рис 8А: 2***). Он украшен прочерченным орнаментом в виде волны между двух линий, а также наколами. Далее был прочерчен круг, разделенный на четыре равные части, в верхних было нанесено еще несколько линий, а в нижней левой части — знак, напоминающий греческую λ, в правой — ω. По фактуре и профилю сосуд, скорее всего, при-

GERMANIA BARBARICA II

надлежит к позднескифо-сарматским материалам. Однако четкие аналогии пока найти не удалось. Еще один фрагмент стенки сосуда может быть как частью так называемых сырницы, так и курильницы. Определить принадлежность его невозможно, так как фрагмент слишком мал.

Найдено также пять пряслиц (***рис. 8А: 3, 4***). Одно украшено прочерченным орнаментом, одно подлощенно. Выделяется среди них конусообразное пряслице, достаточно редкий тип для черняховских памятников. Одна из находок — обломок ткацкого грузила.

Изделия из камня представлены кремневыми отщепами (один со следами ретуши) и фрагментом каменного «челнока». Их можно связать со временем неолита или энеолита. К черняховской культуре относятся шесть точильных оселков из песчаника (***рис. 8В: 11, 14***).

Хронология поселения. Поселение Барбара I имело один горизонт застройки, связанный с позднеримским временем, о чем свидетельствуют стратиграфия памятника и небольшое количество объектов. Можно предположить, что оно существовало в течение не очень длительного времени. Этим объясняется концентрация почти всех найденных материалов вокруг постройки 1. К сожалению, круг датирующих вещей не очень широкий. К нему принадлежат две бусины и импортная керамика. Одна из бусин, найденная во «рву», полупрозрачного пурпурного стекла (***рис. 8В: 9***) относится к типу XVII/4 (по типологии О. В. Гопкало), который появляется на раннем этапе черняховской культуры и наиболее распространен в периоды C_{1b} — C_2 хронологии римского времени (*Гопкало, 2008, с. 39, 40*). Сердоликовая (***рис. 8В: 10***) граненая призматическая со срезанными углами и усеченно-коническим каналом бусина из постройки 1 относится к типу I (по типологии О. В. Гопкало). Точно датировать ее сложно, поскольку диапазон существования бусин этого типа достаточно широкий. Однако исходя из небольших размеров можно предположить, что она относится к ранней серии периода C_2 (*Гопкало, 2008, с. 73—75*).

Керамические импорты (***рис. 4: 31—37***) определены С. В. Диденко. По его мнению, они в основном датируются второй половиной III — началом IV в. н. э. В целом, исходя из всего набора датирующих признаков (включая высокий процент лепной керамики, близкий к 50) поселение можно датировать в широких пределах — второй половиной III — первой четвертью IV в., более узко — последней четвертью III — началом IV в.

Возле с. Дмитровка, расположенного между городами Комсомольск и Кременчуг, находится группа поселений черняховской культуры. На данный момент их известно более десяти. На поселении Дмитровка III стационарные работы проводятся в течение пяти лет. Оно расположено на мысу, находящемся над старицей Псла. За время работ заложено пять раскопов и вскрыто около 700 м^2. Исследовано шесть наземных построек, две с углубленным полом, две хозяйственные постройки, три зерновые ямы и два наземных очага с каменной субконструкцией (***рис. 9***). В связи с особенностями рельефа, испорченного современной распашкой, все глубинные отметки даются от стационарного репера (R0). Разрушение памятника привело к тому, что ближе к краям мыса мощность культурного слоя — 0,4—0,5, а к середине — 1,3—1,5 м, хотя судя по нивелировочным отметкам материка, он залегает более ровно. Особый интерес поселение представляет в связи с тем, что на нем зафиксировано два разновременных горизонта заселения, относящихся к черняховской культуре. Это подтверждается как стратиграфией поселения, так и наличием перекрывающих друг друга объектов. Верхний горизонт (далее горизонт 1), мощностью 0,3—0,4 м, имеет структуру тяжелого сильногумусированного суглинка черного цвета, переходящего в коричневую гумусированную супесь. Далее следует стерильная прослойка также суглинка черного цвета, особо хорошо она фиксируется ближе к краю поселения. Ее возникновение может быть связано со следами наводнения. О разливах Псла 30—40 лет назад в этих местах есть информация от местных жителей. Потому не исключено, что подобные события могли быть и ранее. Второй горизонт (далее горизонт 2) состоит из гумусированной супеси насыщенного коричневого цвета, мощностью 0,3—0,4 м. Далее залегают горизонты поздней и средней бронзы. В данной статье будет дано описание части объектов.

Разрыв в нумерации построек связан с рабочей нумерацией не подтвердившихся объектов.

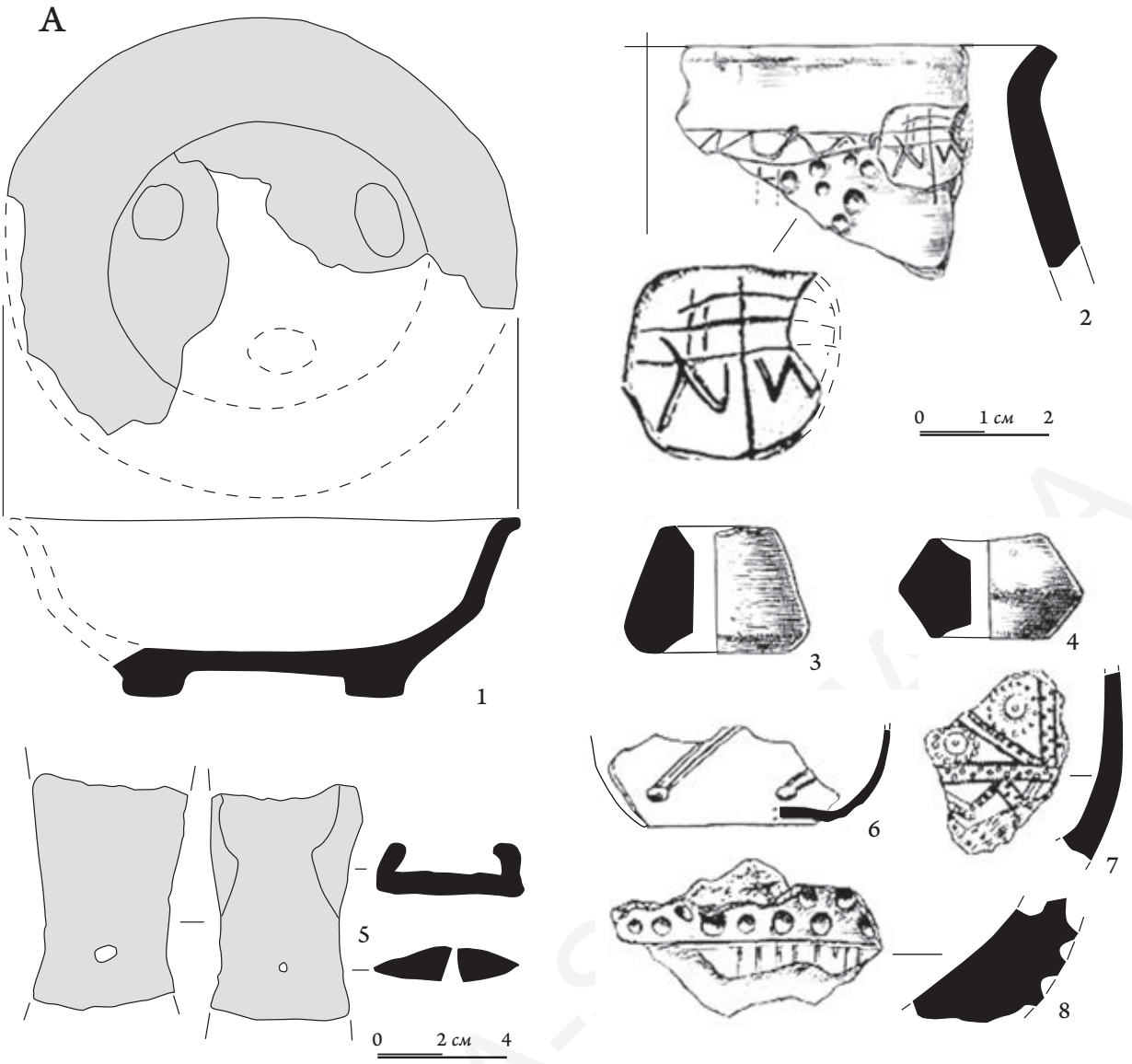

Рис. 8. **Индивидуальные находки, поселение Барбара I.** А: 1—4, 6—8 — глина; 5 — железо.
В: 1, 4—6, 12, 13 — железо; 2 — свинец; 3 — бронза; 7—9 — стекло; 10 — сердолик; 11, 14 — сланец.
Рисунки О. В. Гопкало, Ю. Ю. Башкатова

GERMANIA-CARPATICA II

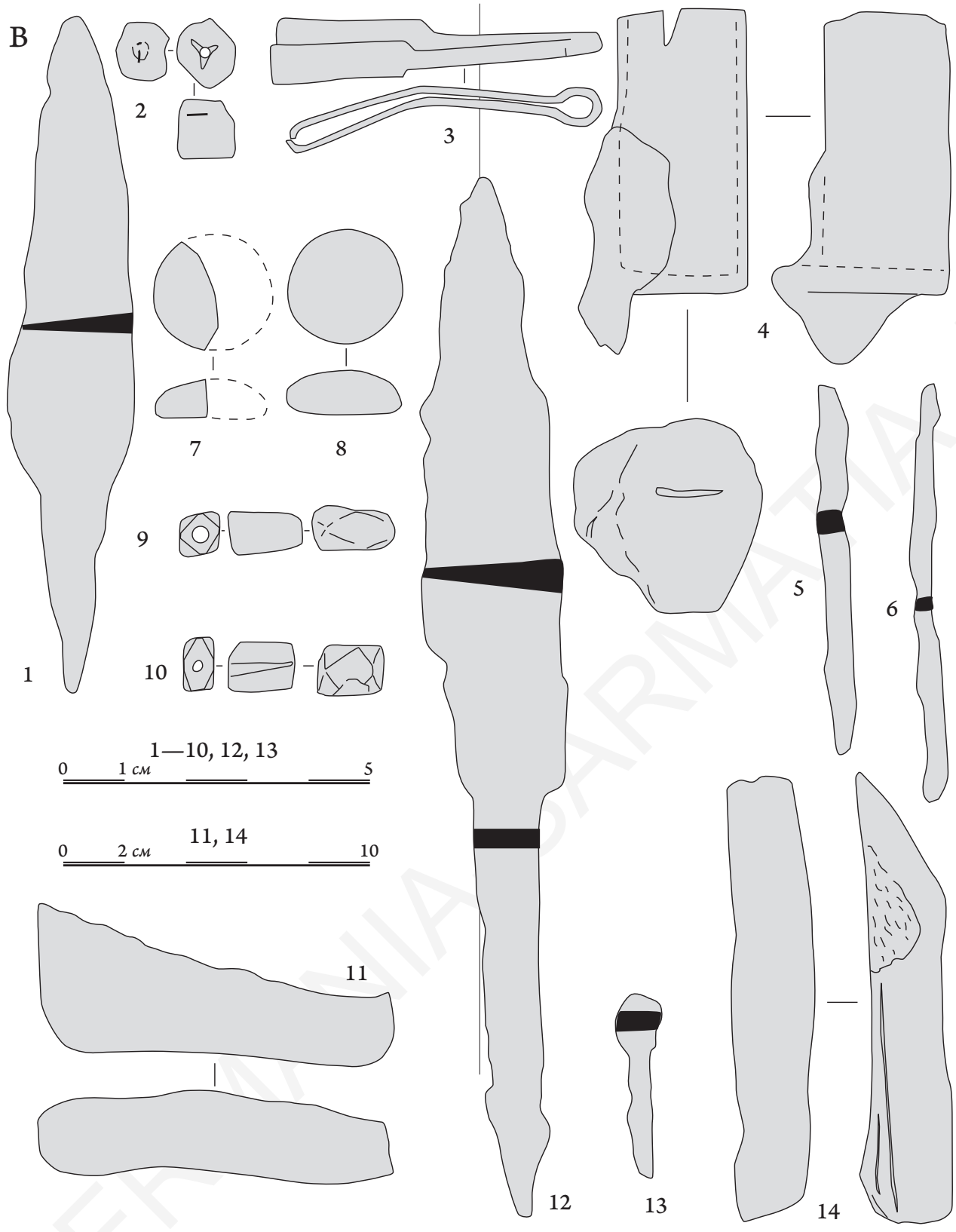

Abb. 8. **Kleinfunde aus Barbara I**. A: 1–4, 6–8 – Ton; 5 – Eisen. B: 1, 4–6, 12, 13 – Eisen; 2 – Plumbum; 3 –Bronze; 7–9 – Glas; 10 – Karneol; 11, 14 – Schiefer. Zeichnungen von O. W. Gopkalo, Ju. Ju. Baschkatov

GERMANIA SARMATICA II

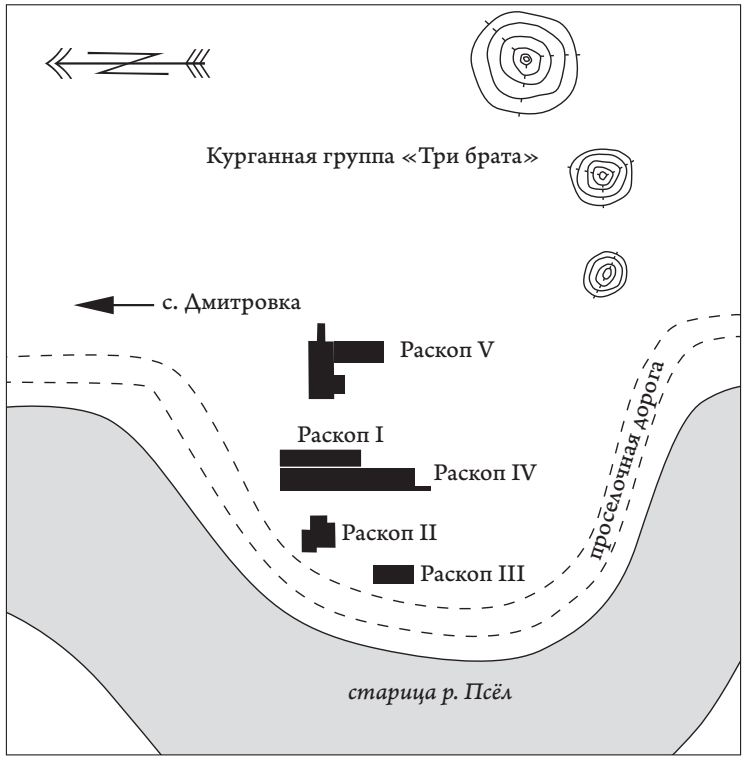

Рис. 9. **Схема поселения Дмитровка III и расположения раскопов**

Abb. 9. **Die Siedlung Dmitrovka III. Die Grubeanordnungen**

Объекты, связанные с горизонтом 1

Постройка 1 выявлена на глубине 0,3—0,35 м от современной поверхности. Она сохранилась в виде нескольких крупных скоплений горелой глиняной обмазки в центральной и южной частях. Оставшаяся часть контура читалась по высокой концентрации мелкодисперсной обмазки в северной и западной частях постройки. Приблизительные размеры сооружения — 3,2 × 2,3 м. Оно вытянуто с севера на юг по длинной стене. В юго-восточном углу сооружения под обмазкой на уровне пола обнаружен скелет ребенка, ориентированный по линии В—З. Он находился в позе «спящего», ноги слегка подогнуты и согнуты в коленях. Правая рука лежала на животе, а левая вытянута вдоль туловища. Длина скелета — 0,5 м. Череп был раздавлен. Вероятный возраст ребенка — от 2 до 4 лет. Какой-либо сопровождающий материал отсутствовал.

После снятия обмазки под южной стенкой выявлен очаг в виде каменной вымостки. В ее субконструкции использовался только камень. Очаг имел вытянутую форму (по оси С—Ю) с клювообразным выступом в сторону в средней части. Возле южного края вымостки — завал горелой глины круглой формы, диаметром около 0,3 м, вероятнее всего, не связанный с конструкцией стен. Глина в отличие от обмазки стен имела желтый цвет и находилась на уровне пола сооружения. Возможно это остатки обмазки деревянного столба. Вымостка постоянно ремонтировалась. Об этом свидетельствует большое количество горелых камней в слое вокруг сооружения, иногда скоплениями по две-три штуки. Керамический материал, найденный в постройке, представлен в основном мелкими фрагментами, но наличие характерной гончарной керамики позволяет отнести сооружение к черняховской культуре. Также среди находок — несколько фрагментов кумпфов.

Очаги 1, 2. На глубине 0,7 м от дневной поверхности обнаружены остатки двух расположенных впритык друг к другу каменных очагов, имевших близкую к подковообразной форму в плане и общие размеры около 0,7 × 1,7 м. Судя по характеру прокала земли в основании очагов, камни выполняли функции стенок, подом был грунт. В субконструкции очагов другие материалы (кроме камня) не использовались. Вокруг были найдены кости животных и керамика черняховской культуры.

Постройка 6 (раскоп IV) выявлена в виде завалов глиняной обмазки разных степеней обжига,

GERMANIA BARBARICA II

пережженных камней и плотного белого суглинка, который присутствовал почти по всей площади завала и частично подстилал обмазку. В центральной части под обмазкой залегала темно-серая почва с включениями мелкодисперсного угля и мелких комков охры (?). Площадь — около 6 м^2. Вполне вероятно, что несколько завалов обмазки, найденной в 2004 г., также были ее частью. В заполнении найден развал лепного горшка (средняя часть) с обсыпной поверхностью, который имеет прямые аналогии в вельбаркских древностях. Также присутствовала гончарная керамика черняховской культуры.

Постройка 7 (раскоп IV) — остатки каменной «вымостки». Уровень выявления — +0,9 м, основание — +0,6 м. Она состояла из камней мелких и среднего размера, следы скрепляющих растворов не выявлены. Из развала камней более или менее четко выделяются остатки, вероятно, «фундамента» длиной около 2,6 м, ориентированного по линии ЮЗ—СВ, и перпендикулярные к нему остатки каменной отмостки длиной 2,2 м. Возможно, что здание было ориентировано углами по сторонам света. Среди камней найдены материалы, связанные с черняховской культурой.

Постройка 9 (раскоп IV) выявлена в виде скоплений фрагментов обгоревшей обмазки разных размеров и состояния обжига, скоплений камней (обожженных и не обожженных). Площадь завалов — около 8 м^2, уровень выявления — +1,05, основания — +0,93 м. Среди завалов найдено большое количество костей животных и материалов черняховской культуры.

Постройка 10 (раскоп V), к которой, возможно, относился также завал обожженной глины, но четкого соединения между ними нет. В целом, как и в большинстве предыдущих наземных зданий, пятно обгоревшей глины было достаточно аморфно и постройка не формировала сплошного массива. Значительная часть имела толщину около 5 см и складывалось впечатление, что это, скорее всего, обмазка крыши. Никаких отпечатков от конструкций зафиксировать не удалось. Контур был очерчен по наибольшим скоплениям фрагментов и концентрации мелкодисперсной обмазки. После снятия верхнего слоя осталось пятно из небольших фрагментов обмазки и мелких пережженных камней. Между слоями заполнения найден железный наконечник стрелы.

Яма 2 выявлена на уровне материка. Судя по сохранившимся остаткам, это была зерновая яма, верхнюю часть которой проследить не удалось. Размеры — 1,25 × 1,25 м. Глубина исследованной части — 0,5—0,6 м. Верхняя часть заполнения была пустой, вероятнее всего, это затек культурного слоя. В процессе выборки выявлено два скопления. Скопление 1 состояло из 30 обожженных камней разного размера, небольшого количества костей, керамики и печины. Скопление 2 — из 11 обожженных камней, фрагментов обмазки, мелких угольков и развала лепного горшка. Также был найден сланцевый оселок. В нижней части яма расширялась и, очевидно, в разрезе имела грушевидную форму; зафиксированы следы обжига материковых стенок.

Отдельно стоят материалы керамических развалов 1, 2, 2а (раскоп V). Уровень выявления развала 1 — +0,9—0,66 м, развала 2 соответственно — +0,75—0,62 м, развала 2а — +0,8—0,72 м. Развалы 1 и 2 перекрывают хозяйственную постройку VIII и находятся на 0,2—0,3 м выше. Главным образом они состоят из лепной посуды. Среди ее фрагментов выделяются несколько форм, которые можно связать с вельбаркской традицией. Большинство же имеет четкие аналогии с керамикой поздней фазы киевской культуры Подесенья и памятников типа Хлопков (*Некрасова, 1988*).

Объекты, связанные с горизонтом 2

Постройка 5 была частично перекрыта очагами 1, 2 и зафиксирована на уровне материка. Размеры — 2,75 × 3 м, пол неровный, под южной стеной почти по всей длине сооружения идет материковый останец высотой 0,12—0,15 м, глубина сооружения — 0,3—0,5 м. Стены ориентированы (с небольшим отклонением) по сторонам света. В полу пять ям: четыре столбовые и одна, возможно, хозяйственная. Столбовые ямы располагались в юго-восточном углу (глубина 0,4 м), северо-западном (глубина 0,6 м) и посредине восточной и западной стен (глубина соответственно 0,55 и 0,5 м). Также в западной части сооружения вблизи материковой стены выявлена яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами 1,1 × 0,5 м и глубиной 0,7—0,8 м

SERVUS-SARMATA II

(глубины всех ям даны от уровня запуска постройки). Возможно, что в сооружении был деревянный настил. Об этом можно судить по остаткам органического тлена толщиной до 5 см, который перекрывал всю площадь здания.

Яма 1. Судя по стратиграфии, яма запущена с основания второго строительного горизонта черняховской культуры, на этом же уровне она читалась как аморфное потемнение, четко зафиксировать ее контуры удалось лишь на материке. По исследованной части — глубина 1,4 м, но по данным стратиграфии, она была глубже как минимум на 0,3 м. В разрезе яма имела характерную грушевидную форму с плечиками. На материковых стенах остались следы обжига. В аморфном пятне, которое фиксировалось изначально, обнаружен фрагмент крупного лепного сосуда-«зерновика» с правкой на гончарном круге. Далее следовало стерильное заполнение. Ближе к придонной части обнаружено большое количество черняховской гончарной керамики и амфорной тары. Также найдены фрагменты того же сосуда-«зерновика», части которого обнаружены выше. Это позволяет предположить, что яма (после прекращения использования как зерновой) сначала использовалась как мусорная, а после была специально засыпана, что позволяет (с определенными оговорками) рассматривать ее как закрытый комплекс.

Хозяйственная постройка 8 (раскоп V) зафиксирована на уровне предматерика и была перекрыта развалами керамики 1 и 2, 2а, которые находились на 0,3—0,4 м выше уровня выявления. Исходя из их залегания можно предполагать, что обломки посуды выбрасывали в затекший котлован. Постройка имела слегка углубленный (0,12—0,15 м) котлован, размерами 3,2 × 1,6 м, стены покатые, пол неровный, ориентирована углами по сторонам света. В северном и западном углах расположены столбовые ямы диаметром около 0,3 м. В южном углу яма смещена вдоль стены, яма в западном углу вынесена за пределы котлована. Найденные материалы относятся к черняховской культуре.

Хозяйственная постройка 12 (раскоп V) зафиксирована на уровне предматерика. Она имела подовальную в плане форму, размеры 2 × 2,2 м, вертикальные стенки, пол понижался к центру.

Объекты раскопа II

Стратиграфия раскопа II значительно отличается от раскопа I. На этом участке зафиксирован только один горизонт застройки. Глубина раскопа была всего 0,4—0,5 м, вероятнее всего, это было связано с повышением уровня материка. К сожалению, точно сказать, с каким из горизонтов синхронны объекты, достаточно сложно. Однако судя по глубинным отметкам, более вероятен горизонт 2. В пользу этого говорит и то, что углубленные объекты, связанные с горизонтом 1, пока не найдены.

Постройка 1. Подпрямоугольной формы со сторонами 2,2, 2,6, 3,2 и 2,3 м, ориентирована по оси З—В с отклонением к северу 20°. В западной стене — небольшой материковый выступ, направленный внутрь сооружения, возможно место входа. Глубина — 0,3—0,35 м от уровня материка. В полу выявлено несколько столбовых ям с пологими стенками: приблизительно посредине восточной стены (диаметр 0,2, глубина 0,12 м), в юго-западном углу (диаметр 0,3, глубина 0,23 м) и посредине северной стены (диаметр 0,16, глубина 0,15 м). В южную стену была врезана яма полукруглой формы, размерами 1,2 × 0,6 м. Ее дно имело следы прокала и находилось на одном уровне с полом сооружения. Также следы обожженности, но более слабые, выявлены в центре постройки. Пол ровный с небольшим повышением к центру.

Яма 2 размерами 1,6 × 1,6 м, глубиной 1,43 м, в разрезе грушеобразной формы. На материковых стенках — следы обжига. Следует отметить практически полное отсутствие материала. Около дна выявлен панцирь черепахи. Однако, вероятнее всего, к заполнению ямы он отношения не имел и его наличие объясняется естественными причинами.

Таким образом, можно заметить, что с каждым из горизонтов поселения Дмитровка связан свой тип сооружений. Горизонт 1 представлен небольшого размера (до 10—12 м^2) наземными постройками с глиняной обмазкой, но крупные ее скопления не обнаружены. Не исключено, что обмазывалась только кровля или стены, но не очень толстым слоем. Следует отметить активное использование камня, как в конструкциях, так и, скорее всего, для разогрева воды. Скопления камней найдены по всему основанию

горизонта, почти все они со следами обжига. Горизонт 2 представлен небольшими по площади (до 10—12 м^2) постройками с углубленным полом. Стены, по-видимому, имели каркасно-столбовую конструкцию. К нему относятся также две небольшие хозяйственные и несколько зерновых ям.

Наличие двух различных строительных и хронологических горизонтов подтверждается и керамическим комплексом. В состав находок из горизонта 1 входит кроме гончарной керамики, характерной для черняховской культуры, лепная посуда (***рис. 10: 1—4, 7***), которую можно связать с южным позднескифо-сарматским населением (*Гаврилюк, Крапивина, 1999*; *Власов, 1999*), и горшки с германской традицией (***рис.10: 5, 6***). О развалах 1, 2, 2а (раскоп V), состоявших главным образом из лепной посуды, сказано выше. Повторим, что выделяются несколько форм, которые можно связать с германской традицией (***рис. 11: 14, 15***). На сегодня, это наиболее южная точка находки материалов, связанных с киевской культурой. Особо интересен биконический сосуд среднего размера с храповатой поверхностью. Он имеет характерную для киевской культуры форму, однако обработка его внешней поверхности и формирование донышка более характерны для вельбаркской культуры (***рис. 11: 13***).

Большинство же форм (***рис. 11: 6—13***), как уже говорилось, имеет четкие аналогии с керамикой поздней фазы киевской культуры Подесенья и черняховских памятников типа Хлопков (*Терпиловский, 1984, табл. 19, 20*; *Некрасова, 1988*). Керамика «южного» облика является наиболее распространенной и встречается как в слое, так и в большинстве комплексов. Также в керамическом комплексе горизонта 1 содержится высокий процент амфорной тары (до 10% по разным раскопам) и небольшое количество фрагментов импортной столовой посуды.

С горизонтом 2 связана керамика гончарная и лепная с южной позднескифо-сарматской традицией (***рис. 12: 1—4***). Следует отметить малое число импортов.

Общее для керамических комплексов обоих горизонтов — небольшое количество лепной посуды. На данном этапе продолжения исследований точные процентные подсчеты не слишком эффективны в связи с тем, что соотношение колеблется в пределах поселения. Также в обоих строительных горизонтах присутствует лепная керамика, которую можно связать с южной позднескифо-сарматской традицией.

Вопрос хронологии поселения до сих пор остается открытым. Практически все датирующие находки горизонта 1 происходят из культурного слоя, и большая их часть — из пахотного. В целом следует отметить, что во всех постройках находки практически отсутствуют. Единственным исключением является железный трехлопастный наконечник стрелы, найденный в постройке X (раскоп V) под тонкой прослойкой горелой глины, возможно обмазкой кровли, примерно на уровне пола. Наконечник залегал в вертикальном положении под небольшим углом, черешок был направлен в сторону напольной части поселения. Можно предположить, что стрела вошла в кровлю после выстрела «навесом». Размеры собственно наконечника — 4,5, черешка — 4, ширина лопастей — 0,5 см, острие утяжелено (***рис. 13: 7; ил. Ia: 5***). Распространение железных трехлопастных стрел с черешковым наконечником И. П. Засецкая, М. М. Казанский связывают с продвижением кочевников, в частности гуннов, эпохи Великого переселения народов (*Засецкая, 1994, с. 37, 38*; *Казанский, 2008, с. 306, 307*). Наиболее близким является тип 3В по И. П. Засецкой. Данный тип — один из наиболее долго существующих, встречается в Крыму, на Северном Кавказе и Венгрии еще в VI—VII вв. (*Засецкая, 1994, с. 36—39, рис. 4*). Пропорции данного наконечника позволяют, вероятнее всего, отнести его к «гуннскому времени». Он, по-видимому, и является наиболее точным верхним хронологическим маркером горизонта 1. В пользу предположения о гибели поселения во время набега свидетельствует то, что все постройки, относящиеся к этому горизонту, сгорели, а также скелет ребенка, найденный в постройке I. Еще одним свидетельством может быть находка наконечника копья (***рис. 13: 11; ил. Ia: 4***) между поселением и отдельно стоящим жилищем или хутором, находящимся примерно в 500 м к востоку от поселения (известно только по разведкам). Наконечник согнут, а острие «расплескано» под небольшим углом, как после удара о нечто твердое. Скорее всего после удара он был утерян. Сам наконечник относится к характерным для германцев «пламевидным», распространенным в IV в.

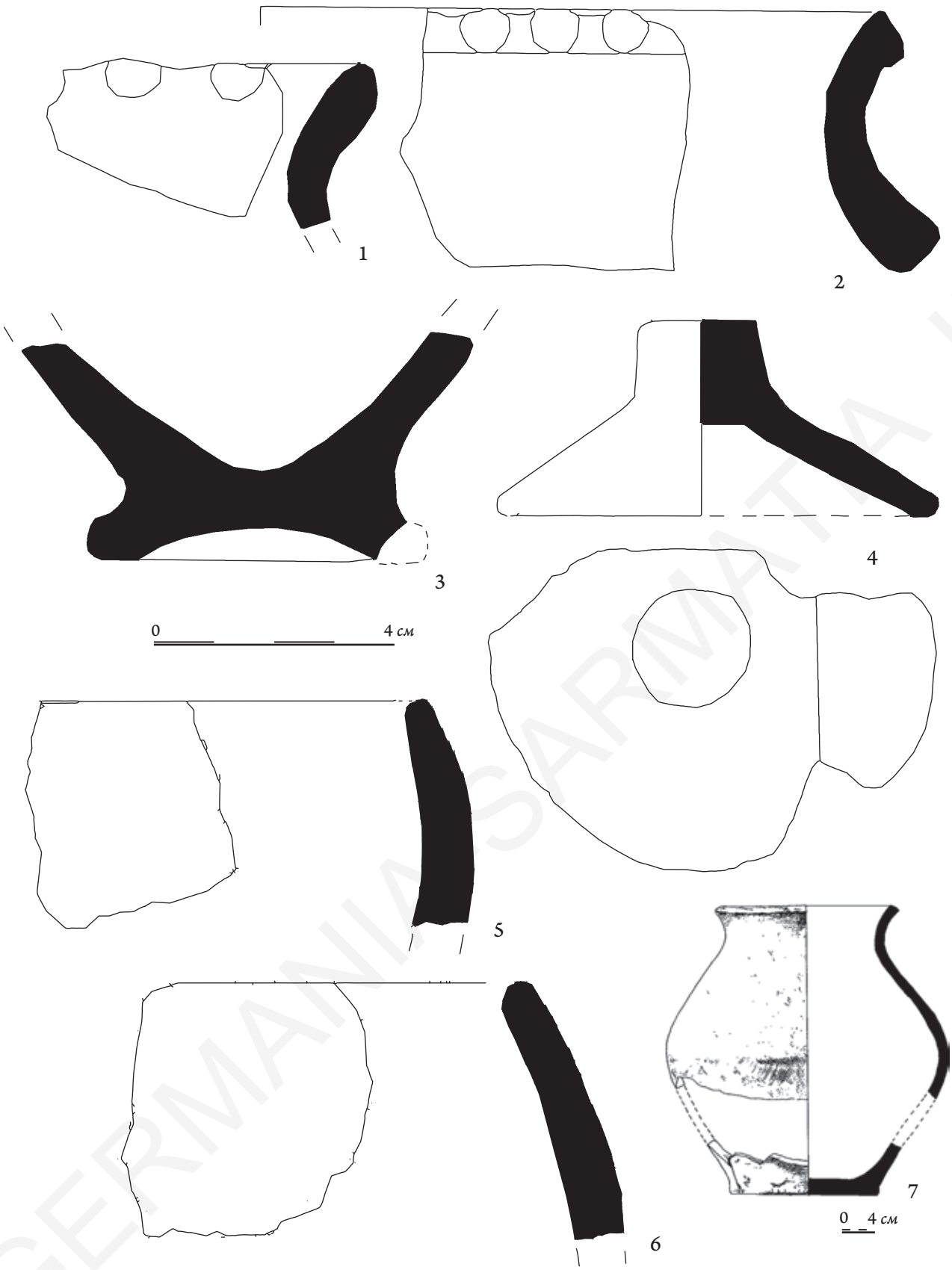

Рис. 10. **Лепная керамика, горизонт 1 поселения Дмитровка III**

Abb. 10. **Die handgemachte Keramik vom Horizont 1 aus Siedlung Dmitrovka III**

GERMANIA SARMATA II

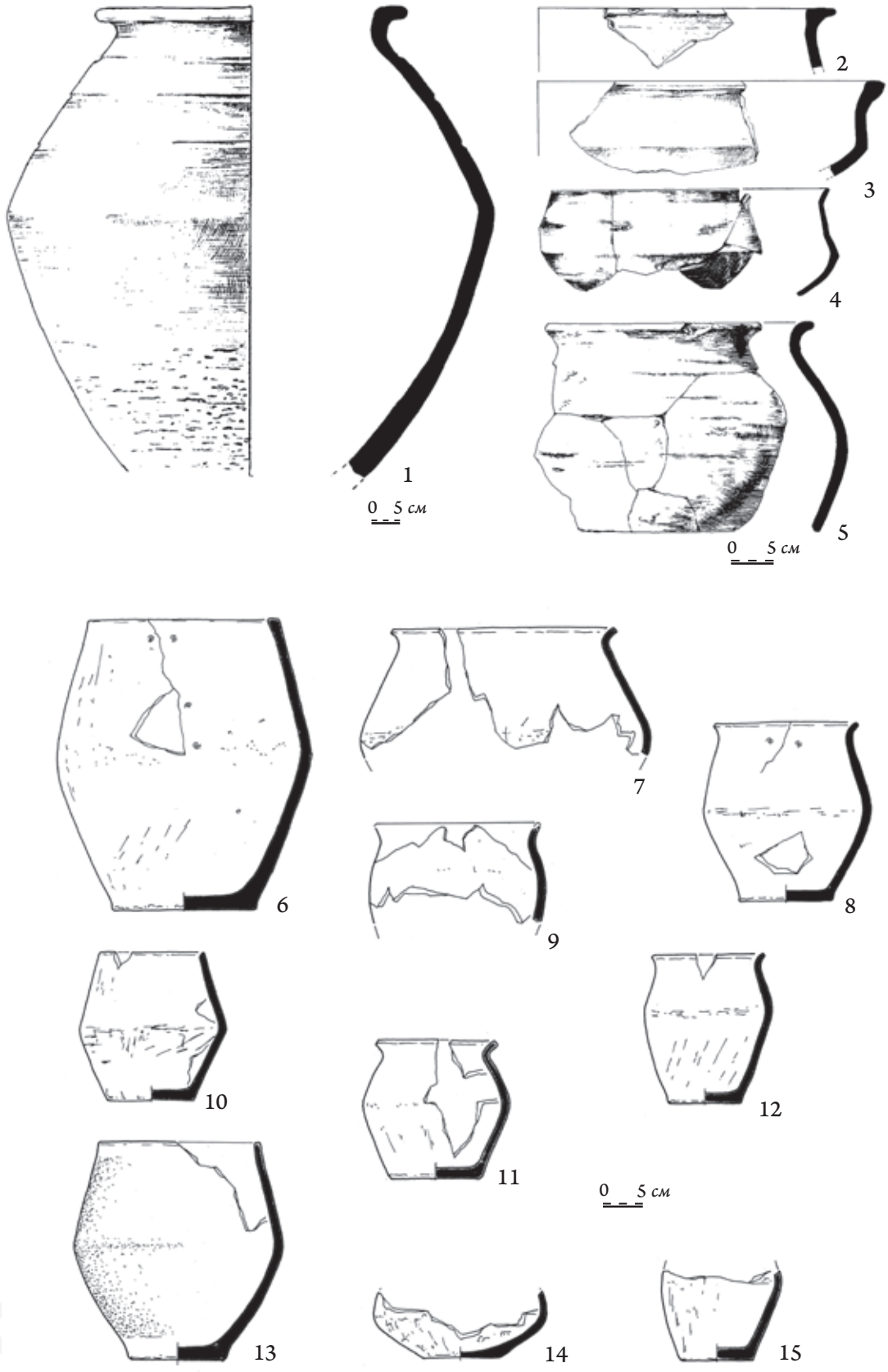

Рис. 11. **Кухонная гончарная и лепная керамика, поселение Дмитровка III**

Abb. 11. **Das grobgemachte Töpfergeschirr und handgemachte Keramik von Dmitrovka III**

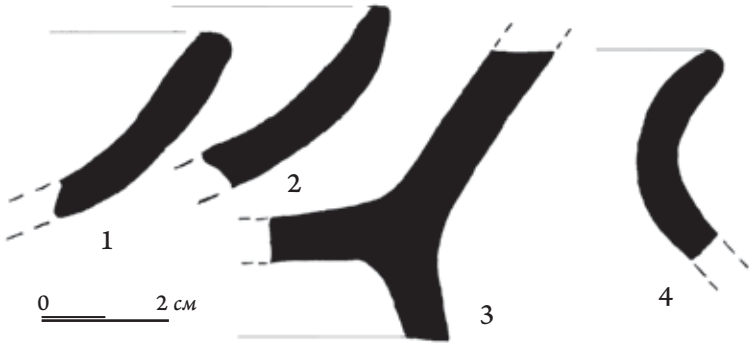

Рис. 12. **Лепная керамика, горизонт 2 поселения Дмитровка III**

Abb. 12. **Die handgemachte Keramik vom Horizont 2 von Dmitrovka III**

Рис. 13. **Индивидуальные находки, поселение Дмитровка III.**
А: 1—5 — бронза; 6, 7 — железо; 8 — серебро; 9, 10 — свинец

Abb. 13. **Die Kleinfunde von Dmitrovka III.** A: 1–5 – Bronze; 6, 7 – Eisen; 8 – Silber; 9, 10 – Plumbum

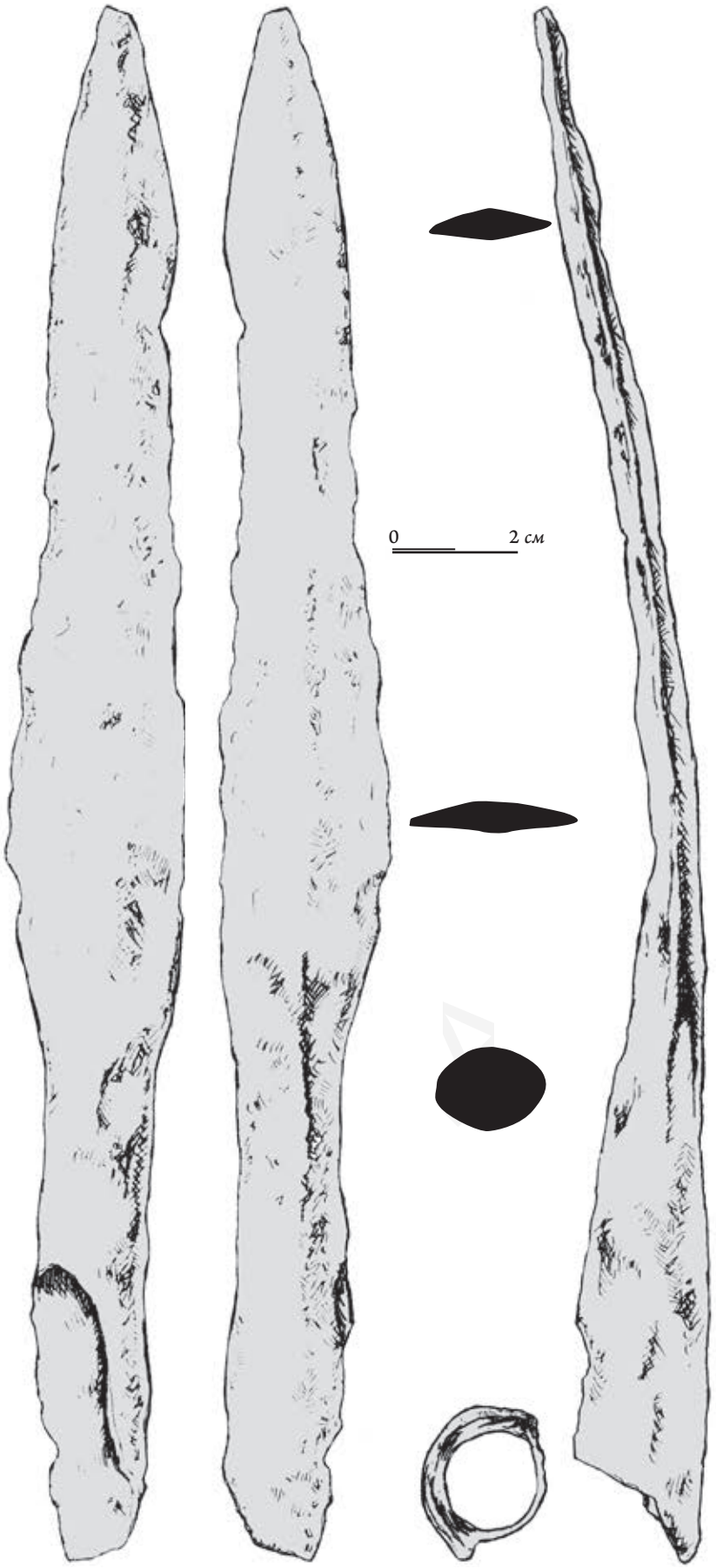

Рис. 13. В: Железо

Abb. 13. B: Eisen

Важный хроноиндикатор — пельтовидная подвеска (***рис. 13: 9; ил. Ia: 1***), найденная рядом (возможно она входила в комплекс, но точно утверждать нельзя) с постройкой X (раскоп V). Подвеска отлита из оловянно-свинцового сплава, ее ширина — 2, высота — также примерно 2 см. На «ушке» остались следы не до конца обрезанных «литников». Орнаментирована с обеих сторон: с лицевой — упрощенная версия классической композиции, с оборота — солярный знак. Полных аналогий подвеска не имеет, но с учетом техники изготовления и стилистики орнамента может датироваться концом IV — началом V в. (*Магомедов, в печати*).

Для датировки горизонта 1 может быть привлечен обломок серебряного зеркала (***рис. 13: 8***) типа Карповка—Анке 4, который появляется на Северном Кавказе в римское время, но наиболее распространен в Северном Причерноморье в V—VI вв. (*Niezabitowska, 2004*; *Мастыкова, 2009, с. 83, 84, рис. 301, 302*). Фибулы, найденные на поселении, дают по большей части более ранние даты. Некоторые (***рис. 13: 3—5***) могут датироваться серединой IV в. Однако, следует отметить, что все они найдены на границе горизонтов и точно определить их принадлежность к первому или второму достаточно сложно. Найденная в пахотном слое спинка бронзовой «воинской» фибулы с частью приемника (***рис. 13: 1***) по типологии О. В. Петраускаса относится к группе 7, периоду D_1 хронологии римского времени (*Петраускас, 2010*). Не исключено, что к данному типу может относиться фрагмент еще одной бронзовой фибулы (***рис. 12: 2***). Железная фибула, также происходящая из пахотного слоя, специально деформирована, возможно, была подготовлена к ремонту (***рис. 13: 6***). Монеты, найденные на поселении, для датирования не пригодны. Из десяти определить удалось девять: это денарии II в. (Марк Аврелий, Адриан, Фаустина, Коммод) (***ил. Ia: 2, 3***). Мало информативны для датировки и фрагменты краснолаковой миски (***ил. Ia: 7***). Они, к сожалению, не дают профиль, что делает датировку чрезвычайно сложной. Следует отметить очень низкое качество лака, что позволяет предположительно отнести миску к достаточно поздним находкам.

Таким образом, наиболее вероятная дата горизонта 1 — «гуннское время», последняя четверть IV—первая половина V в.

Проблемной выглядит датировка горизонта 2. Это связано с тем, что практически нет датирующих находок, четко связанных с ним. Как уже упоминалось, не исключено, что к нему относятся несколько бронзовых фибул. Вероятно к нему относится найденная в нижней части пахотного слоя на краю поселения цилиндро-биусеченно-коническая бусина типа X/2, появляющаяся в конце III в. и существующая весь позднеримский период (*Гопкало, 2008, с. 28*). Такая ситуация может быть связана с описанной выше проблемой разрушения культурного слоя по периферии поселения. Единственная на данный момент находка из основания горизонта 2 — железная пряжка. К сожалению, она в очень плохой сохранности. Больше всего она похожа на вариант 1 из группы простых округлых пряжек по Е. Л. Гороховскому, датируемых концом III — первой половиной IV в. (*1988, табл. 33, 36*). Подобная датировка совпадает со стратиграфической ситуацией. Между первым и вторым горизонтами заселения прошло некоторое время и, скорее всего, имело место наводнение, которое и образовало стерильную прослойку между ними. Однако на момент начала заселения горизонта 1 оставались следы от более ранних углубленных объектов. В пользу этого свидетельствует расположение развалов керамики 1, 2, 2а над хозяйственной постройкой VIII (раскоп V). Было четко зафиксировано, что развалы лежат не строго горизонтально, а с уклоном к центру постройки. Это позволяет предположить наличие остатков котлована, которые были использованы в качестве мусорной ямы. Подобная ситуация и с хозяйственной постройкой XII (раскоп V), над которой четко прослеживалось «проседание» культурного слоя и скопление находок.

Таким образом, наиболее вероятная дата горизонта 2, на наш взгляд, — первая половина IV в.

Выводы

Отметим особенности поселения Барбара I. Во-первых, место расположения памятника — в пойме Днепра — нехарактерно для черняховской культуры, поселения которой преимущественно располагались на высоких террасах с черноземами. Во-вторых, судя по стратиграфии и концентрации материала вокруг постройки 1, поселение однослойное и существовало оно недолго. В-треть-

их, это один из трех стационарно исследованных памятников в данном микрорегионе. Последнее в достаточной степени усложняет определение места поселения Барбара I в ряду черняховских памятников. Однако некоторые выводы, на наш взгляд, можно сделать и в настоящий момент.

В 2005—2006 гг. на поселении вскрыта основная часть усадьбы позднеримского времени. Учитывая стратиграфическую ситуацию и результаты исследований разведывательных шурфов и траншеи, можно допустить, что другая жилая постройка располагалась на стрелке современного мыса и в настоящий момент находится частично под водой, частично в размыве берега. Об этом же свидетельствует высокая концентрация там находок черняховской культуры. Поселение Барбара I, скорее всего, состояло из 3-4 отдельных жилищ с прилегающими крупными земельными участками размером приблизительно 6—7 тыс. м^2.

Ближайший исследованный памятник позднеримского времени — могильник Компанийцы, находящийся на расстоянии около 20 км ниже по течению Днепра. Анализируя материалы могильника, А. М. Обломский (*1997*; *1999*) высказал мнение о существовании на нем участков захоронений, связанных с разными группами населения: вельбаркско-пшеворским, позднескифо-сарматским и носителями традиций киевской культуры.

Результаты раскопок поселения Барбара I, частично подтверждают эти выводы. Так, удалось зафиксировать, что в пределах одного поселения синхронно проживали две группы с разными культурными традициями: западной — германской и южной — позднескифо-сарматской. При этом тип жилища относится к вельбаркской традиции, а место расположения поселения могло бы больше заинтересовать скотоводов.

Возможно еще одно объяснение такого расположения поселения. Согласно местным преданиям, около с. Редуты, в нескольких километрах выше поселения по течению реки, была переправа через Днепр, который в этом месте существенно сужается. В 2—3 км ниже поселения находится с. Келеберда, известное с XVII в. как казацкая крепость, которая должна была препятствовать переправе татар через Днепр в этом месте. Учитывая палеоклиматические данные, которые свидетельствуют о засушливом этапе на рубеже III—IV вв., можно предположить, что уровень воды в Днепре был достаточно низким и переправы в этих местах существовали и в тот период. Можно допустить, что поселение Барбара I находилось в «ключевой» точке около вероятных переправ через Днепр.

Дальнейшая судьба населения также не совсем понятна. Слишком мало информации о памятниках прилегающих территорий, известных лишь по разведкам. Но можно допустить, что население Барбары I было в составе тех, кто продвинулся на север и принял участие в формировании таких поселений, как Боромля II (слой 2), Белополье и других черняховских памятников Днепровского Левобережья с вельбаркской традицией. Об этом может свидетельствовать общее сходство керамических комплексов. Хронологически это также вероятно: поселение Барбара I существовало на рубеже III—IV вв., либо в первой четверти IV в., слой 2 поселения Боромля II датируется второй—третей четвертью IV в. (*Некрасова, 2006, с. 95*), поселение Белополье — не раньше IV в. Но если учесть процент лепной керамики — 31 (*Некрасова, 1994, с. 3, 4*), то можно допустить, что поселение Белополье (слой 2) сформировалось несколько позже поселения Барбара I.

Поселение Дмитровка III, как уже упоминалось, — одно из десяти известных на данный момент в окрестностях с. Дмитровка. Территориально оно расположено на расстоянии около 6 км от впадения Псла в Днепр, на старице. На самом Псле в этом микрорегионе памятники пока не найдены. Говорить о синхронности поселений на данный момент сложно, так как все остальные известны только по разведкам. Однако их количество в любом случае свидетельствует о достаточно непрерывном проживании здесь населения в позднеримское и гуннское время, что могло быть связано с возможными торговыми путями, соединявшими через бассейн Псла значительную часть Днепровского Левобережья с Днепром. О вероятных торговых контактах населения могут свидетельствовать большое количество фрагментов амфорной тары, керамические и стеклянные импорты, связанные с горизонтом 1.

Особый интерес на поселениях Барбара I и Дмитровка III (горизонт 1) представляет состав их жителей. В обоих случаях речь может идти о населении, представлявшем различные этнические группы, объединенные в рамках черняховской

культуры. Подобные результаты подтверждаются и данными по могильнику Компанийцы (*Обломский, 1999*). Сейчас ведутся работы по поиску могильника вблизи поселения Дмитровка III.

В целом, изучение данного микрорегиона, охватывающего участок Днепра в районе впадения Псла с его низовьями, имеет большие перспективы для понимания как процессов переселения населения на Днепровское Левобережье, так и формирования черняховских памятников в целом.

Литература

Башкатов Ю. Ю., Стахів М. П., 2006. Археологічні дослідження поселення Барбара I поблизу м. Комсомольська Кременчуцького району Полтавської обл. // АДУ 2004—2005. Київ.

Бирюков И. Е., 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. (Археология Восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). Воронеж.

Власов В. П., 1999. Лепная керамика из некрополя III—IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Гаврилюк Н. А., Крапивина В. В., 1999. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Поднепровья // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Гей О. А., Сымонович Э. А., 1993. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. (Археология СССР). Москва.

Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дис. … канд. ист. наук // НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 324/1.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников Южнорусских степей. Москва.

Казанский М. М., 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и Лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула.

Козак Д. Н., 1992. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.

Магомедов Б. В., 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Киев.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса // Monumenta Studia Gothica I. Lublin.

Магомедов Б. В., в печати. Оздоби з привісками на пам'ятках черняхівської культури.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце V — середине VI в. н. э. Москва.

Махно Е. В. 1967. Раскопки на Компанийцевском могильнике // Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Вып.1. Киев.

Махно Є. В. 1971. Типи поховань та планування Компанійцевського могильника // Середні віки на Україні. Т.1. Київ.

Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й пол. I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. (Археология Восточноевропейской лесостепи; Вып. 12). Воронеж.

Некрасова Г. М., 1988. Поселення черняхівської культури Хлопків I на Київщині // Археологія. Вип. 62. Київ.

Некрасова Г. М., 1994. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля.

Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев.

Обломский А. М., 1997. Итоги этнокультурного анализа материалов черняховского могильника Компанийцы // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.

Обломский А. М., 1999. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. Вип. 4. Київ.

Обломский А. М., 2002. Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в. н. э.). Москва.

Петраускас О. В., 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) //Археологія і давня історії України. Вип. 2. Київ.

Супруненко А. Б., Кулатова І. Б., Мироненко К. М. и др., 2004a. Старожитності Кременчука, Полтава; Кременчук.

Супруненко А. Б., Кулатова І. Б., Мироненко К. М., 2004b. Старожитності околиць Комсомольска // АЛЛУ. Т. 1.

Супруненко А. Б., Шерстюк В. В., 2006. Нові археологічні дослідження на Кременчуччині. Київ—Полтава

Супруненко А. Б., Шерстюк В. В. 2007. Пам'ятки археології території Галещинського родовища залізистих кварцитів на Полтавщині, Київ; Полтава.

Терпиловский Р. В., 1984. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев.

Шилов Ю. А., Шкляр П. Н., Еремеев С. А. Отчет о раскопках курганов и разведках поселений в Кременчугском р-не Полтавской области (в 1993 г.) // НА ІА НАНУ

Niezabitowska B., 2004. Lustra z kolekcji wrocławskiej // Sarmaci i Germanie. Lublin.

The archaeology of roman Pannonia, 1980. Budapest.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin.

Ju. Ju. Baschkatow

Die Fundorten der Černjachov-Kultur des Südens Mittler Dneprs

Im Beitrag werden die Ausgrabungsmaterialen der Siedlungen der Černjachov-Kultur Barbara I und Dmitrovka III (Komsomolsk Bz., Poltawa Gb.) betrachtet, die vom Autor untersucht wurden. Beider Fundorten sind mehrschichtig und hier die Perioden der mittlerer und späten Bronzezeit, der spätrömische Zeit und der Völkerwanderungszeit vorgestellt. Im Beitrag handelt es sich um die Horizonte der spätrömische und hunnische Zeit. Das Territorium, wo die erwähnten Siedlungen gelegen sind, für diese Zeit ist hauptsächlich nach den Untersuchungen wenig studiert und bekannt. Im Beitrag sind die Häuser, die keramischen Komplexe, die Chronologie betrachtet. Wird über die ununterbrochene Besiedlung des Territoriums vom Ende 3. bis zum Anfang – die Mitten 5. Jahrhunderts gefolgert. Für Dmitrovka III hebt sich zwei Bauhorizonte, die mit einigem Intervall existierten. Für beide Siedlungen sind charakteristisch das Vorhandensein verschiedener ethnokultureller Gruppen (nord-westliche – germanisch, südliche – spätskythisch-sarmatisch, nord-östliche – früslavisch), die gleichzeitig existieren.

GERMANIA SARMATIA II

Акимов Денис Валерьевич

Воронеж

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Воронежского государственного университета

denisakimov@rambler.ru

Д. В. Акимов

Автохтонное население донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов[1]

Территория бассейна верхнего течения р. Дон, который охватывает регион от ее истоков до устья р. Воронеж, была привлекательна для ее освоения людьми на протяжении множества эпох начиная с каменного века. На рубеже древности и средневековья она пережила несколько волн разнонаправленных миграций. Одной из дискуссионных проблем верхнедонской археологии эпохи Великого переселения народов остается вопрос об участии в этнокультурных процессах в регионе в это время автохтонного населения.

На исходе раннего железного века междуречье рек Дон и Воронеж от устья последней и вплоть до границы с лесной зоной находилось под влиянием племен, оставивших памятники, типологически связанные с древностями позднесарматского круга (***рис. 1***). Это курганные могильники типа Ново-Никольского и Вязовского, в которых хоронили представителей господствующего в крае этноса. Погребальный инвентарь является ярким свидетельством его воинской всаднической культуры и, вероятно, кочевого образа жизни, а этнографический облик близок сарматскому (*Медведев, 2008, с. 102, 103*). Другие памятники — типа Ишутинского городища — имеют бытовой характер и оставлены, видимо, зависимым местным населением, проживавшим в этих краях еще с досарматских времен. Оба племенных конгломерата тесно взаимодействовали между собой, их отношения не сводились исключительно к господству-подчинению, фиксируются хозяйственные, бытовые, а также и семейно-брачные контакты (*Медведев, 2000, с. 242*).

К середине III в. н. э. верхнедонские могильники прекращают функционировать, номады покидают регион. Причиной этого события послужил комплекс природно-климатических и исторических факторов (*Медведев, 2008, с. 110*). В дальнейшем рассматриваемая территория последовательно заселяется двумя племенными массивами. Первый, оставивший поселения круга Каширки—Седелок, датируется преимущественно серединой III — началом IV в. (*Обломский, 2007, с. 75*), не исключая середины или даже конца столетия, и связан с киевско-черняховским населением Поднепровья и Днепровского Левобережья (***рис. 1***). Второй, который соотносится с древностями типа Чертовицкого—Замятино, появляется в регионе уже преимущественно в гуннское время (конец IV — рубеж V/VI в.) и включает разноэтничные племенные группы, мигрировавшие из разных регионов Восточной Европы (*Обломский, 2007, с. 76, 77; Акимов, 2007, с. 47—50*). Первый круг памятников представлен пока только поселениями, второй дополняется некрополями

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ по проекту 10-01-56103а/Ц.

SERVICIA ET SARMATIA II

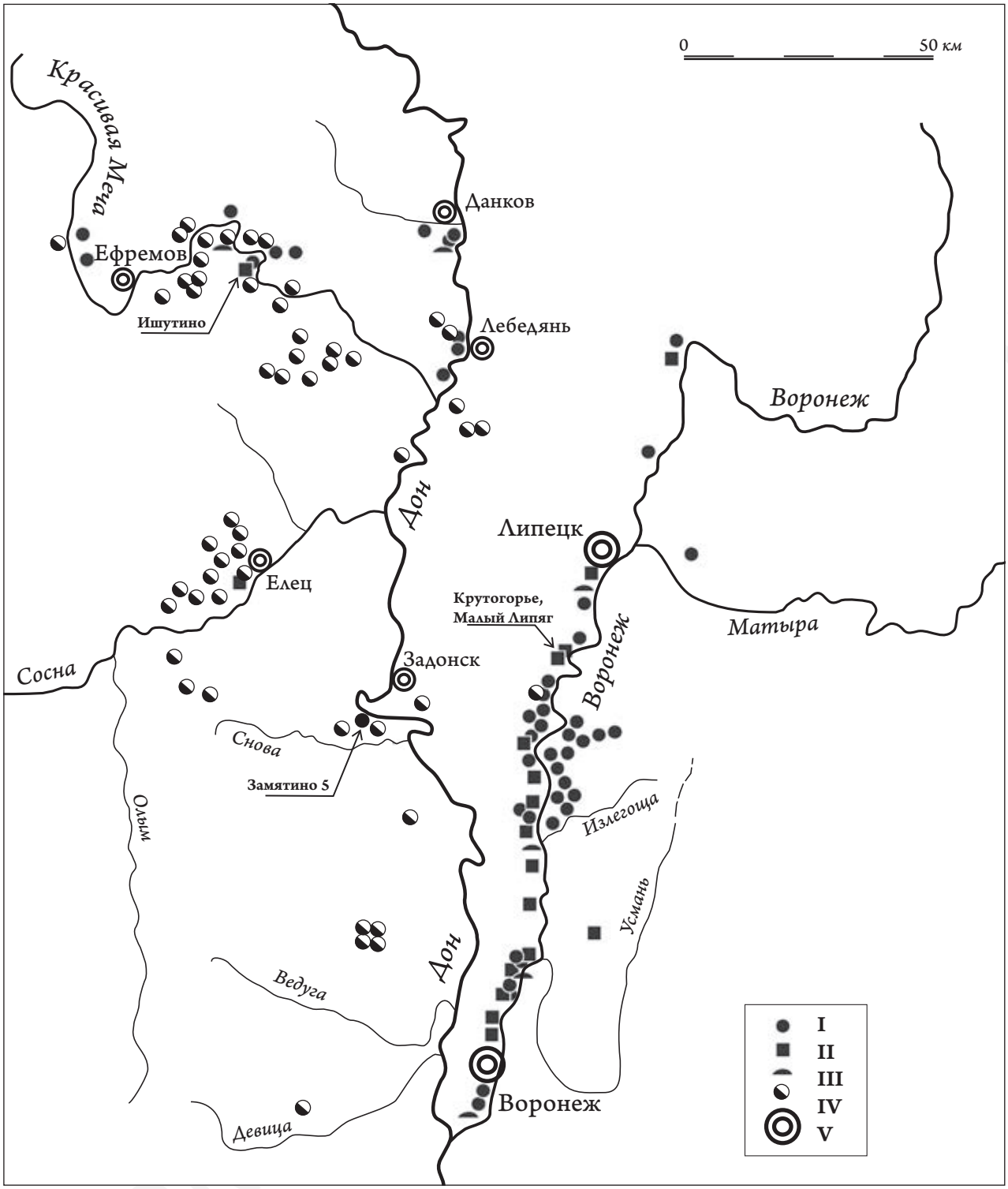

Рис. 1. **Памятники первых веков н.э. и позднеримского времени на Верхнем Дону**
(по: *Медведев, 2008, рис. 53; Обломский, 2009, рис. 1*).
Памятники первых веков н.э.: I — поселения; II — городища; III — курганные могильники.
Позднеримское время: IV — поселения. Современные города — V

Abb. 1. **Denkmäler der ersten Jahrhunderten u. Z. und spätrömischer Zeit auf oberen Don.**
Denkmäler der ersten Jahrhunderten u. Z.: I — Siedlungen; II — befestigte Siedlungen; III — Hügelgrabstätten.
Spätrömische Zeit: IV — Siedlungen. Moderne Städte – V

и отдельными погребениями (типа Животинного) (*Обломский, 2007, с. 77—79*).

Между тем остается актуальным вопрос о судьбе местного оседлого населения после ухода кочевников. Некоторые исследователи полагают, что после середины III в. территория бассейна верхнего течения р. Дон запустевает (*Обломский, 2007, с. 87*). Другие же считают, что оседлое местное население остается в регионе и оказывает влияние на ход этнокультурных процессов в дальнейшем (*Акимов, Медведев, 2004, с. 126*).

В пользу первой точки зрения свидетельствует отсутствие на сегодняшний момент археологических памятников местного населения, которые надежно датировались бы позднеримским временем. Это научный факт, оспаривать который бессмысленно. Тем не менее, в археологической науке известно множество случаев, когда «отсутствие» памятников как таковых впоследствии заполнялось множеством местонахождений и объяснялось уровнем развития соответствующих научных знаний, недостатками поисковой методики, либо имело другие причины. Позволю себе напомнить о том, что еще около полутора десятка лет назад в лесостепном Подонье «отсутствовали» какие-либо древности эпохи Переселения народов, известные сейчас в десятках археологических объектов.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ всех археологических свидетельств, прямых или косвенных, которые бы могли стать аргументами в пользу второй точки зрения.

Хроноиндикаторы. Одним из наиболее известных верхнедонских памятников, оставленных местным оседлым населением, является городище Ишутино на р. Красивая Меча — правом притоке Дона (***рис. 1***) (*Разуваев, 1998*). Его культурный слой содержит материалы, типичные для позднесарматской эпохи в регионе, находок древностей типа Каширки—Седелок и Чертовицкого—Замятино в нем не встречено. С этого городища происходит фрагмент бронзового зеркала, относящегося к типу с центральной петлей и рельефным орнаментом на обороте (***рис. 2: 1***) (*Разуваев, 1998, с. 85, рис. 3: 6*). Такие изделия не встречались в позднесарматских погребениях на Верхнем Дону. Известно, что они получают широкое распространение в алано-сарматской среде не ранее середины III в. н. э. и бытуют вплоть до раннего средневековья (*Скрипкин, 1984, с. 48; Абрамова, 1997, с. 118, 119*). Этим данным, за единичным исключением, не противоречат и наблюдения на некрополе Танаиса (*Арсеньева и др., 2001, с. 211, 214, табл. 91, 92*). Отмечу между делом, что подобные вещи встречались неоднократно среди древностей гуннского времени: на поселениях типа Чертовицкого—Замятино и в погребениях типа Животинного.

Поселение Замятино 5 является одним из эталонных памятников гуннского времени на Верхнем Дону (***рис. 1***). Однако и в позднесарматское время на том же месте функционировал поселок, отмеченный, прежде всего, находками характерной лепной керамики (*Обломский А. М., 2004, с. 57*). В слое селища найден обломок фибулы-сюльгамы, относящейся к кругу эмалей (***рис. 2: 2***) (*Обломский А. М., 2004, рис. 112: 3*). Специалистами установлено, что аналогичные изделия бытовали на территории киевской культуры не ранее конца III — IV в. (*Гороховський, 1982, рис. 6; Обломский, Терпиловский, 2007, с. 118*), что для слоя гуннского времени слишком рано. В таком случае верхняя хронологическая граница существования предшествующего поселения «омолаживается» приблизительно на полвека.

Городище Малый Липяг, расположенное на р. Воронеж, также многослойное: памятник функционировал и в первые века н. э., и в гуннское время (***рис. 1***). В слое городища обнаружена железная двучленная воинская фибула с бронзовой осью для пружины (***рис. 2: 3***) (*Козмирчук, Разуваев, 2001, с. 76, рис. 6: 1*). А. К. Амброз относил такие вещи к IV в. (*1966, с. 70*). Аналогичную по форме и размерам застежку из Журавки Е. Л. Гороховский датирует серединой III — началом IV в. (*1988, с. 43, рис. 1: 36*). По мнению О. А. Гей и И. А. Бажана, воинские фибулы в черняховской культуре массово распространяются с 310/320 до 350/355 г. (*1997, табл. 68*). В киевской культуре аналогичное изделие Р. В. Терпиловский датирует последней третью III—первой половиной IV в. (*Терпиловский, 2004, с. 43*). На некрополе Танаиса воинские фибулы встречены в погребениях V в., правда, все они, кроме одной, более крупные и отличаются от верхнедонской (*Арсеньева и др., 2001, с. 207*). Отсюда следует, что воинская фибула на Малом

Липяге вполне могла появиться в позднеримское время и датировать верхнюю границу поселения автохтонного населения. Иначе бы пришлось согласиться с появлением древностей типа Чертовицкого—Замятино ранее гуннского вторжения в южнорусские степи.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно утверждать, что как минимум на трех поселениях лесостепной зоны верхнедонского бассейна верхняя хронологическая граница слоя с характерными находками, маркирующими присутствие местного населения, может быть отодвинута до рубежа III/IV — второй половины IV в. Кроме описанных, есть и другие находки, датировка которых только гуннским временем вызывает вопросы (*Акимов, 2003, с. 103, 104; 2007, с. 49*), однако дискуссии по хронологии выходят за рамки данной работы.

Еще более интересные данные по хронологии донских древностей эпохи Великого переселения, на мой взгляд, дает археологический комплекс, раскопанный нами на городище Крутогорье в 2008 г. (***рис. 3***).

Постройка 2 городища Крутогорье. Городище Крутогорье находится в среднем течении р. Воронеж, на соседних мысах с городищем Малый Липяг (***рис. 1***). Очевидно, часть своей истории оба поселения функционировали одновременно, дополняя друг друга.

Постройка 2 частично попала в поле нашего зрения в полевом сезоне 2007 г. при зачистке обрушающегося обнажения оврага. Тогда мы приняли ее за следы дерево-земляных укреплений. В полевом сезоне 2008 г. этот объект был исследован полностью по методике археологических раскопок построек.

Выяснилось, что он представляет собой котлован полуземлянки, длинными стенами ориентированный по линии СЗ—ЮВ (***рис. 3: 1***). Сооружение имеет прямоугольную форму, размерами примерно 2,9 × 5,4 м, с ровными стенками, полого спускающимися к плоскому дну. К северо-западной короткой стенке котлована примыкает полукруглая ступенька-пандус, размерами примерно 0,8 × 1,9 м, которая, очевидно, отмечает место входа. Северный угол котлована более глубокий, в нем устроена хозяйственная яма. В этой яме, по-видимому, горел огонь, ибо все ее заполнение и дно было усыпано мелкими угольками. Очаг, вероятно, использовался для обжига глиняных грузил, два плохо обожженных экземпляра которых остались *in situ* на дне ямы (***рис. 3: 10***).

Заполнение котлована представляло собой сплошной гумусированный перемешанный грунт с обильными включениями обожженной глиняной обмазки, угля и других продуктов горения. В верхней части заполнения вдоль северной стены котлована и на небольшом удалении от нее практически на одном стратиграфическом уровне зафиксированы несколько параллельно лежавших обгорелых деревянных плах. Еще две открыты вдоль южной стены. Создается впечатление, что это дерево — остатки конструкции потолка или облицовки стен сгоревшего дома.

В заполнении ниже уровня горелого дерева были сделаны многочисленные находки. Прежде всего это обломки лепной керамики, в том числе 12 фрагментов верхних частей сосудов. Большая их часть принадлежит крупным горшкам с прямым раструбовидным горлом, имеющим в месте перехода в тулово изнутри четко выраженное ребро (***рис. 3: 1—3, 5—7***). Два из них не были орнаментированы, три имели крупные ромбовидные вдавления, еще три — косые насечки. Один фрагмент горла принадлежал груболепному сосуду с резко отогнутым наружу венчиком (***рис. 3: 4***). Остальные типологически трудноопределимы.

Из находок гончарной керамики обращают на себя внимание два фрагмента: край сероглиняного сосуда с шероховатой поверхностью (***рис. 3: 8***) и обломок полой ножки сосуда оранжевого цвета, вероятнее всего, античной амфоры (***рис. 3: 9***). Лощеная керамика в заполнении ниже уровня горелого дерева не найдена.

Вещевые находки представлены различными предметами. Как уже отмечалось, относительно хорошо сохранились два глиняных грузила. Это плохо обожженные пирамидальные изделия со скругленной верхней частью. Высота сохранившегося экземпляра — не менее 12, ширина основания — не менее 7,5 см (***рис. 3: 10***). Еще один фрагмент позволяет реконструировать глиняное грузило в форме круга относительно большого диаметра. Что характерно, на площади самого городища обнаружено более сотни фрагментов глиняных грузил, но подобные изделия были

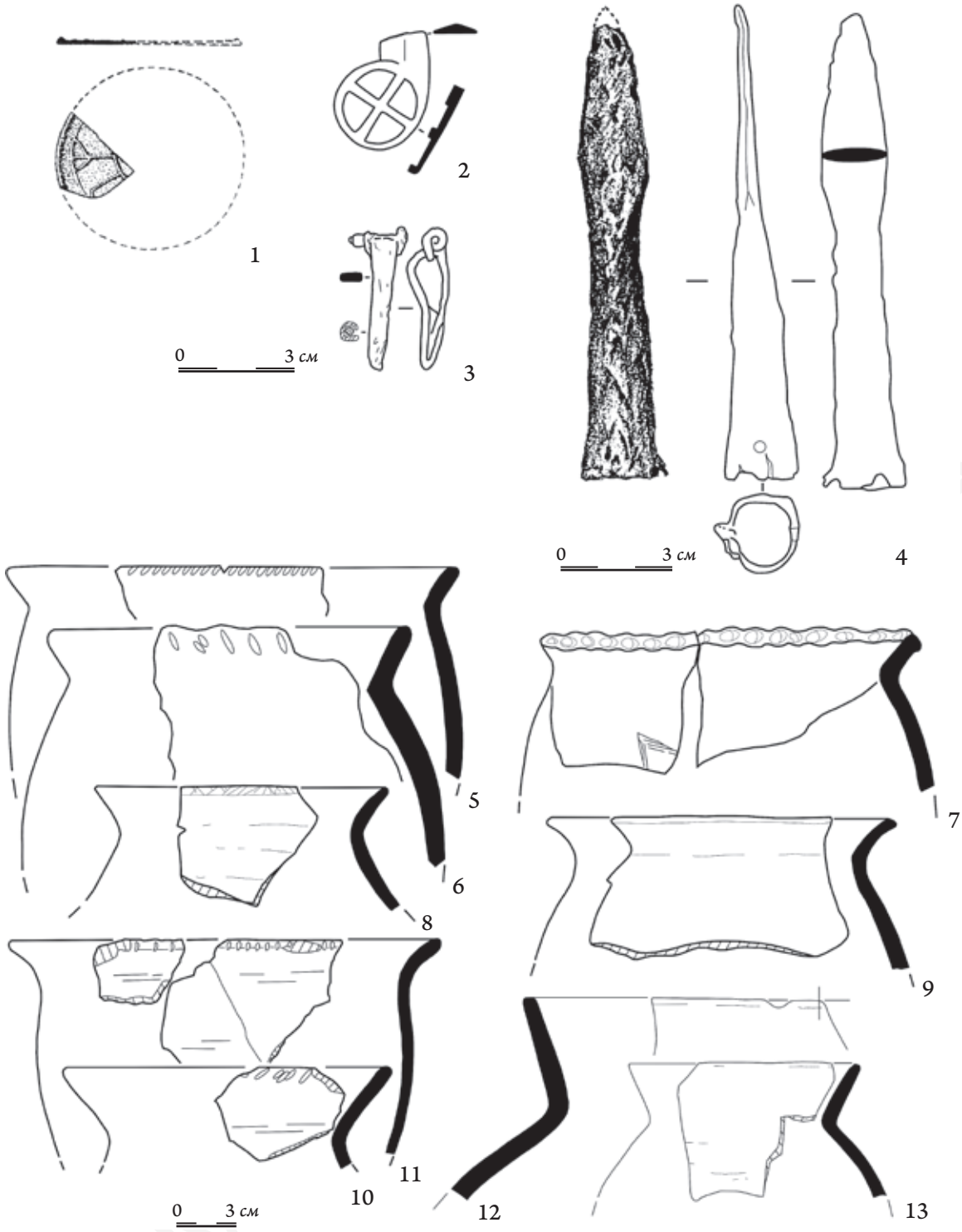

***Рис. 2*. Находки на некоторых памятниках бассейна верхнего течения Дона, относящихся к эпохе Великого переселения народов**:
1 — Ишутинское городище; 2 — Замятино 5; 3 — городище Малый Липяг; 4 — Малая Трещевка 2; 5, 8, 9, 12, 13 — Замятино 8; 6, 7 — III Чертовицкое городище; 10, 11 — Староживотинное 3. 1, 2 — бронза; 3 — железо, бронза; 4 — железо; 5—13 — лепная керамика

***Abb. 2*. Funde auf einige Denkmäler des Stromgebietes des oberen Dons, die zur Epoche der Völkerwanderung gehören**:
1 – befestigte Siedlung Ischutinskoe; 2 – Zamjatino 5; 3 – befestigte Siedlung Malyj Lipjag; 4 – Malaja Treschtschewka 2; 5, 8, 9, 12, 13 – Zamjatino 8; 6, 7 – befestigte Siedlung III Tchertovitzkoe; 10, 11 – Starozhivotinnoe 3. 1, 2 – Bronze; 3 – Eisen, Bronze; 4 – Eisen; 5–13 – Stuckkeramik

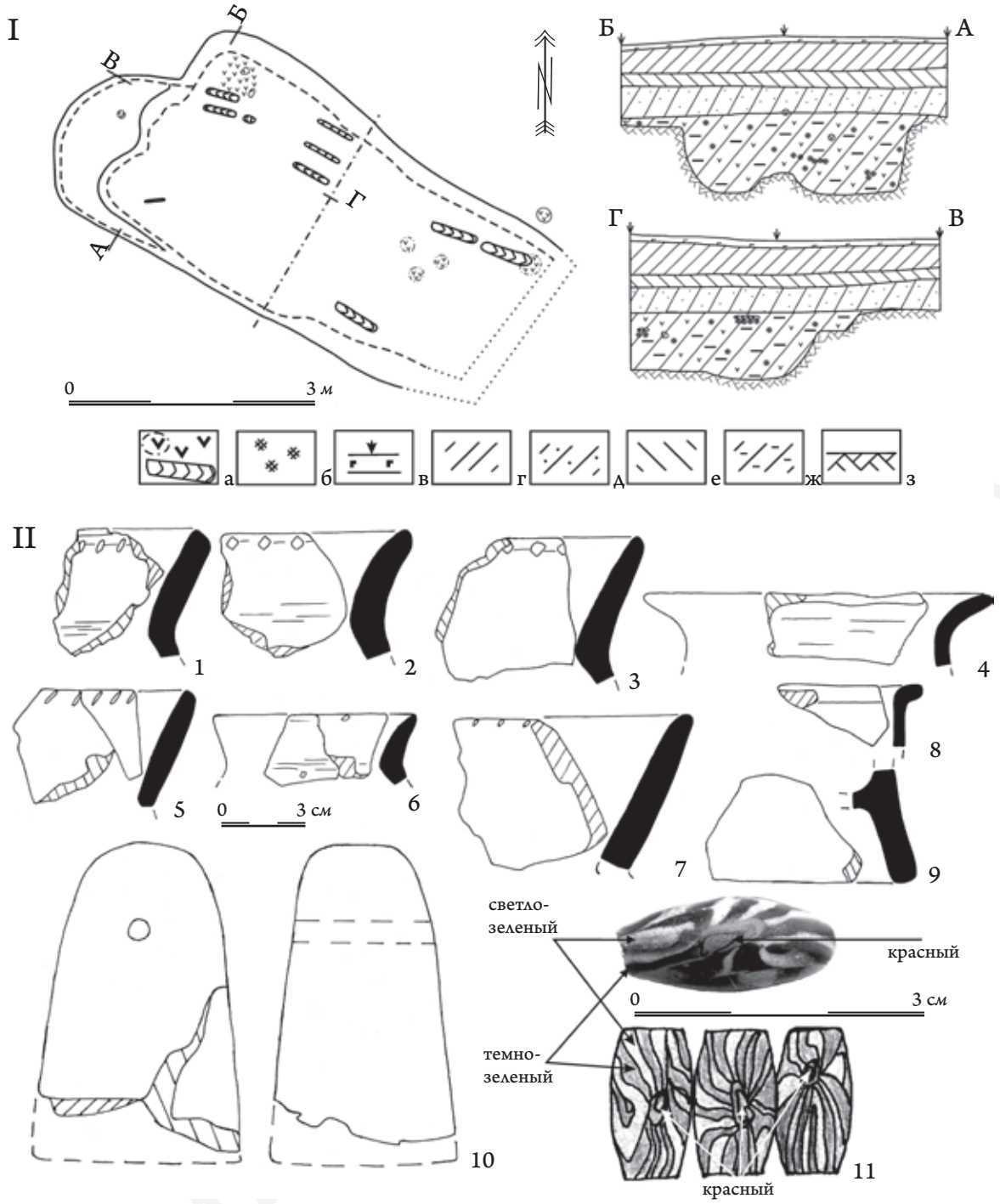

***Рис. 3.* Городище Крутогорье. Комплекс постройки 2.**
I — план и профили постройки: а — угли и их скопления, горелое дерево; б — обожженная глиняная обмазка; в — дерновый слой; г — чернозем; д — светло-коричневая супесь; е — грунт насыщенного черного цвета; ж — серо-коричневый перемешанный суглинок; з — материк (глина).
II — находки из заполнения. 1—7 — лепная керамика; 8, 9 — гончарная керамика; 10 — глина; 11 — полихромное стекло

***Abb 3.* Befestigte Siedlung Krutogorje. Komplex des Baues 2.**
I – Bauplan und Bauprofile: а – Kohle in der Anhäufung, verbranntes Holz; б – verbrennende tönerne Tünche; в – Rasenschicht; г – Schwarzerde; д – hell-brauner Sandboden; е – der Boden der saturierten schwarzen Farbe; ж – der grau-braune vermischte Lehmboden; з – Urboden (Ton).
II – Funde aus der Anfüllung. 1–7 – Stuckkeramik; 8, 9 – Töpferkeramik; 10 – Ton; 11 – polychromische Glas

меньше по размеру и, насколько позволяют судить их остатки, все исключительно конической, а не пирамидальной формы. Зато на соседнем памятнике в урочище Малый Липяг найдены как раз аналогичные описанным выше грузила (*Козмирчук, Разуваев, 2001, рис. 6: 7—9*), которые, впрочем, авторы отнесли к городецкой культуре.

Датировать крутогорскую постройку 2 позволяет находка в придонной части котлована эллипсовидной полихромной бусины «арбузной» расцветки с добавлением красного стекла (***рис. 3: 11; ил. Ib: 3***). Длина бусины — 2,4, диаметр — 1 см. Изделие состоит из трех спаянных между собой частей, каждая из которых выполнена в технике «миллефиори». При изготовлении использовалось глухое стекло светло- и темно-зеленого, а также красного цветов. Подобные бусы известны в Северном Причерноморье от кавказского побережья до Крыма, в том числе в Танаисе и Фанагории, а кроме того и на Дунае. Е. М. Алексеева называет такую технику расцвечивания бус «мраморировкой» и датирует их широко — от I до VI в. н. э. (*Алексеева, 1982, с. 44, 45*). Однако В. Иванишевич, М. Казанский и А. Мастыкова оспаривают столь широкую датировку, считая ее необоснованной. По мнению исследователей, такие украшения датируются не ранее середины V в. (*Ivanišević et al., 2006, p. 79*). В материалах дунайского могильника Виминациум имеются полные аналогии крутогорской бусины как по расцветке, так и по форме (*Ivanišević et al., 2006, p. 78, 79, fig. 67: 57*).

Иного объяснения происхождения комплекса постройки 2 Крутогорья, кроме как в рамках гипотезы о доживании традиций местного населения до гуннского времени, я предложить пока не могу.

Лепная керамика, как известно, является одним из самых надежных этнокультурных признаков, поскольку изготавливается на месте и хранит керамические традиции многих поколений (*Бобринский, 1978, с. 26*). Комплекс лепной посуды верхнедонских памятников позднеримского и гуннского времени представлен преимущественно горшками и горшковидными сосудами, которые весьма разнообразны по форме и составляют более десятка разновидностей (*Акимов, Медведев, 2002, с. 162—165*). Большинство их находит надежные параллели среди лепной посуды киевской и черняховской археологических культур. Однако есть формы, аналоги которым имеются вне обозначенных общностей. Таковы, в частности, сосуды, отнесенные нами к типу III (*Акимов, Медведев, 2002, с. 163*). Это округлобокие горшки с резким перегибом основания шейки в виде излома (***рис. 2: 5—10, 12, 13***). Максимальное расширение их тулова, насколько позволяют судить сохранившиеся фрагменты, приходится преимущественно на верхнюю треть высоты. Шейка, как правило, средней высоты или высокая, иногда орнаментированная по краю венчика косыми насечками (*Медведев, 1998, рис. 17: 2, 3; Акимов, Медведев, 2002, рис. 1: 6—8; Обломский, 2004, рис. 21: 9; 25: 9; 28: 4; 32: 2; 33: 6; 37: 12; 42: 3; 70: 5; 76: 3; 78: 5*). По моим подсчетам, в которые были вовлечены не только крупные формы, сохранившиеся до места максимального расширения тулова, но и, ввиду их типологической определимости, фрагменты шеек груболепных горшков, сохранившие характерные перегибы, сосуды III типа составляют до 13% комплекса типологически определимой керамики памятников типа Черовицкого—Замятино.

Для начала следует отметить, что подобная посуда встречается и в ареале черняховской культуры, преимущественно в Нижнем Поднепровье и Северном Причерноморье (памятники типа Каменки—Анчекрак), на что неоднократно обращали внимание исследователи (*Обломский, 2004, с. 150, рис. 139; Акимов, 2008, с. 164, рис. 1*). Однако там устойчивая традиция орнаментировать венчики горшков не сложилась (*Магомедов, 1987, рис. 17: 1, 2, 5; 2001, рис. 26: 5, 6*), хотя изредка подобные украшения сосудов все же встречаются (*Магомедов, 1987, рис. 17: 7*).

Другой круг аналогий этим же сосудам А. М. Обломский находит в культурах лесной зоны бассейна рек Ока и Москва — мощинской, дьяковской, рязано-окских могильников (*Обломский, 2004, с. 150, рис. 143*). Как мне кажется, он содержит более близкие параллели донской керамике как по форме, так и по орнаментации. В частности, отличительной чертой мощинских горшков является оформление их венчика насечками, реже вдавлениями, по торцевому срезу (*Массалитина,*

2008, с. 112). Такой орнамент действительно отмечен на некоторых сосудах типа III из Замятино и одном — Староживотинного 3 (***рис. 2: 5, 7, 8***).

Последние обстоятельства стали основанием для возникновения гипотезы о массовой миграции части населения окского бассейна в донскую лесостепь в гуннское время (*Обломский, 2004, с. 156*). На мой взгляд, эта версия, очевидно имея право на существование, требует дополнительной аргументации. Ведь происхождение лепной посуды описанного типа могло быть связано и с сохранением местных верхнедонских керамических традиций, поскольку именно такие горшки преобладали здесь на поселениях позднесарматского времени, составляя около 50% всех форм (*Медведев, 1998, с. 44*). Традиции преемственности, по моему мнению, демонстрирует обнаруженное на Староживотинном 3 скопление керамики, из которого типологически реконструируются два сосуда, связанные по морфологии с традициями местной позднесарматского времени и киевской культур (***рис. 2: 10, 11***). Особо примечательно, что по фактуре керамического теста и способу обработки поверхности открытый горшок с плавным перегибом профиля соответствует керамическим образцам первых веков н. э. (***рис. 2: 11***), а раструбовидное горло второго — от груболепного сосуда (***рис. 2: 10***). Многочисленные фрагменты обоих горшков, найденные в скоплении, практически исключают их случайное совмещение в слое. Что касается появления в лесной зоне аналогичной горшкам типа III посуды, то, как полагают некоторые исследователи, оно могло произойти как раз в результате переселения носителей этой традиции с территории лесостепного Подонья в начале н. э. (*Румянцева, 2007, с. 251, 252, 254*).

Фиксируя возможные следы автохтонного населения в лесостепном Подонье в гуннское время, нельзя не отметить факт использования и сооружения укрепленных поселенческих центров. Анализ их конструктивных особенностей привел нас к убеждению, что они во многом соответствуют местным традициям, восходящим к позднесарматскому периоду (*Бирюков, Акимов, 2008, с. 133*).

Интересные для настоящего исследования результаты дает картографирование ареалов различных типов древностей на Верхнем Дону накануне и в эпоху Великого переселения народов (***рис. 1***). Так, основной массив памятников сарматского времени сосредоточен в междуречье Дона и Воронежа (*Медведев, 2008, рис. 53*). Кроме этого небольшие их группы зафиксированы в бассейне правого донского притока — р. Красивая Меча, а также между устьями ее и р. Вязовка (район современного г. Данков). Главный же конгломерат древностей круга Каширки—Седелок сосредоточен на правобережье Дона, преимущественно в бассейне его правых притоков — Красивой Мечи и Быстрой Сосны (*Обломский, 2007, рис. 1*). При этом добавлю, что ландшафты донского лесостепного правобережья и междуречья Дона и Воронежа весьма схожи и существенно изменяются только к востоку от р. Воронеж.

Судя по распространению материалов типа Каширки—Седелок, мигранты, их оставившие, были весьма многочисленны. Что же помешало тогда им освоить и разветвленную речную систему доно-воронежского междуречья? На мой взгляд, именно потомки местных племен могли стать этим препятствием. Единичные памятники пришельцев на левом берегу Дона только подтверждают эту мысль — освоение планировалось, но не состоялось. Что же до частичного совпадения обоих ареалов на Красивой Мече, то здесь ныне датированные и, очевидно, синхронные позднему слою Ишутино селища у с. Каширка и Писарево расположены не только в двух десятках километров южнее, но и в принципиально иных ландшафтных условиях. Ишутинское городище занимает высокий (до 35 м) мыс главной реки бассейна, а поселки круга Каширки—Седелок — склоны оврагов и террасы ее малых притоков и ручьев.

Враждебные отношения между пришлыми и коренными племенами наиболее вероятно объясняют практически полное отсутствие свидетельств контактов между ними. Редкие исключения, такие как, например, немногочисленные находки фрагментов лепных горшков III типа на поселении у с. Малая Трещевка (*Акимов, Медведев, 2008а, с. 82, рис. 3: 6; 2008б, с. 27, рис. 3: 6*) только подтверждают общую тенденцию. Кстати, там же была сделана и едва ли не единственная среди древностей круга Каширки—Седелок находка оружия — наконечник копья, обнаруженный в непосредственной близи от стен сгоревшего наземного дома (***рис. 2: 4***). Его форма маловыразительна, однако

он имеет аналогии среди наконечников копий III типа, найденных в могильниках типа Ново-Никольского и Вязовского (*Медведев, 1990, с. 151, рис. 35: 13; 45: 11*).

Таким образом, подводя общие итоги, можно констатировать, что следы присутствия в регионе лесостепной части донского бассейна автохтонного населения, хотя и весьма смутные, но все же имеются. Что же это за племена, что нам может быть известно о них?

Согласно исследованиям А. П. Медведева, в лесостепной части верхнего течения р. Дон коренное оседлое население проживало на протяжении всей эпохи раннего железного века. Автор связывает его с упомянутым у Геродота народом будинов (*Медведев, 1999, с. 137—141*). Археологически он соотносится с так называемой среднедонской культурой скифского времени, но племена, ее оставившие, сохраняли этническое своеобразие вплоть до первых веков н. э. (*Медведев, 2008, с. 107, 108; Разуваев, 1998, с. 88*). Именно они были строителями и основными обитателями верхнедонских городищ и в скифский, и в сарматский периоды. Однако крепости не спасали их от порабощения кочевниками. В I тыс. до н. э. они попали в зависимость от номадов, переселившихся в регион из днепровской лесостепи и оставивших на Дону курганные некрополи типа Частых и Мастюгино (*Медведев, 1999, с. 125, 126*). А. П. Медведев интерпретирует их как геродотовых гелонов. Позже, ближе к рубежу эр, в лесостепное Подонье начинают проникают другие ираноязычные кочевники — сарматы. Сарматская угроза способствовала сплочению разных этно-социальных групп верхнедонского населения (будинов и гелонов), их смешению. Тем не менее предотвратить установление сарматского господства им не удалось. Оно продлилось, как уже отмечалось выше, до середины III в. Весьма примечателен для нашей темы тот факт, что традиции местного населения скифского времени, в частности керамические, проявили себя в сарматскую эпоху спустя несколько столетий после завершения жизни собственно археологической культуры (*Медведев, 2008, с. 106*). Подобное явление мы можем увидеть и в вероятном «возрождении» местных форм лепной посуды, характерных для первых веков н. э., но уже в гуннское время.

Если приведенные выше гипотезы верны, то можно предположить, что местное население было ираноязычным. Этническая принадлежность геродотовых будинов достоверно не установлена. Однако на Дону, находясь на протяжении половины тысячелетия под властью иранских кочевых племен и испытав их сильное культурное влияние, оседлые обитатели вполне могли перенять и язык. Впрочем, это не более чем допущение.

Какова же дальнейшая судьба донских аборигенов, постигшая их в неспокойную и непростую эпоху Великого переселения народов? Могу предложить следующий ее вариант. После ухода кочевых сарматов основной массив местного оседлого населения остался, хотя, очевидно, заметно поредел. «Освободившуюся» нишу попытались занять выходцы из «киевско-черняховских» областей. В составе переселенцев были, вероятно, германцы и славяне, а сам процесс миграции отражает один из этапов становления Готской державы на юге Восточной Европы. Однако на Дон проникали не военные отряды, а общины рядового населения. Рискну предположить, что основной магистралью их перемещения с территории Днепровского Левобережья на запад могла быть р. Быстрая Сосна. Они сумели освоить берега правых притоков р. Дон, но дальнейшее продвижение оказалось затруднено. Наиболее вероятным препятствием стало враждебное отношение туземцев, населявших воронежские городища и контролировавших доно-воронежское междуречье. Конфликт завершился в пользу автохтонного населения, пришельцы сожгли свои дома и покинули регион.

В конце IV в. Готская держава рухнула под ударами гуннов. Ее население пришло в движение, часть его устремилась на Дон. Почти единовременно в лесостепной части бассейна верхнего течения реки образовался разнообразный массив «беженцев», принесших сюда западные традиции. Местное население влилось в его состав и было ассимилировано. Из его культуры оказались усвоены только некоторые формы лепных сосудов и навыки строительства укреплений.

Литература

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н. э. Москва.

Акимов Д. В., 2003. К вопросу о хронологии памятников рубежа древности и средневековья лесостепного Подонья // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИМК им. П. В. Алабина и Международной конференции. Самара.

Акимов Д. В., 2007. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. № 3.

Акимов Д. В., 2008. О проблеме взаимоотношений населения лесной и лесостепной зон Верхнего Подонья в гуннское время // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Акимов Д. В., Медведев А. П., 2002. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж.

Акимов Д. В., Медведев А. П., 2004. Памятники типа Чертовицкого городища III на Верхнем Дону // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. Санкт-Петербург.

Акимов Д. В., Медведев А. П., 2008а. Комплекс поселений второй четверти — середины I тыс. н. э. у села Малая Трещевка // КСИА. Вып. 222.

Акимов Д. В., Медведев А. П., 2008б. Поселения позднеримского времени у села Малая Трещевка // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж.

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья (Археология СССР. САИ; Вып. Г1-12). Москва.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. (Археология СССР. САИ; Вып. Д1-30). Москва.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981— 1995 гг. Москва.

Бирюков И. Е., Акимов Д. В., 2008. Оборонительные сооружения городищ гуннского времени на Верхнем Дону // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва.

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). Москва.

Гороховский Е. Л., 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев.

Гороховський Е. Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. № 38. Київ.

Козмирчук И. А., Разуваев Ю. Д., 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк.

Магомедов Б. В., 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.

Массалитина Г. А., 2008. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротынск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула.

Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж.

Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. Москва.

Медведев А. П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона). Вып. I. Ростов-на-Дону.

Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. Москва.

Обломский А. М. (ред.), 2004. Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. (Раннеславянский мир. Вып. 6.) Москва.

Обломский А. М., 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Глава 2. Москва.

Обломский А. М., 2009. Материалы позднеримского времени поселения Ксизово-17 Задонского р-на Липецкой обл. // VITA ANTIQUA. № 7—8. Київ.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). (Раннеславянский мир; Вып. 10.) Москва.

Разуваев Ю. Д., 1998. Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж.

Румянцева О. С., 2007. Культура рязано-окских могильников. Керамика центральной группы могильников. // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 10.) Москва.

Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris.

D. W. Akimow

Die autochthone Bevölkerung der Waldsteppe im Dongebiet in Völkerwanderungszeit

In diesem Artikel handelt es sich um das Problem der Besiedlung der Region des Oberlaufes des Flusses Don in der Epoche der Völkerwanderung. Zur spätrömischen und hunnischen Zeit erstrecken sich hier die archäologische Altertümer, die mit den Ankömlinge verbunden sind. Sie kommen aus Westen (Gebiet der Kiew- und Tchernjachow- archäologischen Kultur). Die Frage, ob die Ankömlinge auf verlassene oder bevölkerte Territorium angekommen waren, steht zur Diskussion. Der Autor hält die Hypothese, laut der die Stämme, die hier in den ersten Jahrhunderten u. Z. wohnten, besiedelten es bis zu dem Anfang hunnischer Zeit. Als Beweis erbringt der Autor die Reihe von Argumenten. Erstens, das sind die datierenden Gegenstände, die auf den Siedlungen der autochtonische Bevölkerung gefunden sind und die sich zur Zeit der Völkerwanderung gehören. Zweitens, das ist der Komplex des Bauwerks 2. befestigter Siedlung Krutogorje, der wahrscheinlich nicht früher als im fünften Jahrhundert u. Z. von Urbewohner verlassen wurde. Drittens, das sind Traditionen der Herstellung des Stuckgeschirrs, die bis zu hunnischer Epoche erhalten bleiben konnten. Viertens, das ist der Brauch des Aufbaues der befestigten Siedlungen. Dieser Brauch wurde in der Kiew- und Tchernjachow- archäologische Kultur fast unbekannt. Fünftens, das sind die Besonderheiten der Verbreitung der archäologischen Denkmäler in der Region. In ersten Jahrhunderten wurden die Siedlungen der lokalen Bevölkerung hauptsächlich im Zwischenstromland der Flüsse Don und Voronezh konzentriert. In der spätrömische Zeit umsiedelten die Stamme auf oberen Don aus dem Gebiet der Verbreitung der Kiew- und Tchernjachow- archäologische Kultur. Aber sie sind auf dem rechten Ufer des Dons geblieben und konnten nicht weiter nach Osten vorgehen. Ihre Siedlungen waren verbrannt, und die Ankömlinge haben diese Region im IV Jahrhundert verlassen. Nur in der hunnische Zeit (Ende IV – Anfang V Jahrhunderts) war Zwischenstromland des Flüsse Don und Voronezh von den fremden Stämmen angeeignet. So folgert der Autor darüber, dass die lokale Bevölkerung des oberen Dons in der Region im Laufe von vielen Jahrhunderten wohnte. Vielleicht waren sie Nachkommen der Völker Budinen und Gelonen, die von Herodot erwähnt wurden.

GERMANIA II

Скворцов
Константин Николаевич

Калининград

Старший научный сотрудник отдела археологии Калининградского областного историко-художественного музея

sn_arch_exp@mail.ru

Ибсен Тимо

Шлезвиг

Доктор наук, научный сотрудник Центра балтийской и скандинавской археологии

ibsen@schloss-gottorf.de

К. Н. Скворцов, Т. Ибсен

Подкурганное захоронение всадника конца II в. н. э. из могильника Березовка / Гросс Оттенхаген

В августе 2004 г. Самбийско-Натангийская экспедиция Калининградского областного историко-художественного музея совместно с Кильским университетом (Германия) при технической поддержке Археологического музея земли Шлезвиг-Гольштейн (замок Готторф, Германия) продолжила исследования грунтового могильника Березовка / Гросс Оттенхаген (***рис. 1***), начатые в 2003 г. Финансирование работ осуществлялось на средства исследовательского гранта Фонда Цайт Штифтунг (Германия). В работах принимали участие студенты исторического факультета Калининградского государственного университета и Института праистории университета Христиана Альбрехта в г. Киль.

Грунтовый могильник Березовка / Гросс Оттенхаген расположен в восточной пологой части мощной моренной возвышенности, на левом берегу безымянного ручья, на левом берегу р. Преголя, в 95 м северо-восточнее восточной окраины пос. Березовка (быв. Gr. Ottenhagen, Kr. Königsberg[1]), в 100 м севернее автострады Калининград—Знаменск. Могильник — вновь выявленный памятник, и в послевоенное время его местоположение известно не было. Впервые древние погребения могильника были обнаружены в 1928 г. при разработке одного из гравийных карьеров, располагавшегося северо-восточнее Березовки. Раскопки на могильнике проводились в 1928 и 1930 гг. под руководством Г. Янкуна. В ходе проведенных работ было обследовано 91 погребение II—VIII вв. н. э. Большая их часть относилась к раннеримскому времени и была представлена трупоположениями с северной ориентировкой под каменными кладками, мужские погребения зачастую сопровождались захоронениями лошадей, располагавшихся с западной стороны от могил всадников. Кроме этого были обнаружены 20 погребений, совершенных по обряду кремации и датированных по инвентарю фазой Е западнобалтской хронологии, т. е. 450—650/675 гг. Из них около восьми мужских комплексов — в сопровождении лошадей (*Ibsen, 2003, S. 7—10*).

После изучения полевой документации Г. Янкуна, находящейся вместе с его личным архивом в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн, замок Готторф (Германия) с 1991 г., удалось реконструировать общую ситуацию на исследованном им участке могильника и привязать ее к современной ситуации. Местоположение раскопов 1928 и 1930 гг. приходится на центральную часть заброшенного ныне гравийного карьера, который эксплуатировался в послевоенное время вплоть до 70-х годов XX в., а теперь используется как стихийная свалка. В настоящее время площадь карьера составляет около 2000 м^2, его дно и борта

[1] С 1939 г. — Kr. Samland.; в наст. вр. — Гвардейский р-н.

GERMANIA RIPETIA II

Рис. 1. **Географическое положение могильника Березовка (Groß Ottenhagen, Gr. Ott.)**

Abb. 1. **Geographische Lage des Gräberfeldes Berjozovka (Groß Ottenhagen, Gr. Ott.)**

в значительной степени задернованы и поросли деревьями и кустарником.

В общей сложности за сезоны 2003 и 2004 гг. на могильнике было вскрыто 328,2 м^2, исследовано 16 погребальных комплексов, совершенных по обряду кремации, и три трупоположения. Среди погребений наиболее ранние комплексы — трупоположения фазы B_2/C_1 (т. е. 160/180 гг.) хронологии римского времени по системе Эггерса—Годловского (*Eggers, 1955*; *Godłowski, 1970*), а самый поздний материал представлен двухъярусными безурновыми трупосожжениями X — начала XI в. н. э. (*Ibsen, Skvorzov, 2004*). Работы в 2004 г. велись на раскопе VI площадью 203,2 м^2. В его пределах исследовано три трупоположения фазы B_{2b} и семь трупосожжений фаз B_2/C_1—E (160—180 и 450—650/675 гг.).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет погребение 114[2] — подкурганная кремация всадника, сопровождавшаяся женским и парным конским захоронениями. Это единственное подобного рода погребение, известное на сегодняшний день на территории прегельской группы самбийско-натангийской культуры.

Погребение 114 (***рис. 2—4***) — частично разрушенный погребальный комплекс, представляющий собой кремацию всадника, совершенную на месте, в сопровождении захоронения двух коней под круглой каменной кладкой диаметром в сохранившейся части около 7 м и высотой до 0,5 м от древней дневной поверхности.

Сверху объект был перекрыт мощной каменной кладкой местами в два слоя (***рис. 2***; ***ил. XI: а***), диаметром около 7 м (сохранившаяся часть имеет размеры 7 × 6,1 м), состоящей из 595 валунов средних и крупных размеров (до 0,45 м в диаметре). Самые крупные камни находились по периметру и в центре кладки, образуя два кольца (внешнее и внутреннее). В северной части кладка разобрана на площади около 0,15 × 2 м, менее значительные следы разборки кладки наблюдаются в западной, восточной и южной частях. В центральной части каменная кладка также разобрана на площади 2,5 × 1,5 м, имеются следы сооружения на этом месте стрелковой ячейки, относящейся к весне 1945 г.

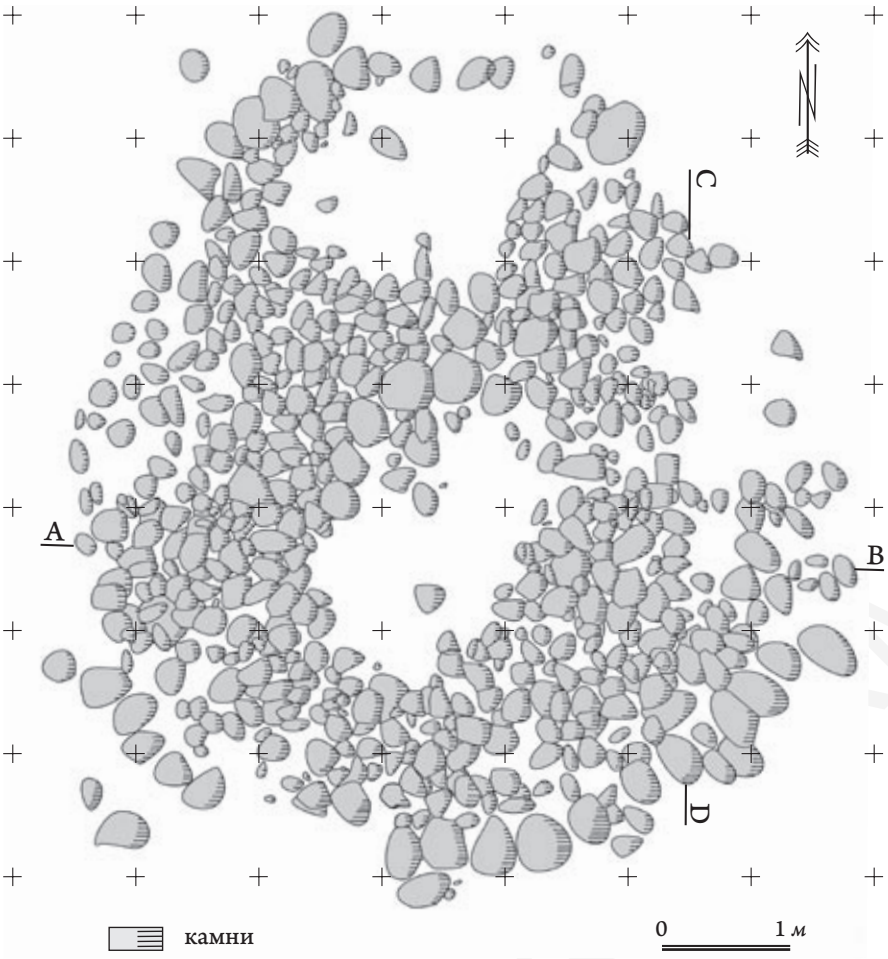
В центре разрушенной части кладки обнаружены многочисленные фрагменты лепных керамических сосудов. В северной части каменного заклада (в разрушенном сегменте) выявлено небольшое количество крупных кальцинированных костей во взвешенном состоянии.

Находки, относящиеся к разрушенной кремации всадника, располагались на площади размерами 1,42 × 0,62 м, на глубине около 0,5 м от дневной поверхности. Заполнение стрелковой ячейки под дерном было представлено в верхней части слоем интенсивно золистой супеси, мощностью около 0,3 м, а ниже — ленточным перекопом,

[2] Впервые данное погребение опубликовано под первичным полевым номером 110 (*Ibsen, Skvorzov, 2004*).

Рис. 2. **План каменной кладки объекта Gr. Ott. 114**

Abb. 2. **Die Steinpflasterung des Objekts Gr. Ott.114**

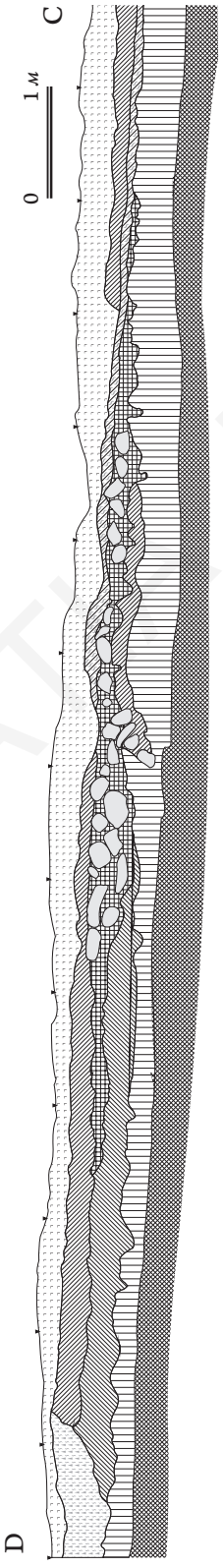
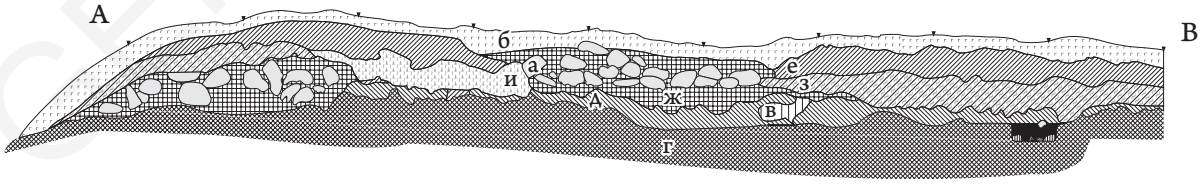

Рис. 3. **Разрезы объекта Gr. Ott. 114**. Условные обозначения: а — камни; б — дерн; в — предматерик; г — материк; д — слабо золистая супесь; е — интенсивно золистая супесь; ж — прокаленный песок; з — интенсивно золистая супесь с редкими включениями древесного угля; и — перекопанный слой

Abb. 3. **Profile des Objekts Gr. Ott.114**. Legende: а – Steine; б – Mutterboden; в – in Verwitterung begriffener an stehender Boden; г – anstehender Boden; д – schwach aschenhaltiger lehmiger Sand; е – stark aschenhaltiger lehmiger Sand; ж – Sand mit Spuren von Feuerwirkung; з – stark aschenhaltiger lehmiger Sand mit unzahlreichen Holzkohleeinschlüssen; и – gestörte Schicht

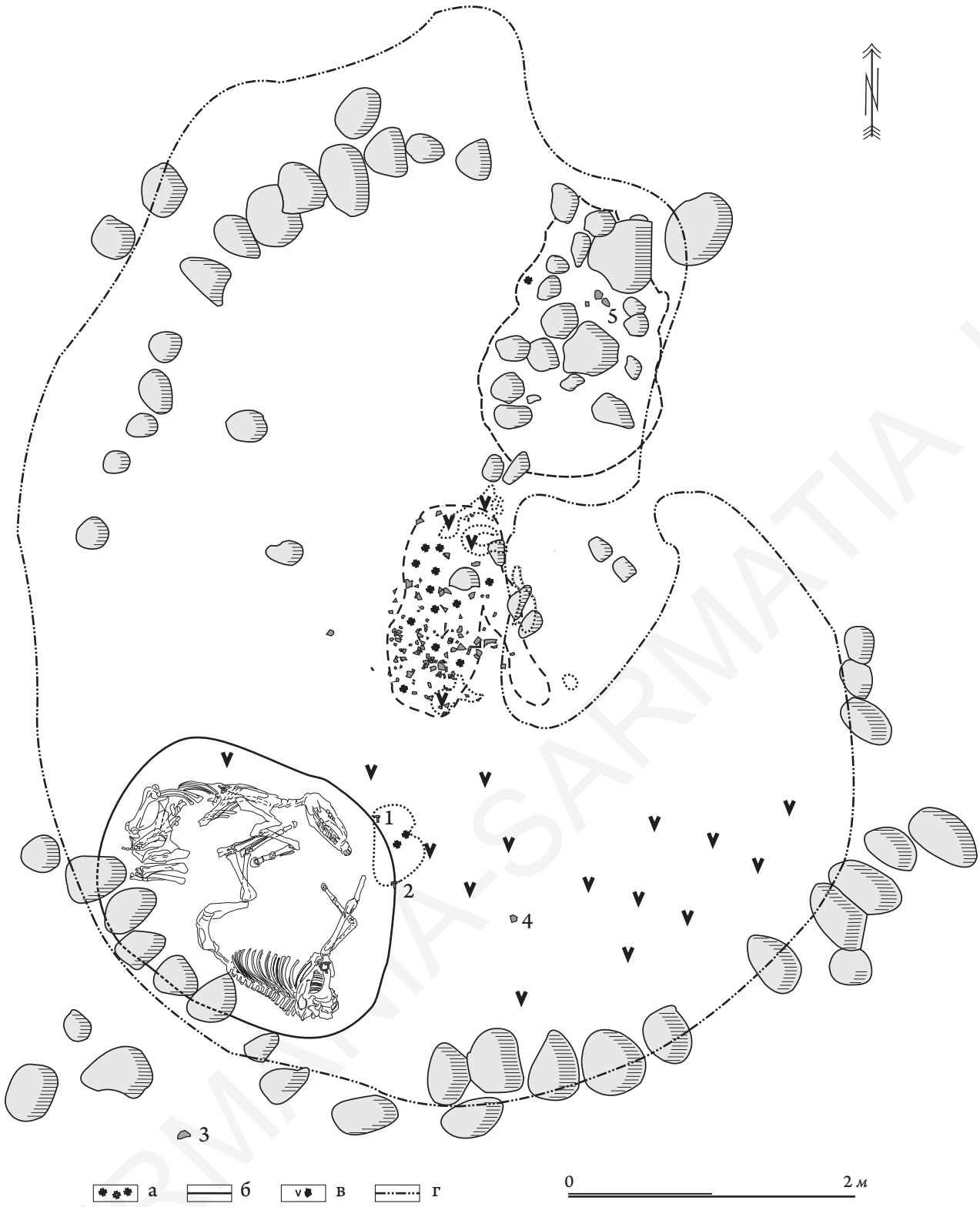

Рис. 4. **План объекта Gr. Ott. 114 с находками**. Нижний горизонт: 1, 2 — фибула бронзовая; 3 — обоймица бронзовая с серебряной обтяжкой заклепки; 4, 5 — фрагмент лепной керамики. Условные обозначения: а — кальцинированные кости; б — граница ямы; в — зола и древесный уголь; г — граница прокала

Abb. 4. **Objekt Gr. Ott. 144 mit angezeigten Funden (Planum)**. Untere Schicht; 1, 2 – Bronzefibel; 3 – Bronzebeschlag mit silberüberzogenem Nietkopf; 4, 5 – Fragmente von handgemachter Keramik. Legende: а – kalzinierte Knochen; б – Grubenrand; в – Asche und Holzkohle; г – Grenze der Zone mit Spuren der Feuerwirkung

GERMANIA-SARMATIA II

мощностью 0,25 м, у дна ямы сохранилась небольшая прослойка заполнения в виде слоя слабо золистой супеси с включениями кальцинированных костей и линз пережженного песка красноватого цвета, мощностью до 0,15 м. В слое ленточного перекопа найдены мелкие кусочки древесного угля и большое количество мелких фрагментов лепной керамики. В центре ямы в слое перекопа выявлены средние и крупные кальцинированные кости, многочисленные фрагменты лепных керамических сосудов, разбросанные по всей площади, впоследствии при камеральной обработке из них удалось собрать пять сосудов-приставок.

1. Лепной сосуд (***рис. 5: 1***) из 17 фрагментов серо-охристого цвета, со следами вторичного обжига, частично ошлакованный и деформированный, с примесью мелкой дресвы, слюды, кварца, органики в тесте, внешняя поверхность первоначально лощеная, украшен валиком под шейкой и двухчастной ручкой, закрепленной на шпонке.
2. Лепной сосуд (***рис. 5: 6***) из 10 фрагментов серо-коричневого цвета, неравномерного обжига, с примесью мелкой слюды, дресвы и органики в тесте, внешняя поверхность лощеная, изнутри заглажен.
3. Лепной сосуд (***рис. 5: 5***) из 12 фрагментов серо-охристого цвета, со следами вторичного пребывания в огне, частично ошлакованный и деформированный, с примесью мелких и средних фракций дресвы, органики в тесте, первоначально внешняя поверхность лощеная, украшен выше перелома врезным орнаментом из заполненных треугольников и зигзагов.
4. Лепной сосуд (***рис. 5: 4***) из 14 фрагментов серо-коричнево-охристого цвета, равномерного обжига, с примесью дресвы различных фракций, в том числе и средних размеров, органики, слюды в тесте, внешняя поверхность лощеная, изнутри затерта, украшен под шейкой врезным орнаментом, под шейкой же — ручка, закрепленная на шпонках.
5. Лепной сосуд (***рис. 5: 2***) из 24 фрагментов серо-коричнево цвета, неравномерного обжиг, с примесью мелкой дресвы, органики, песка в тесте, внешняя поверхность лощеная.
6. Четыре крупных фрагменты лепного сосуда (***рис. 5: 3***) серо-охристого цвета, равномерного обжига, с примесью мелкой дресвы, органики в тесте, внешняя поверхность лощеная.

Кроме этого найдены фрагменты некомплектных лепных сосудов: венчика (***рис. 6: 1***) серо-охристого цвета, неравномерного обжига, с примесью мелкой дресвы, песка, органики в тесте, заглаженного с двух сторон; венчика чернолощеного сосуда (***рис. 6: 2***) равномерного обжига, с примесью мелкой дресвы в тесте; стенки чернолощеного сосуда (***рис. 6: 3***) равномерного обжига, с примесью мелкой дресвы, органики в тесте; стенки груболепного сосуда (***рис. 6: 4***) серо-охристого цвета, неравномерного обжига, с примесью дресвы, органики в тесте, с внешней стороны — следы затирки травой.

В данном заполнении в переотложенном состоянии находились многочисленные мелкие фрагменты изделий из металла, из которых отметим поддающиеся определению (***рис. 7: 3—9***): железная заклепка умбона щита; мелкие фрагменты поля железного умбона щита с остатками ткани, пропитанной солями железа; фрагмент железного ножа; фрагмент рукояти второго ножа с остатками дерева; фрагмент втулки наконечника железного копья; фрагмент бронзового кольца; бронзовый наконечник ремня. Непосредственно на дне ямы обнаружены крупный позвонок, обломки ребер и крупные кальцинированные кости черепа.

У южной границы стрелковой ячейки под камнями в 0,8 м от основного скопления находок, в линзе прокаленного песка с включением кусочков древесного угля и немногочисленных кальцинированных костей выявлена *in situ* пара бронзовых фибул (***рис. 7: 1, 2***), относящихся к типу А III, 62 (*Almgren, 1897, Taf. III: 62*), со следами пребывания в погребальном костре. Вероятнее всего они относятся к женскому комплексу. Юго-восточнее обнаружен фрагмент стенки груболепного сосуда светло-охристого цвета, равномерного обжига, с примесью дресвы различных фракций, органики а тесте, с внешней стороны со следами затирки травой.

Необходимо отметить, что под разобранной каменной кладкой залегал массив прокаленного песка красноватого цвета, занимавший практически всю площадь под кладкой кроме части северо-восточного сектора. Подобный окрас песка, содержавшего в своей массе следы горения (мелкий древесный уголь и золу), мог возникнуть при

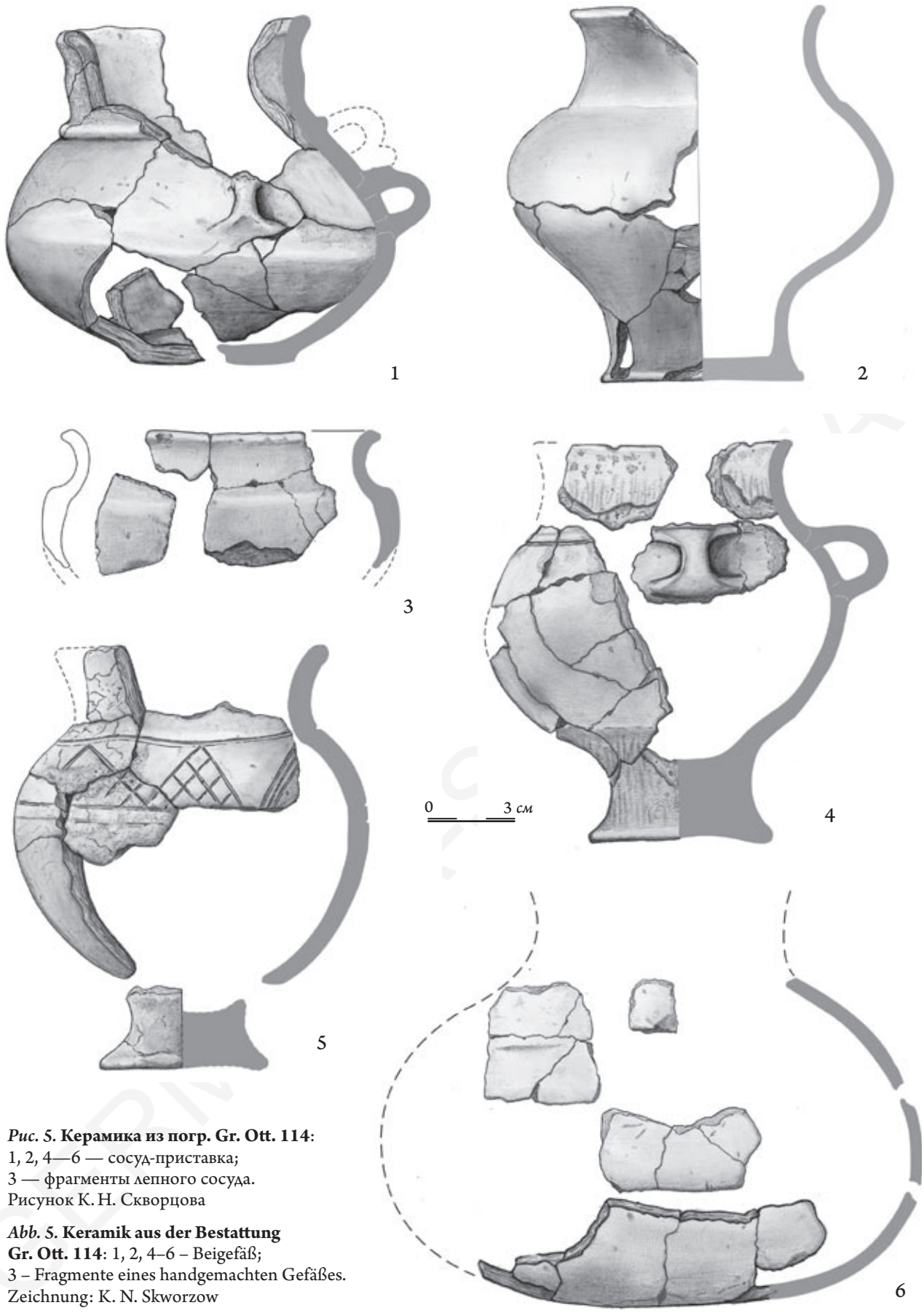

***Рис. 5.* Керамика из погр. Gr. Ott. 114**:
1, 2, 4—6 — сосуд-приставка;
3 — фрагменты лепного сосуда.
Рисунок К. Н. Скворцова

***Abb. 5.* Keramik aus der Bestattung Gr. Ott. 114**: 1, 2, 4–6 – Beigefäß;
3 – Fragmente eines handgemachten Gefäßes.
Zeichnung: K. N. Skworzow

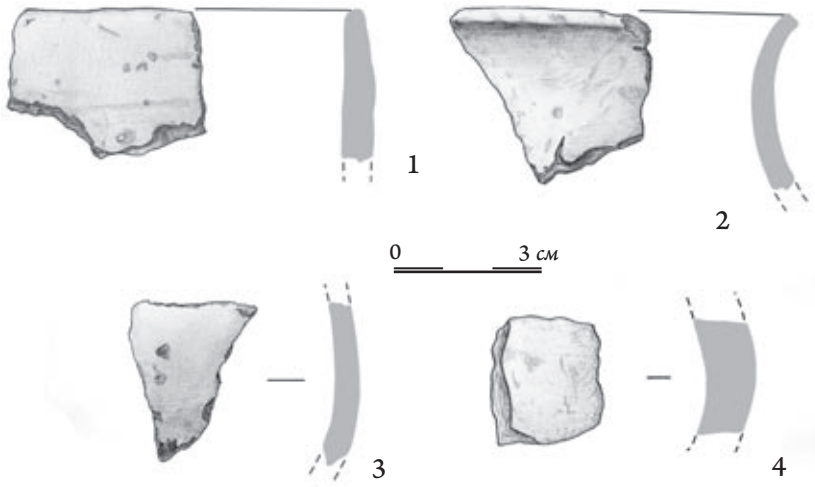

Рис. 6. **Некомплектные фрагменты лепных сосудов из погр. Gr. Ott. 114**: 1 — венчик; 2 — венчик чернолощеного сосуда; 3 — стенка чернолощеного сосуда; 4 — стенка груболепного сосуда. Рисунок К. Н. Скворцова

Abb. 6. **Fragmente unterschiedlicher handgemachter Gefäße aus der Bestattung Gr. Ott. 114**: 1 – Gefäßrand; 2 – Rand eines schwarzpolierten Gefäßes; 3 – Wandung eines schwarzpolierten Gefäßes; 4 – Wandung eines grob gemachten Gefäßes. Zeichnung: K. N. Skworzow

термическом воздействии на него с доступом кислорода — это свидетельствует о том, что именно на этом месте и происходила кремация умершего. В южном секторе наблюдалось большее количество мелких кусочков древесного угля и золы.

Под слоем прокаленного песка в юго-западном секторе выявлено конское захоронение 114А.

Погребение 114А (***рис. 4***; ***ил. XI: b***) — захоронение двух коней в яме овальной в плане формы, размерами 1,6 × 1,3 м, глубиной в пределах материкового песка около 0,84 м. Заполнение ямы — однородный массив крупнозернистого серого цвета материкового песка с гравием, с содержанием органики. Данный объект был перекрыт слоем прокаленного песка, из этого можно сделать вывод о том, что это погребение было совершено раньше, чем погребение всадника.

Первый конский костяк располагался в северной части ямы на ее дне. Это скелет крупных размеров, лежавший на боку, головой на юго-восток, шея — на борту ямы. От черепа, который несколько возвышался над ямой, сохранились нижняя челюсть и основание черепа. Ноги были подогнуты под тело. В районе брюха коня найдена железная подпружная пряжка (***рис. 8: 1***). Второй костяк, расположенный в южной части на дне ямы, также ориентирован головой на юго-восток. Непосредственно в зубах черепа находились железные кольчатые удила (***рис. 8: 3***).

В одном метре южнее конского захоронения у края кладки найдена бронзовая обоймица с серебряной обтяжкой заклепки (***рис. 8: 2***). Подобного рода изделия, как правило, использовались в раннеримское время в конском снаряжении. Не исключено, что данный артефакт может быть связан с комплексом 114 и попал на это место либо в момент сооружения каменной кладки, либо в процессе разрушения центральной части комплекса.

Датировка комплекса 114 по фибулам A III, 62 — B_2/C_1 (160—180 гг).

Изначально особое внимание привлекают размер и форма каменной кладки захоронения. Данная конструкция выделяет это погребение из всех остальных всаднических комплексов могильника Березовка, датированных раннеримским временем, перекрытых куда более скромными кладками прямоугольной и овальной форм. Кладки круглой формы, в том числе и состоящие из нескольких горизонтов каменного заклада, в ареале самбийско-натангийской культуры не редкость как в раннеримское время, так и в предшествующие исторические эпохи бронзы и раннего железа (*Hoffmann, 1999, tab. CXV: 1—3*; *CXXIX: 1*; *Okulicz, 1973, s. 367*; *Jaskanis, 1974, s. 72—75*; *mapa II*).

Следует отметить, что по материалам довоенных исследований, в раннеримское время в ареале самбийско-натангийской культуры основная масса находок такого рода конструкций в погребениях сосредоточена на Самбийском полуострове, а также в районах к востоку от р. Дейма и вдоль р. Преголя (*Кулаков, 2000*; *2005*).

Возможно, информация о таких невысоких плоских курганах из довоенных источников до

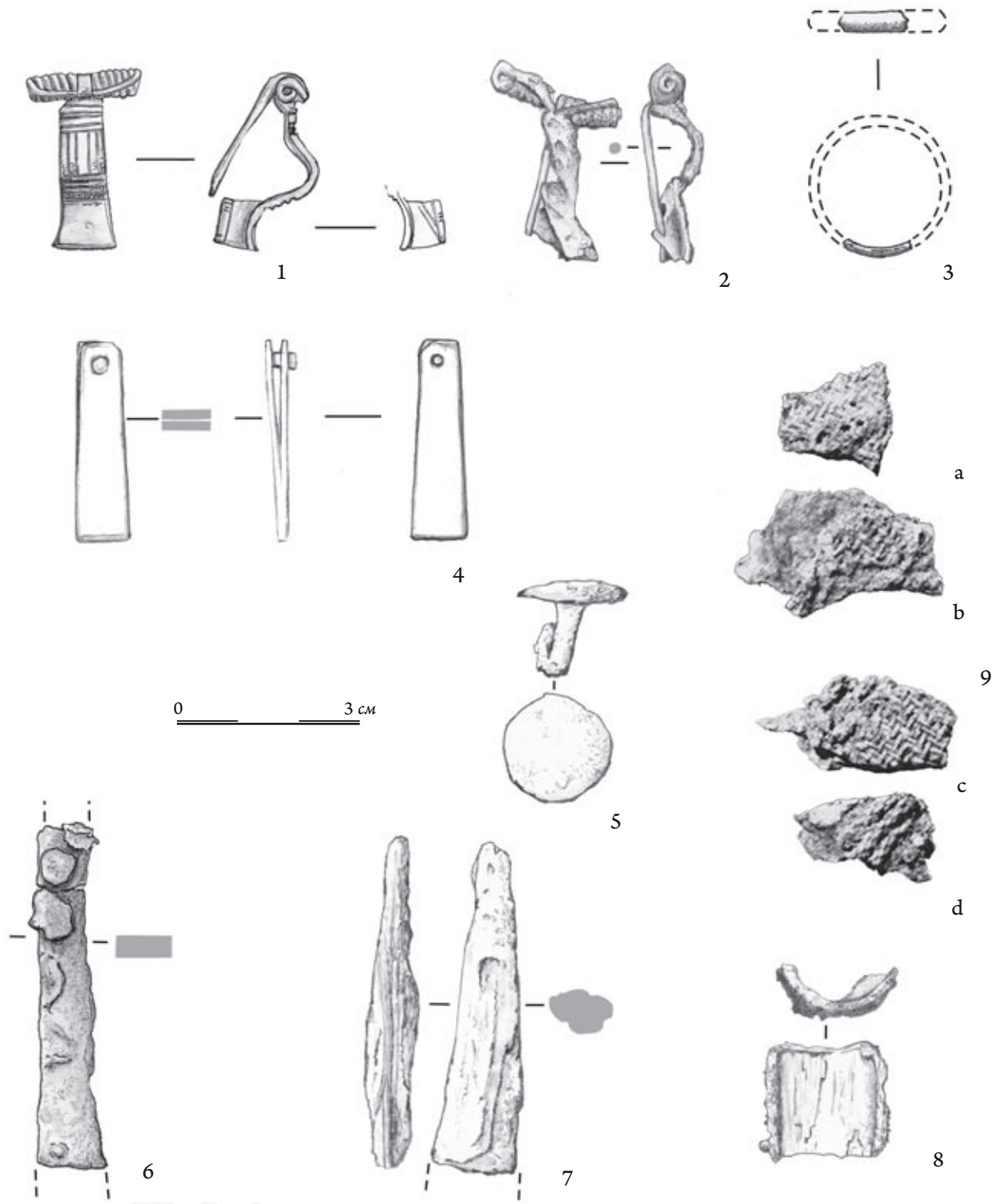

Рис. 7. **Металлический инвентарь погребения Gr. Ott. 114**: 1 — фибула; 2 — фибула оплавленная; 3 — фрагмент кольца; 4 — наконечник ремня; 5 — заклепка (от умбона?); 6a—d — фрагменты поля щита умбона, покрытые тканью; 7 — фрагмент черенка ножа; 8 — фрагмент черенка ножа с остатками деревянной рукояти; 9 — фрагмент втулки наконечника копья. 1—4 — бронза; 5—9 — железо. Рисунок К. Н. Скворцова, К. Кампа

Abb. 7. **Metallbeigaben aus der Bestattung Gr. Ott. 114**: 1 – Fibel; 2 – geschmolzene Fibel; 3 – Ringfragment; 4 – Riemenende; 5 – Niete (von einem Schildbuckel?); 6a–d – Fragmente eines mit Stoffresten bedeckten Schildbuckelrandes; 7 – Fragment einer Messerangel; 8 – Fragment einer Messerangel mit Resten des Holzgriffes; 9 – Fragment einer Lanzenspitzetülle. 1–4 – Bronze; 5–9 – Eisen. Zeichnung: K. N. Skworzow, K. Kamp

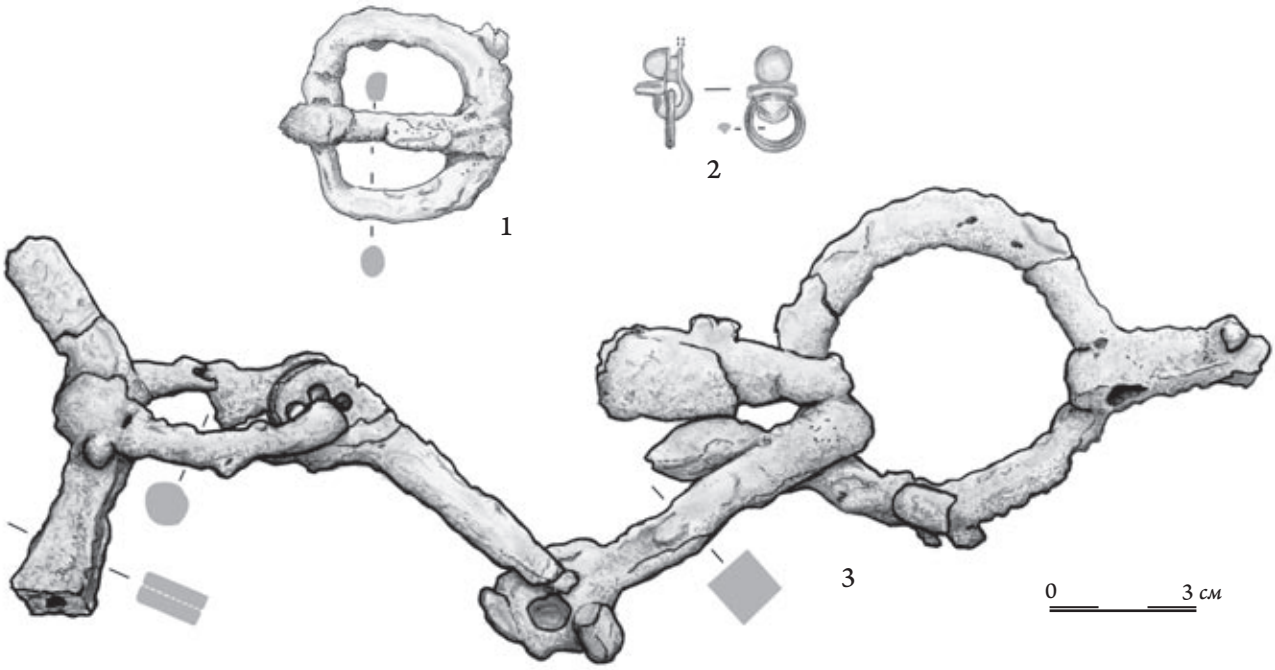

Рис. 8. **Инвентарь конского захоронения Gr. Ott. 114A**: 1 — пряжка подпружная железная; 2 — обоймица бронзовая с серебряной обтяжкой заклепки; 3 — удила железные. Рисунок К. Н. Скворцова, К. Кампа

Abb. 8. **Inventar der Pferdebestattung Gr. Ott. 114A**: 1 – eiserne Bauchriemenschnalle; 2 – Bronzebeschlag mit silberüberzogenem Nietkopf; 3 – Eisentrense. Zeichnung: K. N. Skworzow, K. Kamp

нас попросту не дошла, так как исследователи могли рассматривать их как плоские каменные вымостки, и специального термина для их обозначения в тот период еще не существовало (*Ibsen, Skvorzov, 2004, S. 404*). Как правило, подобные кладки имели несколько меньшие размеры, чем заклад из погребения 114. Это первый случай обнаружения кургана с такой каменной кладкой на территории исторической Натангии. Однако необходимо уточнить, что имеется письменная информация о находке подобного сооружения на могильнике Феддерау на побережье Вислинского залива. К сожалению, на сегодняшний мы не располагаем точными характеристиками этого погребения. Известно, что оно датировалось раннеримским временем и, по мнению Э. Холлака, представляло собой переходный тип погребений от курганов к грунтовым захоронениям (*Hollack, 1908, S. 186, 187*).

Количество параллелей таким кладкам в самбийско-натангийской культуре крайне ограничено. На ее раннем этапе (в раннеримское время) известны немногочисленные памятники, на которых встречаются погребения, совершенные по обряду ингумации в деревянных домовинах, перекрытые мощными круглыми каменными кладками. Наиболее характерный пример (***рис. 9***) — могильник Хрустальное, быв. Wiekau, Kr. Fischhausen (*Bujack, 1889a*). Значительное количество подобных кладок, датированных также раннеримским временем, было обнаружено в могильнике Ковровo (быв. Dollkeim, Kr. Fishhausen) в ходе раскопок О. Тышлера 1879 г. Преимущественно эти кладки перекрывали погребения, совершенные по обряду ингумации (*Tischler, Kemke, 1902, S. 15, 20—25; Prussia Archv, PM-A 245/3*[3]*; Grenz Archiv Bd. 21*) (***рис. 10***).

Наиболее полное сходство в погребальном обряде с комплексом 114 в местной культуре конца раннеримского периода можно наблюдать на могильнике Изобильное, быв. Kl. Flieβ, Kr. Labiau (***рис. 11***), где погребенные захоронены уже по обряду кремации, в том числе и в сопровождении

[3] Авторы выражают благодарность проф. В. Менгину за предоставленную возможность ознакомиться и опубликовать полевую документацию О. Тышлера.

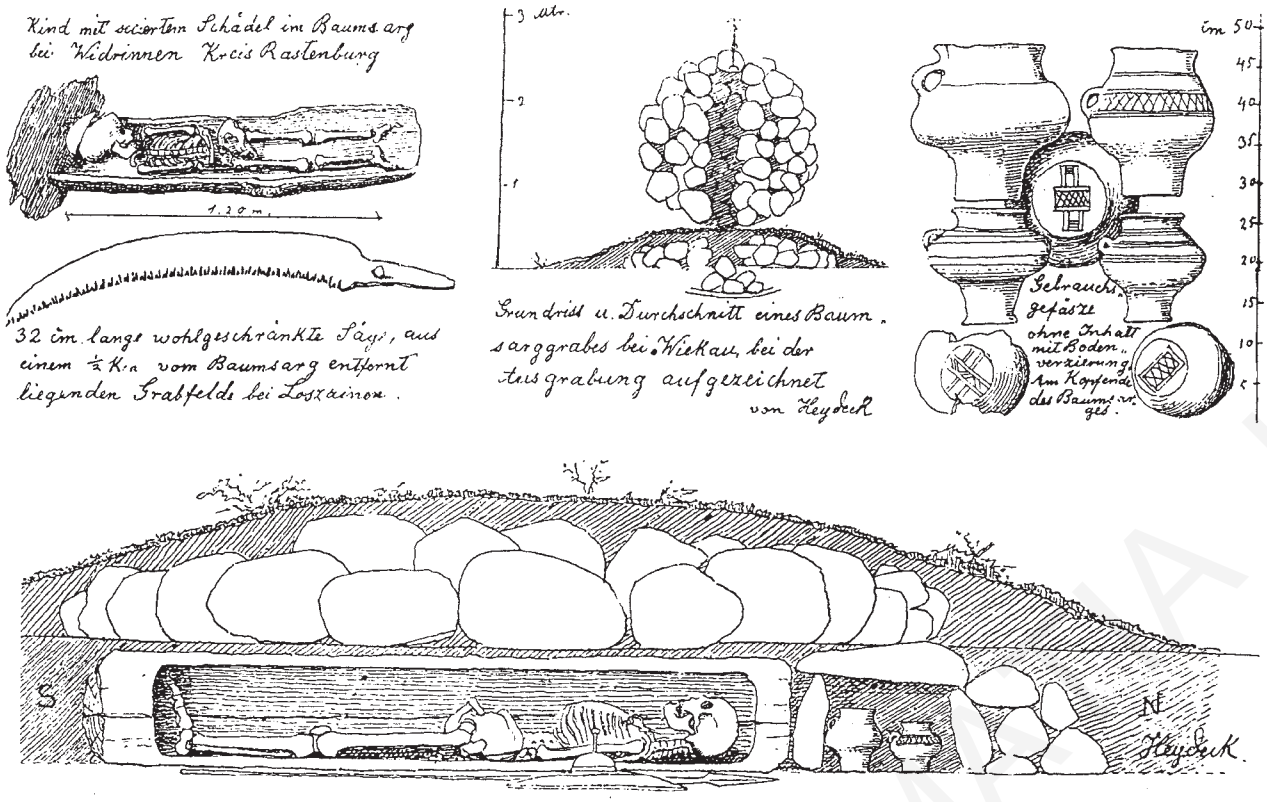

Рис. 9. **Погребальные комплексы могильника Хрустальное**, быв. Wiekau, Kr. Fischhausen (по: *Gaerte, 1929, Abb. 118*)

Abb. 9. **Grabkomplexe des Gräberfeldes Hrustal'noe**, ehem. Wiekau, Kr. Fischhausen

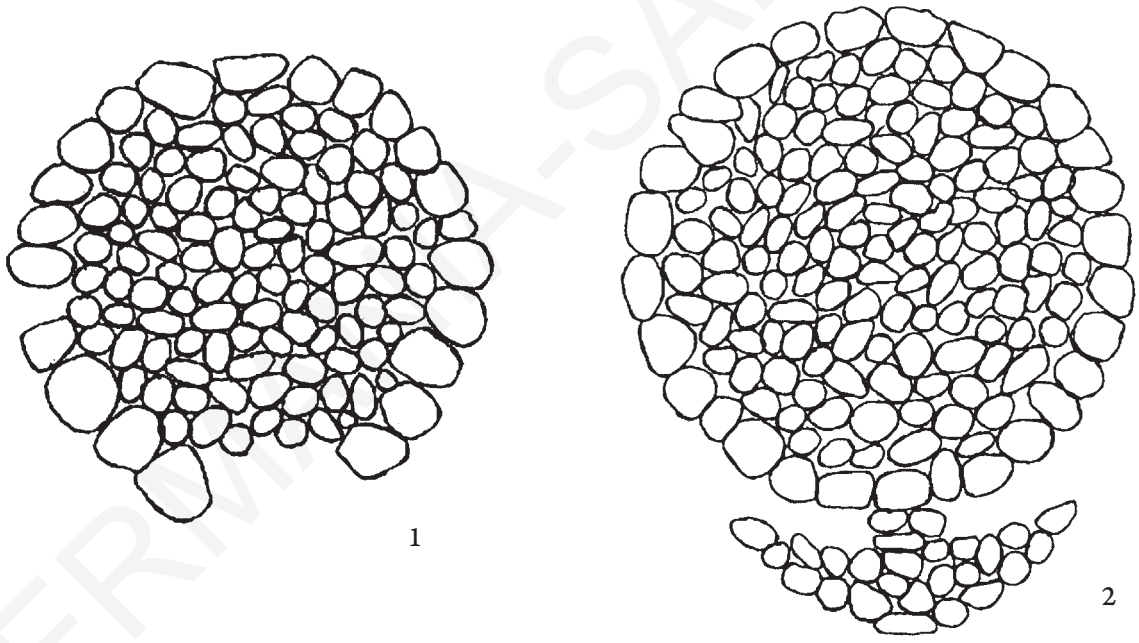

Рис. 10. **Круглые каменные кладки раннеримского времени могильника Ковровo** (быв. Dollkeim, Kr. Fishhausen): 1 — комплекс 18 (*Архив «Пруссия», PM-A 245/3*); 2 — комплекс 2 (*Архив Р. Гренца, Bd. 21*)

Abb. 10. **Kreisförmige/Runde Steinpflasterungen der älteren Römischen Kaiserzeit auf dem Gräberfeld Kovrovo** (ehem. Dollkeim, Kr. Fischhausen): 11 – Komplex 18 (*„Prussia"-Archiv PM-A 245/3*); 2 – Komplex 2 (*R. Grenz-Archiv, Bd. 21*)

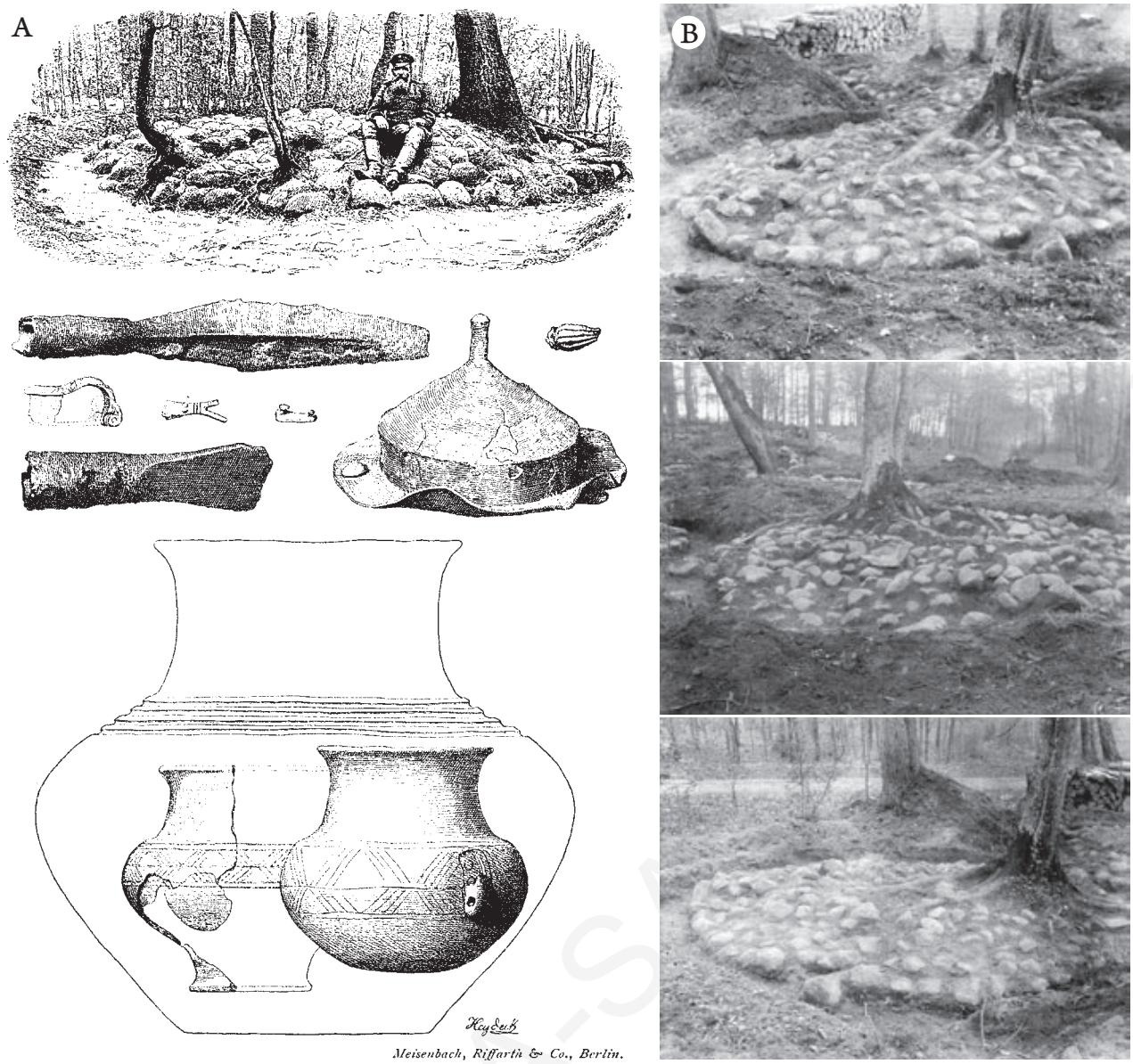

Рис. 11. **Могильник Изобильное** (быв. Kl. Fließ, Kr. Labiau): А — погребение, перекрытое каменной кладкой, инвентарь (по: *Heydeck, 1900, Taf. VI*); В — каменные заклады погребений (*Архив Р. Гренца, Bd. 81*)

Abb. 11. **Gräberfeld Isobil'noe** (ehem. Kl. Fließ, Kr. Labiau): A – Bestattung unter einer Steinpflasterung, Grabinventar; B – Steinpflasterungen der Bestattungen (*R. Grenz-Archiv, Bd. 81*)

коней (*Heydeck, 1900*; *Архив Р. Гренца*[4]). Подобные сооружения известны у других западнобалтских племен на территории Мазурского поозерья и в Сувалках (***рис. 12***), где они датируются, как правило, более поздним периодом — позднеримским временем и эпохой Великого переселения народов (*Jaskanis J., Jaskanis D., 1961, ryc. 14: 15; 17: 19*; *Bitner-Wroblewska, 2007*; *Шиманский, 2008*).

Невысокие подкурганные захоронения с каменными кладками не являются исключительным явлением, характеризующим культуру западных балтов. Они известны начиная с предримского времени в Южной Скандинавии и в раннеримское время в ареале соседних самбийско-натангийской, вельбаркской и пшеворской культур (*Stenberger, 1977, Abb. 149, 160*; *Jaskanis, 1996*;

[4] Авторы выражают благодарность д-ру К. фон Карнап-Борнхейму за предоставленную возможность ознакомиться и опубликовать архивные фотоматериалы.

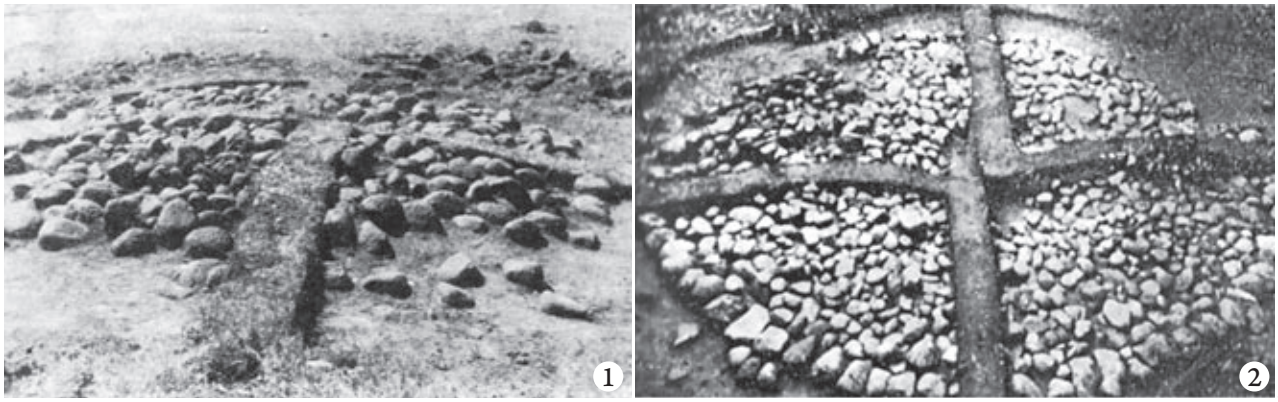

Рис. 12. **Каменные кладки в регионе Сувалки, Польша**: 1 — курган 35 могильника Осова (по: *Jaskanis J., Jaskanis D., 1961*); 2 — курган II могильника Швайцария (по: *Jaskanis J., 1974, ryc. 21*)

Abb. 12. **Steinpflasterungen im Suwalkigebiet, Polen**: 1 – Grabhügel 35, Gräberfeld Osowa (Röhrsdorf); 2 – Grabhügel II, Gräberfeld Schwajcaria

Zemlińska-Odojowa, 1999) (***рис. 13, 14***). В качестве примера очень близкой аналогии можно привести каменную конструкцию, перекрывавшую погребение 260, совершенное по обряду урновой кремации, могильника Неданово в северной Мазовии, из ареала пшеворской культуры, датированное фазой B_2, т. е. 70—170 гг. (*Zemlińska-Odojowa, 1999, S. 52*) (***рис. 14: 1***).

Происхождение данных подкурганных сооружений в самбийско-натангийской культуре некоторые современные исследователи связывают с германским влиянием на балтов (*Кулаков, 2000, с. 378, 379*). Однако может быть выдвинута гипотеза о возникновении подобного рода сооружений в результате преемственности между традициями разных временных эпох в рамках одной культуры. Действительно, в местной погребальной традиции сооружение курганов с каменными кладками имеет тысячелетнюю историю и своими корнями восходит к эпохе бронзы, а также ряд могильников самбийско-натангийской культуры, заложенных еще в эпоху раннего железа продолжает функционировать и в римское время (*Bujack, 1889b, S. 121—126, Taf. VI*; *Engel, 1935, S. 93*; *Okulicz, 1973, s. 190, 363*).

Очевидно, что по своей схеме кладка из погребения 114 действительно напоминает пшеворские, вельбаркские и скандинавские. Наряду с круглыми кладками в раннеримское время в ареале самбийско-натангийской культуры встречаются кладки весьма специфической формы, которые могут свидетельствовать о скандинавском и восточногерманском влиянии на местное население в раннеримское время. Характерным примером подобного рода кладок нестандартной формы, находящих параллели в материалах германского круга, могут служить кладки, перекрывавшие погребения 26, 31, 33, датированные раннеримским временем, могильника Коврово. Их планы были обнаружены в полевой документации О. Тышлера, в сохранившейся части архива музея «Пруссия», которая в настоящее время находится в Музее до- и праистории в Берлине (*Prussia-Archiv, PM-A 245/1; Prussia-Archiv, PM-A 245/3*) (***рис. 15***).

Как представляется, погребальное сооружение подобного рода на могильнике Березовка, скорее всего, могло возникнуть под влиянием именно соседней пшеворской культуры. Мы делаем подобный вывод, базируясь на таких характеристиках погребального комплекса 114, как форма и размер каменной кладки, погребение по обряду кремации, обилие керамического материала в погребении, а также наличие в нем предметов вооружения, что традиционно для пшеворской культуры и более отдаленных регионов островов Балтийского моря и Скандинавии (*Okulicz, 1973, s. 373*).

Несмотря на то что погребение 114 было сильно разрушено во время Второй мировой войны[5] и большая часть погребального инвентаря была

[5] Как уже говорилось, непосредственно в центральной части и на окраине кладки находились две стрелковые ячейки, относившиеся к весне 1945 г.

GERMANIA ANTIQUA II

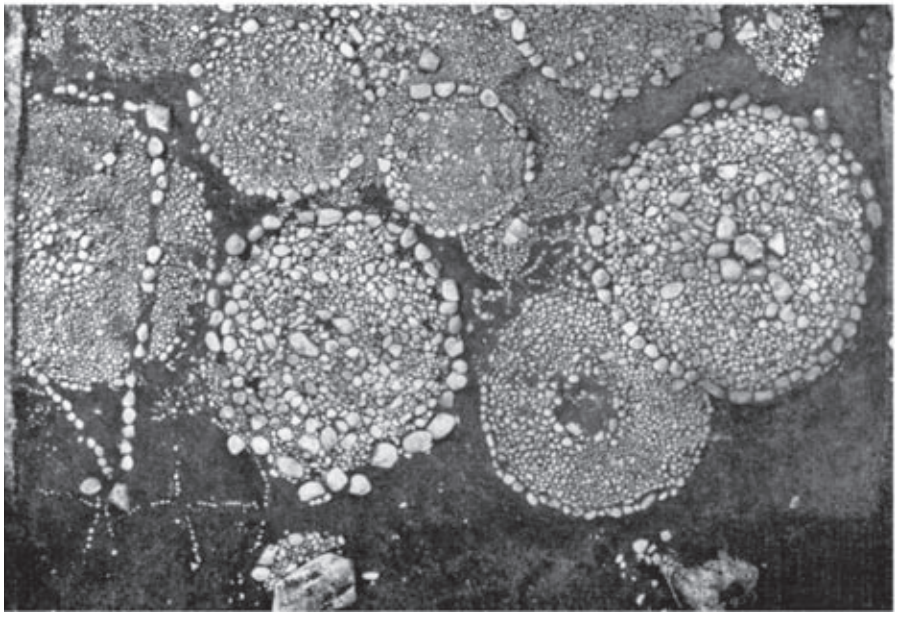

Рис. 13. **Каменные кладки предримского времени могильника Драгби, пров. Уппланд, Швеция** (по: *Stenberger, 1977*)

Abb. 13. **Steinpflasterungen auf dem Gräberfeld der vorrömischen Eisenzeit Dragby, Uppland, Schweden**

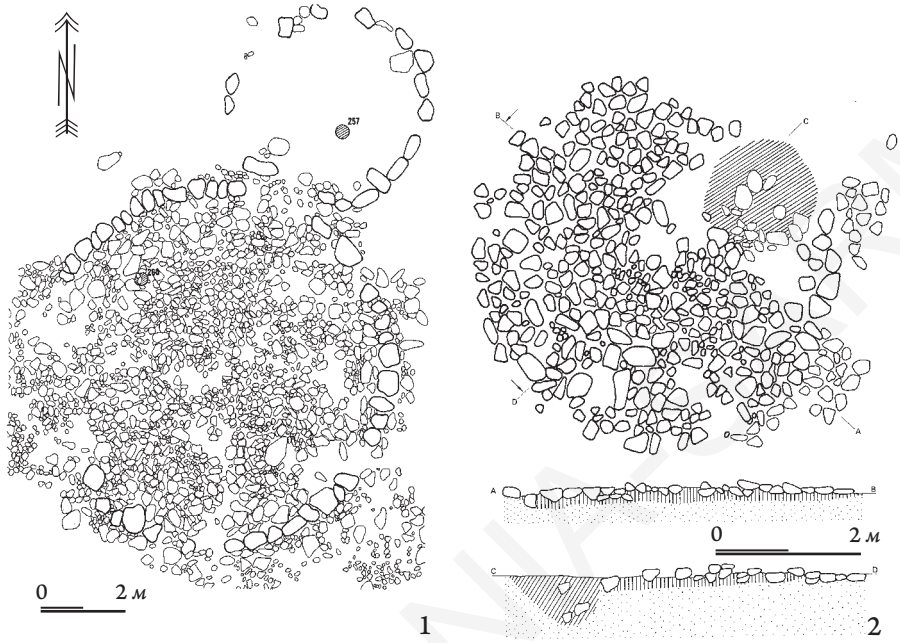

Рис. 14. **Планы каменных кладок раннеримского времени**: 1 — погр. 257, 260 могильника Недановo пшеворской культуры (по: *Zemlińska-Odojowa, 1999, Taf. LXXXV*); 2 — погр. 13 могильника Гржибница вельбаркской культуры (по: *Hahuła, Wołągiewicz, 2001, Taf. XVIII*)

Abb. 14. **Steinpflasterungen aus der älteren römischen Kaiserzeit**: 11 – Gräber 257, 260 auf dem Gräberfeld Niedanowo der Przeworsk-Kultur; 2 – Grab 13 auf dem Gräberfeld Grzybnica der Wielbark-Kultur

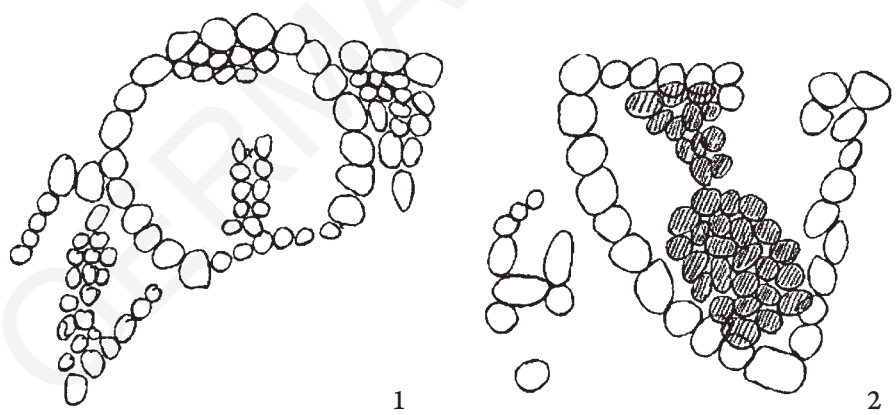

Рис. 15. **Планы каменных кладок нестандартной формы могильника Ковровo** (быв. Dollkeim, Kr. Fishhausen), раскопки О. Тышлера 1879 г.: 1 — погр. 30, 31; 2 — погр. 26

Abb. 15. **Steinpflasterungen unregelmäßiger Form vom Gräberfeld Kovrovo** (ehem. Dollkeim, Kr. Fischhausen), Ausgrabungen von O. Tischler in 1879: 1 – Gräber 30 und 31; 2 – Grab 26

GERMANIA SARMATIA II

утрачена, даже сохранившаяся часть предметов, как и размер кладки, а также наличие сопровождавших погребение всадника захоронений женщины и двух коней подчеркивают высокий социальный статус погребенного. В центральной части сооружения на горизонте древней дневной поверхности располагалось собственно мужское трупосожжение[6], совершенное на месте, что является весьма редким, практически исключительным явлением для погребений середины II в. н. э. (раннеримского времени) в ареале самбийско-натангийской культуры. Возврат от ингумации к кремации в это время на обозначенной территории вероятнее всего мог быть связан с влиянием соседней пшеворской культуры.

К западу от трупосожжения располагалось парное захоронение коней, что является характерной чертой всаднических погребальных комплексов самбийско-натангийской культуры позднего этапа раннеримского времени. Данный тип погребального обряда своим появлением обязан германо-сарматским контактам периода Маркоманских войн. С германцами, участвовавшими в этих войнах, этот обряд распространяется в ареале западных балтов (*Skvorzow, 2009, s. 143*). Как отмечает Е. Окулич, именно с этого времени в Самбии и отмечается увеличение числа конских захоронений (*Okulicz, 1973, s. 373*). Наличие в захоронении пары лошадей для данного периода — редкое, но не исключительное явление, подобные захоронения обнаружены также и в других синхронных могильниках самбийско-натангийской культуры и соседних балтских племен (*Skvorzow, 2009, s. 138*).

Мы не можем с полной достоверностью установить, чем именно было вызвано помещение в могилу пары лошадей — религиозными представлениями, мировоззренческими установками, соображениями практичности и т. д., но в любом случае это характеризует данное захоронение как принадлежащее человеку, повторимся, имевшему особый социальный статус. Отметим, что именно к западу от всадника, частично перекрывая конское захоронение, находилось погребение со скоплением кальцинированных костей, которое по наличию парных фибул (***рис. 7: 1, 2***) типа A III, 62 интерпретируется как погребение женщины, возможно, находившейся в социальной зависимости. Подобного рода находки сопровождающих погребение всадника женских захоронений известны и на других погребальных памятниках римского времени в ареале данной культуры (*Скворцов, 2001, с. 86, 110*).

Интересно также и то, что в погребении 114 было обнаружено большое количество керамических сосудов, что встречается редко. Погребения данного периода, как правило, сопровождаются одним-двумя сосудами-приставками, в то время как в ареале пшеворской культуры помещение большого количества сосудов в могилу, в том числе и со следами пребывания на погребальном костре, весьма распространено (*Dąbrowska, 1997*; *Zemlińska-Odojowa, 1999*).

Наше предположение о возможной связи погребения 114 с погребальными традициями восточных и северных германцев находит в некоторой степени подтверждение в керамическом наборе данного захоронения. Ряд сосудов своей формой, характером отделки и орнаментальными мотивами находит параллели в керамических материалах вельбаркской культуры на островах Балтийского моря и в Скандинавии. Три экземпляра из погребения 114 — сосуды на ножках с лощеной внешней поверхностью (***рис. 5: 2, 4, 5***), относящиеся к различным вариантам так называемого типа Викау, которые появляются в местной культуре в раннеримское время (***рис. 16: 4***). Сосуды данного типа встречаются в погребальных комплексах I и II фаз самбийско-натангийской культуры по В. Новаковскому (*Nowakowski, 1996, S. 59*). Параллели им в керамике вельбаркской культуры (***рис. 16: 3***) Р. Волонгевич относит к группе VIII, датированной фазами B_2—C_1 (*Schindler, 1940, Taf. 12: 10; 16: 6, 7*; *Wołągiewicz, 1987, Abb. 8*; *1993, tab. 70*). Стоит отметить, что схожие по типу формы известны также в раннеримское время (***рис. 16: 1, 2***; ***17***) и в Поморье, на островах Балтийского моря, и в Скандинавии (*Almgren, Nerman, 1923*; *Ardwisson, 1941*; *Wołągiewicz, 1981a*; *Nowakowski, 2008, s. 56, 57, 81, ryc. 3*). И хотя некоторые исследователи связывают появление подобной керамики в самбийско-натангийской культуре с возможным влиянием вельбаркской культуры (*Nowakowski, 1996, S. 59*), не исключено, что они

[6] Остается до конца неясным, находились ли изначально кости в какой-либо емкости (урне, ящике и т. д.), так как погребение подверглось разрушению.

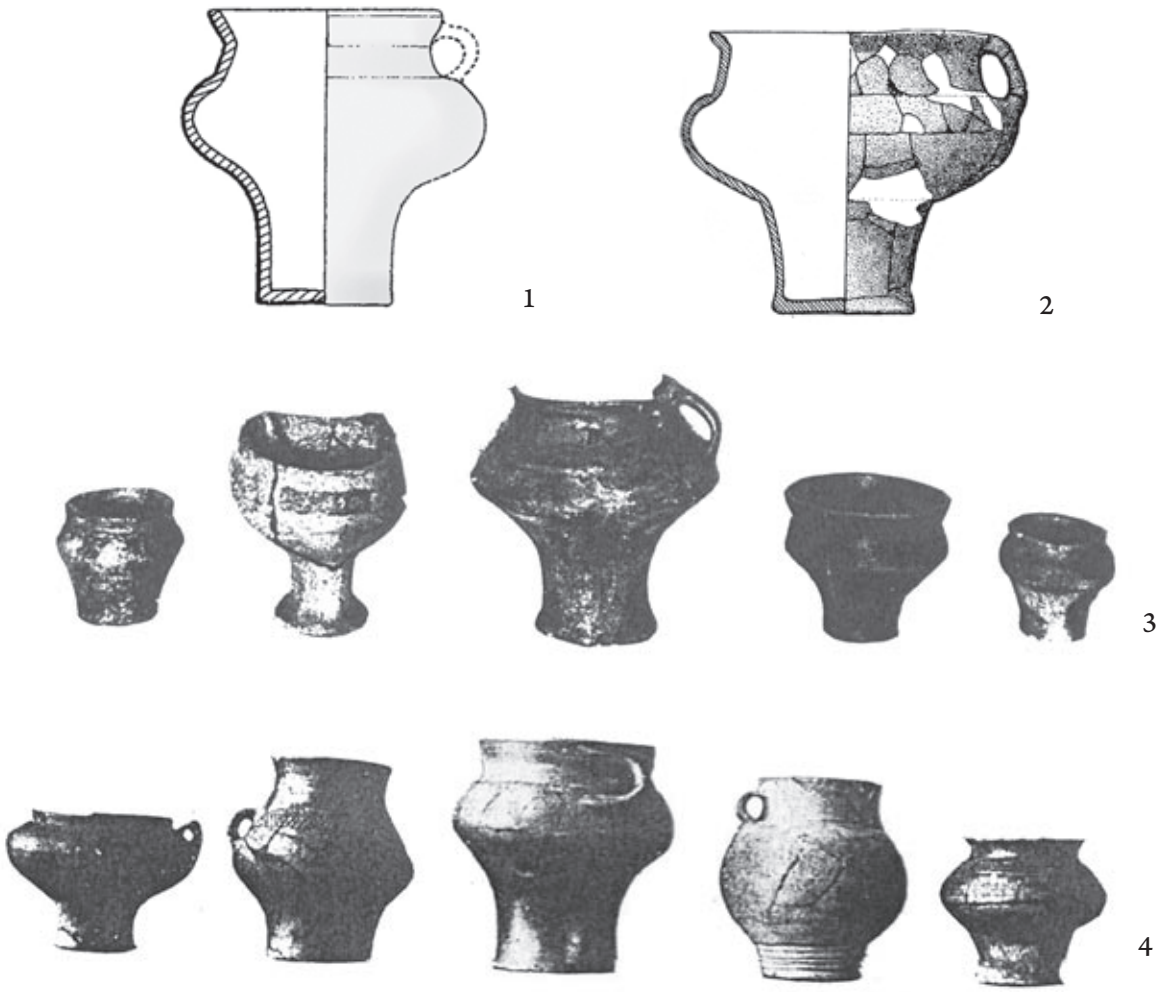

Рис. 16. **Керамические сосуды на ножках**: 1 — могильник Любишево густовской группы (по: *Wołągiewicz, 1981a, ryc. 80: 5*); 2 — погр. 6 могильника Бендсторп, о. Оланд (по: *Nowakowski, 2008*); 3 — могильник Нойштадтер Фельд в окрестностях Эльблонга, вельбарской культуры; 4 — могильники самбийско-натангийской культуры. 3, 4 — по: *Gaerte, 1929, Abb. 125, 126*

Abb. 16. **Keramische Standfußgefäße**: 1 – Gräberfeld Lübsow der Gustower Gruppe; 2 – Grab 6 des Gräberfeldes Bendstorp, Öland; 3 – Gräberfeld Neustädter Feld in der Umfeld von Elbing, Wielbark-Kultur; 4 – Gräberfelder der samländisch-natangischen Kultur

Рис. 17. **Сосуды на ножках из Швеции** (3) **и с о. Готланд** (1, 2): 1 — могильник Корнеттскоген, 2 — могильник Павальс (по: *Almgren, Nerman, 1923, Taf. 12: 191, 192*); 3 — могильник Ваксала, Уппланд (по: *Ardwisson, 1941, Bild 4*)

Abb. 17. **In Schweden** (3) **und auf der Insel Gotland** (1, 2) **gefundene Standfußgefäße**: 1 – Gräberfeld Kornettskogen, 2 – Gräberfeld Pavals; 3 – Gräberfeld Vaksala, Uppland

могли появиться не только под влиянием последней, но и в результате воздействия культурных импульсов с островов Балтийского моря (*Nowakowski, 1996, S. 102—105*; *2008*).

Такое предположение не выглядит безосновательным, так как исследователи ранее уже отмечали близость некоторых форм керамики самбийско-натангийской культуры материалам с островов Борнхольм, Оланд и Готланд (*Žulkus, 1995, p. 95, pav. 7*; *Mackeprang, 1943, Taf. 32: 2*; *Nowakowski, 1996, S. 105*). Сосуд (***рис. 5: 4***) из погребения 114 имеет ручку с выраженной Х-видностью, подобная форма типична для керамики восточных германцев, в том числе и для пшеворской культуры (*Zemlińska-Odojowa, 1999, Taf. LXXI: 5, 6*; *LXXXIII: 4*). Из всего керамического материала, представленного в погребении, к развивавшимся в местной культуре от форм более раннего времени относится сосуд (***рис. 5: 1***), обладающий таким характерным признаком, как наличие многочастной ручки, которую можно наблюдать на местных сосудах некоторых типов в эпоху Латена и в предримское время (*Gaerte, 1929, Abb. 101: a, c, d; 102: a—c*).

Металлический инвентарь собственно всаднического захоронения представлен разрозненными фрагментами железных предметов и небольшими изделиями из бронзы, по-видимому, большая часть была извлечена при строительстве стрелковой ячейки весной 1945 г. Однако некоторые сохранившиеся металлические предметы и их фрагменты все же можно атрибутировать. Так, например, круглая железная заклепка диаметром 1,8 см и три небольших фрагмента поля щита с сохранившейся, пропитанной солями железа тканью поверх него являются частью разрушенного умбона щита (***рис. 7: 5, 6***). Два фрагмента с большой долей достоверности можно определить как черенки рукоятей ножей (***рис. 7: 7, 8***). Один железный фрагмент — как часть втулки наконечника копья (***рис. 7: 9***).

Бронзовый наконечник ремня (***рис. 7: 4***), сохранившийся в погребении, относится к группе Раддац J IV 4 и датируется фазами B_2/C_1 и C_1, т. е. 160/180—250 гг. (*Raddatz, 1957, S. 103, Abb. 2: 1*). Фрагмент бронзового кольца (***рис. 7: 3***) можно отнести к кольцам группы I по Beckmann, широко представленным в европейских древностях римского времени (*1969, S. 26—29*). Установить его точную типовую принадлежность в рамках данной группы не представляется возможным из-за размеров сохранившегося фрагмента.

Переходя к анализу инвентаря женского захоронения, отметим, что оно отличается от всех других женских захоронений этого времени. Несмотря на то что оно, исходя из стратиграфии данного участка погребения, не было разрушено, инвентарь представлен исключительно парой фибул типа A III, 62. Как правило, погребальный инвентарь в женских могилах включает в себя значительно большее количество украшений. Мы можем предположить, что погребение, содержащее столь скудный инвентарь, могло принадлежать «неполноценным» возрастным категориям, например девушке-подростку или пожилой женщине. Судя по характеру обнаруженного нами костного материала, вероятнее всего мы имеем дело с первым вариантом. Фибулы типа A III, 62 — самые поздние, дегенеративные варианты застежек так называемой прусской серии, получивших распространение в регионе Нижней Вислы и на Самбийском полуострове. Они традиционно датируются фазой B_2 (*Jamka, 1964, s. 66, 67*).

Парное захоронение лошадей, как уже было упомянуто выше, располагалось традиционно для всадических погребальных комплексов к западу от погребения всадника (***ил. XI: b***). Конские костяки имели также традиционную для подобных захоронений ориентировку головой на юго-восток. По определению д. б. н. А. В. Зиновьева, костяк, расположенный в северной части ямы, принадлежал коренастому самцу возраста 3,5—4 лет, ростом 126—128 см в холке; костяк, расположенный в южной части ямы, — более мелкому, тонконогому самцу, также в возрасте 3,5—4 лет, ростом в холке 129—131 см (*Zinoviev, 2009*). Инвентарь конского захоронения также отличается большой скудностью, лишь у южного костяка были обнаружены (***рис. 8: 1, 3***) железные подпружная пряжка и кольчатые удила типа OD по Орзнесу, датирующиеся с 210/220 гг. до конца VIII в. (*Ørsnes, 1993, s. 190, 191, 267, t. 64, fig. 53: b*). Отсутствие какого-либо снаряжения у второго коня может быть связано с погребальной традицией раннеримского времени, когда элементы конского убора помещались непосредственно в могилу всадника (*Скворцов, 2001, рис. 44*).

Скорее всего, к конскому снаряжению из данного захоронения относится и фрагментированная бронзовая обоймица с серебряной заклепкой, по гребню украшенная вбитой серебряной проволокой (***рис. 8: 2***), которая была, как уже упоминалось, обнаружена в одном метре южнее конского захоронения. В ареале самбийско-натангийской культуры схожие обоймицы зачастую обнаруживаются в составе конских захоронений, отнесенных В. Новаковским к I фазе (B_2) ее существования, и в ряде случаев выступают как крепежные элементы для цепей поводий (*La Baume, 1944, Abb. 5: f, k; 7: a, b*; *Nowakowski, 1996, S. 56*). Схожие с нашей находкой обоймицы — не редкость и в скандинавских материалах, например с острова Готланд, где они, однако, имеют иное функциональное назначение и используются как крепежные элементы для питьевых рогов (*Almgren, Nerman, 1923, Taf. 18: 278; 19: 285, 289, 290*).

Подобного рода обоймица происходит из ареала пшеворской культуры из местечка Чеканов, воеводство Калиш, где она также входила в состав конского гарнитура вместе с удилами типа Vimose, датированными фазой C_1 (*Wilbers-Rost, 1990, S. 120—122, 188, 219, Taf. 5: A*). Появление таких удил в ареале пшеворской культуры С. Вильбер-Рост вслед за другими исследователями связывает с функционированием Янтарного пути (*Jazdzewski, 1980, Abb. 2; Wilbers-Rost, 1990, S. 122*).

Итак, подкурганное захоронение 114 представляет собой весьма специфический погребальный комплекс, сочетающий в себе как черты, характерные для самбийско-натангийской культуры раннеримского времени, так и черты, характерные для других культур. Появление подобных погребальных сооружений в долине р. Преголя, вероятно, может быть связано с последствиями тех процессов, которые происходили на территории Южной и Центральной Европы в тот период: в частности, с трансформациями соседних с самбийско-натангийской культур, повлекших соответственно и некоторые изменения последней. Попробуем реконструировать эти процессы. Как известно, налаживание торговых связей между римскими провинциями и западными балтами в раннеримское время происходило в основном при посредничестве представителей пшеворской культуры. Контакты между зарождающейся самбийско-натангийской культурой и пшеворской известны и в более ранние периоды, контакты местного населения с вельбаркской культурой прослеживаются только начиная с фазы B_2 (*Nowakowski, 1996, S. 98—101*; *Andrzejowski, Cieśliński, 2007, ryc. 2*).

Можно выдвинуть предположение, что контакты провинциальных римских торговцев в период развития наивысшего спроса на янтарь в Риме, приходящийся на время правление Нерона и некоторое время позже, ограничивались ареалом пшеворской культуры и не затрагивали территорий западных балтов. Это снимает гипотезу о возможности присутствия каких-либо римских подразделений на территории Самбии в середине I — середине II в. н. э. (*Кулаков, 2003, с. 88, 89*). Вероятнее всего, такая ситуация с контролем янтарной торговли носителями пшеворской культуры сохранялась до Маркоманских войн, начавшихся в 167 г. н. э., в которых принимали участие в том числе и носители пшеворской культуры. Основными участниками военного противостояния с Римом называются также: квады, маркоманы, сарматы и многочисленные другие племена. Война носила затяжной характер, опасность грозила не только западным провинциям империи, но и азиатским. В 175 г. был заключен мир, по которому варвары признали римский протекторат и на их территориях размещались римские гарнизоны (*Машкин, 1947, с. 452—456*).

Как представляется, ослабленное затяжным военным противостоянием население пшеворской культуры было вытеснено со своих территорий представителями соседней вельбаркской культуры. Ее носители в период B_2/C_1 переселяются на часть пешворских территорий из «зон B и C» и продвигаются, вероятно, на восток, заселяя «зону E» — правобережную Мазовию и Подлясье, междуречье Вислы и Буга, поречья Вкры и Нарева (*Wołągiewicz, 1981b, s. 83, 84, t. 1*; *Щукин, 1994, с. 247*). Около половины памятников в «зоне E», заложенных изначально как пшеворские, продолжают функционировать как вельбаркские, при этом возникает ряд новых могильников, возникших уже исключительно как вельбаркские (*Щукин, 1994, с. 247*; *Белевец, 2007, с. 49—86*). Переселившись на пшеворские территории, носители вельбаркской культуры продолжили активные торговые контакты по первому участку Янтарного пути,

Рис. 18. **Чаша *terra sigillata* из могильника Изобильное, быв. Kl. Flieβ, Kr. Labiau** (*Архив Р. Гренца, Bd. 81*)

Abb. 18. **Ein *terra sigillata* Gefäß aus dem Gräberfeld Izobil'noe, ehem. Kl. Flieβ, Kr. Labiau** (*R. Grenz-Archiv, Bd. 81*)

проходившему от Самбии по побережью Вислинского залива к дельте р. Висла. Сдвинутая волной вельбаркских переселенцев, часть племен пшеворской культуры была вынуждена покинуть заселенные ими ранее территории. Вероятнее всего небольшая их часть могла влиться в состав соседних культур, таких как богачевская и самбийско-натангийская. В пользу этого предположения говорит большая часть металлических находок из ареала этих культур, имеющая многочисленные аналогии в материалах пшеворской культуры времени Маркоманских войн и несколько позднее.

Миграция представителей пшеворской культуры на другие территории способствовала развитию еще одного участка Янтарного пути, так как носители пшеворской культуры, являвшиеся до этого активными участниками янтарной торговли, переселившись, искали новые пути для доставки янтаря к римским провинциям. Это предположение выглядит вполне логично, учитывая тот факт, что по окончании Маркоманских войн наблюдается некоторая стабилизация на границах империи, такая ситуация могла, безусловно, вызвать оживление торговли с варварами на дунайской границе (*Машкин, 1947*).

В процессы поиска и освоения носителями пшеворской культуры новых маршрутов янтарной торговли вовлекались и представители богачевской и самбийско-натангийской культур, на территории которых они переселились, что в значительной мере оказало влияние на развитие данных культур. Как представляется, в результате подобных поисков новых торговых путей на протяжении фазы B_2/C_1, возможно, и образуются зоны культурных инноваций, возникает ряд новых могильников в Надровии, таких как Альтхоф Инстербург, в которых совмещаются черты богачевской и самбийско-натангийской культур. Одно из важных последствий данных процессов — появление в долине Преголи ряда новых могильников (*Okulicz, 1973, S. 367*).

Подтверждением функционирования второго участка янтарного торгового пути к истокам Преголи и далее в ареал богачевской культуры в конце II в. н. э. являются многочисленные находки римских импортов, таких как, например, кинжал-*pugio* из Альт-Илишкена, фрагментированная *terra sigillata* из погребения у Кляйн Флисс (***рис. 18***), *tintinnabulum* из Фридрихсталя, бронзовый римский умбон, который входил в состав клада вместе с 32 римскими медными монетами, и т. д. (*Brinkmann, 1900, Abb. 1*; *Heydeck, 1900, S. 57—60*; *Bolin, 1926, S. 209*; *Gaerte, 1929, Abb. 159: c, e—g*; *Raddatz, 1993, Abb. 8*; *Nowakowski, 1996, S. 68—72, Taf. 92: 1; 99: 8; 102: 2*). Подобного рода находки появляются и в Самбии наряду с продолжением

поступлений других категорий римских импортов традиционных типов, известных еще с начала II в., таких как бусины и незначительное количество фибул. С конца II в. на территории самбийско-натангийской культуры широко распространяются и римские монеты. Они, как правило, италийской чеканки, к III в. становятся неотъемлемым атрибутом погребений всех половозрастных групп. Появляется также ряд предметов роскоши, таких как стеклянная и металлическая римская посуда, редкие предметы вооружения и т. д. (*Gaerte, 1929, Abb. 159, 161—163*). Свидетельством активного функционирования второго участка Янтарного пути в конце раннеримского времени является и тот факт, что большая часть римских импортов, обнаруженных в Мазурском поозерье, датируется в пределах тех же фаз B_2/C_1—C_1 (*Corpus…, 2001, S. 206*).

Исходя из анализа структуры погребения и состава погребального инвентаря комплекса 114 могильника Березовка, мы можем сделать вывод о возможном влиянии восточных германцев на местное население. Появление таких погребальных сооружений, как на могильниках Березовка и Изобильное, по нашему мнению, отражает подобные влияния, возникшие в результате функционирования второго участка Янтарного пути по Преголе в конце II — начале III в. н. э.

Данная тема нуждается в более детальной разработке, дальнейшем накоплении информационной и материаловедческой базы и привлечении всех доступных архивных материалов, что позволит впоследствии выстроить более стройные гипотезы о тех этнокультурных процессах, которые происходили на рубеже раннеримского времени в долине р. Преголя.

Литература

Белевец В., 2007. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок // Acta archaelogica Albaruthenica. Vol. 1. Мінск.

Кулаков В.И., 2000. Интерпретация «курганных» погребений эстиев I—III вв. н.э. // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Москва.

Кулаков В.И., 2003. История Пруссии до 1283 года. Москва.

Кулаков В.И., 2005. «Княжеские» захоронения в Балтии фаз B_1–C_1 // КСИА. Вып. 218.

Машкин Н.А., 1947. История древнего Рима. Москва.

Шиманский П., 2008. Курганный могильник судавской культуры в Червонным Дворе возле Голдапа // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Germania—Sarmatia. Калининград.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. Санкт-Петербург.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь. Санкт-Петербург.

Almgren O., 1897. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristtlichen Jahrhunderte. Stockholm.

Almgren O., Nerman B., 1923. Die ältere eisenzeit Gotlands. Stockholm.

Andrzejowski J., Cieśliński A., 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo // Kultura bogaczewska w 20 lat później. Materiały z konferencji , Warszawa, 26–27 marca 2003. Warszawa.

Ardwisson G., 1941. Brillingefyndet // Uppland. Uppsala.

Beckmann Ch., 1969. Metallfingerringe der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Saalburg Jahrbuch. Bd. XXVI. Berlin.

Bitner-Wroblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa.

Bliujienė A., Butkus D., 2007. Armed Men and their Riding Horses as a Reflection of Warrior Hierarchy in Western Lithuania during the Roman Iron Age // Archeologia Baltica 8. Klaipėda

Bolin S., 1926. Die Funde romischer und byzantinischer Munzen in Ostpreussen // Prussia. H. 26. Königsberg.

Brinkmann A., 1900. Fund von Terra Sigillata in Ostpreussen // Prussia. H. 21. Vereinsjahre 1896–1900. Königsberg.

Brøndsted J., 1963. Eisenzeit in Daenmark // Nordishe Forzeit. Bd. 3. Neumünster.

Bujack G., 1888. Das Gräbeberfeld zu Grebieten (Nordliche Hälfte) // Prussia. H. 13. Königsberg.

Bujack G., 1889a. Baumsärge zu Wiekau, Kr. Fischhausen // Prussia. H.14. Königsberg.

Bujack G., 1889b. Das Gräberfeld zu Regehnen, Kr. Fischhausen (Palve des Besitzers Lenskin) // Prussia. H.14. Königsberg.

Dąbrowska T., 1997. Kamieńczyk // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. III. Kraków.

Engel C., 1935. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg.

Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.

Hahuła K., Wołągiewicz R., 2001. Grzybnica // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. VIII. Kraków.

Heydeck J., 1888. Der südliche Teil des Gräbeberfeldes von Grebieten, Kreis Fischhausen // Prussia. H. 13. Königsberg.

Heydeck J., 1900. Eine Kultur- und Gräberstelle in Försterei Kl. Flieβ, Kreis Labiau // Prussia. H. 21. Königsberg.

Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte Ospreußens Glogau. Berlin.

Hoffmann M.J., 1999. Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodnej strefy nadbałtyckej w I tysiącleciu p. n.e. Olsztyn.

Ibsen T., Skvorzov K., 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/ Groß Ottenhagen – Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 85. Mainz.

Jamka R., 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich // Materiały Starożytne. X. Warszawa.

Jaskanis J., 1974. Obrządek Pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w. n.e). (Biblioteka Archeologiczna; T. 23). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Jaskanis J., 1996. Cecele // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. II. Kraków.

Jaskanis J., Jaskanis D., 1961. Sprawozdanie z badan w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowośći Osowa Pow. Suwałki // Wiadomości Archeologiczne. T. XXVII. Warszawa.

Jazdzewski K., 1980. Die frühesten Staatsgebilde im Oder-Weichsel-Gebiet // Die vorrömische Eisenzeit im Kattegattgebiet und in Polen. Göteborg.

La Baume W., 1944. Altpreußische Zaumzeug // Alt Preußen. Jhg. 9. H. 1/2. Königsberg.

Mackeprang M.B., 1943. Kulturbezeihungen im nördlichen Raum des 3–5 Jahrhunderts. Keramische Studien // Hamburger Schriften zur Vorgeschichte und germanischen Frühgeschichte. Bd. 3. Leipzig.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt // Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg.

Nowakowski W., 1998. Die Funde der Römischen kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin.

Nowakowski W., 2001. Corpus der Romishen Funde im Europaishen Barbaricum. Polen. Bd. 1: Masuren. Warszawa.

Nowakowski W., 2008. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskim // Pruthenia. IV. Olsztyn.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od pózdnego paleolitu do VII w. n.e. Wrozlaw.

Ørsnes M., 1993. Zaumzeugfunde des 1.–8. Jahrh. Nach Chr. In Mittel- und Nordeuropa // Acta Archaeologica. Vol. 64 (1). København.

Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster.

Raddatz K., 1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Romischen Kaiserzeit in Ostpreuβen // Offa. Bd. 49/50. Neumünster.

Schindler R., 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum // Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Leipzig.

Skvorzow K., 2007. Das Gräberfeld der Römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg) // Offa. Bd. 61/62. Neumünster.

Skvorzow K., 2009. Burilas of Riders and Horses Dated to the Roman Iron Age and Great Migration Period in Aleika-3 (former Jaugehnen), Cemetry on the Sambian Peninsula // Archaelogia Baltica. 11. Klaipeda.

Stenberger M., 1977. Vorgeschichte Schwedens // Nordishe Forzeit. Bd. 4. Neumünster.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg.

Wilbers-Rost S., 1990. Pferdgeschirr der römishen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des «Zaumzeugs mit Zügelketten». (Veröffentlichungen der urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover; 44). Oldenburg.

Wołągiewicz R., 1981a. Grupy kulturowe na pograniczu kręgu nadłabskiego // Prahistoria Ziem Polskich. Bd. V. Wrocław.

Wołągiewicz R., 1981b. Kultura wielbarska problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Wołągiewicz R., 1987. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // Archeologia Polski. Bd. XXXII. H.1. Warszawa.

Wołągiewicz R., 1993. Ceramika kultury Wielbarskiej między Bałykiem a morzem Czarnym. Szczecin.

Zemlińska-Odojowa W., 1999. Niedanowo // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. VII. Kraków.

Zinoviev A.V., 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (second century, Kaliningradskaya Province, Russia) // Archaelogia Baltica. 11. Klaipeda.

Žulkus V. 1995., Vakarų baltai gotų-gepidų migracijoje // Lietuvininkų kraštas. Kaunas.

Архивные материалы

Архивы Герберта Янкуна и Рудольфа Гренца, хранящиеся в Археологическом музее земли Шлезвиг–Гольштейн, Шлосс-Готторф, г. Шлезвиг, Германия (Jankuhn Archiv und Grenz-Archiv, Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig, Deutschland).

Архив «Пруссия», хранящийся в Музее до- и праистории в Берлине (Prussia-Archiv, Staatliche Museen zu Berlin- Preußischer Kulturbesitz Museum für Vor- und Frühgeschichte).

Скворцов К.Н., 2001. Отчет об охранных раскопках, проведенных Натангийским отрядом БАЭ ИА РАН на могильнике Б. Исаково—Лаут в 2000 году // Архив ИА РАН, Р-1. № 24733.

Ibsen T., 2003. Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/ Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet // Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M. A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel.

K. N. Skworzow, T. Ibsen

Ein Reiterbestattung des 2. Jhs. n. Chr. in einem Grabhügel auf dem Gräberfeld Berëzovka/Gross Ottenhagen

Diese Publikation ist einer Analyse der Reiterbestattung 114, die 2004 während den Untersuchungen auf dem Flachgräberfeld Berjozovka im Gvardejskij Rajon Kaliningrader Gebiets (ehem. Groß Ottenhagen Kr. Königsberg) entdeckt wurde, gewidmet. Die archäologischen Arbeiten wurden von den Teilnehmern der Samländisch-Natangischen Expedition des Kaliningrader Museums für Kunst und Geschichte gemeinsam mit den Archäologen der Kieler Universität (Deutschland) mit der technischen Unterstützung der Mitarbeiter des Archäologischen Museums des Bundeslandes Schleswig-Holstein (Schloß Gottorf, Deutschland) durchgeführt.

Der Grab 114 auf dem Gräberfeld Berjozovka stellt die einzige heutzutage auf dem Territorium des historischen Nadrauens bekannte überhügelte Bestattung dar, die zweifelsohne wissenschaftliches Interesse verdient. Die vorliegende Publikation ist ein Versuch ihrer Autoren, den Grabkomplex im Kontext der ethno-kulturellen Transformationen der samländisch-natangischen Kultur am Ende der älteren Römischen Kaiserzeit ($B_2/C_1–C_1$) zu interpretieren.

Eine ganze Reihe von Eigenschaften des genannten Grabkomplexes findet mehrere Analogien in dem Material der mit der Region benachbarten Areale der Przeworsk- und Wielbark-Kulturen, sowie im archäologischen Material der Ostseeinseln und Skandinaviens. Ein bedeutender Teil des Komplexes wurde im Frühling 1945 durch das Errichten einer Schützenzelle zerstört. Dennoch spricht die Überdeckung des Grabes durch eine massive Steinpflasterung sowie das Vorhandensein begleitender Pferde- und Frauenbestattungen dafür, dass der Tote höchstwahrscheinlich einen hohen sozialen Status hatte.

Die Frage nach dem Ursprung der Grabhügelkonstruktionen dieses Typs in dem Areal der samländisch-natangischen Kultur bleibt nach wie vor offen, da ähnliche Steinkonstruktionen nicht nur in den Arealen der benachbarten Kulturen, sondern auch in der lokalen Bestattungstradition bereits seit der Spätbronzezeit bekannt sind.

Dennoch neigen die Autoren mit ziemlich großer Zuversicht dazu, das Auftauchen dieser Art von Bestattungskomplexe mit ziemlich großer Wahrscheinlichkeit mit dem Einfluss der Träger der Przeworsk-Kultur in Verbindung zu setzen. Diese Bevölkerungsgruppen wurden von ihren Wohnplätzen durch die Träger der Wielbark-Kultur verdrängt und haben sich später in solchen benachbarten Kulturen wie Bogaczewo-Kultur oder die samländisch-natangische Kultur aufgelöst.

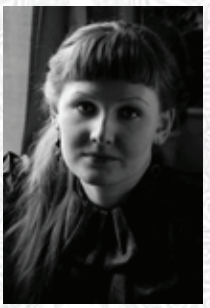
GERMANIA II

Anscheinend, fängt in Folge solcher Umsiedlung in der Phase B_2/C_1 der Pregel-Handelsweg an aktiv zu funktionieren, was zum Entstehen einer ganzen Reihe neuer Gräberfelder in seinem Tal sowie zum Entstehen einer Zone von Kulturinnovationen auf dem Territorium des historischen Nadrauens führt.

Ausgegangen von den Ergebnissen der Analyse der Bestattungsstruktur sowie des Grabinventars der Bestattung 114 auf dem Gräberfeld Berjozovka können wir auf einen möglichen Einfluss der Ostgermanen auf die autochthone Bevölkerung schließen. Dabei spiegelt das Auftauchen von Bestattungen mit solcher Konstruktion wie auf dem Gräberfeld Berjozovka und anderen Gräberfeldern, unserer Meinung nach, die Einflüsse wider, die in Folge der Funktionierung der Pregelstrecke des Handelsweges am Ende des 2. – Anfang des 3. Jhs. n. Chr. entstanden sind.

Abschließend soll bemerkt werden, dass die Auseinandersetzung mit dem Thema sicherlich ein weiteres ausführlicheres Studium, eine Weiterentwicklung einer Informations- und materialkundlicher Datenbank sowie eine Auswertung aller zugänglichen Archivmaterialien fordert. Diese Maßnahmen sollen in der Zukunft einer Entwicklung feinerer Hypothesen bezüglich der am Ende der älteren Römischen Kaiserzeit im Tal des Pregel-Flusses stattgefunden ethno-kulturellen Prozessen dienen.

GERMANIA-SARMATIA II

Хомякова
Ольга Алексеевна

Калининград

Старший научный сотрудник
сектора археологии
Калининградского областного
историко-художественного
музея

olga_homsy@mail.ru

О. А. Хомякова

Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры[1]

В древностях самбийско-натангийской культуры, относящихся к позднеримскому и переходному к Великому переселению народов периоду, на сегодняшний день существует ряд категорий находок, представление о которых можно назвать фрагментарным. Основанное на обрывочных данных публикаций довоенного времени, оно часто не дает полного представления о том месте, которое эти предметы занимали в культуре древнего населения Самбийского полуострова. Подробный вещеведческий анализ отдельных типов таких изделий позволит не только определиться с вопросами их генезиса и хронологии, но в результате сквозь призму различных аспектов увидеть сложную картину складывания и изменения всей совокупности материальной культуры на рубеже античности и средневековья.

Одной из таких категорий находок являются пластинчатые браслеты — украшения в виде разомкнутого кольца (так называемые пружинящие), изготовленные из тонкой раскованной пластины. Их характеризует плоское с внутренней и полукруглое с наружной стороны сечение. Внешняя поверхность браслетов покрывалась орнаментом: лента — рифлеными бороздками, окончания — зонами с диагональными надрезами, нанесенными крест-накрест, которые с двух сторон ограничивались поперечными насечками.

Из числа довоенных публикаций, посвященных восточнопрусским древностям, тип пластинчатых браслетов был представлен только в монографии Тышлера и Кемке (*Tischler, Kemke, 1902, S. 40, Taf. XIV: 16*), где приводится единственная фрагментированная находка из могильника Елановка (бывш. Wackern, Kr. Preußisch Eylau), погребения 36, отнесенная к периоду С по хронологической шкале О. Тышлера, т. е. III—IV вв. н. э. В современных исследованиях этот экземпляр был включен в одну из сводных таблиц в работе В. Новаковского о древностях самбийско-натангийской культуры (Dollkeim—Kovrovo по В. Новаковскому) (*Nowakowski, 1996, S. 32, Taf. 55: 5*).

Отечественные исследования данную категорию украшений и вовсе обходят стороной. Так, в работе, претендующей на полное освещение истории Пруссии с древнейших времен до Орденского периода, в которой один из самых больших разделов посвящен эпохе римского влияния (*Кулаков, 2003, рис. 99*), в предложенной классификации предметов убора этот тип украшений отсутствует.

В настоящее время представление о пластинчатых браслетах значительно расширилось за счет материалов новых раскопок на могильниках римского времени, расположенных на Самбийском полуострове. Это позволяет не только сделать их картографирование, но и разобрать основные

[1] Работа выполнена в рамках исследований по гранту РГНФ № 09-01-00511а.

GERMANIA SARMATIA II

морфологические признаки и параметры: размер, вес, сечение; а также вопросы, связанные с технологией производства, что даст возможность обратиться к проблемам, связанным с классификацией. Интересным представляется рассмотрение их в составе закрытых комплексов вместе с другими предметами инвентаря, определение хронологических рамок бытования этих украшений и основных прототипов, ставших для них образцами[2]. В подобную схему благодаря сравнительному анализу, по моему мнению, могут быть включены и экземпляры из довоенных раскопок, известные по архивным материалам картотек Р. Гренца и Г. Янкуна.

Итак, на сегодня известно 17 экземпляров пластинчатых браслетов из материалов восьми грунтовых могильников самбийско-натангийской культуры. 13 из них принадлежат к семи закрытым комплексам, в четырех из которых эти украшения были парными. Все эти погребения совершены по обряду урновой кремации. Четыре предмета — случайные находки (см. ***приложение***).

Большинство изделий находилось в могилах, характеризуемых по составу погребального инвентаря как женские[3], в одном случае — как парное захоронение, содержавшее предметы вооружения (Большое Исаково, погребение 88). Исключение составляет экземпляр, обнаруженный в мужском комплексе Елановка, погребение 36 (*Tischler, Kemke, 1902. S. 40, Taf. XIV: 16*). Это, возможно, свидетельствует о том, что пластинчатые браслеты не были исключительно женским предметом убора.

Отметим, что все браслеты, подобно основной массе ювелирных изделий данной культуры, были изготовлены из бронзы. Среди них можно выделить три варианта, которые отличает характер морфологических признаков и, главным образом, орнаментации.

Вариант I (***рис. 1***; ***ил. XII: 1, 4—6***). Самая большая группа украшений включает в себя экземпляры, изготовленные из тонкой пластины. Толщина их ленты составляет от 0,9 до 1,5 см. Сечение плоско-выпуклое, около 0,3 см. У предметов с наиболее широкой лентой форма сечения уплощенная (***рис. 1: 5, 6***).

По периметру лента браслетов покрыта 7—9 горизонтальными поясками-бороздками, часть которых дополнительно украшена поперечными чеканными насечками. Такие штрихованные линии чередуются с незаполненными поясками, расположенными на центральной и боковых частях. Вертикальные линии, отделяющие зону со штриховкой на окончаниях, строенные: центральная без орнамента, крайние украшены поперечными насечками. Декор нанесен методом вырубки и штамповки при помощи специальных резцов — пуансонов.

Отдельный интерес представляет фрагмент из комплекса Большое Исаково — 51 со следами починки, выполненной с помощью железной пластины и двух бронзовых заклепок (***рис.1: 4***; ***ил. XII: 6***). Это может говорить о том, что предметы убора, помещаемые в могилу, не изготовлялись исключительно в ритуальных целях, а носились в течение жизни.

Вариант II (***рис. 2***; ***ил. XII: 2***). Этот вариант браслетов представлен украшениями, которые характеризует в первую очередь несколько другой тип орнаментации ленты, где горизонтальные рифленые пояски с насечками чередуются с линиями, заполненными круглыми штампами. Количество поясков составляет девять, крайние, наиболее узкие, линии не орнаментированы (***рис. 2: 1, 2***).

Окончания так же, как и у первого варианта, украшены заштрихованными зонами, отделенными тремя вертикальными линиями с насечками. Такие зоны располагаются и на самой кромке изделий. Вместо них на окончания могли наноситься линии круглых штампов, как у экземпляра из могильника Придорожное (***рис. 2: 3***).

Сечение предметов по форме плоско-выпуклое (0,2—0,3 см). Лента более широкая, нежели у браслетов варианта I, и составляет 1,3—1,8 см.

Вариант III (***рис. 3***). Следует отдельно отметить браслеты из комплексов Хрустальное—38а (***рис. 3: 1***) и 41 (***рис. 3: 2***), известные по архивным

[2] Автор выражает благодарность К. Н. Скворцову, зав. сектором археологии КОИХМ, за возможность использования в работе неопубликованных материалов из раскопок грунтовых могильников Алейка 3, Большое Исаково, Гурьевск, Шоссейный (*Скворцов, 1996*; *2000*; *2002*; *2006*).

[3] Антропологические исследования костного материала из современных раскопок проводились частично. При определении половой принадлежности погребенных автор пользуется методикой, основанной на анализе признаков погребального инвентаря, в первую очередь предметов убора.

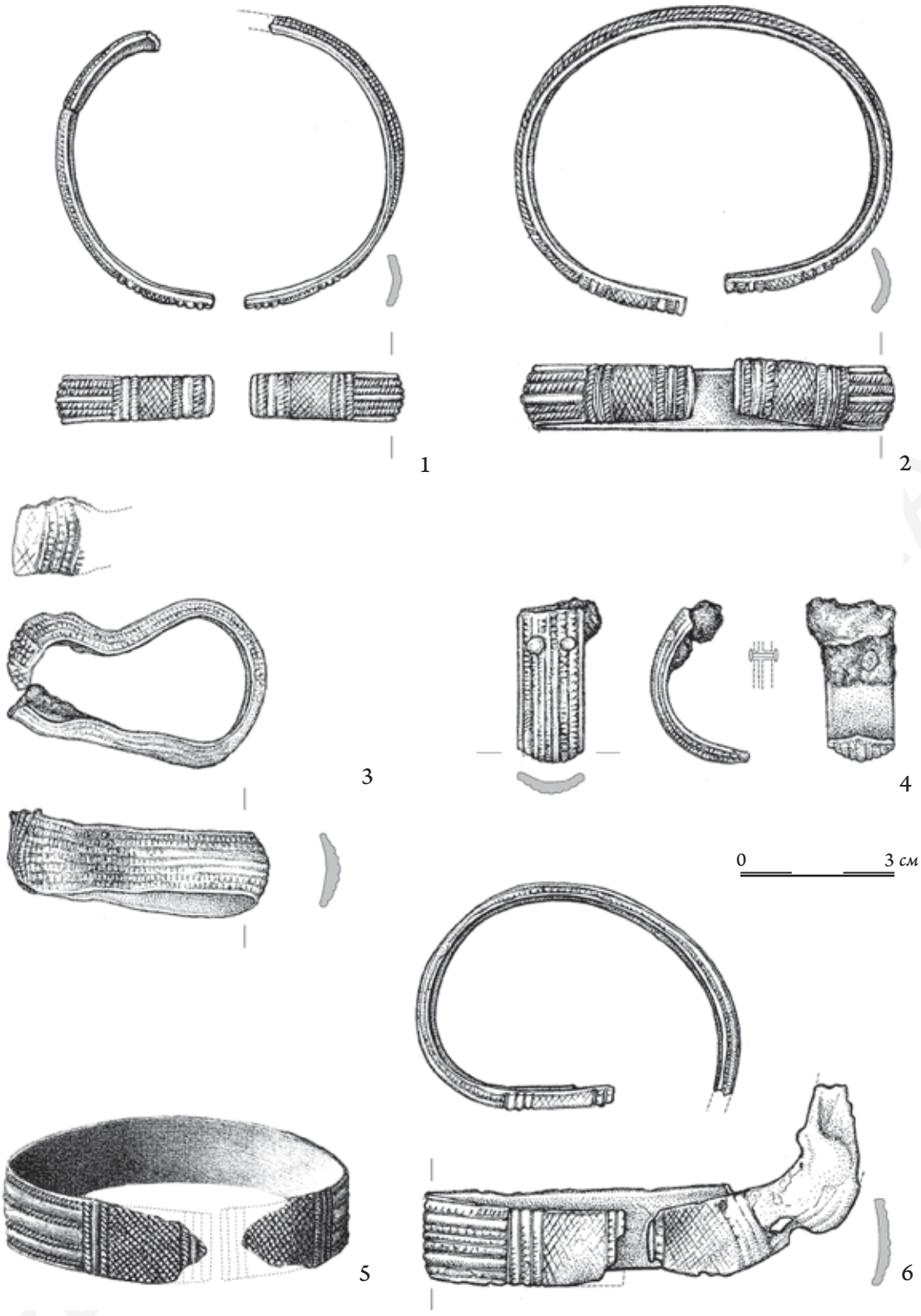

Рис. 1. **Пластинчатые браслеты варианта I**: 1 — Шоссейный, № 1; 2 — Большое Исаково, погр. 88, № 46; 3 — Большое Исаково, погр. 51, № 15; 4 — Большое Исаково, погр. 51, № 4, 1; 5 — Елановка, погр. 36 (*Tischler O., Kemke H., 1902, Taf. XIV: 16*); 6 — Гурьевск, погр. 13с, № 5. Рисунки О. Хомяковой

Abb. 1. **Bandarmringe. Variant I**: 1 – Shossejnyj, Nr. 1; 2 – Bolshoje Isakovo, Grab. 88, Nr. 46; 3 – Bolshoje Isakovo, Grab. 51, Nr.15; 4 – Bolshoje Isakovo, Grab. 51, Nr. 4, 1; 5 – Elanovka, Grab. 36; 6 – Gurjevsk, Grab. 13c, Nr. 5. Zeichnung O. Homiakova

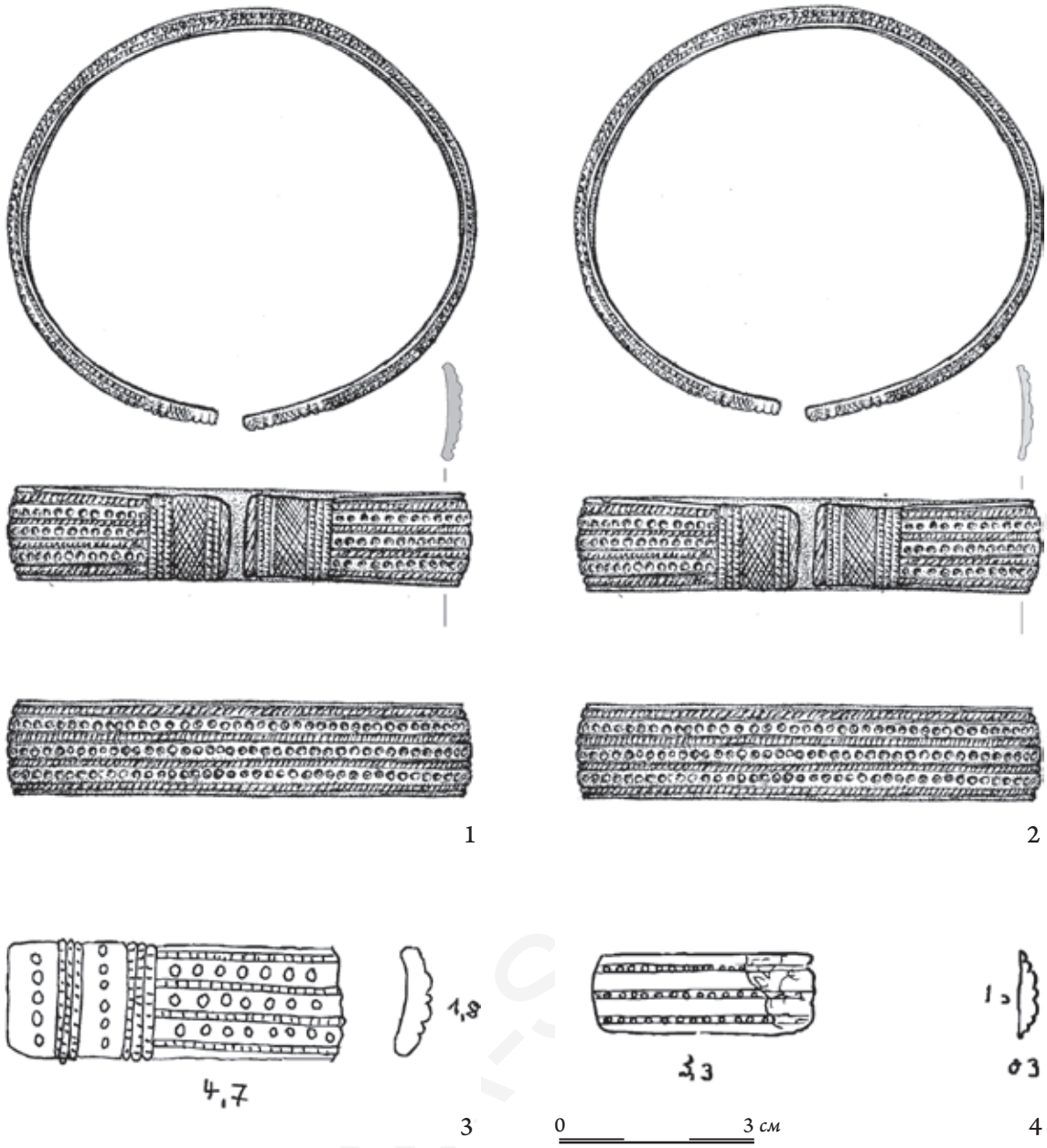

Рис. 2. **Пластинчатые браслеты варианта II**: 1 — Большое Исаково, погр. 196, № 6; 2 — Большое Исаково, погр. 196, № 5; 3 — Придорожное; 4 — Калининград, погр. 5. 1, 2 — рисунки О. Хомяковой; 3, 4 — рисунки из архива Г. Янкуна

Abb. 2. **Bandarmringe. Variant II**: 1 – Bolshoje Isakovo, Grab. 196, Nr. 6; 2 – Bolshoje Isakovo, Grab. 196, Nr. 5; 3 – Pridorozhnoe; 4 – Kaliningrad, Grab. 5. 1, 2 – zeichnung O. Homiakova; 3, 4 – laut G. Jankuhn-Archive

материалам. Характер основных морфологических признаков позволяет относить их к типу пластинчатых украшений. Сечение плоское с внутренней стороны и выпуклое с внешней, около 0,2—0,3 см. Ширина ленты составляет 1,6—1,9 см. Окончания этих изделий покрывает орнамент, присущий рассмотренным выше браслетам. Однако их лента орнаментирована несколько иным образом: тремя горизонтальными поясками (Хрустальное—41), либо двойными таушированными железными проволочками с насечками (Хрустальное—38а). В последнем случае зоны с таким орнаментом чередуются с пустыми и отделены друг от друга тремя вертикальными рифлеными бороздками.

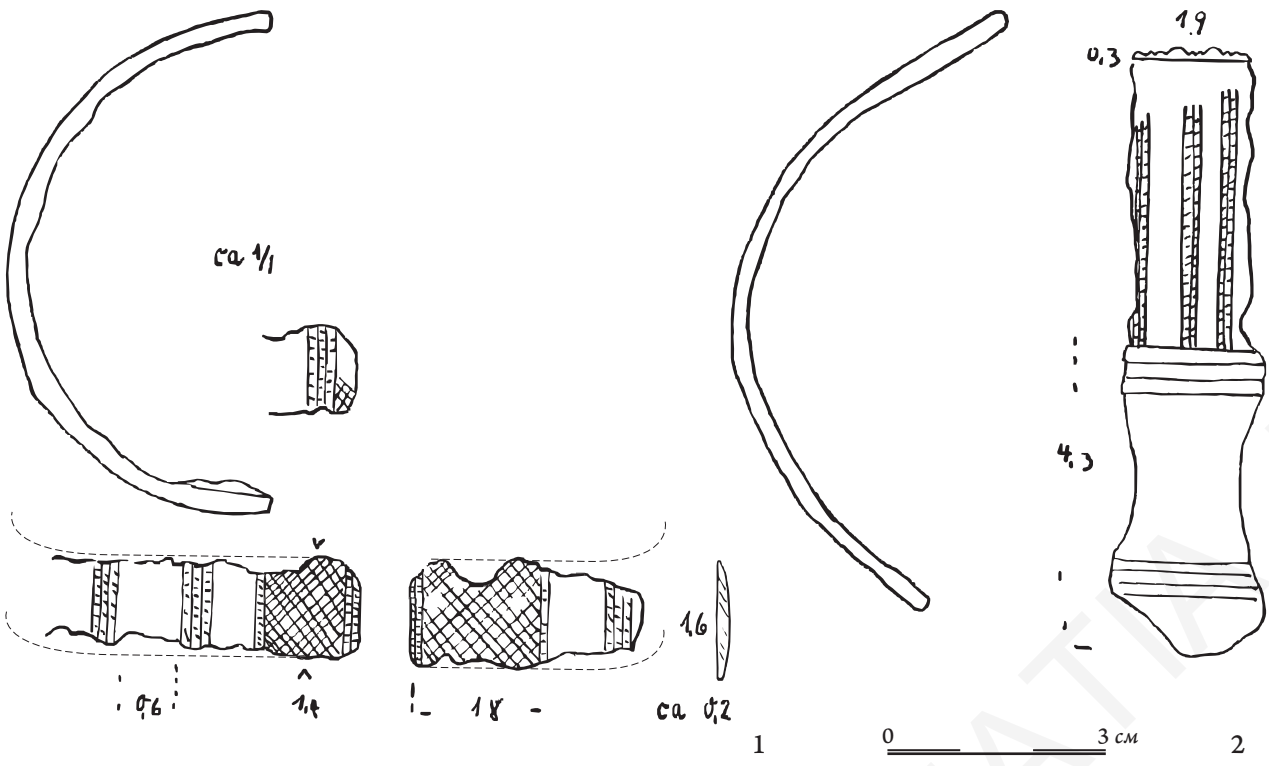

***Рис. 3.* Пластинчатые браслеты варианта III**: 1 — Хрустальное, погр. 38а; 2 — Хрустальное, погр. 41. Рисунки из архива Г. Янкуна

***Abb. 3.* Bandarmringe. Variant III**: 1 – Hrustalnoe, Grab 38a; 2 – Hrustalnoe, Grab 41. Laut G. Jankuhn-Archive

К типу пластинчатых браслетов, на мой взгляд, можно отнести и изделия из погребения 92 могильника Большое Исаково (***рис. 4***; ***ил. XII: 3***), которые характеризует более тонкая относительно других браслетов лента шириной около 0,9 см и плоско-выпуклое сечение толщиной около 0,2 см.

Эти экземпляры отличает орнамент, покрывающий всю поверхность ленты. Он представляет собой нанесенные при помощи штихеля узоры в виде заполненных линиями треугольников, которые соприкасаются вершинами. Окончания отличает характерный для изделий этого типа декор в виде заштрихованных зон.

Попытка установить датировку пластинчатых браслетов в древностях культуры в настоящее время может быть сделана на основе корреляции предметов из состава погребального инвентаря в закрытых комплексах, где они были выявлены (см. ***приложение***).

Так, для большинства пластинчатых браслетов вариантов I и II наиболее характерна совместная встречаемость с фибулами типа A.167, украшенными кольцевым гарнитуром, а также застежками типа A.161—162 с тремя кнопками, пряжками D-образной формы типов ML D 24 и D 29. Такой состав предметов женского убора в древностях самбийско-натангийской культуры был характерен для периода C_{1b}—C_2 хронологии римского времени[4].

В пользу такой датировки браслетов говорит и наличие узко датируемых предметов в рассматриваемых комплексах: в парном погребении Большое Исаково—88 — умбона щита типа Цилинг D1 / «Конин» (*Zieling, 1989, Taf. 14: 3; 16: 3, 4*), относящегося к фазе C_{1b}; а в одном из трех погребений коллективного захоронения, куда входила могила Большое Исаково—92, — фибулы «Monstrouse» типа A.216 (*Скворцов, 2000, рис. 138: 32*). Последние в европейских древностях датируются узко в пределах периода C_{1b}—C_2 (*Werner, 1989, S. 247—251; Шаров, 1992, с. 175*).

[4] Все хронологические определения, предложенные в работе, основываются на системе Эггерса—Годловского (*Eggers, 1955*; *Godłowski, 1974*).

Рис. 4. **Пластинчатый браслет № 19 из погр. 92 могильника Большое Исаково**. Рисунок О. Хомяковой

Abb. 4. **Bandarmringe. Bolshoe Isakovo, Grab. 92 (Nr. 19)**. Zeichnung O. Homiakova

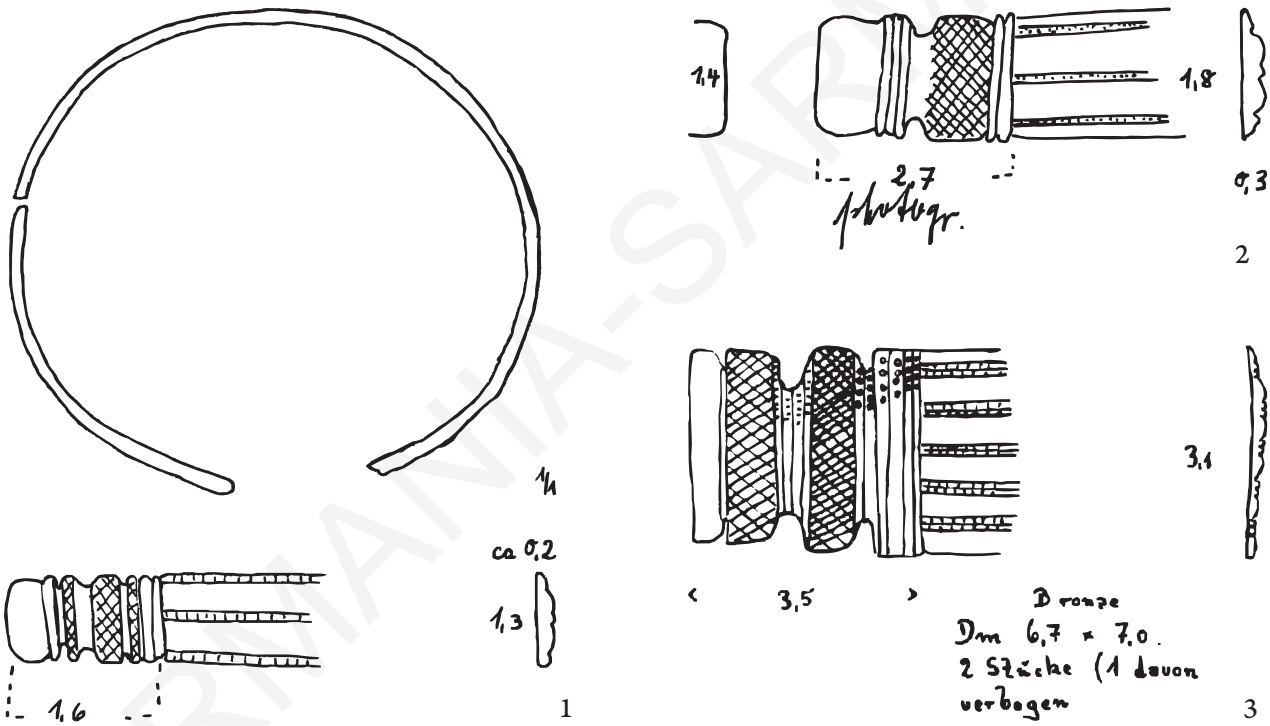

Рис. 5. **Самбийские змеевидные браслеты с признаками стиля пластинчатых**: 1 — бывш. Grebieten (Grebieten, Kr. Fischhausen), PM IV, 172, 5346; 2 — Поваровка (бывш. Kirpehnen, Kr. Fischhausen), PM III, 283, 2107; 3 — Грачевка (бывш. Craam, Kr. Fischhausen). Рисунки из архивов Г. Янкуна и Р. Гренца

Abb. 5. **Samländische Schlangenkopfarmringe mit den Charakteristiken des Stiles der Bandarmringe**: 1 – form. Grebieten (Grebieten, Kr. Fischhausen), PM IV, 172, 5346; 2 – Povarovka (form. Kirpehnen, Kr. Fischhausen), PM III, 283, 2107; 3 – Grachjovka (form. Craam, Kr. Fischhausen). Laut G. Jankuhn and R. Grenz-Archives

GERMANIA-SARMATIA II

Экземпляры из могильника Хрустальное, отнесенные к варианту III, вероятно, появляются несколько раньше. Так, в комплексе Хрустальное—38а браслет выявлен вместе с перекладчатыми фибулами «мазурского типа» и застежкой типа А.130, а также самбийским змеевидным браслетом. Это позволяет считать, что наиболее ранние пластинчатые украшения в материалах культуры могли появиться уже в период B_2/C_1—C_{1a}, т. е. одновременно с типом «манжетовидных» (*Nowakowski, 1996, S. 32*), внимание которым будет уделено дальше.

Касаясь вопросов появления пластинчатых браслетов в составе убора культуры, в первую очередь необходимо отметить, что традиция ношения таких украшений в древностях западнобалтийских курганов, вероятно, существовала еще в период раннего железного века, среди находок которого присутствуют похожие браслеты, изготовленные из тонких пластин и украшенные штихельным орнаментом: окончания — зонами с нанесенными крест-накрест насечками, лента — линиями, составляющими треугольники (*Gaerte, 1929, Abb. 72: a, c–e*; *Okulicz, 1973. ryc. 141: a*). Большая временная отдаленность не позволяет считать, что генезис рассматриваемых изделий мог быть прямым. Но их появление, полагаю, может быть своеобразным возвращением к ранним, более древним традициям, сохранявшимся в местной культурной среде. В частности, подобный орнамент можно видеть на рассматриваемых экземплярах из погребения 92 могильника Большое Исаково (***рис. 4***).

Внимание, как уже отмечалось выше, следует обратить и на категорию «манжетовидных» украшений, или *Manschettenarmringe*, характерных именно для балтских древностей, — широкая лента плоского сечения с рифлеными поясками по периметру и окончания, орнаментированные поперечными линиями с насечками. Подобные украшения прежде всего были широко распространены в литовских древностях позднеримского времени, C_1—C_2 (*LAA, 1978, karte 53*; *Michelbertas, 1986, pav. 54: 2*); на территории Мазурского поозерья, в материалах богачевской культуры и затем августовской группы судовской культуры, где они датируются периодом B_2/C_1—C_{1a} (*Szymański, 2005, tab. X: 1*; *Bitner-Wróblewska, 2007, s. 56, 57*).

В ареале самбийско-натангийской культуры «манжетовидные» украшения, вероятно, не были широко представлены. Наиболее известный экземпляр с территории Самбии происходит из погребения 30 могильника Сиренево (бывш. Eisselbitten, Kr. Fischhausen) (*Tischler, Kemke, 1902, S. 40, Taf. XIV: 19*). Датировка этих браслетов соотносится с мазурскими экземплярами — периодом B_2/C_1—C_{1a}.

Несомненно, рассматриваемые нами предметы выполнены в общей стилистике с ними, что позволяет порой относить их к одному типу (*Nowakowski, 1996, S. 32, Taf. 55: 5*). Однако характер морфологических признаков и основных параметров дает основание полагать, что мы имеем дело с несколько иной группой изделий, в формировании облика которой могли сыграть роль и другие факторы.

Так, следует обратить внимание на некоторые местные формы змеевидных браслетов, появление которых в древностях самбийско-натангийской культуры связывается с вельбаркским импульсом с территории Жулавов, в частности, восточной части Вислинского эстуария, который играл ключевую роль в процессах янтарного обмена в регионе (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2008, s. 229, 230, fig. 2*). Эти украшения выполнены в иной технике — литье, их окончания характеризуют сдвоенные полусферы, разделенные перемычками. У части этих изделий есть признаки единого стиля с пластинчатыми браслетами[5] (***рис. 5: 1—3***). Так, они имеют уплощенное сечение (около 0,2—0,3 см). Полукруглые окончания украшены заштрихованными крест-накрест зонами.

Возможно, пластинчатые браслеты представляют собой предметы, в формировании облика

[5] Перечень самбийских змеевидных браслетов с признаками общего стиля с пластинчатыми (по данным архивов Г. Янкуна и Р. Гренца): 1) Бывш. Grebieten (Grebieten, Kr. Fischhausen), PM IV, 172, 5346. Случайная находка. Бронза, таушировн железными проволочками. D. 6,1 cm W. 1,3 cm. Tr. 0,2 см; 2) Бывш. Grebieten (Grebieten, Kr. Fischhausen), PM IV, 172, 5346. Случайная находка. Бронза. W. 1,5 см. Tr. 0,2 см; 3) Поваровка (бывш. Kirpehnen, Kr. Fischhausen), PM III, 283, 2107. Случайная находка. Бронза. W. 1,8 см. Tr. 0,3 см; 4) Поваровка (бывш. Kirpehnen, Kr. Fischhausen), PM III, 283, 2107. Случайная находка. Бронза. W. 1,9 см. Tr. 0,35 см; 5) Грачевка (бывш. Craam, Kr. Fischhausen). Случайная находка. Бронза. W. 3,1 см.

которых могли найти отражение не только местные балтские, но и традиции, привнесенные с территории, расположенной южнее р. Пасленка (*польск. Pasłęk*).

Далее следует обратить внимание на то, что наибольшее количество экземпляров рассматриваемых изделий (более 15 мест находок) в настоящее время известно не на Самбийском полуострове, а в ареале культуры западнобалтских могильников с каменными венцами (современный Клайпедский край Литвы), где они давно выделены в отдельную группу (*Moora, 1929, Taf. XXVII: 2, 3*; *Moora, 1938, S. 417, 418*; *Kulikauskas et al., 1961, p. 231, 232, pav. 157*; *Michelbertas, 1986, p. 144, 145, pav. 53, 57*).

Все литовские браслеты, подобно местным образцам, изготовлены из бронзы. На их окончаниях присутствует орнамент в виде заштрихованных зон, а ленту украшают горизонтальные бороздки с насечками, которые также могут чередоваться с поясками круглых штампов. Наиболее близкие аналогии самбийские браслеты находят в материалах могильников Рудайчяй, (Rudaičiai), где пластинчатые экземпляры характеризуют уплощенное сечение и лента толщиной 1,6—2,1 см (*Michelbertas, 1986, p. 144, 145, pav. 53: 3*) и Микужяй (Mikužiu) (толщина 1,4 см; сечение 0,2) (*Michelbertas, 2005, p. 104, pav. 5: 9*). Датировка этих украшений соотносится с периодом C_{1a}—C_{1b}. Необходимо отметить украшения, выявленные в центральной Литве на могильнике Пайюостис (Pajuostis), в погребениях 3 (Tr. 1,2—1,4 см), 13 (Tr. 0,6 см) (*Michelbertas, 2004, p. 45, pav. 28: 2; 30: 5*), относящихся ко времени C_{1b}—C_2.

Пластинчатый браслет, украшенный по периметру горизонтальными линиями с насечками и поясками круглых штампов, близкий нашему варианту II, происходит из погребения 13 могильника Стрягняй (Stragnai). Он находился вместе с бубенчиковидными подвесками, фибулами группы VI по О. Альмгрену, D-образной пряжкой и датирован периодом C_{1b}—C_2 (*Banytė-Rowell, 2007, p. 332, pav. 4: 4*).

Отметим, что образцы пластинчатых браслетов с территории Литвы, в частности из могильника Акменай (Akmeniai), могут иметь слегка сужающиеся окончания, украшенные одним-двумя поясками вертикальных насечек, между которыми может располагаться орнамент в виде штриховки или неорнаментированная зона. Их поверхность украшалась также горизонтальными рифлеными бороздками (*Michelbertas, 2006. p. 51, pav. 40: 2, 3*). Данный экземпляр имеет наиболее раннюю датировку и относится к периоду B_2/C_1.

Подобное сходство основных морфологических признаков позволяет говорить о том, что пластинчатые украшения могли быть единым типом изделий, распространенным как в Самбии и Натангии, так и на территории современного Клайпедского края в западной Литве. Их возникновение в ареалах обеих культур соотносится с одним периодом (B_2/C_1) и, вероятно, было продиктовано единым импульсом. Возможно, первоначально они могли появиться в самбийско-натангийской культуре, которая находилась в центре различных взаимовлияний, откуда попали в ареал культуры могильников с каменными венцами. На литовских территориях в позднеримский период пластинчатые браслеты получили свое наибольшее распространение и продолжали существовать там до начала эпохи Великого переселения народов. Подобное длительное бытование различных типов ювелирных украшений, имеющих прототипы в германских древностях, является одной из специфичных черт балтских культур и связывается с консерватизмом этого общества (*Godłowski, 1970, s. 93*; *Bitner-Wróblewska, 2006, s. 11*). Так, отдельные виды ювелирных изделий, появившиеся в период римского влияния, в несколько низменном виде существовали в балтских древностях вплоть до VI — начала VII в. н. э. (*Nowakowski, 1998, S. 56, Abb. 18: 186, 610*; *Bliujienė, 1999. s. 177, pav. 47*).

Необходимо отметить, что кроме обозначенного ареала этот тип пластинчатых браслетов не получил широкого распространения на других балтских территориях и является, таким образом, категорией, специфичной для самбийско-натангийской и культуры могильников с каменными венцами. Экземпляр, происходящий из древностей могильника Плинкайгалис (Plinkaigalis), погребение 263 (*Kazakevičius, 1993, pav. 149: 3—6*), относящегося к группе грунтовых могильников центральной Литвы, имеет сходство с «исключительным» образцом пластинчатых украшений из Большого Исаково—92. Отметим, что он датируется второй половиной IV — началом V в. н. э., т. е. начальным этапом Великого переселения народов.

В данном контексте представляют интерес единичные находки пластинчатых браслетов, происходящие из северных областей *Germania Liberia*. Так, экземпляры из бронзы, лента которых покрыта горизонтальными поясками, украшенными насечками, а окончания — зонами с нанесенными крест-накрест линиями, отделенными вертикальными бороздками, известны в материалах нижнего течения Эльбы, земли Шлезвиг-Гольштейн, на территории современного округа Лауэнбург Германии (*Eggers, Stary, 2001, Taf. 368: 12, 13*). Подобные отдельные находки, на наш взгляд, могут быть одним из свидетельств разносторонних контактов, осуществлявшихся в рамках интенсификации торговых отношений между южной и юго-восточной Прибалтикой и западными провинциями Римской империи по водному пути Балтийского моря в позднеримский период.

Итак, пластинчатые браслеты — это особый тип изделий с присущими только ему морфологическими признаками. Узкая хронология основной их массы (вариантов I и II) в древностях самбийско-натангийской культуры позволяет считать их одним из индикаторов периода C_{1b}—C_2.

Нахождение пластинчатых украшений в составе убора может быть одним из многочисленных свидетельств постоянного присутствия балтского компонента в культуре. Подобные традиции, в частности, существовали на этой территории еще с позднего бронзового и раннего железного веков.

Такие украшения, вероятно, происходят из общего культурного поля, характерного для западнобалтского круга, в рамках которого существовали другие схожие виды украшений (как, например, *Manschettenarmringe*). Однако местоположение и ведущая роль Самбии и Натангии в культурно-исторических процессах региона, которые обуславливали наличие постоянного импульса с территории междуречья Ногата (восточный рукав Вислы при впадении ее в Гданьский залив Балтийского моря) и Пасленки, приводило к появлению таких специфических типов вещей, не характерных для других культур западнобалтского круга.

Помимо самбийско-натангийской подобные украшения были характерны только для культуры могильников с каменными венцами. Это является одним из свидетельств тесных контактов ее носителей именно с территорией Самбии и Натангии, а также одним из примеров некой родственности культур вследствие их особого положения и роли в процессах янтарного обмена (***рис. 6***). В ареалах обеих культур они появились одновременно, однако на территории Литвы пластинчатые браслеты получили наибольшее распространение и продолжали существовать в отдельных случаях вплоть до начала Великого переселения народов.

GERMANIA-SARMATIA II

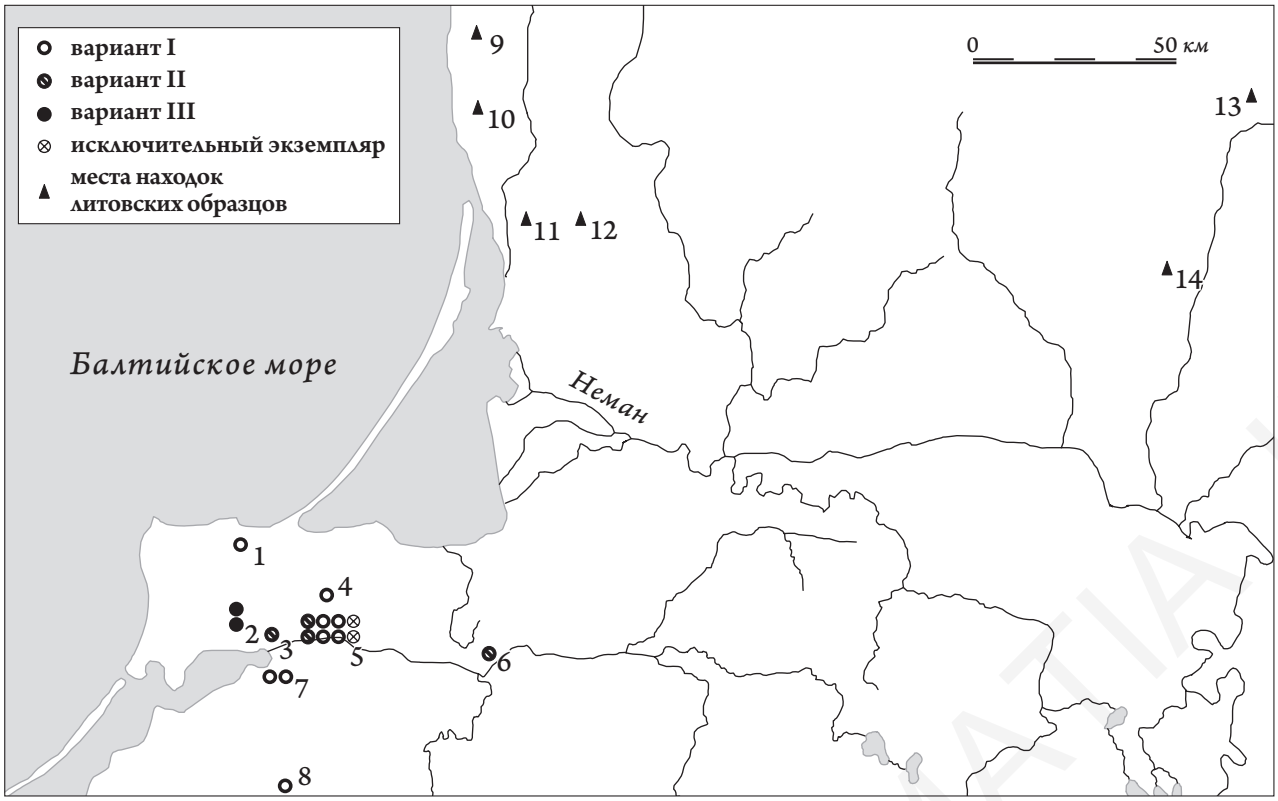

Рис. 6. **Распространение пластинчатых браслетов. Самбийско-натангийская культура**:
1 — Алейка 3 (быш. Jaugehnen, Kr. Fischhausen); 2 — Хрустальное (бывш. Wiekau, Kr. Fischhausen);
3 — Калининград (бывш. Groß Friedrichsberg, Kr. Königsberg); 4 — Гурьевск (бывш. Klein Heide, Kr. Königsberg);
5 — Большое Исаково (бывш. Lauth, Kr. Königsberg); 6 — Придорожное (бывш. Stobingen, Kr. Wehlau);
7 — Шоссейный (бывш. Warthen, Kr. Königsberg); 8 — Елановка (бывш. Wackern, Kr. Preußisch Eylau);
Культура могильников с каменными венцами (Западная Литва): 9 — Рудайчяй I (Rudaičiai I);
10 — Акменяй (Akmeniai); 11 — Страгняй (Stragnai); 12 — Микужяй (Mikužiai);
Центральная Литва: 13 — Пайюостис (Pajuostis), Паневежеский р-н; 14 — Плинкайгалис (Plinkaigalis),
Кеданяй, Каунасский р-н

Abb. 6. **Verbreitung der Bandarmringe. Samländisch-natangischen Kultur**: 1 – Alejka 3 (ehem. Jaugehnen,
Kr. Fischhausen); 2 – Hrustalnoe (ehem. Wiekau, Kr. Fischhausen); 3 – Kaliningrad (ehem. Groß Friedrichsberg,
Kr. Königsberg); 4 – Gurjevsk (ehem. Klein Heide, Kr. Königsberg); 5 – Bolshoe Isakovo (ehem. Lauth, Kr. Königsberg);
6 – Pridorozhnoe (ehem. Stobingen, Kr. Wehlau); 7 – Shossejnyj (ehem. Warthen, Kr. Königsberg); 8 – Elanovka
(ehem. Wackern, Kr. Preußisch Eylau);
Die westlitauischen Flachgraber mit Steinkreisen (Westlich Lithuania):
9 – Rudaičiai I; 10 – Akmeniai,; 11 – Stragnai; 12 – Mikužiai;
Zentrale Lithuania: 13 – Pajuostis, Panevėžys Gebiet; 14 – Plinkaigalis, Kédainiai, Kauno Gebiet

GERMANIA BALTICA

Приложение. Каталог пластинчатых браслетов с территории самбийско-натангийской культуры

Аббревиатуры описания параметров находок: D. — диаметр; E. — толщина окончаний браслета; L. — длина; M. — вес; Th. — толщина сечения браслета; W. — толщина ленты браслета.

Классификация погребального инвентаря приводится по следующим типологиям: фибулы — *Almgren, 1923*; бусы — *Tempelmann-Mączyńska, 1985*; пряжки — *Madyda-Legutko, 1987*; наконечники ремней — *Raddatz, 1957*; умбоны щитов — *Zieling, 1989*.

I. Алейка 3, Зеленоградский р-н, Калининградская обл. (бывш. Jaugehnen, Kr. Fischhausen):

1. Погребение 284, № 272. Урновая кремация, разрушена.
Вариант: I (?); материал: бронза. Описание: фрагмент ленты, сломан, обожжен. L. 4,4 см; W. 1,5 см; Th. 0,3 см. Инвентарь: нет. Хронология: (?)
Фонды КОИХМ (временный фонд).

II. Большое Исаково, Гурьевский р-н, Калининградская обл. (бывш. Lauth, Kr. Königsberg):

2. Погребение 51, № 4,1 (***рис. 1: 4; ил. XII: 6***). Урновая кремация.
Вариант: I; материал: бронза. Описание: три фрагмента одного браслета, обожжен, сломан. Следы починки: при помощи железной пластины (на внутренней стороне) и двух бронзовых заклепок (на внешней стороне). L. 2,7 см; W. 0,7 см; Th. 0,2 см. Инвентарь: фибулы A.161—162 (тип с тремя кнопками); пряжка ML тип D 24; стеклянные бусы TM групп I, XXII. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (КГОМ 1/48 № 16708,155).

3. Погребение 51, № 15 (***рис. 1: 3***). Урновая кремация.
Вариант: I; материал: бронза. Описание: обожжен, сломан. D. 5,21 см; W. 1,2 см; Th. 0,3—0,4 см; M. 20 г. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (КГОМ 1/48 № 16708.167).

4. Погребение 88, № 43. Урновая кремация.
Вариант: I; материал: бронза. Описание: D. 6,8 × × 6,4 см; W. 1,2 см; E. 1,1 см; Th. 0,2 см; M. 20 г. Инвентарь: фибулы A. 98, A.167, A.161—162 (тип с тремя кнопками); пряжка ML тип D 29; стеклянные бусы TM групп I, XXII, XXIII: умбон щита Цилинг тип D 1; подвески в виде монет с высверленными отверстиями сестерции имп. Коммода, Марка Аврелия; Антонина Пия, сестерций Фаустины Минор. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (временный фонд).

5. Погребение 88, № 46 (***рис. 1: 2; ил. XII: 1***). Урновая кремация.
Вариант: I; материал: бронза. Описание: D. 7,1 × × 6,7 см; W. 1,17 см; E. 1 см; Th. 0,2 см; M. 22 г. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (временный фонд).

6. Погребение 92, № 19 (***рис. 4***; ***ил. XII: 3***). Урновая кремация.
Вариант: «исключительный»; материал: бронза. Описание: D. 4,3 × 4 см; W. 0,6 см; E. 1,4 см; Th. 0,2 см; M. 11 г. Инвентарь: фибулы A.161—162 (тип с тремя кнопками); пряжка ML тип D 29. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (временный фонд).

7. Погребение 92, № 18. Урновая кремация.
Вариант: «исключительный»; материал: бронза. Описание: два фрагмента браслета, согнутых и продетых друг в друга. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (временный фонд).

8. Погребение 196, № 5 (***рис. 2: 2; ил. XII: 2***). Урновая кремация.
Вариант: II; материал: бронза. Описание: D. 6,1—7 см; W. 1,3 см; E. 1,2 см; Th. 1,5 см; M. 23 г. Инвентарь: фибулы A.167, A.161—162 (тип с тремя кнопками); наконечник ремня типа Раддатц J II 3. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (КГОМ 1/49 № 17523.17).

9. Погребение 196, № 6 (***рис. 2: 1***). Урновая кремация.
Вариант: II; материал: бронза. Описание: D. 6—6,7 см; W. 1,3 см; E. 1,2 см; Th. 0,2 см; M. 24 г. Хронология: C_{1b}—C_2.
Фонды КОИХМ (КГОМ 1/49 № 17523.18).

III. Елановка, Багратионовский р-н, Калининградская обл. (бывш. Wackern, Kr. Preußisch Eylau):

10. Погребение 36 (***рис. 1: 5***). Безурновая кремация.

Вариант: I; материал: бронза. Описание: нет (только рисунок). Инвентарь: три керамических сосуда, четырехгранное в сечении шило, два ножа, два наконечника копья. Хронология: C.

Tischler, Kemke, 1902, S. 40, Taf. XIV: 16.

IV. Гурьевск, Гурьевский р-н, Калининградская обл. (бывш. Klein Heide, Kr. Königsberg):

11. Погребение 13c, № 5 (***рис. 1: 6; ил. XII: 5***). Урновая кремация.

Вариант: I; материал: бронза. Описание: два фрагмента одного браслета, сломан, обожжен. W. 1,6 см; E. 1,5 см; Th. 0,2 см; M. 27 г. Инвентарь: фибула A. 167; стеклянные бусы типа TM 260/262; сестерции имп. Адриана и Марка Аврелия; железные бубенчиковидные подвески Schellenberlocken. Хронология: C_{1b}—C_2.

Фонды КОИХМ (КГОМ 1/46 № 15466.10; КГОМ 1/46 № 15466.11).

V. Хрустальное, Зеленоградский район, Калининградская обл. (бывш. Wiekau, Kr. Fischhausen):

12. Погребение 38a (***рис. 3: 1***). Урновая кремация.

Вариант: III; материал: бронза, таушировка железными проволочками. Описание: фрагмент ленты, сломан, обожжен. W. 1,6 см; Th. 0,2 см. Инвентарь: фибула A. 98, A. 130, браслет типа Trömpau, стеклянные бусы групп TM I, III, XXIX, бронзовые бусы типа TM 521. Хронология: B_2/C_1.

Архив Герберта Янкуна.

13. Погребение 41 (***рис. 3: 2***). Урновая кремация.

Вариант: III; материал: бронза. Описание: фрагмент ленты браслета, сломан. W. 1,9 см; Th. 0,3 см. Инвентарь: фибулы A.98, стеклянные бусы типа TM 291d. Хронология: B_2/C_1.

Архив Герберта Янкуна.

VI. Калининград, областной (бывш. Groß Friedrichsberg, Kr. Königsberg):

14. Погребение 5 (***рис. 2: 4***). Тип погребального обряда неизвестен.

Вариант: II; материал: бронза. Описание: фрагмент ленты браслета, сломан. L. 3,3см; W. 0,3 см; Th. 0,3 см. Инвентарь: нет. Хронология: (?)

Архив Рудольфа Гренца (PM VII.243.11407).

VII. Придорожное, Славский р-н, Калининградская обл. (бывш. Stobingen, Kr. Wehlau):

15. Случайная находка (***рис. 2: 3***). Тип погребального обряда неизвестен.

Вариант: II; материал: бронза. Описание: фрагмент ленты браслета, сломан. L. 4,7 см; W. 1,8 см. Хронология: (?)

Архив Герберта Янкуна (PM III.139.996,13).

VIII. Шоссейный, Гурьевский р-н, Калининградская обл. (бывш. Warthen, Kr. Königsberg):

16. Случайная находка № 1 (***рис. 1: 1***; ***ил. XII: 4***). Тип погребального обряда неизвестен.

Вариант: I; материал: бронза. Описание: два фрагмента одного браслета. W. 0,9 см; E. 0,8 см; Th. 0,2 см; M. 14 г. Хронология: (?)

Фонды КОИХМ (временный фонд).

17. Случайная находка № 2. Тип погребального обряда неизвестен.

Вариант: I; материал: бронза. Описание: три фрагмента одного браслета, сломан. W. 0,9—1 см; E. 0,9 см; Th. 0,2 см; M. 14 г. Хронология: (?)

Фонды КОИХМ (временный фонд).

GERMANIA SARMATICA II

Литература

Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 г. М.

Шаров О. В., 1992. Хронология могильников Ружичанка, Кованово, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург.

Almgren O., 1923. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung derprovinzialrömischen und südrussischen Formen. (Mannus-Bibliothek; 32). Leipzig.

Banytė-Rowell R., 2007. Ażurowe okucia końca pasa – wędrówka wzoru między Gotlandią, Mazurami a Litwą zachodnią // Kultura bogaczewska w 20 lat później. Materiały z konferencji, Warszawa, 26–27 marca 2003. Seminarium Bałtyjskie. T. I. Warszawa.

Bitner-Wróblewska A., 2006. The key problems of late Migration period in the Balt lands // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas.

Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland // Monumenta Archaelogica Barbarica. T. XII. Warszawa.

Bliujienė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika: (istorijos mokslo leidinys). Vilnius.

Eggers H. J., 1955. Zur absolute Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien// JRGZM. Bd. 2.

Eggers H. J., Stary P. F., 2001. Funde der Vorrömischen Eisenzeit, der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Pommern. Lübstorf.

Gaerte W, 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg i. Br.

Godłowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.

Godłowski K., 1974. Chronologia okresu pyźnorzymskiego i wczesnego okresu wędrywek ludyw w Polsce pyłnocnowschodniej // Rocznik Białostocki. XII. Białystok.

Kazakevičius V., 1993. Plinkaigalio Kapinynas // Lietuvos Archeologija. T. 10. Vilnius.

Kulikauskas P., Kulikauskiene R., Tautavičius A., 1961. Lietuvos Archeologijos Bruožai. Vilnius.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas. I–XIII a, 1978. Pilkapynai ir senkapiai. T. IV. Vilnius.

Madyda-Legutko R., 1987. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. (BAR; 360).

Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje (II–V a.). Vilnius.

Michelbertas M., 2004. Pajuosčio pilkapynas. Vilnius.

Michelbertas M., 2005. Mikužiu kapinyno (Klaipėdos rajonas) radiniai // Archaelogia Lituana. 6. Vilnius.

Michelbertas M., 2006. Akmenių ir Perkūniškės pilkapiai. Vilnius.

Moora H., 1929. Das Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. T. I. Tartu.

Moora H., 1938. Das Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. T. III. Tartu.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J., 2008. Two richly furnished graves with Roman imports from the cemetery at Weklice, site 7, Elbląg commune (Poland) // Germania. 86. H. 1. Frankfurt a. M.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa.

Nowakowski W., 1998. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren // Museum für Vor- und Frühgeschichte. (Bestandskataloge; Bd. 6). Berlin.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od pyźnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Krakyw; Gdańsk.

Raddatz K., 1957. Der Thorsberger Moonfund. Gürtelteile und Körperschmuck. (Offa-Bücher; Bd. 13). Neumünster.

Szymański P., 2005. Mikroregion osadniczy z okresu wspływow rzymskich w regione jeziora Salęt na Pojezerzu Mazurskim. Warszawa.

Tempelmann-Mączynska M., 1985. Die Perlen der römischer Kaiserzeit und der früher Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreißishe Altertümer aus der Zeit der großen Graberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Zieling N., 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe- und römischen Kaiserzeit im freien Germanien. (BAR; 505).

Werner J., 1989. Zu den römischen Mantelfibeln zweier Kriegergräber von Leuna // Jahresschrift von mitteldeutscher Vorgeschichte. Hf. 72. Halle.

Архивные материалы

Архивы Герберта Янкуна и Рудольфа Гренца, хранящиеся в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн, Шлосс-Готторф, г. Шлезвиг, Германия (Jankuhn Archiv und Grenz-Archiv, Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig, Deutschland).

Скворцов К. Н., 1996. Отчет о раскопках, проведенных Натангийским отрядом Балтийской археологической экспедиции ИА РАН на могильнике Кляйн Хайде // Архив ИА РАН. Р-I.

Скворцов К. Н., 2000. Отчет об охранных раскопках, поведенных Натангийским отрядом Балтийской археологической экспедиции ИА РАН на могильнике Большое Исаково—Лаут в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 24733.

Скворцов К. Н., 2002. Отчет по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут—Большое Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 25795.

Скворцов К. Н., 2006. Отчет Самбийской экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Алейка-3 в Зеленоградском районе Калининградской области // Архив ИА РАН. Р-I.

Фонды Калининградского областного историко-художественного музея.

GERMANIA-SARMATIA II

O. A. Homiakowa

Eine der Kategorien der samländischschen Bandarmringe

Unter Altertümern der samländisch-natangischen Kultur gibt es eine Reihe verschiedener Fundstücke, deren Wertung stark von der historischen Meinung der Vorkriegszeit (2. Weltkrieg) beeinflusst ist. Dies gilt auch für die Bewertung der Entstehung und Chronologie der Schmuckstücke. Das bis dahin bekannte Wissen ist als bruchstückhaft zu beschreiben.

In den Publikationen der Vorkriegszeit, die der ostpreußischen Geschichte und den Altertümern der Gegend gewidmet sind, ist nur ein einziges Exemplar von der Art des gefundenen Bandarmrings behandelt worden (*Tischler, Kemke, 1902, S. 40, Taf. XIV*). In den moderneren Untersuchungen, z. B. in der Monographie von W. Nowakowski (*Nowakowski, 1996, S. 32, Taf. 55: 5*) wird auch auf die Art der Armringe eingegangen.

Zur Zeit erweitert sich das Wissen über die Armringe der samländisch- natangsichen Kultur auf Grund der Fundstücke, die während der neuen Ausgrabungen in den Gräberfeldern der Römerzeit in Samland entdeckt worden sind.

Heute sind 17 Exemplare der Bandarmringe aus 8 verschiedenen Gräberfeldern aus dem samländischen Gebiet geborgen worden. 13 davon gehören zu den 7 Grabkomplexen, in 4 von denen diese Schmuckstücke doppelt waren. Alle diese Einbettungen wurden als Urnengräber ausgehoben. 4 der Gegenstände sind Einzelfunde, die sich in 3 verschiedene Arten aufteilen lassen, auf Grund der morphologischen Merkmale und der verschiedenen Ornamentierung (Katalog, Zeichnungen 1–4).

Die Datierung dieser Armringe kann auf Grund der Korrelation der Gegenstände aus dem Grabinventar durchgeführt werden. Die meisten Bandarmringe, die den Varianten I und II angehören, datiert man in die Periode C_{1b}–C_2. Die wenigen früheren Exemplare, die der Variante III angehören, stammen aus der Phase B_2/C_1–C_{1a}.

Die Tatsache, dass die Bandarmringe ein Teil der Tracht waren, zeugt vom ständigen Beisein des westbaltischen Komponents in der samländisch- natangischen Kulur. Ähnliche Schmuckstücke existieren in diesem Gebiet seit der späteren Bronzezeit und der jüngeren vorrömischen Kaiserzeit.

Diese Schmuckstücke stammen wahrscheinlich aus dem gesamten Kulturfeld, das für den westbaltischen Kreis typisch ist. Im Rahmen dieses Kreises existieren ähnliche Arten von Schmückstücken, z.B. Manschettenarmringe. Aber die Lage und die führende Rolle Samlandes und Natangiens in den

GERMANIA SARMATIA II

kulturhistorischen Prozessen der Region, die ständigen Impuls vom Gebiet zwischen Nogat und Pasleka verursachten, führten zur Entstehung von spezifischen Typen des Schmuckes, die für andere westbaltische Kulturen nicht kennzeichnend sind. Sowie die hier beschriebenen Fundstücke.

Außer der samländisch-natangischen Kultur sind solche Schmuckstücke nur für die westlitauische Kultur charakteristisch (***Abb. 6***).

Das lässt auf einen regen Kontakt zwischen den Völkern der samländisch- natangischen Kultur und dem Volk aus Westlitauen schließen, sowie auf die besondere Lage und die Rolle dieser Kulturen im Bersteinhandel. Im Samland und in Natangien sind die Bandarmringe zur etwa gleichen Zeit aufgetreten. In Westlitauen war die Verbreitung wesentlich höher und es gibt Fundstücke aus der Epoche der großen Völkerwanderung.

GERMANIA-SARMATIA II

Перевод резюме — ***О. Бершадская***

Калашников
Евгений Анатольевич

Калининград

Начальник научного
отдела государственного
учреждения культуры
«Научно-производственный
центр по охране
памятников»

nadrovia@mail.ru

Е. А. Калашников

Вновь выявленные погребальные памятники в Надровии и Самбии (Калининградская область)

В 2004 г. на территории Черняховского района Калининградской обл. проводились археологические разведки, целью которых было выявление в бассейнах рек Анграпа и Инструч, образующих при слиянии р. Преголя (историческая область Надровия), новых памятников, а также поиск ранее известных по библиографическим материалам, но утраченных после Второй мировой войны.

В ходе работ были обнаружены и обследованы следующие памятники: 1. пос. Ботаническое (г. Черняховск) (бывш. Wengerin). Могильник, II—V вв. н. э.; 2. пос. Родниково (бывш. Friedensfelde). Могильник, I—II вв. н. э.; 3. г. Черняховск, ул. Дачная (бывш. Althof-Insterburg). Могильник, II—VI вв. н. э. На последнем были заложены два шурфа, в которых были выявлены три погребения (*Калашников, 2005*).

Могильник (бывш. Althof-Insterburg) расположен в 0,6 км к юго-западу от слияния рек Инструч и Анграпа (***рис. 1***) в древней пойме, на северном и южном берегах канала, построенного в конце XIX в., разрезавшего могильник, на слабовыраженной песчаной возвышенности, понижающейся к югу и заметно повышающейся к северу.

Памятник упоминается в списках Э. Холлака (*Hollack, 1908*). Впервые он был обнаружен в 1888 г. при строительстве вышеупомянутого судоходного канала и речного порта. В 1925 г. могильник исследовал В. Герте при строительстве параллельной каналу портовой железной дороги, повредившей памятник. Им было вскрыто 64 погребения, совершенных по обряду кремации. В 1934 г. работы проводил В. Грюнерт и исследовал 16 погребений (***рис. 2***), также совершенных по обряду кремации (*Grunert, 1937*). В 1937, 1938 и 1941 гг. могильник исследовали В. Грюнерт и В. Гронау. Всего было раскопано 178 погребений (*Grunert, 1939*; *1941*): ингумации, урновые и безурновые кремации и захоронения коней, часть погребений была перекрыта каменными вымостками в 1-2 слоя, и некоторые из них имели каменные ящики.

В ходе разведывательных работ сбор подъемного материала почти не дал результатов, за исключением трех невыразительных фрагментов лепной керамики и одного фрагмента дна лепного керамического сосуда светло-коричневого цвета, неравномерного обжига, обнаруженных на северном берегу канала. На южном берегу канала заложено два шурфа на местах несанкционированного отбора песка местными жителями.

Шурф 1 — на месте грабительской ямы (на выбросах у которой обнаружены кальцинированные кости) в 4 м к северу от железнодорожного полотна и в 20 м к югу от канала. Его первоначальные размеры — 1 × 1 м, а затем он был расширен до 1,6 × 2 м, ориентирован по оси С—Ю. Общая мощность культурных напластований составила 0,62 м.

GERMANIA ANTIQUA II

***Рис. 1.* Географическое расположение могильников**: 1 — Коврово (Nautzau); 2 — Черняховск (Althof-Insterburg)

***Abb. 1.* Die geographische Lage der Gräberfelder**: 1 – Kovrovo (Nautzau); 2 – Černjachovsk (Althof-Insterburg)

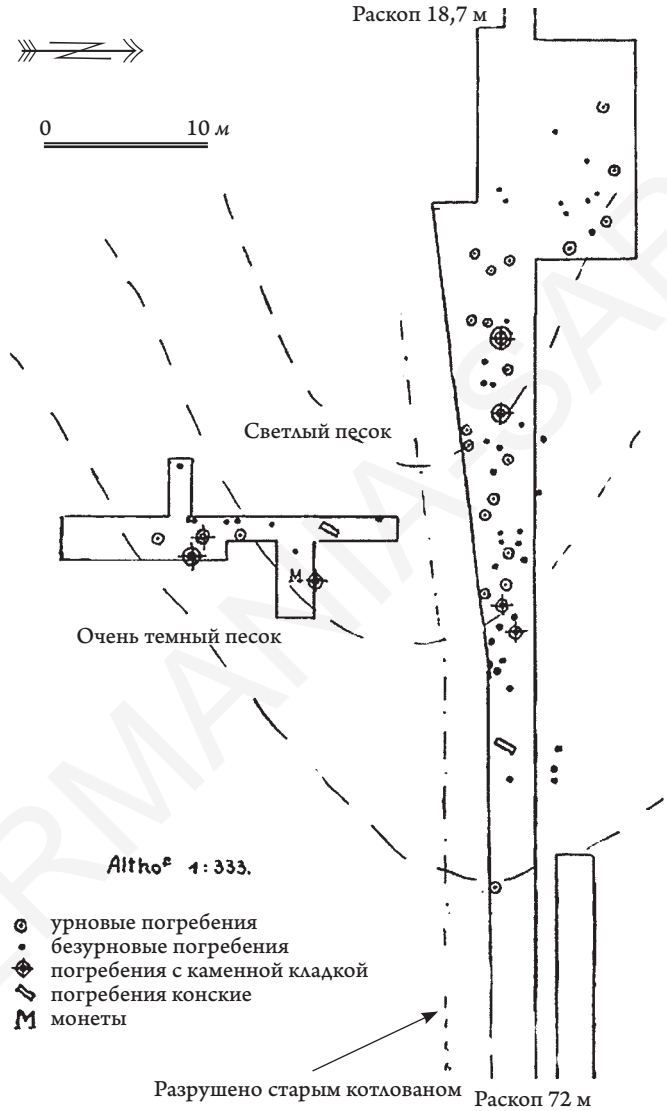

***Рис. 2.* План могильника Althof-Insterburg**, раскопки В. Грюнерта, 1934 г.

***Abb. 2.* Der Gesamtplan des Gräberfeldes Althof-Insterburg**, Ausgrabungen von W. Grunert, 1934

GERMANIA SARMATIA II

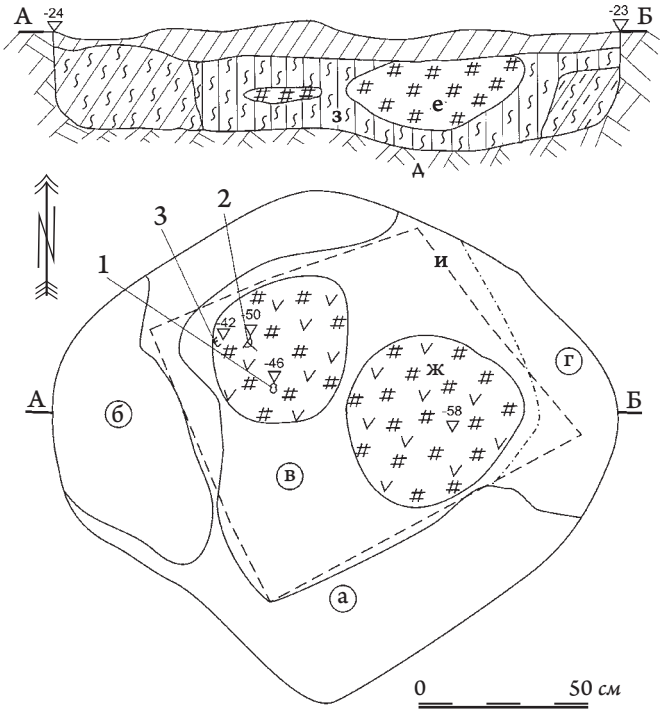

Рис. 3. **Грунтовый могильник Черняховск, ул. Дачная (бывш. Althof-Insterburg), погр. 1 (179).**
План и разрез: 1 — янтарная грибовидная подвеска; 2 — бронзовая фибула; 3 — фрагмент железной пряжки. Условные обозначения: а — серо-желтый песок; б — темно-коричневый песок с содержанием частиц древесной золы; в — серо-коричневый песок с содержанием частиц древесной золы; г — светло-коричневый песок; д — материк (желтый песок); е — кальцинированные кости; ж — древесный уголь; з — древесная зола; и — деревянная камера

Abb. 3. **Flachgräberfeld Černjachovsk, ul. Dačnaja (ehem. Althof-Insterburg), Grab 1 (179).**
Planum und Profil: 1 – Achterförmiger Bernsteinanhänger; 2 – Bronzefibel; 3 – Fragment einer Eisenschnalle. Legende: a – graugelber Sand; б – dunkelbrauner Sand mit Holzaschepartikeln; в – graubrauner Sand mit Holzaschepartikeln; г – hellbrauner Sand; д – anstehender Boden (gelber Sand); e – kalzinierte Knochen; ж – Holzkohle; з – Holzasche; и – Holzkammer

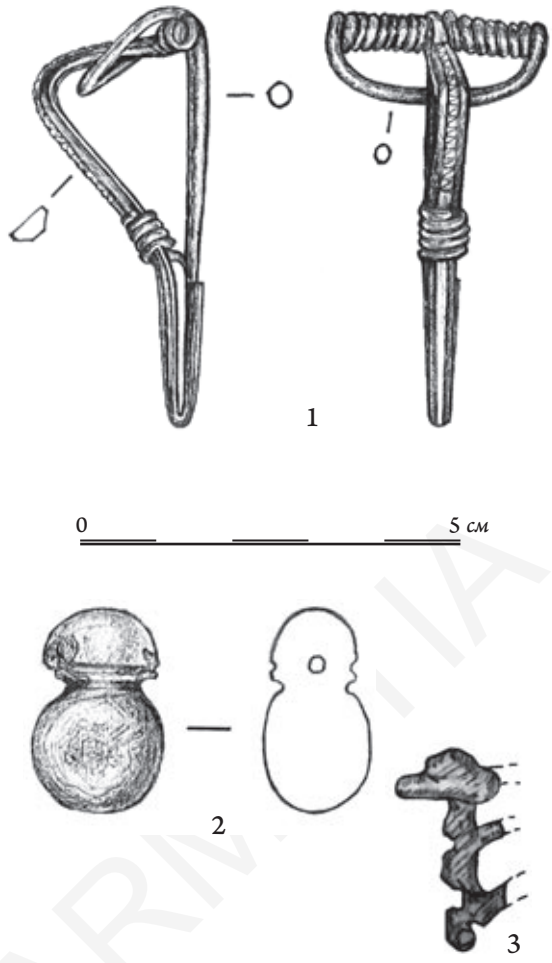

Рис. 4. **Грунтовый могильник Черняховск, ул. Дачная (бывш. Althof-Insterburg), погр. 1 (179).** Находки: 1 — бронзовая фибула; 2 — янтарная подвеска; 3 — фрагмент железной пряжки

Abb. 4. **Flachgräberfeld Černjachovsk, ul. Dačnaja (ehem. Althof-Insterburg), Grab 1 (179).** Funde: 1 – Bronzefibel; 2 – Bernsteinanhänger; 3 – Fragment einer Eisenschnalle

Стратиграфия: дерновый слой — 12—15 см; слой серо-коричневого песка с включениями угля, мощностью 9—20 см; материк в виде светло-желтого песка. В южном и частично западном и восточном профилях между дерновым слоем и слоем серо-коричневого песка прослеживался слой переотложенного материка, мощностью 12—14 см, образовавшийся, по-видимому, при строительстве железной дороги.

В центре шурфа прослежена яма — погребение 1 (179 — в скобках указан следующий, судя по архивным данным, порядковый номер погребения), подквадратной в плане формы, размерами 1,15 × 1,15 м (диагональ 1,6 м), углами ориентированная по сторонам света (***рис. 3***). Погребение было впущено в материк. Пятно ямы фиксировалось с глубины 24 см от дневной поверхности. Стенки ямы отвесные, дно относительно плоское, глубина — 35 см от уровня материка. Яма в южной и северной частях заполнена серо-желтым песком, в западной части — темно-коричневым песком с незначительным количеством древесной

золы. В центре и восточной частях ямы выявлено пятно с заполнением в виде серо-коричневого песка с частицами древесной золы. Пятно имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 1 × 0,85 м, вытянуто по оси СВ—ЮЗ, углами ориентировано по оси ССВ—ЮЮЗ. Контурами оно напоминало камеру с истлевшими органическими (деревянными) стенками. Предположения о возможности таких конструкций в погребениях на этом могильнике сделал В. Грюнерт (*Grunert, 1937, S. 38*).

В восточной части камеры обнаружено скопление кальцинированных костей, округлой в плане формы, диаметром 55 и мощностью до 22 см. Кости были очень крупных размеров без следов остатков погребального костра и, по всей видимости, промыты. В верхней части скопления находились кости черепа, под ними позвонки, суставы рук, ног и ребра. К северо-западу от первого было обнаружено второе скопление костей, овальной в плане формы, вытянутое по оси ССВ—ЮЮЗ, размерами 53 × 38 и мощностью до 20 см. Кости были также крупные, промытые и располагались в той же последовательности, как и в первом скоплении.

В южной части второго скопления кальцинированных костей, в среднем горизонте его заполнения выявлена янтарная (красного цвета) грибовидная подвеска (***рис. 4: 2***), датируемая III в. н. э. (периоды C_2/C_3 хронологии римского времени). Подобные подвески встречаются в погребениях самбийско-натангийской культуры: грунтовые могильники Гребитен (Grebieten) (*Nowakowski, 1996, Taf. 37*), Алейка 3 (*Скворцов, 2007*); а также в ареале вельбаркской и богачевской культур: грунтовый могильник Бурлино-Коски, могильник Вильдшютц (*Щукин, 2005, с. 538, 540*), курганный могильник Шурпилы, грунтовый могильник Богачево-Кула (*Jaskanis, 1977*), Козевен (Kossewen) (*Nowakowski, 1998, S. 67, 68, 111, 112, 156, 158*). В западной части скопления у ее края, в верхнем горизонте заполнения обнаружен фрагмент железной пряжки (***рис. 4: 3***). К востоку от него в нижнем горизонте заполнения выявлена бронзовая арбалетовидная фибула (***рис. 4: 1***) с подвязной ножкой, украшенная по спинке геометрическим орнаментом в виде зигзага. Фибула располагалась иглоприемником кверху, пружина ориентирована на северо-запад. Подобные фибулы (тип А161) датируются III в. н. э. (*Almgren, 1897*). В нижней части этого же скопления кальцинированных костей обнаружены два фрагмента лепных керамических сосудов: венчика охристого цвета, внешняя сторона заглажена, неравномерного обжига, с примесью мелкой дресвы в тесте и стенки серо-охристого цвета со следами вторичного обжига, с примесью дресвы, шамота.

Исследованный объект, несомненно, представляет собой погребение двух человек, совершенное по обряду кремации в одной погребальной яме. Двойные погребения, как отмечал В. Грюнерт, можно объяснить захоронением супружеских пар или хозяина с прислугой, добровольно принесшей себя в жертву (*Grunert,1939, S. 31*). Скопления кальцинированных костей были условно обозначены литерами А и Б. Датируются они по янтарной подвеске и фибуле III в. н. э. (Здесь и далее результаты антропологической экспертизы см. в ***приложении***.)

Шурф 2 был заложен в 10 м к северу от железной дороги и в 19 м к югу от канала. Его первоначальные размеры 1 × 1 м, а затем он был расширен до 1,3 × 1 м, ориентирован по сторонам света. Общая мощность культурных напластований — 64—67 см от уровня дневной поверхности. Стратиграфия: дерновой слой — 12—15 см; слой серо-коричневого песка с включениями золы, каменного угля, шлака, битого кирпича (строительный мусор) — 15—17 см; слой темно-серо-коричневого песка с включением частиц древесного угля, мощностью 37—42 см; материк в виде желто-коричневого песка.

В западной части шурфа выявлено погребение 2 (180) — безынвентарная кремация (***рис. 5: 1***), находившееся в яме округлой в плане формы. Судя по стратиграфии, она была впущена из слоя темно-серой супеси с включением частиц древесного угля в слой песка и материк. Пятно ямы фиксировалось с глубины – 63 от дневной поверхности и на этом уровне имело диаметр 40 см. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое, глубина 13 см от уровня материка. Она заполнена серо-коричневым песком с незначительными включениями золы. В центре ямы выявлено плотное скопление крупных кальцинированных костей, подовальной в плане формы, вытянутое по оси ССЗ—ЮЮВ,

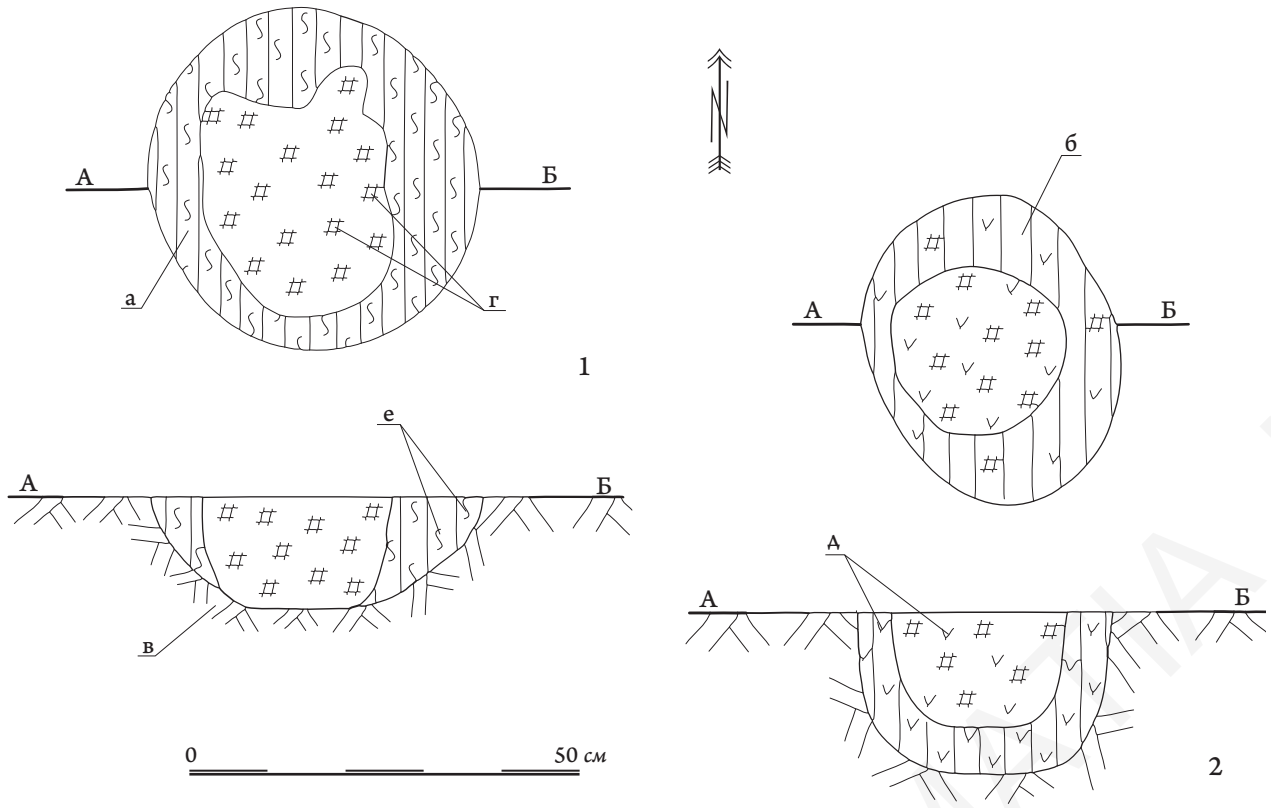

Рис. 5. **Грунтовый могильник Черняховск, ул. Дачная (бывш. Althof-Insterburg).**
Планы и разрезы погребений: 1 — погр. 2 (180); 2 — погр. 3 (181). Условные обозначения: а — серо-коричневый песок с содержанием частиц древесной золы; б — серо-коричневый песок с большим содержанием частиц древесного угля; в — материк (желтый песок); г — кальцинированные кости; д — древесный уголь; е — древесная зола

Abb. 5. **Flachgräberfeld Černjachovsk, ul. Dačnaja (ehem. Althof-Insterburg).**
Plana und Profile der Gräber: 1 – Grab 2 (180); 2 – Grab 3 (181). Legende: a – graubrauner Sand mit Holzaschepartikeln; б – graubrauner Sand mit großem Anteil von Holzkohle; в – anstehender Boden (gelber Sand); г – kalzinierte Knochen; д – Holzkohle; e – Holzasche

размерами 30×23 см. Судя по плотному расположению костей, они были помещены в могилу в какой-то органической емкости (кожа, материя). Подобные погребения на этом могильнике упоминает и В. Грюнерт (*Grunert, 1937, S. 38*). Отсутствие инвентаря в погребении не позволяет определить его дату, но по расположенному вблизи погребению 1 и другим, схожим по обряду, с большой осторожностью его можно отнести ко II—III вв. н. э.

В 10 см к северо-востоку от погребения 2 выявлено погребение 3 (181) — безынвентарная кремация (***рис. 5: 2***), находившееся в яме овальной в плане формы, вытянутой по оси ССЗ—ЮЮВ. Она, судя по стратиграфии, была впущена из слоя темно-серой супеси с включением частиц древесного угля в слой песка и материк. Пятно ямы фиксировалось с глубины –61 от дневной поверхности и на этом уровне имело размеры 36×29 см. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое, глубина 18 см от уровня материка. Она заполнена темно-серо-коричневым песком со значительными включениями золы (остатки погребального костра) и мелкими костями. В центре ямы в слое остатков погребального костра располагалось плотное скопление крупных и средних кальцинированных костей, округлой в плане формы, диаметром 20 см. Как и в погребении 2, судя по плотному расположению кальцинированных костей, они были помещены в могилу в какой-то органической емкости (кожа, материя). Как и в случае с предыдущим погребением, его можно отнести ко II—III вв. н. э.

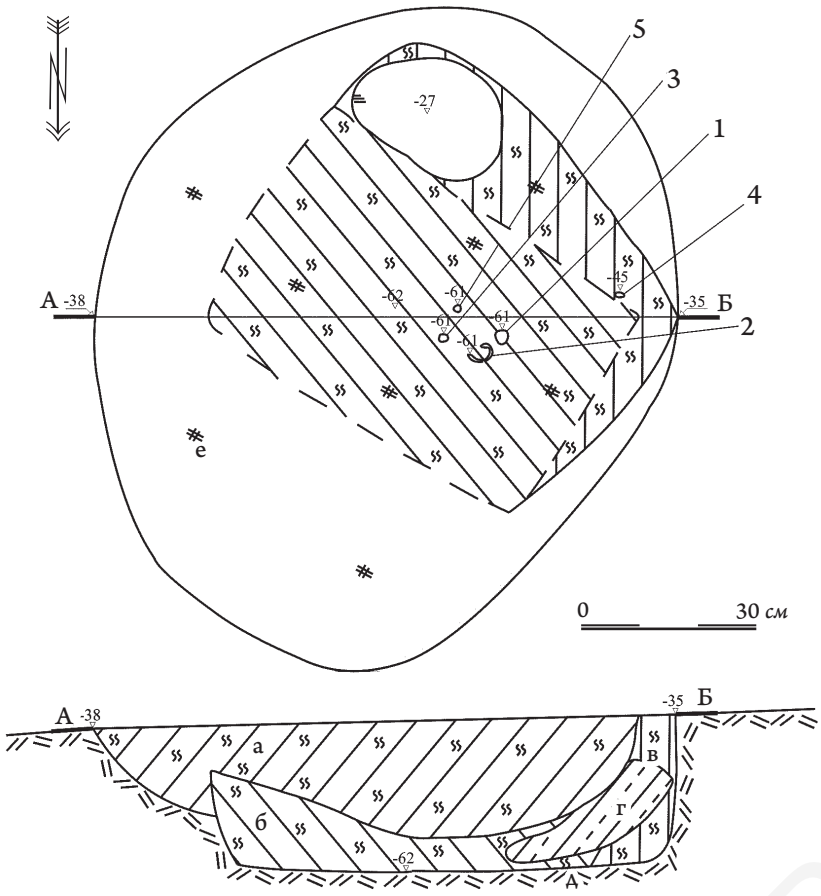

Рис. 6. **Грунтовый могильник Коврово (бывш. Nautzau), погр. 2**. План и разрез: 1 — бронзовая с серебром фибула; 2 — серебряное височное кольцо; 3 — золотая накладка; 4 — бусина глухого стекла (оранжевая); 5 — фрагмент бронзовой фибулы. Условные обозначения: а — темно-серый суглинок с большим содержанием частиц древесного угля; б — серо-коричневый суглинок с большим содержанием частиц древесного угля; в — остатки погребального костра; г — серо-желтый суглинок (кротовина); д — серо-зеленый суглинок (материк); е — кальцинированные кости

Abb. 6. **Flachgräberfeld Kovrovo (ehem. Nautzau), Grab 2**. Planum und Profil: 1 – versilberte Bronzefibel; 2 – silberner Schläferring; 3 – Goldbeschlag; 4 – Opakperle (orange); 5 – Fragment einer Bronzefibel. Legende: а – dunkelgrauer stark lehmiger Sand mit großem Anteil an Holzkohlepartikel; б – graubrauner stark lehmiger Sand mit großem Anteil von Holzkohlepartikeln; в –Scheiterhaufenreste; г – graugelber stark lehmiger Sand (Tiergang); д – graugrüner stark lehmiger Sand (anstehender Boden); е – kalzinierte Knochen

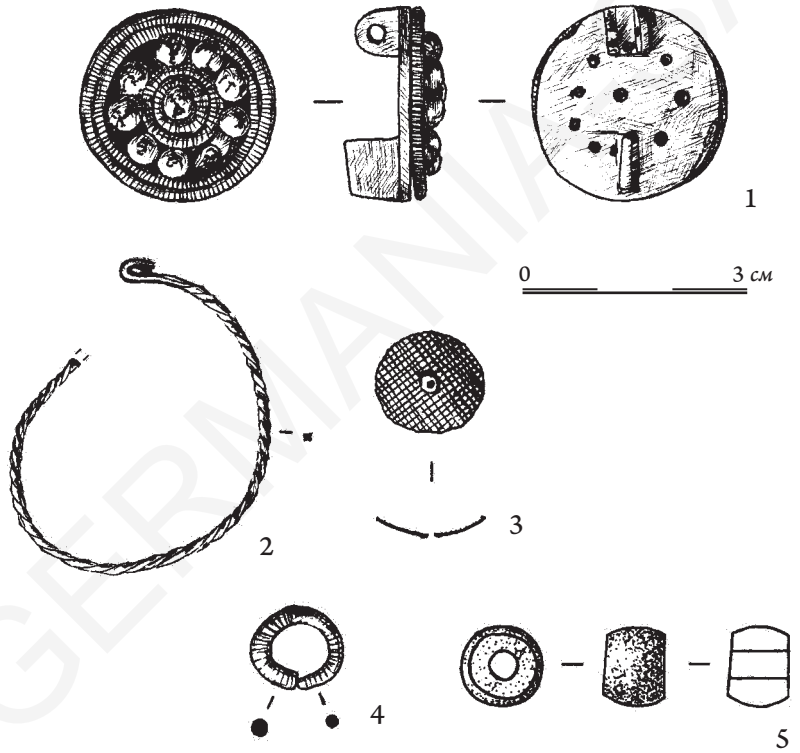

Рис. 7. **Грунтовый могильник Коврово (бывш. Nautzau), погр. 2**. Находки: 1 — бронзовая с серебром фибула; 2 — серебряное височное кольцо; 3 — золотая накладка; 4 — бронзовое кольцо; 5 — бусина глухого стекла (оранжевая)

Abb. 7. **Flachgräberfeld Kovrovo (ehem. Nautzau), Grab 2**. Funde: 1 – versilberte Bronzefibel; 2 – silberne Schläferring; 3 – Goldbeschlag; 4 – Bronzenring; 5 – Opakperle (orange)

GERMANIA SARMATICA II

В 2006 г. проводились разведочные работы на территории Зеленоградского района Калининградской обл. (историческая область Самбия). Был выявлен ранее известный по немецким архивным данным и списку Э. Холлака грунтовый могильник Коврово (бывш. Nautzau), датированный III—XII вв. н. э. (*Карелова, 2008*).

Грунтовой могильник Коврово (бывш. Nautzau) расположен на северной окраине пос. Коврово, к востоку от крайних домов, на небольшой возвышенности. С востока и севера он ограничен безымянными ручьями, с юга — ложбиной между этой возвышенностью и расположенной южнее, с запада — участками домов. Возможно могильник находится и на территории этих участков, распространяясь до дороги Холмогоровка—Калининград. Он вытянут по оси СВ—ЮЗ, размеры — 300 × 200 м.

На территории могильника проводились несогласованные работы по прокладке траншеи газопровода. В ее профилях были выявлены три погребения.

Погребение 1 большей частью разрушено траншеей в своей восточной части, центральная часть, содержавшая, по всей видимости, безурновую кремацию, не сохранилась. Пятно ямы фиксировалось с глубины –42 см от дневной поверхности. Остатки погребения — в яме восьмеркообразной в плане формы (наибольшие размеры 0,91 × 0,25 м), вытянутой по оси СЗ—ЮВ, глубиной в пределах материка 0,29 м. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое. В верхней части она была заполнена серым суглинком с включениями частиц древесного угля (до 0,17 м), под ним — слой светло-серого суглинка с включениями частиц древесного угля (до 0,17 м), ниже, в центре ямы, — слой черной супеси с большим содержанием частиц древесного угля — остатки погребального костра, мощностью до 0,15 м; материк — серо-зеленый суглинок.

В черной супеси были выявлены несколько кальцинированных костей и два фрагмента стенок одного лепного керамического сосуда со следами лощения, серо-коричневого цвета, со следами вторичного обжига, украшенных пуансонным орнаментом. Предварительная датировка — V в. н. э.

Погребение 2 (***рис. 6***) было частично повреждено траншеей в своей западной части, содержало безурновую кремацию в яме, овальной в плане формы, размерами 1,5 × 0,97 м, вытянутой по оси СВ—ЮЗ. Пятно ямы фиксировалось с глубины –30 см от дневной поверхности и располагалось в материке на глубину до 0,26 м. В южной части в слое темно-серого суглинка, в его верхнем горизонте, располагался валун размерами 0,26 × 0,19 м. В центре ямы — прямоугольная камера со следами органики, ориентированная по оси СЗ—ЮВ, размерами 0,67 × 0,43 м. Она содержала останки кремированного в виде мелких кальцинированных костей, рассеянных по всей яме (в нижней части). В центре камеры найдены круглая бронзовая фибула, плакированная серебром (***рис. 7: 1***); фрагмент, по-видимому, такой же фибулы в виде замкнутого бронзового кольца с рифлением (***рис. 7: 4***); серебряное височное кольцо (***рис. 7: 2***) из витого дрота; фрагмент второй круглой фибулы в виде золотой круглой накладки с рифлением на поверхности и отверстием в центре (***рис. 7: 3***), бусина (***рис. 7: 5***) из глухого стекла оранжевого цвета (была смещена с первоначального положения кротовиной). Погребение, судя по инвентарю, женское, датируется второй половиной VI в. н. э.

Яма в верхней части была заполнена темно-серым суглинком с большим содержанием частиц древесного угля (до 0,23 м), ниже по центру залегал слой серо-коричневого суглинка с большим содержанием частиц древесного угля (до 0,16 м). С западной стороны камеры, огибая ее дугой, располагался слой черной супеси с большим содержанием частиц древесного угля — остатки погребального костра, мощностью до 0,26 м; материк в верхней части в виде желто-коричневого суглинка, в нижней — серо-зеленого суглинка.

Погребение 3 (***рис 8; 9***) — урновая кремация — повреждено траншеей в своей западной части, находилось в яме округлой в плане формы, диаметром 0,42 м. Пятно ямы фиксировалось с глубины –31 см от уровня дневной поверхности и располагалось в пределах материка до глубины 0,24 м. Заполнение ямы представляло собой темно-серую супесь с содержанием частиц древесного угля и кальцинированных костей. В центре ямы выявлена стоявшая керамическая лепная урна (***рис. 9А: 1***) светло-коричневого цвета, неравномерного обжига, с примесью крупной и средней дресвы в тесте, диаметром 0,32 в широкой части, общей высотой 0,26 м.

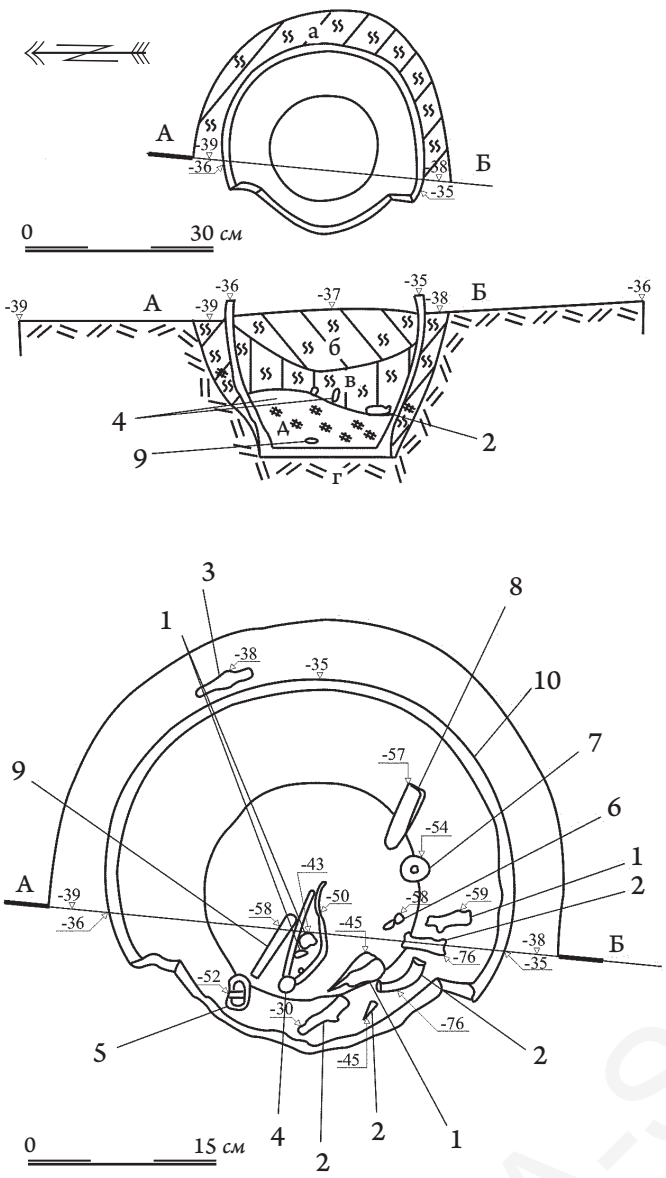

Рис. 8. **Грунтовый могильник Коврово (бывш. Nautzau), погр. 3**. План и разрез: 1 — фрагменты железного ножа; 2 — фрагменты железной фибулы; 3 — железная ременная подвеска; 4 — бронзовая фибула; 5 — бронзовая пряжка; 6 — железная игла; 7 — янтарная бусина; 8 — бронзовый ременный наконечник; 9 — железный пинцет; 10 — глиняная урна. Условные обозначения: а — темно-серая супесь с содержанием частиц древесного угля и кальцинированных костей; б — серо-коричневая супесь с включениями частиц древесного угля; в — темно-серая супесь с остатками погребального костра; г — желто-зеленый суглинок (материк); д — кальцинированные кости

Abb. 8. **Flachgräberfeld Kovrovo (ehem. Nautzau), Grab 3**. Planum und Profil: 1 – Fragmente eines Eisenmessers; 2 – Fragmente einer Eisenfibel; 3 – eiserner Riemenanhänger; 4 – Bronzefibel; 5 – Bronzeschnalle; 6 – Eisennadel; 7 – Bernsteinperle; 8 – bronzenes Riemenende; 9 – Eisenpinzette; 10 – Keramikurne. Legende: а – dunkelgrauer schwach lehmiger Sand mit Holzkohlepartikeln und kalzinierten Knochen; б — graubrauner schwach lehmiger Sand mit Holzkohleeinschlüssen; в – dunkelgraue schwach lehmiger Sand mit Scheiterhaufenresten; г – gelbgrüner stark lehmiger Sand (anstehender Boden); д – kalzinierte Knochen

Верхняя треть урны была заполнена серо-коричневой супесью с включениями частиц древесного угля, мощностью до 0,1 м, ниже — темно-серая супесь с остатками погребального костра, мощностью до 0,11 м. На дне — скопление крупных и средних кальцинированных костей, мощностью до 0,1 м. Над ними и частично в верхней части скопления находились фрагменты железного ножа (***рис. 9В: 1***), в центре непосредственно на кальцинированных костях — бронзовая арбалетовидная фибула с литым иглоприемником (***рис. 9А: 4***). Она украшена по краям спинки и ножки пуансонным орнаментом в виде ряда полукругов с точками в середине, на передней части спинки со стороны пружины на трапециевидной площадке нанесен двойной прорезной косой крест — тип Åberg 48 (*Åberg, 1919, S. 54*). Под бронзовой фибулой в кальцинированных костях находился железный пинцет с остатками железного кольца для подвешивания. С обеих сторон по краям он украшен пуансонным орнаментом в виде ряда полукругов с точками в середине (***рис. 9А: 2***).

В южной части урны на кальцинированных костях выявлены фрагменты железной арбалетовидной фибулы (***рис. 9В: 2***) — тип Åberg 56 (*Åberg, 1919, S. 57*) и железная игла (***рис. 9В: 4***). В северо-западной части урны, также на остат-

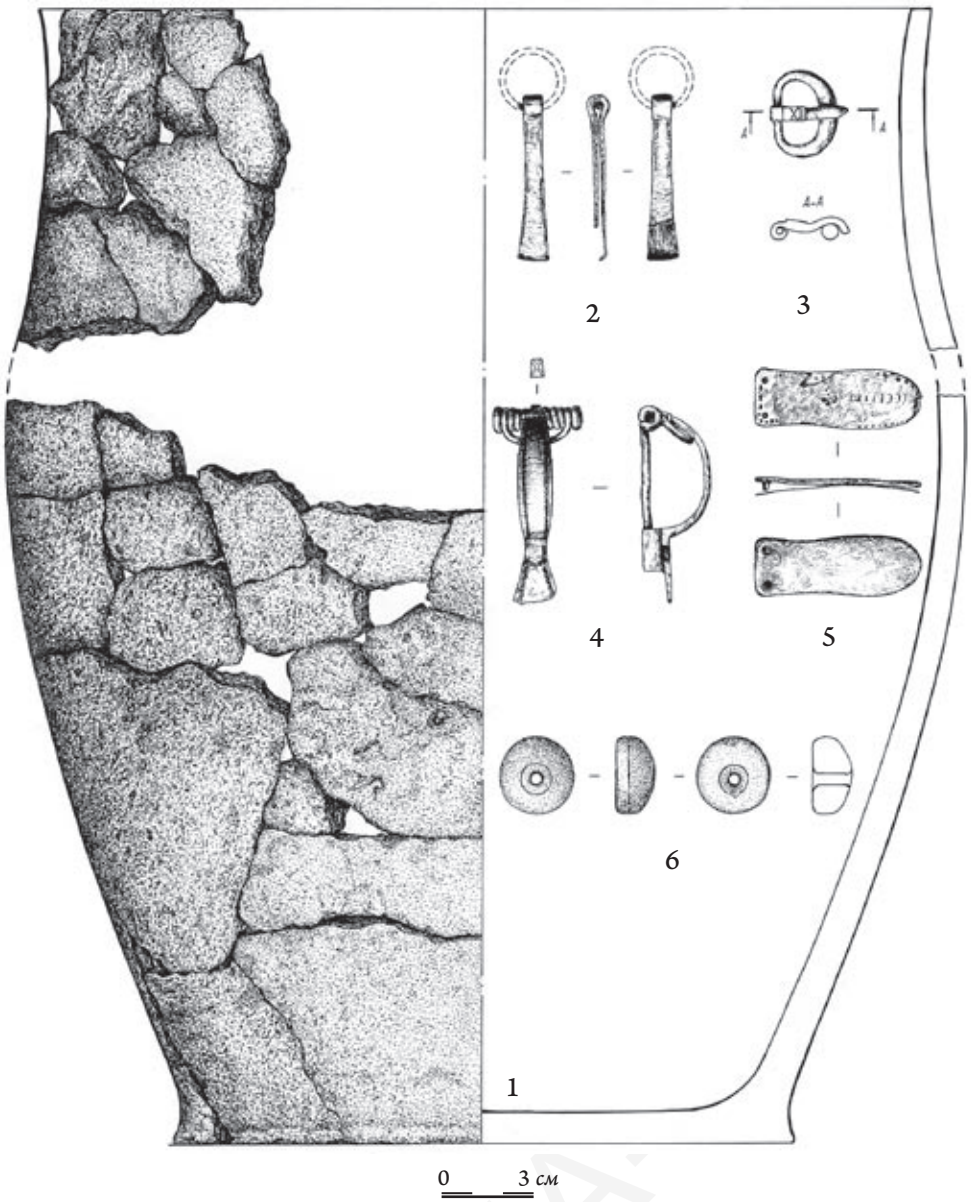

Рис. 9А. **Грунтовый могильник Ковровo (бывш. Nautzau), погр. 3**. Находки.
1 — глиняная урна;
2 — железный пинцет;
3 — бронзовая пряжка;
4 — бронзовая фибула;
5 — бронзовый ременный наконечник;
6 — янтарная бусина

Abb. 9A. **Flachgräberfeld Kovrovo (ehem. Nautzau), Grab 3**.
Funde: 1 – Keramikurne;
2 – Eisenpinzette;
3 – Bronzeschnalle;
4 – Bronzefibel;
5 – bronzene Riemenende;
6 – Bernsteinperle

ках кремации, находилась овальная бронзовая пряжка (***рис. 9А: 3***) с прямоугольной площадкой на язычке у его основания, украшенная прорезными косым крестом и двумя поперечными линиями с противоположной от основания стороны — тип Madyda-Legutko H 38 (*Madyda-Legutko, 1986, Taf. 20*). В юго-восточной части урны в верхнем горизонте скопления — янтарная литавровидная бусина (***рис.9А: 6***) и бронзовый наконечник ремня, по краю с верхней стороны украшенный орнаментом в виде волчьего зуба (***рис. 9А: 5***). В северо-восточной части ямы, за пределами урны, в верхнем горизонте заполнения выявлен фрагмент железной пряжки (***рис. 9В: 3***).

Погребение, судя по инвентарю, мужское, датируется первой четвертью V в. н. э.

Из описанных выше погребений обращает на себя особое внимание устройство погребений 1 (179) могильника Черняховск, ул. Дачная (бывш. Althof-Insterburg) и 2 могильника Ковровo (бывш. Nautzau). Несмотря на то, что первое датируется III в., а второе — V в. н. э., их объединяет внутреннее устройство, в частности наличие деревянных ящиков, в которые были уложены как кремированные останки погребенных, так и погребальный инвентарь. Правда в первом случае стенки ящика были установлены непосредственно на дно могилы, не касаясь ее стенок, а во втором — в специально

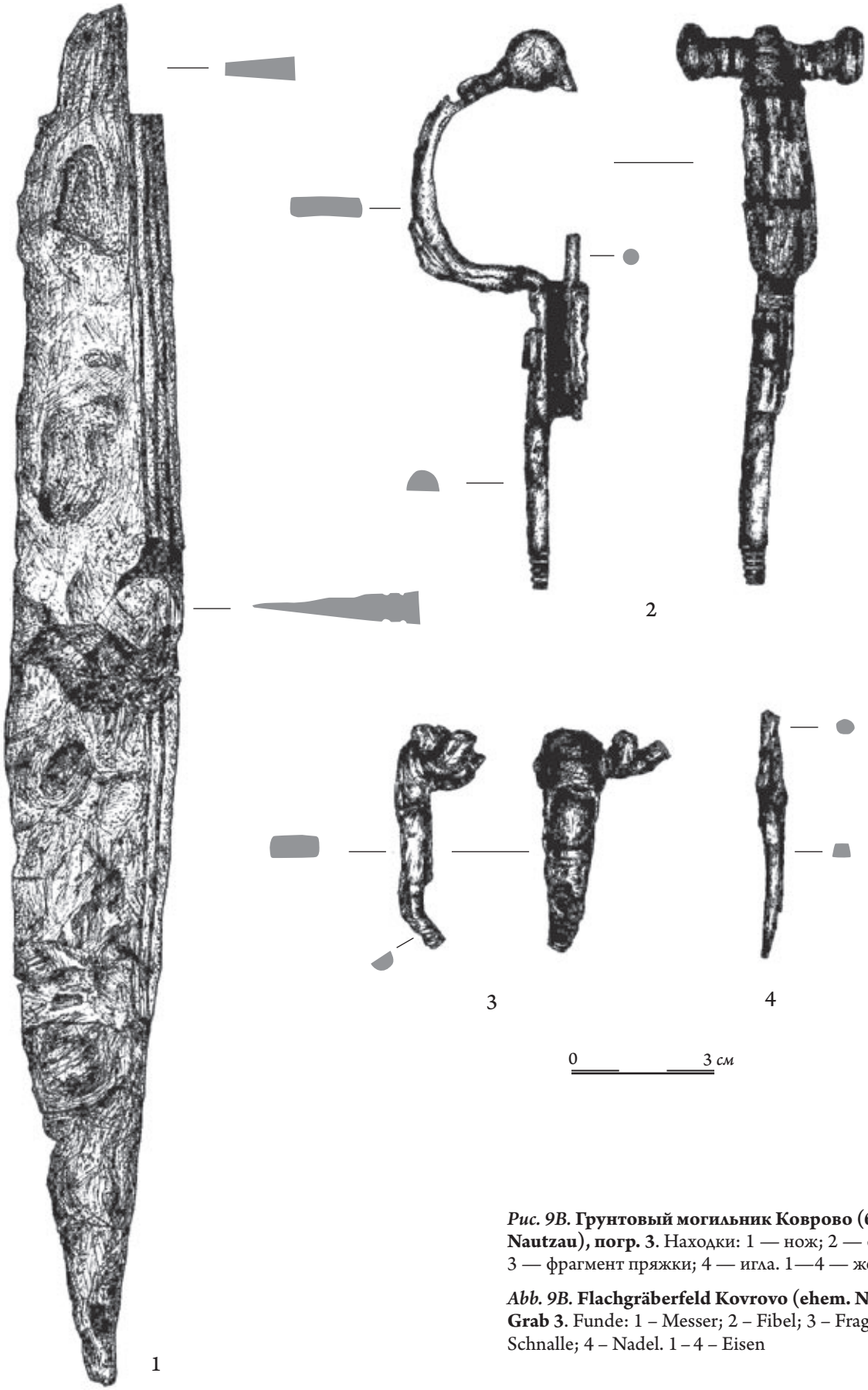

Рис. 9В. **Грунтовый могильник Коврово (бывш. Nautzau), погр. 3**. Находки: 1 — нож; 2 — фибула; 3 — фрагмент пряжки; 4 — игла. 1—4 — железо

Abb. 9B. **Flachgräberfeld Kovrovo (ehem. Nautzau), Grab 3**. Funde: 1 – Messer; 2 – Fibel; 3 – Fragment einer Schnalle; 4 – Nadel. 1 – 4 – Eisen

углубленную часть могилы, где доски по периметру прилегали к стенкам ямы. Подобное устройство погребения VI в. н. э. обнаружено К. Н. Скворцовым в грунтовом могильнике Кляйн Хайде, погребение KLH-21 (*Скворцов, 1998*), где также был зафиксирован деревянный ящик, разделенный на две части, следы которого прослеживались в материке. Но кроме внутреннего деревянного ящика здесь был еще и внешний — каменный.

Погребения с каменными ящиками на территории нынешней Калининградской области известны с эпохи ранней бронзы, где в курганах присутствуют камеры с урнами, состоящие из выложенных по периметру гранитных плит, перекрытых плитами сверху. Подобные каменные ящики встречаются и в погребениях с ингумациями II в. н. э. Наличие же деревянных ящиков в погребениях, возможность которых не исключал В. Грюнерт, может свидетельствовать как об отсутствии необходимого материала (*Grunert,1937, S. 38, 40*) для устройства каменных ящиков и замене их на деревянные, так и об архаичности традиции устройства некоторых могил, тем более что захоронение с каменным ящиком (погребение 72) было выявлено на могильнике Альтхоф-Инстербург В. Грюнертом в 1934 г. (*Grunert, 1937, S. 39*).

Интерпретация погребений с деревянными ящиками подлежит еще дальнейшим разработкам. Однако связь подобных погребений в общепрусском регионе очевидна, как и связь с могильниками эстиев центральной Самбии и Надровии.

Литература

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Санкт-Петербург.

Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala; Leipzig.

Almgren O., 1897. Studien über Nordeuropäische fibelformen der ersten nachchristlichen iahrhunderte mit berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen formen. Stockholm.

Grunert W., 1937. Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. H. 21. Insterburg.

Grunert W., 1939. Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. H. 22. Insterburg.

Grunert W., 1941. Neues aus Althof Insterburg // Alt-Preußen. Jg. 5, H. 4. Königsberg.

Hollack E., 1908. Erlauterungen zur vorgeschichtlichen Ubersichtskarte von Ostpreussen. Glodau; Berlin.

Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobaltyjskiej z okresu rzymskiego. (MSW; Bd. IV). Warszawa.

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaizerzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Berlin.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und barbarischen Welt. Marburg; Warszawa.

Nowakowski W., 1998. Die funde der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mazuren. (Bestandskataloge; Bd. 6. Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz.) Berlin.

Архивные источники

Калашников Е. А., 2005. Отчет об археологических разведках в Черняховском районе Калининградской обл. в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Карелова Л. Н., 2008. Отчет об археологических разведках в Зеленоградском районе Калининградской обл. в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Скворцов К. Н., 1998. Отчет об археологических раскопках на могильнике Кляйн Хайде в Гурьевском районе Калининградской обл. в 1997 г. // Архив ИА РАН.

Скворцов К. Н., 2007. Отчет об археологических раскопках на могильнике Алейка 3 в Зеленоградском районе Калининградской обл. в 2006 г. // Архив ИА РАН.

GERMANIA-SARMATIA II

Приложение. Экспертиза кремированных материалов из раскопок Деснинской экспедиции 2004 г.

Определение антропологических материалов выполнено М. В. Добровольской (ИА РАН).

1. **ДАЭ-04, Калининградская обл., Черняховск, ул. Дачная, шурф 1, погр. 1, скопление А**.
   В пакете находилось крупное скопление (несколько тысяч) фрагментов кремированных костей общей массой 983 г. Размеры фрагментов варьируют от 0,3 до 12 см, цвет — бело-серый. Условия обжига: величина фрагментов, их цвет и форма свидетельствуют о том, что обжиг производился при относительно низких температурах (600—900 °С). Фрагменты различных отделов скелета: череп (лобная, теменная, нижняя челюсть, основание, корни зубов); диафизы и эпифизы длинных костей конечностей, таз, позвоночник.
   Пол и возраст: по состоянию швов можно заключить, что индивид — взрослый молодой человек в возрасте до 40 лет. Рельеф на крыльях подвздошной кости развит сильно, что типично для мужчин.
   На диафизе большеберцовой кости — параперіоститное состояние.
   Образец содержит останки скелета молодого мужчины в возрасте 20—40 лет.
   Итак, в двух пакетах, возможно, содержатся останки одного индивида — общая масса 1422 г. Эта величина массы кремированных костей приближается к значениям массы полного кремированного скелета взрослого человека (1534—3605 г для мужчин и 925—2278 г для женщин), полученных экспериментальным путем.
2. **ДАЭ-04, Калининградская обл., Черняховск, ул. Дачная, шурф 1., погр. 1, скопление Б**.
   В пакете находилось крупное скопление (несколько тысяч) фрагментов кремированных костей общей массой 889 г. Размеры фрагментов варьируют от 0,3 до 5 см, цвет — бело-серый. Условия обжига: величина фрагментов, их цвет и форма свидетельствуют о том, что обжиг производился при относительно низких температурах (600—900 °С). Фрагменты различных отделов скелета: череп (лобная, теменная, нижняя челюсть, основание, корни зубов); диафизы и эпифизы длинных костей конечностей, таз, позвоночник.
   Пол и возраст: не завершено синостозирование медиального конца ключицы, что указывает на возраст около 20 лет, на мелких фрагментах свода черепа все швы не облитерированы, что свидетельствует о молодом возрасте индивида (до 45 лет).
   Образец содержит останки скелета молодого мужчины (?) в возрасте около 20 лет.
3. **ДАЭ-04, Калининградская обл., Черняховск, ул. Дачная, погр. 2**.
   В пакете находилось крупное скопление (несколько тысяч) фрагментов кремированных костей общей массой 798 г. Размеры фрагментов варьируют от 0,5 до 7 см, цвет — бело-серый. Условия обжига: величина фрагментов, их цвет и форма свидетельствуют о том, что обжиг производился при относительно низких температурах (600—900 °С). Встречаются мелкие обугленные фрагменты костей, что указывает на обжиг при ограниченном доступе кислорода. Фрагменты различных отделов скелета: череп (лобная, теменная, нижняя челюсть, основание, корни зубов); диафизы и эпифизы длинных костей конечностей, таз, позвоночник, стопы, кисти, лопатки, ребра.
   Почти полностью сохранились две таранные кости, 7 тел позвонков шейного, грудного и поясничного отделов, левый надколенник, предплюсневая кость стопы, проксимальная фаланга первого луча стопы, дистальная фаланга мизинца кисти.
   Суставные поверхности без патологий, на грудном позвонке — межпозвоночная грыжа (узел Шморля). Межпозвоночные грыжи формируются в результате стрессовых физических нагрузок (например, поднятие тяжестей).
   Пол и возраст: состояние суставных поверхностей, а также фрагментов швов черепных

GERMANIA-SARMATIA II

костей свидетельствуют о молодом возрасте индивида (до 40 лет), массивность сохранившихся фрагментов трубчатых костей велика, что более типично для мужчины.
Образец содержит останки скелета молодого мужчины (?) в возрасте 20—40 лет.

Резюме

В шести пакетах содержатся останки пяти индивидов, четверо из которых, вероятно — мужчины. Хочется обратить внимание на то, что обжиг происходил при относительно невысоких температурах. Два случая обнаружения достаточно крупных фрагментов позвонков свидетельствуют о том, что при совершении погребального обряда тело покойного, скорее всего, укладывалось на поверхность земли, а костер разводился над ним. Состояние кремированных костей прямо указывает на сожжение тела в скором времени после кончины человека. При описании погребения 2 (Черняховск, ул. Дачная) отмечены хорошо сохранившиеся фрагменты костей кисти и стопы. Эти части скелета зачастую хорошо сохраняются, что известно по исследованиям погребений с кремациями. Такая сохранность фрагментов скелета может быть связана только с тем, что температура на этих участках была понижена — эти части тела человека содержат меньше жировых тканей, и соответственно горение происходит при более низкой температуре. По сохранившейся дистальной фаланги мизинца можно предположить, что руки располагались не на груди. В распространенном при погребении положении «сложенные на груди» ткани кистей рук оказываются в зоне наиболее высокой температуры.
Как известно, при начальных стадиях сжигания тела происходит резкое обезвоживание тканей, что приводит к сжиманию мышц и придании телу позы «боксера».

GERMANIA-SARMATIA II

E. A. Kalaschnikow

Die wiederentdeckten Grabdenkmäler in Nadrauen und Samland (Kaliningrader Gebiet)

2004 und 2006 wurden in dem Chernjachover und Zelenograder Rajon Kaliningrader Gebiets archäologische Prospektionen durchgeführt. Ihr Ergebnis stellte ein Wiederentdecken von den bereits bekannten Denkmälern, deren genaue Lage nach dem Zweiten Weltkrieg nicht mehr lokalisiert werden konnten, dar.

Zu diesen Gräberfeldern gehört u.a. das Gräberfeld Chernjahovsk, ul. Dachnaja (ehem. Althof-Insterburg) und Kovrovo (ehem. Nautzau). Trotz der Tatsache, dass diese Gräberfelder sich in den unterschiedlichen Stammesgebieten Altpreußens befinden und von einander ziemlich weit entfernt sind, ist ihnen das Vorhandensein von Brandbestattungen in den hölzernen Kisten gemeinsam.

Die Verwendung von Holzkisten zeugt möglicherweise vom Mangel an Material, das für Errichten von Steinkisten, die auf dem Territorium Ostpreußens bereits seit relativ früher Zeit benutzt wurden, notwendig war. Der Brauch, einigen Toten in den Holzkisten zu bestatten, stellt allem nach zu urteilen eine lokale Tradition in der gesamten prussischen Region dar. Das Bestehen einer Beziehung zwischen den Gräberfeldern Samlands und Nadrauens ist in diesem konkreten Fall offensichtlich.

GERMANIA SARMATIA II

Вознесенская Галина Алексеевна

Киев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины

Левада Максим Евгеньевич

Киев

Археолог

maxim.levada@gmail.com

Г. А. Вознесенская, М. Е. Левада

Металлографическое исследование предметов вооружения из раскопок могильника в Гаче

В археологических фондах Национального музея истории Украины (далее — НМИУ) во вспомогательном фонде хранится небольшая коллекция оружия раннего римского времени, происхождение которой до последнего времени не было ясно[1]. Она состоит из девяти железных предметов: трех мечей и шести наконечников копий (***рис. 1: 1—7***). Все предметы умышленно повреждены в древности, на поверхности заметны следы воздействия огня — «огневая патина». На трех экземплярах сохранилась надпись-маркировка, выполненная краской белого цвета: PRZEWORSK (***рис. 1: 8***). Возле надписей заметны старательно затертые следы еще каких-то букв или цифр.

Благодаря помощи д-ра Т. Вихмана удалось выяснить, что маркировка предметов соответствует материалам из могильника Гач (Gać) в фондах Краковского археологического музея. Речь идет о раскопках К. Гадачека недалеко от Пшеворска — памятника, с которого начато систематическое изучение древностей пшеворской культуры. Но вещи, обнаруженные в фондах НМИУ, не фигурируют в публикации К. Гадачека (*1909*). Судя по тому что коллекция из Кракова не пострадала во время Второй мировой войны, киевские материалы входили в состав львовской части коллекции и никогда не публиковались (о существовании материалов во Львове нам сообщил проф. П. Качановский). Позже директор Львовского исторического музея Б. Н. Чайковский подтвердил наличие этой коллекции.

Из всех девяти предметов коллекции были взяты пробы и изготовлены шлифы. Аналитические исследования проводились в лаборатории Института археологии НАН (Киев).

* * *

1. **Меч** (шифр музея — ВД 3297, анализ 3198). Фрагмент клинка однолезвийного меча (***рис. 2: 2***): длина — около 48,5, ширина — около 6,2 см, двусторонняя орнаментация (гравировка). Тип Биборски D (*Biborski, 1978*). Время бытования: от B_2 до начала C_{1a} хронологии римского времени. По М. Биборскому, в ареале пшеворской культуры этот тип локализуется в бассейне Средней Вислы (в основном, ее левого берега), доходя до истоков Одера. Известен экземпляр (второй вариант этого типа) и на Верхней Висле, точнее на Сане — в самом Гаче (*Hadaczek, 1909*).

Микроскопическое исследование полного поперечного сечения клинка обнаружило на его поверхности мелкозернистую ферритно-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода (***рис. 3: 1—3***). На спинке

[1] Выражаем благодарность Л. В. Строковой (НМИУ), обратившей наше внимание на эти предметы и позволившей провести исследование.

SERVUS A SARMATIA II

Рис. 1. 1—7 — пшеворское оружие из фондов НМИУ; 8 — образец маркировки PRZEWORSK

Abb. 1. 1—7 – Waffen der Przeworsk-Kultur (NMIU Bestände); 8 – Beispiele der Markierung PRZEWORSK

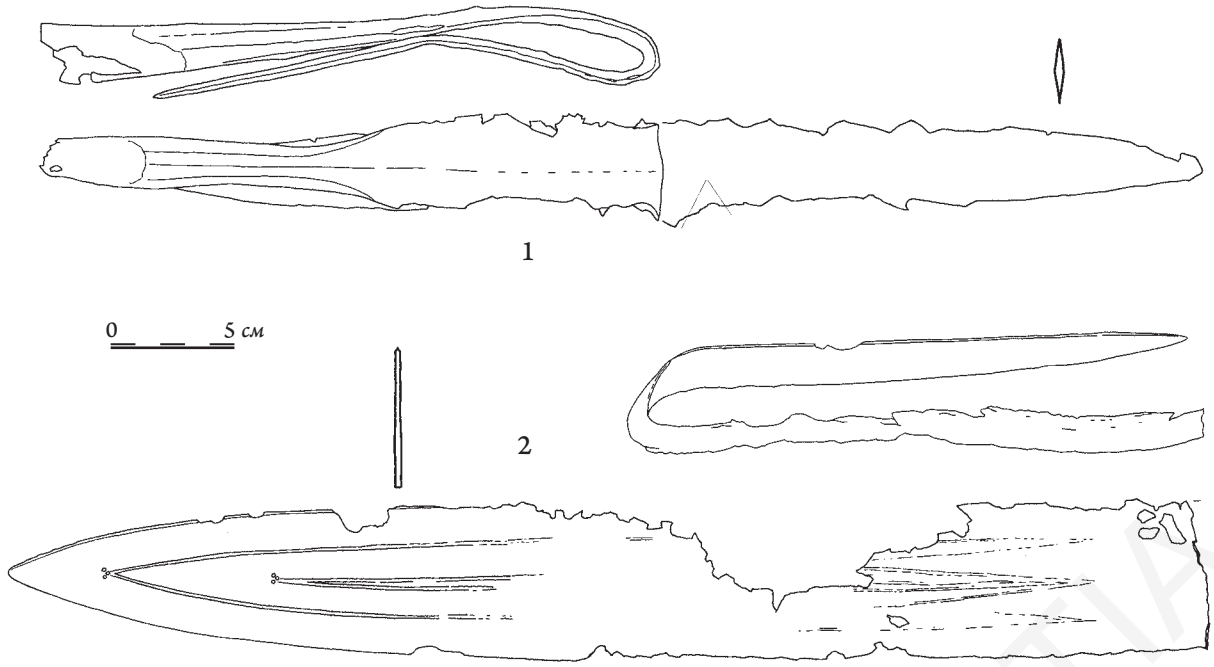

Рис. 2. 1 — наконечник копья; 2 — меч

Abb. 2. 1 – Lanzenspitze; 2 – Schwert

шлифа — наибольшее содержание углерода (0,6—0,7%), феррит расположен сеткой по границам зерен перлита. Микротвердость перлита 221 кг/мм^2. В центре — содержание углерода 0,1—0,4%, есть чисто ферритные участки, отмечена коагуляция перлита, микротвердость колеблется от 160 до 221 кг/мм^2. Включений шлака мало, они мелкие, вытянутые ковкой (***рис. 4:*** *7*).

Клинок меча откован из полутвердой сырцовой стали.

2. **Меч** (шифр музея — ВД 3599, анализ 3199). Однолезвийный клинок (***рис. 5: 1***): длина — около 40,5, ширина клинка — 3,5, длина рукояти 11,5 см. В рукояти две крепежные заклепки-штифты. Тип Биборски С. Хронология: фаза B_1 — B_2. Локализация: бассейн Вислы, преимущественно верхнее и среднее течение.

Шлиф сделан на ½ поперечного сечения клинка. Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности мелкозернистую ферритную структуру, местами со следами перлита (***рис. 3: 4***). Микротвердость феррита 122—143 кг/мм^2. Шлаковых включений мало, они мелкие (***рис. 4: 14***).

Клинок меча откован из чистого кричного железа.

3. **Меч** (шифр музея — ВД 3596, анализ 3197). Обоюдоострый клинок (***рис. 5: 3***). Из-за значительного повреждения и плохой сохранности определение типа затруднительно.

Микроскопическое исследование полного поперечного сечения клинка обнаружило на его поверхности ферритно-перлитную структуру с мелкой и средней величиной зерна (***рис. 3: 5, 6***). Содержание и распределение углерода неравномерное — от 0,1—0,2 до 0,3—0,4%. Местами структура имеет видманштеттовый характер. Шлаковых включений мало, они мелкие. Микротвердость структуры колеблется в пределах 170—206 кг/мм^2 (***рис. 4: 10***).

Клинок меча откован из мягкой сырцовой стали.

4. **Наконечник копья** (шифр музея — ВД 3598, анализ 3200), втулка граненая (***рис. 2: 1***): сохранившаяся длина — около 47, ширина — около 4 см. Тип неопределим.

Шлиф сделан на ⅓ поперечного сечения пера копья. Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности однородную мелкозернистую структуру феррита (***рис. 3:*** *7*). Микротвердость 160—181 кг/мм^2. Шлаковых включений мало (***рис. 4: 12***).

GERMANIA SARMATICA II

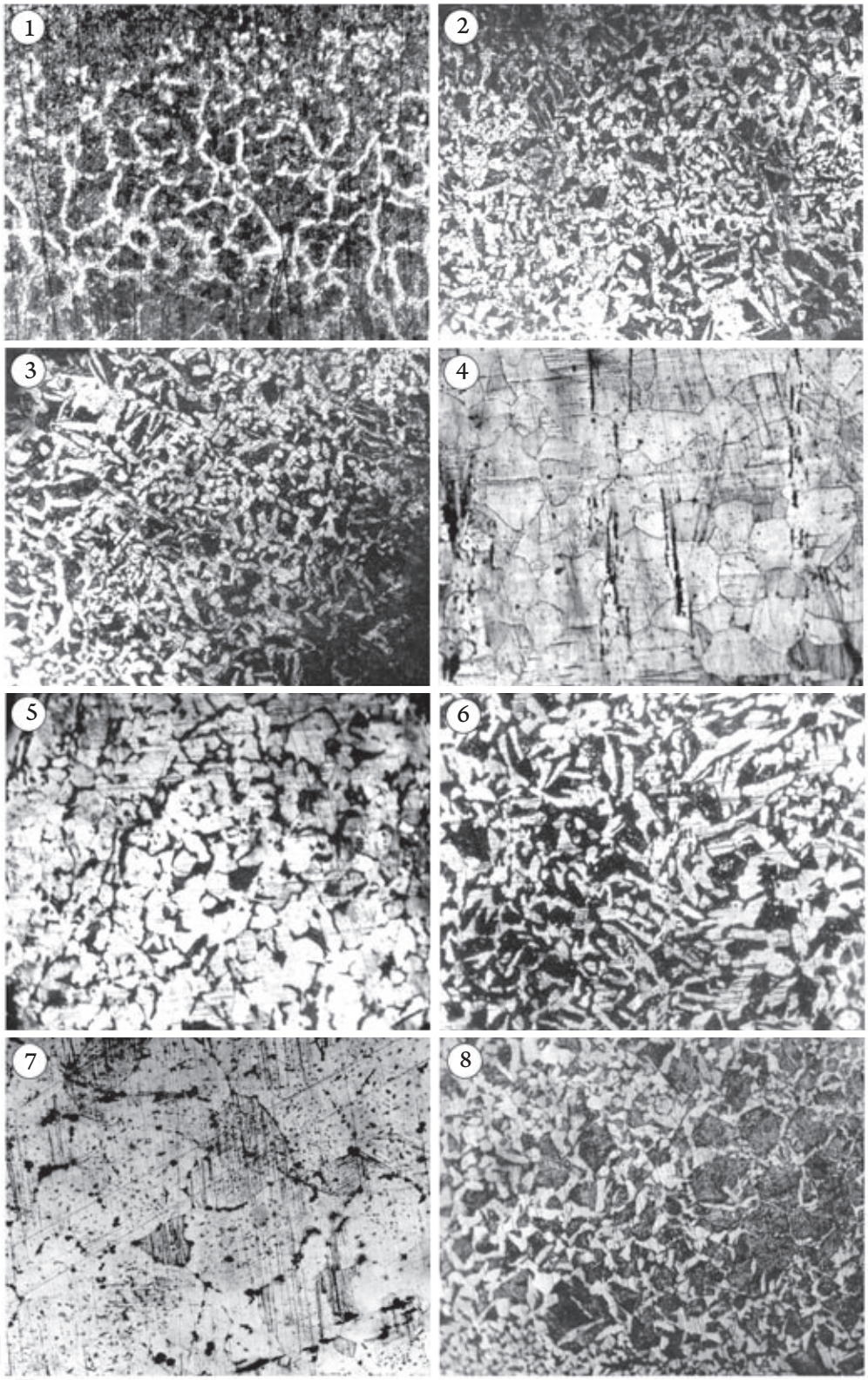

***Рис. 3.* Микроструктуры изделий**: 1—3 — анализ 3198; 4 — анализ 3199; 5, 6 — анализ 3197; 7 — анализ 3200; 8 — анализ 3204 (увеличение 70×)

***Abb. 3.* Mikrostruktur der Funde**: 1–3 – Analyse 3198; 4 – Analyse 3199; 5, 6 – Analyse 3197; 7 – Analyse 3200; 8 – Analyse 3204 (Vergrößerung 70×)

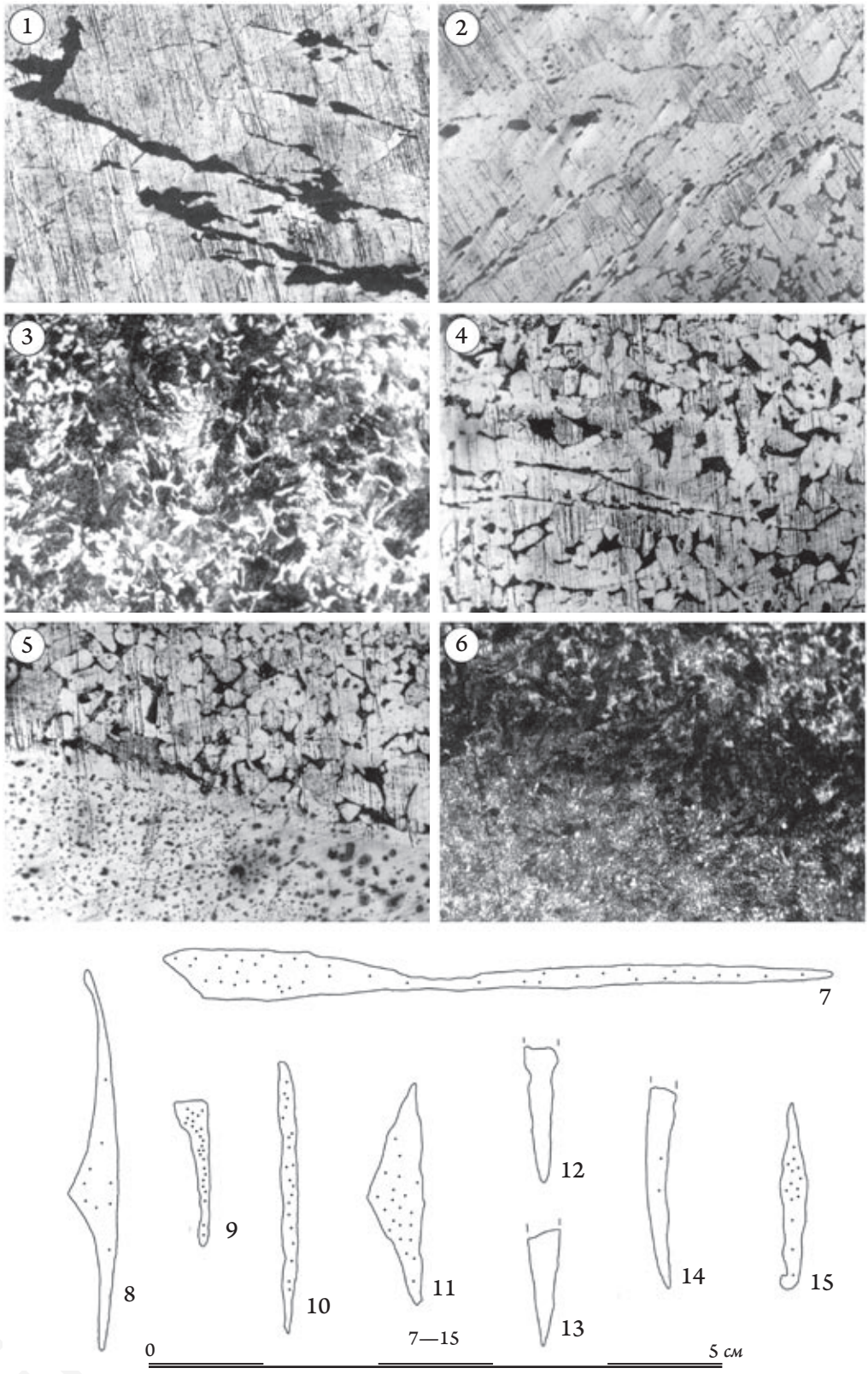

***Рис. 4.* Микроструктуры изделий**: 1 — анализ 3201; 2, 3 — анализ 3205; 4, 5 — анализ 3205; 6 — анализ 3202 (увеличение 70×); 7—15 — технологические схемы исследованных изделий

***Abb. 4.* Mikrostruktur der Funde**: 1 – Analyse 3201; 2, 3 – Analyse 3205; 4, 5 – Analyse 3205; 6 – Analyse 3202 (Vergrößerung 70×); 7–15 – technologischen Schemen der untersuchten Funde

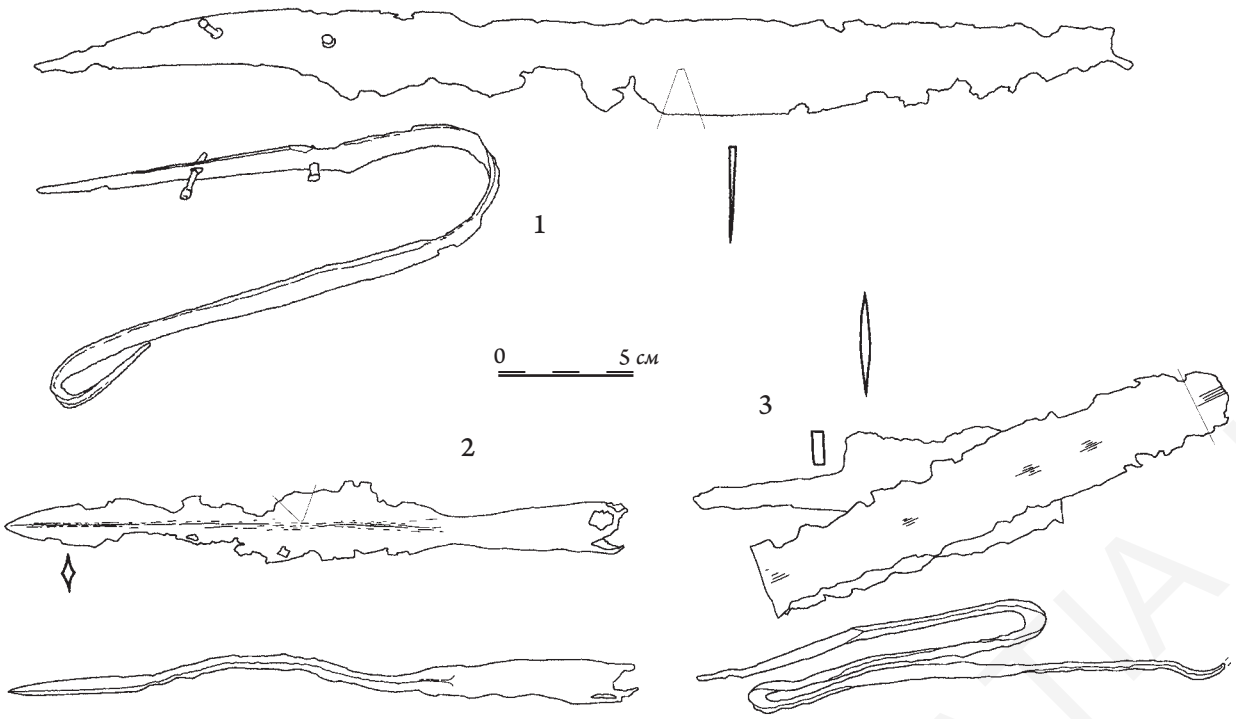

Рис. 5. 1, 3 — мечи; 2 — наконечник копья

Abb. 5. 1, 3 – Schwerter; 2 – Lanzenspitze

Наконечник копья откован из чистого кричного железа.

5. **Наконечник копья** (шифр музея — А 293 № 4, анализ 3204), втулка граненая, в ней — сквозное крепежное отверстие (***рис. 6: 4***). Сохранившаяся длина около 21,8, ширина пера 3,2 см. Тип Качановски XIII. Хронология: от середины B_2 до C_{1a} (C_{1b}?).

Шлиф сделан на полном поперечном сечении копья (перо плохой сохранности). Микроскопическое исследование (***рис. 3: 8***) обнаружило на его поверхности ферритно-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода — от 0,1—0,2 до 0,6—0,7%. Микротвердость колеблется от 151 до 193 кг/мм^2. Структура мелкозернистая, шлаковых включений мало (***рис. 4: 15***).

Наконечник копья откован из сырцовой стали.

6. **Наконечник копья** (шифр музея — ВД 3600, анализ 3201), втулка граненая, в ней — сквозное крепежное отверстие со штифтом (***рис. 6: 2***). Сохранившаяся длина около 19, ширина пера 2,3 см. Тип Качановски XIII. Хронология: от середины B_2 до C_{1a} (C_{1b}?).

Шлиф сделан на ½ поперечного сечения пера копья (***рис. 4: 1***). Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности однородную мелкозернистую структуру феррита, микротвердость 122—143 кг/мм^2. Шлаковых включений мало (***рис. 4: 13***).

Наконечник копья откован из чистого кричного железа.

7. **Наконечник копья** (шифр музея — А 293 № 5, анализ 3205), во втулке — сквозное крепежное отверстие (***рис. 6: 3***). Сохранившаяся длина около 11,6, ширина пера 2,5 см. Тип неопределим.

Шлиф сделан на полном сечении копья (***рис. 4: 2, 3***). Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности ферритно-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода (от 0,3 до 0,54%). Есть чисто ферритные участки. Микротвердость перлитных зерен 206—254 кг/мм^2, ферритных 143 кг/мм^2. Зерно мелкое и среднее, много мелких включений шлака. Внутри зерен феррита отмечены длинные иглы нитридов (***рис. 4: 11***).

Наконечник копья откован из сырцовой стали.

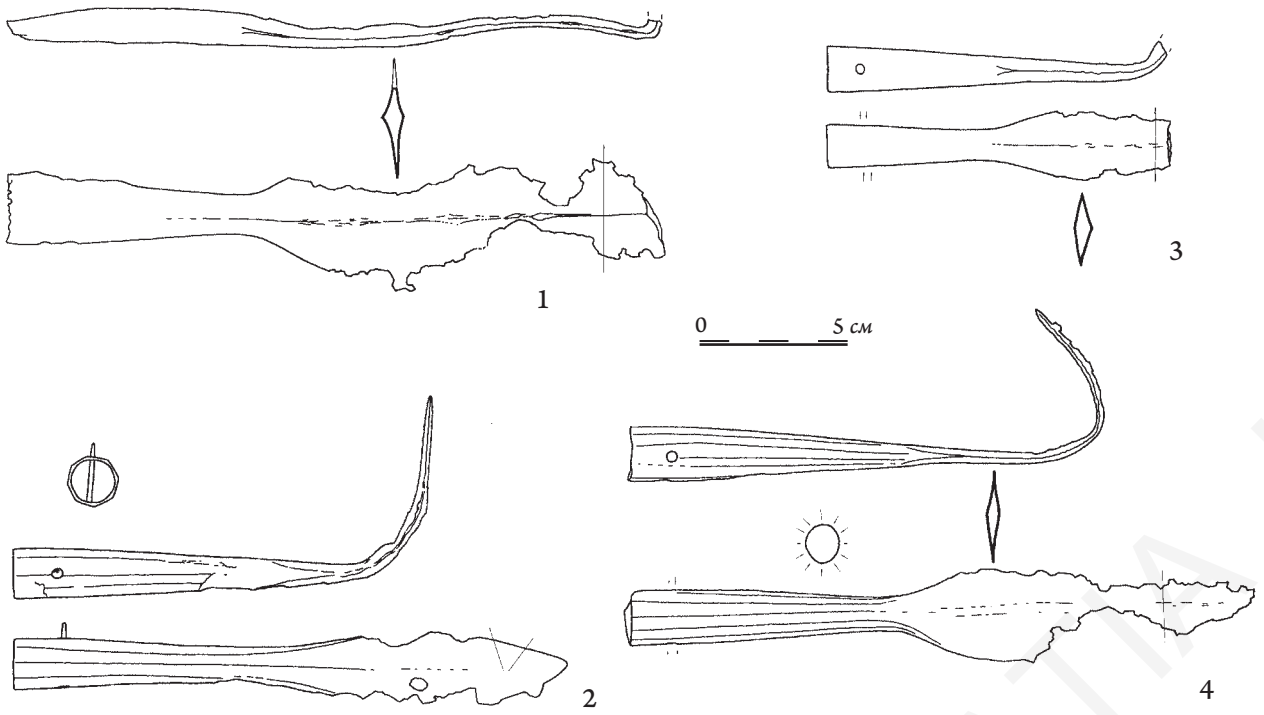

Рис. 6. Наконечники копий

Abb. 6. Lanzenspitzen

8. **Наконечник копья** (шифр музея — ВД 3602, анализ 3203): сохранившаяся длина — около 23, реконструируемая ширина пера — 4,2 см (***рис. 6: 1***). Судя по широкому по отношению к втулке перу, тип укладывается в промежуток между Качановски I и X. Большинство из входящих сюда типов характерны для периода B_1 — B_2 хронологии римского времени.

Шлиф сделан из полного поперечного сечения пера копья (***рис. 4: 4, 5***). Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности мелкозернистую структуру феррита (до 0,1—0,2% углерода местами). Микротвердость 128—151 кг/мм^2. Наблюдаемые сварочные швы не имеют технологического значения и связаны с формированием полосы-заготовки. Шлаковых включений в металле мало (***рис. 4: 8***).

Наконечник копья откован из кричного железа. Для заготовки использовано железо разного сорта (возможно, разного происхождения).

9. **Наконечник копья** (шифр музея — ВД 3601, анализ 3202): длина около 23,2 см (***рис. 5: 2***). Тип Качановски X (?). Хронология: конец B_2 — начало C_{1b} (?).

Шлиф сделан на ½ поперечного сечения пера копья (***рис. 4: 6***). Микроскопическое исследование обнаружило на его поверхности феррито-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода (от 0,2 до 0,7%). Перлит местами сфероидизирован (на острие), есть чисто ферритные участки. Микротвердость феррита 151 кг/мм^2, перлита 254—274 кг/мм^2. Шлаковых включений мало (***рис. 4: 9***).

Наконечник копья откован из полутвердой сырцовой стали.

* * *

В исследованных предметах вооружения в качестве сырья использовалось кричное железо и неравномерно науглероженная сырцовая сталь.

Кричное железо имеет преимущественно равномерную микрозернистую ферритную структуру, иногда наблюдаются следы незначительной первичной науглероженности. Железо мягкое: микротвердость ферритной структуры колеблется в пределах 122—180 кг/мм^2. В одном из наконечников копий (анализ 3203) зафиксирована

зона феррита, где микротвердость достигает 274—297 кг/мм². В микроструктуре наконечника копья (анализ 3205) обнаружены включения длинных игл нитридов железа.

Сырцовая сталь, получаемая непосредственно в горне в ходе металлургического процесса, имеет ферритно-перлитную структуру с неравномерным содержанием и распределением углерода — от 0,1—0,2 до 0,5—0,7% в одной пробе. В некоторых пробах отмечена коагуляция перлита (анализы 3198, 3202), а также видманштеттовый характер феррито-перлитной структуры (анализ 3197). Микротвердость в зонах первичной науглероженности — в пределах 160—221, 206—274 кг/мм². Металл чистый в отношении шлаковых включений: их мало, мелкие, вытянутые ковкой.

Технология изготовления изученных кузнечных изделий простейшая: они ковались при помощи приемов свободной горячей ручной ковки из цельной заготовки. При изготовлении изделий сложной конфигурации применялась горячая кузнечная сварка однородного металла. Термическая обработка изделий не обнаружена, но следует заметить, что, судя по внешнему виду, они побывали в огне погребального костра, что могло привести к отжигу метастабильных структур, если они были в наличии. Несомненно, что совокупность черт, присущих характеру сырья и технике кузнечной ковки (мягкое и чистое кричное железо, неравномерно науглероженная сырцовая сталь, совершенство пластической обработки вгорячую, которому обязаны своим совершенством формы изделий) — отражение устойчивых традиций определенной культуры производства, которая характерна для пшеворского культурного массива. Эти особенности техники и технологии кузнечного ремесла памятников пшеворской культуры хорошо известны благодаря масштабным аналитическим исследованиям Е. Пясковского в 1960 — 1970-х годах и работам М. Биборского, П. Качановского, З. Кенджерского, Й. Семпиньского.

Наше небольшое исследование материалов из Гача носит во многом предварительный характер. Для полной картины технологических приемов металлообработки, использовавшихся населением, оставившим этот памятник, необходимы комплексные изучения как краковской, так и львовской коллекций. Мы надеемся, что наша работа станет поводом к полному современному изданию могильника Гач.

Литература

Biborski M., 1978. Miecze z okresu wplzwow rzymskich na obzare kultury przeworskiej // Materily archeologicyne XVIII. Kraków.

Biborski M., Illkjær J., 2006. Illerup Ådal, Vol. 11–12: Die Schwerter Und Die Schwertscheiden, 11: Textband; 12: Katalog, Tafeln Und Fundlisten. Åarhus.

Hadaczek K., 1909. Album przedmiotów z grobów cmentrzska ciałopalnego koło Przeworska (z epoki cesarstwa rzymskiego) // Teka Konserwatorska. 3. Lwów.

Kaczanowski P., 1995. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kulturz przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków.

Piaskowski J., 1965. Niekotore dziwerowane miecze ryzmskie na ziemiach Polski // Z otchłani wieków. XXXI, zeszyt 1. Wrocław; Poznan.

Piaskowski J., Hensel Z., 1978. Metaloznawcye badania przedmiotów żelaznych z cmentarzyska ciałopalnego w kryspinowie gm. Lisyki, woj. Kraków // Sprawozdania archeologiczne. XXX. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

GERMANIA-SARMATIA

G. A. Woznesenskaja, M. E. Lewada

Metallographische Unteruchung der Bewaffnungsfunde aus den Ausgrabungen auf dem Gräberfeld in Gač

Unter den Funden des Nationalmuseums für Geschichte der Ukraine haben wir neun Eisengegenstände gefunden, und zwar drei Schwerter und sechs Lanzenspitzen. Auf allen befinden sich Spuren der Feuerpatina. Auf drei Exemplaren haben sich die Signaturen erhalten, nämlich eine Inschrift PRZEWORSK, mit weisser Farbe gemacht, daneben sorgfältig verwischte Spuren von Buchstaben bzw. Zahlen. Diese Signaturen entsprechen der Markierung der Funde aus dem Gräberfeld in Gać im Archäologischen Museum in Kraków aus der Grabung von Karol Hadaczek im Jahre 1909. Die Funde aus dem Kiever Museum sind in die Publikation (*Hadaczek, 1909*) nicht berücksichtigt worden. Sie waren ein Teil der Sammlung von Lemberg (Lviv) und wurden nie publiziert.

Von allen neun Gegenständen wurden im Labor des Archäologischen Instituts Kiev Proben entnommen und Schliffe gemacht.

Alle Waffen sind aus dem Eisenschwamm und ungleichmässig aufgekohltem Rohstahl hergestellt worden. Die Technologie ist dagegen einfacher: sie wurden in freier Hand aus einem Stück Rohstoff heiss geschmieden. Bei der komplizierten Zusammenstellung wurde das einheitliche Metall zusammengeschweift. Eine thermische Bearbeitung wurde nicht festgestellt, die Gegenstände waren jedoch im Scheiterhaufen, was zum Ausglühen der metastabilen Strukturen führen konnte, wenn diese zahlreich waren. Alle technische Merkmale sind für die Eisenherstellungstraditionen der Przeworsk-Kultur charakteristisch, die dank den Analysen von J. Piaskowski aus den 60–70er Jahren und den Arbeiten von M. Biborski, P. Kaczanowski, Z. Kędzierski und J. Stępiński gut bekannt sind.

GERMANIA ROMANIA II

Ахмедов
Илья Рафаэльевич

Москва

Научный сотрудник
I-й категории отдела
археологических
памятников
Государственного
исторического музея

i_akhmedov@mail.ru

И. Р. Ахмедов

Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника на Оке

Автор приступал к этой небольшой работе с особым чувством. Короткий, к сожалению, опыт общения с Марком Борисовичем Щукиным стал очень важным событием в моей жизни. Совместные участие в ряде научных конференций и работа в проекте подготовки и реализации выставки и каталога «Меровинги — Европа без границ» в 2005—2007 гг. позволили мне увидеть Марка Борисовича не только большим ученым и учителем, но и фантастически добрым, терпимым, обаятельным человеком. Память об этих днях всегда будет в моем сердце.

Вопросы археологии лесной зоны Восточной Европы всегда входили в сферу научных интересов М. Б. Щукина. В своей работе «Готский путь», рассматривая сведения Иордана и историю «державы» Германариха, он подчеркивал роль наиболее представительных культур лесной зоны Центральной России: тушемлинской, мощинской, рязано-окской — как важных участников процесса формирования нового этнополитического устройства, сложившегося в Восточной Европе накануне гуннского нашествия, что нашло отражение в находках изделий черняховского и «прибалтийско-среднеднепровского» облика в памятниках этих культур. В то же время он указывал, что многочисленные новые находки не введены в научный оборот и не используются специалистами (*Щукин, 2007, с. 215*).

Выводы Марка Борисовича были основаны в первую очередь на работах М. М. Казанского, создавшего обзоры опубликованных находок указанных выше категорий предметов на территории лесной зоны Восточной Европы в позднеримское и гуннское время (*Kazanski, 1992, 2000*; *Казанский, 1999*). В них не могли быть учтены неопубликованные и новейшие находки из рязано-окских могильников, источниковая база которых за последние 25 лет была существенно пополнена в результате работ экспедиций Государственного Исторического музея на целом ряде погребальных памятников Среднего Поочья. Для восполнения этого пробела были сделаны общий обзор находок древностей «дунайского» облика постгуннского времени в лесной зоне Центральной России (*Ахмедов, Казанский, 2004*) и обзор динамики развития категорий мужского инвентаря рязано-окских могильников в римское и гуннское время (*Ахмедов, 2007*).

Теперь насущной необходимостью становится более детальное рассмотрение этих материалов, что и будет предпринято на примере находок коротких однолезвийных мечей гуннского и постгуннского времени в Никитинском могильнике рязано-окских финнов[1] (***рис. 1; 2***).

[1] Могильник у с. Никитино Спасского района Рязанской обл. расположен в центральной части ареала культуры рязано-окских могильников у места впадения р. Проня в Оку. Памятник обнаружен в 1928 г., →

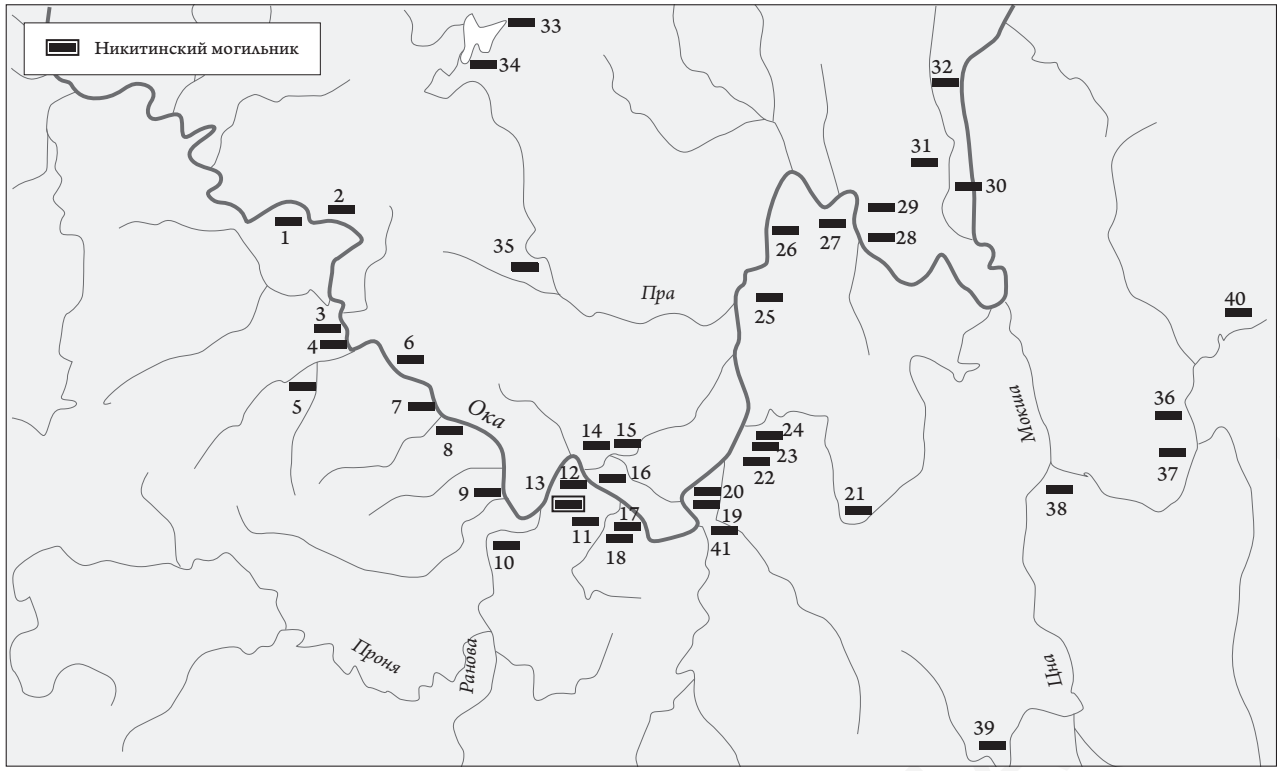

Рис. 1. **Рязано-окские могильники**: 1 — Вакинский; 2 — Кузьминский; 3 — Фефеловский; 4 — Борковской; 5 — Дашковский; 6 — Дубровичский; 7 — Кораблинский; 8 — Гавердовский; 9 — Троице-Пеленицкий; 10 — Заречье 4; 11 — Еремеевский; 12 — Никитинский; 13 — Шатрищенский; 14 — Киструсский; 15 — Дегтянский; 16 — Облачинский; 17 — Бортниковский; 18 — Дуброво-Срезневский; 19 — Кулаковский; 20 — Ундрих; 21 — Мелеховское погребение; 22 — Тереховский; 23 — Тырновский 1; 24 — Тырновский 2; 25 — Куземкинский; 26 — Курманский; 27 — Бабенское местонахождение; 28 — Поповский; 29 — Старо-Посадское погребение; 30 — Мишуковский; 31 — Фоминский; 33 — Глушицкий; 34 — Шагара 5; 35 — Деулинский; 36 — Кокуй; 37 — Старо-Кадомский; 38 — Кошибеевский; 39 — Польно-Ялтуновский; 40 — Шокшинский; 41 — Борок 2. Карта по Р. Ф. Ворониной с дополнениями автора

Abb. 1. **Die Gräberfelder der Ryazan-Oka Gruppe**: 1 – Vakinskij; 2 – Kuz'minskij; 3 – Fefelovskij; 4 – Borkovskoj; 5 – Daškovskij; 6 – Dubrovičskij; 7 – Korablinskij; 8 – Gaverdovskij; 9 – Troice-Pelenickij; 10 – Zareč'e 4; 11 – Eremeevskij; 12 – Nikitinskij; 13 – Šatriščenskij; 14 – Kistrusskij; 15 – Degtjanskij; 16 – Oblačinskij; 17 – Bortnikovskij; 18 – Dubrovo-Sreznevskij; 19 – Kulakovskij; 20 – Undrich; 21 – Melechovskoe Grab; 22 – Terechovskij; 23 – Tyrnovskij 1; 24 – Tyrnovskij 2; 25 – Kuzemkinskij; 26 – Kurmanskij; 27 – Fundort Babenskoe; 28 – Popovskij; 29 – Staro-Posadskoe Grab; 30 – Mišukovskij; 31 – Fominskij; 33 – Glušickij; 34 – Šagara 5; 35 – Deulinskij; 36 – Kokuj; 37 – Staro-Kadomskij; 38 – Košibeevskij; 39 – Pol'no-Jaltunovskij; 40 – Šokšinskij; 41 – Borok 2. Nach R. F. Voronina mit den Ergänzungen des Autors

Эта категория клинкового оружия в западноевропейской археологии давно привлекает внимание специалистов. Й. Вернер рассматривал находки в бассейне Дуная как новацию гуннского времени, считая их типичным кочевническим оружием, и даже называл «прямыми саблями» — оружием конных воинов (*Werner, 1956, Fig. 43*). Я. Тейрал считает это оружие характерным и для восточногерманских воинов-всадников середины — второй половины V в. н. э. (хронологические горизонты D_2/D_3 и D_3 для центральноевропейских древностей) в Подунавье и сопредельных регионах (*Tejral, 1997, 1999*). М. М. Казанский в ряде работ предполагает восточное происхождение этого вида оружия, появившегося в Центральной Европе в результате сасанидско-византийских контактов в военной сфере и указывает на бытование схожих

первые регулярные раскопки были проведены в 1977—1978 гг. Р. Ф. Ворониной, которая исследовала 23 погребальных комплекса (*Воронина и др., 2005*). Полностью могильник был изучен экспедицией ГИМ в 2000—2006 гг.: раскопано 249 погребений, жертвенные ямы, расположенные в разных частях памятника, а также остатки места жертвоприношений.

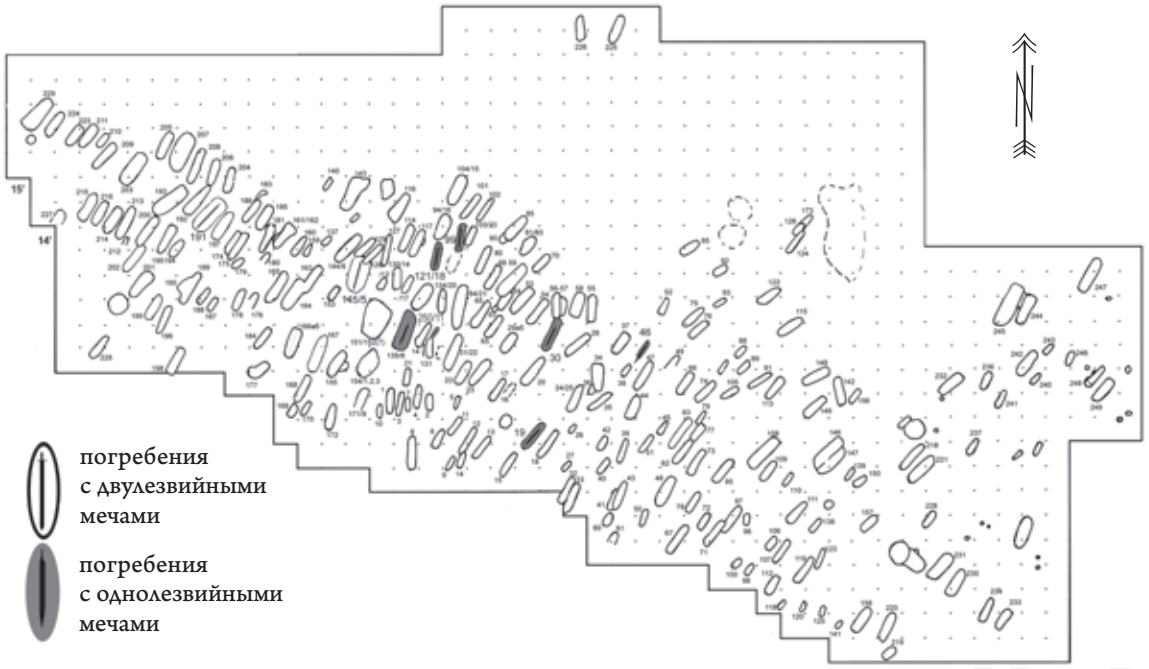

Рис. 2. **Погребения с мечами гуннского и постгуннского времени на Никитинском могильнике**

Abb. 2. **Bestattungen mit Schwertern auf dem Gräberfeld Nikitinskij aus der Hunnenzeit und der darauf folgenden Periode**

форм в это же время в культуре Цебельды, а также в могильниках черноморского побережья Кавказа. Рассматривая параллели находке лангсакса в погребении Хильдерика, М.М. Казанский и П. Перен указывают на находки однолезвийных мечей и кинжалов в Средней Азии, Иране, Малой Азии, Закавказье, на Северном Кавказе, в единичных случаях в степной зоне (Кубей и Шипово), а также на сведения о находках фрагментированных клинков в погребениях в Покровске, совхозе Калинина, Нижней Добринке. Появление этого типа оружия в Среднем Подунавье и на «римско-германском» западе исследователи, как и Я. Тейрал, относят ко второй трети V в. (период D_2/D_3 по Я. Тейралу — 430/440—470/480 гг.). В течение этого периода однолезвийные клинки становятся обычной категорией находок в комплексах как знатных, так и рядовых воинов (*Kazanski, 1991, p.133*; *Kazanski et al., 2002, p. 172—176*; *Казанский, Перен, 2005, с. 36, 37*).

М. Мартин рассматривает эту категорию вместе с находками луков в комплексе оружия, характерного для всадников. Присутствие однолезвийных мечей в репрезентативных погребениях западных германцев раннемеровингского (фазы ABC) времени свидетельствует, по его мнению, об особом статусе этого оружия. Появившиеся на западе в результате дунайского культурного импульса в последней трети V в. малые лангсаксы быстро исчезают из обихода в первой трети VI в. Исследуя находки позднеримских боевых однолезвийных ножей, ученый предполагает возможное средиземноморское происхождение этой схемы (*Martin, 1993, p. 395—397*).

Д. Кваст рассматривает находки малых лангсаксов у аламаннов в контексте изучения их контактов с населением среднего течения Дуная и Карпатского бассейна и относит эти мечи к характерным для «всадническо-кочевнического» комплекса категориям. Признавая византийское происхождение парадных экземпляров, в частности, из погребения Хильдерика и находки в Пуане, он в то же время пытается связать их с востоком, основываясь на находках длинных однолезвийных палашей в степной части Западной Сибири, на Алтае, Таманском полуострове и в Иране, что представляется некорректным. Однако в его работе содержится весьма важный список из шестидесяти семи пунктов находок малых лангсаксов в Европе и Малой Азии (*Quast, 1999*).

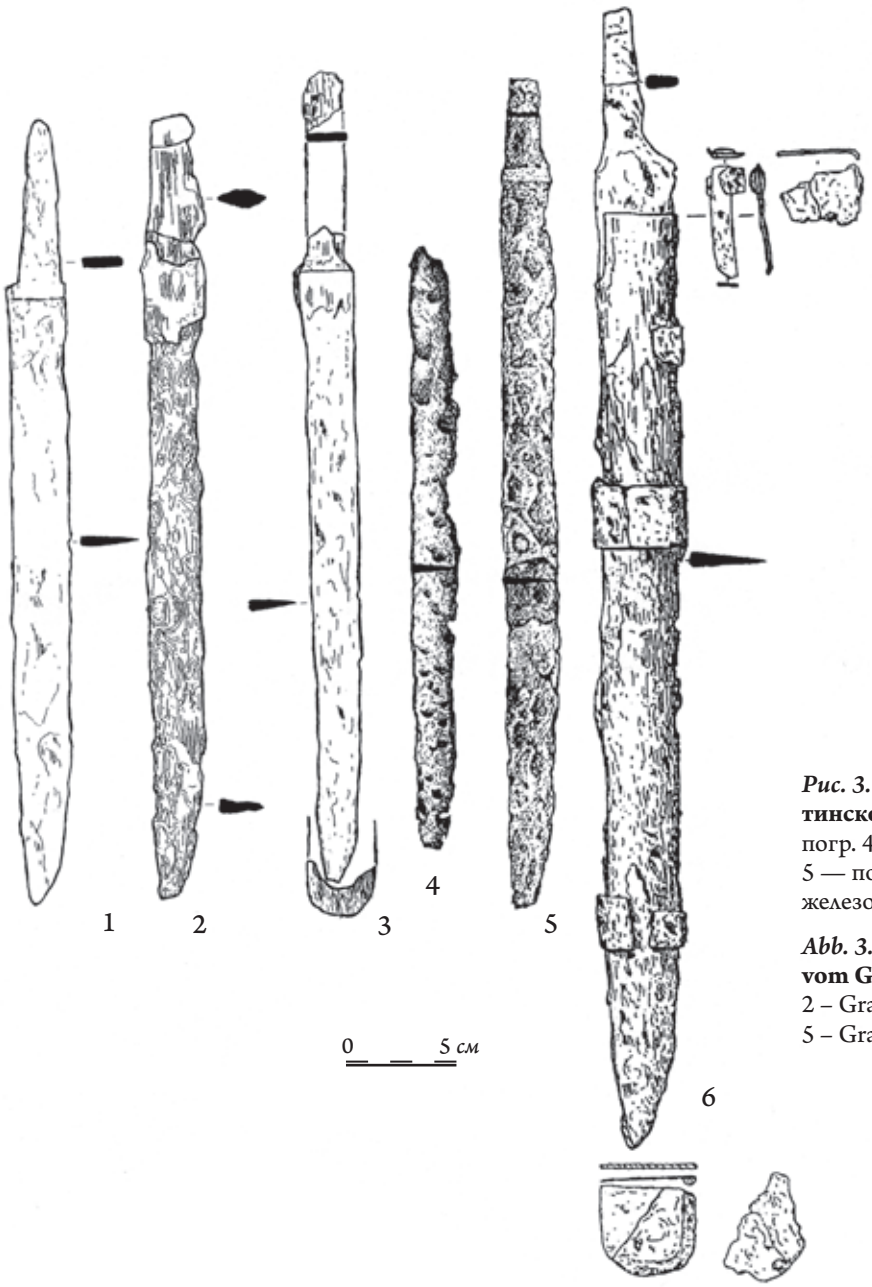

Рис. 3. **Однолезвийные мечи из Никитинского могильника**: 1 — погр. 30; 2 — погр. 46; 3 — погр. 19; 4 — погр. 18/121; 5 — погр. 11/250; 6 — погр. 99. 1—6 — железо; 4, 5 — по: *Воронина и др., 2005*

Abb. 3. **Die einschneidigen Schwerter vom Gräberfeld Nikitinskij**: 1 – Grab 30; 2 – Grab 46; 3 – Grab 19; 4 – Grab 18/121; 5 – Grab 11/250; 6 – Grab 99. 1 – 6 – Eisen

Малые лангсаксы, находимые в сочетании с воинскими наборными поясами с крупными пряжками в лесной зоне Восточной Европы, рассматривались М. М. Казанским как одна из категорий, входивших в состав дунайских импортов середины третьей четверти V в. (*Kazanski, 2000, Fig. 10: 9, 10, 12—16*). Комплекс с парой мечей — длинного двулезвийного и короткого однолезвийного — из случайной находки на могильнике Борок 2 был опубликован автором (*Ахмедов, 2001а*; *Akhmedov, 2006*). Первичная краткая сводка этих находок оружия в Среднем Поочье (38 экз.) была представлена в совместной работе (*Ахмедов, Казанский, 2004, с. 177, рис. 9: 8, 9*). Позже эта категория рассматривалась как один из хронологических индикаторов периодов 3В—3С культуры рязано-окских финнов, которые в целом соответствуют периодам D_2/D_3—D_3 для древностей центральной Европы по Я. Тейралу. Была отмечена тенденция к некоторому увеличению размеров клинков в течение этих периодов (*Ахмедов, 2007, с. 147, 148, схема 3*).

В погребениях Никитинского могильника найдено семь однолезвийных коротких мечей, соот-

Таблица 1. **Размеры и формы клинков мечей из Никитинского могильника**

Таблица 1. --------

Комплекс	Общая длина, см	Длина клинка, см	Максимальная ширина лезвия, см	Вариант перехода к лезвию	Ножны
18/121, раскопки Р. Ф. Ворониной (*рис. 3; 4*)	Больше 27,5	Ок. 27,5	Ок. 3	Обломан	
11/250, раскопки Р. Ф. Ворониной (*рис. 3; 5*)	38	Ок. 34	Ок. 3	Б	
46, раскопки И. Р. Ахмедова (*рис. 3; 6*)	36	27	2,5	?	
30, раскопки И. Р. Ахмедова (*рис. 3; 7*)	36,5	27,5	2,6	Б	
19, раскопки И. Р. Ахмедова (*рис. 3; 8*)	37,5	27,5	2,5	А	Следы U-образной бутероли
99, раскопки И. Р. Ахмедова (*рис. 3; 9*)	52	45	3,5	Б	Г-образное устье и U-образная бутероль

Таблица 2. **Параметры коротких однолезвийных мечей в Среднем Поочье**

Таблица 2. -----

№ п/п	Комплекс	Длина, см	Лезвие, см	Ширина, см
1	Шокшинский, погр. 727	Более 22,6	20	2,5
2	Борок 2, случайная находка	35	27	3
3	Никитино, погр. 46, раскопки И. Р. Ахмедова	35,2	25,6	2,5
4	Курман, № 590	38,4	36	3,1
5	Борок 2, комплекс 110	41,5	38	3,5
6	Ахмылово, погр.102	44	44	3,5
7	Борковской, погр.101	44,5		
8	Иваньково, погр.11, раскопки Р. Ф. Ворониной	47	38	3
9	Ахмылово, погр. 90	48	43	3,5
10	Борок 2, комплекс 513	49,3	38,1	3,7
11	Заречье, погр.158	52,5	42,5	3,4
12	Кораблино, погр.15	Ок. 65	Ок. 55	Ок.4
13	Шатрищи, погр. 81	55	50	3
14	Заречье, погр. 66	54		3,5
15	Заречье, погр. 55	Ок. 50	?	3
16	Шорунжа, погр. 6	54	42	3,5
17	Борок 2, комплекс 525	54	39	3,5
18	Курман, № 589	56	47,5	3
19	Шиловский музей, Р2-7—317	57,7	53	3
20	Абрамовский, погр. 232	55,5	47	3
21	Старый Кадом, погр. 25	56	50,3	3
22	Абрамовский, погр. 243	58	47,5	3
23	Кузьминский, погр. 40	Ок. 58		
24	Борковской, погр. 54	58,8	51,2	3
25	Борковской, погр. 63	62,3		
26	Кораблино, погр. 96	70,4	52,4	3,5

носимых с schmalen Langsaxe, — погребения 8, 11, 18 из раскопок Р. Ф. Ворониной (*Воронина и др., 2005, с. 22, 24, 75, рис. 10: 3; 15: 10; 16: 8; 18: 5; 26: 8; 41: 2*); погребения 19, 30, 46, 99 из раскопок И. Р. Ахмедова. Отнесенный исследователями к этой категории меч из погребения 9, раскопки Р. Ф. Ворониной, на самом деле принадлежит другой категории однолезвийных мечей, обнаруженных также в погребениях 63 и 73 из раскопок автора на Никитинском могильнике. Они отличаются формой клинка и большими размерами и бытовали в более позднее время.

По форме однолезвийные короткие мечи аналогичны центральноевропейским находкам. Характеризуются достаточно легким клинком, асимметрично сужающимся в последней трети к середине продольной оси. Черенки вытянуто-треугольной формы с плавным расширением к лезвию (вариант А) или с уступами — вариант Б (***рис. 3***; ***табл. 1***).

В погребении 8/135 из раскопок Р. Ф. Ворониной клинок сохранился только во фрагментах, по рисунку на полевом чертеже его длина равна примерно 42—44 см (*Воронина и др., 2005, рис. 15*).

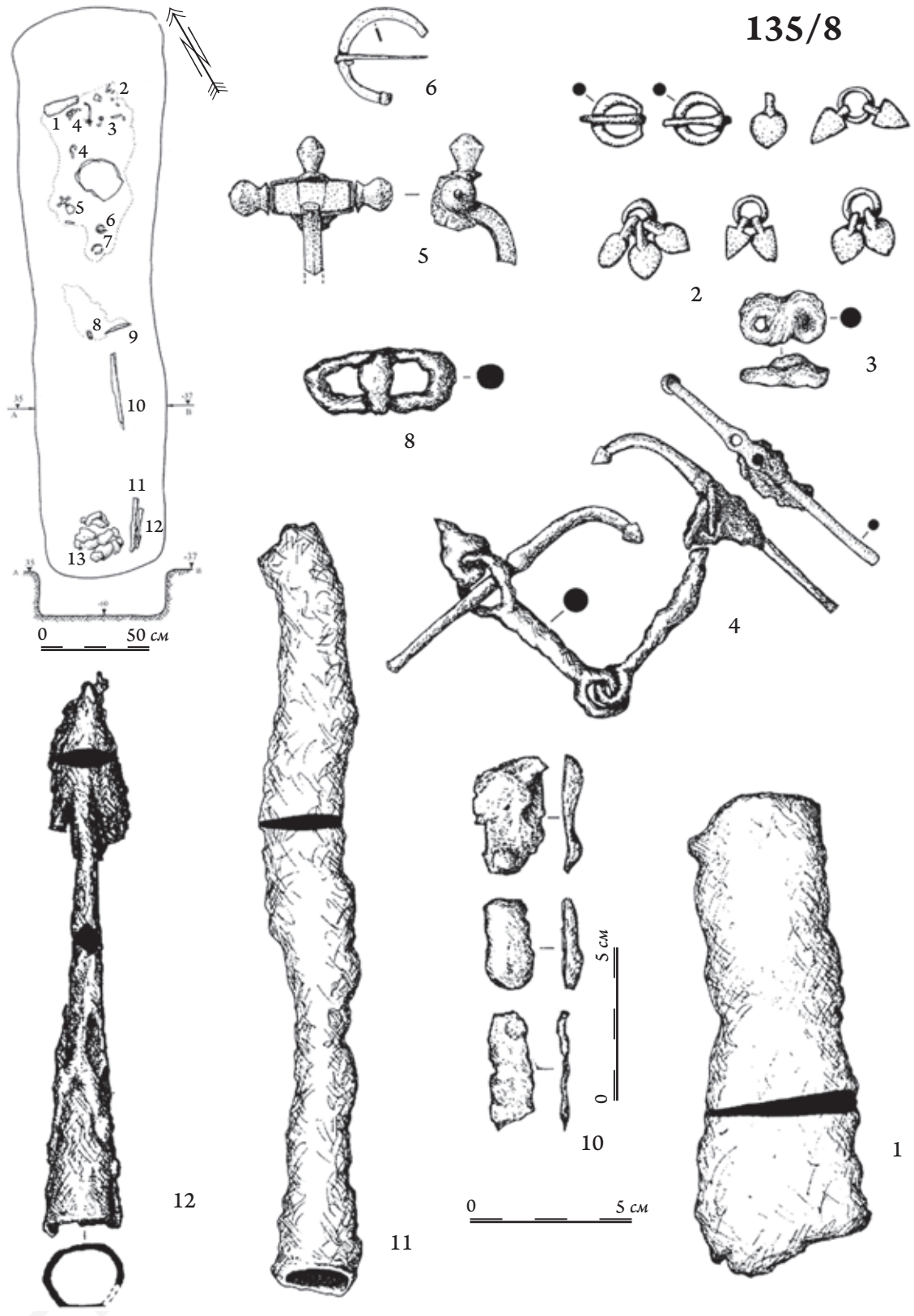

Рис. 4. **Комплекс погр. 135/8**: 1 — топор втульчатый; 2—4 — уздечный набор; 5 — фрагмент крестовидной фибулы; 6 — сюльгама; 7 — браслет (не сохранился); 8 — пряжка; 9 — нож (не сохранился); 10 — фрагменты меча однолезвийного; 11 — наконечник копья; 12 — наконечник дротика. 1, 3, 8—12 — железо; 6 — бронза; 2, 5 — серебро; 4 — бронза, железо. Раскопки Р. Ф. Ворониной (по: *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Номера соответствуют нумерации находок в погребении

Общая длина клинков варьирует от 36 до 52 см. Автором была предпринята попытка измерения всех доступных находок этого типа мечей на территории Среднего Поочья и сопредельных землях западной части Среднего Поволжья (***табл. 2***).

Из таблицы видно, что мечи в этой далеко еще не полной выборке из памятников западной части Среднего Поволжья и среднего течения р. Ока имеют размеры, располагающиеся в немного большем диапазоне, чем представленные в табл. 1 мечи из Никитинского могильника. Длина клинков располагается в диапазоне от 35 до 65 см, размеры мечей из погребений 63 Борковского могильника и 96 могильника Кораблино даны вместе с деталями ножен, а в последнем случае и с рукоятью, так как меч еще не отреставрирован. Клинок из погребения 727 Шокшинского могильника[2] представляет собой скорее боевой нож и, вероятно, его следует считать прототипом однолезвийных мечей этой категории. На его очень раннюю хронологическую позицию указывает наличие в комплексе пряжки с круглой, утолщенной в передней части рамкой с длинным «хоботковидным» язычком и прямоугольной обоймой и шейной гривны с замком в двойную петлю и проволочной обмоткой концов и напускными бусами развитого типа. Это позволяет датировать погребение в рамках поздней фазы 3А для мужских комплексов рязано-окских финнов, или второй четверти V в.

Мечи разного размера имеют разные позиции внутри хронологических периодов 3В и 3С, выделенных автором для мужских комплексов культуры рязано-окских финнов. В погребении 8/135 Никитинского могильника (***рис. 4***), являющемся одним из самых ранних захоронений на памятнике, присутствовали хорошо датируемые вещи: крестовидная фибула самой ранней серии 1, аналогичная находкам из погребений 2 Шатрищенского могильника (раскопки И. Р. Ахмедова), 28 могильника Курман (раскопки Ф. А. Уварова), 703 Шокшинского могильника, случайной находке на могильнике Борок 2. Все эти комплексы датируются в рамках первой трети — первой половины V в. по наличию таких хронологических индикаторов, как изделия в стиле «Сесдал—Унтерзибенбрунн»[3], тонких тордированных гривен, серебряных гривен с замком в двойную петлю ранней серии и др. (*Ахмедов 2007, рис. 23, 25*). В этом же погребении Никитинского могильника найдены удила с псалиями типа 7а группы II псалиев гуннского времени, датирующихся в рамках финала периода D_1 — периода D_2, т. е. конца IV — первых десятилетий V в. (погребения 3, 47 могильника Ахьяцараху, находка на р. Пшиш в Прикубанье). В то же время отверстия в виде вставных петель сближают эти находки с псалиями группы III, которые появляются в финальной части периода D_2. Треугольные и миндалевидные литые зажимы также находят аналоги среди комплектов периода D_2: к ним относятся псалии с зооморфным декором из Керчи и могильника Ундрих. В этом же стиле изготовлены зажимы из погребения в Унтерзибенбрунн (*Ахмедов, 2001б, с. 228—233, рис. 2: 1, 4; 3: 3; 4: 1*).

Меч из погребения 8/135, как уже сказано выше, сохранился лишь в обломках. Три меча длиной 36—37,5 см (погребения 19, 30, 46) найдены в комплексах, располагавшихся в близких рядах захоронений (***рис. 5, 6,*** 7). Погребения с более длинными мечами сосредоточены на более позднем участке, расположенном севернее (***рис. 2***). Находки в этих погребениях (11/250, 18/121, 99) указывают на возможную датировку в рамках середины — третьей четверти V в. Они расположены в непосредственной близости к погребению вождя 5б/145, в состав комплекса которого входили фибула серии 8а (аналогична находкам

[2] Хочу выразить искреннюю благодарность В. Н. Шитову, любезно предоставившему сведения о неопубликованной находке.

[3] Случайная находка клинка на могильнике Борок 2 сопровождалась уздечным набором, изготовленным под влиянием знакомства мастера с изделиями этого стиля.

Abb. 4. **Inventar des Grabes 135/8**: 1 – Tüllenbeil; 2–4 – Trensegarnitur; 5 – Fragment einer kreuzförmigen Fibel; 6 – hufeisenförmige Fibel (sjul'gama); 7 – Armring (nicht erhalten); 8 – Schnalle; 9 – Messer (nicht erhalten); 10 – Fragmente eines einschneidigen Schwertes; 11 – Lanzenspitze; 12 – Speerspitze. 1, 3, 8–12 – Eisen; 6 – Bronze; 2, 5 – Silber; 4 – Bronze, Eisen. Ausgrabungen von R. F. Voronina (nach *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

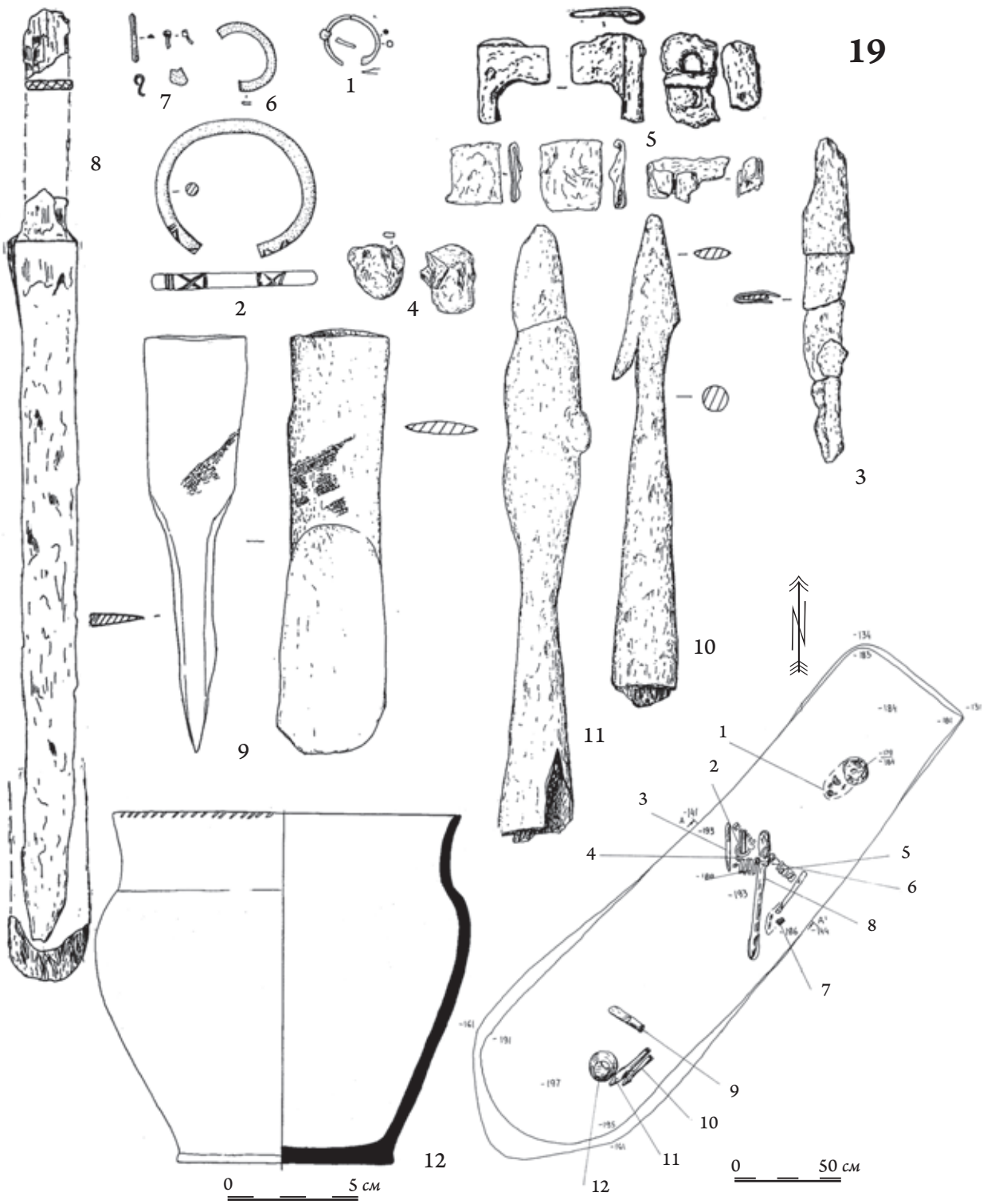

***Рис. 5.* Комплекс погр. 19**: 1, 6 — сюльгамы; 2 — браслет; 3 — нож; 4, 5 — поясной набор; 7 — фрагменты спирального перстня; 8 — меч однолезвийный; 9 — топор втульчатый; 10 — наконечник дротика; 11 — наконечник копья; 12 — сосуд. 1, 2, 6, 7 — бронза; 3—5, 9—11 — железо; 8 — железо, дерево; 12 — глина. Раскопки И. Р. Ахмедова. Номера соответствуют нумерации находок в погребении

***Abb. 5.* Inventar des Grabes 19**: 1, 6 – hufeisenförmige Fibeln (sjul'gamy); 2 – Armring; 3 – Messer; 4, 5 – Gürtelgarnitur; 7 – Fragmente des Spiralfingerringes; 8 – einschneidiges Schwert; 9 – Tüllenbeil; 10 – Speerspitze; 11 – Lanzenspitze; 12 – Gefäss. 1, 2, 6, 7 – Bronze; 3–5, 9–11 – Eisen; 8 – Eisen, Holz; 12 – Keramik. Ausgrabungen von I. R. Achmedov. Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

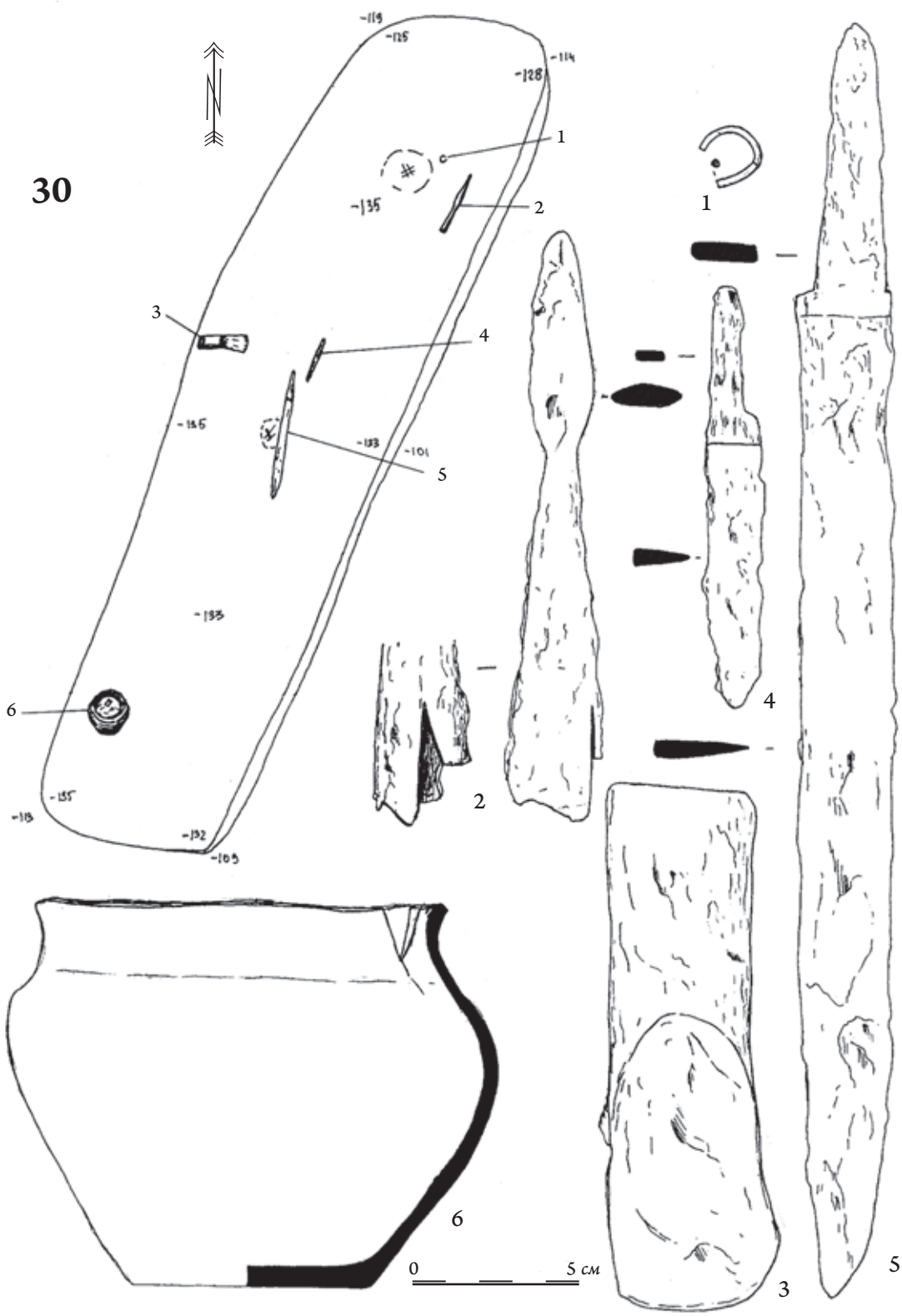

Рис. 6. **Комплекс погр. 30**: 1 — колечко; 2 — наконечник копья; 3 — топор втульчатый; 4 — нож; 5 — меч однолезвийный. 1 — бронза, 2—5 — железо. Раскопки И. Р. Ахмедова. Номера соответствуют нумерации находок в погребении

Abb. 6. **Inventar des Grabes 30**: 1 – kleiner Ring; 2 – Lanzenspitze; 3 – Tüllenbeil; 4 – Messer; 5 – einschneidiges Schwert. 1 – Bronze, 2–5 – Eisen. Ausgrabungen von I. R. Achmedov. Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

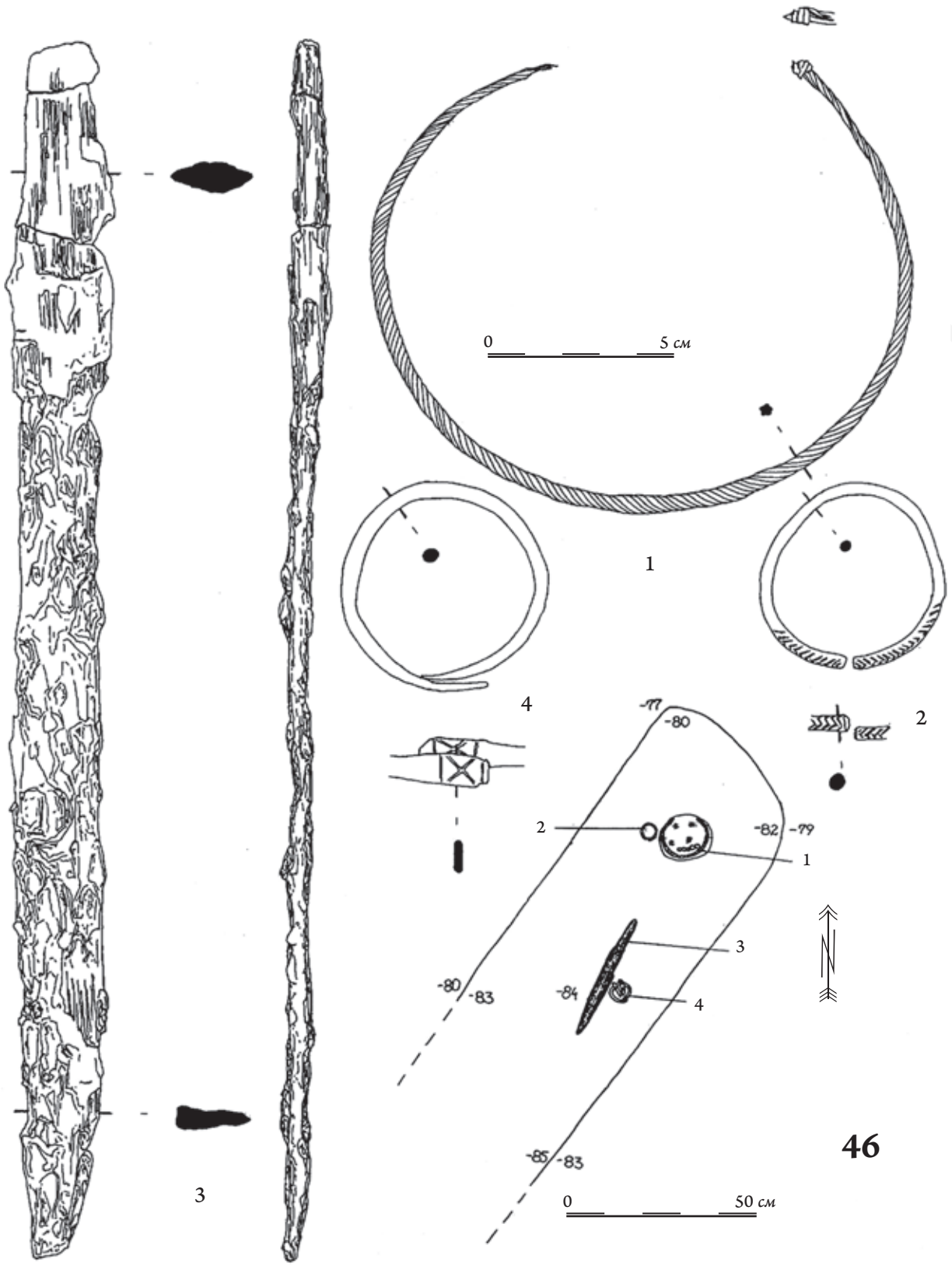

***Рис. 7.* Комплекс погр. 46**: 1 — гривна; 2 — браслет; 3 — меч однолезвийный; 4 — браслет. 1, 2, 4 — бронза; 3 — железо. Раскопки И. Р. Ахмедова. Номера соответствуют нумерации находок в погребении

***Abb. 7.* Inventar des Grabes 46**: 1 – Halsring; 2 – Armring; 3 – einschneidiges Schwert; 4 – Armring. 1, 2, 4 – Bronze, 3 – Eisen. Ausgrabungen von I. R. Achmedov. Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

в погребениях 22, 59 Никитинского могильника, 10 могильника Гавердово, комплексе 105 могильника Борок 2, погребении 28 могильника Заречье, случайной находке на Шатрищенском могильнике) и массивная утолщенная в передней части серебряная гривна. В погребении 11/250 на руке погребенного находился круглодротовый браслет с раскованными обрезанными концами, украшенными штампованным орнаментом (***рис. 8: 6***). Подобные украшения характерны для середины — второй половины V в. В погребении 18/121 на поясе погребенного наряду с характерным для рязано-окских финнов набором поздней группы поясов «геометрического стиля» находилась пряжка, соотносимая с пряжками серии Притцир—Полибино, выделенной И. Бажаном и С. Каргопольцевым (***рис. 9: 5***). Пряжка этой серии с вытянутой обоймой найдена также в расположенном в непосредственной близости погребении 117а (вместе с двулезвийным коротким мечом). Пряжки серии Притцир—Полибино с вытянутыми подпрямоугольными обоймами более характерны для второй половины V — начала VI в., что подтверждает датировку этой группы погребений в рамках второй половины V в. (*Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 28—33, рис.1, 2*).

Самым поздним является меч из погребения 99 (***рис. 10А: 5***), найденный вместе поясным набором с декором в виде стилизованных головок птиц (***рис. 10Б: 4***). В его состав входили пряжка с граненым овальной рамкой, широким полым язычком с широкой поперечной площадкой у основания, украшенной треугольно-выемчатой резьбой, овальной массивной полой литой обоймой; нижняя пластина прямоугольная, с дополнительной поперечной пластиной. Вместе с ней найдена противостоящая полая пластина прямоугольной формы с выделенным валиком, обращенным к пряжке, двумя головками птиц в профиль клювами друг к другу, которые объединены фигурой в виде полумесяца. Ремень был украшен пластинчатыми Ж-образными накладками из соединенных попарно птичьих клювов, разделенных полосой, украшенной косыми насечками и имитацией пирамидок. Пояса этой стилистической группы являются местной версией центральноевропейских гарнитур, бытующей во второй половине V в. Поясной набор имеет уже сложившиеся характерные детали, что позволяет относить время захоронения к наиболее поздним в этой группе погребений (*Ахмедов 2006, с. 17, 18*). Второй половиной V — рубежом V—VI в. датирует пряжки этого круга из находок в Демидовке и Хотыще в Верхнем Поднепровье и А. Г. Фурасьев (*2001, с. 25*).

Приведенные соображения подтверждают высказанные ранее предположения о тенденции к увеличению длины мечей во второй половине V в., а также указывают на верхнюю границу бытования этого вида оружия у населения, оставившего Никитинский могильник. В то же время определение хронологических рамок бытования этой категории клинкового оружия и динамики его развития требует дополнительной проверки на всем массиве материала, так как, например, среди находок этих мечей в Подунавье в погребениях горизонта D_2/D_3 по Я. Тейралу встречаются образцы длиной от 30,5 до 69 см. М. Мартин указывает основной диапазон длины мечей из находок в погребениях раннемеровингского круга в пределах 38—63 см, отмечая несколько экземпляров длиной до 70 см (*Tejral, 1997, fig. 17: 6,10*; *Martin, 1993, p. 395*).

В погребении 99 прослежен единственный в Никитинском могильнике случай сохранности деталей ножен (***рис. 10А: 5***). Это железные пластины оформления устья: узкая продольная, крепившая вертикально широкую пластину, две прямоугольные широкие пластины, скреплявшие ножны в центре и в нижней трети, а также пластинчатая накладка U-образной формы — остаток бутероли. Судя по форме сохранившегося фрагмента дерева у острия меча из погребения 19, нижний конец ножен имел также U-образную форму (***рис. 5: 8***).

Известны следующие варианты оформления ножен однолезвийных мечей, найденных в могильниках рязано-окских финнов (***рис. 11***). К наиболее ранним относятся ножны, обтянутые поперечными горизонтальными широкими пластинами, скрепленными более узкой вертикальной (вариант 1). Пластины могут быть гладкими или украшены «жемчужным» орнаментом. Известны экземпляры как из бронзовых, так и серебряных пластин: разрушенное погребение и комплекс 525 (***рис. 11: 1***) могильника Борок 2 (*Ахмедов, 2007, рис. 25: 17; в печати*).

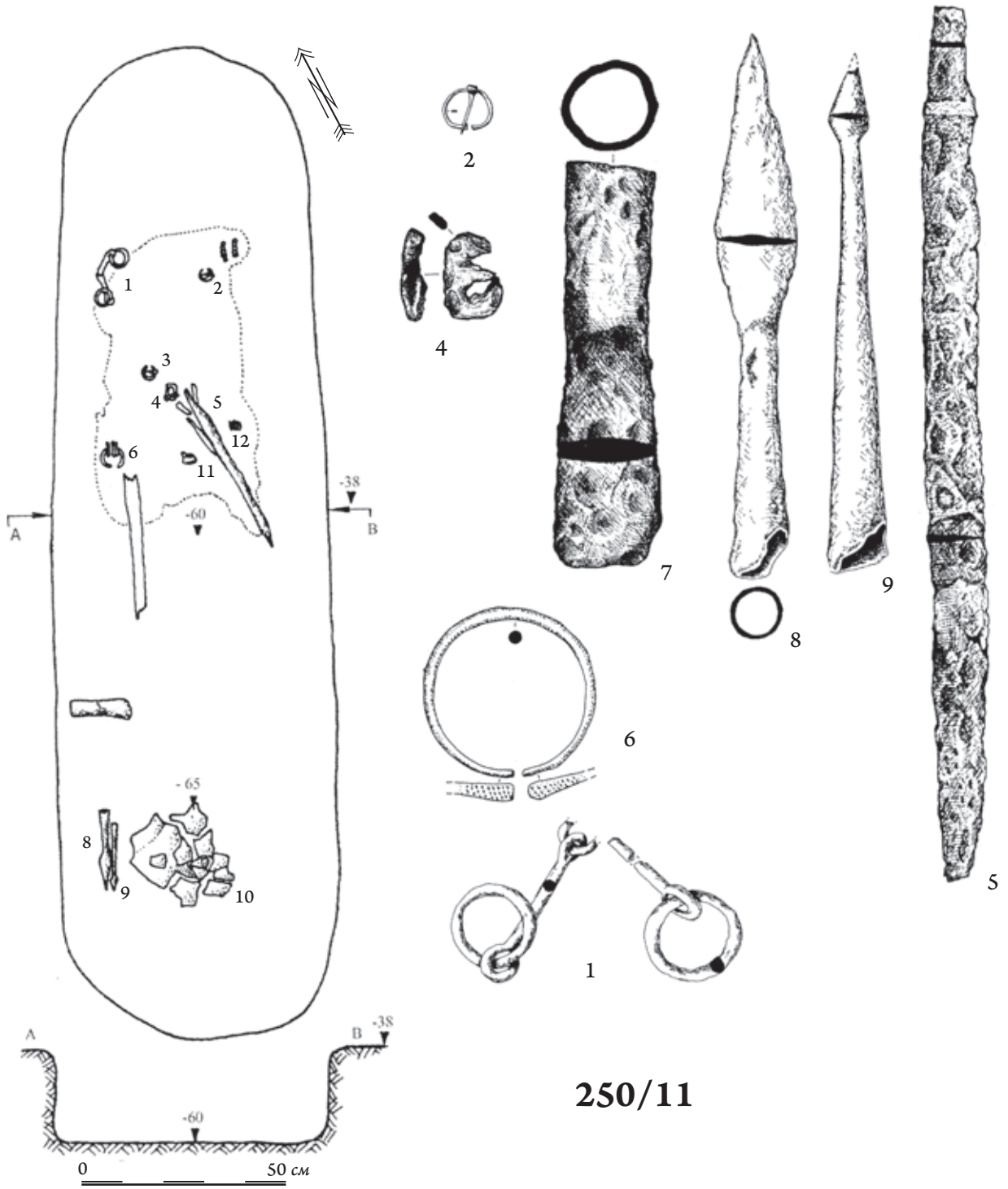

Рис. 8. **Комплекс погр. 250/11**: 1 — удила; 2, 3 — сюльгама (3 — не сохранилась); 4 — пряжка; 5 — меч однолезвийный; 6 — браслет; 7 — топор втульчатый; 8 — наконечник копья; 9 — наконечник дротика; 10 — развал сосуда (не сохранился). 1, 4, 5, 7—9 — железо; 2, 6 — бронза; 10 — глина. Раскопки Р. Ф. Ворониной (по: *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Номера соответствуют нумерации находок в погребении

Abb. 8. **Inventar des Grabes 250/11**: 1 – Trense; 2, 3 — hufeisenförmige Fibel (sjul'gama) (3 – nicht erhalten); 4 – Schnalle; 5 – einschneidiges Schwert; 6 – Armband; 7 – Tüllenbeil; 8 – Lanzenspitze; 9 – Speerspitze; 10 – Gefässsturz (nicht erhalten). 1, 4, 5, 7–9 – Eisen; 2, 6 – Bronze, 10 – Keramik. Ausgrabungen von R. F. Voronina (nach *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

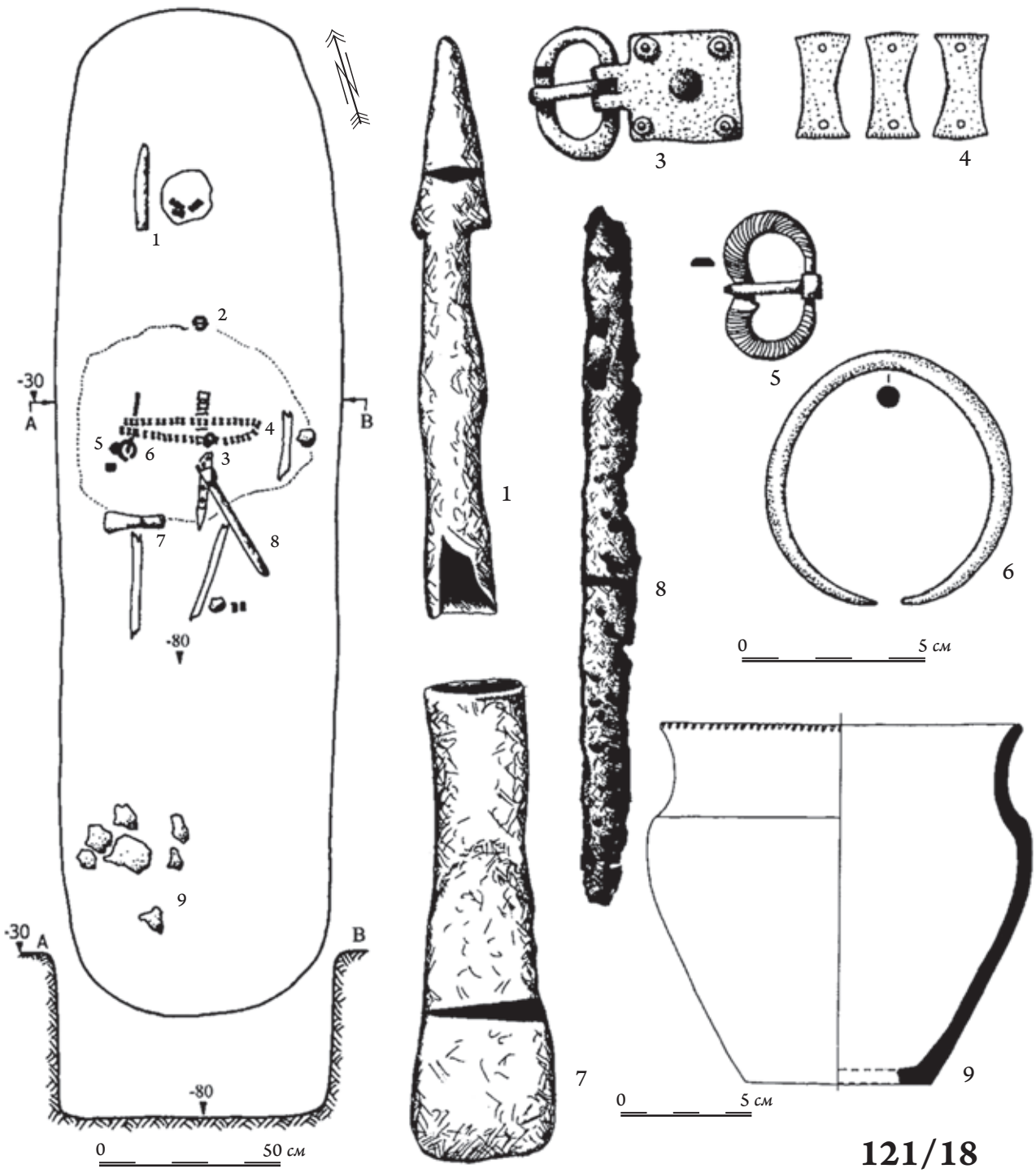

Рис. 9. **Комплекс погр. 121/18**: 1 — наконечник дротика; 2 — сюльгама (не сохранилась); 3, 4 — поясной набор; 5 — пряжка; 6 — браслет; 7 — топор втульчатый; 8 — меч однолезвийный; 9 — развал сосуда (не сохранился). 1, 7, 8 — железо; 2—5 — бронза; 9 — глина. Раскопки Р. Ф. Ворониной (по: *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Номера соответствуют нумерации находок в погребении

Abb. 9. **Inventar des Grabes 121/18**: 1 – Speerspitze; 2 – hufeisenförmige Fibel (sjul'gama) (nicht erhalten); 3, 4 – Gürtelgarnitur; 5 – Schnalle; 6 – Armring; 7 – Tüllenbeil; 8 – einschneidiges Schwert; 9 – Gefässsturz (nicht erhalten). 1, 7, 8 – Eisen; 2–5 – Bronze, 9 – Keramik. Ausgrabungen von R. F. Voronina (nach *Воронина и др., 2005, рис. 15*). Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

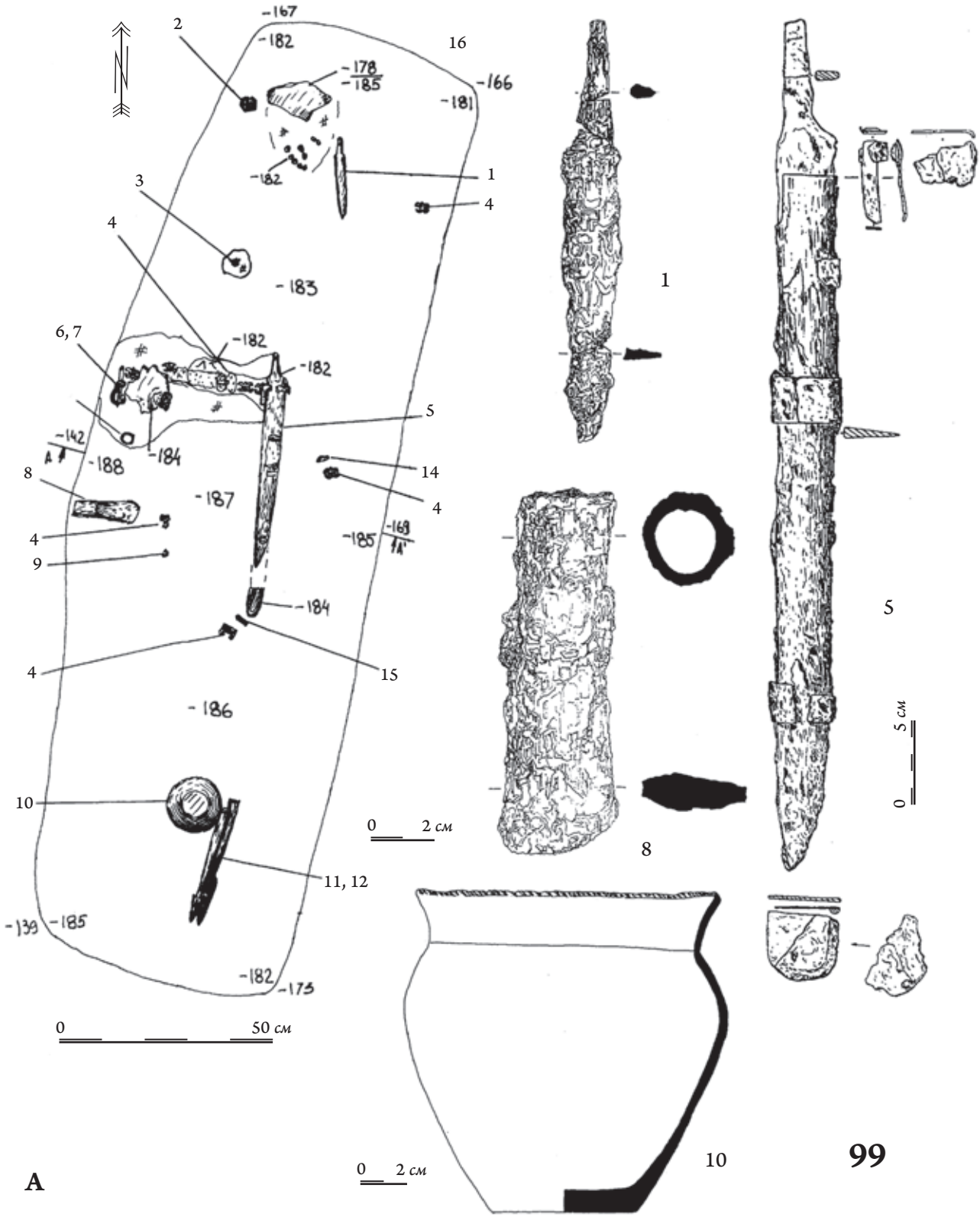

Рис. 10. **Комплекс погр. 99**. **А**: 1 — нож, 5 — меч однолезвийный, 8 — топор втульчатый, 10 — сосуд. 1, 5, 8 — железо; 10 — глина; **Б**: 2 — фрагмент пряжки; 3, 16 — сюльгамы; 4 — поясной набор; 6, 7 — браслеты; 9 — фрагмент спирального перстня; 11 — наконечник дротика; 12 — наконечник копья; 13 — пряжка; 14, 15 — фрагменты шила. 3, 6, 7, 9, 16 — бронза; 4 — медный сплав, лужение; 2, 11—15 — железо. Раскопки И. Р. Ахмедова. Номера соответствуют нумерации находок в погребении

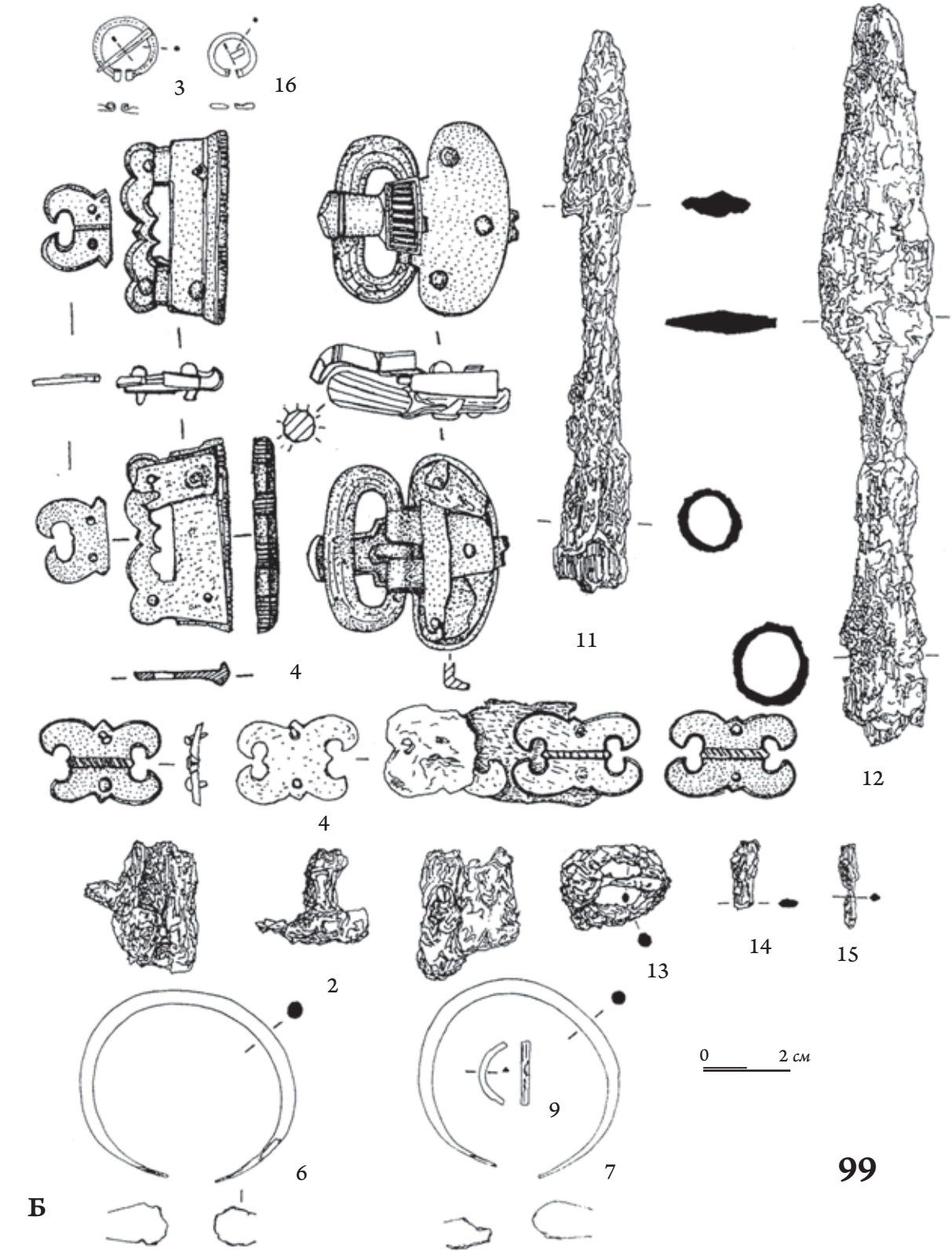

Abb. 10. **Inventar des Grabes 99**. **А**: 1 – Messer; 5 – einschneidiges Schwert; 8 – Tüllenbeil; 10 – Gefäss. 1, 5, 8 – Eisen; 10 – Keramik; **Б**: 2 – Fragment einer Schnalle; 3, 16 – hufeisenförmige Fibeln (sjul'gamy); 4 – Gürtelgarnitur; 6, 7 – Armringe; 9 – Fragment eines Spiralfingerringes; 11 – Speerspitze; 12 – Lanzenspitze; 13 – Schnalle; 14, 15 – Pfriemfragmente. 3, 6, 7, 9, 16 – Bronze, 4 – Kupferlegierung, Verzinnung; 2, 11–15 – Eisen. Ausgrabungen von I. R. Achmedov. Die Nummern entsprechen der Fundenummeration in der Bestattung

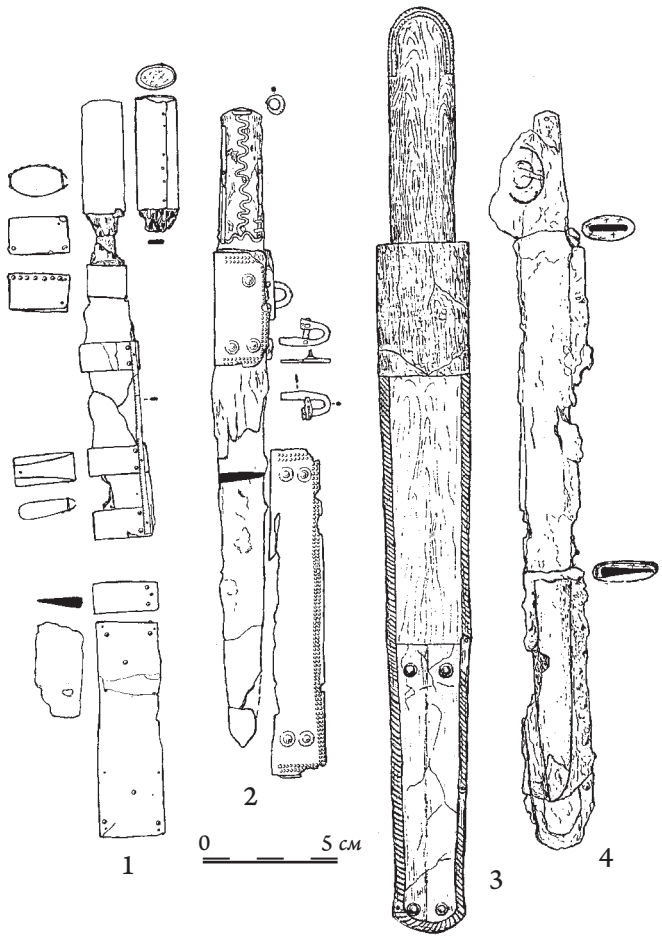

Рис. 11. **Образцы коротких однолезвийных мечей в наборных ножнах из рязано-окских могильников**: 1 — погр. 525, Борок 2; 2 — погр. 513, Борок 2; 3 — погр. 96, мыс 1, Кораблино; 4 — погр. 158, Заречье 4. 1 — железо, белый металл, дерево; 2, 3 — железо, бронза, дерево; 4 — железо, дерево. Рисунок с оригиналов

Abb. 11. **Auswahl von kurzen einschneidigen Schwertern in den mit Metalbeschlägen verzierten Scheiden von den Gräberfeldern der Ryazan-Oka Gruppe**: 1 – Grab 525, Borok 2; 2 – Grab 513, Borok 2; 3 – Grab 96, Kap 1, Korablino; 4 – Grab 158, Zareč'e 4. 1 – Eisen, Weißmetall, Holz; 2, 3 – Eisen, Bronze, Holz; 4 – Eisen, Holz. Zeichnung nach Originalen

Эта схема оформления ножен восходит к более ранним образцам, которые изготавливали для боевых ножей во второй половине IV — начале V в., например погребение 50, мыс 1, могильник Кораблино и комплекс 265, могильник Борок 2 (*Ахмедов, 2007, рис.19: 8; 20: 8*). Комплексы с однолезвийными мечами в ножнах этой схемы относятся к финалу периода 3В и началу периода 3С1 периодизации автора для мужских комплексов рязано-окских финнов, что соотносится с поздней частью фазы D_2 и началом фазы D_2/D_3 центральноевропейской хронологии по Я. Тейралу, т. е. к середине V в. н. э. (*Ахмедов, 2007, схема 3*).

К более позднему варианту 2 относятся ножны (***рис. 11: 2, 3***) с обкладками из бронзовых или серебряных пластин с «жемчужным» штампованным орнаментом, мелким по краю и крупным в поле, который имитирует инкрустации, часто украшающие детали ножен и оформления рукояти парадного оружия варварской знати гуннского и постгуннского времени. Можно выделить два подварианта: с прямоугольной нижней частью (комплексы 124, в котором такими ножнами был снабжен короткий двулезвийный меч, и 513 могильника Борок 2, погребение 727 Шокшинского могильника) и с нижней пластиной вытянутой U-образной формы с рельефным валиком по краю (погребения 96, мыс 1, могильник Кораблино, 63 Борковского могильника, 55 могильника Заречье 4).

К варианту 3 следует отнести наиболее поздние упрощенные версии ножен (***рис. 11: 4***) с прямоугольными пластинами устья и U-образными пластинчатыми или рамчатыми бутеролями, изготовленными из железа: погребения 99 Никитинского могильника и 158 могильника Заречье 4. Оба комплекса относятся к периоду 3С2 мужского инвентаря культуры рязано-окских финнов, который может быть синхронизирован с фазой D_3 хронологии центральноевропейских древностей по Я. Тейралу. На соседних территориях меч с U-образной бутеролью известен в погребении 4 могильника на Животинном городище в Верхнем

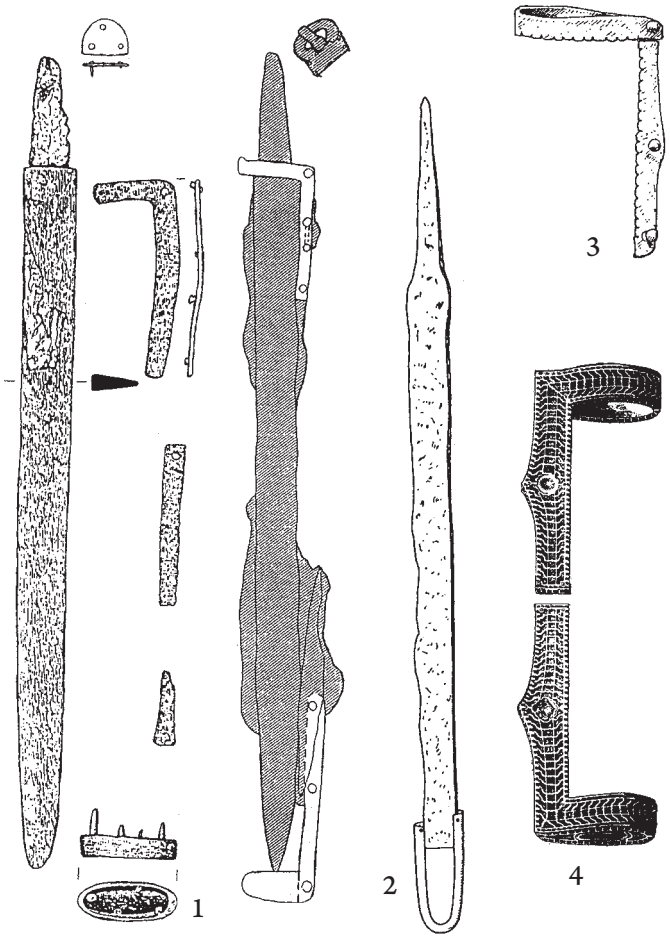

Рис. 12. **Находки коротких однолезвийных мечей с деталями ножен и деталей ножен в западной и центральной частях Европы**: 1 — погр. 9, Эшборн (по: *Ament, 1992*); 2 — погр. 319, Лавуа (по: *Périn, 1995*); 3 — погр. 28, Чонград-Кендерфолдек (по: *Tejral, 1997*); 4 — погр. Хильдерика, Турнэ (по: *Périn, 1995*). Без масштаба

Abb. 12. **Funde der kurzen einschneidigen Schwerter mit Details von Scheiden sowie der Scheindetails in West- und Mitteleuropa**: 1 – Grab 9, Eschborn; 2 – Grab 319, Lawua; 3 – Grab 28, Csongrád-Kenderföldek; 4 – Grab von Childerich, Tournai. Ohne Maßstab

Подонье (*Медведев, Винников, 1989*; *Ахмедов, Казанский, 2004, рис.13: 11*; *Обломский, 2007, рис. 25: 3*).

Близкие по конструкции ножны известны в погребении 9 могильника Эшборн (*Ament, 1992, Taf. 20*). В них так же использована узкая пластина, оформляющая устье и одновременно скрепляющая сбоку ножны, боковая часть пластины, вероятно, использовалась для подвешивания меча. Бутероль здесь другого вида — выполнена в виде овальной коробочки с невысоким пластинчатым бортиком, к ней крепилась узкая пластина, скреплявшая нижнюю часть ножен (***рис. 12: 1***). Подобная пластинчатая конструкция оформления устья ножен, которую Я. Тейрал условно называет кочевнической, известна также в погребении 28 могильника Чонград-Кендерфолдек (***рис. 12: 3***). Ту же форму имеет роскошно украшенная инкрустацией пластина устья ножен от парадного короткого меча в погребении Хильдерика (***рис. 12: 4***).

На других территориях такое оформление ножен известно в материалах погребений 1—50 могильника Цибилиум (***рис. 13: 3***) и могильника Шапка — Церковный Холм в Цебельде (***рис. 13: 2***), первой четверти V в. — период 7 по О. А. Гей и И. А. Бажану (*1997, табл. 28: 12*) или последней трети IV — первой половины V в. — периоды II/4 и III/5—8 по М. М. Казанскому и А. В. Мастыковой (*Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 5: 22; 22: 25*). Близкая конструкция, украшенная перегородчатой инкрустацией, была использована в оформлении парадного боевого ножа или кинжала в погребении 118 могильника Зарагиж в Кабардино-Балкарии (***рис. 13: 1***), датированного началом гуннского времени (*Atabiev, 2000*; *Kazanski et al., 2002, p. 166, 167, fig. 6: 3, 4*).

Фрагментированная бутероль из погребения 99 Никитинского могильника по пропорциям близка коротким U-образным рамчатым бутеролям типа Снартемо — Файрфорд по классификации В. Менгина. Они появляются на ножнах клинкового оружия хронологической группы А в Северной Европе во второй половине V в., судя по всему, ближе

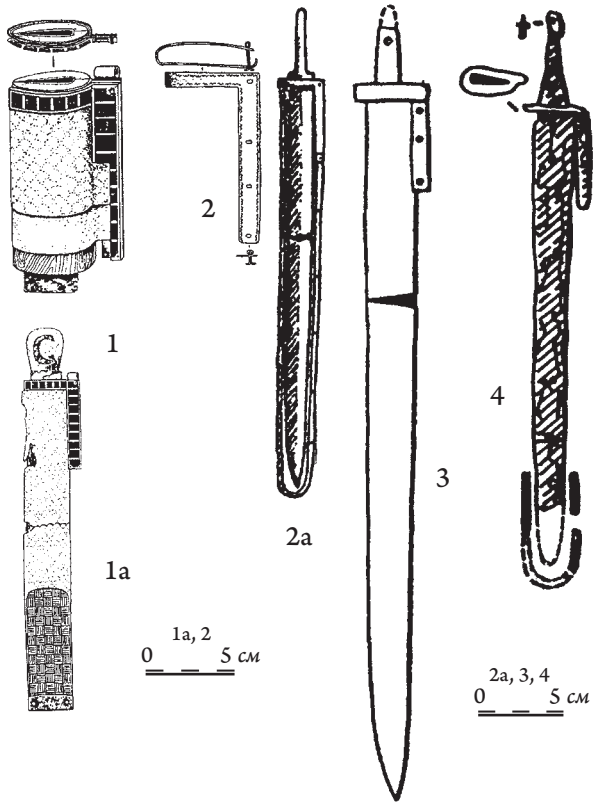

Рис. 13. **Находки коротких однолезвийных мечей и кинжалов в Северо-Восточном Причерноморье, западной части Северного Кавказа и Абхазии**: 1 — погр. 118, Зарагиж (по: *Atabiev, 2000*); 2 — погр. 7, Шапка — Церковный холм 4 (по: *Воронов, Юшин, 1973*); 3 — погр. 1-50, Цибилиум (по: *Воронов, Шенкао, 1982*); 4 — погр. 5, Бжид (по: *Гавритухин, Пьянков, 2003*)

Abb. 13. **Funde der kurzen einschneidigen Schwerer und Dolche im nordöstlichen Schwarzmeergebiet, westlichem Teil des Nordkaukasus und Abchasien**: 1 – Grab 118, Zaragiž; 2 – Grab 7, Šapka – Cerkovnyj cholm 4; 3 – Grab 1-50, Tsibilium; 4 – Grab 5, Bžid

к концу этого периода (Mengin, 1983, p. 140, 340, abb. 80). Двулезвийные мечи с U-образными бутеролями (дунайский вариант группы III мечей по В. Менгину) в Среднем Подунавье и Закарпатье Я. Тейрал считает одной из характерных черт воинской культуры горизонта D_3 (находки из Блучины, Валеа-Луй Михай, Великой Бакты и др.). Однолезвийный меч с U-образной оковкой известен из погребения 319 могильника Лавуа в комплексе знатного воина — «вождя» раннемеровингского времени (***рис. 12: 2***). Это погребение относят к группе В3 «элитных» воинских погребений последней четверти V — первого десятилетия VI в. (*Martin, 1989; Périn, 1995, fig.7*).

Из аналогов на территории нашей страны необходимо указать однолезвийный меч с похожим оформлением ножен из погребения 5 могильника Бжид в окрестностях Туапсе (***рис. 13: 4***): использованы железные пластинчатая обкладка устья с одной боковой пластиной и U-образная накладка на бутероль. В составе комплекса — пряжка с рифленой полой рамкой В-образной формы и, насколько можно судить по рисунку в публикации, крапчатая бусина, что позволяет датировать это погребение не ранней частью второй половины V — началом VI в., что полностью соотносится с датировкой погребения 99 Никитинского могильника (*Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 76: 21, 31, 37, 38, 47, 49, 55*).

Относящиеся в целом к более раннему времени (к последней четверти IV в. по О. А. Гей и И. А. Бажану или последним десятилетиям IV — первой половине V в. по М. М. Казанскому и А. В. Мастыковой), U-образные бутероли ножен двулезвийных кинжалов из погребений Цибилиум 1—43 и 39 использованы в составе набора деталей ножен иного облика, который, вероятно, в данном контексте можно условно назвать «иранским». В Цебельде известны и более поздние экземпляры таких бутеролей второй половины V — первой половины VI в., синхронные указанным выше западноевропейским находкам: могильник Лар, погребение 1 (*Гей, Бажан, 1997, табл. 30: 23*; *Kazanski, Mastykova, 2007, pl. 7: 7*).

Эти данные позволяют получить дополнительную аргументацию для отнесения находки из погребения 99 Никитинского могильника и других экземпляров с U-образными бутеролями к наи-

более поздним образцам этой категории мечей в Среднем Поочье и определить время их бытования в рамках последних десятилетий V — первых десятилетий VI в.

Весьма важны сведения о технологии изготовления рассматриваемых мечей из находок в Среднем Поочье и Нижнем Посурье. Первый опыт металлографического изучения этих клинков принадлежит Л. С. Розановой. Она исследовала два меча из Никитинского могильника (двулезвийный из погребения 5б и однолезвийный из погребения 11, раскопки Р. Ф. Ворониной). Они были изготовлены с применением дополнительных приемов по улучшению рабочих свойств — из полученной путем цементации высокоуглеродистой стали с последующей закалкой в холодной воде (*Розанова, 2005, с. 123, 124*). В более поздней коллективной работе эти находки по набору использованных технологических приемов были отнесены к изделиям технологической группы 2, выделяющейся на фоне остальных кузнечных изделий культуры рязано-окских могильников и характерной для погребений с репрезентативным инвентарем. Исследователи указывают на возможное инокультурное происхождение этих клинков (*Завьялов и др., 2009, с. 168—173, рис. 69*). Этими же специалистами был проведен анализ двух находок клинков близких форм, возможно, более поздних модификаций из Иваньковского могильника (погребения 11 и 35, раскопки Р. Ф. Ворониной). Была определена технология изготовления клинков в технике пакетирования заготовки: сварки из полос неравномерно науглероженной стали. Отмечено невысокое качество проковки металла, небрежность в изготовлении сварных швов. Несмотря на это, не исключено импортное происхождение этих изделий, ибо простые технологии для изготовления клинкового оружия использовались и «на других территориях» (*Завьялов и др., 2009, с. 185—187, рис. 78*).

Подводя итог, можно выдвинуть следующие предположения. Появление в гуннское время коротких однолезвийных мечей в культуре рязано-окских финнов происходит в контексте нескольких культурных импульсов «дунайского» происхождения, о чем уже сообщалось (*Ахмедов, Казанский, 2004*; *Ахмедов, 2007*).

Подобная по количеству представительная выборка известна в Восточной Европе и на черноморском побережье лишь в памятниках Цебельды, где они появляются в комплексах периода 8 по И. А. Бажану и О. А. Гей (425—450 гг.) и бытуют в течение следующего периода 9, верхняя граница которого определяется серединой VI в. (*Гей, Бажан, 1997, с. 26, 27, табл. 29, 30*). По мнению М. М. Казанского и А. В. Мастыковой, находки этой разновидности оружия характерны для цебельдинских древностей последних десятилетий IV — первой половины V в. — хронологические стадии II/4 и III/5—8 (*Kazanski, Mastykova, 2007, p. 22, 23, 27—29, pl. 22, 23*). Однако однолезвийные клинки из цебельдинских памятников отличаются от рассматриваемых нами как формой, так и общими пропорциями и, судя по всему, принадлежат несколько другой традиции. Скорее, их следует рассматривать в рамках высказанных М. М. Казанским предположений о появлении этого оружия в Средиземноморье в процессе византийско-сасанидского военного взаимодействия.

Более близки по времени и облику находки в Северо-Восточном Причерноморье. Это, например, мечи из комплексов погребений 291 могильника Дюрсо, 1 могильника Сопино, упоминавшегося выше погребения 5 могильника Бжид (*Дмитриев, 1982, рис. 5: 40, 47*; *Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 76: 38; 77: 19*), синхронные находкам на Средней Оке.

В западной части Северного Кавказа известны три экземпляра такого оружия: два относятся к началу гуннского времени (погребения 17 могильника Байтал-Чапкан и 118 могильника Зарагиж), один — ко второй половине V — началу VI в. (погребение 1 могильника Острый Мыс). Эти находки рассматриваются как одно из проявлений византийского влияния в регионе (*Kazanski et al., 2002, p. 175*).

Следует указать на другой массив находок однолезвийного оружия. Боевые ножи-мечи в литовских и вообще в прибалтийских древностях массово начинают распространяться с V в. и весьма характерны для комплексов второй половины I тыс. По мнению В. Казакявичуса, они могли развивать формы боевых ножей и бытовали, как минимум, до VIII в. (*1988, с. 88—103, рис. 33, 37*).

Однако эти разновидности клинкового оружия по всем параметрам не могут быть сопоставлены с находками в Центральной России и, судя по всему, формировались на другой основе.

Синхронное появление этих однолезвийных мечей в древностях Центральной России, Северо-Восточного Причерноморья и западной части Северного Кавказа может быть связано с одними и теми же событиями. В рамках данной статьи невозможно рассмотреть все нюансы политической истории и археологического контекста этого времени (периоды гуннского господства и образования ранних варварских королевств). Однако следует еще раз отметить, что в древностях Среднего Поочья однолезвийные мечи этого типа происходят из комплексов с деталями поясных наборов и другими находками воинского обихода центральноевропейского происхождения. Это может свидетельствовать о существовании непосредственных контактов с инокультурными группами, появившимися в Центральной России после разгрома в 50—60 годах V в. гуннского объединения в Подунавье. Еще более ярко этот импульс выражен в материалах памятников Северо-Восточного Причерноморья, где он проявляется и в женском уборе (*Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 191*).

В то же время прослеженные внутренняя эволюция клинков и развитие различных вариантов оформления ножен (как развивающих местные традиции, так и синтезирующих новации инокультурного происхождения) позволяют предположить, что знакомство среднеокских финнов с этим видом оружия произошло еще в эпоху гуннского господства. Боевые ножи в ножнах, конструкция которых идентична ножнам варианта 1, характерны для воинского обихода окских финнов начала гуннского времени. Это были клинки с дуговидной спинкой, основное время бытования которых относится ко второй половине III — IV в. В первые десятилетия V в. боевые ножи становятся более длинными и приобретают формы, характерные для рассматриваемой нами категории. Пока можно лишь предположить, что изменение форм боевых ножей могло быть связано с включением рязано-окского населения в сферу военного и политического влияния гуннского союза, в том числе и в результате непосредственных контактов этого населения с одним из центров гуннского господства в верхнем течении Дона, в культуре полиэтничного населения которого хорошо прослеживаются и восточногерманские элементы (*Обломский, 2007, с. 77—79, 92*). На донской путь как один из маршрутов, по которым могли проходить эти импульсы, указывает находки в воинском погребении 4 могильника на Животинном городище, в комплексе которого находились боевой нож, однолезвийный тесак и длинный двулезвийный меч.

Серия культурных импульсов второй половины V — начала VI в., которые в среднем течении Оки были восприняты населением, уже во многом знакомым с воинской культурой гуннов и их союзников. Это способствовало, в частности, тому, что однолезвийные короткие мечи стали обычной категорией воинского обихода рязано-окских финнов и родственных им групп на р. Теша, в Нижнем Посурье и Среднем Поволжье.

Выявленное металлографическими исследованиями использование двух различных технологических схем может свидетельствовать об использовании импортных клинков в качестве образцов для местных мастеров при изготовлении мечей на восточной периферии поволжско-финского мира.

По значительному количеству находок парадных образцов этого оружия в погребениях представителей «элиты» местного общества можно предположить, что окские финны были знакомы с системой представлений о статусном значении различных видов оружия и воинского снаряжения (*Ахмедов, в печати*).

Дальнейшее изучение этой категории клинкового оружия и всех составляющих воинской культуры окских финнов гуннского и постгуннского времени представляется чрезвычайно перспективным и будет иметь важное значение для понимания политических и этнокультурных процессов середины I тыс. н. э. в Восточной Европе.

Литература

Ахмедов И. Р., 2001а. Воинское погребение из могильника Борок II // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь.

Ахмедов И. Р., 2001б. Псалии в начале Великого переселения народов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма). Т. 2. Самара.

Ахмедов И. Р., 2006. Поясные гарнитуры с птицевидным декором в лесной зоне Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии. Ч. 2. Саранск.

Ахмедов И. Р., 2007. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир; Вып. 9). Москва.

Ахмедов И. Р., в печати. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (этнокультурные контакты): Материалы конференции, Тула, 4—9 ноября ***20***08 г. Тула.

Ахмедов И. Р., Казанский М. М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. Санкт-Петербург.

Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник: Публикация материалов раскопок 1977—1978 гг. (Труды отдела охранных раскопок ИА РАН; Т. 3). Москва.

Воронов Ю. Н., Юшин В. А., 1973. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. № 1.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. Москва.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003. Древности V—VII веков / Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века. (Сер. Археология). Москва.

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). Москва.

Дмитриев А. В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. Москва.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. Москва.

Казакявичус В., 1988. Оружие балтских племен II—VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс.

Казанский М. М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. Вып. 6. Санкт-Петербург.

Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): Состояние исследований // КСИА. Вып. 218.

Медведев А. П., Винников А. З., 1989. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Обломский А. М., 2007. Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир; Вып. 9). Москва.

Розанова Л. С., 2005. Результаты металлографического исследования железных предметов из Никитинского могильника. Приложение 2 // Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник: Публикация материалов раскопок 1977—1978 гг. (Труды отдела охранных раскопок ИА РАН; Т. 3). Москва.

Фурасьев А., 2001. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // СГЭ. Вып. LIX.

Щукин М. Б., 2007. Готский путь. Санкт-Петербург.

Akhmedov I., 2006. La tombe du chef de la nécropole de Borok 2. A propos de la formation de la «civilization militaire» des Finno-Ougriens de Russie Centrale à l'époque des Grandes Migrations // De l'Age du fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerriéres. Saint-Germen-en-Laye.

Ament H., 1992. Das alamannische Gräberfeld von Eschborn (Main — Taunus — Kreis). Wiesbaden.

Atabiev B., 2000. Tombe 118. Zaragiž, Naltchik (Caucase du Nord, Republique de Kabardino-Balkarie), Russie // L'Or des princes barbares. Du Caucase á la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris.

Kazanski M., 1991. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe — Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 4. Portsmouth.

Kazanski M., 1992. Les arctoi gentes et » l'empire» d'Hermanaric // Germania. T. 70 H. 1. Frankfurt-am-Main.

Kazanski M., 2000. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserziet und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz.

Kazanski M., Mastykova A., 2007. Tsibilium: La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. — VIIe ap. J.-C). (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. (BAR; S1721).

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2002. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno.

Martin M., 1989. Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merowingerzeit // Germania. T. 67. H. 1. Frankfurt-am-Main.

Martin M., 1993. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'armée romaine et les barbares. Du IIIe au VIIe siécle. (Mémoires publiées par L'Association Française d'Archéologie Mérovingienne; T. V). Saint-Germain-en-Laye.

Mengin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.

Périn P., 1995. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interpretation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau.

Quast D., 1999. Auf der Suche nach fremden Männen — Die Herleitung schmalen Langsaxe vor dem Hintergrund der alamannisch-donäulandischen Kontakte der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Cologne; Brno.

Tejral J., 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 29. Paris.

Tejral J., 1999. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München.

GERMANIA-SARMATIA II

I. R. Achmedow

Einschneidige Kurzschwerter aus dem Gräberfeld Nikitinskij

Der Artikel von I. R. Achmedow ist den einschneidige Kurzschwerter gewidmet, die im Gräberfeld der Rjazan-Oka Finnen neben dem Dorf Nikitino, Bezirk Spasskij, Rjazan Gebiet gefunden wurden und die den zentraleuropeischen „schmalen Langsaxe" analogisch sind. Länge der Schwertklinge befindet sich im Umfang von 35 bis 65 cm. Die Zeitverbreitung der einschneidigen Kurzschwerter gechoert zur zweite Hälfte des 5. Jh. – 5/6 Jahrhudertwende und kann mit den Perioden D_2–D_3 und D_3 nach J. Tejral synchronisiert werden. Man kann die Tendenz zur Vergrösserung der Schwertlänge wärend diesen Perioden bemerken. Der Autor bestimmt drei Grundvarianten der Konstruktion und Dekor der Schwertscheiden: 1 – einheimische Variante; 2 – gemischte Variante; 3 – „westliche" Variante, deren direkte Analogien in den Sachen aus dem östlichen Schwarzmeergibiet, Donauraum und Westeuropa stammen.

Nach der metallografischen Analysen der Schwerter sind zwei technologische Schemas zu erkennen. Diese Tatsache kann beweisen, dass einige einschneidige Kurzschwerter fremden Ursprug haben, aber andere – von Rjazan-Oka Finnen produziert wurden.

Der Autor betrachtet die Verbreitung dieser Waffen in Zentralrussland im Kontext des politischen und milliterischen Einflusses des hunnischen „Reiches" und im Zusammenhang mit dem fremden kulturellen Impuls des Endes der Hunnischerzeit und Frühmittelalter. Diese Art der Waffen verbreitet sich durch Rjazan-Oka Finnen bei der Bevölkerung der Unteren Oka- und Suragebieten, im Marivolgagebiet und wird üblich für die Volga Finnen des westlichen Teils des Mittelvolgagebiets.

GERMANIA SARMATIA II

Негин
Андрей Евгеньевич

Нижний Новгород

Аспирант кафедры
истории древнего
мира и средних веков
Нижегородского
государственного
университета
им. Н. И. Лобачевского

aenegin@mail.ru

А. Е. Негин

Позднеримские шлемы с продольным гребнем

В современной историографии не раз ставился вопрос о происхождении так называемых шлемов с гребнем, а также пути их попадания наряду со шпангенхельмом в римскую армию (*Thomas, 1971*; *Klumbach, 1973*; *James, 1986*), где в начале IV в. н. э. произошел резкий переход к новым формам боевых наголовий; при этом старые традиции были забыты и им на смену пришли совершенно иные конструктивные разработки. Несмотря на обилие исследований и научных трактовок, до сих пор остаются невыясненными причины и ряд обстоятельств этого процесса. В то же время скрупулезное рассмотрение данных аспектов чрезвычайно полезно для понимания процессов взаимовлияний и видоизменений в оружейных традициях Рима и его противников.

Считается, что резкий переход к новым формам боевых наголовий произошел в самом начале IV в. н. э. и был следствием событий, произошедших в период, названный историками «кризисом III века». Это было время хаоса и неопределенности для империи. Гражданские войны и экономический упадок сильно ослабили государство, и одновременно на границах усилился напор варваров. Особенно активизировалась Сасанидская Персия, добивавшаяся ухода римских войск из всех азиатских провинций. Отстаивание военного авторитета потребовало от Рима почти предельных усилий и привело к тому, что римлянам пришлось многое изменить в своей тактике и стратегии, а также и в вооружении, чтобы сражаться с врагом его же методами и оружием. Этот тезис прослежен уже в работах А. Альфельди (*Alföldi, 1932*) и получил свое развитие в публикациях Г. Клумбаха (*Klumbach, 1973*), С. Джеймса (*James, 1986*), Х. Микса (*Miks, 2008*). Однако все они затрудняются дать более четкую хронологию процесса заимствования и распространения этого вида шлемов в римской армии. Чтобы заполнить эту лакуну, необходимо рассмотреть не только собственно римские образцы, но и имеющиеся крайне скудные свидетельства бытования двухчастных шлемов с продольным гребнем на Востоке (***рис. 1***).

Рассматриваемые нами модификации полусферических шлемов состояли в большинстве случаев из двух половин, соединенных продольным рантом-гребнем (на некоторых экземплярах довольно высоким), имели подвижный назатыльник, присоединенный к тулье шлема посредством кожаных ремешков или пришитый к подкладке шлема. Кроме того отличными по форме от прежних типов боевых наголовий здесь были нащечники, а также на ряде найденных археологами экземпляров присутствовал нехарактерный для римских шлемов предшествующего периода наносник. Отличительным признаком этих шлемов по праву может считаться продольный гребень — рельефная железная полоса (в большинстве случаев

GERMANIA ANTIQUA II

1

2

3

4

5

6

7

***Рис. 1.* Изображения позднеримских шлемов с продольным гребнем**: 1 — надгробие неизвестного, Линц, IV в. н. э.; 2 — изображение воинов в шлемах с продольным гребнем на триумфальной арке Константина; 3 — надгробие неизвестного, Гамциград, IV в. н. э.; 4 — рельеф с колонны императора Феодосия Великого в Стамбуле; 5 — фреска из катакомб Виа Мариа в Сиракузах, IV в. н. э.; 6 — надгробие неизвестного, Аквилея, IV в. н. э.; 7 — фреска из катакомб Виа Латина в Риме, IV в. н. э.

***Abb. 1.* Ikonografie des Spätrömischer Kammhelme**: 1 – Grabstein unbekannt, Linz, 4 Jh. n. Chr.; 2 – Soldaten in Helme mit einer Kammhelme auf dem Triumphbogen des Konstantin; 3 – Grabstein unbekannt, Gamzgrad, 4 Jh. n. Chr.; 4 – eine Erleichterung der Kolonne von Kaiser Theodosius dem Großen in Istanbul; 5 – Fresko aus der Katakombe Via Maria in Syracuse, 4 Jh. N. Chr. 6 – Grabstein unbekannt, Aquileia, 4 Jh. n. Chr.; 7 – Fresko aus den Katakomben in Rom Via Latina, 4 Jh. n. Chr.

снабженная вертикальным ребром), прикрывающая стык пластин, из которых составлен купол. Однако найденные римские образцы, по-видимому, уже являющиеся симбиозом нескольких варварских оружейных традиций, а также несущие на себе определенные элементы усовершенствования, привнесенного римскими оружейниками, имеют несколько вариантов сборки тульи. Впрочем, как и у предполагаемого парфяно-сасанидского прототипа, тулья большинства найденных образцов состоит из двух половин. Находки двухчастных шлемов отмечены в разных уголках Римской империи (***ил. XIII—XV***). Большая их группа обнаружена в Дунауйвароше (Intercisa) (*Klumbach, 1973, S. 103—110*; *Kocsis, 2000*; *Thomas, 1971, s. 13—19*; *Горелик, 1975, с. 293, 294*). Аналогичные шлемы происходят из Аугста, Вормса, Аугсбурга (*Klumbach, 1973, S. 95—102, 111—117*), Эль-Хадиты (*Parker, 1994, p. 549*) и Ятруса (***рис. 2***) (*Born, 1999, S. 217—238*; *Gomolka-Fuchs, 1999, S. 212—216*). Кроме того, имеются фрагменты шлемов из Карнунта и Винковцей (*Klumbach, 1973, S. 85—89*), фрагмент гребня из Доньи Града (Singidunum) (*Bugarski, 2005, s. 137—146. sl. 3, s. 140*) (***рис. 3***), а также нескольких практически депаспортизированых (*Macdowall, 1994, p. 57*; *Peterson, 1990, p. 6—7*). Совсем недавно опубликованы найденные еще в конце 1980-х годов шлемы из Кобленца (*Miks, 2008*).

Вместе с тем, имеются экземпляры с тульей из четырех (шлем № 1 из Беркасово и Кончешти) и даже шести частей (находка из Дерне) (*Klumbach, 1973*; *Kocsis, 2000*; *Vogt, 2006, S. 64—101*; *Негин, 2007*; *Miks, 2008*; *Glad, 2009, p. 38, 41, 42*). Как представляется, здесь речь идет о влиянии уже другой оружейной традиции, благодаря которой римляне познакомились с так называемыми шпангенхельмами. Их тулья имела крестообразный каркас из перекрещивающихся полос различной ширины, к которому приклепывались заполнявшие промежутки между ними треугольные пластины. Как вариант — тулья могла состоять даже из большего количества более узких пластин, представляя собой в этом случае уже не классический шпангенхельм, а сегментный шлем определенного типа в зависимости от конструктивных особенностей.

В науке утвердилось мнение, что позднеримские шлемы, если они были снабжены треугольными

Рис. 2. **Шлем из Кривины/Ятруса**.
Конец IV — начало V в. н. э. Русе, Исторический музей

Abb. 2. **Helm des Krivina/Iatrus**. Letztez Drittel 4 Jh. Bis 1 Viertel 5. Jh. N. Chr. Ruse, Historische Museum

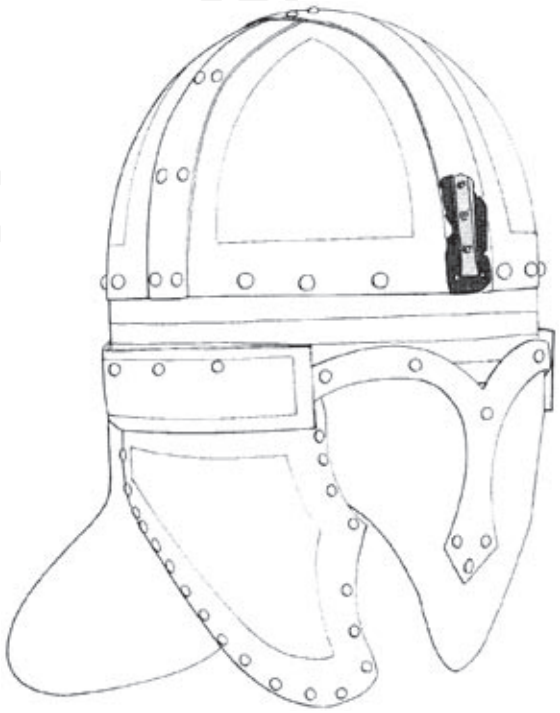

Рис. 3. **Фрагмент продольного гребня шлема и гипотетическая реконструкция шлема из Доньи Града (Singidunum)**

Abb. 3. **Detail einer Spätrömischer Kammhelm und eine hypothetische Rekonstruktion der Helm aus Donji Grad (Singidunum)**

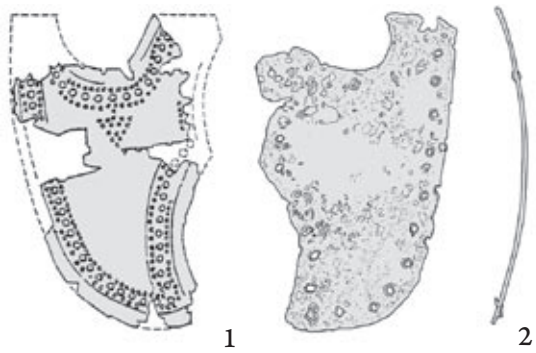

Рис. 4. **Нащечники пехотных шлемов**: 1 — Брюно-Либерше (Brunehaut-Liberchies); 2 — частная коллекция, Германия

Abb. 4. **Wangenklappen der Infanterie-Helm**: 1 – Brunehaut-Liberchies; 2 – Privatsammlung, Deutschland

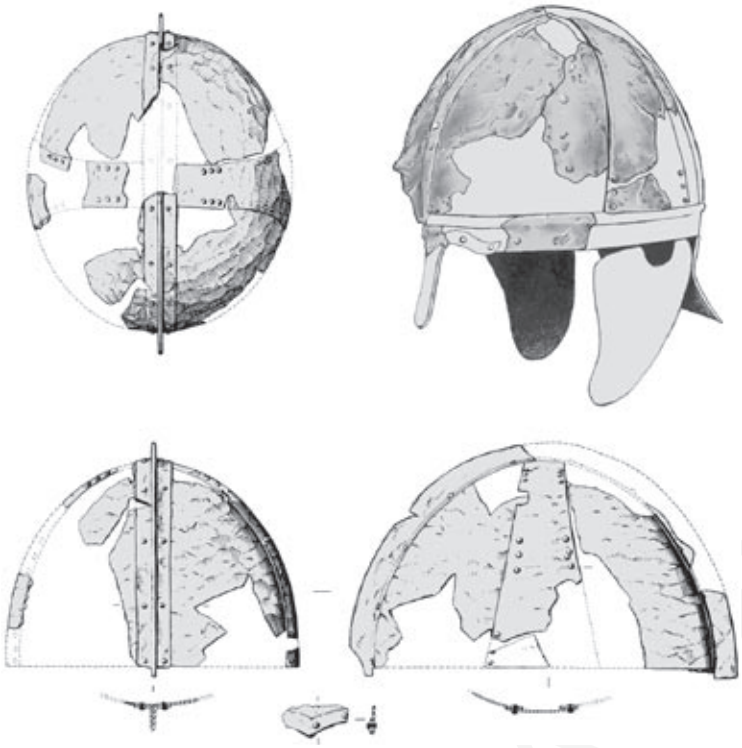

Рис. 5. **Шлем из Бург Касла**, IV в. н. э.

Abb. 5. **Helm aus Burgh Castle**, 4 Jh. n. Chr.

Рис. 6. **Шлем из Бибервира на перевале Фернпасс (Австрия)**

Abb. 6. **Kammhelm aus Biberwier (Österreich)**

GERMANIA ARMATIA II

нащечниками (по форме напоминавшими нащечники пехотных шлемов предшествующих периодов), являлись боевыми наголовьями позднеримских пехотинцев. Нащечники и назатыльник на шлемах типа Интерцизы просто пришивались к подшлемнику, который в свою очередь пришивался к каске, о чем свидетельствует ряд отверстий, пробитых по кромке почти всех касок, нащечников и назатыльников (***рис. 4***). Правда, по расположению отверстий на назатыльнике шлема из Вормса и назатыльнике из Карнунта можно предположить крепление в виде кожаных ремешков, приклепанных с внутренней стороны каски, нащечников и назатыльника (*Bishop, Coulston, 2006, p. 210*). Следы серебрения на заклепках и вокруг них, сохранившиеся на экземплярах из Вормса и Интерцизы, свидетельствуют, что шлемы могли быть полностью посеребрены подобно двум экземплярам из Аугсбурга (*Klumbach, 1973, S. 95—101*).

С кавалерийскими шлемами ассоциируются образцы более изысканной работы, нащечники которых полностью прикрывают щеки, шею и уши, и кроме того имеется наносник. Два шлема (***ил. XIV: 5, 6***) найдены в Беркасово (*Manojlović-Marijanski, 1964*; *Klumbach, 1973, S. 15—38*). Первый имеет двухчастную тулью, соединенную продольным рантом, как и у пехотных шлемов. Однако такие признаки, как большие нащечники и наносник, позволяют причислить его к группе кавалерийских шлемов. У этого экземпляра имеется аналог, недавно найденный в Альшохетене (*Kocsis, 2003*). Второй шлем состоит из четырех частей. Края каждой из них перекрыты приклепанной поверх дополнительной железной полосой. Еще одна полоса приклепана к нижнему краю обода, для того чтобы прикрыть место соединения купола шлема с нащечниками. На назатыльнике имеется пара пряжек, поскольку он крепился к тулье ремешками. Фрагментированные наносники сохранились на шлемах из Дерне и Аугсбурга-II, но и у остальных можно найти их остатки. Наносники были выкованы вместе с горизонтальными или дугообразно изогнутыми надбровиями, которые приклепывались к тулье шлема. О применении их кавалеристами свидетельствуют не только особенности конструкции и более дорогого декора, но и места находок некоторых шлемов и сохранившиеся на них надписи. Например, в крепости Бург Касл (латинское название *Gariannonum*), где найден один из шлемов (***рис. 5***), размещался гарнизон стаблесианской кавалерии (*Not. Dig. Occ. XXVIII. 17*: *Praepositus equitum stablesianorum Gariannonensium, Gariannono*). На шлеме из Дерне есть надпись STABLESIAN VI, свидетельствующая о том, что владелец шлема служил в шестом отряде стаблесианской кавалерии.

Следует отдельно остановиться на находке большого количества фрагментов шлемов в Кобленце, которая благодаря новейшим технологиям была тщательно изучена и пополнила наши знания о позднеримских шлемах новыми немаловажными деталями (*Miks, 2008*). Спекшиеся слоями фрагменты шлемов, найденные под полом здания, имевшего военное назначение, местами были тщательно сложены, что может свидетельствовать о целенаправленном сборе поврежденных частей шлемов для утилизации. Драгоценная обкладка была, по возможности, удалена при демонтаже шлемов, хотя они и не были полностью разобраны на детали (скорее всего из-за сложности удаления прикипевших со временем заклепок). Всего идентифицируются остатки по меньшей мере 12 разных шлемов, среди которых один имеет составную тулью, сильно напоминая шлем из Дерне, а остальные экземпляры — двухчастную тулью. Наибольший интерес представляют неизвестные на других найденных позднеримских шлемах щитки-науши, прикрывающие отверстия ушных вырезов. Некоторые из таких наушей имеют ряд пробитых отверстий для того, чтобы воин, носящий такой почти полностью закрытый шлем, мог отчетливо слышать происходящее вокруг. Тот факт, что практически на всех фрагментах шлемов из Кобленца сохранились следы серебряного покрытия, в отличие, например, от экземпляров из Интерцизы, может свидетельствовать о том, что в кастелле Кобленца размещался штаб, из арсенала (*armamentarium*) которого и могут происходить утилизированные шлемы.

Следует отметить, что, несмотря на довольно хорошую изученность имеющихся находок, у исследователей все еще возникает масса разночтений и противоречивых суждений, создающих некоторую путаницу при рассмотрении генезиса римских шлемов с продольным гребнем. Так, описываемые римские шлемы не имеют в современной

Рис. 7. **Генезис наборов признаков позднеримских шлемов с продольным гребнем**

Abb. 7. **Genesis setzt der Symptome meist erst des Spätrömischer Kammhelme**

историографии не только единой типологии, но и единого названия. Разные авторы именуют их по-разному, и названия эти, как правило, выделяют какой-нибудь один признак. Их называют то роскошными (*Prunkhelme*) (*Werner, 1950, S. 183*), акцентируя внимание на том, что почти все они посеребрены или позолочены, то гвардейскими (*Gardehelme*) (*Klumbach, 1973*), что не согласуется с находкой одного из них в крепости лимитанов в Бург Касл (*Johnson, 1980*). Более подходящими кажутся названия *Scheitelbandhelme* — приблизительно переводится как «ленточно-гребневые шлемы» или *Kammhelme* — шлемы с гребнем (*Klumbach, 1973, S. 10*; *Vogt, 2006, S. 66*; *Miks, 2008, S. 5*; *Alföldi, 1934, S. 110*; *Studer, 1990*). В англоязычной литературе они обычно носят название *Ridge helmets* — коньковые шлемы (*James, 1986, p. 112*; *Bishop, Coulston, 2006, p. 210—213*). Существует и несколько отличающихся друг от друга классификаций римских шлемов с продольным гребнем. Д. Студер разделил их на типы Дунапентеле/Интерциза, Беркасово и Аугсбург (*Studer, 1990, S. 85*). Х. Микс делит их на два типа — Дунаупентеле/Интерциза и Дерне/Беркасово (*Miks, 2008, S. 8—14*), Д. Глад на три — Интерциза, Беркасово и Кончешти (*Glad, 2009, p. 38—42*). Несомненно, данная «путаница» обусловлена смешением признаков по меньшей мере двух различных «чистых» типов шлемов, что особенно проявилось в процессе «великого переселения народов». Наличие тех или иных признаков на наиболее хорошо сохранившихся экземплярах рассматриваемых шлемов отражено в ***таблице***.

Места находок	**Маленькие нащечники**	**Ушной вырез**	**Двухчастная тулья**	**Высокий гребень**	**Ремешок назатыльника**	**Наносник**	**Надглазные выкружки**	**Обод по нижнему краю**	**Большие нащечники**	**Составная тулья**	**Боковой щиток**	**Украшение драгоценными камнями**	**Щиток-наушь**
Аугст	•	•	•										
Интерциза I	•	•	•										
Интерциза II	•	•	•										
Интерциза III	•	•	•	•									
Интерциза IV	•	•	•										
Ричборо	•	•	•	•									
Вормс	•	•	•		•								
Аугсбург-Пферзее I			•	•		•							
Аугсбург-Пферзее II	•		•			•	•						
Беркасово II		•	•	•	•	•	•	•	•				
Кривина/Ятрус I			•						•				
Кончешти				•		•	•	•	•	•	•		
Бург Касл				•						•	•		
Дерне					•	•	•	•	•	•	•		
Беркасово I					•	•	•	•	•	•	•	•	
Будапешт			•				•	•	•		•	•	
Кобленц		•	•		•	•	•		•				•
Ярак			•		•	•	•	•	•		•		
Альшохетень		•	•		•	•	•	•	•		•		

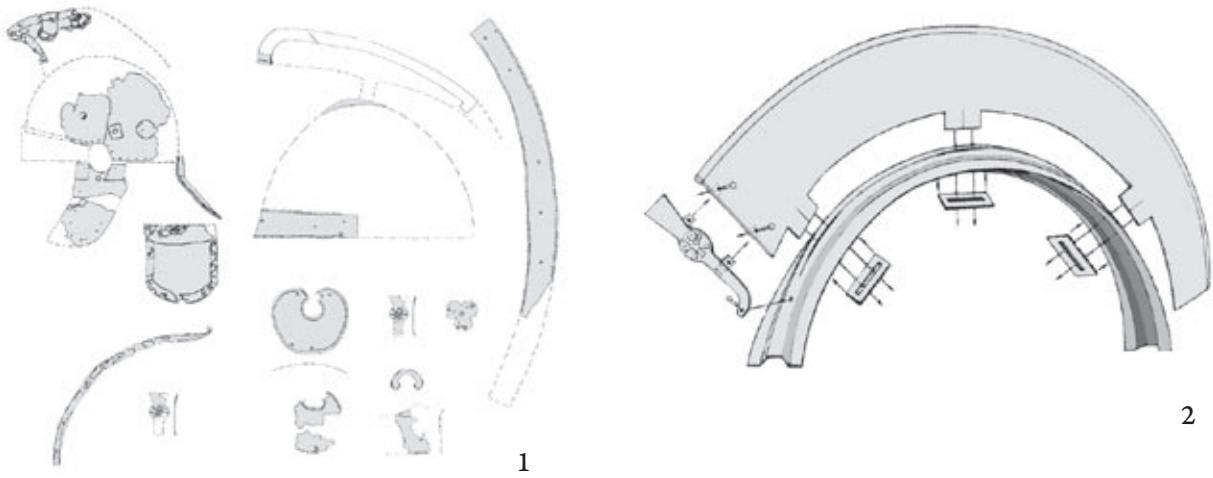
Данные таблицы свидетельствуют о том, что позднеримские шлемы с продольным гребнем испытывали определенное влияние со стороны другого модного типа боевых наголовий, все шире распространявшегося в позднеримской армии, — шпангенхельма. Среди признаков, «перекочевавших» с него на некоторые экземпляры

Рис. 8. **Накладки на гребни шлемов с изображением «хризмы»**: 1 — Альшохетень; 2, 4 — Сисак; 3 — Савария; 5 — частная европейская коллекция; 6 — с диптиха V в. н. э. Музей Уффици, Флоренция; 7 — монета Константина I, 315 г. н. э.; 8 — наносник шлема из Альшохетени; 9 — нащечник из Кобленца с изображением богини Виктории

Abb. 8. **Deckt die Kämme von Helmen mit dem Christusmonogramm**: 1 – Alsóhetény; 2, 4 – Sisak; 3 – Savaria; 5 – einer privaten europäischen Sammlung; 6 – ein Diptychon von Museo Uffizi, Florenz; 7 – Münze von Konstantin I., 315 Jr. n. Chr.; 8 – Nasal von Helm aus Alsóhetény; 9 – Wangenklappe aus Koblenz mit Victoria Motiv

шлемов с продольным гребнем, следует отметить сегментную тулью и обод по нижнему краю. Кроме того к этим конструктивным особенностям тульи могли прибавляться и другие элементы, присутствовавшие на шпангенхельмах, например кольчужная бармица или совершенно необычные нащечники, что подтверждается недавней находкой шлема из Бибервира на перевале Фернпасс. Этот экземпляр был снабжен кольчужной бармицей и необычными сегментными нащечниками, склепанными из горизонтальных железных полос (***рис. 6***). Генезис наборов признаков позднеримских шлемов с продольным гребнем представлен на ***рис. 7***.

1 2

***Рис. 9.* Шлемы с высоким гребнем**: 1 — фрагменты шлемов из Ричборо; 2 — схема крепления высокого гребня к тулье шлема

***Abb. 9.* Helme mit einem hoher Kamm**: 1 – Fragmente von Helmen aus Richborough; 2 – Pfändung von hohen Bergrücken, die hoher Kamm des Helmes

Рассматриваемые шлемы наглядно демонстрируют также и внедрение в римскую армию IV в. христианской символики. На целом ряде монет, чеканенных в 315 г., можно видеть монограммы Христа, помещенные на лобной части или продольном гребне полусферических шлемов (*Alföldi, 1932, p. 11—23*). В последнее время становится все больше находок шлемов, к ранту-гребню которых крепились еще и высокие гребни из вырезанного по соответствующей форме листа железа. Часто спереди к таким гребням крепились небольшие узкие металлические ленточки, имевшие в середине круглый медальон с изображением «хризмы» (***рис. 8***). В середине 1990-х годов в долине р. Маас (Нидерланды) найден позднеримский клад, содержавший остатки шлема с такой символикой (*Prins, 1998, p. 52, 53*; *Kocsis, 2003, p. 533, 548, 549, fig. 9, 10*). Две другие подобные пластинки, крепившиеся к гребням шлемов, найдены в Сисаке, Хорватия (*Migotti, 1997, p. 58*; *Kocsis, 2003, p. 533, 547, fig. 6, 7*). Аналогичные броши обнаружены в Саварии, Сомбатхей (*Sosztarits, 1996, p. 311, fig. 2, 3*; *Kocsis, 2003, p. 533, 547, fig. 8*) и Альшохетене (*Kocsis, 2003, p. 532, 547, fig. 5*). И, наконец, «хризма» помещена на наноснике шлема из Альшохетеня (*Kocsis, 2003, p. 522, 535, fig. 1: 1*). Пластинки, если была такая возможность, крепились к гребню заклепкой, в противном случае они приклепывались к тулье шлема заклепкой на нижнем конце пластинки. Некоторые из таких сохранившихся гребней были полностью позолочены.

Крепление самого гребня к шлему производилось посредством фиксации выступающих плоскостей в прорезях на поверхности гребня-ранта (***рис. 9***). Однако нет никакой уверенности, что исключительно все образцы, где имеются такие прорези, были снабжены такими же высокими гребнями. Здесь, возможно, могли крепиться традиционные плюмажи из конского волоса или птичьих перьев.

В то же время «хризма» — не единственный вариант христианского символа на шлемах того времени. Другая разновидность креста, изображение которого присутствует на шлеме из клада в болоте у Дерне, — якорь, символ христианской надежды на будущее Воскресение, как говорит о том апостол Павел в послании к Евреям (*Евр., 6, 18—20*).

Вместе с тем среди фрагментов шлемов из Кобленца имеется нащечник, на котором изображена богиня Виктория (***рис. 8: 9***), что красноречиво свидетельствует о том, насколько непростым и долгим был процесс внедрения христианской символики в позднеримской армии. Очевидно, что какое-то время христианская символика сосуществовала с языческой; даже после официального признания христианства в армии оставалось еще множество приверженцев прежних религиозных культов и божеств. Поэтому даже среди оружия,

закопанного в землю приблизительно в середине IV в., совсем неудивительно увидеть декор с изображением отвергнутых на государственном уровне богов.

Генезис шлемов с продольным гребнем, соединяющим две половины тульи, долгое время вызывает научные споры, хотя уже А. Альфельди настаивал на возможных восточных корнях (*Alföldi, 1932, p. 9*). И по сей день выдвигаются иные гипотезы появления этого типа шлемов. Так, Д. Студер предположил, что одним из прототипов могли быть шлемы редкого тессинского типа, найденные в Швейцарии (*Studer, 1990*). Однако прототипы шлема с гребнем (особенно склепанного из двух половин) сейчас вполне надежно связываются с Парфией и Кушанской Бактрией. Именно там имеются изображения их аналогов (***рис. 10***). Наиболее ранний их прототип представлен в скульптуре Халчаяна (*Пугаченкова, 1966, с. 41, рис. 11*). На монете кушанского правителя Хувишки изображен уже очень похожий на шлемы типа Интерцизы образец. Причем можно рассмотреть подкладку, на которую пришиты нащечники. Близкой аналогией интерцизским шлемам можно считать и наголовье со скульптуры из Хадды. На шлем Беркасово I похоже наголовье на монете парфянского правителя Вологеза VI (208—228 гг. н. э.) (***Рис. 10:*** *7*). Большое количество изобразительных данных, однако, во многом теряет свою информативность из-за отсутствия сравнительного материала в виде реально сохранившихся шлемов, так как иконографические источники не всегда позволяют рассмотреть детали боевых наголовий и дать их верную интерпретацию. В то же время, несомненно, что у парфян и сасанидов бытовали полусферические или несколько вытянутые и сужающиеся кверху по бокам шлемы, часть из которых, судя по изображениям, состояла из двух половин, соединенных продольным гребнем. Трудно определить их точный ареал, но изображения подобных шлемов имеются как в Парфии, так и в Кушанской Бактрии (*Skupniewicz, 2007*). К числу редких находок реальных образцов на этой территории относится фрагментарно сохранившийся большой полусферический шлем из Таксилы, датируемый I в. н. э. К сохранившейся половине тульи прикипел нащечник, а на темени прослеживаются остатки навершия, предназначенного для крепления кольца или плюмажа (*Marshall, 1951, p. 550*). Реальный образец III в. н. э. (***рис. 11***), склепанный из двух половин при помощи продольного ранта с гребнем, с наносником и кольчужной бармицей был найден в подкопе под башней 19 в Дура-Европос на так называемом скелете перса вместе с мечом, навершие рукояти которого украшено китайским нефритом, и кольчугой, нагрудная часть которой была набрана из бронзовых колец (*James, 2004, p. 116*). Это единственный экземпляр, который заполняет пробел в хронологической линии между парфянскими шлемами с гребнем, изображенных на монетах Аршакидов и других иконографических источниках, с одной стороны, и римскими экземплярами — с другой (*James, 1986, p. 128*). Представляется, что развитие данного типа шлемов заняло довольно продолжительное время. Среди вероятных, но довольно далеких по времени прототипов можно назвать иранские шлемы I тыс. до н. э., например шлем с высоким продольным гребнем из Иды (Хасанлу) VIII в. до н. э. (*Горелик, 1993, табл. LXII: 7*). Вероятно со временем те или иные их черты видоизменялись под влиянием других оружейных традиций, с которыми приходили в соприкосновение. Часть их признаков могла перекочевать на шлемы сопредельных территорий. Так, намного раньше римлян с клепаной двухчастной конструкцией среднеазиатских шлемов познакомились сарматы. Предположительно местные подражания (***рис. 12***) ранним образцам описанных выше кушано-парфянских двухчастных шлемов, соединенных по саггитальному сечению, обнаружены в сарматских погребениях Закубанья (*Эрлих, 1996, с. 176, 177, рис. 1—3*). Видимо, самый ранний в этой группе — шлем из окрестностей станицы Даховской, датированный Б. З. Рабиновичем IV—III вв. до н. э. (*1941, с. 131, табл. X*). Остальные шлемы происходят из памятников II—I вв. до н. э. Они найдены в погребении 138 Серегинского грунтового могильника, в кургане 3 (погребение 3) у оз. Четук. Еще один шлем происходит из Курганинского кургана (1986 г.), объект 10, и датируется серединой II в. до н. э. Их отличает причудливое единение восточной и эллинистической традиций (оформление волютами, стрельчатым передним выступом). Отсутствие на них собственно рельефного гребнеподобного ранта, соединяющего

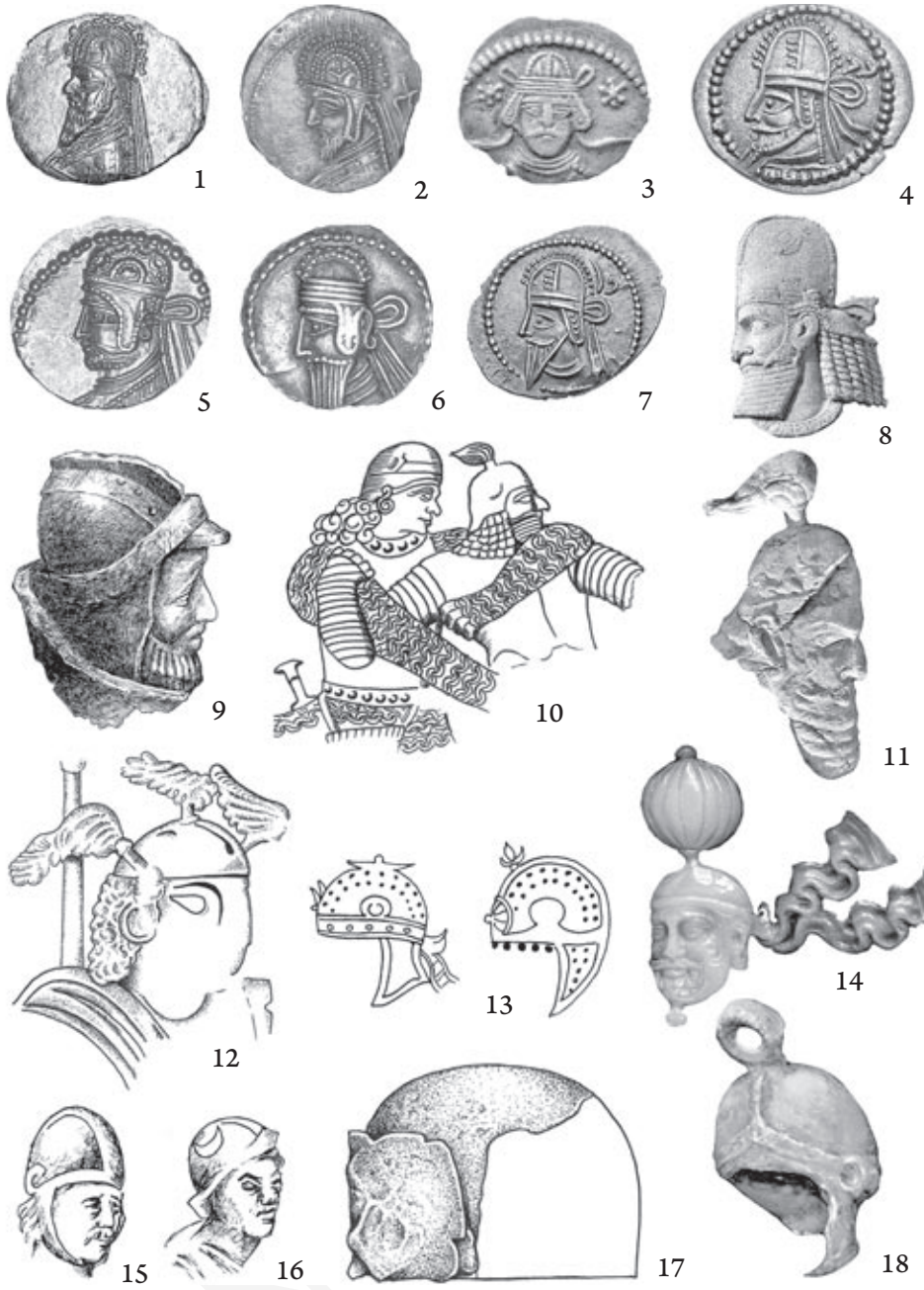

Рис. 10. **Изображения бактрийских, парфянских и сасанидских полусферических и двухчастных шлемов с продольным гребнем-рантом** (1—7 — монеты парфянских правителей): 1 — Готарз I (91—78 гг. до н. э.); 2 — Синатрук (ок. 77—70 гг. до н. э.); 3 — Вонон II (51—52 гг. н. э.); 4 — Артабан IV (80—81 гг. н. э.); 5 — Партамаспат (116—117 гг. н. э.); 6 — Вологез IV (191/2—207 гг. н. э.); 7 — Вологез VI (227/228 гг. н. э.); 8 — Бахрам II (Варахран) (276—293 гг. н. э.), скальный барельеф Накше-Рустам II; 9 — деталь скульптуры из Халчаяна, I в. до н. э. — I в. н. э.; 10 — сцена пленения парфянского воина сасанидским всадником, скальный барельеф из Фирузабада, III в. н. э.; 11 — деталь скального барельефа из Фирузабада, III в. н. э.; 12 — фреска из Кухе-Ходжа, II—III вв. н. э.; 13 — монета кушанского правителя Хувишки, II в. н. э.; 14 — изображение полусферического сасанидского шлема с геммы Шапура, III—IV вв. н. э.; 15 — скульптура из Хадды, III—IV вв. н.э.; 16 — Гандхарский рельеф (Вашингтон, Галерея Фрир); 17 — шлем из Таксилы, I в. н. э.; 18 — парфянский шлем с рельефа, изображающего парфянский триумф Луция Вера 166 г. н.э. Рим, Музей Терм

Abb. 10. **Bilder von Baktrische, Parthische und Sassanidische halbkugelförmigen und zweiteilige Kammhelme** (1–7 – Münzen des Parthischen Könige): 1 – Gotarzd I; 2 – Sinatruces; 3 – Vonones II; 4 – Artabanus IV; 5 – Parthamaspates; 6 – Vologese IV; 7 – Vologases VI; 8 – Bahram II. auf felsigen Basrelief Naqshe- Rustam II; 9 – Detail der Skulptur von Khalchayan; 10 – Szene einzufangen parthischen Reiter sassanidischen Krieger des Rock Basrelief Firouzabad,

обе половины, а также клепка внахлест позволяют отнести их к своеобразным местным дериватам бактрийско-парфянских шлемов.

Временем введения в римской армии этого вида боевых наголовий в основной массе исследований принято считать рубеж III—IV вв. В то же время самые поздние образцы предшествующих типов шлемов, найденные археологами, датированы серединой III в. Таким образом согласно этой теории, образуется лакуна в полстолетия, окутывающая неизвестностью развитие римского шлема в это время.

Однако если учитывать две находки, датировка которых указывает именно на третью четверть III в., то появляется возможность по-новому взглянуть на дату появления в римской армии рассматриваемых нами шлемов (*Негин, 2010*). Речь идет о находках самых ранних образцов римских шлемов с гребнем в Пуатье (*Miks, 2008, S. 6, Abb. 10*) и в инсуле 20 верхнего города Аугусты Раурики (*Augusta Raurica*) (*Klumbach, 1973, S. 115—117, Taf. 61—64*). Экземпляр из Пуатье, датированный 270 г., представляет собой большое количество мелких фрагментов и практически целиком сохранившийся высокий гребень. По причине того, что шлем до сих пор не отреставрирован, трудно судить о том, к какому типу шлемов с гребнем он относится, но гребень его совершенно аналогичен тем, что мы можем видеть на экземплярах из коллекций А. Гуттмана, Центрального римско-германского музея в Майнце и Национального музея древностей в Лейдене (*Miks, 2008, S. 54, Abb. 115—119*). Хорошо сохранившийся шлем из Аугста (*Augusta Raurica*) принадлежит к уже вполне сложившейся форме и мало чем отличается от экземпляров IV в. В коллективном труде под редакцией Г. Клумбаха эта находка, несмотря на присутствие в слое датирующего материала, была искусственно датирована временем бытования других рассмотренных в книге образцов, дабы избежать возможных разночтений. В связи с этим представляется необходимым указать на тот факт, что более логично связывать утрату этого предмета с окончательным разрушением города, которое приходится на 273/275 гг.

С другой стороны, двумя десятилетиями ранее в римской армии еще не прослеживается никаких намеков на присутствие шлемов с продольным гребнем. Считающийся их прототипом уже упоминавшийся сасанидский шлем из Дура-Европос, найденный в подкопе под башней 19, прорытом персами во время осады крепости в 255/256 гг., отличен от других римских шлемов, обнаруженных на этом же памятнике (*James, 2004, p. 104—109*), где имеются фрагменты шлемов типа Нидербибер с усилением тульи в виде перекрещивающихся вертикальных железных ребер. Согласно докладу Георги Дзанева на международной конференции «Военни експедиции, въоръжение и снаряжение (Античност и Средновековие)» (Варна, 14—16 мая 2009 г.), на месте предполагаемой битвы при Абритте в окрестностях современного г. Разград (Болгария), где нашел свою смерть в 251 г. н.э. император Траян Деций, среди подъемного материала также присутствуют только нащечники и фрагменты шлемов типа Нидербибер. Недоделанный шлем из Буха (*Bishop, Coulston, 2006, p. 174*) также датируется не позднее 259—260 гг.

Таким образом переход к новой модификации шлема должен был происходить в третьей четверти III в. Именно в это время на границах с Сасанидской империей сложилось практически катастрофическое положение. Там еще с 30-х годов III в. с переменным успехом происходили столкновения с войсками Ардашира, а позднее его сына — Шапура I. Возможно, что начало массовому внедрению новых модификаций шлемов было положено в ходе военных реформ императора Галлиена, значительно увеличившим численность тяжеловооруженной конницы (катафрактариев и клибанариев) по примеру тех же Сасанидов. В том же направлении действовал и Аврелиан, при этом у противников были позаимствовали и многие элементы в тактике и вооружении тяжелой конницы (*Alföldi, 1967, S. 410*).

3. Jh. N. Chr.; 11 – Stück Fels Basrelief Firuzabad, 3. Jh. N. Chr.; 12 – Fresko aus Kuh Khawaja, 2–3. Jh. N. Chr.; 13 – die Münze des Khuvishka, 2. Jh. N. Chr.; 14 – Image halbkugelförmigen sassanidischen Helm mit Edelsteinen Shapur, 3–4 Jh. N. Chr.; 15 – Skulptur aus Hadda, 3–4 Jh. N. Chr.; 16 – Gandhara Relief; 17 – Helm von Taxila, 1 Jh. N. Chr.; 18 – Parthische Helm mit einer Statue parthischen Triumph des Lucius Verus 166 Jh. n. Chr. Rom, Museo delle Terme

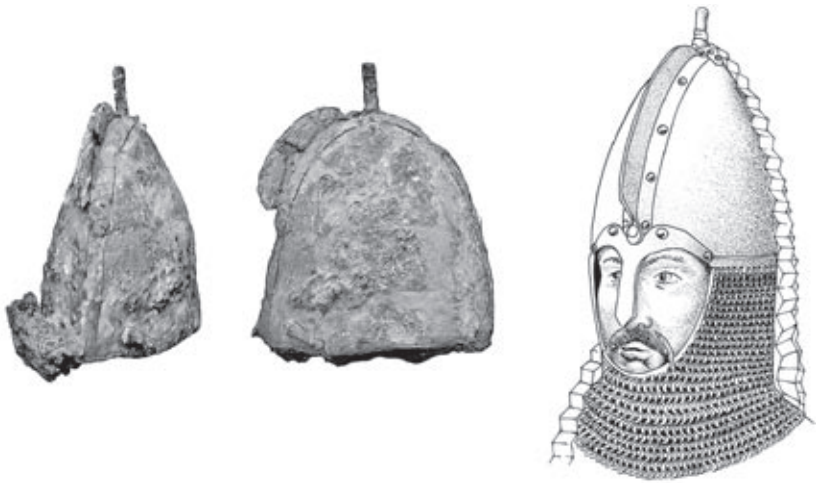

***Рис. 11.* Шлем из подкопа под башню 19 в Дура-Европос**, середина III в. н. э. Йельская художественная галерея

***Abb. 11.* Helm aus Dura-Europos**, Mitte 3. Jh. N. Chr. Yale Art Gallery

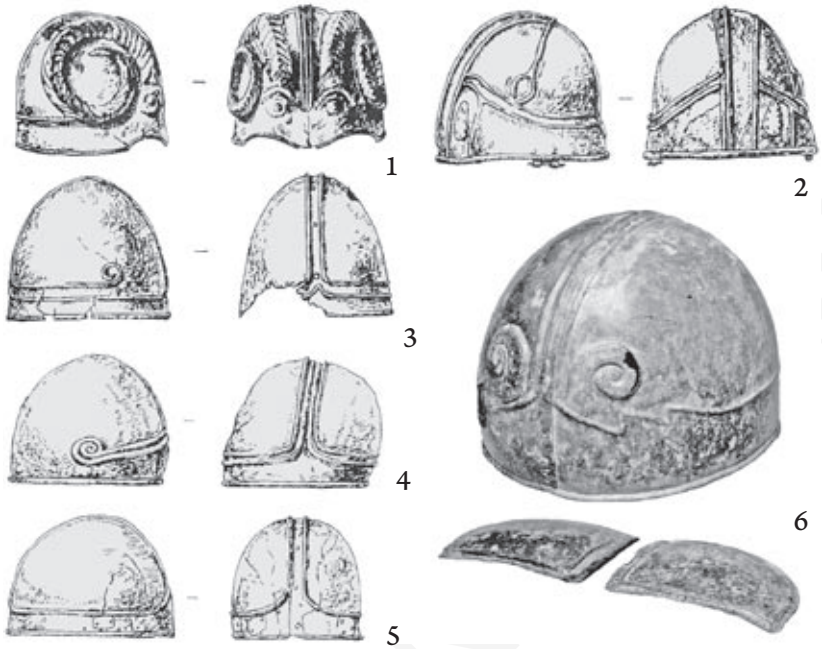

***Рис. 12.* Двухчастные шлемы, соединенные по саггитальному сечению, с территории Закубанья**: 1 — Даховская, IV в. до н. э.; 2 — шлем № 1 из кург. у оз. Четук, II—I вв. до н. э.; 3 — Серегинский могильник, погр. 138, II в. до н. э.; 4 — шлем № 2 из кург. у оз. Четук, II—I вв. до н. э.; 5 — Курганинский могильник (кург. 1), II в. до н. э.; 6 — шлем, переданный в дар Гос. музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина из частной коллекции С. В. Караковского

***Abb. 12.* Zweiteilige Helme aus dem Kuban Gebiet**:
1 – Dahovskaya, IV. Jh. v. Chr.; 2 – Helm № 1 von Grabhügel am Chetuksee, 2–1. Jh. v. Chr.; 3 – Sereginsky, grab. 138, 2 Jh. v. Chr.; 4 – Helm № 2 von Grabhügel am Chetuksee, 2–1. Jh. v. Chr.; 5 – Kurganinsky (Grabhügel 1), 2 Jh. v. Chr.; 6 – Helm, wurde durch das Staatliche Museum of Fine Arts gezeigt, benannt nach A. S. Puschkin aus der privaten Sammlung von S. Karakowskij

***Рис. 13.* Шлем типа Нидербибер**, переделанный в подражание шлему с продольным гребнем. Музей Уффици, Флоренция

***Abb. 13.* Helm der Typ Niderbiber**, in Nachahmung der Kammhelmt. Museo Uffizi, Florenz

Даже если переход к новому виду боевых наголовий был обусловлен новым армейским регламентом, то, скорее всего, еще какое-то время старые и новые образцы сосуществовали. При этом первые могли подвергаться переделке в соответствии с новыми веяниями моды. В подтверждение можно привести хранящийся во Флоренции шлем (***рис. 13***), переделанный под новый стандарт из наголовья типа Нидербибер (*Robinson, 1975, p. 84, fig. 104—106*).

Соблазнительно связывать начало массового производства рассматриваемого вида шлемов с реформами Диоклетиана, который изменил систему производства и поставок вооружения в римскую армию, организовав централизованные государственные оружейные фабрики. В соответствии с задачей быстрого производства вооружения для покрытия все возрастающих требований армии была существенно упрощена технология изготовления шлемов, образец для которых был найден у восточных противников империи. Относительная простота изготовления клепаных шлемов не требовала ни большого количества высококвалифицированных оружейников, ни больших затрат времени для производства каждого экземпляра (*Негин, 2008, с. 175—177*).

Вместе с тем надо заметить, что найдено и несколько шлемов, свидетельствующих о сохранении по крайней мере в некоторых мастерских традиции производства шлемов очень высокого качества. Это в первую очередь шлемы из Беркасово (*Klumbach, 1973, S. 15—38*; *Kocsis, 2000, S. 37—40*; *Manojlović-Marijanski, 1964*), Ярака (*Dautova-Ruševljan et al., 2009*), Кончешти (***ил. XV: 3***) (*Klumbach, 1973, S. 91—94*), Альшохетени (***ил. XV: 1***) (*Kocsis, 2003*) и Дерне (*Klumbach, 1973, S. 51—84*; *Evelein, 1911*). Кажется, что эти каски, как и экземпляры из Аугсбурга (*Klumbach, 1973, S. 95—102*) и Сан-Джорждо-ди-Ногара (*Klumbach, 1973, S. 85—90*; *Milano…, 1990, № 1a, 7b*), происходят из мастерских, поддерживавших между собой относительно тесные связи, — настолько единообразно их оформление. Однако локализовать данные фабрики довольно сложно, так как известные нам шлемы могли быть потеряны далеко от места их производства.

На протяжении IV и начала V в. шлемы с гребнем олицетворяли облик римского воина как Западной, так и Восточной Римской империи. Они известны на множестве изобразительных памятников, таких как воинские надгробия, рельефы триумфальной арки императора Константина и колонны императора Феодосия Великого, а также на фресках из катакомб Виа Латина в Риме (***рис. 1: 7***) и Виа Мариа в Сиракузах (***рис. 1: 5***). Но их появление в римской армии отнюдь не было связано с экспериментами первых христианских правителей, целиком являясь заслугой военных реформ Галлиена, Аврелиана и Диоклетиана.

Эти модификации шлемов были настолько популярны, что стали известны на всей территории европейских провинций Римской империи от берегов туманного Альбиона до Паннонии, оказав заметное влияние на местные вкусы, и послужили прототипами для великолепных подражаний римским образцам, представленным находками в Великобритании и Скандинавии. Конструктивное заимствование раннесредневековых шлемов из Саттон-Ху (*Bruce-Midford, 1982, p. 217—274*) и экземпляров из вендельских и вальсъердских погребений (*Arwidsson, 1939, p. 31—59*; *Bruce-Midfort, 1978, p. 210—214*) очевидно, хотя в их основе лежала уже другая оружейная традиция с характерными для нее «ажурными» шлемами, к которой был прибавлен еще и декор сообразно местной традиции.

Литература

Горелик М. В., 1975. E. B. Thomas. Helme. Schilde. Dolche. Studien über Römische — pannonische Waffenkunden. Budapest: Akademiai Kiado, 1971. [Рецензия] // СА. № 2.

Горелик М. В., 1993. Оружие Древнего Востока. Москва.

Негин А. Е., 2007. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса // Antiqvitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов.

Негин А. Е., 2008. Об экономических аспектах оружейного производства в Риме эпохи Принципата // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 6.

Негин А. Е., 2010. К вопросу о времени появления в позднеримской армии шлемов с продольным гребнем // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 3.

Пугаченкова Г. А., 1966. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. № 2.

Рабинович Б. З., 1941. Шлемы скифского периода // Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Ленинград.

Эрлих В. Р., 1996. Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. № 3.

Alföldi A., 1932. The helmet of Constantine with the Christian monogram // Journal of Roman Studies. Vol. 22. London.

Alföldi A., 1934. Eine Spatrömische Helmform und ihre schicksale im Germanisch — Romanischen Mittelalter // Acta Archeologica. Vol. V. København.

Alföldi A., 1967. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt.

Arwidsson G., 1939. Armour of the Vendel Period // Acta Archaeologica. Vol. X. København.

Bishop M. C., Coulston J. C. N., 2006. Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. London.

Born H., 1999. Reiterhelme aus Iatrus/Krivina, Bulgarien zur technik spätrömischer eisenhelme mit vergoldeten Silber- und Kupferblechüberzügen //Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 31. Berlin.

Bruce-Midfort R., 1978. The Sutton-Hoo Ship Burial. Vol. 2: Arms, Armour and Regalia. London.

Bruce-Midford R., 1982. The Sutton-Hoo Helmet Reconstruction and the Design of the Royal Harness and Sword-Belt // Journal of the Arms and Armour Society. Vol. 10. Leeds.

Bugarski I. 2005. Ulomak poznorimskog paradnog šlema iz Singidunuma // Singidunum. Br. 4. Beograd.

Dautova-Ruševljan V., Vujović M., Supičić B., 2009. Kasnoantički šlem iz Jarka. Novi Sad.

Evelein M. A., 1911. Een Romeinse helm uit de Peel // Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden. T. 5. Leiden.

Glad D., 2009. Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe — VIIIe s.). Contribution à l'étude historique et archéologique des armées antiques et medievales. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400—1000 AD). (BAR; 1921). Oxford.

Gomolka-Fuchs G., 1999. Zwei Kammhelme aus spätrömischen Limeskastell Iatrus, Nordbulgarien // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 31. Berlin.

James S., 1986. Evidence from Dura-Europos for the origins of late Roman helmets // Syria. T. 63. Paris.

James S., 1988. The fabricae: state arms factories of the Late Roman Empire // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference. (British Archaeological Reports Series; Vol. 394). Oxford.

James S., 2004. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment. London.

Johnson J. S., 1980. A Late Roman helmet from Burgh Castle // Britannia. Vol. XI. London.

Klumbach H., 1973. Spätrömische gardehelme. München.

Kocsis L., 2000. Helme vom Typ «Intercisa» in Pannonien // Von Augustus bis Attila, leben am Ungarnischen Donaulimes. Aalen.

Kocsis L., 2003. A new Late Roman helmet from Hetény in the Hungarian National Museum // Libelli archaeologici. Ser. nov. T. 1. Budapest.

Macdowall S., 1994. Late Roman infantryman 236—565 AD. London.

Manojlović-Marijanski M., 1964. Kasnorimski Slemovi iz Berkasova. Novi Sad.

Marshall J., 1951. Taxila: An Illustrated. Account of Archaeological Excavations. T. 2. Cambridge.

Migotti B., 1997. Evidence for Christianity in Roman Southern Pannonia (Northern Croatia). A catalogue of finds and sites. (BAR; 684). Oxford.

Miks Ch., 2008. Vom Prunkstück zum Altmetall — Ein Depot spätrömischer Helme aus Koblenz. Mosaiksteine — Forschungen am Römisch — Germanischen Zentralmuseum. Bd. 4. Mainz.

Milano capitale dell'imperio romano: 286—402 d.c., 1990. Milano.

Parker S. T., 1994. El-Haditha // American Journal of Archaeology. Vol. 98. Boston.

Peterson D., 1990. Significant Roman Military finds from flea markets in Germany // Arma. Vol. 2. № 1. Oxford.

Prins J., 1998. The «Fortune» of Late-Roman Officer // Association pour l'Antiquité tardive. (Bulletin; Vol. 7). Paris.

Robinson H. R., 1975. The Armour of Imperial Rome. London.

Skupniewicz P. N., 2007. Hełm wojownika przedstawionego na kapitelu w Tak e-Bostan // Acta Militaria Mediaevalia. T. III. Krakow; Sanok.

Sosztarits O., 1996. Urchristliche Kleidungsnadel aus Savaria // Specimina Nova Universitatis Quinqueecclesiensis. XII. Pécs.

Studer D., 1990. Frühgeschichtliche Kammhelme aus dem Kanton Tessin und dem weiteren südosteuropäischen Raum. Ein Faktor bei der Entwicklung des spätrömischen Kammhelms? // Helvetica Archaeologica. Bd. 21. Zürich.

Thomas E., 1971. Helme, Schilde, Dolche. Studien über Römische — pannonische Waffenkunden. Budapest.

Vogt M., 2006. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. (Kataloge vor – und frühgeschichtlicher Altertümer; Bd. 39). Mainz.

Werner J., 1950. Zur herkunft der Frühmittelalterlichen Spangenhelme // Prähistorische zeitschrift. Bd. XXXIV. Berlin; New-York.

A. E. Negin

Spätrömische Kammhelme

Der Autor betrachtet die Gründe und die Zeit des Erscheinens in der spätrömischen Armee der von den Ostgegnern des Reichs während des langwierigen Konflikts des 3. Jh. mit Sassanidischer Persien entlehnten Kammhelme. Der Autor schließt, daß diese Entlehnung eine große Verbreitung wegen der Militärreformen der Kaiser Gallienus, Aurelianus und Diocletianus bekommen hat, nachdem der Ostprototyp die neuen von römischen Waffenschmiede beigetragen Striche erworben hatte. In Verhältnissen "der Krise des 3. Jh." ist der neue Typ der Helme im Vergleich zu den vorangehenden Modellen der römischen Helme zu jener technologischen Vereinfachung geworden, die ihre Massenfertigung billiger im Rahmen des vor neuem erbauten Systems der Staatsfertigung der Bewaffnung zu machen erlaubt hat. Aber zugleich fuhren die Qualitätserzeugnisse teils fort sich zu erhalten. Davon bezeugen die aufgedeckten reich ausgeschmückten Muster, die durch Edelsteine inkrustiert worden sind und Vergoldungsspuren erhalten haben.

GERMANIA ROMANIA II

Нефёдкин Александр Константинович

Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира Санкт-Петербургского государственного университета

А. К. Нефёдкин

Военная организация Остроготского королевства (конец V — середина VI в.)

Сохранились весьма разрозненные сведения о военной организации остроготов и ее развитии в течение трех веков. Это развитие отчетливо делится на племенной и государственный этапы. Первый во многом совпадает с социальной структурой самого этноса, а второй отличается определенной степенью романизации. Ведь ничто так не зависит от социального строя, как военная организация: комплектование, наличие различных родов войск, система командования ими. Статья призвана рассмотреть военную организацию остроготов с военной точки зрения, в меньшей степени с социальной, как это обычно делается (см., в частности: *Вольфрам, 2003, с. 413—433*). Для данного рассмотрения обратимся к источникам VI в., в первую очередь к «Войнам» византийского чиновника Прокопия и собранию документов «Variae», написанному римским сенатором Кассиодором.

В догосударственном обществе социальная структура обычно совпадает с военной. Положение готского социума изменилось с образованием государств в Италии, Галлии и Испании — племенная структура наложилась на государственную, создав определенный симбиоз. Племенной предводитель стал еще и правителем своих новых подданных-«римлян», которые рассматривали нового короля как наследника императорской власти. Готы оказались привилегированной нацией, не платящей по племенной традицией налоги, но обязанной служить в армии (*Schmidt, 1969, S. 506; Burns, 1980, p. 121*[1]). Визиготы, оказавшись в первой четверти V в. в среде католического римского населения Галлии, пытались сохранить свою этническую идентичность: религию (арианство), язык, обычаи, что нашло яркое отражение в кодексе короля Эвриха (466—484 гг.), проводившего политику этнической сегрегации и запретившего даже смешанные браки (*McCormick, 1986, p. 297*). В отличие от визиготов готское руководство в Италии до реконкисты Юстиниана придерживалось политики паритета между обоими народами, и межнациональные браки не было редкостью (*Barnish, 1986, p. 190; Heather, 1996, p. 257*). Поскольку войско состояло из готов, то и военным языком был готский, именно на нем отдавали приказания (*Procop. Bel. Goth., I, 10, 10*). Однако письменные приказы в Италии писались по-латыни, о чем красноречиво

[1] По предположению У. Гоффарта, остроготы платили налоги со своей собственности, как и римляне (*Goffart, 1980, p. 92, 93*). С. Барниш также доказывает, что в Италии готы должны были платить земельные налоги, но не ясно, включалось в эту сумму обложение выделенного участка или нет (*Barnish, 1986, p. 192*). По мнению П. Хэтера, визиготы не платили со своих наделов налоги (*Heather, 1996, p. 284*), согласно же более осторожному мнению Э. Томпсона, налогом не облагался лишь участок, выданный готу за службу (*Thompson, 1969, p. 134*; ср.: *King, 1972, p. 65—67*).

GERMANIA ET ROMANITAS II

свидетельствует «Variae» Кассиодора, и они должны были пониматься остроготами.

Предводитель остроготов Теодорих в качестве римского полководца (*magister militum*) и патрикия направился против Одоакра (*Fredeg., II, 57; Mommsen, 1965, S. 477; Heather, 1996, p. 218; Maier, 2005, S. 96*). Затем, в 497/498 г., он принял от императора Анастасия царскую одежду и украшения дворца, которые Одоакр ранее отослал в Константинополь (*Anon. Vales., 64*), получив тем самым со стороны византийского двора легитимное признание своей власти над Италией. Хотя Теодорих не принял императорского титула и официально именовался *Flavius Theodoricus rex*, он представлял свое государство как продолжение Римской империи, а себя выставлял в качестве римского принцепса (*Anon. Vales., 60; Dahn, 1866, S. 254—257, 293, 294; Schmidt, 1969, S. 409, 410; Heather, 1996, p. 227—230*). Покорив Италию, Теодорих сохранил столь необходимый в управлении римский бюрократический аппарат, но поставил его под свой контроль. На военные должности теперь назначались готы, которые стали носить имперские титулы *illustres*, *spectabiles*, *clarissimi* и др.

Вместе с тем, новый правитель Италии располагал на германский манер свитой из придворных (*maiores domus regiae*) и рассылал из нее с различными военными и гражданскими поручениями готских комиссаров-сайонов. Провинциями руководили готы-комиты (*comes Gothorum provinciae*), которые наряду с римской администрацией выполняли гражданские, а также военные функции. При комитах состояли доместики (*domestici*), которые выполняли различные поручения губернаторов и входили в его стражу (*Cassiod. Var., V, 14, 8; IX, 13*), а также воины (*milites*). Во главе же Реции стоял дукс, который командовал варварскими подразделениями, бывшими сначала римскими, а затем готскими федератами (ругии, аламанны, баварцы, бреоны и др.). Обычно дуксы же были полевыми военачальниками. В целом местная администрация (римская и готская) подчас функционировала параллельно (*Heather, 1996, p. 243*; *Вольфрам, 2003, с. 455*; *Maier, 2005, S. 218—222, 235—237*).

Король был верховным главнокомандующим. Его при провозглашении поднимали на щите, обнажив при этом мечи (*Cassiod. Var., X, 31, 1—2*). Данный обычай Л. Шмидт рассматривает как чисто германский (*Schmidt, 1969, S. 373*). Население (как римское, так и готское) приносило присягу на верность монарху по его восшествии на престол (*Cassiod. Var., VIII, 2; 5*). Теодорих, завоевав Италию, перестал лично возглавлять военные экспедиции, а стал направлять во главе них своих дуксов, обычно готов. При последних остроготских королях особое внимание опять стало уделяться племенному этносу в противовес римскому, и они обычно сами возглавляли войско в бою. В то же время остроготский король, как настоящий полководец, а не племенной вождь, мог сам не участвовать в битве, а руководить войсками со стороны (*Procop. Bel. Goth., I, 29, 16*).

Вероятно, при дворе Теодориха существовало некое подобие «пажеского корпуса» (*Schmidt, 1969, S. 373*). Фредегар однажды упоминает, что из дворца был послан *puer* с определенном поручением (*Fredeg., II, 57*). Кассиодор рассказывает (527 г.), что сыновья знатного римлянина патрикия Киприана обучались вместе с готами во дворце военным упражнениям и даже умели говорить по-готски, чтобы общаться со своими сверстниками и, видимо, слушать учителей (*Cassiod. Var., VIII, 21, 6—7*). Этот институт был достаточно древним и, с одной стороны, мог возникнуть из простой системы заложничества, когда знать должна была посылать своих детей в свиту правителя, а с другой стороны — из свиты древнегерманского вождя, в которой юноши проходили определенное обучение. При Теодорихе формальным поводом для посылки детей ко двору служило обучение, но фактически это был тот же вариант заложничества, позволявший воспитать будущих руководителей в духе верности монарху и его преемнику. Готская знать в своей массе не была склонна давать своим детям классическое образование: старейшины выразили решительный протест против намерений обучить юного короля Аталариха грамматике, понимая, что это сделает его невоинственным, в противоположность тому, каким должен быть король, обязанный вести их в бой (*Procop. Bel. Goth., I, 2, 6—17*). Готская молодежь обучались военному делу в гимназии, где их, в частности, учили стрелять из лука, а потом юноши проходили полевую практику (*Cassiod. Var., V, 23*). Для них устраивались показательные выступления по бросанию копий в присутствии короля (*Ennod.*

Обкладка кафедры равеннского епископа Максимиана, изображающая Иосифа, защищенного гвардейцами, который встречает своих братьев. Середина VI в. Фото автора в Архиепископском музее в Равенне

Eine Darstellung des von Prätorianern umgebenen Josefs, der seine Brüder trifft, auf dem Katheder des Ravenner Bischofs Maximianus. Mitte des 6. Jhs. Ein vom Autor gemachtes Foto in dem Erzbischofs Museum in Ravenna

Paneg., 19, 83, 84), где можно было продемонстрировать свою боеспособность.

Нам известна судьба одного из бывших пажей, знатного гота Тулуина. Сначала он состоял на службе при покоях короля (*ad sacri cubiculi*). Затем в 505 г. участвовал в экспедиции на Сирмий под руководством комита Питцама, после чего стал военным советником в королевском совете у Теодориха. Позже посылался в две военные экспедиции, в последнюю (523 г.) — как командующий. После этого Тулуин за службу получил земельные пожалования в завоеванных областях и в конце 526 г. был представлен королем Аталарихом к званию патрикия (*Cassiod. Var., VIII, 10*).

В целом, пройдя обучение при дворе и войдя в доверие правителю, знатный гот вполне мог стать оруженосцем (*armiger*) — гвардейцем короля, как это было с будущими королями Тевдисом, «оруженосцем» Теодориха, и Витигисом — «оруженосцем» Теодохада (*Jord. Get., 302; 309*). Вероятно, справедлива идентификация данной должности с меченосцами-спатариями (*spatharii*), служившими при дворе Теодориха. Именно спатарием, по Кассиодору, и был Витигис (*Cassiod. Orat., p. 476, l. 10; Mommsen, 1965, S. 438, Anm. 2; Schmidt, 1969, S. 514*). Прокопий, похоже, именует этих телохранителей короля согласно греческой традиции копьеносцами (*doratophoroi*), тогда как епископ Павии Эннодий по римской традиции — оруженосцами (*armigeri*) (*Procop. Bel. Goth., III, 1, 43; Ennod. Carm., II, 17*). Спатариями были особо доверенные люди, которым король поручал важные и наиболее сложные задания. Так, «мечник» Унигис должен был навести порядок в Южной Галлии в 508 г. (*Cassiod. Var., III, 43*). Звание спатария было почетной должностью при дворе в Равенне, о чем упоминает Кассиодор (*Cassiod. Orat., p. 476, l. 11*). Видимо, одной из обязанностей ее носителя была и реальная охрана монарха (ср.: *Procop. Bel. Goth., III, 1, 47*).

Можно отметить, что на рельефных пластинках из слоновой кости, изображающих сцены из жизни Иосифа, которые являются обкладками кафедры епископа Максимиана (546—556 гг.) в архиепископском дворце в Равенне (***рисунок***),

за правителем стоят стражи с варварской прической и в штанах, считающихся готскими, вооруженные длинным мечом, а не копьем, которое носят другие воины (*Schapiro, 1979, p. 41, fig. 5, 6*), что номинально напоминает должность спатария. Хотя происхождение данной придворной должности подчас связывается с германской традицией, но само название заставляет предполагать позднеримско-византийское влияние[2]. Спатарии служили при дворе вплоть до конца существования королевства: папа Григорий Великий в «Диалогах» дважды упоминает спатариев Тотилы, состоявших во время экспедиции в его свите (*comitatus*). При этом, если комиты стояли справа и слева от короля, то спатарии и остальные члены кортежа находились позади (*Greg. Dial., II, 14, 1; III, 6, 2*).

Из римской военной системы в Италии сохранились дворцовые части силенциариев, схолариев и доместиков, которые получали жалование от государства (*Procop. Hist. arc., 26—28*). Первые во время империи, в V в., насчитывали три отряда по десять человек в каждом, носили сенаторское звание и являлись охраной личной покоев императора. Вторые составляли стражу дворца, а третьи были выше рангом — штаб-офицерами, которые служили как в пешем, так и конном строю, что специально отмечается в одном из писем Теодориха (*Cassiod. Var., I, 10, 2*). Данные подразделения квартировались в Риме, тогда как столица находилась в Равенне. Поэтому они, очевидно, являлись не реальной боевой силой, а парадной стражей («одно только название войска», по словам Прокопия), которая напоминала гражданам Вечного города о продолжении существования римского государства. Действительно, какое-то время даже должность командира доместиков (*comitiva domesticorum*) была вакантной, а затем ее на период между 507 и 511 г. занял Либерий — гражданский чиновник (*Cassiod. Var., II, 16, 2*). Эти отряды были распущены за ненадобностью уже после завоевания Италии византийцами (*Procop. Hist. arc., 26, 30*).

В формуле для магистра оффиций Кассиодор упоминает, что в шествиях магистр идет впереди «преторианских когорт и милиции городской префектуры» (*Cassiod. Var., VI, 6, 7*: *praetorianes cohortes et urbanae praefecturae milites*). С одной стороны, данную формулу можно счесть чисто теоретической, описывавшей ситуацию, существовавшую в Римской империи, но, с другой стороны, она предназначалась для современного Кассиодору использования и таким образом должна была описывать обычаи, существовавшие в готское время. Если *milites* городской префектуры еще можно рассматривать как чиновников, то сложно согласиться с предположением, что и *praetorianes cohorts* означают неких чиновников (*Dahn, 1866, S. 68, Anm. 2; S. 174, Anm. 3; S. 288, Anm. 7*). Если действие происходило в Риме, то это вполне могли быть воины схоларии, которые упомянуты в этой же формуле (*Cassiod. Var., VI, 6, 1*), а если в Равенне — то готская гвардия Теодориха. Поскольку речь в документе идет об особенностях службы при дворе, то, похоже, подразумевается столица Равенна. По крайней мере, наряду с телохранителями из спатариев Теодорих, скорее всего, располагал и обычной лейб-гвардией. Ведь еще на Балканах его повсюду сопровождала стража (*custodia*), например в персональной разведке (*Fredeg., II, 57*).

В одной купчей из Равенны, датированной 539 г., в качестве владельца имения около Фавенции упоминается гот Виттерит-скутарий (*scutarius* Witterit), носящий титул *vir devotus*. Этого скутария Л. Шмидт относит именно к схолариям (*Marini, 1805, p. 172, № 114, l. 14*; *Tjäder, 1982, p. 58, papyrus 30, l. 14*; *Schmidt, 1969, S. 642, Anm. zu S. 376, Z. 22*). Однако в таком случае получается, что среди почетной италийской стражи дворца в Риме были германцы. Возможно, впрочем, скутарии были готским подразделением, выполнявшим определенные функции в равеннском гарнизоне или даже дворце.

В войске должны были служить в первую очередь готы (*Cassiod. Var., XII, 5, 3—4*). Первобытный принцип народа-войска (все взрослые мужчины с 15—16 лет) был общегерманским, характерным и для готов (*Frauenholz, 1935, S. 12*; *Sánchez-Albornoz, 1970, p. 7*; *Контамин, 2002, с. 21*; *Halsall, 2003, p. 35*). Эта традиция сохранилась и в Италии. Срок службы, очевидно, определялся боеспособностью каждого воина и соответственно

[2] Обстоятельный разбор см.: *Maier, 2005, S. 159—161, 318* (автор, впрочем, рассматривает должность спатария как чисто германскую; аналогичное мнение: *Mommsen, 1965, S. 454*).

его совершеннолетием, с одной стороны, и неспособностью служить, с другой. По крайней мере, наиболее именитых воинов отправлял в отставку сам король. Так, между 523 и 526 г. гот Старцедий, носивший титул *vir sublimis*, направил заявление на имя короля с просьбой освободить его от службы по старости. Прошение было удовлетворено (*Cassiod. Var., V, 36*). Другой ветеран, направивший жалобу на имя короля в эти же годы, был слепым (*Cassiod. Var., V, 29*). Можно предположить, что и сама отставка произошла из-за ослабления или потери зрения.

С целью поддержания боеспособности воинов собирали на смотры в присутствии короля. В частности, известны сборы в начале июня, когда бойцы получали по образцу федератов старой римской армии ежегодные донативы (*Cassiod. Var., V, 26, 27*; *Procop. Bel. Goth., I, 12, 48*; *Isid. Hist. Goth., 35*). Это происходило в одном из трех центров пребывания короля: в Равенне, Вероне или Павии (*Halsall, 2003, p. 43*; *Liebeschütz, 2006, p. 317*), которые соответственно были ближе расположены к основным областям расселения готов в Пицене и Самнии, Венетии, Лигурии. Данное мероприятие, восходящее корнями к древнегерманскому собранию воинов, прямо указывает на существование особых регистрационных списков боеспособного населения, как это было и у визиготов (*Dahn, 1866, S. 75*; *Heather, 1996, p. 318*). Причем, видимо месяц получения донативов был выбран не случайно: именно в июне армия Теодориха обычно отправлялась в поход (*Cassiod. Var., I, 24; V, 17, 4; 18, 2; 19*), к чему были приурочены смотр и выдача жалования. Вероятно, этим и объясняется то, что не все готы прибывали ко двору за донативами (*Cassiod. Var., V, 27*), а только те, кто потом отправлялись в поход. По сравнению с началом военных действий, например у римлян, июнь выглядит достаточно поздней датой открытия кампании. Была ли это какая-то особая традиция, или Теодорих просто рассчитывал быстро, в «сезон», завершить очередную кампанию, или это было вызвано тщательной подготовкой экспедиции — не ясно.

Гот, находясь в боеспособном возрасте, получал ежегодное денежное жалование (*donativum*), однако как только воин уходил в отставку, выплата донативов прекращалась (*Cassiod. Var., V, 36*). Сколько получал рядовой не известно, но для сравнения можно указать, что моряку при создании флота в 525/526 г. Теодорих постановил платить пять солидов (*Cassiod. Var., V, 16, 4—5*), которые Ф. Дан рассматривает как аналог солдатского жалования (*Dahn, 1866, S. 80*). В ходе кампании воин получал еще и продовольственное содержание (*annona*), что теоретически должно было избавить страну от мародерства (*Cassiod. Var., IX, 25, 9*). Нам известно, в частности, что раздаче подлежало вино, пшеница и мясо (*Cassiod. Var., XII, 26, 2*) — вероятно, основные компоненты готской диеты в кампании. Кассиодор кроме того сообщает, что доместики готских комитов при Теодорихе получали очень большое годовое содержание в размере 10 аннон и 200 солидов, к которым по указу Аталариха в 527 г. было прибавлено еще 50 солидов (*Cassiod. Var., IX, 13*).

Из структуры военной организации остроготов нам известно лишь, что готов, поселенных в Пицене и Самнии, возглавляли тысячники (*millenarii*), которые приходили ко двору в Равенне и получали жалование за тех, кто сам не явился туда (*Cassiod. Var., V, 27*). По мнению У. Гоффарта, эти «тысячники» не были реальными военными командирами, а только получателями военного «жалования» с определенного земельного участка *millena*, с чем согласны далеко не все исследователи (*Goffart, 1980, p. 61, 80—88, 100, 101*; за: *Burns, 1980, p. 122, 123*; *Moorhead, 1992, p. 34*; *Вольфрам, 2003, с. 420*; против: *Mommsen, 1965, S. 438, Anm. 1*; *Barnish, 1986, p. 181—183*; *Maier, 2005, S. 227*; *Liebeschütz, 2006, p. 316*). Однако вполне возможно, что они как раз возглавляли свои подразделения на смотре перед Теодорихом, который должен был происходить, судя по указу, 6 июня между 523 и 526 г. Вместе с тем, тысячники же получали донативы за тех из готов, кто не присутствовал на смотре. Заметим, что тысячники были напрямую подчинены королю, а не местным комитам, что говорит о значимости этой должности в государственной системе. Хотя остальная структура остроготских военных подразделений нам неизвестна, однако, вероятно, как раз «тысячи», как у визиготов и вандалов, были базовой военной единицей.

В целом, можно утверждать, что у готов существовало десятичное деление боевого подразделения, как пешего, так и конного. Нам, в частности, известно, что позднее у визиготов в Испании

войско делилось на подразделения по 1000, 500, 100 и 10 воинов, каждое из которых возглавлялось отдельным командиром (*LV, IX, 2, 1—5*). Данную десятичную структуры, видимо, следует считать традиционной германской, существовавшей независимо от позднеримского влияния, а тем более сарматского или гуннского (*Dahn, 1885, S. 29, 208*; *Корсунский, 1965, с. 72, 73*; *Schmidt, 1969, S. 516*; *Sánchez-Albornoz, 1970, p. 26, 27*; *Pérez Sánchez, 1989, p. 89*; *Вольфрам, 2003, с. 147*; *Muñoz Bolaños, 2006, p. 83, 84*). Иногда считается, что данное десятичное деление визиготской армии пришло на смену традиционному племенному (*Heath, 1980, p. 15*; *Maier, 2005, S. 228*), однако на самом деле одно другое не исключает: децимальная система являлась традиционной и для племенного общества.

У знатных остроготов были свои свиты-отряды. Вспомним, что в 500 г. Теодорих послал свою сестру Амалафриду в жены вандальскому королю в сопровождении 1000 знатных готов для службы, у которых было еще 5000 бойцов (*Procop. Bel. Vand., I, 8, 12*; *Theophan., p. 187, ll. 11—15*). Следовательно, в среднем получается, что у одного знатного гота было по пять дружинников. В данном случае, вероятно, стража была специально назначена правителем с представительскими целями, откуда и возникло такое значительное количество свиты. Однако в целом подобная традиция возникла из германского обычая, согласно которому хозяин дома выходил на войну вместе со своими домочадцами и зависимыми людьми, составляя тем самым элементарную единицу в племенном ополчении.

Если обратиться к истории, то можно увидеть, что в IV в. германских вождей по древней традиции сопровождала свита, неотъемлемой частью которой были дружинники. Так, готский предводитель Сар в начале V в. командовал отрядом в 200—300 воинов (*Sozom., IX, 9, 3*; *Olymp. frg., 3 = Phot. Bibl., 80, 51a*). Такая дружина не была однородной внутри. В. Н. Дряхлов доказывает, что уже во второй половине IV в. у германцев вообще и у готов в частности дружина делилась на немногочисленных телохранителей вождя, старших дружинников, обычных бойцов и эпизодически привлекаемых на войну рабов (*Дряхлов, 1993, с. 144—151*; ср.: *Maier, 2005, S. 48—56*).

В «Variae» Кассиодора (I, 24) сохранился уникальный документ — мобилизационный приказ Теодориха, изданный королем в первой половине 508 г.: «Битвы более свойственны готам, нежели переговоры, ведь воинственному роду доставляет радость подтвердить [это]: конечно, не уклонится от [ратного] труда [тот], кто возжаждал [получить] славу доблести. (2) И поэтому [мы] при поддержке бога — создателя, благословляющего все, — постановили определить ради общей пользы войско для Галлий, чтобы одновременно и вам была возможность продвижения [по службе], и нам гарантировать это, увидев сосредоточение [ваших] заслуг. Ведь в мирное время похвальная храбрость не заметна и тогда проявиться [она] не имеет возможности — скрыт весь блеск заслуг. Вот поэтому [мы] распорядились через нашего сайона Нанда известить, чтобы [вам] всей численностью во имя бога двинуться в поход достаточно снаряженными по традиционному способу оружием, конями и всеми необходимыми вещами в восьмой день до наступления июльских календ, с покровительством бога, [так], чтобы проявилась заключенная в вас доблесть родителей ваших и наш приказ успешнее исполнился. (3) Побудите юношей ваших к марсовой науке: пусть [они] увидят в вас [то], что смогут передать потомкам; ведь что в юности не выучено, [то] в зрелом возрасте незнакомо. [Даже] сами стервятники, пищей которых всегда является добыча, гонят своих отпрысков, слабых от рождения, из гнезд, чтобы [они] не привыкли к безмятежному покою. Крыльями [они] бьют оставшихся, заставляя молодых птенцов летать, как им [и] подобает существовать, от чего можно представить [их] материнскую заботу. Вы же, которых и природа возвысила, и любовь к славе побудила, стремитесь оставить таких [же] сыновей, которых, [как] известно, отцы ваши в вас сохранили».

Как видим, указ отчетливо делится на три части. В преамбуле постулируется объективное положение о том, что готам более свойственно состояние войны, нежели пребывание в мире, поскольку они еще не утратили свой воинственный племенной дух. Центральное место в документе занимает сам приказ о мобилизации. Этот приказ не конкретный, а достаточно общий. В нем не обозначено ни место сбора войска, ни конкретные меры приготовления к походу. Видимо, частные указания должен был дать сайон Нанд, а приготовле-

ния воинов к походу были традиционны и не нуждались в конкретизации. Указ обращен ко всем готам, а не к отдельным командирам (например, тысячникам), которые могли быть ответственны за мобилизацию. Это своего рода декларация о проведении мобилизации, ведь указ составлен на латыни, официальном языке готской Италии, вряд ли понятном всем рядовым готам, к которым обращен документ. Последняя часть указа (3) обращена в будущее: она призывает готов воспитывать юношество в традиционном воинственном духе и исполнять службу так, чтобы быть образцом для подражания молодежи. Акцент на воспитании подрастающего поколения в племенном духе должен был быть особенно актуальным в связи с тем, что уже полтора десятка лет готы находились в среде римлян и подвергались культурному влиянию последних в различных областях, в том числе в сфере образования и воспитания. Поддержание традиционных племенных ценностей в этой области оказывалось особенно актуальным для поддержания этнического самосознания народа. Именно в данной части указа присутствует риторика, которая в принципе неуместна в военном документе, что, с одной стороны, может объясняться желанием короля образно подчеркнуть значимость темы, а с другой — нельзя исключить, что это результат литературной обработки указа самим Кассиодором. В целом, письменный приказ представляет собой римскую традицию работы военной канцелярии, а не готскую племенную, хотя, естественно, текст составлен для данного конкретного случая.

Согласно приказу готы должны были выступать с войском, «снабженными по установленному обычаю в достаточной мере оружием, конями и остальными необходимыми вещами» (*Cassiod. Var., I, 24, 2*). Очевидно, готы должны были снабжать себя всем этим (*Dahn, 1866, S. 63*), поскольку они получали донативы и владели землей, с которой, собственно говоря, и несли службу. Кроме того, государство по-прежнему располагало оружейными фабриками, которые, как и в имперское время, находились под государственным контролем со стороны магистра оффиций (*Cassiod. Var., VII, 18, 19*). Согласно «Notitia dignitatum» (*Oc., IX, 24—29*), в позднеримское время фабрика по производству стрел располагалась в Конкордии, луков — в Тицине, щитов — в Кремоне, наступательного оружия и тех же щитов — в Вероне, панцирей — в Мантуе, спат — в Лукке. Вероятно, эти производства продолжали функционировать и выпускать вооружение (*Ensslin, 1959, S. 191*). В ходе кампании интендантство обеспечивало своих воинов оружием и конями (*Cassiod. Var., I, 40*; *VII, 18, 19*; *Procop. Bel. Goth., I, 11, 28*). Это прямое продолжение римской системы снабжения армии было изменением в военном устройстве готов по сравнению с более древним племенным (ср.: *Cassiod. Var., I, 1, 3*).

Согласно официальной идеологии Теодориха и его преемников гот должен был служить, а римлянин — наслаждаться миром (*Cassiod. Var., VII, 3, 3; VIII, 3, 4; IX, 14, 8; XII, 5, 4*). Но это можно было декларировать пока страна не подвергалась нападению и не находилась в кризисе. На деле и римляне должны были нести военные обязанности. Поскольку Теодорих обладал властью принцепса над римлянами, то он предписал последним служить, как при императорах (*Anon. Vales., 60*). Несмотря на то, что основой армии во время поздней империи были варварские подразделения, которые дополнялись добровольцами и сыновьями солдат, воинская повинность не была отменена. Судя по указам Валентиниана III от 440 и 443 гг., боеспособных рекрутов должны были поставлять сельские местности, за что несли ответственность местные магнаты и власти (*Nov. Val., 6, 1—2*; *Jones, 1964, p. 619, 659, 668, 669*; *Southern, Dixon, 1996, p. 67, 68*). В случае большой необходимости готское правительство, тем не менее, привлекало к службе римлян (*Procop. Bel. Goth., V, 11, 28*), обычно же они занимались постройкой и починкой укреплений (*Cassiod. Var., I, 17; 25; 28; III, 44; XII, 17*).

Положение изменилось в ходе войны на Апеннинах. Уже во время Витигиса известен знатный римлянин, который сражался на стороне готов, видимо, не в качестве простого рядового (*Procop. Bel. Goth., II, 6, 3*). В ходе войны при дефиците живой силы каждый умевший обращаться с оружием представлял ценность. Поэтому для увеличения численности боеспособных солдат Тотила зачислял в войско на равных с готами правах и с сохранением имущества воинов из сдавшихся гарнизонов (*Procop. Bel. Goth., III, 30, 21—22; 36,*

24—28; 37, 14), а также дезертиров из византийской армии (*Procop. Bel. Goth., III, 23, 3*).

Римское законодательство во избежание внутренних мятежей пыталось ввести запрет на ношение оружия гражданскими лицами, исключая его использование на охоте и во время путешествия или плавания (*Digesta, 48, 6, 1*; *Ensslin, 1959, S. 189*; *Brunt, 1975, p. 261*). В 364 г. указом Валентиниана I и Валента было запрещено применение оружия без особого императорского разрешения (*CTh., XV, 15, 1*). Однако в связи с невозможностью государства обеспечить безопасность своим подданным этот запрет был ослаблен: в 391 г. было позволено защищаться от мародеров (*CTh, IX, 14, 2*), в 440 г. Валентиниан III даровал провинциалам право защищаться самим против совершающих набеги вандалов (*Nov. Val., 9*; ср.: *Nov. Maior., 8*); согласно другому указу Валентиана от 445 г. для западноафриканских областей запрещалось набирать частные отряды, кроме как для борьбы с врагами империи (*Nov. Val., 13, 14*). В последней трети V в. частные армии стали нормальным явлением в неспокойной тогда Галлии. В частности, сын Авита Экдиций сумел собрать на свои средства значительные силы в 471 г. (*Sidon. Epist., III, 3, 7*). Первоначально и в готской Италии римляне могли носить оружие, однако после еврейских погромов в Риме и Равенне (519—520 гг.) Теодорих запретил его ношение (*Anon. Vales., 60; 83*). С одной стороны, подобный запрет объясняется тем, что Теодорих не особо доверял римлянам, опираясь на свое племенное войско, с другой стороны — у него не было такой острой необходимости привлекать дополнительные силы из римлян для ведения боевых действий. Впрочем, в случае угрозы войны боеспособность местного населения специально поддерживалась. Так, Теодорих в 507—511 гг. приказал своему комиту Осуину обучать жителей Салон, столицы Далмации, владению оружием (*Cassiod. Var., I, 40*). Речь явно идет не о готах, которые служили в гарнизоне и умели владеть оружием, а об остальном боеспособном населении, которое, получив оружие из государственных арсеналов, должно было поставлять подкрепления в минуты опасности. Знатные римляне в процессе своего обучения не только продолжали получать физическое воспитании в гимансии, но и учились владеть оружием (*Cassiod. Var., IX, 23, 3*). Они даже устраивали показательные выступления со стрельбой из лука и метанием дротика с накрученным на нем ремнем-аментумом для увеличения длины броска (*Ennod. Paneg., 19, 84*).

В определенных обстоятельствах должны были служить и национальные меньшинства. В 536 г. евреи Неаполя яростно сражались на стороне остроготов, лояльно относившихся к иудаизму, против византийцев (*Procop. Bel. Goth., I, 10, 24, 25*). А племянник Витигиса Урайя в 539 г. пошел на помощь осажденной Равенне не только с готами, охранявшими альпийскую границу, но и с 4000 лигуров (*Procop. Bel. Goth., II, 28, 31*).

Невольники как часть италийско-готского социума также участвовали в кампаниях. В походе они сопровождали своих господ и, пользуясь неразберихой и изменчивостью походной жизни, бежали в массовом порядке, о чем говорит специальный указ Теодориха спатарию Унигису о возвращении беглых в 508 г. (*Cassiod. Var., III, 43*). Видимо, рабы были обычными обозными, а не воинами. Впрочем, в экстренных случаях в армию могли набирать даже рабов, как это делал Тотила в 546 г. с перешедшими на его сторону невольниками (*Procop. Bel. Goth., III, 16, 14—15; 25*). Данная политика, впрочем, не уникальна: в позднеимператорскую эпоху в случаях опасности рабов также зачисляли в армию, обещая свободу (*Southern, Dixon, 1996, p. 67*).

Поскольку в постримских государствах товарно-денежные отношения были не так развиты, как ранее, то и наемничество не было развито. Кассиодор, однако, упоминает гепидов, нанятых Теодорихом для службы в Южной Галлии, видимо в 523 г., которые получали подорожные в размере трех солидов на товарищество (*condoma*) (*Cassiod. Var., V, 10, 11*), тогда как сами готы не получали во время похода наличные (*Dahn, 1866, S. 73, 74*; *Burns, 1984, p. 196, 254, 255, № 50*).

Если говорить в общем, то с образованием королевств в Италии и Испании военная организация готов претерпела трансформацию, связанную с наложением племенной структуры общества на позднеримскую военную структуру. В остроготской Италии система управления государством и организация армии были созданы по образцу римской центральной имперской. Теперь готы, получив во владение земельные участки,

были расселены в различных областях, вероятно, с не очень строгим соблюдением принципа племенного родства, согласно которому комплектовалось войско ранее. Они, по существу, теперь стали военными поселенцами, жившими среди римского населения. При этом сохранились и старые собственно готские военные институты: выбор короля-военного предводителя, наличие свиты с «пажами», принцип народа-войска и структура военной организации. Тысячники теперь возглавляли не родовой отряд, а подразделение, набранное с подчиненной им области, где в мирное время они выполняли также гражданские функции. В Италии римская военная традиция сохранилась в большей степени, нежели в провинциальной Испании. Были сохранены, по крайней мере номинально, дворцовые подразделения из римлян, военные фабрики и, по-видимому, государственные конные заводы. Готы переняли римские установления: выдачу им жалования-аннон и донативов перед походом, вооружение с государственных фабрик. В общем, военная организация королевства остроготов на конкретном примере показывает механизм формирования военной структуры варварского государства на основании синтеза римского и готского элементов.

Литература

Вольфрам Х., 2003. Готы: от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.

Дряхлов В. Н., 1993. Древнегерманская дружина по данным Аммиана Марцеллина // Античный вестник. Вып. I.

Контамин Ф., 2001. Война в Средние века / Пер. с франц. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.

Корсунский А. Р., 1965. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. № 3.

Barnish S. J. B., 1986. Taxation, Land and Barbarian Settlement in the Western Empire // Papers of the British School at Rome. Vol. 14. London.

Brunt P. A., 1975. Did Imperial Rome Disarm Her Subjects? // Phoenix. Vol. 29. Toronto.

Burns Th. S., 1980. The Ostrogoths: Kingship and Society. (Historia. Einzelschriften; Hf. 36). Wiesbaden.

Burns Th., 1984. A History of the Ostrogoths. Bloomington.

Dahn F., 1866. Die Könige der Germanen. Bd. III. Würzburg.

Dahn F., 1885. Die Könige der Germanen. Bd. VI. Leipzig.

Ensslin W., 1959. Theoderich der Grosse. München.

Frauenholz E., von., 1935. Das Heerwesen der germanischen Frühzeit, des Frankenreiches und des ritterlichen Zeitalters. (Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens; Bd. I). München.

Goffart W., 1980. Barbarians and Romans, A. D. 418—584: The Techniques of Accommondation. Princeton.

Halsall G., 2003. Warfare and Society in the Barbarian West, 450—900. (Warfare and History). London; New York.

Heath I., 1980. The Armies of the Dark Ages, 600—1066: Organisation, Tactics, Dress and Weapons. Worthing.

Heather P., 1996. The Goths. (The Peoples of Europe). Oxford.

Jones A. H. M., 1964. The Late Roman Empire, 284—602. Vol. II. Oxford.

King P. D., 1972. Law and Society in the Visigothic Kingdom. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought; 3rd Series. Vol. 5). Cambridge.

Liebeschütz W., 2006. Cities, Taxes, and the Accommodation of the Barbarians: The Theories of Durliat and Goffart // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. by Th. X. Noble. London; New York.

Maier G., 2005. Amtsträger und Herrscher in der Romania Gothica: Vergleichende Untersuchungen zu den Institutionen der ostgermanischen Völkerwanderungsreiche. (Historia. Einzelschriften; Hf. 181). Stuttgart.

Marini G., 1805. I papyri diplomatici. Roma.

McCormick M., 1986. Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambridge.

Mommsen Th., 1965. Ostgothische Studien // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. VI: Historische Schriften. Bd. III. Berlin; Dublin; Zürich.

Moorhead J., 1992. Theoderic in Italy. Oxford.

Muñoz Bolaños R., 2006. El ejército visigodo // Aproximación a la historia militar de España. Vol. I. Madrid.

Pérez Sánchez D., 1989. El ejército en la sociedad visigoda. (Acta Salmanticensia. Estudios historicos y geograficos; 57). Salamanca.

Sánchez-Albornoz C., 1970. El ejercito visigodo: Su protofeudalization // Investigaciones y documentos sobre instituciones hispanas. Santiago de Chile.

Schapiro M., 1979. Late Antique, Early Christian and Mediaeval Art. (Selected Papers; Vol. III). New York.

Schmidt L., 1969. Die Ostgermanen. München.

Southern P., Dixon K. R., 1996. The Late Roman Army. London.

Tjäder J.-O., 1982. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. (Acta Instituti Romani Regni Sueciae; Series 4. T. XIX.2). Bd. II. Lund.

Thompson E. A., 1969. The Goths in Spain. Oxford.

A. K. Nefjodkin

Militärische Organisation des Ostgotischen Königreichs vom Ende des 5. bis Mitte des 6. Jhs.

Mit dem Entstehen des Königreichs der Goten in Italien hat ihre militärische Organisation eine Transformation erlebt, was mit der Übertragung einer auf dem Stammesprinzip basierenden Gesellschaftsstruktur auf die spätrömische Militärstruktur zusammenhing.

Nun (besiedelten die Goten) wurden die Goten, als sie die Grundstücke in Besitz bekommen haben, in den unterschiedlichen Teilen des Landes angesiedelt. Sie wurden de facto zu den militanten Siedlern, die unter der alten römischen Bevölkerung gewohnt haben.

Auch die alten eigentlich gotischen Militärinstitutionen sind erhalten geblieben: die Wähle des König-Fürsten, das Vorhandensein einer Gefolgschaft mit Pagen, das Prinzip des Volks-Kriegsschars sowie die Struktur der Militärorganisation. Die Tausendführer haben nun nicht einen Sippenschar sondern eine Einheit aus den einberufenen Einwohnern der Region geleitet, in der sie in den Friedenszeiten auch zivile Funktionen ausgeführt hatten.

Es wurden, zumindest de juro die aus den eigentlichen Römern bestandenen Palace Garde, die Militärmanufakturen sowie allem nach zu urteilen die staatliche Gestüte bewahrt. Die Goten haben andererseits von den Römern das Bezahlen des regulären Jahresgelder (*annonae*) sowie donativa, das Benutzen in der staatlichen Manufakturen hergestellter Bewaffnung, sowie die Einberufung der römischen Bevölkerung in die Armee übernommen.

Einige Details bezüglich der Mobilmachung der Armee können dem von den Forschern wenig beachtetem Erlass von Theoderich von 508 n. Chr. entnommen werden (*Cassiod. Variae, I, 24*). Zusammenfassend kann auf dem konkreten Beispiel der militärischen Organisation des Königreichs der Ostgoten ein Entstehungsmechanismus von Militärstruktur eines barbarischen Staates, dem als Grundlage eine Synthese römischer und gotischer Elemente, gezeigt werden.

GERMANIA SARMATIA II

INSIGNIA · ACADEMIÆ · REGIOMONTANÆ

Пранас Куликаускас

В Кёнигсбергском университете (1938—1940 гг.). Воспоминания[1]

Вместо введения: Назначение государственной стипендии

Во время учебы в Университете им. Витаутаса Великого в Каунасе я изучал литовский язык, литературу и историю, а также работал в Музее культуры им. Витаутаса Великого. Тогда я и мечтать не мог о том, что когда-нибудь получу возможность отправиться за границу углубить свои знания по археологии. Неожиданная новость настигла меня в июле 1938 г. в Упите, в бывшей волости Науяместис Паневежисского района. Здесь я исследовал не известный ранее могильник неподалеку от Чичинского городища. Из 51 изученного комплекса погребальным инвентарем особенно выделялось погребение № 7. В этом двойном погребении были обнаружены захоронения мужчины и женщины. У мужских останков погребальный инвентарь не был найден, а захоронение женщины, напротив, сопровождалось различными предметами. В области шеи мы нашли серебряную гривну с ложечковидным креплением. С правой стороны груди располагались серебряная ажурная фибула круглой формы, железная игла, а на запястьях по 6 ленточных браслетов, в районе голеней — два ряда бронзовых спиралей, служивших, скорее всего, деталью украшения одежды. Такое богатое по инвентарю погребение не было известно в археологическом материале Литвы того времени.

Об этом неожиданном открытии я сообщил телеграммой др. Йонасу Пузинасу, который вместе с консерватором отдела археологии Пранасом Баленюнасом на следующий день приехал в Упите посмотреть объект и решить, что с ним делать дальше. Было решено изъять погребение в таком виде, чтобы оно могло быть помещено в строящейся экспозиции отдела Праистории, поскольку костные останки были в довольно хорошем состоянии. Оригинал погребения и теперь находится в фондах Военного музея им. Витаутаса Великого в Каунасе.

Это погребение было мастерски извлечено из земли и загипсовано консерватором П. Баленюнасом. В процессе работы над оригиналом погребения № 7 др. Й. Пузинас сообщил мне, что Министерство образования выделило стипендию на обучение археологии за границей. И что по этому вопросу, по возвращении с раскопок в Упите, я должен обратиться к директору департамента культуры Министерства образования Антанасу Юшке. Он все оформит и укажет, что мне нужно сделать. Новость, сообщенная Й. Пузинасом, была для меня по-настоящему неожиданной.

[1] Печатается с некоторыми сокращениями по тексту: Kulikauskas P. Karaliaučiaus universitete 1938—1940 m. (prisiminimai iš studijų laikų Karaliaučiaus universitete) / / Lietuvos archeologija. 24. Vilnius, 2003. Стилистика текста и особенности языка автора сохранены в максимальной близости к оригиналу.

GERMANICA ET BALTICA II

Ранее об этом с др. Й. Пузинасом не велось никаких разговоров. По-видимому, он решил сделать мне сюрприз

Я удивился. Однако поверьте, читатели, большей радостью для меня была находка погребения № 7, нежели новость о стипендии.

Завершив исследования, подготовив отчет и передав находки в отдел Праистории, следовало готовиться к поездке за границу. Нужно было определиться, куда ехать — в университет Варшавы, Стокгольма либо в Германию. Все зависело от руководства Музея культуры и др. Й. Пузинаса. В 1938 г. первый раз в независимой Литве в музее была сооружена и открыта системная и довольно современная экспозиция, посвященная Праистории. В открытии участвовали президент Литвы А. Сметона, министры и другие уважаемые гости. Экспозицию подготовил др. Й. Пузинас. Я инвентаризировал все экспонаты, а П. Баленюнас мастерски выполнил монтажные работы. За создание этой экспозиции др. Й. Пузинас был награжден орденом Гедеминаса.

Экспозиция пользовалась большой популярностью. Ознакомиться с ней приезжали и гости из-за границы. Ранней весной 1938 г. поработать с археологическими материалами Литвы и экспозицией прибыл ректор Варшавского университета, археолог проф. Ежи Антоневич. В своих научных работах он немало писал и об археологии Литвы (Archeologija Polski; Wilno i ziemia Wilenska и др.). Др. Й. Пузинас познакомил нас с ним и договорился о приеме меня в университете Варшавы. Однако произошел неожиданный поворот событий, когда в том же 1938 г. в Каунас познакомиться с археологическими материалами Литвы прибыли студенты-археологи Кенигсбергского университета во главе с проф. др. Болко Фрейхер фон Рихтхофеном.

Фон Рихтхофен был известнейшим археологом Германии и работал в то время в Кенигсбергском университете. Во время разговора с др. Й. Пузинасом мне было предложено поехать в университет Кенигсберга. Профессор Рихтхофен сказал: «Зачем посылать его в Варшаву либо Стокгольм, если лучше всего изучать археологию в Кенигсбергском университете. Пусть прниезжает к нам, ведь прусский археологический материал такой же, как и в Литве». Др. Й. Пузинасу предложение понравилось, и он распорядился послать меня в Кенигсбергский университет.

Кандидаты на поездку за границу избирались департаментом культуры Министерства образования. Кандидатов рекомендовали научные учреждения или профессора. Я получил рекомендацию от Музея культуры им. Витаутаса Великого и др. Й. Пузинаса.

Министерство образования обучающимся за рубежом выделяло по 300 лит в месяц и еще 1000 лит в год на дорожные затраты и покупку книг. При этом стипендиата ставили перед определенным условием. Выезжающий за рубеж должен был подписать обязательство, что полученную сумму денег после обучения, получив работу, должен будет вернуть, но не сразу, а в течение нескольких лет, с вычетом определенной доли из заработной платы. Кроме того стипендиат должен был подписать обязательство, что не женится на иностранке и в общем — не будет жениться во время обучения.

Стипендиаты, куда бы ни направлялись, бесплатно получали визу страны назначения. Этим воспользовался и я. Консульство Германии в Каунасе выдало мне бесплатную учебную визу и позволило приобрести марки по меньшей цене. Официальный курс марки тогда был около 2,5 лит, а студентам разрешалось покупать так называемую дорожную марку (Reisemark) по 1,5 лит. С этой целью на определенную сумму выписывалось специальное свидетельство. Бумажную немецкую марку было запрещено ввозить в Германию. Если тебя ловили, мог попрощаться с въездом в страну, и кроме того в этом случае заключали под арест и судили. В этом плане законодательство было очень строгим, но к счастью, немецкие пограничники никогда не проверяли студентов. Проверяли только литовские пограничники. Немцам было достаточно сказать «student» и предоставить книжку дорожных марок.

Учебные занятия в немецких университетах начинались не 1 сентября, а 1 октября. Поэтому в конце августа 1938 г. я выехал в Кенигсберг. В то время между Каунасом и Кенигсбергом курсировал пассажирский поезд. Первую приятную неожиданность пришлось пережить еще на железнодорожном вокзале Каунаса. Я очень удивился, когда на станцию проводить меня пришли др.

Й. Пузинас и студенты-историки Й. Валантинас и В. Трумпа. Кстати, билеты на поезд для студентов были дешевле. Министерство образования выдавало специальное удостоверение с фотокарточкой, которое я храню до сих пор.

В Кенигсберг я ехал с волнением, поскольку немецкий язык я знал ровно настолько, насколько выучил в Алитусской гимназии и университете, посещая лекции по языкознанию, которые вел ассистент Штудер. Уже будучи в Кенигсберге, я понял, что еще в гимназии немецкий язык и другие предметы можно было выучить гораздо лучше, но никто из учителей не научил, как нужно учиться. В гимназии было довольно и того, чтобы не получить двойку и перейти из одного класса в следующий.

Уже сидя в поезде, по дороге в Кенигсберг пришлось увидеть много нового. Проехав Вирбалис, сразу же перед глазами появились ухоженные поля и кирпичные усадьбы, крытые красной черепицей. Литва в то время была еще с покрытыми мхом камышовыми крышами, и лишь избы зажиточных хозяев были покрыты деревянной дранкой. Большинство построек крылось сеном или даже камышом.

Страшно стало на кенигсбергском железнодорожном вокзале. Чужая среда, чужие люди. Еще в Каунасе мне было сказано, что на вокзале есть накопительная касса (Sparkasse), где я смогу обменять чеки дорожных марок на реальные марки. Работник кассы, насколько я понял, обругал меня, что марки нужно было покупать по официальному курсу. Он успокоился лишь тогда, когда я сказал ему «student», и после обменял.

Наше Министерство иностранных дел предоставило адрес одной женщины, проживающей в Кенигсберге, с указанием номера трамвая, которым я мог бы до нее добраться. Правда, мне не указали, сколько нужно было проехать остановок. Др. Й. Пузинас составил мне список обязательных предложений на немецком языке, о том, что и как спросить, как себя вести. Я спросил женщину старше меня, где нужно выйти. Мне вежливо объяснили. До Кенигсберга мне не приходилось видеть трамваев. Поскольку гостиницы были довольно дороги, служащие министерства иностранных дел более низкого ранга останавливались у той немки, и она всех радушно принимала. Кроме того она была из Лабиау и говорила по-литовски. Эта женщина проживала на улице Am Flüss в доме госпожи Шульц. Квартира была небольшой, две комнаты и третья — меньшая, у кухни, по-видимому, предназначалась для служанки. Ее звали госпожа Вессель (Wessel). Она жила не одна. Вместе с ней проживали взрослая дочь Гретхен и юная родственница Ева.

Госпожа Вессель встретила меня учтиво, поинтересовавшись только, кто мне ее порекомендовал. Я сказал. В комнате для гостей я прожил несколько недель, пока студенты-археологи, которые приезжали в Каунас, не нашли мне комнату. С госпожой Вессель мы подружились, и несмотря на ее почтенный возраст, хорошо понимали друг друга по-литовски.

Госпожа Вессель меня и кормила. Очень вкусными были подаваемые к ужину картофельное рагу с Maggi (это такая приправа) и колбаски. Обедали мы вчетвером за столом в гостьевой комнате. Так как я не знал немецких обычаев, не обходилось и без недоразумений. Меня в Каунасе учили, что, обедая в гостях, нужно оставить в тарелке ложечку супа либо кусочек второго блюда, чтобы не казалось, что тебе слишком мало. Немцы все съедали начисто. Один раз я сказал Еве, что «du esst wie die Katze»[2]. Она пожаловалась госпоже Вессель, и мне пришлось извиниться.

С госпожой Вессель мы ходили в кафе, платил я. Она считала меня богатым, поскольку только сын богатых родителей мог учиться за границей. Она не понимала, что это значит — получить государственную стипендию.

С самим Кенигсбергом меня познакомила ее дочь Гретхен. Также она познакомила меня со своими подругами, которые также присоединялись к нашим прогулкам либо посиделкам в кафе за чашечкой кофе. Однажды госпожа Вессель и ее дочь решили, что раз все немецкие студенты носят кольца, то и я должен его носить, чтобы не казаться бедняком. Мы пришли в ювелирный магазин, и они купили мне кольцо, носить которое я стеснялся. У нас такого обычая не было.

Нужно было выполнить и ряд формальностей: зарегистрироваться в полиции, представиться нашему консулу.

[2] Ты ешь, как кошка. — *прим. пер.*

У госпожи Вессель я жил недолго. Археологи из университета быстро нашли мне квартиру неподалеку от него. Названия улицы не помню. Квартира немки была у самой тюрьмы. Из своей комнаты ночами я слышал женские стоны и крики. Наверное, во время следствия там применяли пытки и побои. Надолго здесь я не задержался. Причин тому было несколько. Во-первых, стены комнаты были обвешаны фотографиями с «обнаженкой». Моим коллегам это не понравилось. Кроме того я учил литовскому языку археолога др. Лотара Килиана, а он меня — немецкому. Один раз он задержался, а было уже больше 10 часов вечера. В мою комнату вошла хозяйка, которая и без того была несимпатичной, и сказала: «Besuch bis Zehn»[3]. Иначе говоря, дала понять, что мы ей мешаем. Л. Килиан разозлился и посоветовал мне, чтобы я не оставался жить у нее. Он нашел мне другую комнату на ул. Tragheimer Kirchen, 18, у господ Шинков (Schink). У них было три комнаты. Они жили втроем: г-жа Шинк, ее муж и их дочь, которая в то время была уже замужем за моряком и ждала ребенка. Эти люди были крайне любезными и услужливыми. Господин Шинк работал где-то в торговле, жена и дочь хозяйничали по дому, а муж последней ходил в море.

У дочери случилось несчастье — ребенок родился мертвым. Поэтому и она, и ее семья очень переживали. Случилось так, что в это время в Кенигсберг приехал научный секретарь Музея культуры им. Витаутаса Великого — музыковед Викторас Купрявичус вместе с женой. Он посетил меня с целью одолжить марок. В моей комнате стояло пианино. И не успел я проинформировать его о случившемся в семье несчастье, как он ринулся к пианино и стал громко играть. В это время вошла г-жа Шинк и попросила больше не шуметь. Только тогда я объяснил Купрявичусу, что произошло. Он, разумеется, перестал играть и быстро ушел.

Все эти мелочи я рассказываю для того, чтобы читатели знали, в каких условиях я жил в Кенигсберге.

Должен сказать, г-жа Шинк была ярой «гитлеристкой» и уверяла меня, что Гитлер спас Германию, которая после войны страдала от упадка и даже голода. Будто бы Гитлер дал людям работу, прокладывал дороги, строил мосты, здания. А ее муж, напротив — был противником Гитлера. Он часто после работы заходил ко мне и рассказывал, как немцы недовольны, живут в нужде, и хотя молчат, но в кармане держат фигу Гитлеру. Что они вынуждены молчать. Как только жена Шинка чувствовала, что муж рассказывает мне такие вещи, велела мне не мешать и идти в свою комнату. И уходя, он все же добавлял: «So, so ist die Sache aber wir müssen stil werden»[4].

В общем же, на улице Tragheimer Kirchen было довольно спокойно, лишь со сна поднимали торговки рыбой, которые орали во всю глотку «Dorsch, Dorsch!»[5] Для меня было новостью и то, что молоко ставят утром у дверей, и жителям не нужно было идти за ним в магазин.

Позже по причине изменившихся обстоятельств я жил у нашего консула, потом — в интернате и, в конце концов, — в Познани. Об этом позже.

Первые шаги в университете

Главное здание университета, в котором уместилась вся учебная администрация и также филологический факультет, находилось в самом центре города (***рис. 1***), на Театральной площади (Teaterplatz)[6]. В центре площади стояло огромное здание театра, а по краям площади — здания различных учреждений и магазинов. Одним из самых известных зданий на краю Театральной площади была постройка лучшей в Кенигсберге гостиницы Grand Hotel или Park Hotel[7]. На другом краю площади расположился и Археологический семинар (Seminar für Früh und Vorgeschichte). Напротив центрального здания университета стоял огромный памятник королю Вильгельму или канцлеру Бисмарку[8]. Конная фигура располагалась на высоком пьедестале. Памятник был темного цвета.

[3] Приходите до десяти. — *прим. пер.*

[4] Да, да, все это так, но мы должны молчать. — *прим пер.*

[5] Треска, треска! — *прим. пер.*

[6] Paradenplatz. — *прим. пер.*

[7] Park Hotel (Парк-Отель) — гостиница, построенная по проекту Г. Хоппа в 1929 г., являлась самой современной и фешенебельной в Кенигсберге. — *прим. пер.*

[8] Памятник Фридриху Вильгельму III (1770—1840). — *прим. пер.*

GERMANISTIKA II

***Рис. 1.* Вид на главное здание университета.** В середине на заднем плане — здание семинаров, справа — городской театр. 1910—1920-е годы

***Abb. 1.* Blick auf das Hauptgebäude der Universität.** Im Hintergrund in der Mitte – Seminargebäude, rechts – Stadttheater. 1910–1920 Jahre

Сначала на факультете нужно было зарегистрироваться, оплатить обучение и получить учебную книжку и студенческое удостоверение (Ausweiskarte) с фотографией, в котором были отмечены год рождения и домашний адрес (***рис. 2***). Каждый семестр удостоверение нужно было заново регистрировать. По причине ограниченного знания немецкого языка я никогда бы один не справился с этими процедурами. Здесь мне все помог оформить археолог абсольвент, который приезжал раньше в Каунас, — Берент фон цур Мюлен. Он был немцем из Эстонии, крайне обходительным и услужливым. Именно Б. фон цур Мюлен помог мне заполнить все формы, познакомил меня с ходом учебных занятий, библиотекой семинара и археологическими коллекциями. В общем, он вел все мои дела. За это я ему очень благодарен.

Археологический семинар имел 4 комнаты: канцелярию, читальный зал, библиотеку и комнату археологических коллекций, в которой хранилось множество различных предметов с могильников Клайпедского края.

Перед поступлением нужно было заполнить личную анкету, в которой были указаны выбранная специальность, личные данные, указана страна, из которой прибыл, и даже вероисповедание.

В Кенигсбергском университете обучалось много иностранцев. Некоторые из них были из Прибалтики, особенно латышские и эстонские немцы, а также из других городов Восточной Пруссии и Германии. Позже консул познакомил меня с одной студенткой из Парижа. Были также студенты-немцы и из Клайпеды. С одним из них мы встречались, он посещал меня в университете и хорошо говорил по-литовски.

Условия обучения в Кенигсбергском университете были неплохими. У студентов были свой спортзал, столовая-кофейня и даже бассейн. Вход в бассейн был бесплатным, нужно было лишь предъявить студенческое удостоверение.

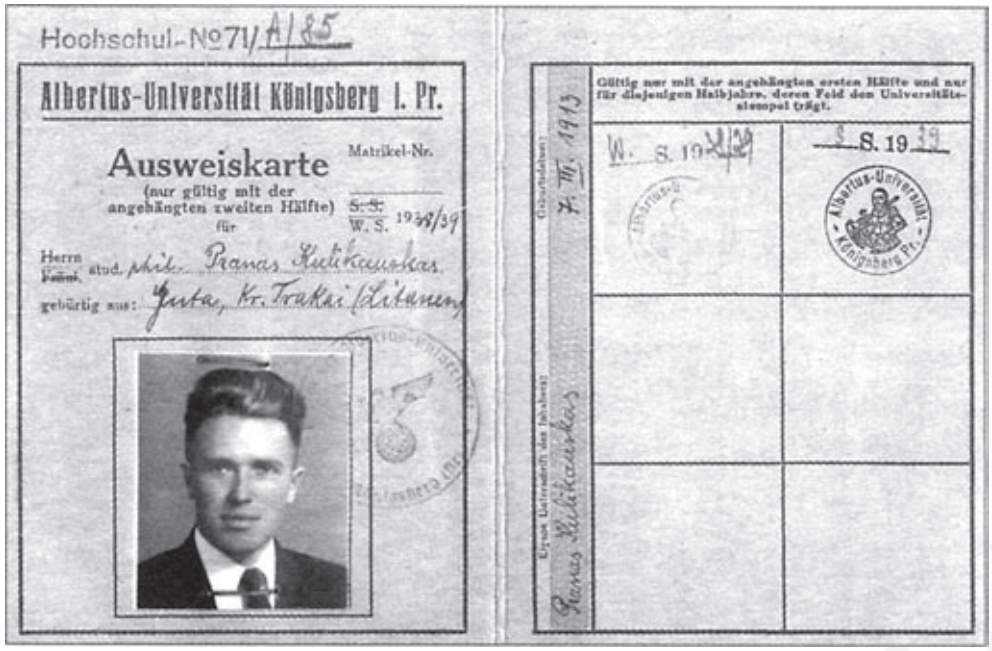

Рис. 2. **Внутренняя сторона студенческого билета Кенигсбергского университета, принадлежавшего автору** (по: *Kulikauskas 2003, pav. 2*)

Abb. 2. **Innenseite des dem Autor gehörenden Studentenausweises der Universität Königsberg**

Для студентов-иностранцев каждую неделю организовывались экскурсии по городу, музеям и приморским курортам. Часто археологи сами отправлялись в Кранц либо Раушен. Мне особенно понравилось в Раушене. Необыкновенно красивая природа, много зелени, аккуратные домики с цветочными садиками, красивое и чистое море, где пришлось не только искупаться, но и пособирать янтарь. Здесь его было много. Один раз я получил приглашение посетить католического священника. А по субботам мне присылали приглашение принять участие в воскресных службах.

Кенигсберг был красивым, чистым и аккуратным городом, окруженным валами, военными бункерами, со специальными прогулочными дорожками и смотровыми площадками. Во время войны многое было разрушено, бункеры были залиты водой и стали недоступными, за исключением одного, куда пускают туристов[9].

Однажды мой сокурсник Зигфрид Шмадке (Siegfried Schamadke) пригласил меня к себе в Морунген (Mohrungen). И здесь не обошлось без недоразумения. Зигфрид не успел предупредить меня, что его отец — епископ лютеран-евангелистов, и не рассказал об обычаях своей семьи. На железнодорожной станции нас встретил сам епископ, приехав на личном автомобиле. Он показал церковь, дом и город. Это было уже после захвата немцами Клайпеды, поэтому меня угощали и литовскими конфетами. У обеденного стола собирались все члены семьи. После ужина первого дня я встал и, как у нас принято, поблагодарил раньше, чем другие. Никакого ответа не последовало. И только когда все поели, все встали, взялись за руки и одним голосом произнесли благодарность.

На другой день епископ привез нас к озеру, где на острове располагалась его дача. На озере мы плавали на лодке, рыбачили, но улов был небольшим. Забравшись на довольно высокий берег озера, я обнаружил поселение, где собрал немало осколков сосудов и позвал Зигфрида. По возвращении в Кенигсберг мы принесли черепки проф. Ла Бому, который очень обрадовался и подарил

[9] «Блиндаж — бункер Ляша» — бункер на бывшей Театральной площади, построенный в феврале 1945 г. Здесь 9 апреля 1945 г. военным комендантом О. Ляшем была принята капитуляция военного гарнизона Кенигсберга. Ныне филиал Калининградского областного историко-художественного музея. — *прим. пер.*

нам выпуски Landesamt für Vorgeschishte. Ранее это поселение не было известно.

Ход обучения

По преподаваемым предметам читались лекции, проводились семинары, посещались экспозиции и осматривались собрания фондов музея «Пруссия».

Вводный курс археологии, так называемые «Основы археологии», читал Х. Янсен, а проф. фон Рихтхофен вел семинары и читал специальные курсы, такие как «Археология Европы», «Славяно-русская археология» и др.

Поступая на археологию, нужно было выбрать три специализации: общую археологию и вспомогательные — антропологию, балтийские языки и классическую археологию. Я выбрал антропологию и балтийские языки.

На семинар по классической археологии мы ходили довольно часто. Им руководил проф. Мейер. Имени не знаю. Семинар проходил далеко от центра города.

Курс «Основы археологии» или же «Введение» читал ассистент семинара Х. Янсен. Лекции Х. Янсена собирали немало слушателей. Несмотря на то, что он был только ассистентом и довольно молод, студенты звали его Herr Professor. Он также не скрывал свои националистические взгляды (позже мне рассказали, что он работает с Гитлерюгендом).

Придя на следующий день на лекцию, Х. Янсен любил спрашивать студентов, таким образом проверяя, как мы усвоили изучаемый предмет. Часто спрашивал и меня. Пока я плохо говорил по-немецки, я лишь стоял и молчал. Не услышав от меня никакого ответа, он велел садиться. Так он представлял меня аудитории и рекомендовал быстрее выучить немецкий язык. Только спустя две недели я достаточно понял преподаваемый им курс и уже знал, о чем шла речь. Со студентами Х. Янсен был довольно дружелюбным и общительным.

Проф. Болко Фрейхер фон Рихтхофен был немецким дворянином. Freiherr значит «барон». На его лекции и практические занятия собирались все археологи. Перед началом лекции секретарша семинара подготавливала для него все необходимое для выступления — иллюстрации, литературу.

В аудитории всегда было темно, поскольку профессор посредством эпидеоскопа демонстрировал иллюстрации и литературу по вопросу. В то время между немецкими и польскими археологами шел горячий диспут о границах расселения славян. Польский археолог Юзеф Костржевски (Juzef Kostrzewski) продемонстрировал, что уже в бронзовом веке на землях Берлина, Бранденбурга и Мекленбурга жили предки славян. Проф. Рихтхофену такого рода суждения казались смешными, и он пояснял нам, что в то время на упомянутых территориях проживали не предки славян, а лягушки. Так как славянские племена сформировались только в середине нашей эры. Поляки пытались присвоить себе так называемую лужицкую культуру (Lausitzer Kultur, Kultūra Lužytcka). Относительно этнической принадлежности носителей этой культуры можно услышать различные мнения и сегодня.

Во время археологических семинаров проф. Рихтхофен пошучивал и надо мной. Он приносил какой-нибудь из томов «Советской археологии» и велел мне читать по-русски и переводить на немецкий язык. В то время я не умел читать по-русски. Он ждал-ждал и в конце концов произносил: «Этот господин знает больше, чем нам кажется». Мне было очень неловко, хотя я и пытался читать по слогам. Стыдно было перед коллегами студентами. В общем я быстро понял, что немецкие студенты были лучше образованы, в гимназии они получали больше знаний, нежели мы в своих гимназиях.

Во время прослушивания лекций проф. Рихтхофена я обратил внимание на новое и неожиданное поведение студентов. Во время лекций, в случае если студентам нравились утверждения профессора, они стучали кулаками по скамьям, а если не были согласны с его доводами — топали ногами по полу. В нашем университете такого обычая не было. Проф. Рихтхофен был известным немецким археологом. Многие немецкие университеты приглашали его читать лекции. В Германии было заведено, что если какой-либо известный профессор в том или ином семестре читал лекции в университете Берлина или Гейдельберга, студенты ехали на этот семестр слушать его лекции в тот или иной университет. Завершившим обучение выдавалось удостоверение о том, что они посещали те или

иные курсы, но это не означало, что они посещали несколько университетов.

Основной курс антропологии читал известный немецкий профессор — Лефер. Его лекции посещали даже случайные слушатели из города. Читать лекции по антропологии его приглашало и множество других германский университетов. Он широко славился своими знаниями, как и наш профессор Карсавин.

Один раз послушать его лекции пожелали жены нашего и польского консулов. Я спросил согласия проф. Лефера. Профессор любезно согласился. Помню, что на той лекции профессор рассказывал о приматах и их дальнейшей эволюции. Практические работы по антропологии велись под руководством проф. Перрета. На занятиях мы знакомились с устройством человеческого скелета, с антропологическим измерением частей тела и черепа, вынимали модели различных частей человеческого тела. Все это мы выполняли с большим удовольствием.

В 1939 г. из гроба-саркофага для антропологических исследований был изъят череп философа Иммануила Канта. Проф. Перрет рассказал об особенностях черепа и позволил нам всем подержать и осмотреть череп Канта. Это был хорошо сохранившийся череп старого человека. Позже его вернули в мавзолей, где останки философа хранятся и теперь у знаменитого Кенигсбергского собора.

Проф. Перрет был очень приятным человеком, любил общаться со студентами. Когда я жил и работал в Познани, я получил от него несколько писем. Чаще всего он просил прислать что-нибудь из продуктов питания, особенно сахар, который в Познани продавался свободно, без талонов.

Курсы по балтистике вел тогда еще ассистент Виктор Фалкенхан, хорошо известный нашим языковедам специалист по балтийским языкам. Он был крайне учтивым человеком и любил общаться со студентами. В. Фалкенхан прекрасно говорил по-литовски, он посещал перед войной Вильнюс, хорошо знал его архитектуру, а его первой женой была вильнюсская полька.

С ним мы множество раз встречались в книжном магазине Gräffe und Unzer. Это был самый большой книжный магазин в Кенигсберге, в котором бывало много литературы по археологии. Большое количество приобретенных там книг сохранилось у меня до сих пор[10].

Один раз мы вышли из книжного, остановились неподалеку от входа и стали говорить по-литовски. Он много спрашивал о Литве и Вильнюсе. Во время разговора я заметил, что он стал оглядываться и в конце концов произнес: «Говори по-немецки, за нами следят». Я спросил его тогда, почему в Кенигсберге не очень любят литовцев. И г-н Фалкенхан ответил мне, что жителям Пруссии нужно показывать, что они являются *echte* (настоящими) немцами. Настоящему немцу доказывать, что он немец не нужно. На самом деле, во время моего пребывания в Кенигсберге у большинства магазинов весели вывески, ясно указывающие на литовское происхождение его владельца: Gerulait, Paleikait, Viksvat и мн. др.

После войны В. Фалкенхат стал профессором, ректором Грейфсвальдского университета, позже — профессором Берлинского университета. Проживая в Берлине, уже в советское время он посещал Литву.

В Вильнюсе для него была организована специальная встреча с преподователями. Во время встречи мы оба вспоминали Кенигсбергский университет и наше знакомство. Во время обучения в Кенигсбергском университете отношения между студентами и преподавателями показались мне довольно дружественными. Профессора и ассистенты не стеснялись ходить со студентами в какое-нибудь кафе. Почти что каждую субботу мы все ходили в так называемую Kneipe — кафе. Во время посиделок происходили дискуссии и на археологические темы. Помню, как один раз Лотар Килиан и Берент фон цур Мюлен дискутировали на тему датировки подковообразных браслетов (фибул? — *прим. пер.*) с расширяющимися концами. Кроме закусок во время вечеринок не обходились и без выпивки. Немцы любили мешать пиво, вино и ликер.

[10] Книжное издательство «Графе унд Унцер» было основано в Кенигсберге Готфридом Эккартом в 1722 г. В 1927 г. в Кенигсберге на Параден Платц открылся одноименный книжный магазин, один из самых больших и современных в Европе. Здание магазина сильно пострадало в результате бомбардировок союзниками центра Кенигсберга в августе 1944 г. В 1946 г. издательство переехало в Мюнхен.

Слегка опьянев, они заказывали у кельнера открытки и писали юмористические послания студентам других университетов, а все должны были их подписать. Этот обычай был очень распространенным среди студентов. Я старался избегать таких вечеринок. Пробовал спрятаться, чтобы меня не нашли дома. Уходил в музеи либо прогуляться, но меня все равно находили и уволакивали в «кнайпе». До поездки в Кенигсберг я не был знаком с алкогольными напитками. Первый раз я попробовал вино из Аникшчая, будучи в седьмом классе гимназии. Тогда в Алитуес был открыт магазин Аникшчайских вин, и многие заинтересовались вкусом того вина. Соблазнились и мы, семиклассники. Скинувшись по несколько десятков центов, мы купили пару бутылок вина и там же, в магазине, выпили. Мой желудок не был толерантен к алкоголю. Позже коллеги студенты в этом убедились и не заставляли меня лишний раз поднимать бокал и говорить друг другу «Prosit».

Иногда, чаще по воскресеньям, Лотар Килиан приглашал близких друзей в свой сад в пригороде. Уже тогда многие городские жители имели такие сады. Л. Килиан угащал кофе и сладостями. Говорили, что у его родителей была своя пекарня.

Организовывались и коллективные выезды. Одно такое и сегодня незабываемое путешествие состоялось на съезд немецких археологов в Киле.

Всеобщий съезд немецких археологов — Tagung — состоялся весной 1939 г. в здании Кильского университета. Участвовать в нем были приглашены и археологи Кенигсбергского университета. Должен сказать, что эта поездка дала мне много археологических знаний, а также была прекрасным поводом ознакомиться с методикой полевых исследований.

Инициатором съезда немецких археологов был университет в Киле. Организатором и руководителем являлся др. проф. Вальтер Вюст. Съезд получил название «Наследие предков» (Das Ahnenerbe). Он проходил с 30 мая по 19 июня. Первая неделя была посвящена теоретическим вопросам. Читались лекции и проходили дискуссии по различным тематикам. Их читали известнейшие немецкие археологи того времени. Организовывались экскурсии в музеи, по памятным для немцев местам и по городу.

После недели лекций была организована поездка по северу Германии и, в частности, по археологическим памятникам Шлезвига-Гольштейна и их раскопкам. Также посещались музеи тех местностей, через которые мы проезжали, или там, где мы ночевали. Путешествовали на поездах и автобусах. Если мы куда-то прибывали на поезде, на станциях нас уже ждали автобусы. Немецкий порядок был образцовым.

Из Кенигсберга в Киль мы прибыли на пароходе. Из порта Пиллау мы вышли на корабле Danzig. Фотографию корабля и расписание я сохранил до сих пор. Я первый раз плыл на корабле по Балтийскому морю. Шел конец мая 1939 г. Погода стояла чудесная, спокойная, солнечная. Вырвавшись из города, мы все время старались проводить на палубе, интересно было наблюдать за морем, жариться на солнышке. Из-за чего я сильно пострадал. У всех нас сгорели лица, особенно у меня. После этого я несколько дней был вынужден лечить ожоги. Никто не предупредил, что нельзя быть на солнце так долго. Так приятно было сидеть на палубе в кресле-качалке.

В каютах нас расселили по двое. Моим соседом был З. Шмадке. Путешествие нас сблизило, и мы оставались друзьями до его мобилизации на фронт.

Вечером, когда солнце стало садиться, я заметил, что нос корабля то поднимается, то опускается. Мы поняли, что корабль стало качать. Сначала было интересно наблюдать за тем, как солнце то появлялось, то исчезало. Нас предупредили, что от качки может начать тошнить, и посоветовали пойти полежать в каюту. Так мы с Зигфридом и поступили, избежав таким образом неприятностей.

Из порта Пиллау мы вышли днем и достигли Киля утром следующего дня. В порту нас встретил представитель организаторов съезда. На автобусе мы направились в гостиницу, где нас также расселили по двое.

После лекций мы компанией ходили на прогулки по городу. Интересно было наблюдать за прохожими. Заходили и в книжные магазины. В городе было много моряков, непринужденно обнимающих девушек в скверах.

Все участвовавшие в съезде каждый день должны были регистрироваться. В первый день мы получили специальные удостоверения,

Ahnenerbe-Germanenkunde

TEILNEHMER-AUSWEIS

Jahrestagung 1939 zu Kiel

der Forschungs- und Lehrgemeinschaft

„Das Ahnenerbe"

Name: P. Kulikauskas

Anschrift: Königsberg Pr., Seminar für Vor- und Frühgeschichte, Theaterplatz 5.

***Рис. 3.* Удостоверение участника археологического съезда в Киле** (по: *Kulikauskas 2003, pav. 6*)

***Abb. 3.* Teilnehmerausweis des archäologischen Kongresses in Kiel**

Wikinger-Sibel

aus Haithabu

Merkbuch

für die Jahrestagung

der Forschungs- und Lehrgemeinschaft

»DAS AHNENERBE«

Kiel 1939

***Рис. 4.* Программа участника археологического съезда в Киле** (по: *Kulikauskas 2003, pav. 7*)

***Abb. 4.* Teilnehmerprogramm des archäologischen Kongresses in Kiel**

подтверждавшие, что мы являемся участниками съезда, программу докладов и по копии трехлепестковой фибулы эпохи викингов, которую пристегивали к отвороту (***рис. 3; 4***). Оригинал этой фибулы был найден на знаменитом поселении викингов в Хэдебю (Haithabu). Позже мы посетили раскопки этого памятника.

Наиболее интересная экскурсия проходила на границе с Данией в земле Шлезвиг-Гольштейн. Мы посетили практически всю окраину побережья Шлезвига-Гольштейна, очень богатую археологическими памятниками. Все происходило по заранее предусмотренной программе, которая была выдана всем участникам. Был предусмотрен график, программа называлась Fahrten. Некоторые буклеты сохранились у меня до сих пор. Специально для участников поездки были подготовлены археологические раскопки. Появилась возможность познакомиться с различными методами исследований.

Это были исследования старых дорог, поселений, городищ, грунтовых могильников с ингумациями и кремациями, а также курганов. Перед глазами предстали прекрасно препарированные объекты, обнаруженные в ходе археологических раскопок. Поселения, городища и погребальные памятники исследовались большими площадями, между которыми оставлялись контрольные линии. Урны из погребений по обряду кремации оставлялись на земляном попе, их можно было осмотреть со всех сторон. Новостью были поперечные разрезы старых дорог. Было видно даже старые колеи.

Очень большое впечатление оставил огромный купольный курган, исследованный на острове Зилт (Sylt), принадлежавший хорошо известной археологам группе мегалитических погребений. Курган был сложен из огромных камней. Буклет, посвященный одному такому кургану, я сохранил до сих пор.

Посещенные нами купольные мегалитические курганы находятся в западной части побережья Шлезвига-Гольштейна, неподалеку от города Итцех (Itzehoe) в округе Штайнбург (Steinburg). Здесь сохранились три купольных кургана, в которых были найдены останки мужчин, женщин и детей с погребальным инвентарем. Они исследовались немецкими археологами в 1937—1938 гг. Было открыто 10 погребений, датированных

1600—1200 гг. до н. э. В самой большой постройке были обнаружены захоронения в несколько уровней. Покойники лежали в деревянных гробах. В середине самого большого кургана был погребен мужчина. Его останки находились на каменном возвышении и были окружены каменным венцом диаметром 12,5 м.

Женские погребения имели каменные венцы меньшего размера, около 7,5 м. Детские погребения были проще и не обкладывались каменными венцами. У останков одной девочки сохранились плетеные ленты с фрагментами кисточек. Интересно, что вокруг одного из купольных курганов были сооружены человеческие фигуры с полной реконструкцией убора того периода.

В одно реконструированное погребение пускали по 12 человек. Все свободно помещались и могли посидеть на каменной скамейке у стены.

Оказавшись внутри кургана, испытываешь непередаваемые ощущения. Интересно, что погребения были сооружены с большой тщательностью. Камни плотно укладывались ровными сторонами внутрь погребальной камеры. Такие курганы строились из огромных камней. Как же нужно было потрудиться для их создания обществу того времени!

Территория купольных курганов была окружена колючей проволокой, поскольку относилась к военным частям. По предъявлении карточки участников съезда мы были пропущены. Нам также разрешили пройти к необычайно высокому и обрывистому морскому берегу. Стоя на его краю, море и пролетающие самолеты мы видели сверху.

Крайне интересным показался музей города Итцехо. Это был специальный музей реконструкции археологических орудий и объектов, который произвел на меня большое впечатление. Здесь можно было увидеть весь процесс изготовления предметов тех лет и другие предметы, а также восстановленные ткацкие станки и многое другое.

Сам город был небольшим. Помню обочины тротуаров, усаженные деревьями цветущими красными цветками. Это была пора кульминации их цветения.

Из Итцехо мы выехали в Шлезвиг, последний город нашей поездки. Здесь все внимание было приковано к исследованиям поселения Хедебю. Были открыты останки деревянных мостовых и деревянных конструкций, самых знаменитых в Германии. Это напомнило мне исследования Бискупина в Польше.

Нужно отметить, что в каждом городе, где мы ночевали, вечером на приеме всех участников приветствовал бургомистр. Он приветствовал каждого из участников лично, а мы в свою очередь говорили из какого города и университета приехали. После этого были угощения — бутерброды с сыром, колбасой или ветчиной и вино, которого порой было слишком много.

Осмотрев Хедебю и переночевав в Шлезвиге, поездом и морем мы вернулись в Кенигсберг. По дороге мы посетили Гамбург, Берлин, Гдыню и Данциг.

В Любеке нам показали самый старый собор и богадельню, расположившуюся в одной брошенной церкви.

Гдыню и ее приморский порт окружала очень красивая природа. Первый раз я познакомился с архитектурой Данцига. Все время в путешествии меня сопровождали Беренд фон цур Мюлен и другие коллеги.

Во время той поездки я познакомился со многими известными археологами. Здесь впервые я встретился со всем археологам Литвы известными восточнопрусскими археологами Карлом Энгелем, Гербертом Янкуном, Петерсоном, Рейнеке и др. Имена последних не помню.

С Карлом Энгелем еще раз довелось встретиться уже по возвращении в Литву. Мы осмотрели экспозицию Каунасского музея им. Витаутаса Великого. К. Энгель тогда был назначен исполняющим обязанности Рейха по музеям и делам культуры. Прощаясь, он пообещал свою поддержку, если она потребуется. Этим воспользоваться не пришлось.

Участники Археологического семинара собирались в непродолжительные путешествия и по Восточной Пруссии. Один из таких интересных выездов был организован на знаменитые курганы в Вискяутене. Археологи знают, что сам памятник был исследован, но где-то в округе находящееся поселение неизвестно. Проф. Рихтхофен даже пошутил однажды, сказав, что тому из нас, кто найдет древнее поселение викингов у Вискяутена, он поставит бутылку шампанского. К сожалению, это поселение не найдено до сих пор. В поездке

также участвовал и эмерит Фойгтман, который был старше меня. Он учительствовал некоторое время в Вискяутене. Рассказывая нам о тех временах, он показывал места, где чаще всего можно было увидеть лосей. До курганов мы шли обычной сельской дорожкой. На середине пути разлилось болото, а рассказчик так увлекся, показывая нам местности, посещаемые лосями, что приговаривая «Elch, Elch»[11], не заметив, плюхнулся в трясину. Вот было смеху и забот! После этого он отвел нас к людям, у которых жил в то время, когда преподавал здесь. Хозяева того дома были очень рады нашему приходу и накормили, как и у нас в Литве, яичницей, взбитой с молоком, и хлебом. Поселения викингов тогда мы так и не нашли.

Завершая свой рассказ о важнейших событиях тех дней, должен сказать несколько слов о своих связях с консульством. Во время моего пребывания в Кенигсберге консулом Литвы был Леопольдас Димша. С ним и его семьей мы поддерживали хорошие отношения. Однажды консул, узнав, как хорошо археологи заботятся обо мне, ничего не говоря, организовал прием всем участникам Археологического семинара. Участвовал и барон Б. Рихтхофен. Нас обильно угощали закусками и выпивкой. Участвовали все археологи семинара. Во время приема проф. Рихтхофен сказал красивую речь о Литве и пруссах, завершив ее словами: «Kas buvo, kas nebus, bet Lietuva nepražus!»[12] Я аж крякнул, когда он произнес это на литовском языке. Заметив это, консул сказал мне: «Ты что, не знал, что профессор хорошо говорит по-литовски?» Откуда я мог знать — ко мне он никогда не обращался на литовском. На приеме, в котором участвовали 12 человек, было выпито немало красного и белого вина. Когда мы возвращались на трамвае домой, проф. Рихтхофен не позволил нам купить билеты — он заплатил за всех сам.

Мои отношения с Литовским консульством были хорошими. Консульство располагалось в Луизентале (Luisenthal), лучшем районе Кенигсберга, в большом доме, где находились консульская канцелярия и квартира консула. Консул Л. Димша был высоким красивым мужчиной, получившим образование в Англии, он знал несколько языков и, по моему мнению, надлежащим образом представлял Литву.

В консульстве мы подружились с секретарем Альгисом Альгенисом, которому было уже около 40—45 лет, но он не был женат. Он часто приглашал меня к себе, вместе мы ходили в театры, рестораны, кафе. Несколько раз ездили вдвоем в Раушен или Кранц. А сам консул, отправляясь на автомобиле загород, брал с собой и меня. Он часто ездил в порт Пиллау, оставлял нас в машине, сам шел в порт и наблюдал за военными объектами и перемещением войск. После такой поездки, если он что-либо замечал, немедленно докладывал нашему Министру иностранных дел.

В архиве Министерства образования сохранились два документа и обо мне. Один из них — рекомендация на получение стипендии др. Й. Пузинаса, а другой — сообщение консула Л. Димши о том, что я хорошо представляю Литву.

Некоторое время мне пришлось и пожить в консульстве. Здесь меня застала и война Германии с Польшей. С началом войны с поляками консул постоянно слушал английское радио и со всеми нами делился новостями. Помню одно его замечание о том, что немцы распространили свои военные действия до Северной Африки, что англичане все время отступают, чего я не мог понять. Я спросил консула, почему англичане проигрывают сражения. Консул ответил: «Англичане всегда проигрывают все битвы, но в последней всегда побеждают». На самом деле так и случилось с немецкой армией в Северной Африке.

Еще в 1939 г. консул предложил мне поселиться в консульстве и учить заодно его дочь литовскому языку и истории Литвы, так как она посещала немецкую школу и имела няню-немку. Чтобы я лучше готовился к занятиям, консул подарил мне «Историю Литвы» А. Шапоки, которую я сохранил.

Ответственным секретарем в консульстве работал Отто Пелейкайтис, а секретарем, как я говорил, — А. Альгенис. О. Пелейкайтис проживал неподалеку от консульства, на Каштановой аллее, в очень красивом месте и часто приглашал меня на чашечку кофе. Его жена Мария, очень красивая женщина, прекрасно говорила и по-немецки и по-литовски. Это были очень приятные люди,

[11] Лось, лось. — *прим. пер.*

[12] Что было, чего бы то ни было, а Литва не пропадет! — *прим. пер.*

позже мне пришлось остановиться и у них. В Клайпеде они построили себе красивый дом, который потом отняли русские. Мы посещали драматический театр. Мне очень понравилась надпись над входом в театр — Ewig jung ist nur die Fantasie[13].

Жить в консульстве мне было крайне удобно. Я получил комнату и содержание, и не нужно было ничего платить. Для меня это было весомой поддержкой.

Консул Л. Димша был хорошим дипломатом. Он прекрасно сходился с высокими немецкими чинами, от которых узнал, когда немцы займут Клайпеду. Об этом консул без отлагательств решил сообщить правительству Литвы. Он не решился сделать это посредством дипломатической почты и договорился послать меня сообщить эту страшную новость. Кроме того он не желал подставлять высокое должностное лицо со стороны немцев, должность и фамилию которого он мне назвал. С этой целью он выдал мне удостоверение дипломатического курьера и послал в Каунас. Прибыв с так называемой вербальной нотой, я был принят премьер-министром (ксендз Владас Миронас), бывшим старшим капелланом армии, с которым я был хорошо знаком. Премьер-министр принял меня за закрытыми дверями, и я рассказал, что мне было поручено. В. Миронас поблагодарил меня за сообщение, велел передать наилучшие пожелания консулу Л. Димше и провожая сказал: «Едва-ли мы можем что-либо предпринять. Если начнем вывозить что-то из Клайпеды, немцы поймут, что их кто-то предал, но что можем — мы сделаем». Таким образом, в Кенигсберге мне пришлось побывать и дипломатическим курьером.

Когда во время каникул я вез др. Пузинасу или др. Альминасу заказанные ими вещи, консул также выдавал мне удостоверение дипломатического курьера. Такое удостоверение выдавала и канцелярия Министерства иностранных дел. В последний раз я получил удостоверение дипломатического курьера в 1940 г., когда русские уже переняли пограничный контроль. Повезло, что пропустили.

После оккупации русскими Литвы многое изменилось. Хватало и проблем, и переживаний. Первым, кто мне сообщил о вторжении красной армии в Литву, был руководитель семинара по антропологии проф. Перрет. Во время занятий он выразил глубокое сожаление. После оккупации русскими Литвы было ликвидировано наше консульство в Кенигсберге и представительство в Берлине. Комиссариат по образованию отозвал меня с занятий в Кенигсберге и сообщил, что выплата стипендии мне прекращается.

Здание консульства не было занято. Консульство СССР расположилось в другом месте. Мы были свободны в выборе своих дальнейших планов и действий. Консул Л. Димша с семьей и секретарь А. Алгенис выехали на Запад. В дальнейшем я ничего не знал о судьбе консула и его семьи. Полагаю, что он уехал в Англию. А. Альгенис оказался в Америке, с ним мы коротко переписывались, и когда в начале или середине седьмого десятилетия в США отправилась первая делегация литовских писателей, ученых и художников, моей жене А. Альгенис вручил гостинец — бутылку шотландского виски. Принимая во внимание, что контакты с заграницей запрещались, мы прекратили переписку. Позже от американских литовцев я узнал, что А. Альгениса уже нет в живых.

Из консульских работников в Кенигсберге остался только ответственный секретарь О. Палейкайтис. Консул также дал мне 300 марок, которых мне хватило на скромное проживание. В то время я поселился в пансионате, где за сравнительно небольшую цену получил комнату и сопутствующее содержание. Хозяйке пансионата я отдавал полученные мной продуктовые карточки.

О. Палейкайтиса пригласили работать в консульство СССР представлять интересы Литвы. Кроме немецкого он хорошо владел русским языком. С началом в 1941 г. войны между Германией и СССР О. Палейкайтис был задержан гестапо и посажен за решетку. Там его допрашивали и пытали. Его обвиняли в том, что он пошел работать на русских. Кроме того он обвинялся в том, что уговорил меня вернуться в Литву. Позже по этому поводу немецкое гестапо допрашивало меня, уже по возвращении в Каунас. Жена О. Палейкайтиса не была поймана. Она вернулась в Клайпеду, служила домработницей, а через несколько лет ей дали разрешение на выезд в Германию, где проживала ее сестра. Попрощавшись в Вильнюсе, мы больше не поддерживали отношений. Разумеется, мы боялись русских спецслужб.

[13] Вечно юна лишь фантазия. — *прим. пер.*

Должен заметить, что и во время независимости Литвы за работниками консульства следили. Это стало очевидным, когда жене консула удалось выяснить, что служанка-литовка была ангажирована гестапо. Узнав об этом, консул ее уволил и отправил в Литву. Следили и за мной. Когда я жил у немцев, часто приходил полицейский, как бы попросить дать ему литовских почтовых знаков, будто бы он их коллекционировал.

Когда русские заняли Литву, многие интеллигенты уехали на Запад. Как мы все знаем, в Германию уехал и А. Сметона с семьей. Немцы приняли его с почтением, поселили в лучшей гостинице, но посетителей не пропускали. Видеться с ним позволяли лишь консулу Л. Димше.

Пока консульство еще не было закрыто, в нем останавливались многие беженцы. Здесь довелось увидеть несколько наших дипломатов и жену премьер-министра Й. Тубелиса с дочерью, которые несколько дней пожив в консульстве, уехали из Кенигсберга. Некоторое время удалось пообщаться с бывшим нашим ген. консулом Сидзикауском.

С началом в 1939 г. войны с Польшей и по мере захвата немцами Чехословакии и других стран, все студенты и преподаватели университета были мобилизованы в армию Рейха. На археологическом семинаре остались я и секретарша. Проф. Рихтхофен дал мне ключи от помещений, библиотеки и коллекций и велел за всем присматривать. Занятий и семинаров не было. Проф. Рихтхофен, владеющий практически всеми языками Европы, был приглашен работать в Министерство иностранных дел.

К счастью, еще до начала войны проф. Рихтхофен позаботился о моем дальнейшем обучении. При его поручительстве руководство университета обратилось в Министерство образования Рейха с тем, чтобы мне учли время учебы в Каунасском университете им. Витаутаса Великого и позволили мне в первую очередь защитить диссертацию на получение докторской степени. Министерство образования Рейха дало согласие и приплюсовало все к периоду обучения в Кенигсбергском университете.

Уже в начале войны университет еще успел выдать мне удостоверение о том, что я прослушал все курсы, и предоставил мне степень кандидата филологии и разрешение на защиту докторской диссертации. Удостоверение и студенческая книжка находятся в архиве Вильнюсского университета.

В Познани мой студенческий друг, часто здесь упоминаемый Б. Фон цур Мюлен, занимал должность руководителя отдела по охране памятников. Узнав, что я остался в Кенигсберге один, он пригласил меня в Познань, устроил на работу в возглавляемым им учрежении и во всем помогал мне.

Работа в Познани была нетяжелой. Кроме меня на работу здесь устроились друзья по университету Отто Бонг и Эвальд Эвинг, оба из Латвии. Отто Бонг был большим любителем антиквариата. Еще проживая в Латвии, он собрал немалую коллекцию археологических предметов, которую захватил, выезжая в Германию, и хранил у себя дома.

Уже в советское время я узнал, что О. Бонг в Бонне владел самым большим магазином антиквариата, где можно было достать все, даже штабные карты нужных стран. Э. Эвинг погиб в Сталинграде. Об этом мне сообщила его мать.

Во время пребывания в Познани у меня была возможность ознакомиться со знаменитой библиотекой и археологическими коллекциями, а также археологической литературой Варшавского археологического музея. Среди коллекций наиболее детально удалось ознакомиться с материалами так называемой в Польше культурой Злота (Zlota kultura). Кроме того из библиотеки было разрешено брать книги. До сих пор у меня оттуда сохранилась книга по культуре шаровидных амфор.

Из неприятных воспоминаний во время работы в Познани осталось обращение немцев с поляками. Продуктовый набор, распределяемый по карточкам, был уменьшен. Они совсем не получали молока и некоторых других продуктов. В общественных местах у входа висели вывески «Für Hunde und Polen Eintrit verboten»[14]. Кроме того поляки вынуждены были носить на одежде букву «P» на желтом фоне — это означало «поляк», так же, как и во время немецкой оккупации в Каунасе евреи вынуждены были носить литеру «J» (Jude). До того как евреев вывезли в концентрационные лагеря, им запрещали ходить по тротуарам, они должны были идти по обочине улицы.

[14] Для собак и поляков вход воспрещен. — *прим. пер.*

Получив разрешение из консульства СССР в Кенигсберге в ноябре 1941 г., я вернулся в Литву, где дальше учился в Вильнюсском университете и работал в Музее культуры им. Витаутаса Великого в Каунасе руководителем отдела Праистории. А с конца осени 1944 г. — и в Вильнюсском государственном университете.

Последний раз я был в Кенигсберге около 1956—1957 гг. Я не мог и представить себе, что бомбардировками так можно было разрушить город. Невозможно было узнать знаменитые постройки, исчезли музеи и их коллекции. Особенно запомнились наполненные водой бункеры, окружавшие город.

Перевод с литовского языка и примечания — Роман Широухов

GERMANIA-SARMATIA II

P. Kulikauskas

An der Universität Königsberg (1938–1940). Erinnerungen

In dem vorliegenden Beitrag beschreibt Pranas Kulikauskas seiner Studienzeit an der Universität zu Königsberg (1938 – 1940). Auf spannende Art berichtet der Autor von der Universität, Studienablauf, seinen Freunden und Kollegen – Studenten und Lehrer der Universität, zu denen auch viele berühmte ostpreussische Archäologen wie B. von Richthofen, L. Kilian, C. Engel, W. La Baume, B. von zur Mühlen und andere gehörten.

Sehr ausführlich beschreibt der Autor die Vorlesungen, Seminare und Konferenzen, die sowohl in Königsberg als auch ausserhalb der Stadt stattfanden. Besonders schön wird vom Autor die Atmosphäre in Königsberg und in den anderen Gebieten des Ost- und Westpreussens am Vorabend des Zweiten Weltkrieges vermittelt.

GERMANIA-SARMATIA II

Список сокращений

АВУ	Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДУ	Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЛЛУ	Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АО	Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	Археологічни пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ.
АСГЭ	Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВХНУ	Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Харьків.
ГИМ	Государственный исторический музей, г. Москва.
ИА РАН	Институт Археологии Российской Академии наук
КГКМ	Курчатовский городской краеведческий музей
КГОМА	Курский государственный областной музей археологии
КГУ	Курский государственный университет
КОИХМ	Калининградский областной историко-художественный музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград.
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	Материалы по Археологии России. Санкт-Петербург.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МДАПВ	Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАДЛ	Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України. Київ.
ПАВ	Петербургский Археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАЗ	Полтавський археологічний збірник. Полтава.
РА	Российская археология. Москва.
РСМ	Раннеславянский мир. Москва.
СА	Советская археология. Москва.
САИ	Свод археологических источников. Москва.
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
СОИКМ	Самарский областной историко-краеведческий музей
APA	Acta Praehistorica et Archeologica. Berlin.
BAR	British Archeological Reports. Oxford.
BRGK	Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main.
CRFB	Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum
JRGZM	Jahrbuch des Romische-germaniche zentral museum. Mainz.
MSW	Materiały Starożytne I Wczesnośredniowieczne. Warszawa.
PZP	Prahistoria ziem polskich
RIC	Roman Imperial Coins
RSC	Roman Silver Coins
WA	Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.

GERMANIA-SARMATIA II

Germania—Sarmatia. Выпуск II

научное издание

Утверждено к печати:
Методическим советом Калининградского областного историко-художественного музея 30. 11. 2010 г.
Ученым советом Курского государственного областного музея археологии 21. 12. 2010 г.

Klaipėdos universiteto leidykla

Формат А4. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.. Тираж 500 экз.

Klaipėdos universiteto leidykla, Herkaus Manto g. 84, 92294 Klaipėda
tel. (8~46) 398 891, email: leidykla@ku.lt

Отпечатано в типографии „Petro Ofsetas“
Žalgirio g. 90, Vilnius

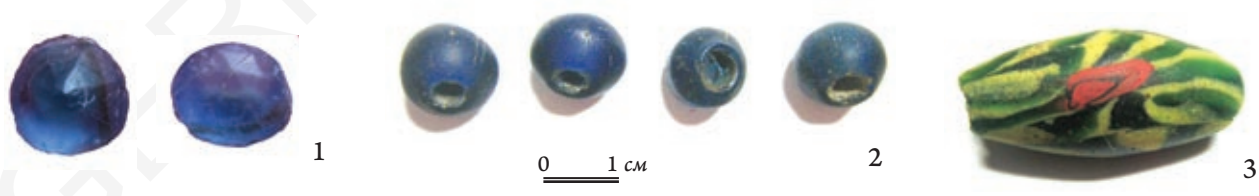
GERMANIA-SARMATIA II

***a*. Индивидуальные находки с поселений Дмитровка (1—5, 7) и Барбара I (6):**
1 — свинец; 2, 3 — серебро; 4, 5 — железо; 6, 7 — керамика

***a*. Kleinfunde von Siedlung Dmitrowka III (1–5, 7) und Barbara I (6):** 1 – Plumbum; 2, 3 – Silber; 4, 5 – Eisen; 6, 7 – Ton

Иллюстрации к ст. Д. В. Акимов а
«Автохтонное население донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов»

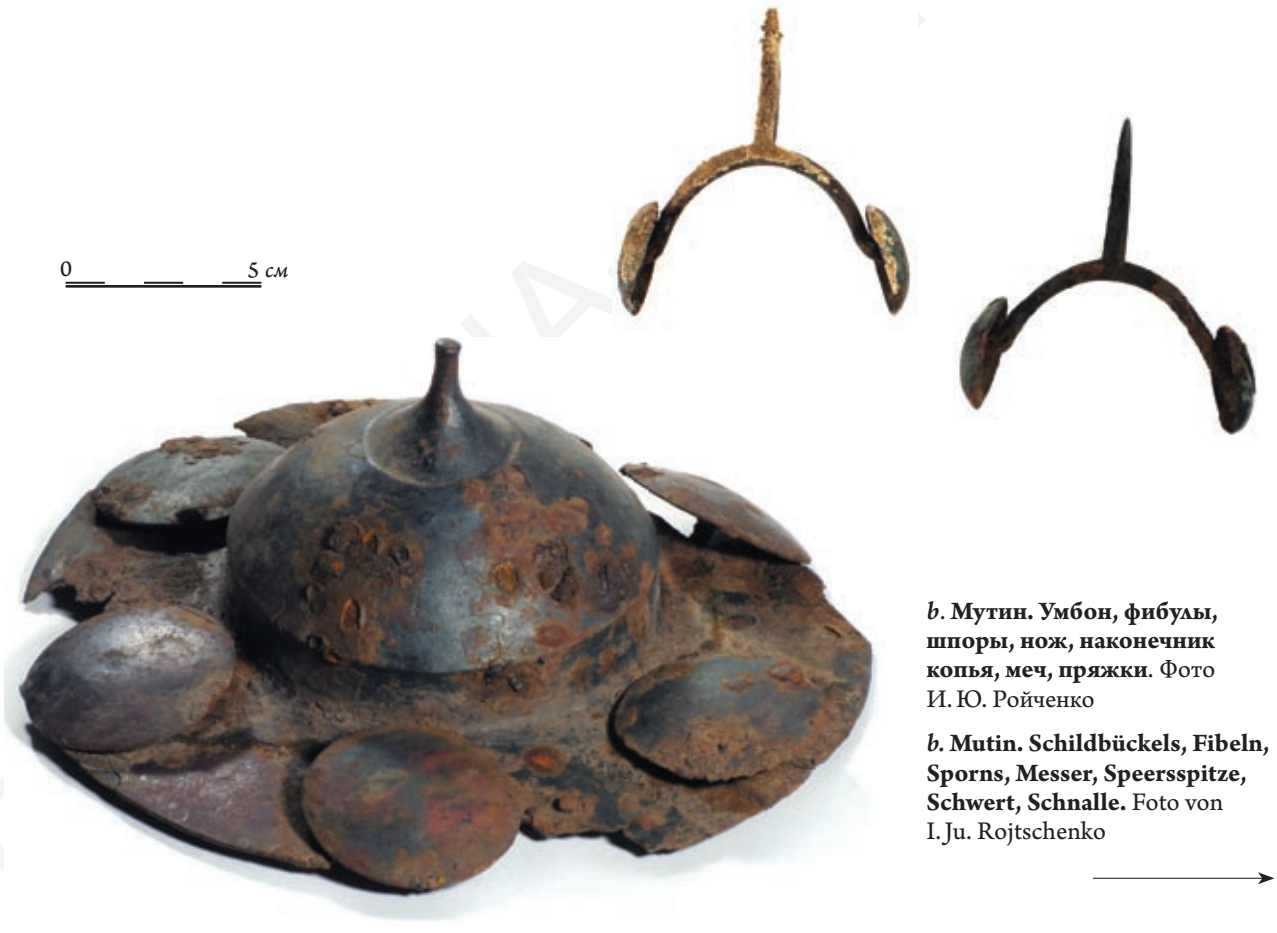
***b*. Индивидуальные находки с городища Крутогорье:** 1, 2 — стекло; 3 — полихромное стекло

***b*. Kleinfunde von befestigte Siedlung Krutogorje:** 1, 2 – Glas; 3 – polychromische Glas

***a*. Мутин. Чернолощеный вазообразный сосуд**. Фото И. Ю. Ройченко

***a*. Mutin. Das schwarze, eingeglättete terrineformige Behälter.** Foto von I. Ju. Rojtschenko

***b*. Мутин. Умбон, фибулы, шпоры, нож, наконечник копья, меч, пряжки**. Фото И. Ю. Ройченко

***b*. Mutin. Schildbückels, Fibeln, Sporns, Messer, Speersspitze, Schwert, Schnalle.** Foto von I. Ju. Rojtschenko

0 5 см

0 5 см

IV

a. **Подвеска-медальон из ауреуса Отацилии Северы (244—249), погр. 265**

a. **Aureus des Otacilia Severa (244–249) aus Gr. 265**

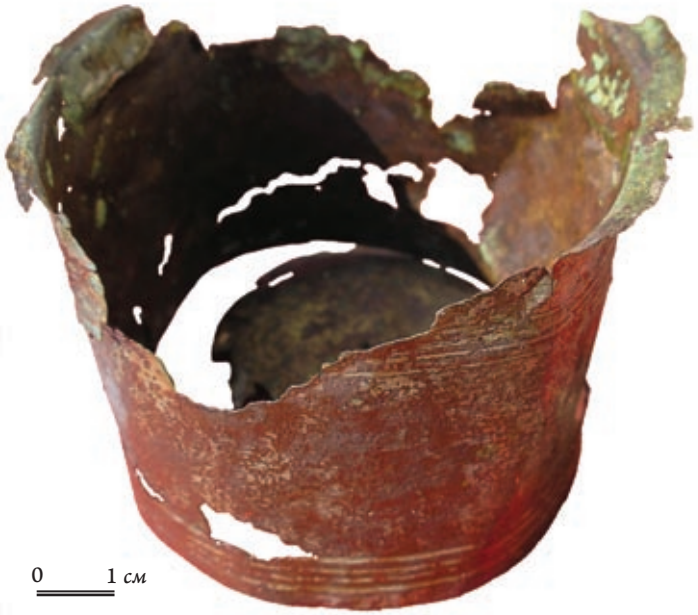
b. **Монета-подвеска из денария Адриана (117—133), культ. слой (раскопки 1978 г.)**

b. **Denarius des Hadrian (117–133) aus Kulturschicht (Ausgrabungen 1978)**

c. **Бронзовый кувшин, погр. 41**

c. **Bronzekanne aus Gr. 41**

d. **Бронзовая цилиндрическая емкость, погр. 87**

d. **Bronzezylindergefäß aus Gr. 87**

e. **Бронзовая пряжка, погр. 211**

e. **Bronzeschnalle aus Gr. 211**

f. **Бронзовая поясная бляха с эмалью, погр. 38**

f. **Emallierte Gürtelschnalle aus Gr. 38**

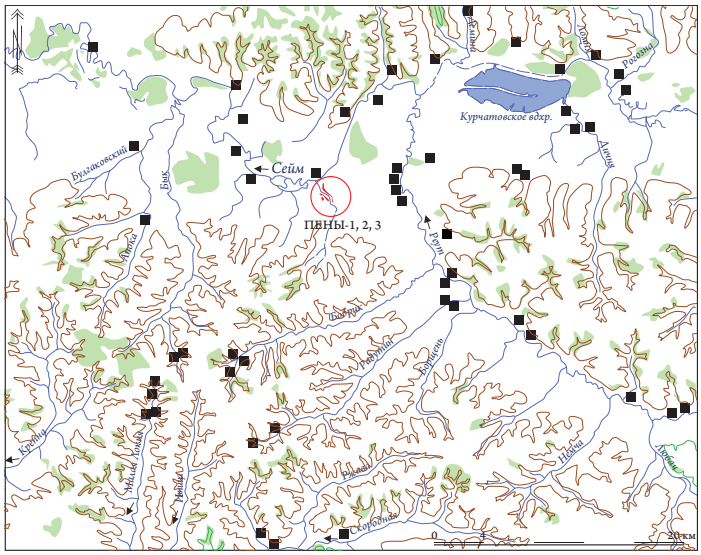
g. **Бронзовый браслет с листовидными подвесками, погр. 147**

g. **Bronzearmband mit den blattförmigen Anhängern aus Gr. 147**

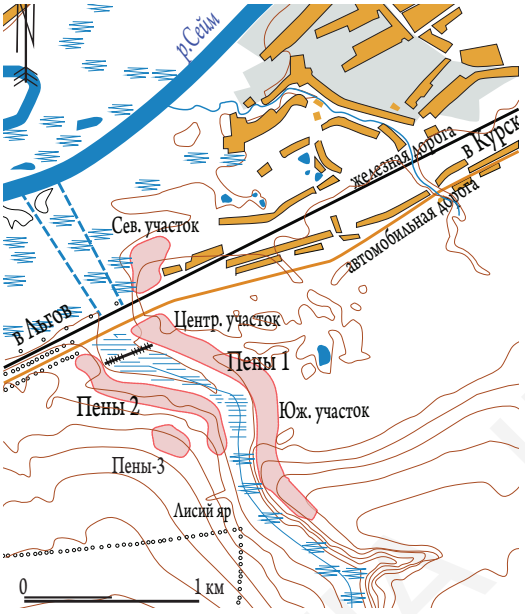
h. **Бронзовая цепь с нанизанными стеклянными бусинами, погр. 88**

h. **Metallkettchen mit Glasperlen aus Gr. 88**

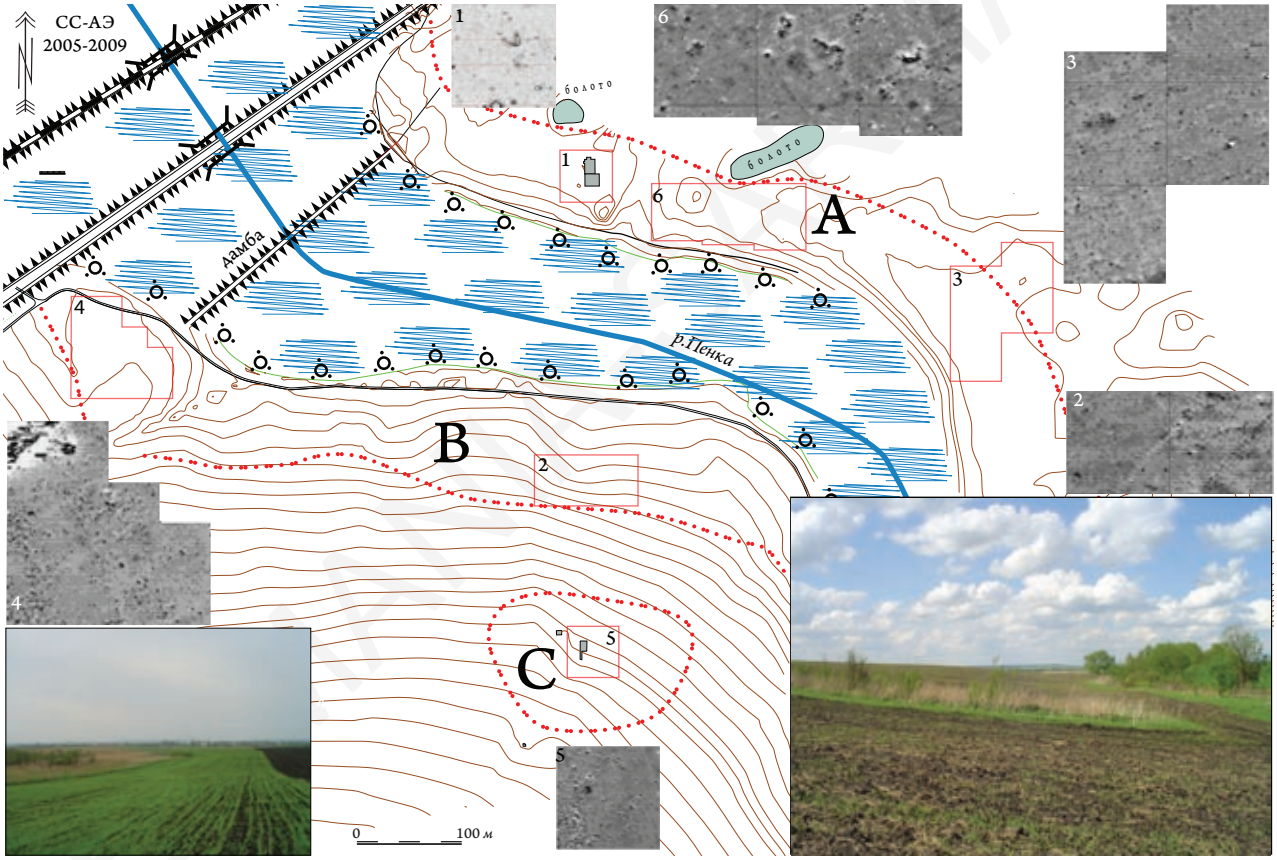
***a.* Археологические памятники позднеримского времени в ближайшей округе поселения Пены**

***a.* Archäologische Denkmäler der spätrömischen Kaiserzeit in der nächsten Umgebung der Siedlung Peny**

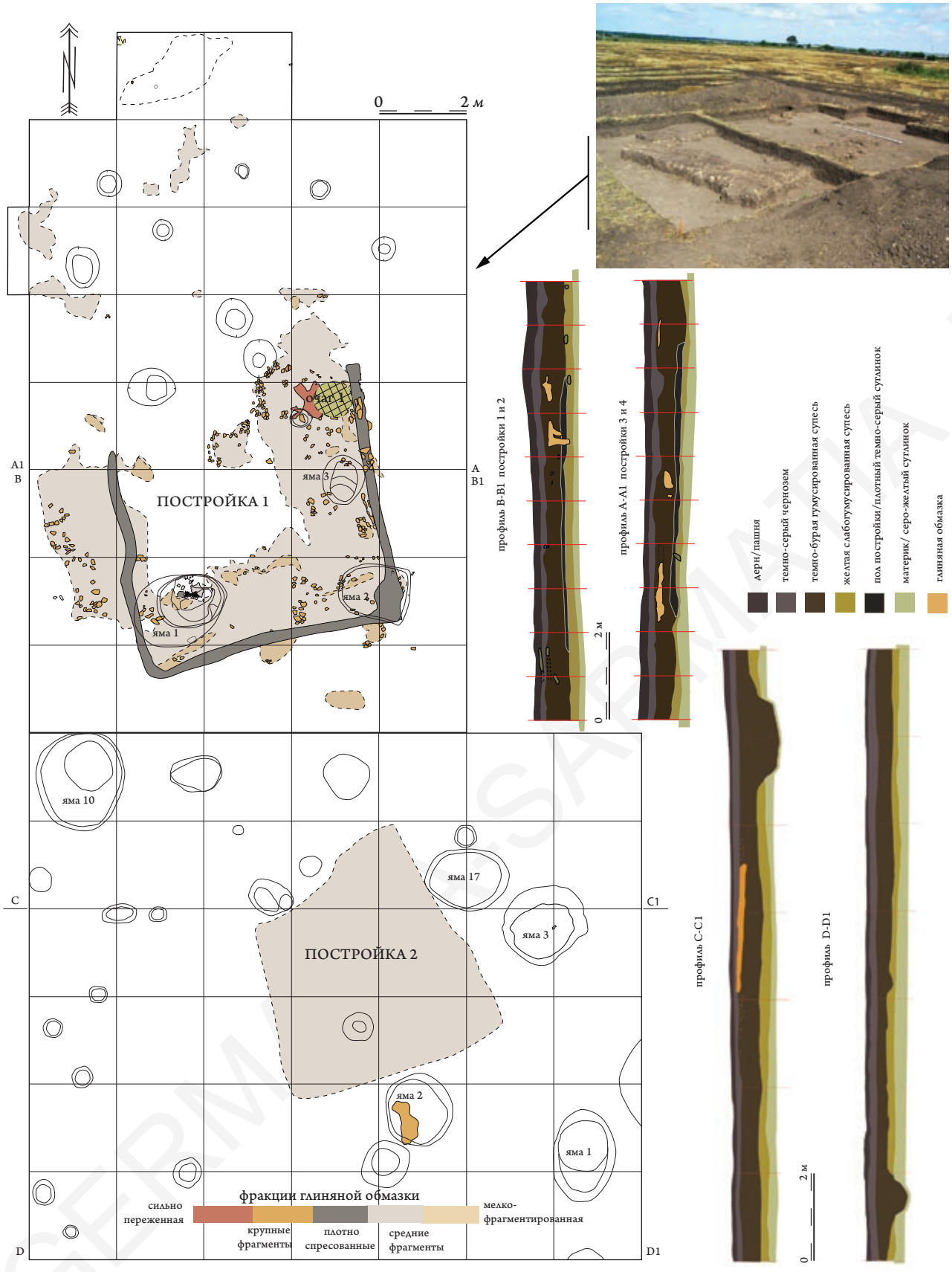
***b.* Расположение участков поселения Пены**

***b.* Lage der Siedlungsbereiche**

***c.* Центральная часть поселения** (горизонтали проведены через 1 м): A — поселение Пены 1; B — поселение Пены 2; C — могильник Пены 3. 1—6 — участки геофизических исследований

***c.* Zentralbereich der Siedlung Peny** (Abstand zwischen den Höhenlinien – 1 m): A – Siedlung Peny 1; B – Siedlung Peny 2; C – Gräberfeld Peny-3. 1–6 – Übersicht über die vermessenen Geomagnetikflächen

Расположение объектов, стратиграфические профили

Lage der Objekte, Bodenprofile

Пены 1. Индивидуальные находки:
1, 3—10, 15 — подъемный материал;
2, 11—13, 17 — культурный слой (2008 г.);
14 — постройка 1 (2007 г.); 16, 19 — культурный слой (2007 г.); 18 — шурф 1. 1—10 серебро; 11—14 стекло; 15 — камень; 16, 17, 19 — бронза; 18 — железо

Peny 1. Kleinfunde: 1, 3–10, 15 – Streufunde;
2, 11–13, 17 – Kulturschicht (Grabungssaison 2008);
14 – Gebäude 1 (Grabungssaison 2007);
16, 19 – Kulturschicht (Grabungssaison 2007);
18 – Schnitt 1. 1–10 – Silber; 11–14 – Glas;
15 – Stein; 16, 17, 19 – Bronze; 18 – Eisen

Индивидуальные находки поселения Пены: 1, 17 — постройка 1 (2007 г.); 2 — яма 10 (2008 г.); 3, 5 — культурный слой (2008 г.); 4, 10, 13, 14, 16 — подъемный материал Пены 2; 6—9, 11, 12 — подъемный материал Пены 1. 1—4, 6—16 — бронза; 5, 17 — железо

Die Kleinfunde Peny. 1, 17 – Gebäude 1 (Grabungssaison 2007); 2 – Grube 10 (Grabungssaison 2008); 3, 5 – die Schicht (Grabungssaison 2008); 4, 10, 13, 14, 16 – Streufunde aus Peny 2; 6–9, 11, 12 – Streufunde aus Peny 1. 1–4, 6–16 – Bronze; 5, 17 – Eisen

Керамика: 1—12, 14, 15 — культурный слой (2008 г.); 16—21 — культурный слой (2007 г.); 22—30 — подъемный материал. 22, 29, 30 — Пены 2; 23—28 — Пены 1

Keramik: 1–2, 14, 15 – Kulturschicht (Grabungssaison 2008); 16–21 – Kulturschicht (Grabungssaison 2007); 22–30 – Streufunde. 22, 29, 30 – Peny 2; 23–28 – Peny 1

***a*. Каменная кладка погребения Gr. Ott. 114. Вид с запада.** Фото К. Н. Скворцова

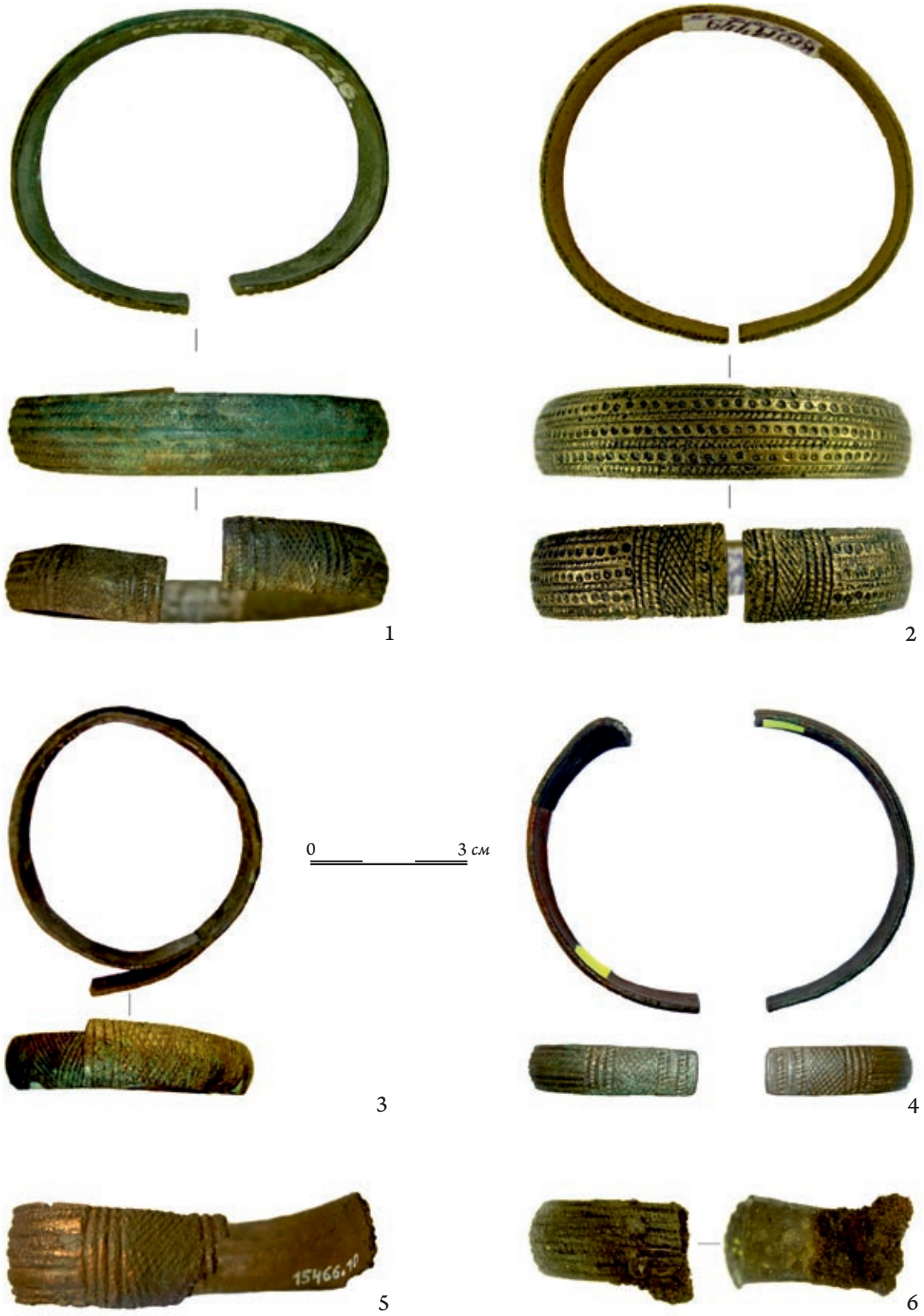
***a*. Steinpflasterung des Grabes Gr. Ott. 114. Blick vom Westen.** Foto: K. N. Skvorzov

***b*. Парное конское захоронение Gr. Ott. 114A.** Фото Т. Ибсена

***b*. Doppelpferdebestattung Gr. Ott. 114A.** Foto: T. Ibsen

XII

1 — Большое Исаково, погр. 88, № 46; 2 — Большое Исаково, погр. 196, № 6; 3 — Большое Исаково, погр. 92, № 19; 4 — Шоссейный, № 1; 5 — Гурьевск, погр. 13с, № 5; 6 — Большое Исаково, погр. 51, № 4, 1. Фото О. Хомяковой

1 – Bolshoje Isakovo, Grab. 88, Nr. 46; 2 – Bolshoje Isakovo, Grab. 196, Nr. 6; 3 – Bolshoje Isakovo, Grab. 92, Nr. 19; 4 – Shossejnyj, Nr. 1; 5 – Gurjevsk, Grab. 13c, Nr. 5; 6 – Bolshoje Isakovo, Grab. 51, Nr. 4, 1. Foto O. Homiakova

1—4 — Интерциза, последняя треть IV — первая четверть V в. н. э. Будапешт, Венгерский национальный музей; 5 — Аугст, третья четверть III в. н. э. Аугст, Римский музей; 6 — Эль-Хадита, IV—VI вв. н. э. Карак, Музей замка; 7 — Вормс, IV в. н. э. Музей Вормса; 8 — Пуатье, третья четверть III в. н. э.; 9 — Трир, IV в. н. э. Трир, Музей Рейнской земли; 10 — долина р. Маас у Кессела, начало V в. н. э. Маастрихт, Музей искусства и древностей; 11 — Сирия, IV—V вв. н. э. Бывшая коллекция А. Гуттмана; 12 — Неймеген, IV в. н. э. Лейден, Национальный музей древностей

1–4 – Intertsica, Letzte Drittel 4 Jh. Bis 1 Viertel 5. Jh. n. Chr. Budapest, Ungarische Nationalmuseum; 5 – Augst, Letzte Viertel 3. Jh. n. Chr Augst, Römermuseum; 6 – El-Haditha, 4 Jh. Bis 5. Jh. n. Chr. Karak Museum; 7 – Worms, 4 Jh. n. Chr. Worms Museum; 8 – Poitiers, Letzte Viertel 3. Jh. n. Chr.; 9 - Trier, 4 Jh. N. Chr. Trier, Rheinische Landesmuseum; 10 – Maas Tal von Kessel, 5 Jh. n. Chr. Bonnefanten Museum. Maastricht; 11 – Syrien, 4 Jh. Bis 5. Jh. n. Chr. Die ehemalige Sammlung von A. Guttmann; 12 – Nijmegen, 4 Jh. n. Chr. Rijksmuseum van Oudheiden, Leiden

1, 2 — Аугсбург-Пферзее, IV в. н. э. Нюрнберг, Германский национальный музей; 3 — Сан-Джорджо-ди-Ногара, IV в. н. э. Аквилея, Археологический музей; 4 — Дерне, начало IV в. н. э. Лейден, Национальный музей древностей; 5, 6 — Беркасово, начало IV в. н. э. Нови Сад, Музей Воеводины; 7 — Ярак у Сремска-Митровица, IV в. н. э. Нови Сад, Музей Воеводины

1, 2 – Augsburg-Pferzee, 4 Jh. n. Chr. Nürnberg, Deutsches National Museum; 3 – San Giorgio di Nogara, 4 Jh. n. Chr. Aquileia, Archäologische Museume; 4 – Deurne, 4 Jh. n. Chr., Rijksmuseum van Oudheiden, Leiden; 5, 6 – Berkasovo, 4 Jh. n. Chr. Novi Sad, Vojvodina Museum; 7 – Jarak, 4 Jh. n. Chr. Novi Sad, Vojvodina Museum

1 — Альшохетень (реконструкция), IV—V в. н. э. Будапешт, Венгерский национальный музей; 2 — Кобленц (реконструкция), середина IV в. н. э. Майнц, Центральный римско-германский музей; 3 — Кончешти, V в. н. э. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж; 4 — Будапешт, IV в. н. э. Будапешт, Венгерский национальный музей; 5 — Кривина/Ятрус, последняя треть IV — первая четверть V в. н. э. Русе, Исторический музей; 6 — неизвестного происхождения, IV—V вв. н. э. Частная американская коллекция; 7 — Интерциза, конец IV — начало V в. н. э. Будапешт, Венгерский национальный музей

1 – Alsóhetény; Alshoheten (Wiederaufbau), 4–5 Jh. n. Chr. Budapest, Ungarisches Nationalmuseum; 2 – Koblenz, die Mitte des 4 Jh. n. Chr. Mainz, RGZM; 3 – Concesti, 5 Jh. n. Chr. St. Petersburg, Staatliche Hermitage; 4 – Budapest, 4 Jh. n. Chr. Budapest, Ungarisches Nationalmuseum; 5 – Krivina/Iatrus. Letzte Drittel 4 Jh. Bis 1 Viertel 5. Jh. n. Chr. Ruse, Historische Museum; 6 – unbekannter Herkunft, 4–5 Jh. n. Chr. Amerikanische Privatbesitz; 7 – Intertcisa, Letzte Drittel 4 Jh. Bis 1 Viertel 5. Jh. n. Chr. Budapest, Ungarische Nationalmuseum

GERMANIA-SARMATIA II